Научно-теоретический журнал

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 3 (111) июль – сентябрь 2026 г.

Scientific-theoretical journal

Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia

No 3 (111) July - September 2026

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 3 (111) июль – сентябрь 2026 г.

Рецензируемый научно-теоретический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – сетевое издание, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издается с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал.

Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны. Способ распространения: в электронном виде.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-84786 от 3 марта 2023 г.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Решением ВАК при Минобрнауки России от 29 марта 2022 г. журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.

5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.

5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Отнесен к высшей категории научной значимости изданий – К1.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Р. Е. Артамонов.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

Тел.: 8 (812) 730-26-96.

E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Дата выхода в свет: 30.09.2026

© Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2026

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia

№ 3 (111) July - September 2026

Founded in 1999, "Vestnik of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation" is a quarterly, network, peer-reviewed, open access scholarly journal published by Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

On March 29, 2022, the Higher Attestation Commission (VAK) under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation gave its approval to include the journal into the databases of VAK. The journal belongs to K1 category and covers the following areas:

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences.
5.1.2. Public Law (State Law) Sciences.
5.1.3. Civil Law Sciences.
5.1.4. Criminal Law Sciences.
5.3.3. Labour Psychology, Engineering Psychology and Cognitive Ergonomics.
5.3.9. Forensic Psychology and Psychology of Safety.
5.8.1. Pedagogy, History of Pedagogy and Education.
5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education.

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index and included in the databases of Ulrich's Periodicals Directory.

The journal is distributed on-line throughout Russia and foreign countries.

The languages of the journal are Russian and English.

The author is responsible for the content of the work and the accuracy of the facts. The opinion of the author may not coincide with the position of the editorial staff and members of the editorial board. Reprinting of the journal publications in other periodicals is possible with the reference to the journal.

The journal is re-registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications: El No. FS77-84786 on March 3, 2023.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Editors: G. N. Golyadkin, R. E. Artamonov.
Publisher address: 1 Lyotchika Pilyutova St., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
Phone: +7 (812) 730-26-96
E-mail: vestnik@univermvd.ru

Date of publishing: 30.09.2026.

© Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia, 2026

Главный редактор – ***Каверина Л. В.,*** кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Амельчаков И. Ф. – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бучакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
Вахнина В. В., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гордеев С. Н., доктор юридических наук, доцент (Республика Узбекистан, Ташкент)
Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Editor in Chief – ***Kaverina L.V.,*** Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent
(Russia, Saint Petersburg)
Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)
Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)
Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)
Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)
Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)
Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Gordeev S. N., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Republic of Uzbekistan, Tashkent)
Grivennaya E.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)
Dozorceva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)
Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)
Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)
Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)
Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)
Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)
Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)
Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Sleptsov I.V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)
Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)
Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)
Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Андреева И. А. Эволюция источников и принципов уголовного права Франции в период Великой французской революции (1789–1799 годы) 10
Астафичев П. А. Кондиции Анны Иоанновны в государственно-правовой истории России: опыт междисциплинарного исследования (историко-правовой и конституционно-правовой аспекты) 21
Бавсун М. В., Зайцева Е. С., Огорелков Д. А. Юридические технологии: проблемы теории и практики 31
Елаев А. А. Проблемы награждения сотрудников органов внутренних дел государственными наградами СССР: историко-правовой анализ (1922–1991 годы) 46
Зверев В. О., Москаленко Г. Е. Нормативное регулирование в сфере противодействия угрозам государственной безопасности Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков 57
Минникес И. В. Свидетельские показания в русском праве XI–XVII веков в контексте эволюции коэффициента заинтересованности законодателя 70

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Амельчаков И. Ф. Публично-правовой характер деятельности полиции как основа формирования системы подготовки кадров в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации 80
Каландаришвили З. Н. Рецепция зарубежного права как средство трансформации конституционной культуры России 89
Кожевников О. А. Государственная власть и местное самоуправление: динамика правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации 101
Нестеров Е. А. Понятийный аппарат контрольно-надзорной деятельности на транспорте: системный анализ и пути совершенствования 111
Прокопчик Ю. А. Эволюция конституционных гарантий прав и свобод трудящихся в России: историко-правовой анализ 119

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Долотина Р. Р. Разграничение полномочий прокуратуры и федеральной инспекции труда в сфере защиты трудовых прав 131
Миннигулова Д. Б., Трысячный В. И. Исламские финансы в правовом поле России и стран Содружества Независимых Государств 143

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Алонцева Е. Ю. Назначение уголовного судопроизводства в познавательно-удостоверительной деятельности следователя и дознавателя 160
Антонченко В. В. Холодное оружие: лабиринт государственных стандартов и правовая неопределенность 169
Боричев К. В. Об уголовно-правовой оценке покушения на совершение террористического акта 185
Вениаминов А. Г. Некоторые вопросы последующего этапа расследования преступлений в сфере государственных закупок 194
Латышева Е. В. Методика применения технологий искусственного интеллекта в криминологическом анализе (на примере насильственной преступности в семейно-бытовой сфере) 203

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Пикин И. В. Трудовой правовой статус осужденных к наказаниям, связанным с изоляцией от общества 214
Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика в контексте рассуждений о случайности и событийности 222
Синцов В. А. Совершение преступления «нелегальным мигрантом» как обстоятельство, отягчающее наказание: рассмотрение правовых рисков через призму межотраслевых связей 234
Яковлева М. А. Исторические предпосылки концепции пробации 245

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Рукавишников А. В. Философский анализ исследовательской проблемы межпоколенного педагогического взаимодействия 255

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Верхотурцев Ю. Д. Интерактивные лекции как средство активизации познавательной активности курсантов 265
Ярмак К. В. Влияние цифрового сопровождения на совершенствование адаптационной работы с первокурсниками в образовательных организациях высшего образования системы Министерства внутренних дел Российской Федерации 275

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

Панферов В. Н., Микляева А. В., Безгодова С. А. Семиотика общения 284

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Андреева Ю. В., Нижельская И. А. Сохранение личной цифровой свободы в информационном поле как стратегия самозащит от киберпреступлений 294
Гайворонская А. А., Баринова М. Г. Социально-психологический анализ представлений иностранных граждан (мужчин) о гражданах Российской Федерации 302
Тоан Н. Х. Многокультурные аспекты юридической психологии и психологии безопасности 313

КОНФЕРЕНЦИИ

Каплунов А. И., Ухов В. Ю. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права» (Сорокинские чтения, 20 марта 2026 года, Санкт-Петербург) 321

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Andreeva I. A. The evolution of the sources and principles of French criminal law during the French Revolution (1789–1799) 10
Astafichev P. A. Anna Ioannovna's conditions in the history of Russian state and legal institutions: experience of interdisciplinary research (historical-legal and constitutional-legal aspects) 21
Bavsun M. V., Zaytseva E. S., Ogorelkov D. A. Legal technologies: theory and practice 31
Elaev A. A. The problems of awarding state awards of the USSR to employees of internal affairs bodies: a historical and legal analysis (1922–1991) 46
Zverev V. O., Moskalenko G. E. Regulatory framework for countering threats to the state security of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries 57
Minnikes I. V. Witness testimony in Russian law of the XI–XVII centuries in the context of the evolution of the legislator's interest coefficient 70

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Amelchakov I. F. The public-law nature of policing as a system-forming factor in personnel training within educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia 80
Kalandarishvili Z. N. The reception of foreign law as a means of transforming Russia's constitutional culture 89
Kozhevnikov O. A. State power and local self-government: the dynamics of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation 101
Nesterov E. A. Conceptual framework of transport control and supervision: systemic analysis and improvement pathways 111
Prokopchik Ju. A. The evolution of constitutional guarantees of workers' rights and freedoms in Russia: a historical and legal analysis 119

CIVIL LAW SCIENCES

Dolotina R. R. Separation of powers of procurator's office and the federal labour inspectorate in the sphere of labour rights protection 131
Minnigulova D. B., Trysyachny V. I. Islamic finance within the legal framework of Russia and the Commonwealth of Independent States 143

CRIMINAL LAW SCIENCES

Alontseva E. Yu. The role of criminal proceedings in cognitive and evidentiary activities of investigators and inquiry officers 160
Antonchenko V. V. Cold steel weapons: a maze of state standards and legal uncertainty 169
Borichev K. V. On the criminal law assessment of an attempt to commit a terrorist act 185
Veniaminov A. G. Some issues in the subsequent phase of crime investigation in public procurements 194
Latysheva E. V. Methods for applying artificial intelligence technologies in criminological analysis (using the example of violent crime in the domestic sphere) 203
Pikin I. V. Legal labour status of convicts sentenced to punishments involving isolation from society 214
Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Criminal policy through the lens of contingency and eventfulness 222
Sintsov V. A. The commission of a crime by an "illegal migrant" as an aggravating circumstance: an examination of the legal risks through the prism of inter-sectoral links 234
Yakovleva M. A. The historical background to the concept of probation 245

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Rukavishnikov A. V. A philosophical analysis of the research problem of intergenerational pedagogical interaction 255

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Verkhoturtsev Yu. D. Interactive lectures as a means of activating cadet cognitive activity 265
Yarmak K. V. The impact of digital support on improving orientation programmes for first-year students in higher education institutions within the Russian Ministry of Internal Affairs system 275

LABOUR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY AND COGNITIVE ERGONOMICS

Panferov V. N., Miklyaeva A. V., Bezgodova S. F. Semiotics of communication 284

FORENSIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Andreeva Ju. V., Nizhelskaya I. A. Preserving personal digital freedom in the information sphere as a strategy for self-defence against cybercrime 294
Gayvoronskaya A. A., Barinova M. G. Foreign males' perceptions of Russian citizens: a socio-psychological analysis 302
Toan N. H. Multicultural aspects of legal and security psychology 313

CONFERENCES

Kaplunov A. I., Ukhov V. Yu. International academic and practical conference "Current issues in administrative and administrative procedural law" (Sorokin readings, march 20, 2026, Saint Petersburg) 321

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340.15

Эволюция источников и принципов уголовного права Франции в период Великой французской революции (1789–1799 годы)

Ирина Анатольевна Андреева, доктор юридических наук, доцент

Академия управления МВД России
Москва (125171, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8), Российская Федерация
irinandreeva3812@rambler.ru
http://orcid.org/0000-0002-7735-0362

Аннотация:
Введение. *История уголовного права является приоритетной областью историко-правового знания, которая нуждается в дальнейшем развитии, поскольку именно в уголовном законодательстве наиболее рельефно отражаются глубинные социально-политические процессы и ценностные ориентиры государства. Кроме того, обращение к опыту Франции 1789–1799 гг., когда закладывались основы современного континентального уголовного права, позволяет выявить закономерности, сохраняющие значение для современной уголовной политики. Цель исследования: выявить эволюцию источников уголовного права Франции в революционный период в широком политическом и интеллектуальном контексте.* **Методы.** *Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов. Историко-правовой (генетический) метод обеспечил реконструкцию эволюции источников и принципов уголовного права, формально-юридический метод использован при анализе текстов правовых актов. Междисциплинарный подход позволил интерпретировать уголовное право как инструмент конституирования политического порядка.* **Результаты.** *Анализ документов эпохи позволил выявить и раскрыть переосмысление идеи наказания, переработку правового наследия Старого порядка и его адаптацию к естественно-правовым требованиям свободы личности. Это позволяет утверждать, что период Великой французской революции занимает важнейшее место в развитии уголовного права в его современном понимании. Французская революционная кодификация стала одним из первых воплощений идеала кодификации Нового времени, основанного на стремлении к единству, ясности, полноте и рациональности права, что позволяет рассматривать ее как отправную точку для последующих европейских кодификаций. Политическое признание принципов законности, презумпции невиновности,*

Ключевые слова:
Франция, уголовное право, Старый порядок, Великая французская революция, кодификация, Декларация прав человека и гражданина 1789 года, Уголовный кодекс Франции 1791 года

Для цитирования:
Андреева И. А. Эволюция источников и принципов уголовного права Франции в период Великой французской революции (1789–1799 годы) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 10–20.

© Андреева И. А., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

равенства и соразмерности наказания и преступления были главными достижениями революции. Вместе с тем уголовное право революционного периода неразрывно связано с политическим контекстом, что обусловило противоречивое и нелинейное развитие законодательства, а его гуманизация носила функциональный (утилитарный) характер.

Статья поступила в редакцию 26.03.2026; одобрена после рецензирования 24.08.2026; принята к публикации 25.09.2026.

Original article

The evolution of the sources and principles of French criminal law during the French Revolution (1789–1799)

Irina A. Andreeva, Doc. Sci (Jurid.), Docent

Academy of Management of the MIA of Russia
8, Zoya and Alexander Kosmodemyansky str., Moscow, 125171, Russian Federation
irinandreeva3812@rambler.ru
http://orcid.org/0000-0002-7735-0362

Abstract:
Introduction. *The history of criminal law is a priority area of legal history requiring further development, as criminal legislation most clearly reflects the profound socio-political processes and value orientations of the state. Furthermore, examining the experience of France between 1789 and 1799, when the foundations of modern continental criminal law were laid, makes it possible to identify patterns that remain relevant to contemporary criminal policy. The study aims to trace the evolution of the sources of French criminal law during the revolutionary period within a broad political and intellectual context.* **Methods.** *The methodological framework of the research comprises a range of general scientific and specific legal methods. The historical-legal (genetic) method facilitated the reconstruction of the evolution of the sources and principles of criminal law, whilst the formal-legal method was employed in the analysis of legal texts. An interdisciplinary approach enabled the interpretation of criminal law as an instrument for the constitution of the political order.* **Results.** *An analysis of historical documents has revealed and clarified the re-conceptualisation of the idea of punishment, the reworking of the legal heritage of the Ancien Régime, and its adaptation to the natural-law requirements of individual liberty. These findings support the assertion that the period of the French Revolution occupies a crucial place in the development of criminal law as it is defined today. The French Revolutionary Codification became one of the first realisations of the ideal of Modern Codification, based on the pursuit of unity, clarity, comprehensiveness and rationality of law, thereby serving as a starting point for subsequent European codifications. The political recognition of the principles of the rule of law, the presumption of innocence, equality and the proportionality of punishment to crime constituted the main achievements of the Revolution. At the same time, the criminal law of the revolutionary period was inextricably linked to the political context, resulting in a contradictory and non-linear development of legislation, whilst its humanisation was of a functional (utilitarian) nature.*

Keywords:
France, criminal law, the Ancien Régime, French Revolution, codification, Declaration of the Rights of Man and of the Citizen (1789), French Penal Code of 1791

For citation:
Andreeva I. A. The evolution of the sources and principles of French criminal law during the French Revolution (1789–1799) // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 10–20.

The article was submitted March 26, 2026; approved after reviewing August 24, 2026; accepted for publication September 25, 2026.

Введение

Изучение истории уголовного права традиционно рассматривалось как прерогатива отраслевой науки, обращавшейся к прошлому преимущественно для иллюстрации догматических конструкций, а также для определения векторов развития современных уголовно-правовых институтов. Однако уже в российской дореволюционной юридической историографии было осознано, что история уголовного права представляет собой самостоятельную и приоритетную область историко-правового знания, поскольку именно в уголовном праве с наибольшей рельефностью отражаются глубинные социально-политические процессы, ценностные ориентиры государства и поиск баланса между публичным и частным интересом. В отличие от других отраслей права, уголовное право непосредственно соприкасается с предельным проявлением государственной власти – правом на наказание, на ограничение свободы и жизни человека. Его историческое исследование позволяет выявить, как в конкретную эпоху понимались границы допустимого в обществе, соотношение формальной законности и политической целесообразности, роль судебного усмотрения. Показательным

является обращение историков права к мнению немецкого юриста XIX века А. Менгера, который заметил, что «на основе изучения уголовных кодексов с гораздо большей достоверностью можно вывести истинные соотношения сил данной эпохи, чем из конституционных, административных и гражданских законов, столь изобилующих бумажными правами»[1]. По этой причине изучение истории уголовного права становится одной из приоритетных задач историко-правовой науки [1, с. 234]. Кроме того, историко-правовой подход, предполагающий рассмотрение уголовно-правовых явлений в широком политическом и интеллектуальном контексте, позволяет преодолеть ограниченность формально-юридического анализа и выявить закономерности, сохраняющие значение для современности.

Актуальность обращения к исследованию эволюции французского уголовного права в революционные годы обусловлена тем, что именно тогда были сформулированы и впервые получили нормативное закрепление принципы, которые сегодня считаются основополагающими для любой правовой системы, претендующей на звание правового государства: «Нет преступления, нет наказания без закона», презумпция невиновности, равенство перед законом, соразмерность наказания. В российской науке отдельные аспекты этого процесса рассматривались в работах М. М. Исаева [2], С. Я. Булатова [3], А. Ю. Ишкова [4–6], однако их исследования носили либо общий историко-правовой характер, либо были сфокусированы на отдельных аспектах. Комплексного анализа эволюции именно источников и принципов материального уголовного права в их взаимосвязи с политическим контекстом до сих пор не предпринималось.

Источниковую базу исследования составили официальные тексты нормативных актов (Декларация прав человека и гражданина 1789 года[2], Уголовный кодекс Франции 1791 года[3], Кодекс о проступках и наказаниях 1795 года[4], чрезвычайные декреты 1793–1794 гг.), стенографические отчеты заседаний Учредительного собрания, доклады законодательных комитетов (включая развернутый доклад Лепелетье де Сен-Фаржо), а также трактаты философов Просвещения. Особое внимание уделено малодоступным французским источникам, в частности, работам П. Ласкума и Р. Мартуччи, которые ранее не использовались в отечественной историографии уголовного права для реконструкции уголовно-правовой политики Франции революционного периода. Комплексный анализ этих документов в широком политическом контексте позволил по-новому интерпретировать противоречивую эволюцию уголовно-правовых принципов, что и определяет научную новизну исследования.

Методы

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов. В качестве основного философского метода применен диалектический метод, позволивший рассматривать уголовно-правовые явления в их развитии, выявлять противоречия между идеалом и реальностью, преемственность и разрывы. Историко-правовой (генетический) метод обеспечил реконструкцию эволюции источников и принципов французского уголовного права в хронологической последовательности, с учетом политической конъюнктуры каждого этапа (1789–1791, 1792–1794, 1795–1799 гг.). Формально-юридический (догматический) метод использован при анализе текстов правовых актов; особое внимание уделено терминологическому анализу и выявлению внутренней структуры нормативных актов. Использование междисциплинарного подхода (история права, политическая философия, социология, история) позволило интерпретировать уголовное право не только как технико-юридический феномен, но и как инструмент конституирования политического порядка.

---

[1] Полянский Н. Н. Стачки рабочих и уголовный закон. Санкт-Петербург : типография товарищества «Общественная польза», 1907. С. 162.

[2] Декларация прав человека и гражданина = La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen // Тексты важнейших основных законов иностранных государств / пер. Ф. Ф. Кокошкина. Москва : Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. Ч. I: Основные законы Англии, французские конституции 1791, 1814 и 1830 годов и бельгийская конституция. С. 27–29.

[3] Code pénal du 25 septembre 1791 // Le Droit Criminel : [website]. URL: https://www.ledroitcriminel.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_penal_25_09_1791.htm (дата обращения: 06.03.2026).

[4] Code des délits et des peines Du 3 brumaire, an 4 (25 octobre 1795). URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.962b08b9-6a8d88a5-4a33d4ad-74722d776562/https/web.archive.org/web/20091205034921/http://ledroitcriminel.free.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_delits_et_peines_1795.htm (дата обращения: 06.03.2026).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Результаты

К концу XVIII века французское уголовное право представляло собой сложный конгломерат норм, восходящих к различным эпохам и источникам. Основным системообразующим актом оставался Большой уголовный ордонанс 1670 года, который хотя и рассматривался в литературе как своеобразный уголовный кодекс, сочетал в себе нормы материального и процессуального права, а также положения о судоустройстве [4, с. 135]. Судебная практика королевских парламентов, региональные обычаи (coutumes) и доктринальные комментарии создавали правовой ландшафт, характеризующийся партикуляризмом, казуистичностью и значительной долей судейского усмотрения. В дореволюционной Франции господствовал принцип: «Наказания в этом королевстве назначаются по усмотрению» (les peines sont arbitraires dans ce royaume). Этот принцип давал судам, являвшимся органами абсолютизма, право карать за действия, которые ни королевскими ордонансами, ни обычным правом не считались преступными; меру наказания суды устанавливали также по своему усмотрению, руководствуясь судебной практикой или мнениями средневековых юристов [2, с. 19]. Особенно тягостными для общества были такие инструменты, как королевские приказы о внесудебном аресте, символизировавшие произвол абсолютной монархии (lettres de cachet – «письма с печатью»). «Письмом с печатью» король мог заточить в тюрьму, изгнать, осудить в обход обычных форм правосудия. До начала царствования Людовика XIV они использовались против политических противников. В начале XVIII века генерал-лейтенант полиции д'Аржансон стал применять их и в случаях преступлений против нравственности, чтобы преодолеть нерасторопность правосудия [7, с. 54].

Философы Просвещения Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер, Ч. Беккариа и др. выступили с последовательной критикой этой системы. Их идеи, различавшиеся в деталях, заложили концептуальный фундамент, на котором были возведены здания революционных кодексов. Ш. Л. Монтескье в трактате 1748 года «О духе законов», ставшим впоследствии знаменитым памятником правовой мысли, заложил основы либеральной философии уголовного права. Хотя он не посвящен специально критике уголовно-правовой системы, в нем содержится множество идей, касающихся преступлений и наказаний. Он прямо связал свободу гражданина с «доброкачественностью уголовных законов», потому что именно в уголовно-правовой сфере безопасность личности подвергается наибольшей опасности: «Свобода торжествует, когда уголовные законы налагают кары в соответствии со специфической природой преступлений»[5]. Ш. Л. Монтескье выступал за законность наказаний и вообще более рельефно, чем его преемники, демонстрировал связь, которая существует между наказанием и свободой: «От милосердия уголовных законов в первую очередь зависит свобода гражданина»[6]. Не будучи противником смертной казни, он называл ее «лекарством для больного общества»[7], Ш. Л. Монтескье решительно выступил против пыток, требовал соразмерности наказания тяжести преступления и соответствия наказания характеру преступления[8].

Ч. Беккариа в трактате «О преступлениях и наказаниях» 1764 года придал этим идеям систематическую и радикальную форму. Исходя из концепции общественного договора, он утверждал, что «право наказывать не является правом одного. Это право всех граждан в совокупности, или верховной власти»[9]. Отсюда следовало, что «только законы могут устанавливать наказания, соответствующие правонарушениям»[10], а судья не вправе их изменять. Ч. Беккариа подверг критике пытки, тайное следствие, произвольное предварительное заключение и настаивал на публичности судопроизводства. Особое место в его учении занял вопрос о смертной казни. Он доказывал, что «смертная казнь никогда не удерживала людей, решившихся посягнуть на общественный порядок»[11], и предлагал заменить ее пожизненной каторгой: «Приговор к пожизненному рабству имеет все необходимое, чтобы отвлечь от преступления самый решительный ум, так же как и смертная казнь <...> Пожизненная каторга, заменив смертную казнь, станет суровым наказанием...»[12]. Свою позицию он обосновывал

[5] Монтескье Ш. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. статья М. П. Баскина. Москва : Госполитизат,1955. С. 317–318.

[6] Там же. С. 317.

[7] Там же. С. 320.

[8] Там же. С. 318.

[9] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Москва : Бимпа, 1995. С. 154.

[10] Там же.

[11] Там же. С. 168.

[12] Там же. С. 169, 171.

психологически: «Не суровость наказания, а продолжительность его морального воздействия – вот что производит наибольшее влияние на душу человека»[13]. Он также считал, что «цель наказаний состоит не в том, чтобы мучить и огорчать разумное существо, и не в том, чтобы сделать так, чтобы уже совершенное преступление не было совершено, а только в том, чтобы помешать виновному причинить новый вред и удержать других от его совершения»[14]. Лучшим способом борьбы с преступностью, согласно Ч. Беккариа, является не жестокость, а просвещение и разумное устройство общества.

Во Франции идеи Ч. Беккариа нашли живой отклик, прежде всего у Вольтера, который в 1766 году опубликовал развернутый комментарий к трактату итальянского мыслителя, адаптировав его критику к французским реалиям. К концу столетия дискуссия об уголовной реформе вышла далеко за пределы узкого круга специалистов. Когда в мае 1789 года собрались Генеральные штаты, среди 50 тысяч наказов, привезенных депутатами со всех уголков страны, повсеместно присутствовали требования судебной реформы (введение присяжных, отмена lettres de cachet, соразмерность наказаний) [8]. Таким образом, к моменту открытия Учредительного собрания основные идеи будущего уголовного права уже были не только разработаны в философской литературе, но и усвоены общественным сознанием, что создало благоприятную почву для их законодательного воплощения.

Проблема уголовного права заняла одно из центральных мест в повестке Учредительного собрания в 1789–1791 гг. Это объяснялось не только влиянием просветительских идей на депутатов-юристов, но и острой политической необходимостью: революционная власть стремилась защитить себя от контрреволюции. В этих условиях возникло новое понятие – «преступление против нации», пришедшее на смену «преступлению против Величества». Оно носило размытый характер и позволяло криминализировать любое действие, имеющее потенциальную контрреволюционную направленность, что породило практику «охоты на ведьм» уже на раннем этапе революции [9].

В Учредительном собрании сложилась влиятельная «партия уголовной реформы» – группа депутатов-юристов (А. Дюпор, Л. М. Лепелетье де Сан-Фаржо, А. Боме, С.-Ж. де Фрето, Б. Барер, А. Барнав), которая действовала как группа давления, добиваясь скорейшей кодификации уголовного права. Добавим к этому значимый факт: примерно половина депутатов Учредительного собрания состояла из юристов [2, с. 13]. Восприняв идеи Монтескье и Беккариа, революционные законодатели опирались также на идеал кодификации, выработанный в эпоху Просвещения. Кодификация мыслилась не как техническая систематизация, а как воплощение нормативных идей юридического совершенства: единства, ясности, полноты, доступности, постоянства, всеобщности и рациональности. Кодекс должен был стать инструментом проведения в жизнь новых (разумных) начал организации общества, синтезируя римскую традицию (ius commune), местные обычаи (ius proprium) и универсальные принципы естественного права [10; 11]. Этот идеал, соединявший рационализм с политическим проектом модерна, лег в основу работы членов Учредительного собрания и предопределил как структуру, так и амбициозный характер первого Уголовного кодекса 1791 года. Их активность проявилась уже в дебатах в августе 1789 года, затем в организации временной реформы 8 октября 1789 г. (реформы уголовно-процессуального права) и в создании специализированных комитетов. Таким образом, уже в первые месяцы революции уголовно-правовая реформа была поставлена в центр конституционного проекта, в течение 1789–1791 гг. от 5 до 10 % заседаний Учредительного собрания были посвящены уголовно-правовым вопросам [9].

Конституционным фундаментом новой уголовной политики стала Декларация прав человека и гражданина[15], принятая 26 августа 1789 г. Из семнадцати ее статей одиннадцать содержат идеи, имеющие в той или иной степени отношение к уголовному праву или процессу, они не изложены логически последовательно, но в совокупности образуют стройную систему принципов. Статья 4 определяет свободу как возможность делать все, что не наносит вреда другому; статья 5 закрепляет: «Закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества. Все, что не воспрещено законом, то дозволено...». Тем самым единственным основанием уголовного преследования становится социальная вредность, а не нарушение религиозных или моральных догм. Это радикально меняло структуру французского уголовного права: из него исключались такие виды преступлений как богохульство, ересь, колдовство, прелюбодеяние, гомосексуализм и иные деяния, прежде караемые исключительно по моральным соображениям.

[13] Беккариа Ч. Указ. соч. С. 169.

[14] Там же. С. 166.

[15] Декларация прав человека и гражданина...

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Статьи 7–9 закрепляют триаду фундаментальных гарантий. Статья 7 провозглашает: «Никто не может подвергаться обвинению, задержанию или заключению иначе как в случаях, предусмотренных законом и в предписанных им формах», и запрещает произвольные приказы (lettres de cachet): «Тот, кто испрашивает, отдает, исполняет или заставляет исполнять основанные на произволе приказы, подлежит наказанию». Статья 8 формулирует классический принцип nullum crimen, nulla poena sine lege: «Никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, принятого и обнародованного до совершения правонарушения и надлежаще примененного», а также принцип соразмерности: наказание должно быть «строго и бесспорно необходимым». Статья 9 устанавливает презумпцию невиновности: «Каждый считается невиновным, пока его вина не установлена». Статьи 10 и 11 провозглашают свободу совести, убеждений и их выражения, что окончательно закрепляло секуляризацию уголовного права. Статья 16, вдохновленная Монтескье, устанавливает принцип разделения властей, что имело прямое значение для судебной системы: король, традиционно выступавший «источником закона как источника справедливости», отныне становился лишь главой исполнительной власти; закон исходил от Национального собрания. Таким образом, в соответствии с идеями Монтескье и Беккариа уголовное право должно ограничивать свободу человека только в крайнем случае, поскольку она является одним из основополагающих принципов любой политической организации.

Величайший вклад французской революции в уголовное право, по мнению современных историков права, состоял не в изобретении новых правовых принципов, а в их политическом признании. Декларация 1789 г. превратила эти принципы из доктринальных пожеланий в императивные нормы, подкрепленные новой политической системой[16] [12].

Реализация декларативных принципов потребовала коренной реформы как материального, так и процессуального права. Уже 10 сентября 1789 г. Национальное собрание учредило комитет для разработки нового уголовно-процессуального кодекса взамен Ордонанса 1670 года. Первоначально он назывался «Комитет семи», в 1790 году он стал «Комитетом уголовной юриспруденции», а в 1791 году – «Комитетом по уголовному законодательству».

Временная реформа судопроизводства была проведена законами 8 октября и 3 ноября 1789 г. [5, с. 114]. Она установила смешанный тип процесса: предварительное следствие сохраняло черты инквизиционного (письменное, секретное, не состязательное), тогда как судебное разбирательство становилось устным, публичным и состязательным. В окружном уголовном суде присяжные выносили вердикт о виновности, а судья назначал наказание. Этим была ликвидирована система формальных доказательств (где сила каждого доказательства была заранее предопределена законом) и введена система свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению. Законом от 16–24 августа 1790 г. (в отечественной литературе он упоминается как Декрет об организации судопроизводства от 16–24 августа 1790 г.)[17] была учреждена особая юрисдикция – уголовный суд в департаментах, в состав которой входили профессиональные судьи и граждане по жребию, который через несколько лет станет судом присяжных [13, с. 186]

Уголовный кодекс 25 сентября – 6 октября 1791 г. стал первым уголовным кодексом Франции и одним из первых кодифицированных актов такого рода в Европе. Как подчеркивает П. Ласкум, этот текст является «оборотной стороной революционного катехизиса», лицевая сторона которого состоит из Декларации прав человека 1789 года и Конституции 1791 года [14, с. 32].

Он стал классическим воплощением идеала кодификации, сформировавшегося в Новое время: единство права (отмена регионального партикуляризма), ясность (четкое определение составов преступлений), полнота (охват всех значимых деяний), доступность (публичность закона), постоянство (стремление к стабильности правового регулирования) и рациональность (обоснованность на принципах естественного права и социальной полезности) [15]. Кодекс 1791 года синтезировал римскую традицию (через рецепцию понятийного аппарата), местные обычаи (переработанные и унифицированные) и естественное право (абстрактные принципы, имеющие универсальное значение).

Доклад, с которым выступил Л. М. Лепелетье де Сен-Фаржо в мае 1791 года от имени Конституционного комитета и комитета уголовного законодательства, стал манифестом нового уголовного права[18] [2, с. 10]. В нем с предельной резкостью была охарактеризована дореволюционная система как «бесформенный хаос», в котором «почти на каждом шагу оскорблялась

[16] Bicentenaire du Code penal: Actes de colloque – 25 novembre 2010 // Le Sénat : [website]. URL: https://www.senat.fr/colloques/actes_bicentenaire_code_penal/actes_bicentenaire_code_penal2.html (дата обращения: 25.03.2026).

[17] Loi des 16–24 août 1790 (extraits) // Criminocorpus : [website]. URL: http://www.criminocorpus.cnrs.fr/article537.html (дата обращения: 25.03.2026).

[18] Louis Michel Lepeletier, marquis de Saint-Fargeau. Rapport sur le projet de Code pénal en annexe de la s□ance du 23 mai 1791 // Archives Parlementaires de 1787 à 1860. T. XXVI – Du 12 mai au 5 juin 1791. P. 319–332. URL: https://www.persee.fr/doc/arcpa_0000-0000_1887_num_26_1_11015_t1_0319_0000_12 (дата обращения: 25.03.2026).

нравственность и человечность»[19]. Лепелетье сформулировал пять принципов теории наказания: каждый уголовный кодекс должен быть гуманен; наказания должны быть соразмерны преступлениям; должно быть соответствие между природой преступления и природой наказания; должен быть проведен принцип равенства (уже провозглашенный Декларацией и закрепленный декретом 21 января 1790 г., согласно которому «преступные деяния одного и того же рода должны караться однородными наказаниями независимо от ранга и состояния виновных»); наказания должны быть определенными – это требование связывалось с введением суда присяжных [2, с. 11]. К основным принципам Лепелетье добавил три дополнительных требования: наказания должны быть длительны, ибо впечатление от быстротечного наказания скоро исчезает; наказания должны быть публичны, чтобы «жалкое состояние виновного <…> воспитательно действовало на душу народа»; наказание должно отбываться в месте преступления, чтобы люди видели его воздействие [2, с. 12].

Собрание последовало совету Лепелетье и не обсуждало кодекс постатейно, сосредоточившись на основных вопросах. Вопросу о смертной казни было посвящено три заседания. Хотя за отмену смертной казни выступали немало ораторов (в т. ч. Робеспьер), при голосовании депутаты почти единогласно поддержали сохранение смертной казни [2, с. 21].

Система кодекса 1791 года отличалась простотой и наглядностью. Кодекс содержал две части: первую – «О наказаниях» и вторую – «О преступлениях и наказаниях». В конце второй части в качестве раздела III были помещены постановления «О соучастниках преступления». Тем самым было проведено деление на Общую и Особенную части. Творцы кодекса отдавали себе отчет, что Общая часть содержит ряд базовых положений нового уголовного права. А. Дюпор назвал их «конституционными декретами», сделав вывод, что их формулировка ни в коем случае не должна быть поручена будущему законодательному собранию [2, с. 14].

Карательная система кодекса для той эпохи была чрезвычайно гуманной: смертная казнь хотя и сохранялась, но ее форма была смягчена, в 1792 году было введено гильотинирование, как единый и «гуманный» способ лишения жизни; исчезли изувечивающие и вообще телесные наказания, что означало принципиальный отказ от идеи телесного возмездия; нет пожизненных наказаний; нет конфискации, отмененной декретом 21 января 1790 г. (которой так злоупотребляли при Старом режиме[20] и которая теперь представлялась несовместимой с понятием о праве частной собственности). Система наказаний кроме смертной казни включала кандалы, тюремное заключение, депортацию, гражданскую деградацию. Кодекс ввел и реабилитацию «в силу закона». Давность уголовного преследования была установлена в три года (считая с того дня, когда власти узнали о преступлении), давность наказания – в 20 лет. Никаких изъятий из применения давности не делалось, тогда как в дореволюционном праве такие преступления, как «оскорбление величества», не подлежали ни той, ни другой давности [2, с. 24–25]. Наказания стали строго фиксированными: судья не имел права варьировать меру наказания в зависимости от личности осужденного, что было сознательным отказом от судейского произвола, но одновременно лишало правосудие гибкости. Преступления определялись исключительно как деяния, наносящие ущерб светскому обществу; религиозные и моральные деликты более не криминализировались. Вместе с тем значительное место в кодексе занимало подавление политических правонарушений, т. е. защита новых революционных институтов. В этом проявилась двойственность революционного уголовного права: с одной стороны – гуманизация и либерализация, с другой – введение жесткой ответственности за действия против нации, что открывало путь к будущим злоупотреблениям.

Важно отметить, что Уголовный кодекс 1791 года не был «разрывом с прошлым» в том смысле, что он не возник из ничего. Напротив, он вобрал в себя многовековую традицию римского права: понятийный аппарат, классификацию преступлений, многие процессуальные институты были унаследованы от римского права и его средневековой рецепции. Вместе с тем кодекс действительно осуществил радикальную политическую переориентацию: он связал уголовное право с новым конституционным строем, придал ему публично-правовой характер и подчинил целям защиты революционных институтов. Он поместил уголовное право в политическую сферу. Оно служило не только и не столько защите частных лиц и их собственности, сколько установлению, легитимации и охране нового политического порядка. До революции уголовное право воспринималось преимущественно как инструмент поддержания общественного спокойствия и орудие королевской власти. Революционные законодатели придали ему новую

[19] URL: https://www.persee.fr/doc/arcpa_0000-0000_1887_num_26_1_11015_t1_0319_0000_12 (дата обращения: 25.03.2026).

[20] Старый режим, порядок (ancien régime) – исторический термин, обозначающий особенности государственного общественного строя дореволюционной Франции (*прим. авт.*).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

функцию: оно должно было не просто карать, но формировать и закреплять новые ценности – свободу, равенство, народный суверенитет, республиканские институты [12].

Этот сдвиг находит прямое выражение в структуре кодекса. Французский исследователь П. Ласкум выделяет четыре основные «инкриминирующие рациональности» (принципы криминализации деяний), которые придают кодексу его внутреннюю согласованность [14, с. 38–44]. Во-первых, доминирующая группа преступлений, выделяемых на основе «политической рациональности». Она включала 82 состава преступлений, подразделяющихся на три подгруппы: защита государства от внешней и внутренней агрессии (41 состав), защита от злоупотреблений властью (27 составов), защита граждан от злоупотреблений политической, полицейской и судебной властью (14 составов). Именно по этим статьям предусмотрены самые суровые наказания (34 состава с высшей мерой) и именно им была посвящена основная часть дебатов в Учредительном собрании. Во-вторых, 72 состава преступления (убийства, нанесение телесных повреждений, изнасилование, кражи, оскорбления и т. д.) формируются в связи с «рациональностью естественной морали», т. е. в определении исследователя, рациональности, ориентированной на защиту человека, его имущества и основных потребностей (тело, честь, материальные блага). На основе «экономической рациональности» выработаны 15 составов: банкротство, коммерческие подделки, картели, фальсификация продукции. Наконец, «рациональность светской морали» (повседневная общественная мораль, республиканская добродетель), включает 17 составов преступлений: посягательство на нравственность, бродяжничество, попрошайничество, неподчинение властям, драки, беспорядки на богослужениях и др.

Внешний гуманизм Уголовного кодекса 1791 года, проявляющийся в отмене пыток, членовредительства и т. д., по замечанию П. Ласкума, был «пропитан» утилитаризмом. Во вступительном докладе Лепелетье постоянно встречаются слова «эффективность», «эффективный». Гуманизация наказания и тюремной системы подчиняется единой цели: наказание должно произвести должный эффект на общество [14, с. 34]. Смертная казнь, объяснял Лепелетье, производит впечатление слишком мимолетное. Ничто не может сравниться с «долгой чередой тягостных лишений», тюремным заключением, где «пример будет жить эффективно вместе с виновным». Если осужденные не видны, «их страдания абсолютно потеряны для примера». Поэтому Лепелетье предлагал ежемесячное выставление заключенного в камере, открытой для публики, правда, в кодекс это предложение не вошло [2, с. 12; 14, с. 34].

С началом войны и углублением социального кризиса либеральные принципы 1789–1791 гг. стали восприниматься как недостаточные для защиты революции. Приход к власти якобинцев ознаменовался временным отказом от формальной законности в пользу принципа salus populi suprema lex (с лат. – «Да будет благо народа высшим законом»). Это нашло выражение в череде чрезвычайных актов, которые постепенно вытеснили нормальное законодательство. Например, Декрет Конвента о «подозрительных» 17 сентября 1793 г.[21] ввел ответственность за «подозрительный образ действий», не требующую доказательств конкретного преступного деяния. Учреждение Революционного трибунала (10 марта 1793 г.) привело к упрощению процесса: слияние предварительного следствия с судебным разбирательством, господство принципа «свободной совести» присяжных над системой формальных доказательств, отсутствие права на защитника в ряде случаев. Декрет Национального Конвента от 10 июня 1794 г. лишал обвиняемых права на защитника, отменял предварительный допрос, вводил размытое понятие «враг народа», под которое могли быть подведены любые действия, неугодные властям. Врагами народа объявлялись все, «кто посягает силой или хитростью на общественную свободу»[22].

После падения якобинской диктатуры Конституция III года (1795 г.) восстановила формальную законность и разделение властей. Чрезвычайные законы были отменены, Революционный трибунал распущен в мае 1795 года. Однако возврат к принципам 1789 года не означал простой реставрации Уголовного кодекса 1791 года. Законодательство Директории носило противоречивый характер. Наряду с Кодексом о преступлениях и наказаниях от 25 октября 1795 г.[23], сохранявшим либеральные принципы, принимались репрессивные акты (закон от 15 мая 1797 г.), возвращавшие смертную казнь за ряд преступлений (например, за кражу) и ужесточавшие наказание. Однако кодекс 1795 года стал первым шагом к отказу от системы строго

[21] Великая французская революция. Документы и исследования. Документы истории Великой французской революции : в 2 т. : учебное пособие / отв. ред. и сост. А. В. Адо. Москва : Издательство Московского университета, 1990. Т. 1. С. 265–266.

[22] Там же. С. 275.

[23] URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.962b08b9-6a8d88a5-4a33d4ad-74722d776562/https/web.archive.org/web/20091205034921/http://ledroitcriminel.free.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_delits_et_peines_1795.htm (дата обращения: 27.03.2026).

фиксированных наказаний. Критика, раздавшаяся в адрес Уголовного кодекса 1791 года, указывала на то, что абсолютная определенность санкций не позволяет учитывать индивидуальные особенности правонарушителя, что может привести к несправедливости. Позже законом от 15 декабря 1800 г. были установлены минимальное и максимальное наказание за преступление, что возвращало судье возможность индивидуализации ответственности. Эти тенденции продемонстрировали, что право остается уязвимым перед политической конъюнктурой и стабильность правопорядка требует не только формальных гарантий, но и устойчивости политических институтов[24].

Опыт уголовного законодательства революционных лет стал основой для разработки Уголовного кодекса 1810 года (Кодекса Наполеона). Этот кодекс, по словам его создателей, представлял собой компромисс между Старым режимом, идеями Просвещения и работой, проделанной революционерами. Он сохранил буржуазные принципы, но отказался от системы фиксированных наказаний, вернув судье свободу назначения наказания в установленных пределах, ввел институт смягчающих обстоятельств. Наполеоновскую кодификацию трактуют как «победу юридического над философским». Она сохранила революционные достижения в части структуры права, его источников и основных принципов, но заменила социальный оптимизм 1791 года более пессимистическим взглядом на человека и приоритетом общественной безопасности. Один из составителей наполеоновского кодекса отмечал, что Учредительное собрание в 1791 году совершило ошибку чрезмерной мягкости и благотворительности: «Собрание слишком часто рассматривало людей не такими, какие они есть, а такими, какими их хотелось бы видеть» [8]. В то время, когда силы правопорядка в стране были дезорганизованы, повсюду действовали вооруженные банды, Учредительное собрание разработало самое гуманное уголовное законодательство в ее истории. Таким образом, хотя Уголовный кодекс 1810 года оставался верным революционному наследию в его сущности, он отверг его социальный оптимизм. Отныне наказание должно было быть направлено не на улучшение положения виновного, а только на защиту общества. Государство получило эффективные средства контроля, а судья – возможность учитывать конкретные обстоятельства дела, что означало отказ от механистического правоприменения в пользу взвешенной дискреции.

Обсуждение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько ключевых выводов и выделить дискуссионные моменты, имеющие значение как для историко-правовой науки, так и для понимания современных уголовно-правовых проблем. Важнейший урок революционного десятилетия состоит в том, что уголовное право не может быть понято вне политического контекста. Принципы, которые сегодня считаются фундаментальными (нет преступления без закона, презумпция невиновности, равенство перед законом, соразмерность наказания), были известны юридической науке задолго до 1789 года. Французская буржуазная революция придала им политическое признание, конституциализировав их и обеспечив реальными механизмами защиты.

Диалектика разрыва и преемственности правовой традиции в Уголовном кодексе 1791 года должна быть отнесена, на наш взгляд, к числу проблем, требующих дальнейшего изучения и дискуссии. Кодекс провозглашал полный разрыв с институтами Старого режима, в риторике Учредительного собрания преобладал дискурс обновления [12, с. 3; 14]. С другой стороны, многие институты римского права и средневековой традиции были переосмыслены в рамках новой политической философии. Это позволяет рассматривать кодекс как синтез традиции и новации.

Исследование французского революционного уголовного права выявляет несколько дискуссионных аспектов, сохраняющих актуальность: соотношение законности и судейского усмотрения, проблема баланса между формальной определенностью закона и справедливостью конкретного приговора, границы чрезвычайного законодательства.

Заключение

Декларация 1789 года не только провозгласила права человека и гражданина, но и определила основные параметры будущего уголовного законодательства, в котором закон представал единственным источником, а единственным основанием криминализации деяний становилась социальная вредность, провозглашались равенство всех перед законом, отказ от судейского произвола. Кодификация уголовного права в период французской революции стала первой

[24] URL: https://www.senat.fr/colloques/actes_bicentenaire_code_penal/actes_bicentenaire_code_penal2.html (дата обращения: 25.03.2026).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

в европейской истории попыткой создания систематизированного уголовного законодательства на основе рационалистической философии права, что предопределило вектор развития континентальной правовой традиции на два столетия вперед. Развитие уголовного права прошло три этапа: либеральный конституционализм (1789–1792 гг.), чрезвычайное законодательство в условиях якобинской республики (1793–1794 гг.) и попытка стабилизации с возвратом к судейской дискреции в период Директории (1795–1799 гг.). Противоречивый революционный опыт уголовно-правового строительства (от торжества просветительских идеалов до их временного подавления чрезвычайным законодательством) сохраняет методологическое значение для понимания пределов устойчивости правовых принципов в условиях политических кризисов.

Список источников

1. *Елютин П. В.* Историко-правовые исследования уголовного права в России // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 234–242.

2. *Исаев М. М.* Французский уголовный кодекс 1810 г. (История составления и общая характеристика) // Французский уголовный кодекс 1810 года : С изм. и доп. по 1 июня 1940 г. / пер. Н. С. Лапшиной; под ред. и со вступ. ст. М. М. Исаева. Москва : Юридическое издательство МЮ СССР, 1947. С. 7–91.

3. *Булатов С. Я.* Военно-уголовное законодательство Французской революции 1789–1791 гг. : [монография] / под ред. А. П. Шергина. Москва : Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2000. 362 с.

4. *Ишков А. Ю.* Уголовный ордонанс 1670 г. как источник уголовно-процессуального права Франции эпохи абсолютизма // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 5. С. 135–144.

5. *Ишков А. Ю.* Реформа уголовно-процессуального права во Франции в ходе буржуазной революции конца XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 2. С. 112–118.

6. *Ишков А. Ю.* Дискуссия в правовой науке средневековой Франции по поводу разработки Уголовного ордонанса 1670 г. // История государства и права. 2018. № 5. С. 70–73. https://doi.org/10.18572/1812-3805-2018-5-70-73

7. *Андреева И. А.* Полицейская система Франции : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2011. 232 с.

8. *Lormant F.* La Révolution du Droit pénal (1791–1810) // Histoire et Société. Mélanges en l'honneur de Christian Dugas de la Boissonny. 2009. P. 145–168. URL: https://hal.univ-lorraine.fr/hal-02170201/document.

9. *Martucci R.* L'enjeu pénal à l'assemblée constituante: un chantier prometteur (1789–1791) // Dix-huitième Siècle. 2005. № 37. P. 283–303. URL: https://www.persee.fr/doc/dhs_0070-6760_2005_num_37_1_2671.

10. *Андреева И. А.* Идеал кодификации права в Новое время // Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 3. С. 159–165.

11. *Cartuyvels Y.* Eléments pour une approche généalogique du code pénal // Déviance et société. 1994. № 4. P. 373–396. URL: https://www.persee.fr/doc/ds_0378-7931_1994_num_18_4_1356.

12. *Masferrer A.* Tradition and Foreign Influences in the 19th Century Codification of Criminal Law: Dispelling the Myth of the Pervasive French Influence in Europe and Latin America // Masferrer A. (ed.). The Western Codification of Criminal Law A Revision of the Myth of its Predominant French Influence. Springer, 2018. 427 p. https://doi.org/10.1007/978-3-319-71912-2_1

13. *Мировая юстиция и суд присяжных: инновации великой судебной реформы 1864 года, доказавшие свою жизнеспособность в XXI веке* : монография / И. А. Андреева, М. Т. Аширбекова, И. Л. Бедняков [и др.] ; под науч. ред. Н. А. Колоколова ; под общ. ред. О. Н. Слоботчикова, М. А. Булавиной. Москва : Издательский дом «УМЦ», 2024. 564 с.

14. *Lascoumes P.* Le verso oublié du «catéchisme révolutionnaire»: le code pénal du 6 octobre 1791 // Cahiers de recherche sociologique. 1989. № 13. P. 31–51. URL: https://www.erudit.org/fr/revues/crs/1989-n13-crs1516316/1002074ar.pdf.

15. *Cartuyvels Y.* Le droit pénal entre consolidation étatique et codification absolutiste au XVIIIe siècle // Le pénal dans tous ses États Justice, États et sociétés en Europe (XIIe-XXe siècles). Bruxelles : Presses universitaires Saint-Louis Bruxelles, 1997. P. 251–278. URL: https://books.openedition.org/pusl/19140.

References

1. *Elyutin P. V.* Istoriko-pravovye issledovaniya ugolovnogo prava v Rossii // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2012. № 2. S. 234–242.

2. *Isaev M. M.* Francuzskij ugolovnyj kodeks 1810 g. (Istoriya so-stavleniya i obshchaya harakteristika) // Francuzskij ugolovnyj kodeks 1810 goda : S izm. i dop. po 1 iyunya 1940 g. / per. N. S. Lapshinoj; pod red. i so vstup. st. M. M. Isaeva. Moskva : Yuridicheskoe izdatel'stvo MYu SSSR, 1947. S. 7–91.

3. *Bulatov S. Ya.* Voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo Francuzskoj revolyucii 1789–1791 gg. : [monografiya] / pod red. A. P. Shergina. Moskva : Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institut MVD Rossii, 2000. 362 s.

4. *Ishkov A. Yu.* Ugolovnyj ordonans 1670 g. kak istochnik ugolovno-processual'nogo prava Francii epohi absolyutizma // Vestnik Moskovsko-go universiteta. Seriya 11: Pravo. 2017. № 5. S. 135–144.

5. *Ishkov A. Yu.* Reforma ugolovno-processual'nogo prava vo Fran-cii v hode burzhuaznoj revolyucii konca XVIII v. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2017. № 2. S. 112–118.

6. *Ishkov A. Yu.* Diskussiya v pravovoj nauke srednevekovoj Francii po povodu razrabotki Ugolovnogo ordonansa 1670 g. // Istoriya gosudar-stva i prava. 2018. № 5. S. 70–73. https://doi.org/10.18572/1812-3805-2018-5-70-73

7. *Andreeva I. A.* Policejskaya sistema Francii : monografiya. Omsk : Omskaya akademiya MVD Rossii, 2011. 232 s.

8. *Lormant F.* La Révolution du Droit pénal (1791–1810) // Histoire et Société. Mélanges en l'honneur de Christian Dugas de la Boissonny. 2009. P. 145–168. URL: https://hal.univ-lorraine.fr/hal-02170201/document.

9. *Martucci R.* L'enjeu pénal à l'assemblée constituante: un chantier prometteur (1789–1791) // Dix-huitième Siècle. 2005. № 37. P. 283–303. URL: https://www.persee.fr/doc/dhs_0070-6760_2005_num_37_1_2671.

10. *Andreeva I. A.* Ideal kodifikacii prava v Novoe vremya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 3. S. 159–165.

11. *Cartuyvels Y.* Eléments pour une approche généalogique du code pénal // Déviance et société. 1994. № 4. P. 373–396. URL: https://www.persee.fr/doc/ds_0378-7931_1994_num_18_4_1356.

12. *Masferrer A.* Tradition and Foreign Influences in the 19th Century Codification of Criminal Law: Dispelling the Myth of the Pervasive French Influence in Europe and Latin America // Masferrer A. (ed.). The Western Codification of Criminal Law A Revision of the Myth of its Predominant French Influence. Springer, 2018. 427 p. https://doi.org/10.1007/978-3-319-71912-2_1

13. *Mirovaya yusticiya i sud prisyazhnyh: innovacii velikoj sudebnoj reformy 1864 goda, dokazavshie svoyu zhiznesposobnost' v XXI veke* : mo-nografiya / I. A. Andreeva, M. T. Ashirbekova, I. L. Bednyakov [i dr.] ; pod nauch. red. N. A. Kolokolova ; pod obshch. red. O. N. Slobotchikova, M. A. Bulavinoj. Moskva : Izdatel'skij dom «UMC», 2024. 564 s.

14. *Lascoumes P.* Le verso oublié du «catéchisme révolutionnaire»: le code pénal du 6 octobre 1791 // Cahiers de recherche sociologique. 1989. № 13. P. 31–51. URL: https://www.erudit.org/fr/revues/crs/1989-n13-crs1516316/1002074ar.pdf.

15. *Cartuyvels Y.* Le droit pénal entre consolidation étatique et codification absolutiste au XVIIIe siècle // Le pénal dans tous ses États Justice, États et sociétés en Europe (XIIe-XXe siècles). Bruxelles : Presses universitaires Saint-Louis Bruxelles, 1997. P. 251–278. URL: https://books.openedition.org/pusl/19140.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 340.15

Кондиции Анны Иоанновны в государственно-правовой истории России: опыт междисциплинарного исследования (историко-правовой и конституционно-правовой аспекты)

Павел Александрович Астафичев, доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
pavel-astafichev@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0001-6801-9822

Аннотация:
Введение. *Статья посвящена исследованию ряда проблем, связанных с попытками институционализации конституционных принципов в России в условиях первой половины XVIII века, выявлением и систематизацией причин, послуживших к неудаче соответствующих государственно-правовых проектов. В современных российских условиях, которые включают в себя официальное юридическое признание фундаментальных принципов конституционализма (разделения властей, народовластия, верховенства прав человека) актуализируется проблема историко-правовой оценки митавских кондиций, которые нуждаются в новой либо существенно обновленной интерпретации. Автор обосновывает точку зрения, что с позиций XXI века упрекать верховников в попытке совершения государственного переворота, захвата или присвоения власти, мятежа или бунта, по меньшей мере, несправедливо. Верховники предложили короне первую (пусть и отчасти «грубую», «примитивную» и «нежизнеспособную») модель отечественного конституционализма. Митавские кондиции сыграли в российской истории роль «несостоявшегося проекта», который не имел прямого продолжения в будущей государственно-правовой практике и был жестко пресечен. Это имело несомненные политико-правовые последствия и во многом предопределило дальнейший ход отечественной истории государства и права.* **Методы.** *В работе применялся комплекс методов, выработанных и апробированных наукой истории государства и права. Использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход, метод сравнительного правоведения.* **Результаты.** *Автор доказывает, что абсолютная, конституционно неограниченная монархия в 1730 году препятствовала позитивному развитию государства, а реставрация безусловного самодержавия в первой половине XVIII века стала одной из причин дальнейших социальных кризисов и потрясений, которые переживала Российская империя, особенно остро – в 1825, 1905 и 1917 гг. Поддерживавшиеся верховниками ценности запрета произвольного лишения жизни и юридически ограниченной власти главы государства имеют несомненное подтверждение в современном российском конституционном строе.*

Ключевые слова:
конституционализм, разделение властей, абсолютизм, ограниченная монархия, митавские кондиции, верховники, традиционализм, западноевропейское влияние, парламентаризм, конституционная культура, правосознание

Для цитирования:
Астафичев П. А. Кондиции Анны Иоанновны в государственно-правовой истории России: опыт междисциплинарного исследования (историко-правовой и конституционно-правовой аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 21–30.

Статья поступила в редакцию 22.04.2026; одобрена после рецензирования 06.08.2026; принята к публикации 25.09.2026.

© Астафичев П. А., 2026

Original article

Anna Ioannovna's conditions in the history of Russian state and legal institutions: experience of interdisciplinary research (historical-legal and constitutional-legal aspects)

Pavel A. Astafichev, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
pavel-astafichev@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0001-6801-9822

Abstract:
Introduction. *The article examines a number of issues relating to attempts to institutionalise constitutional principles in Russia during the first half of the 18th century, as well as identifies and systematises the reasons behind the failure of the relevant state-legal projects. In the contemporary Russian context, characterised by the official legal recognition of the fundamental principles of constitutionalism (the separation of powers, popular sovereignty and the primacy of human rights), the issue of the historical and legal assessment of the Mitava Conditions has come to the fore; these conditions require a new or substantially revised interpretation. The author argues that, from a 21st-century perspective, it is, at the very least, unfair to accuse the Supreme Privy Council's members of attempting "a coup d'état", seizing or usurping power, or engaging in mutiny or rebellion. The Supreme Privy Council proposed to the Crown the first (albeit somewhat "crude", "primitive" and "unviable") model of domestic constitutionalism. The Mitava Conditions played the role in Russian history of a "failed project", with no explicit succession in subsequent state and legal practice, and were harshly suppressed. This had undeniable political and legal consequences and largely predetermined the further course of Russian state and legal history.* **Methods.** *The research is based on a range of methods developed and tested within the field of the history of state and law. The methods employed included analysis and synthesis, induction and deduction, the dialectical approach, and the method of comparative law.* **Results.** *The author proves that the absolute, constitutionally unrestricted monarchy of 1730 hindered the positive development of the state, and that the restoration of absolute autocracy in the first half of the 18th century was one of the causes of the subsequent social crises and upheavals experienced by the Russian Empire, which were particularly acute in 1825, 1905 and 1917. The values upheld by the Supreme Privy Council, namely the prohibition of unlawful deprivation of life and the legally limited powers of the head of state, are unquestionably reflected in the modern Russian constitutional order.*

Keywords:
constitutionalism, separation of powers, absolutism, limited monarchy, the Mitava Conditions, the Supreme Privy Council's members, traditionalism, Western European influence, parliamentarism, constitutional culture, legal consciousness

For citation:
Astafichev P. A. Anna Ioannovna's conditions in the history of Russian state and legal institutions: experience of interdisciplinary research (historical-legal and constitutional-legal aspects) // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 21–30.

**The article was submitted April 22, 2026;
approved after reviewing August 6, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

В период междуцарствия после кратковременного правления несовершеннолетнего Петра II и до вступления на престол царицы Анны Иоанновны произошло политическое событие, которое имело важнейшее значение для государственно-правовой истории страны – подписание еще принцессой Анной Иоанновной митавских [1, с. 279] (город Митава – ныне Елгава, Латвия) кондиций, предложенных Верховным Тайным Советом (его членами – верховниками) в качестве условия для ее воцарения. Данный политико-правовой акт по значению можно было бы сравнить с английской Magna Carta (Великой хартией вольностей от 1215 года) и последующими конституционными актами Великобритании, шведской конституционной реформой 1720 года (акт о Риксдаге, трансформация статуса короля до осуществления в основном номинальных функций)[1].

[1] Минчева Д. А. О влиянии западноевропейского конституционного законодательства на содержание кондиций Анны Иоанновны / Актуальные вопросы юридической науки глазами молодых исследователей : сборник статей по итогам Четвертой Всероссийской научной конференции курсантов, студентов, адъюнктов, аспирантов и соискателей, г. Рязань, 2 февраля 2024 г. Москва : Постер-М, 2024. С. 102.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Русская дореволюционная историко-правовая мысль при общем отрицательном отношении к правлению Анны Иоанновны обходила умолчанием данный факт или оценивала его негативно (посягательство на принцип самодержавия). Не придавалось ему должного политического значения и в советской историко-правовой литературе (конституционализм чужд диктатуре пролетариата и идеалам коммунизма). В современных российских условиях, которые включают в себя официальное юридическое признание фундаментальных принципов конституционализма (разделения властей, народовластия, верховенства прав человека) актуализируется проблема историко-правовой оценки митавских кондиций [2, с. 71], осмысления хода соответствующих событий [3, с. 44] в контексте последующих исторических фактов [4, с. 45] (восстания декабристов; учреждения Николаем II Государственной думы; выборов, созыва и роспуска Учредительного собрания; брежневской конституционной реформы, горбачевской перестройки, ельцинских преобразований, современного государственного строя и др.)[2]. Во всяком случае с современных позиций митавские кондиции нуждаются в *новой либо существенно обновленной интерпретации.*

Методы

Диалектика как методология научного познания явлений действительности в их развитии и самодвижении, основанная на определении противоречий в развитии процессов и явлений составила методологическую основу исследования. В работе на основе методологических принципов единства теории и практики, объективности, всесторонности изучения социальных процессов и явлений, единства исторического и логического применялся комплекс методов, выработанных и апробированных наукой истории государства и права. Использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход, метод сравнительного правоведения, позволяющие осуществить анализ теоретического наследия конституционных принципов в России в условиях первой половины XVIII века.

Результаты

1. Сравнительно-правовая характеристика раннего проектного конституционализма в Российской империи и современного конституционного механизма разграничения полномочий

Следует прежде всего сравнить *содержание* митавских кондиций [5, с. 45] с современным конституционно-правовым регулированием общественных отношений. Кондиции включали восемь условий, по которым власть российской короны ограничивалась посредством обязательства «всегда содержать» Верховный Тайный Совет и «без его согласия» не принимать соответствующих решений под угрозой санкции лишения статуса монарха (приблизительная аналогия для современной России – восемь полномочий, которые должен был бы осуществлять Президент Российской Федерации исключительно с согласия парламента; глава государства не вправе распустить парламент и полномочия Президента Российской Федерации подлежат прекращению в случае неисполнения любого из этих обязательств).

Аналогия, конечно, весьма неточная, потому что Верховный Тайный Совет не являлся парламентом или даже протопарламентом, а современный Президент Российской Федерации не имеет статуса монарха. Вместе с тем уже на данном этапе сравнительного историко-правового анализа хорошо видно, что предложения верховников отличались крайностью и даже радикальностью. Так, в современной России Президент имеет ряд полномочий, которые реализуются им по согласованию с палатами парламента, но Президент Российской Федерации вправе распустить Государственную Думу (роспуску не подлежит лишь Совет Федерации), а неисполнение главой государства соответствующих обязанностей само по себе не влечет досрочного прекращения его полномочий (отрешение от должности возможно в случае совершения государственной измены или иного тяжкого преступления) [6, с. 71]. Однако противоправное действие или бездействие главы государства может быть сегодня обжаловано в суде [7, с. 23].

Восемь условий (кондиций) по замыслу верховников включали в себя следующие позиции: 1) вопросы войны и (2) мира (в современных условиях – компетенция Совета Федерации, Президент Российской Федерации обладает правом инициативы); 3) налогообложение (сегодня это реализуется в форме закона, т. е. составляет одновременно компетенцию палат Федерального Собрания и Президента Российской Федерации, а также может быть проверено Конституционным

[2] Демьяненко М. А. Особенности абсолютизма как формы государственного правления и развитие правовой системы в период властвования императрицы Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 18.

Судом Российской Федерации); 4) жалование в высшие чины (по сей день эта прерогатива принадлежит единолично главе государства и реализуется им без участия парламента); 5) лишение без суда жизни, имущества и чести шляхетства (весьма неопределенный пункт митавских кондиций, поскольку неясно, достаточно ли воли суда или требуется также согласие Верховного Тайного Совета; в современной России действует мораторий на применение смертной казни; лишение имущества возможно только по решению суда; честь и достоинство являются неприкосновенными); 6) жалование вотчин и деревень (сегодня казенным имуществом распоряжаются органы исполнительной власти под ограничительным воздействием антикоррупционного законодательства); 7) производство в придворные чины (в условиях республиканской формы правления полномочие устарело и не имеет современных аналогов); 8) государственные расходы (аналогично доходам, в сегодняшней России эту функцию осуществляют парламент и глава государства посредством законотворчества и промульгации законов).

Вышеприведенные факты убеждают, что с позиций XXI века упрекать верховников в попытке совершения государственного переворота, захвата или присвоения власти, мятежа или бунта по меньшей мере несправедливо [8, с. 43]. Это было бы равносильно современному оправданию действий инквизиции в отношении Джордано Бруно, который отважился, вслед за Коперником, отрицать геоцентрическую модель Птоломея[3]. Верховники предложили короне первую (пусть и отчасти «грубую», «примитивную» и «нежизнеспособную») модель отечественного конституционализма, за что поплатились монаршей карой. Но конституционализм сегодня признается (аналогично открытиям Коперника), а царское самодержавие осталось глубоко в истории (в сравнении, в данном случае, с геоцентрической моделью Птоломея).

Верховники руководствовались во многом личными интересами, им не было свойственно однозначное стремление к достижению «абстрактного блага» государства (равно как и царице, генералитету, офицерам и шляхетству, которые своими последующими действиями кондиции нивелировали). Кроме того, верховники были весьма опытными царедворцами и, вероятно, хорошо понимали, чем они рискуют (их вряд ли следует упрекать в наивности). Они руководствовались трезвым и сдержанным политическим расчетом (пусть и не лишенным отдельных элементов романтизма), который, к сожалению для них, не оправдался. В отличие от британской Magna Carta («живая ветвь» британского конституционализма, давшая современные «плоды») [9, с. 249], митавские кондиции сыграли в российской истории роль «несостоявшегося проекта», который *не имел прямого продолжения* в будущей государственно-правовой практике, был жестко пресечен, а зачинщики – подвергнуты весьма суровому царскому наказанию в назидание потомкам. Это имело несомненные политико-правовые последствия и во многом предопределило дальнейший ход отечественной истории государства и права.

2. Ранний проектный конституционализм, западноевропейское влияние и отечественные политические традиции

Содержание митавских кондиций сформировалось под влиянием западноевропейского конституционализма, включая персональные взгляды главного идеолога верховников Д. М. Голицына. Это был первый проект российской конституции[4], который стал одним из истоков отечественного конституционализма, поскольку предполагал отказ от абсолютной монархии при ее сохранении как основного института власти [10, с. 24]. Митавские кондиции – феномен раннего конституционализма в Российской империи, который не имел ничего общего с захватом или присвоением власти, но продемонстрировал свою историко-правовую несостоятельность в условиях 1730 года. При этом использование выгодного политического момента верховниками (предложение кондиций будущей монархине до ее вступления на престол) следует расценивать как разумный политический маневр, который повышал его шансы на успех [11, с. 14].

Проект все же оказался безрезультатным. Формальным поводом и одним из важных оснований для его блокирования послужили две петиции дворян вступившей на престол царице (полагаем весьма существенным, что прошений было два; они различались по целям и содержанию). Первое ходатайство включало обвинение верховников (по 19 пунктам) и официальную просьбу об организации представительного собрания генералитета, офицеров и шляхетства.

[3] Имеется точка зрения, что инквизиция расправилась с Джордано Бруно не за его научные взгляды, но как нераскаявшегося еретика за отрицание догматов католической веры. В любом случае данный пример красноречиво свидетельствует о пересмотре, с течением времени, ряда ценностей, которые в историческом прошлом казались незыблемыми (*прим. авт.*).

[4] Ложкин В. О. Кондиции Анны Иоанновны как первый проект Конституции в России / Advances in Science and Technology : сборник статей LX международной научно-практической конференции, г. Москва, 30 апреля 2024 г. Москва : Актуальность.РФ, 2024. С. 423.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

По существу в данном ходатайстве ключевые идеи митавских кондиций под сомнение не ставились – речь шла лишь о замене, как мы сегодня бы сказали, «субъекта конституционных правоотношений» (институциональный ограничитель абсолютной власти монарха – не Верховный Тайный Совет, но предполагаемое представительное собрание генералитета, офицеров и шляхетства).

Подчеркнем при этом, что в стране в 1730 году был организован и действовал Сенат – официальный орган власти, сформированный еще Петром Великим. Верховный Тайный Совет был также официальным органом [12, с. 13], учрежденным именным указом императрицы Екатерины I. Сформированный на законной основе, Верховный Тайный Совет имел достаточные основания к соперничеству с Сенатом в вопросах о разграничении властных полномочий. Что же касается представительного собрания генералитета, офицеров и шляхетства – это означало лишь гипотетическую политическую модель, формировавшуюся стихийно, на волне протеста против политического маневра верховников (с современных позиций сложно оценивать, служили ли основными мотивами к этому страх или зависть дворян, не входивших в состав Верховного Тайного Совета). По всей вероятности, верховники не ожидали увидеть дворянскую депутацию, будучи уверенными в прочности своего положения [13, с. 89].

После рассмотрения первого прошения Анна Иоанновна отправила зачинщиков протеста на совещание, чтобы выработать проект альтернативного политического решения. Сегодня кажется почти невероятным, что депутация генералитета, офицеров и шляхетства заявила политический протест против верховников, представлявших один из официальных органов государства. Протестующие очень рисковали в случае, если бы позиция верховников возобладала, поскольку в первой половине XVIII века господствовала традиция весьма жестокой расправы с политическими оппонентами. Однако эта депутация оказалась неспособной к элементарной институциональной организации на последующих стадиях развития кризисной и экстраординарной ситуации.

Сегодня точно неизвестно, что происходило на двухчасовом совещании протестующих. Главное, что второе прошение *ограничилось* ходатайством о реставрации *неограниченной* монархии, которая находилась в состоянии «ограниченности» ровно месяц (с 25 января по 25 февраля 1730 г.) [14, с. 70].

Верховный Тайный Совет как политическая институция сформировался в период правления Екатерины I, когда наблюдалось состояние государственно-правовой неопределенности в вопросе о «петровском наследии»[5]. Петр Великий открыл для России пути западной цивилизации, преодолел «замкнутость» Московского царства, но в вопросах власти придерживался патриархальных ценностей, включая максиму о неограниченной власти монарха. Учрежденные при Петре I Сенат, коллегии и должность прокурора как «ока государева» имели целью не институциональное ограничение власти царя, но выполнение отдельных государственных функций «по его поручению либо в его отсутствие» (современная формула статуса заместителей должностных лиц, довольно точно отражающая замыслы Петра).

Царь Петр был монархом-реформатором, не нуждавшимся в институциональных ограничениях (подчеркнем, что данный принцип актуален и сегодня; конституционный механизм разделения властей служит препятствием для излишнего реформаторства и является фактором во многом консервативным и сдерживающим) [15, с. 10]. Петром Великим, однако, были учреждены новые институты государственной власти (пусть и лишенные существенных юридических полномочий). От этого состояния до «раннего конституционализма» требовался всего один шаг – наделить петровские политические институты пусть даже сравнительно ограниченной, но значимой компетенцией [16, с. 56].

Екатерина I не была склонна к фактическому правлению и предпочитала возложение своих прерогатив на узкий круг приближенных лиц. Так, в сущности, сформировался Верховный Тайный Совет, который первоначально не заявлял каких-либо претензий на власть, поскольку имманентно ею обладал. В действительности, конечно, все это не выглядело столь однозначно. Один из первых (в двух смыслах) верховников А. Д. Меншиков стремился всячески «переиграть» Верховный Тайный Совет в пользу фактического единоличного правления, и отчасти ему это удалось[6]. Однако при Петре II он угодил в опалу, и Верховный Тайный Совет ощутил кажущуюся

[5] Жиленко А. С. Верховный Тайный Совет в системе властеотношений Российской империи (1726-1730 гг.) : историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2016. С. 12.

[6] Гвоздкова В. В. «Полудержавный властелин» Александр Даниилович Меншиков / Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра : материалы VII Международной научной конференции, посвященной развитию университетского образования в России : в 2-х т., г. Санкт-Петербург, 13 декабря 2024 г. / отв. ред.: Ю. В. Ватолина, А. С. Минин. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2024. Т. 2: Научные сообщения студентов. С. 233.

ему институциональную устойчивость. Переоценка данного положения (разумного при пассивной Екатерине I и несовершеннолетнем Петре II) во многом сыграла решающую роль в деле о митавских кондициях при 37-летней и полной амбиций Анне Иоанновне.

Для сравнения приведем историко-правовой опыт появления феномена британского парламента. Данная политическая институция изначально сформировалась как собрание фискалов, т. е. лиц, которые знали, как следует уплачивать налоги в английскую казну. Будучи представителями «с мест», они скоро обнаружили, какую фактическую власть заключает в себе осведомленность о механизме налогообложения и в конечном итоге предпочли дислоцироваться в Лондоне. Британский парламент изначально был чужд современному механизму многопартийности (т. е. подлинного с современной точки зрения парламентаризма, при котором правящие и оппозиционные партии поочередно сменяют друг друга вследствие результатов политических выборов). Но британский парламент как институт сравнительно прочно противостоял английской короне [17, с. 39] (король был не вправе распоряжаться казной, он должен был обращаться с ходатайством к парламенту о государственных расходах, королю принадлежали только личные материальные средства как феодалу; вместе с тем британский монарх имел существенные рычаги воздействия на членов парламента, поскольку ему принадлежали соответствующие права в отношении всех его подданных, включая парламентариев).

Митавские кондиции, конечно, предполагали требования финансового характера («третье» и «восьмое» условия), но этим они не ограничивались. Кондиции связывали монархию настолько широкими обязательствами, что царица не могла не понимать, насколько номинальным становится ее фактический статус. В отличие от британского парламента, Верховный Тайный Совет выглядел неокрепшей институцией, которой сложно было бы противостоять учрежденному при Петре I Сенату или гипотетическому представительному собранию дворянства. Шляхта кроме того еще не находилась в состоянии личной свободы (она ей была дарована лишь при Екатерине II). В довершение картины 1730 года следует упомянуть господство суровых нравов, политический обскурантизм, хрупкую и уязвимую жизнь подданных, противоречивость результатов петровских преобразований, наличие неформальных придворных партий в пользу «западного» или «исконного» пути развития, в предпочтении той или иной ветви династии Романовых «из гнезда петрова» либо вне его. При указанных обстоятельствах сложно было бы ожидать *такой степени дальновидности и политической разумности, чтобы заблаговременно обнаружить преимущества конституционной и ограниченной монархии.*

Современники Анны Иоанновны недолюбливали (если не сказать больше) царицу за «насаждение» России иностранцами, занятие ими ряда ключевых постов и должностей. Британский или шведский конституционализм тем более воспринимался бы как чужеродный элемент, противоречащий «исконным» ценностям (хотя выглядит весьма условным, стоит ли понимать под «исконностью» наследие Петра I или Ивана III, Киевскую Русь или татаро-монгольское владычество). Во всяком случае, русские князья никогда не были самодержцами и неограниченными монархами. Московское царство от Ивана III до Петра Великого сформировалось под влиянием татаро-монгольских паттернов, которые никак не следует считать исконными для русской государственности (они были именно привнесенными за счет чужеродного влияния, хотя и не западноевропейского образца).

3. Политико-правовые условия 1730 года и их влияние на продвижение (низвержение) митавских кондиций

Кондиции верховников были политически новаторскими, что не могло не встретить сопротивления. Члены Верховного Тайного Совета, как утверждают свидетельства, «обрадовались», что Анна Иоанновна предложенные ей условия в Митаве подписала (с юридической точки зрения это означало, что кондиции приобрели силу закона). Со стороны вступающей на престол принцессы явного противодействия пока не наблюдалось. Однако в российской среде с нарастающей силой складывалась разносторонняя оппозиция. В эксплицитной форме ее практически сразу выразил П. И. Ягужинский – он отправил доверенное лицо к Анне Иоанновне, чтобы предупредить о коварных замыслах верховников. Исторически известно, что Анна Иоанновна располагала соответствующими сведениями из других, дипломатических источников. Верховники разрабатывали кондиции не публично, но и не полностью конфиденциально – на их совещания приглашались представители Сената и генералитета. Были предприняты определенные меры вооруженной охраны, чтобы оградить будущую монархиню от постороннего влияния (П. И. Ягужинский, например, был арестован). На первом этапе складывалось впечатление, что позиция верховников возобладала.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Ключевые замыслы Верховного Тайного Совета при разработке проекта кондиций весьма точно отражают фразы «прибавить бы воли» и «долго ли нам терпеть, что нам головы секут», которые многократно произносились верховниками в ходе их совещаний. После подписания кондиций Анной Иоанновной ее согласие было официально провозглашено на совместном заседании Верховного Тайного Совета, Сената и генералитета. Реакцией было всеобщее молчание и оцепенение. Русский историк Н. И. Костомаров квалифицировал это как «облить холодной водой восторг сторонников свободы» [23, с. 883]. В дальнейшем стало очевидно, что интересы вельмож, шляхетства и народа в их противодействии институту абсолютной монархии не тождественны. В дворянской и военной среде «пошли толки» («иго временщиков», верховники – настоящие «властелины» и т. п.). Воцарение нового правительства пугало своей новизной.

Митавские кондиции как проект политического документа составлялись верховниками в сжатые сроки, без тщательной проработки и предварительного согласования. Но этот недостаток имел возможность для исправления и корректировки. После официального оглашения кондиций в заседании Сената от 2 февраля 1730 г. вносились замечания и предложения (в общей сложности насчитывалось 12 альтернативных проектов, смысл которых сводился к тому, чтобы «вырвать» правление «из рук» нескольких высокородных фамилий и передать его шляхетству). В свою очередь Д. М. Голицын внес коррективы в политический проект, который в обновленной форме выглядел более компромиссным (царица обладает властью над двором и личной гвардией в целях охраны; расширение состава Верховного Тайного Совета до 10–12 членов из числа знатных фамилий; уполномочие Сената на предварительное рассмотрение решений Верховного Тайного Совета; учреждение Шляхетской палаты в количестве 200 выборных, а также Палаты городских представителей в целях обеспечения депутации народа). Это была последняя попытка примирить позиции Верховного Тайного Совета и шляхетства. Полагаем, что ее следует охарактеризовать как *вполне совершенный проект «раннего конституционализма», который при надлежащей последовательности и разумности действий можно было бы внедрить в политическую практику* того времени. Повторно цитируя русского историка Н. И. Костомарова, согласимся, что здесь проявилась, главным образом, «неспособность» наших предков твердо «стоять за обдуманный план перемен в общественном строе» [18, с. 245].

Несмотря на то, что эксплицитная оппозиция П. И. Ягужинского была заблокирована арестом, в обществе рождались новые очаги эксплицитного (со стороны гвардии, шляхетства) и имплицитного противостояния (своего рода «серым кардиналом» в этом процессе выступил А. И. Остерман, подговаривая общество к тому, чтобы вернуться к исконному самодержавию). Важное значение имели также действия царицы Анны Иоанновны. 12 февраля 1730 г. она объявила себя полковником Преображенского полка и капитаном кавалергардской роты, что обеспечивало ей поддержку со стороны военных. Последние, как известно, сыграли одну из решающих ролей в событиях 25 февраля (гвардейские офицеры «громко кричали» о восстановлении самодержавия и проявляли готовность «сложить к ногам императрицы головы злодеев», т. е. противников самовластия).

Окончательно события выглядели следующим образом. Многочисленные шляхетские «кружки» после двухдневного обсуждения с 23 по 24 февраля 1730 г. пришли к решению о необходимости обращения к царице с челобитной (о дозволении составить из генералитета, офицеров и шляхетства комиссии для пересмотра митавских кондиций). Поскольку после подписания кондиций они имели силу закона, чтобы официально их пересмотреть, требовалась воля царицы. Подача ходатайства состоялась утром 25 февраля. Присутствовавшие во дворце гвардейцы настаивали на восстановлении самодержавия, угрожая применением вооруженной силы. Примечателен первый диалог В. Л. Долгорукова с А. М. Черкасским: на фразу «Кто позволил вам, князь, присвоить себе право законодателя?» последовал ответ: «Вы вовлекли государыню в обман» (кондиции составлены без нашего ведома и участия). Анна Иоанновна колебалась (обсудить петицию или ее немедленно подписать), но в конечном итоге предпочла быстрые и решительные действия. Депутации было дано время «до вечера», чтобы подготовить проект второй челобитной, после чего царица удалилась на обед.

Заседание происходило под непосредственным надзором гвардейских офицеров, готовых немедленно применить силу. Вторая челобитная, кстати, включала в себя не только ходатайство о самодержавии, но и официальную просьбу восстановить Сенат в том значении, какое дал ему основатель Петр Великий (в этом смысле идея раннего конституционализма в прошении отчасти сохранилась, но это уже не имело никакого значения). Анна Иоанновна спросила у членов Верховного Тайного Совета, согласны ли они. В ответ они молча склонили головы. Далее последовала знаменитая фраза: «Стало быть, ты меня обманул, князь Василий Лукич», и митавские кондиции были демонстративно разорваны. Поступил приказ освободить из-под стражи

П. И. Ягужинского, который был поощрен «за верность и защиту царских самодержавных прав»; Сенат восстановлен, М. И. Ягужинский вновь назначен его генерал-прокурором. В тот же вечер Д. М. Голицын произнес в кругу близких друзей ставшую хрестоматийной фразу: «Пир был готов, но гости стали недостойны пира».

Приведенные события 300-летней давности имеют продолжение в отечественной истории государства и права, а также определенные последствия в наши дни. Монархический тип правосознания во многом характерен для российской политической культуры (во всяком случае, нелюбовь к «временщикам» проявляется в нежелании следовать конституционным правилам о сменяемости власти, ограниченности сроков полномочий выборных должностных лиц, поочередном присутствии в парламенте правящих и оппозиционных политических сил). Это неудивительно, поскольку и после падения монархии в феврале 1917 года Советская Россия не знала опыта конституционного народного представительства (фактические главы СССР замещали должности пожизненно, за исключением Н. С. Хрущева; они не выбирались непосредственно народом или парламентским путем, срок их полномочий законом не ограничивался; депутатское представительство осуществляло во многом формальные функции).

В условиях политического кризиса российское общество неоднократно и далее демонстрировало свою неспособность к институционализации конституционных принципов народовластия и разделения властей. Особенно ярко это проявилось в историческом промежутке между падением самодержавия в феврале и Октябрьской революцией 1917 года: сосуществование Советов и Временного правительства, хаос и безвластие. В кризисных условиях, как и в эпоху Анны Иоанновны, власть нередко опиралась на поддержку вооруженных людей (сравним это с роспуском Учредительного собрания большевиками). Конечно, развитый и совершенный конституционализм – не панацея от политических кризисов, но в целом он является весьма прочной основой для политической стабильности и, что сегодня особенно важно, государственной безопасности.

В условиях 1730 года не могла быть разработана и тем более внедрена конституция, согласно которой носителем суверенитета и единственным источником власти объявлялся бы народ (последний должен быть юридически свободным и состоять из граждан, не из подданных); форма правления была бы республиканской (ограниченная монархия в первой половине XVIII века выглядела предпочтительной); парламент формировался бы на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании на определенный срок (да еще и с верховными законодательными полномочиями, которые имеют юридический приоритет над подзаконным регулированием); правосудие отправлялось бы независимым судом (по уголовным делам сравнительно высокой тяжести – с участием присяжных заседателей), будучи состязательным в контексте процессуального статуса прокуроров и адвокатов, истцов и ответчиков и т. д. Все это ожидало Россию в будущем. Однако опыт верховников, пусть и неудачный, заложил определенный фундамент для предстоящих преобразований.

Первое знакомство с историко-правовыми событиями 1730 года создает впечатление о коварстве, вероломстве и мстительности царицы Анны Иоанновны[7]. Подписывая кондиции, она заведомо знала о расколе в позициях вельмож, шляхетства и народа. Тем не менее будущая монархиня официально взяла на себя соответствующие политические обязательства (в противном случае она рисковала тем, что верховники предпочтут другую кандидатуру на царствование). Это убедило Верховный Тайный Совет в перспективности выбранной им политической траектории. Далее верховники предприняли вполне разумные превентивные и корректирующие меры (арест П. И. Ягужинского, готовность обсуждать и пересмотреть содержание кондиций, включая учреждение палат представительства шляхетства и народа). Ожидать от членов Верховного Тайного Совета полного отказа от власти в пользу Сената или гипотетической палаты шляхетства было бы нелогично, поскольку именно им принадлежала политическая инициатива. Руководствовались же они весьма прагматичными целями («прибавить воли», «долго ли терпеть, что головы секут»). На институт монархии верховники не посягали и относились к царице с надлежащим пиететом. Их действия были исключительно мирными, если не принимать во внимание наличие ряда превентивных мер полицейского характера.

Петиция шляхетства от 25 февраля 1730 г. верховников, по свидетельству ряда очевидцев, «ошеломила». По всей вероятности, они ожидали более благоприятного развития событий. Инициативу перехватила царица, и с этой точки зрения ее не следует осуждать, поскольку в условиях политического противостояния складывается, по аналогии с военными баталиями, партикулярная диспозиция противоборствующих сил. Каждая из сторон имеет естественные

[7] Энциклопедия российской монархии. Москва : ЭКСМО, 2002. С. 51.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

мотивы к достижению выгодного для нее результата. Анна Иоанновна этим воспользовалась, и предпочтительная ей абсолютная монархия была восстановлена.

Нечто аналогичное можно усматривать в действиях Николая I, который был вынужден противостоять восстанию декабристов под угрозой собственной безопасности и института монархии как такового (подчеркнем при этом, что декабристы не обращались к Николаю I с прошением, тем более царь с условиями ходатайства не соглашался; декабристы замышляли действительный государственный переворот, осуществляемый вооруженным путем). Требовали же декабристы (во многом вследствие ознакомления с опытом Франции и других европейских стран в ходе Отечественной войны 1812 года) установления того же конституционного государственного строя по западноевропейскому образцу с учетом российских политических реалий, как и члены Верховного Тайного Совета в 1730 году.

Заключение

Полагаем, что действия верховников нуждаются в адекватной *историко-правовой реабилитации*, предполагающей *признание в современной России их заслуг перед Отечеством*. Действуя во многом интуитивно, но опираясь на фрагментарный британский и шведский опыт, они предприняли политически смелую попытку *институционализации ранней отечественной модели конституционного правопорядка*, которая была вполне *адекватна общественным запросам России первой половины XVIII века*. Абсолютная, конституционно не ограниченная монархия в 1730 году служила серьезным препятствием для позитивного развития государства, а реставрация безусловного самодержавия в первой половине XVIII века явилась одной из причин дальнейших социальных кризисов и потрясений, которые переживала Российская империя, особенно остро – в 1825, 1905 и 1917 годах. Поддерживавшиеся верховниками ценности *запрета произвольного лишения жизни* («головы секут») и *юридически ограниченной власти главы государства* («добавить воли») имеют *несомненное подтверждение* в современном российском конституционном строе. Их идеи сегодня положены в основу нормативного содержания прежде всего ст. 10 и 20 Конституции Российской Федерации[8], а также действующего законодательства и практики Конституционного Суда Российской Федерации, включая мораторий высшего судебного органа конституционного контроля на применение смертной казни.

Список источников

1. *Нижник Н. С.* Митавские кондиции: эксперимент по установлению конституционной монархии в Российской империи / Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы : материалы Международной научно-теоретической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 11–12 декабря 2009 г. / под ред. Н. С. Нижник. Санкт-Петербург : Астерион, 2009. С. 279–282.

2. *Дашкевич Н. Г.* К истокам российского конституционализма? Кондиции времен Анны Иоанновны / Проблемы защиты прав: история и современность : материалы XVIII Международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 24 октября 2023 г. / отв. ред.: И. С. Кокорин. Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2024. С. 71–74.

3. *Жиленко А. С.* Трансформация Верховного Тайного Совета и «кондиции» Анны Иоанновны как его несостоявшийся проект по ограничению монаршей власти // Право и государство: теория и практика. 2015. № 10 (130). С. 44–48.

4. *Ахмедова С. С.* От «кондиций» к конституции: сравнительный анализ политических проектов Российской империи XVIII века // Северный регион: наука, образование, культура. 2025. Т. 26, № 3. С. 45–53. https://doi.org/10.35266/2949-3463-2025-3-5

5. *Плотников А. Б.* «Кондиции» Верховного Тайного Совета Анне Иоанновне в 1730 г. (опыт источниковедческого изучения) // Отечественные архивы. 2020. № 1. С. 45–52.

6. *Марино И.* Отрешение Президента РФ от должности: разработки, концепции, позиции участников конституционного совещания 1993 г. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 2 (8). С. 71–83.

7. *Нарутто С. В.* Российская модель конституционного правосудия в контексте межцивилизационного диалога // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 20. С. 23–26.

8. *Омельченко Н. А.* «Наследники» Петра Великого: власть и управление в послепетровской России // Вестник университета. 2022. № 6. С. 40–47. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-6-40-47

9. *Lewis N. B.* Magna Carta: Part I. The constitutional significance of Magna Carta // Parliamentary Affairs. 1964. Vol. XVIII, № 3. P. 249.

10. *Назаренко Н. И.* О «кондициях» к Анне Иоанновне // История государства и права. 2011. № 16. С. 24–29.

11. *Пронкин С. В.* Политический кризис 1730 г. в литературе XVIII – первой половины XIX вв. // Государственное управление. Электронный вестник : [сетевое издание]. 2011. № 26. С. 14. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=16403649

12. *Рассказов Л. П., Жиленко А. С.* Политико-правовая роль Верховного Тайного Совета в развитии российской государственности в годы правления Екатерины I и Петра II // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 1 (62). С. 13–17.

13. *Пронкин С. В.* Политические намерения Верховного Тайного Совета в 1730 г. // Вестник Московского университета. Серия: Управление (государство и общество). 2011. № 3. С. 89–105.

[8] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 20.04.2026).

14. *Козлова А. А.* Вступление на престол русской императрицы Анны Иоанновны // Вестник Омского университета. 2013. № 3 (69). С. 70–74.
15. *Сергевнин С. Л.* Судебная власть и конституционное правосудие в контексте принципа разделения властей // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 2. С. 9–16.
16. *Кононов П. И.* Правительствующий Сенат в период правления Петра Великого как орган административной юрисдикции // Правосудие. 2022. Т. 4, № 3. С. 54–75. https://doi.org/10.37399/2686-9241.2022.3.54-75
17. *Коновалова Л. Г.* «Ранний» парламентаризм в Великобритании в XVII–XVIII веках // История государства и права. 2017. № 6. С. 39–43.
18. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : монография. Москва : АСТ, 2006. 607 с.

References

1. *Nizhnik N. S.* Mitavskie kondicii: eksperiment po ustanovleniyu konstitucionnoj monarhii v Rossijskoj imperii / Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo kak faktory modernizacii rossijskoj pravovoj sistemy : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 11–12 dekabrya 2009 g. / pod red. N. S. Nizhnik. Sankt-Peterburg : Asterion, 2009. S. 279–282.
2. *Mincheva D. A.* O vliyanii zapadnoevropejskogo konstitucionnogo zakonodatel'stva na soderzhanie kondicij Anny Ioannovny / Aktual'nye voprosy yuridicheskoj nauki glazami molodyh issledovatelej : sbornik statej po itogam Chetvertoj Vserossijskoj nauchnoj konferencii kursantov, studentov, ad"yunktov, aspirantov i soiskatelej, g. Ryazan', 2 fevralya 2024 g. Moskva : Poster-M, 2024. S. 102–105.
2. *Dashkevich N. G.* K istokam rossijskogo konstitucionalizma? Kondicii vremen Anny Ioannovny / Problemy zashchity prav: istoriya i sovremennost' : materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Sankt-Peterburg, 24 oktyabrya 2023 g. / otv. red.: I. S. Kokorin. Sankt-Peterburg : Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A. S. Pushkina, 2024. S. 71–74.
3. *Zhilenko A. S.* Transformaciya Verhovnogo Tajnogo Soveta i «kondicii» Anny Ioannovny kak ego nesostoyavshijsya proekt po ogranicheniyu monarshej vlasti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2015. № 10 (130). S. 44–48.
4. *Ahmedova S. S.* Ot «kondicij» k konstitucii: sravnitel'nyj analiz politicheskih proektov Rossijskoj imperii XVIII veka // Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura. 2025. T. 26, № 3. S. 45–53. https://doi.org/10.35266/2949-3463-2025-3-5
5. *Plotnikov A. B.* «Kondicii» Verhovnogo Tajnogo Soveta Anne Ioannovne v 1730 g. (opyt istochnikovedcheskogo izucheniya) // Otechestvennye arhivy. 2020. № 1. S. 45–52.
6. *Marino I.* Otreshenie Prezidenta RF ot dolzhnosti: razrabotki, koncepcii, pozicii uchastnikov konstitucionnogo soveshchaniya 1993 g. // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2010. № 2 (8). S. 71–83.
7. *Narutto S. V.* Rossijskaya model' konstitucionnogo pravosudiya v kontekste mezhcivilizacionnogo dialoga // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2009. № 20. S. 23–26.
8. *Omel'chenko N. A.* «Nasledniki» Petra Velikogo: vlast' i upravlenie v poslepetrovskoj Rossii // Vestnik universiteta. 2022. № 6. S. 40–47. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-6-40-47
9. *Lewis N. B.* Magna Carta: Part I. The constitutional significance of Magna Carta // Parliamentary Affairs. 1964. Vol. XVIII, № 3. P. 249.
10. *Nazarenko N. I.* O «kondiciyah» k Anne Ioannovne // Istoriya gosudarstva i prava. 2011. № 16. S. 24–29.
11. *Pronkin S. V.* Politicheskij krizis 1730 g. v literature XVIII – pervoj poloviny XIX vv. // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik : [setevoe izdanie]. 2011. № 26. S. 14. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=16403649
12. *Rasskazov L. P., Zhilenko A. S.* Politiko-pravovaya rol' Verhovnogo Tajnogo Soveta v razvitii rossijskoj gosudarstvennosti v gody pravleniya Ekateriny I i Petra II // Yurist"-Pravoved". 2014. № 1 (62). S. 13–17.
13. *Pronkin S. V.* Politicheskie namereniya Verhovnogo Tajnogo Soveta v 1730 g. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2011. № 3. S. 89–105.
14. *Kozlova A. A.* Vstuplenie na prestol russkoj imperatricy Anny Ioannovny // Vestnik Omskogo universiteta. 2013. № 3 (69). S. 70–74.
15. *Sergevnin S. L.* Sudebnaya vlast' i konstitucionnoe pravosudie v kontekste principa razdeleniya vlastej // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. 2012. № 2. S. 9–16.
16. *Kononov P. I.* Pravitel'stvuyushchij Senat v period pravleniya Petra Velikogo kak organ administrativnoj yurisdikcii // Pravosudie. 2022. T. 4, № 3. S. 54–75. https://doi.org/10.37399/2686-9241.2022.3.54-75
17. *Konovalova L. G.* «Rannij» parlamentarizm v Velikobritanii v XVII–XVIII vekah // Istoriya gosudarstva i prava. 2017. № 6. S. 39–43.
18. *Kostomarov N. I.* Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah ee glavnejshih deyatelej : monografiya. Moskva : AST, 2006. 607 s.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 340

Юридические технологии: проблемы теории и практики

Максим Викторович Бавсун[1], доктор юридических наук, профессор
Екатерина Сергеевна Зайцева[2], доктор юридических наук, доцент
Дмитрий Алексеевич Огорелков[3], кандидат юридических наук

[1–3] Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
[1] kafedramvd@mail.ru, [2] zay_tseva@mail.ru, [3] ogorelkov97@yandex.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-1407-2609, [2] https://orcid.org/0000-0003-0688-2967,
[3] https://orcid.org/0000-0002-1230-113X

Аннотация:
Введение. *В статье освещены вопросы, поднятые в ходе XXIII международной научно-практической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития» на тему «Юридические технологии: проблемы теории и практики», состоявшейся в Санкт-Петербургском университете МВД России 23 апреля 2026 г. В работе конференции приняли участие более 260 ученых и практиков из России и зарубежных государств, а также более 160 молодых исследователей. В рамках научной дискуссии были затронуты проблемы теоретического обоснования и практического воплощения юридических технологий.* **Методы.** *Методологическую основу исследования образуют общие принципы научного познания (всесторонность, историзм, объективность, плюрализм), подходы и методы, традиционно относящиеся к методологическому аппарату теоретико-исторических юридических наук.* **Результаты.** *Выявлены и охарактеризованы позиции ведущих современных ученых и практиков по следующим теоретико-правовым проблемам: воздействие и взаимодействие технологий и права; теоретико-методологические основы исследования юридических технологий; современные юридические технологии в правотворчестве; современное состояние и историческая ретроспектива юридических технологий в интерпретационной и правоприменительной деятельности.*

Ключевые слова:
юридические технологии, правотворческие технологии, правоприменительные технологии, интерпретационные технологии, толкование права, технологизация, технологический императив, цифровизация

Для цитирования:
Бавсун М. В., Зайцева Е. С., Огорелков Д. А. Юридические технологии: проблемы теории и практики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 31–45.

Статья поступила в редакцию 28.06.2026; одобрена после рецензирования 03.08.2026; принята к публикации 25.09.2026.

Original article

Legal technologies: theory and practice

Maksim V. Bavsun[1], Doc. Sci. (Jurid.), Professor
Ekaterina S. Zaytseva[2], Doc. Sci. (Jurid.), Docent
Dmitry A. Ogorelkov[3], Cand. Sci. (Jurid.)

[1–3] Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
[1] kafedramvd@mail.ru, [2] zay_tseva@mail.ru, [3] ogorelkov97@yandex.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-1407-2609, [2] https://orcid.org/0000-0003-0688-2967,
[3] https://orcid.org/0000-0002-1230-113X

Abstract:
Introduction. *The article highlights the issues raised during the XXIII International Scientific Conference "State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects" on the theme "Legal Technologies: Problems of Theory and Practice", held at Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia on April 23, 2026. The conference brought together over 260 scholars and practitioners from Russia*

Keywords:
llegal technologies, law-making technologies, law enforcement technologies, interpretive technologies, legal interpretation, technologisation, technological imperative, digitalisation

© Бавсун М. В., Зайцева Е. С., Огорелков Д. А., 2026

and abroad, as well as more than 160 young researchers. The scientific discussion addressed the problems of theoretical substantiation and practical implementation of legal technologies. **Methods.** *The research is based on the general principles of scientific cognition (comprehensiveness, historicism, objectivity, pluralism), as well as the approaches and methods traditionally used in theoretical and historical legal sciences.* **Results.** *The study examines the views of contemporary scholars and practitioners on key theoretical and legal issues: the interplay between technology and law; their theoretical and methodological foundations; the role of modern legal technologies in law-making; and their historical and current dimensions in interpretation and enforcement.*

For citation:
Bavsun M. V., Zaytseva E. S., Ogorelkov D. A. Legal technologies: theory and practice // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 31–45.

The article was submitted June 28, 2026; approved after reviewing August 3, 2026; accepted for publication September 25, 2026.

Введение

В статье представлен обзор докладов участников XXIII международной научно-практической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития», традиционно организованной Санкт-Петербургским университетом МВД России и состоявшейся 23 апреля 2026 г. Конференция была посвящена проблемам теории и практики юридических технологий. В первый день работы конференции приняли участие более 260 ученых и практиков из России и из-за рубежа, а также более 160 молодых исследователей (курсантов, слушателей, студентов, магистрантов). Научно-практическая конференция показала значительный интерес к рассматриваемой проблематике среди иностранных исследователей, в ее работе приняли участие представители Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Киргизской Республики. Гостями и участниками конференции стали ведущие ученые и практики из Белгорода, Владимира, Волгограда, Воронежа, Гатчины, Екатеринбурга, Иванова, Иркутска, Казани, Калининграда, Краснодара, Красноярска, Курска, Москвы, Набережных Челнов, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Орла, Пензы, Перми, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Саратова, Симферополя, Смоленска, Ставрополя, Сочи, Тамбова, Тулы, Уфы, Челябинска, Читы, Ярославля.

В ходе пленарной части конференции и работы секций состоялась развернутая научная дискуссия по различным аспектам теоретического обоснования и практического воплощения юридических технологий в современной правовой действительности России и зарубежных стран, а также в истории государства и права.

Методы

Методологическую основу исследования образуют общие принципы научного познания (всесторонность, историзм, объективность, плюрализм), подходы и методы, традиционно относящиеся к методологическому аппарату теоретико-исторических юридических наук. Основу исследования составил системный подход, позволивший выявить ключевые идеи, высказанные в процессе дискуссии, комплексно рассмотреть юридические технологии, обращая внимание на их взаимодействие между собой и с внешней средой. Использован широкий спектр общенаучных и частнонаучных методов.

Результаты

Технологии и право: воздействие и взаимодействие

Технологии воздействуют на все сферы деятельности общества, в т. ч. и правовую – это аксиома, характеризующая современную действительность. Подчеркивая это, Е. С. Зайцева, начальник кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент, отметила, что понятие «технология» в современной юридической науке используется в трех основных аспектах. Во-первых, в контексте дискуссии о соотношении понятий «юридическая техника» и «юридическая технология», в результате которой сформировалось три основных подхода, раскрывающих содержательное наполнение последнего: формальный (статичный), деятельностный и комплексный. Во-вторых, при обозначении цифровых технологий, обеспечивающих юридическую деятельность, но не являющихся собственно юридическими (технологии Legal Tech, связанные с созданием и использованием технологических решений в праве). В-третьих, при анализе технологического императива как средства изменения социальной реальности, в т. ч. и правовой, подразумевающей собственную нормативность. Таким образом, можно выделить: непосредственно юридические технологии; технологии, обеспечивающие юридическую деятельность; технологии, выступающие

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

вместо права (технологические императивы). И если в двух последних случаях возникает вопрос об уместности использования характеристики «юридическая» применительно к обозначенным технологиям, то в первом случае возникает вопрос о целесообразности использования понятия «технология». По мнению Е. С. Зайцевой, следует учитывать, что алгоритмизация как сущностная характеристика любой технологии является несколько условной применительно к технологиям социальным, в т. ч. и юридическим, в силу того, что, во-первых, социальные объекты, на которые направлены эти технологии, не могут быть в полной мере сопоставимы с объектами природы или техники, во-вторых, алгоритмизируется прежде всего форма осуществления юридической деятельности, но не ее содержание, и точное выполнение формальных процедур не может гарантировать однозначный результат, если содержательную составляющую определяет человек [1].

Различные аспекты взаимосвязи права и технологий рассмотрела заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор М. Л. Давыдова, отметив, что взрывное развитие цифровых технологий привело к переключению на них фокуса научного внимания, в результате чего сложилась ситуация, когда использование термина «технологии» без уточнения (юридические, медицинские, образовательные и пр.) практически всегда означает, что речь идет о технологиях цифровых. По мнению М. Л. Давыдовой, возможные направления взаимодействия последних с правом включают два основных варианта: когда цифровые технологии повышают работоспособность права и когда право способствует внедрению технологий в различные сферы человеческой деятельности, примиряя, согласовывая их с существующими в данных сферах профессиональными технологиями [2].

Особое внимание исследователей привлекла проблема соотношения технологизации и права, в т. ч. и в контексте установления пределов технологизации. Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент И. А. Андреева обозначила необходимость критической рефлексии над доминирующим в современной юридической науке технологическим дискурсом. Основываясь на понимании технологии как алгоритма действий, И. А. Андреева выделила три фундаментальных предела технологизации права: эпистемологический, связанный с логической непереходимостью от факта к норме (так называемая «гильотина Юма»), что требует не вычисления, а абдуктивного рассуждения; онтологический, согласно которому право есть коммуникативная практика ответственных субъектов, конституирующая новую социальную реальность, а потому существующая там, где есть кому доверять и кому отвечать; и аксиологический, фиксирующий неустранимость ценностного выбора, который алгоритм лишь маскирует, но не отменяет. В противовес редукции юридической деятельности к алгоритмизируемым процедурам было высказано суждение, что технологизация – не единственный и не универсальный способ рационализации права: содержательное ядро правовой деятельности (квалификация фактов, толкование норм, взвешивание аргументов) остается пространством правовой методологии, а не технологии [3].

В продолжение дискуссии профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации В. В. Балахонский обозначил ряд тезисов, определяющих границы применения юридических технологий:

1) юридические технологии могут применяться преимущественно для технической организации юридических процессов;

2) юридические технологии не могут применяться в ситуациях, требующих глубокой интерпретации законов и судебной практики;

3) юридические технологии не могут применяться при разрешении споров, связанных с моральными дилеммами;

4) существует проблема обеспечения легитимности решений, принимаемых на основе юридических технологий [4].

Профессор кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, доцент В. С. Плетников отметил, что грани соотношения технологизации и права в современных условиях могут быть обозначены:

1) через отрицание друг друга, когда право не допускает возможности существования технологий в принятии юридически значимых решений, либо когда технологии делают невозможным действие правовых норм в тех либо иных социальных процессах;

2) через полное их слияние, когда они тесно связаны друг с другом, создают необходимые условия для их совместного сосуществования. При этом возможности технологизации должны

быть положены в основу эффективной организации права как регулятора общественных отношений. Только при таком варианте возможно сохранить организованность общественных отношений в современном мире [5].

Проблема формирования третьей парадигмы правового реализма в контексте понятийного ряда «техника – технология – технетика» была затронута заведующим кафедрой теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации Р. А. Ромашовым, который акцентировал внимание на особенностях восприятия права как реалистичной формы социального бытия, что обусловливает необходимость выстраивания ассоциативной связи «реального/живого» права с парадигмой современного правовосприятия и правопонимания. Докладчик отметил, что современное состояние российской правовой системы следует рассматривать в качестве модерна, сменившего советский премодерн. Для каждого из обозначенных выше исторических периодов характерна собственная парадигма восприятия государства и права и соответствующая ей система технико-юридических средств и юридических технологий. В соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации[1] современная Россия – это «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [6].

Способность новых технологий выступать в качестве императивов вне зависимости от правового регулирования практически во всех сферах деятельности человека была затронута заместителем начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации М. В. Бавсуном. По его мнению, догма, формально закрепленная в законе, из гаранта стабильности нередко переходит в статус глубоко консервативного и стабильно стагнирующего правила, не способного регулировать общественные отношения. В этой ситуации технологический императив становится одним из наиболее эффективных средств правового регулирования, позволяющих сглаживать конфликт между правовыми предписаниями и фактически складывающимися условиями общежития. Сам факт появления того или иного технического средства зачастую в совершенно императивной основе заставляет перестраиваться целые учреждения и организации, для которых простое осознание новых условий и того, как в этих условиях необходимо действовать, уже представляет серьезную дилемму, не говоря уже о тех мерах, которые в связи с этим ими принимаются для того, чтобы это осознание было реализовано [7].

Доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук Е. А. Федоринова показала значение цифровых технологий в современном государственном управлении, отметив, что, если еще десятилетие назад цифровизация воспринималась как факультативная модернизация (создание ведомственных сайтов и перевод отдельных услуг в электронный вид), то сегодня произошел фундаментальный сдвиг парадигмы управления, и цифровые технологии стали не просто инструментом, а необходимым средством решения глобальных проблем государства [8].

Развивая тему, доцент кафедры финансового права и таможенной деятельности юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, кандидат юридических наук В. С. Манохин обозначил проблему столкновения современных тенденций в контексте юридико-технологического баланса. Он отметил, что, с одной стороны, государство стремится использовать цифровые технологии для повышения эффективности регулирования, а с другой стороны, правовая система, основанная на классических концепциях субъектности, ответственности и защиты прав, требует значительного количества времени для осознания восприятия этой системы. По мнению выступающего, одним из новых направлений юридической науки должен стать юридико-технологический баланс, т. е. поиск границы между всеобщей цифровизацией и соблюдением правовой традиции, сохранением устоявшейся в обществе правовой культуры [9].

Теоретико-методологические основы исследования юридических технологий

К проблеме осмысления понятия «юридическая технология», его места в системе юридического знания и значения обратились многие ведущие исследователи. Интерпретация понятия «технология» в языке права была проанализирована профессором кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктором юридических наук, профессором Г. М. Лановой. Определив технологию как алгоритм действий, обеспечивающий

[1] Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 14. Ст. 2406.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

оптимальное использование доступных субъекту ресурсов для достижения стоящей перед ним цели, она подчеркнула, что указанное определение позволяет уточнить существующие определения понятий, соотносимых с множеством, включающих слово «технология», юридических терминов, таких как «юридическая технология», «технология правотворчества», «правоприменительная технология» и др. [10].

Рассматривая место технологий в составе юридического знания, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, доктор философских наук, профессор Л. В. Денисова отметила, что технологией становится определенная и признанная эффективной алгоритмизированная последовательность операций, поэтому задача, которую решают создатели социальных технологий, выглядит как вопрос о понятных и эффективных алгоритмах действий. Содержание любой технологии предполагает наличие когнитивных элементов, включающих предписание и описание. В юридических технологиях эти компоненты знания легко обнаруживаются в практике процессуальных действий, а исследование технологической природы правовых (правоприменительных либо правотворческих) процессов связано с соответствующей оценкой действующих правил и порядков, закрепленных в законе [11].

Определяя место юридических технологий в структуре юридической техники, а также их доктринальную специфику и перспективы, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации М. В. Баранова отметила, что право в новых условиях технологизированной жизни общества и государства требует качественного научного поиска новых, возможно, нетипичных приемов обращения с технико-юридическим инструментарием, новых средств и новых технологий. Это в свою очередь зависит от состояния юридической техники-науки (юртехнетики), определяющей векторы развития правоведения, качество учебных дисциплин технико-юридического цикла, всего образовательного процесса в юридических образовательных организациях высшего образования, определение качественных характеристик представителей юридической практики, эффективность подготовки научных кадров, а в конечном счете поступательное развитие всей юридической науки [12].

По мнению О. Б. Купцовой, доцента кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидата юридических наук, доцента, соотношение юридической техники и юридической технологии в своих сущностных аспектах базируется на взаимной связи и влиянии статических и динамических характеристик, а также некоторых оснований метафизического и диалектического единства. Смысловые конструкции понятий «техника» и «технология» вариативны, что определяет вариативность соотношения понятий «юридическая техника» и «юридическая технология» и может зависеть от конкретной формы права, а также от концепции правопонимания, которая лежит в основе доктринального или практического отражения правовой действительности [13].

Начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации В. А. Толстик отметил, что в современной юридической литературе сложились несовместимые подходы к соотношению понятий «юридическая техника» и «юридическая технология»: от полного отождествления до признания их самостоятельными категориями, причем в рамках последнего подхода существуют прямо противоположные версии о том, что является частью чего. По его мнению, дискуссия о соотношении этих понятий не имеет ни теоретического значения, поскольку не приводит к приращению научного знания, ни практического значения, поскольку никак не влияет на качество юридической деятельности и не может быть использована для выработки практических рекомендаций [14].

Рассматривая юридические технологии в постклассическом измерении, профессор И. Л. Честнов обозначил две, по его мнению, сложнейшие проблемы, нуждающиеся в осмыслении. Первая – это проблема взаимовлияния внешних факторов, несомненно оказывающих воздействие на поведение человека, в т. ч. юридически значимое, и внутренних, психических процессов на юридические технологии как действенные практики. Вторая – это проблема соотношения алгоритмизации юридических технологий и экспрессивного проявления свободы воли человека [15].

Рассматривая технологию идеологического обеспечения нормативного строя права, начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени

В. Я. Кикотя, ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор А. И. Клименко отметил, что в идеологическом обеспечении нуждается как ценностный, так и нормативный строй права. Идеологическое обеспечение системы самих правовых ценностей является своего рода необходимым смысловым фоном для идеологического обеспечения нормативного строя права. Говоря о технологии идеологического обеспечения нормативного строя, следует обозначить, что она включает ряд моментов: поиск ценностной основы нормативного установления; определение связи правовой ценности с нормативной моделью поведения; установление соотношения юридической силы нормы права и значимости стоящей за ней правовой ценности; соотношение характера понимания ценности со степенью общности нормы; понимание места нормы в системе норм права в контексте всей системы правовых ценностей и их структурной связи. Технология идеологического обеспечения нормативного строя права обеспечивает единообразную практику его легитимной и эффективной реализации, основанной на общем его понимании в контексте существующих в обществе правовых ценностей и смыслов [16].

Начальник кафедры теории и истории права и государства Омской ордена Почета академии МВД России, доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации Т. Е. Грязнова показала, что вопросы юридической техники в учении Н. М. Коркунова рассматривались в качестве неотъемлемой составляющей как доктринальной, так и догматической юриспруденции и касались практически всех сторон «жизни» права: правотворчества, правоприменения и правореализации. Смещение направленности юридического знания с практикоориентированности правоприменительной и правореализационной на практикоориентированность мировоззренческую, призванную прогнозировать направленность социальных изменений, конструировать отвечающие новой социальной реальности правовые формы и предлагать легитимные способы претворения их в жизнь объясняет пристальное внимание Н. М. Коркунова к технологиям правотворчества [17].

Функциональные связи правового регулирования и юридических технологий рассмотрела заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент В. В. Ковалева, отмечая, что, во-первых, правовое регулирование является юридической технологией, включающая все важнейшие этапы формирования и реализации права. Во-вторых, юридические технологии являются результатом правового регулирования, например, такие как правовой эксперимент, правовой мониторинг, которые зафиксированы в соответствующих нормативных правовых актах. При этом любая юридическая деятельность представляет собой результат интеллектуальных технологий, от которых зависит эффективность правового регулирования [18].

Вопросы соотношения юридической технологии и правового поведения были затронуты доцентом кафедры государственно- правовых дисциплин Академии управления МВД России, кандидатом юридических наук, доцентом Д. А. Матанцевым, который пришел к выводу о том, что юридическая технология и правовое поведение – понятия, тесно связанные между собой, но не тождественные. Если рассматривать технологию как нормативную модель, порядок совершения определенных действий, она относится к области «должного», тогда как поведение – к области «сущего». Если юридическую технологию рассматривать как проявление «сущего», в качестве формы юридической деятельности, то правовой оценке может подвергаться как вся технология как единое целое, так и отдельные действия, ее образующие [19].

Современные юридические технологии в правотворчестве

Юридические технологии выступают важным показателем правового развития, свидетельством результативности правовой политики, доказательством повышения уровня общей и профессиональной культуры, подчеркнул помощник начальника академии по инновационному развитию научной деятельности Нижегородской академии МВД России, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Нижегородской области, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации В. М. Баранов. Анализируя технологию подготовки концепции законопроекта и характеризуя ее состояние, проблемы и пути совершенствования, В. М. Баранов обозначил ряд замечаний-пояснений методологического характера. Во-первых, юридическая технология – процессуально-процедурный элемент правовой техники. Во-вторых, технология подготовки концепции законопроекта – специальный алгоритм серии последовательных

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

процессуальных юридически значимых действий, нацеленных на разработку развернутого документа, составленного по определенным требованиям. В-третьих, концепции разного уровня и вида могут и должны готовиться по единым технологическим принципам и правилам с учетом специфики и возможностей жанра рассматриваемого документа. По его мнению, алгоритм разработки концепции законопроекта должен включать следующие этапы: формулирование названия документа, отражающего сущность законодательной регламентации; определение предмета акта; обозначение его целей; доказательство (аргументация) необходимости принятия именно законодательного акта; указание на место планируемого закона в иерархии действующего законодательства; перечень нижестоящих юридических актов, которые потребуются для конкретизации предполагаемого закона; освещение структуры будущего закона; предложение механизма обеспечения реализации планируемого закона; составление прогноза действия планируемого закона, ожидаемый эффект от его реализации; обоснование стоимости будущего закона; демонстрация методов адаптации (популяризации) закона в массовое и профессионально-юридическое сознание [20].

Доктор юридических наук, доцент С. Б. Поляков, раскрывая алгоритмы правотворчества, отметил, что фетиш цифровизации в юридической науке создал Концепцию развития технологий машиночитаемого права[2], а например, отсутствие результатов проекта Фонда «Сколково» с 2017 года с каждым днем все убедительнее доказывает ложность идеи, что искусственный интеллект в виде ChatGPT, Алис и т. п. научит юристов с человеческим интеллектом создавать правильные законы, поэтому вместо ожиданий преобразования нормотворчества, правосудия и в целом права обожествляемым искусственным интеллектом надо детализировать процесс создания эффективных правовых актов, чтобы перевести их в алгоритмы компьютерных программ, после чего IT-специалисты должны подбирать технологии в соответствии с поставленными им задачами [21].

Рассматривая влияние судебной практики на законодательную деятельность, профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент М. Г. Смирнова отметила, что любая законодательная деятельность осуществляется на основе и посредством использования определенных технологий. Целью применения правотворческих технологий выступает согласование и обеспечение планомерности действий, стадий, этапов подготовки и принятия законов, подзаконных нормативных правовых актов. Правотворческая технология должна реализовываться при наличии определенной стратегии и тактики принятия нормативных правовых актов. На законодательную деятельность оказывает большое влияние и судебная практика, определяя вектор правового регулирования, обусловленный необходимостью урегулирования новых правоотношений, наличием пробелов и коллизий в праве, а также дефектностью правовых норм. Для выявления, анализа материалов судебной практики для последующего ее учета в законодательной деятельности используется мониторинг правоприменения, оценка регулирующего воздействия. Именно данные технологические инструменты позволяют выявить тенденции судебной практики для последующего их отражения в законодательстве [22].

Доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук К. А. Ситников рассмотрел генезис и эволюцию юридических технологий нормативного обеспечения коммеморации. Осветив шесть основных технологий – от архаичной физической селекции (damnatio memoriae) до современного запретительно-охранительного подхода, К. А. Ситников особое внимание уделил качественному переходу от охраны материальных артефактов прошлого к правовому конструированию самой коллективной памяти, включая недопущение посягательств на официальную интерпретацию исторических событий под угрозой наказания. Отмечено, что каждый новый исторический этап не отменял предшествующие технологии, а дополнял их, расширяя и универсализируя арсенал государственного воздействия на индивидуальную и коллективную память [23].

Анализируя стратегическое планирование в контексте правовых технологий, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент А. Л. Бредихин отметил, что на современном этапе важной задачей становится соблюдение баланса между обеспечением народовластия, учетом интересов гражданского общества и стратегическим планированием. По его мнению, последнее,

[2] Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 г. № 31) // Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт) : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-razvitija-tekhnologii-mashinochitaemogo-prava-utv-pravitelstvennoi-komissiei-po/?ysclid=mtibe0f5ou936559585 (дата обращения: 04.06.2026).

несмотря на осуществление средствами правовых и организационных технологий, само по себе правовой (юридической) технологией признаваться не может. Стратегическое планирование – это в большей мере направление деятельности органов исполнительной власти по достижению определенных показателей, чем правовая технология. Правовые технологии выступают частью множества средств стратегического планирования, а не наоборот [24].

Заведующий кафедрой финансового права и таможенной деятельности Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, кандидат юридических наук, доцент И. В. Погодина, рассматривая платформенные технологии правотворческого краудсорсинга за рубежом, отметила, что краудсорсинговые платформы, созданные для сбора идей, используемых при подготовке норм права, ресурсы для обсуждения законопроектов, равно как голосование на сайтах государственных органов, опросы в мессенджерах, сбор реакций в социальных сетях, приложениях появились относительно недавно. При этом опыт одних стран побуждает другие также создавать у себя подобные цифровые ресурсы. С развитием информационных и коммуникационных технологий возможности электронного участия значительно расширились по сравнению с прошлым, однако в эпоху роста популизма и фрагментации демократии его положительные эффекты остаются неопределенными [25].

Смежные вопросы легализации доверия как правовой категории раскрыла ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент О. В. Костюнина, подчеркнувшая, что путь служения права правде требует включения ценностных оснований, одним из которых является доверие. При этом констатируется, что вопрос значимости юридических технологий и прежде всего инструментария юридической техники в деле возведения доверия в «степень права» необходимо разрабатывать, уделяя внимание как формальным, так и содержательным правилам [26].

Юридические технологии в интерпретационной и правоприменительной деятельности: современное состояние и историческая ретроспектива

Заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор И. А. Минникес отметил необходимость самостоятельного исследования интерпретационных правовых технологий, обращая внимание на языковое толкование как основное средство правовой интерпретации, имеющее существенное значение для теории права и юридической практики.

Особенности интерпретационных технологий на примере толкования международных договоров рассмотрела заведующий кафедрой частного права, сравнительного правоведения и правотворчества Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент Е. А. Петрова, отметившая, что нормы международных договоров, учитывая их специфический субъектный состав и содержание, требуют особых подходов к выбору интерпретационных технологий. Это обусловлено тем, что они действуют в государствах с разными правовыми традициями; «пишутся» на разных языках; рассчитаны на весьма продолжительный период, в течение которого нередко происходят существенные социальные изменения. В доктрине международного права выработано три теории толкования международных договоров: субъективизм, направленный на установление намерений сторон на момент заключения договора; текстуализм, отдающий приоритет буквальному толкованию положений итогового договорного текста; функционализм, допускающий широкую интерпретацию договорных норм с целью «приспособления» их к реальным общественным отношениям. Нормативные требования к толкованию международных договоров закреплены в части Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года[3], где в той или иной степени нашли отражение все три доктринальных подхода.

Профессор кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, PhD in Law М. В. Антонов, подчеркивая междисциплинарность правового учения Г. Кельзена, акцентировал внимание на том, что кельзеновское учение о праве включает в себя не только собственно нормативистский метод, предполагающий работу с правовыми текстами и реконструкцию на их основе конкретных предписаний в правоприменительных актах. Составными элементами этого учения также являются методологические приемы других научных дисциплин, которые позволяют исследовать социальную реальность права. М. В. Антонов констатировал, что основной замысел чистого учения о праве заключался в том, чтобы обозначить

[3] Венская Конвенция о праве международных договоров (закл. в Вене 23.05.1969) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

в науке о праве те проблемные блоки, для решения которых подходят соответствующие методологические приемы [27].

Проблема технологии функционирования правопорядка в дискурсе структурализма была освещена доцентом кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидатом юридических наук Е. Н. Тонковым. По его мнению, исследование технологий современного правопорядка в дискурсе структурализма предполагает не столько анализ и синтез новых технических средств, сколько уяснение структурных изменений в организационных моделях управления большими количествами людей. Под технологией правопорядка следует понимать совокупность процессуальных действий по созданию, легитимации и внедрению в действие норм и нормативных систем. Для всестороннего понимания этого уникального феномена требуется исследовать качества всех элементов структуры правопорядка [28].

Определяя проблемы и перспективы оптимизации технологии формирования актов правоприменения в оперативно-розыскном процессе, первый заместитель начальника Омской ордена Почета академии МВД России по учебной работе, доктор юридических наук, доцент М. С. Десятов подчеркнул, что существующая система формирования актов правоприменения далека от совершенства. Современный правоприменительный оперативно-розыскной процесс характеризуется значительным количеством разнопорядковых документов, многие из которых оформляются произвольно, дублируя друг друга. По мнению М. С. Десятова, преодоление этих проблем видится в реализации комплексного подхода, включающего:

1) нормативное закрепление исчерпывающего перечня правоприменительных актов (постановление, рапорт, протокол, запрос-задание);

2) внедрение системы принципов их формирования (обоснованность, целесообразность, лаконичность, оперативность, единообразие);

3) разработку механизмов транспарентности, обеспечивающих баланс между государственной тайной и правами граждан;

4) цифровизацию процессов документирования [29].

Региональные проблемы теории и практики правового эксперимента на примере Сахалинской области по ограничению выбросов парниковых газов обозначила начальник кафедры конституционного и международного права Омской ордена Почета академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации М. А. Бучакова, связав изменение климатических условий, глобальное потепление на планете, обусловленное во многом выбросами парниковых газов, с угрозами национальной безопасности, экономическому суверенитету России, правам и свободам граждан. Анализ указанного эксперимента показал, что, несмотря на констатацию его успешного завершения, отсутствие рыночных механизмов первичного распределения, присущих европейской системе, не позволяет решить фундаментальные задачи национальной климатической повестки [30].

Заместитель директора, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации Н. И. Красняков, рассматривая социально-правовой инструментарий кооптации региональных элит конструирования имперского политико-правового пространства России середины XVII – начала XX вв., отметил, что проявление империи в региональном измерении Российского государства XVII – начала XIX вв. следует идентифицировать с ее признаками как государственной формы организации социально-территориального пространства. Автором была обозначена практика кооптации элит периферии, которая обеспечивала баланс между центром и периферией. Отмечено, что в контексте процессов унификации, систематизации и централизации административной системы, начиная с XVIII века, происходит переход к стратегиям, позволяющим более надежно привязать периферийную элиту к центру [31].

Юридические технологии первой половины XIX века в системе министерского управления Российской империи проанализировал профессор кафедры государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор К. Л. Яковлев, который отметил появление новых юридических технологий как в сфере нормативной регламентации общественных отношений, так и в процессах принятия управленческих решений, в годы царствования императора Александра I. Основной акцент был сделан на том, что в первой половине XIX века совершенствование министерских технологий шло в двух сферах: правотворческой и правоприменительной [32].

Доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук Г. Т. Ромашова, раскрывая теорию, практику и технологии альтернативной гражданской службы как вида государственной службы, предложила рассматривать альтернативную гражданскую службу по аналогии со срочной военной службой. Автор обосновала целесообразность рассмотрения альтернативной гражданской службы как особого вида федеральной государственной службы, осуществляемой гражданами в рамках реализации конституционной обязанности защиты Отечества (ст. 59 Конституции Российской Федерации[4]).

М. В. Соловейчик, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, обратил внимание на некоторые особенности реализации правоприменительных технологий в условиях проведения специальной военной операции, отметив, что изменения в алгоритмической последовательности этапов реализации правоприменительной технологии судебного производства способны происходить в связи с трансформацией социальной действительности в нашей стране, одним из примеров которых являются события специальной венной операции [33].

Рассматривая особенности стратегического планирования при выработке направлений реформирования отечественных органов внутренних дел в 1990-е гг., доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук Д. А. Огорелков отметил, что для эффективной деятельности органов внутренних дел руководством страны всегда устанавливались генеральные, стратегические задачи на конкретный период, которые нормативно отражались в конкретных документах стратегического планирования. Исследователь раскрыл реализацию основных направлений стратегического планирования в процессе реформирования органов внутренних дел постсоветской России, которыми стали воплощение законности как принципа и как политико-правового режима в деятельности органов внутренних дел, деуниверсализация системы МВД России (продолжившаяся и в 2000-е гг.), трансформация закрытой системы в открытую [34].

Доцент кафедры социальной психологии и конфликтологии Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, кандидат юридических наук М. Р. Ромашова, рассматривая технологии выявления стресса и противодействия стрессу, отметила, что стресс формируется на психологическом уровне, однако в ряде ситуаций получает юридическое значение состояния личности. Представляя собой реакцию человеческого организма на внештатные ситуации, стресс является предпосылкой и вместе с тем мотивационным фактором, обусловливающим совершение спонтанных по причинности и противоправных по юридической квалификации деяний. По мнению М. Р. Ромашовой, необходимо внедрять в образовательно-воспитательный процесс технологии стрессоустойчивости, рассматриваемые в качестве профилактических средств предотвращения противоправного поведения.

Проблема определения ключевых элементов технологии переходного периода в государстве от одной правовой системы к другой была проанализировна Н. С. Чигринским – преподавателем кафедры конституционного права и теории Юридического института Иркутского государственного университета. Определяя правовую систему переходного периода как взаимосвязанные правовые явления общества, которые развиваются при активной системной трансформации правовой действительности, характеризуются нестабильностью и неопределенной длительностью, сопровождаются активным правотворчеством и снижением регулятивной функции и социальной ценности права, Н. С. Чигринский отметил, что важными элементами механизма трансформации правовой системы являются активное правотворчество, регулярное применение рецепции права, а также отсутствие должной систематизации имеющегося массива законодательства с одновременной деструктуризацией действующей системы законодательства [35].

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что проблемы юридических технологий имеют высокую степень актуальности, многие практические вопросы реализации юридических технологий до сих пор не решены, понятийно-категориальный аппарат находится в стадии оформления и характеризуется различными подходами. В контексте глобальной цифровизации появляются

[4] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 04.06.2026).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

не только новые возможности, но и новые угрозы для социума, в т. ч. в сфере права. Очевидно, что технологии так же, как и право, должны иметь аксиологические основания.

Совместное обсуждение проблем юридических технологий ведущими учеными-правоведами позволило решить комплекс наиболее острых проблем и поставить новые, требующие анализа и рассмотрения в ближайшей перспективе.

Список источников

1. *Зайцева Е. С.* Юридические технологии как социальные технологии / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 162–167.

2. *Давыдова М. Л.* Право и технологии: аспекты взаимосвязи / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 28–34.

3. *Андреева И. А.* Технологизация права и ее пределы / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 15–21.

4. *Балахонский В. В.* Понятие «юридические технологии»: проблема теоретической неоднозначности терминологической коннотации и границ применения / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 127–134.

5. *Плетников В. С., Плетникова М. С.* Технологизация и право: грани соотношения / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 49–55.

6. *Ромашов Р. А., Ромашова Г. Т.* Техника-Технология-Технетика: к вопросу о формировании третьей парадигмы правового реализма / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 56–62.

7. *Бавсун М. В.* Технологический императив как средство преодоления формально-догматического подхода в правовом регулировании общественных отношений / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 22–27.

8. *Федоринова Е. А.* Цифровые технологии как фактор трансформации государства / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 93–98.

9. *Манохин В. С.* Юридико-технологический баланс: от права к цифре / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 82–87.

10. *Лановая Г. М.* Понятие «технология» в языке права: проблемы интерпретации / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 179–186.

11. *Денисова Л. В.* Технологии в составе юридического знания / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 158–161.

12. *Баранова М. В.* Юридические технологии в структуре юридической техники: доктринальная специфика и перспективы / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 135–143.

13. *Купцова О. Б.* Юридическая техника и юридическая технология: соотношение понятий в русле вариативности смысловых интерпретаций / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 245–251.

14. *Толстик В. А.* Дискуссии о соотношении понятий «юридическая техника» и «юридическая технология»: поиск научной истины или паразитирование на науке? / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 206–216.

15. *Честнов И. Л.* Юридические технологии в постклассическом измерении / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 217–220.

16. *Клименко А. И.* Технология идеологического обеспечения нормативного строя права / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 175–178.

17. *Грязнова Т. Е.* Вопросы юридической техники в учении Н. М. Коркунова / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 151–157.

18. *Ковалева В. В.* Правовое регулирование как юридическая технология / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 232–236.

19. *Матанцев Д. А.* О соотношении юридической технологии и правового поведения / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 252–257.

20. *Баранов В. М.* Технология подготовки концепции законопроекта: состояние, проблемы, пути совершенствования / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч, г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 279–295.

21. *Поляков С. Б.* Алгоритмы нормотворчества / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 296–303.

22. *Смирнова М. Г.* Влияние судебной практики на законодательную деятельность / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 304–311.

23. *Ситников К. А.* Генезис и развитие юридических технологий нормативного обеспечения коммеморации / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 639–643.

24. *Бредихин А. Л.* Стратегическое планирование в контексте правовых технологий / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 332–336.

25. *Погодина И. В.* Платформенные технологии правотворческого краудсорсинга (зарубежный опыт) / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 352–357.

26. *Костюнина О. В.* Юридические технологии легализации доверия как правовой категории / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 599–606.

27. *Антонов М. В.* Междисциплинарность правового учения Г. Кельзена / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 63–70.

28. *Тонков Е. Н.* Технология функционирования правопорядка в дискурсе структурализма / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 644–651.

29. *Десятов М. С.* Юридическая технология формирования актов правоприменения в оперативно-розыскном процессе: проблемы и перспективы оптимизации / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 462–468.

30. *Бучакова М. А.* Теория и практика правового эксперимента: на примере Сахалинской области по ограничению выбросов парниковых газов / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 955–959.

31. *Красняков Н. И.* Социально-правовой инструментарий кооптации региональных элит в конструировании имперского политико-правового пространства России середины XVII – начале XX в. / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 809–816.

32. *Яковлев К. Л.* Юридические технологии 1-й половины XIX века в системе министерского управления Российской империи / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 848–854.

33. *Соловейчик М. В.* Некоторые особенности реализации правоприменительных технологий в условиях специальной военной операции / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

/ сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 516–520.

34. *Огорелков Д. А.* Стратегическое планирование при выработке направлений реформирования отечественных органов внутренних дел в 1990-е гг. / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 872–877.

35. *Чигринский Н. С.* К вопросу о технологии переходного периода при трансформации правовой системы государства / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2026 г. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. Ч. 1. С. 117–121.

References

1. *Zajceva E. S.* Yuridicheskie tekhnologii kak social'nye tekhnologii / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 162–167.

2. *Davydova M. L.* Pravo i tekhnologii: aspekty vzaimosvyazi / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 28–34.

3. *Andreeva I. A.* Tekhnologizaciya prava i ee predely / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 15–21.

4. *Balahonskij V. V.* Ponyatie «yuridicheskie tekhnologii»: problema teoreticheskoj neodnoznachnosti terminologicheskoj konnotacii i granic primeneniya / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 127–134.

5. *Pletnikov V. S., Pletnikova M. S.* Tekhnologizaciya i pravo: grani sootnosheniya / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 49–55.

6. *Romashov R. A., Romashova G. T.* Tekhnika-Tekhnologiya-Tekhnetika: k voprosu o formirovanii tret'ej paradigmy pravovogo realizma / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 56–62.

7. *Bavsun M. V.* Tekhnologicheskij imperativ kak sredstvo preodoleniya formal'no-dogmaticheskogo podhoda v pravovom regulirovanii obshchestvennyh otnoshenij / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 22–27.

8. *Fedorinova E. A.* Cifrovye tekhnologii kak faktor transformacii gosudarstva / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 93–98.

9. *Manohin V. S.* Yuridiko-tekhnologicheskij balans: ot prava k cifre / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 82–87.

10. *Lanovaya G. M.* Ponyatie «tekhnologiya» v yazyke prava: problemy interpretacii / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 179–186.

11. *Denisova L. V.* Tekhnologii v sostave yuridicheskogo znaniya / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 158–161.

12. *Baranova M. V.* Yuridicheskie tekhnologii v strukture yuridicheskoj tekhniki: doktrinal'naya specifika i perspektivy / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 135–143.

13. *Kupcova O. B.* Yuridicheskaya tekhnika i yuridicheskaya tekhnologiya: sootnoshenie ponyatij v rusle variativnosti smyslovyh interpretacij / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 245–251.

14. *Tolstik V. A.* Diskussii o sootnoshenii ponyatij «yuridicheskaya tekhnika» i «yuridicheskaya tekhnologiya»: poisk nauchnoj istiny ili parazitirovanie na nauke? / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 206–216.

15. *Chestnov I. L.* Yuridicheskie tekhnologii v postklassicheskom izmerenii / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 217–220.

16. *Klimenko* A. I. Tekhnologiya ideologicheskogo obespecheniya normativnogo stroya prava / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 175–178.

17. *Gryaznova* T. E. Voprosy yuridicheskoj tekhniki v uchenii N. M. Korkunova / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 151–157.

18. *Kovaleva* V. V. Pravovoe regulirovanie kak yuridicheskaya tekhnologiya / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 232–236.

19. *Matancev* D. A. O sootnoshenii yuridicheskoj tekhnologii i pravovogo povedeniya / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 252–257.

20. *Baranov* V. M. Tekhnologiya podgotovki koncepcii zakonoproekta: sostoyanie, problemy, puti sovershenstvovaniya / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch, g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 279–295.

21. *Polyakov* S. B. Algoritmy normotvorchestva / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 296–303.

22. *Smirnova* M. G. Vliyanie sudebnoj praktiki na zakonodatel'nuyu deyatel'nost' / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 304–311.

23. *Sitnikov* K. A. Genezis i razvitie yuridicheskih tekhnologij normativnogo obespecheniya kommemoracii / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 639–643.

24. *Bredihin* A. L. Strategicheskoe planirovanie v kontekste pravovyh tekhnologij / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 332–336.

25. *Pogodina* I. V. Platformennye tekhnologii pravotvorcheskogo kraudsorsinga (zarubezhnyj opyt) / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 352–357.

26. *Kostyunina* O. V. Yuridicheskie tekhnologii legalizacii doveriya kak pravovoj kategorii / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 599–606.

27. *Antonov* M. V. Mezhdisciplinarnost' pravovogo ucheniya G. Kel'zena / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 63–70.

28. *Tonkov* E. N. Tekhnologiya funkcionirovaniya pravoporyadka v diskurse strukturalizma / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 644–651.

29. *Desyatov* M. S. Yuridicheskaya tekhnologiya formirovaniya aktov pravoprimeneniya v operativno-rozysknom processe: problemy i perspektivy optimizacii / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 462–468.

30. *Buchakova* M. A. Teoriya i praktika pravovogo eksperimenta: na primere Sahalinskoj oblasti po ogranicheniyu vybrosov parnikovyh gazov / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 955–959.

31. *Krasnyakov* N. I. Social'no-pravovoj instrumentarij kooptacii regional'nyh elit v konstruirovanii imperskogo politiko-pravovogo prostranstva Rossii serediny XVII – nachale XX v. / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 809–816.

32. *Yakovlev* K. L. Yuridicheskie tekhnologii 1-j poloviny XIX veka v sisteme ministerskogo upravleniya Rossijskoj imperii / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 848–854.

33. *Solovejchik* M. V. Nekotorye osobennosti realizacii pravoprimenitel'nyh tekhnologij v usloviyah special'noj voennoj operacii / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 516–520.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

34. *Ogorelkov D.* A. Strategicheskoe planirovanie pri vyrabotke napravlenij reformirovaniya otechestvennyh organov vnutrennih del v 1990-e gg. / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 872–877.

35. *Chigrinskij* N. S. K voprosu o tekhnologii perekhodnogo perioda pri transformacii pravovoj sistemy gosudarstva / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya : materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2-h ch., g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2026 g. / sost.: E. S. Zajceva, E. A. Fedorinova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. Ch. 1. S. 117–121.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 340.158

Проблемы награждения сотрудников органов внутренних дел государственными наградами СССР: историко-правовой анализ (1922–1991 годы)

Алексей Александрович Елаев, соискатель

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
Калининград (236041, ул. Александра Невского, д. 14), Российская Федерация
Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Екатеринбург (620144, ул. 8 Марта, д. 66), Российская Федерация
elaev@yandex.ru
http://orcid.org/0000-0001-9031-3825

Аннотация:
Введение. *Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта правового регулирования позитивных санкций в правоохранительной системе. Проблема заключается в системном противоречии между изначальной ориентацией советской наградной системы на военные заслуги и спецификой повседневной правоохранительной деятельности сотрудников милиции, а также в недостаточном разграничении в научной литературе правового режима различных категорий личного состава НКВД – МВД. Цель исследования – выявить закономерности эволюции правового регулирования награждения сотрудников органов внутренних дел СССР и предложить типологию правовых коллизий, возникавших в процессе институционализации наградной системы.* **Методы.** *Исследование проведено с использованием историко-правового метода, формально-юридического метода, метода сравнительного правоведения и институционального анализа. Методологическая стратегия основана на сочетании данных нормативных правовых актов, архивных материалов и ведомственных документов.* **Результаты.** *Выявлены ключевые правовые проблемы и предложена их типология: 1) статутные коллизии (несоответствие статутов общих орденов специфике правоохранительной службы); 2) процедурные коллизии (сложность подтверждения фактов награждения); 3) статусные коллизии (дифференциация статусов военнослужащих и сотрудников милиции); 4) темпоральные коллизии (деформация правовой природы ордена в период 1944–1957 гг.). Особое внимание уделено награждению за выслугу лет и награждению юбилейными медалями СССР.*

Ключевые слова:
история права, органы внутренних дел, наградная система СССР, позитивные санкции, делегирование полномочий, правовой статус сотрудников милиции, ведомственные награды, юбилейные медали

Для цитирования:
Елаев А. А. Проблемы награждения сотрудников органов внутренних дел государственными наградами СССР: историко-правовой анализ (1922–1991 годы) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 46–56.

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 31.08.2026; принята к публикации 25.09.2026.

Original article

The problems of awarding state awards of the USSR to employees of internal affairs bodies: a historical and legal analysis (1922–1991)

Aleksei A. Elaev, Candidate fo an academic degree

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, Alexander Nevsky str., Kaliningrad, 236041, Russian Federation
Ural Institute of Management – branch The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
66, 8 Marta str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation
elaev@yandex.ru
http://orcid.org/0000-0001-9031-3825

© Елаев А. А., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Abstract:
Introduction. *The relevance of this study is determined by the need to comprehend the historical experience of the legal regulation of positive sanctions in the law-enforcement system. The problem lies in the systemic contradiction between the original focus of the Soviet award system on military merit and the specific nature of the day-to-day law-enforcement activities of militia officers, as well as in the insufficient differentiation in scholarly literature between the legal regimes of various categories of NKVD – MVD personnel. The aim of the study is to identify patterns in the evolution of the legal regulation of the conferment of awards on employees of the internal affairs bodies of the USSR and to propose a typology of legal conflicts that arose during the institutionalisation of the award system.* **Methods.** *The study was conducted using the historical-legal method, the formal-legal method, the comparative law method and institutional analysis. The methodological strategy is based on a combination of data from normative legal acts, archival materials and departmental documents.* **Results.** *Key legal problems were identified, and the following typology was proposed: 1) statutory conflicts (the inconsistency of the statutes of general orders with the specific nature of law-enforcement service); 2) procedural conflicts (the difficulty of confirming the facts of conferment); 3) status conflicts (the differentiation between the statuses of military personnel and militia officers); 4) temporal conflicts (the distortion of the legal nature of an order in the period 1944–1957). Particular attention is paid to awards for length of service and to the conferment of jubilee medals of the USSR.*

Keywords:
history of law, internal affairs bodies, USSR award system, positive sanctions, delegation of powers, legal status of militia officers, departmental awards, jubilee medals

For citation:
Elaev A. A. The problems of awarding state awards of the USSR to employees of internal affairs bodies: a historical and legal analysis (1922–1991) // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 46–56.

The article was submitted February 14, 2026; approved after reviewing August 31, 2026; accepted for publication September 25, 2026.

Введение

Постановка проблемы. Институт государственных наград представляет собой сложный правовой феномен, в котором переплетаются публично-правовые и социально-статусные начала. В юридической науке наградная система традиционно рассматривается как механизм реализации позитивных санкций – правовых средств поощрения, обеспечивающих легитимацию государственной власти и формирование корпуса лояльных ей социальных групп [1, с. 94]. В советский период эта функция приобрела особое значение в контексте строительства нового социалистического государства и формирования профессиональных сообществ, призванных обеспечивать его безопасность и правопорядок [2, с. 31].

Проблема исследования заключается в системном противоречии между изначальной ориентацией советской наградной системы на военные заслуги и спецификой повседневной правоохранительной деятельности. Процесс интеграции милиции в общесоюзную наградную систему с 1922 по 1991 год был сопряжен с рядом правовых коллизий, природа которых до настоящего времени не получила адекватного теоретического осмысления. Существующие исследования, как правило, либо ограничиваются описанием эмпирического материала [3], либо рассматривают наградную систему изолированно, без учета ее институциональной динамики и взаимодействия с параллельными механизмами социального регулирования (ведомственные награды, специальные социальные льготы).

Особую сложность для историко-правового анализа представляет дифференциация правового режима различных категорий личного состава Народного комиссариата внутренних дел – Министерства внутренних дел (с 1946 года) Союза Советских социалистических Республик (далее – НКВД – МВД СССР). В системе НКВД – МВД СССР состояли три категории лиц с принципиально различным правовым положением: военнослужащие внутренних войск (подчинявшиеся воинским уставам и награждавшиеся в порядке, установленном для военнослужащих); сотрудники милиции (имевшие специальные звания и не подпадавшие под действие военного законодательства); сотрудники органов государственной безопасности (имевшие особый правовой статус и собственную систему ведомственных знаков отличия). В научной литературе за редким исключением [4] указанные категории не разграничиваются, что приводит к методологическим ошибкам в оценке наградной практики.

Нижняя хронологическая граница исследования (1922) обусловлена образованием СССР и началом унификации наградных систем союзных республик. Верхняя граница (1991) связана с распадом Советского Союза, положившим конец существованию единой системы государственных наград СССР. Выбор данных хронологических границ позволяет проследить эволюцию института государственных наград в рамках единого государства на протяжении его существования.

Степень разработанности темы и исследовательский пробел. Историография советской наградной системы представлена работами В. А. Винокурова, заложившего основы конституционно-правового анализа наградного права [5; 6], Д. В. Шунякова, детально исследовавшего наградную практику в отношении войск НКВД в предвоенный период и годы Великой Отечественной войны [3; 4; 7], А. И. Савина, рассматривавшего наградную политику периода «оттепели» в контексте идеологических трансформаций [4; 8].

Вместе с тем, несмотря на наличие значительного корпуса литературы, сохраняется существенный исследовательский пробел. Во-первых, отсутствует комплексный анализ взаимодействия систем государственных и ведомственных наград применительно к органам внутренних дел. Во-вторых, не разработана типология правовых коллизий, возникавших в процессе институционализации наградной практики. В-третьих, недостаточно изучен вопрос о том, каким образом разграничение правового режима военнослужащих и сотрудников милиции влияло на их доступ к государственным наградам. Настоящее исследование призвано заполнить указанные пробелы.

В основу настоящего исследования положена теоретико-правовая модель периодизации системы государственных наград СССР, разработанная автором в предшествующих публикациях [9]. Согласно данной модели, ключевым критерием выделения исторических этапов выступает трансформация института делегирования полномочий в сфере государственного награждения. Эволюция системы государственных наград СССР подразделяется на три периода:

1) становление и централизация (1922–1942 гг.);

2) мобилизационная адаптация и системное многоуровневое делегирование (1942 –1988 гг.);

3) конституционный кризис и коллапс (1988–1991 гг.) [10].

Применительно к органам внутренних дел этот подход позволяет выделить особый срез проблемы – дифференциацию правового статуса различных категорий личного состава НКВД – МООП – МВД СССР, которая и составляет предмет настоящей статьи.

Теоретическая рамка исследования. В качестве теоретической основы избран институциональный подход в сочетании с теорией позитивных санкций. Институциональный анализ позволяет рассматривать наградную систему не как простую совокупность нормативных актов, а как сложный социальный институт, выполняющий функции легитимации, стратификации и социального контроля. Теория позитивных санкций (в развитие работ А. М. Муртазалиева) дает возможность интерпретировать награды как специфические правовые средства, посредством которых государство конструирует модели желаемого поведения и закрепляет статусные позиции различных профессиональных групп [2, с. 31–32].

Центральный тезис исследования может быть сформулирован следующим образом: наградная система СССР в отношении органов внутренних дел развивалась не как реализация заранее продуманной правовой политики, а как серия ситуативных компромиссов между военной парадигмой награждения и потребностями правоохранительной системы, что привело к изменению фактического значения отдельных государственных наград, созданию параллельной системы ведомственных поощрений и закреплению дифференцированного правового режима для различных категорий личного состава.

Цель и задачи исследования. Цель настоящего исследования – выявить закономерности эволюции правового регулирования награждения сотрудников органов внутренних дел СССР и предложить типологию правовых коллизий, возникавших в процессе институционализации наградной системы. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) реконструировать этапы становления наградной системы применительно к органам внутренних дел;

2) выявить правовые коллизии, возникавшие на каждом этапе;

3) разработать типологию указанных коллизий;

4) определить последствия дифференциации правового режима военнослужащих внутренних войск и сотрудников милиции;

5) оценить эффективность правовых механизмов, призванных компенсировать недостатки наградной системы.

Методы

Методологическая стратегия исследования основана на принципе триангуляции, предполагающем сочетание различных методов и источников для обеспечения валидности выводов.

Основные методы. Историко-правовой метод применен для реконструкции эволюции нормативной базы в хронологической последовательности. Историко-правовой метод ориентирован на выявление правовых закономерностей – преемственности законодательных решений, заимствований в юридической технике, трансформации правовых понятий. Ограничением метода является невозможность прямой верификации правоприменительной практики исключительно на основе нормативных актов, что компенсируется привлечением архивных материалов.

Формально-юридический метод использован для анализа содержания статутов орденов, положений о медалях, ведомственных инструкций и приказов НКВД – МВД СССР. Данный

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

метод позволил выявить несоответствия между декларируемыми целями наград и фактическими критериями награждения, определить правовую природу различных видов поощрений, а также установить различия в правовом режиме военнослужащих внутренних войск и сотрудников милиции. Особое внимание уделено анализу формулировок нормативных актов, определявших категории награждаемых, и способам их интерпретации в правоприменительной практике.

Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления:

а) общесоюзного и республиканского законодательства о наградах в 1920–1930-е гг.;

б) правового режима государственных и ведомственных наград;

в) положения сотрудников милиции и госбезопасности в наградной системе СССР;

г) правового режима военнослужащих внутренних войск и сотрудников милиции;

д) наградных систем различных ведомств (МООП, МВД, КГБ, Министерства обороны).

Для усиления аналитической глубины введен элемент *кросс-темпорального сравнения* – сопоставления наградных практик различных исторических периодов.

Институциональный анализ применен для исследования наградной системы как целостного социального института. В рамках данного подхода награды рассматриваются не изолированно, а в контексте их взаимодействия с иными механизмами социального регулирования – ведомственными поощрениями, системой социальных льгот, неформальными практиками статусного закрепления. Институциональный анализ позволяет выявить латентные функции наградной системы, не всегда очевидные при формально-юридическом подходе.

Эмпирическая база. Исследование опирается на три группы источников.

1. Нормативные правовые акты (декреты Центрального исполнительного комитета СССР (далее – ЦИК СССР), указы Президиума Верховного Совета СССР, приказы ОГПУ, НКВД, МООП и МВД СССР). Ввиду того, что целый ряд нормативных правовых актов имел характер ограниченного доступа и не был опубликован, сведения об их содержании были уточнены из литературы по истории правоохранительных органов и специальной фалеристической литературы.

2. Архивные делопроизводственные материалы и документы о награждении государственными наградами СССР.

3. Опубликованные сборники документов и статистические материалы, отражающие ведомственную практику применения наградных норм.

Ограничения исследования. Следует отметить, что в силу объективных причин исследование ограничено анализом нормативной базы и сохранившихся архивных материалов. Вопрос о полноте и достоверности статистики награждений (соотношении числа представленных и фактически награжденных, региональных особенностях, неформальных критериях отбора) требует отдельного изучения с привлечением более широкого круга источников, включая делопроизводственную документацию на местах.

Результаты

Первый период (1922–1942 годы): становление системы государственных наград СССР и коллизии в правовом статусе сотрудником органов внутренних дел

Фундамент советской наградной системы был заложен Декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета от 16 сентября 1918 г.[1], учредившим орден РСФСР «Красное Знамя». В статуте ордена указывалось, что знак отличия присуждается гражданам, проявившим особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности. Эта формулировка задала вектор развития всей советской наградной системы: ее ядром стали награды за боевые заслуги, что предопределило последующие трудности при распространении наградной практики на невоенные категории служащих [11].

После образования СССР в 1922 году возникла необходимость унификации наградных систем союзных республик. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 1 августа 1924 г.[2] был учрежден общесоюзный орден Красного Знамени. Однако процесс унификации затянулся на целое десятилетие, породив феномен, который Д. В. Шуняков обозначил как «наградной дуализм»[3] [3, с. 25].

Проведенный анализ позволяет выделить в этот период несоответствие между формальным включением сотрудников органов внутренних дел в категорию награждаемых и сохранением

[1] Декрет о знаках отличия (принят ВЦИК 16.09.1918) (с изм. от 08.05.1919) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 69. Ст. 742. Утратил силу.

[2] Об ордене «Красное Знамя» : постановление Президиума ЦИК СССР от 1 августа 1924 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР (далее – СЗ СССР). 1924. № 4. Ст. 48. Утратил силу.

[3] Под наградным дуализмом Д. В. Шуняков определяет сосуществование общесоюзной и республиканских наградных систем в 1920-е гг., что создавало правовую неопределенность в вопросах юрисдикции и статусов награжденных (*прим. авт.*).

военных критериев награждения. Статут ордена Красного Знамени, утвержденный постановлением Президиума ЦИК СССР от 11 января 1932 г.[4], впервые включил сотрудников органов внутренних дел в категорию награждаемых, однако формулировки оставались ориентированными на «боевую обстановку» и «обеспечение государственной безопасности» (в узком понимании – контрразведку). Повседневная деятельность по охране общественного порядка и борьбе с уголовной преступностью формально не подпадала под критерии награждения.

Одновременно формировалась ведомственная наградная система ОГПУ и НКВД. Анализ системы ведомственных наград ОГПУ и НКВД СССР осуществлен Н. В. Петровым и К. В. Скоркиным[5], а также В. С. Антоновым [12].

Нагрудный знак «Почетный работник ВЧК – ОГПУ. 1917–1922 (V)» учрежден 12 июля 1923 г. приказом Коллегии Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР № 304 в качестве дополнения к введенному в декабре 1922 года по случаю пятой годовщины органов государственной безопасности (ВЧК – ГПУ) почетному званию «Почетный работник ВЧК – ГПУ» («Почетный чекист») [13, с. 35]. После передачи милиции в декабре 1930 года в ОГПУ приказом № 1088 от 25 ноября 1932 г. был учрежден юбилейный знак «Почетный работник РКМ», схожий по смыслу со знаком «Почетный чекист» [3, с. 32].

Приказом ОГПУ СССР от 17 апреля 1936 г. учреждено награждение знаком «Почетный работник ВЧК – ОГПУ (XV)», сменившим утвержденный в 1922 году знак ОГПУ РСФСР, а приказами НКВД СССР от 23 и 29 апреля 1936 г. – знаком «Почетный работник РКМ»[6]. Приказ НКВД от 6 ноября 1940 г. № 1007 объявил утвержденное Совнаркомом СССР Положение о знаке «Заслуженный работник НКВД»[7]. С правовой точки зрения эти знаки имели принципиально иной режим: они учреждались не указами высшего органа государственной власти, а ведомственными приказами, вручались от имени ведомства, но предоставляли льготы внутри самого ведомства, в частности – в части обеспечения ведомственной жилой площадью, надбавками к должностному окладу. Тем самым закладывалась основа для статусной коллизии – разрыва между государственным признанием и ведомственным поощрением.

Великая Отечественная война выявила принципиальное различие в правовом режиме двух категорий личного состава НКВД СССР. Наряду с общими проблемами централизации в предвоенный период сформировалась устойчивая дифференциация правового статуса различных категорий личного состава, что впоследствии породило сложные статусные коллизии. Если военнослужащие (включая войска НКВД СССР) полностью подпадали под действие общевоинских нормативных актов и награждались в порядке, установленном для Красной Армии, то сотрудники милиции, имевшие специальные звания, не подпадали под действие военного законодательства. Данное различие, не имевшее принципиального значения в мирное время, в экстремальных условиях военного периода обернулось серьезной правовой неопределенностью, требующей отдельного правового регулирования.

Начальный период Великой Отечественной войны со всей остротой выявил несостоятельность довоенной модели абсолютной монополии Президиума Верховного Совета СССР на наградную прерогативу. Масштаб боевых действий, миллионные потери и массовый героизм требовали принципиально иного подхода, оперативного, гибкого, приближенного к войскам. Правовым ответом на этот вызов стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1942 г.[8], легализовавший системное многоуровневое делегирование права награждения командующим фронтами, армиями, командирам корпусов, дивизий, бригад и полков. Данный акт заложил основу для всей последующей эволюции наградной системы, включая дифференциацию правового статуса сотрудников органов внутренних дел.

Второй период (1942–1988 годы): мобилизационная адаптация и дифференциация правовых статусов военнослужащих и сотрудников милиции

Второй макропериод (1942–1988) охватывает время от коренного перелома в механизмах наградной деятельности, вызванного экстремальными условиями Великой Отечественной

[4] Статут ордена «Красное Знамя» : постановление Президиума ЦИК СССР от 11 января 1932 г. (ред. от 16.12.1947) // СЗ СССР. 1932. № 14. Ст. 73.

[5] Петров Н. В., Скоркин К. В. Ведомственные награды в ВЧК – НКВД // Кто руководил НКВД. 1934–1941 : справочник / Н. В. Петров, К. В. Скоркин ; под ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского. Москва : Звенья, 1999. С. 486–490.

[6] Там же. С. 487.

[7] Там же. С. 488.

[8] О предоставлении права награждения орденами и медалями СССР и нагрудными знаками командующим фронтами, флотами, армиями и флотилиями, командирам корпусов, дивизий, бригад, полков : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1942 г. (с изм. от 27.02.1943) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 25 ноября. № 41. Утратил силу.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

войны, до пика развития системы массовых награждений в эпоху «развитого социализма». Внутри этого периода выделяются три качественно различных этапа:

1) военное делегирование (1942–1945) – формирование системного многоуровневого делегирования права награждения военному командованию и рождение модели «общего» (массового) награждения [13];

2) институционализация послевоенной модели (1945 – конец 1950-х гг.) – распространение отработанных механизмов на сферу трудовых и социальных отношений, сопровождавшееся кризисом практики награждения за выслугу лет и ее отменой;

3) расцвет и институционализация системы (1960-е – первая половина 1980-х гг.) – расширение субъектного состава делегирования, легальное закрепление института в Общем положении об орденах, медалях и почетных званиях СССР 1979 года[9], достижение максимальных масштабов наградной деятельности.

Применительно к органам внутренних дел каждый из этих этапов порождал специфические правовые коллизии, связанные с дифференциацией правового статуса военнослужащих внутренних войск и сотрудников милиции, а также с разграничением государственных и ведомственных наград.

Военнослужащие внутренних войск состояли на действительной военной службе и полностью подпадали под действие нормативных актов, регулировавших награждение военнослужащих. На них распространялось, в том числе, действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 г. «О награждении орденами и медалями за выслугу лет в Красной Армии»[10], а также всех указов об учреждении юбилейных медалей для военнослужащих. Они награждались в упрощенном порядке, установленном для действующей армии[11].

Сотрудники милиции, не являвшиеся военнослужащими, имели иной правовой статус [13]. На них не распространялось действие нормативных актов, регулировавших награждение военнослужащих, если это прямо не оговаривалось. Они не могли награждаться медалями, учрежденными исключительно для военнослужащих (медаль «За отвагу», «За боевые заслуги»), без специальных решений о расширении круга награждаемых, либо орденами и медалями СССР в делегированном (упрощенном) порядке.

Осенью 1944 года действие Указа от 4 июня 1944 г. о награждении за выслугу лет было распространено на сотрудников органов внутренних дел и госбезопасности отдельным постановлением Президиума Верховного Совета СССР[12]. Правовой режим награжденных за выслугу лет сотрудников милиции и военнослужащих формально уравнивался: и те, и другие становились кавалерами орденов и медалей с равными социальными льготами.

Однако данное решение породило темпоральную коллизию – деформацию правовой природы ордена. Один и тот же орден приобретал различное юридическое значение (подвиг или выслуга), что не находило отражения ни в статуте, ни в документах о награждении. Для теории позитивных санкций это важный прецедент: наградная система временно утратила способность дифференцировать основания поощрения, что снижало ее регулятивный потенциал.

С институциональной точки зрения награждение за выслугу лет выполняло функции, отличные от награждения за конкретные заслуги. Если последнее было ориентировано на стимулирование экстраординарных действий, то первое – на закрепление лояльности и удержание кадров. Совмещение этих функций в одной награде создавало правовую неопределенность: формально равный статус кавалеров маскировал фактическое различие оснований награждения [14, с. 48].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1950 г.[13] учреждена медаль «За отличие в охране общественного порядка» – первая государственная награда СССР, специально

---

[9] Об утверждении Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1979 г. № 360-X // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 28.Ст. 479.

[10] О награждении орденами и медалями генералов, офицеров и сержантского состава сверхсрочной службы за выслугу лет в Красной Армии : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 г. (протокол № 17, п. 90) (с изм. от 16.09.1944) // Указы Президиума Верховного Совета СССР с 1 апреля 1944 г. по 1 января 1945 г. Москва, 1945. Т. 2. Утратил силу.

[11] Лысенков С. Г., Дубовицкая Н. В. Правовое обеспечение деятельности внутренних войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны : К 200-летию образования внутренних войск МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2 (20). С. 51–55.

[12] Об утверждении Инструкции о порядке награждения орденами и медалями СССР генералов, адмиралов, комиссаров госбезопасности, комиссаров милиции, офицеров, сержантского и старшинского состава сверхсрочной службы войск и спецслужб органов НКВД, НКГБ и милиции : постановление Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1944 г. (протокол № 19, п. 16) // Указы Президиума Верховного Совета СССР с 1 апреля 1944 г. по 1 января 1945 г. Москва, 1945. Т. 2. Утратил силу.

[13] Об учреждении медали «За отличную службу по охране общественного порядка» : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1950 г. (ред. от 18.07.1980) // СЗ СССР. 1990. Т. 1. С. 513.

предназначенная для поощрения сотрудников милиции. Статут медали предусматривал награждение за отвагу при охране общественного порядка, смелые действия при предотвращении правонарушений, активную работу по предупреждению преступности.

С институциональной точки зрения учреждение медали стало важным шагом в разрешении статутной коллизии: впервые появилась государственная награда, статут которой соответствовал повседневной правоохранительной деятельности. Однако сохранялась иерархическая коллизия: медаль относилась к «массовой»[14] ступени наградной системы с делегированным награждением (награждение осуществлялось не Президиумом Верховного Совета СССР, а от его имени министром государственной безопасности (внутренних дел) СССР, а с 1963 года – президиумами верховных советов союзных республик[15]), что сохраняло разрыв между заслугами милиционеров и возможностью получения высоких государственных наград.

В сентябре 1957 года Указом Верховного Совета СССР[16] награждение за выслугу лет было отменено. Этим же Указом силовым ведомствам разрешалось учредить ведомственные медали за 10, 15 и 20 лет службы для награждения военнослужащих. В декабре 1957 года действие указа было также распространено на начальствующий состав учреждений МВД СССР[17].

Совместным приказом Министерства обороны СССР, КГБ СССР и МВД СССР от 25 января 1958 г.[18] была учреждена медаль «За безупречную службу» трех степеней.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что данная медаль не являлась государственной наградой СССР, награждение ей осуществлялось приказами МВД СССР. Она распространялась на все категории личного состава МВД, включая сотрудников милиции, но являлась ведомственной наградой союзного министерства (в период упразднения Министерства внутренних дел СССР в 1960–1968 гг.[19] – ведомственной наградой республиканского министерства охраны общественного порядка)[20].

Правовые последствия этого решения для различных категорий личного состава оказались неодинаковы:

– *военнослужащие внутренних войск* сохранили право на государственные юбилейные медали Вооруженных Сил СССР (учрежденные в ознаменование годовщин Советской армии и флота в 1958, 1968, 1978, 1988 гг.), а также юбилейную медаль «20 лет Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965);

– *сотрудники милиции* утратили возможность получения государственных наград за выслугу лет до учреждения медали «Ветеран труда» в 1974 году (с распространением на органы внутренних дел только в 1977 году[21]).

---

[14] Термин «массовые награды» в отношении государственных наград СССР, награждение которыми от имени Президиума Верховного Совета СССР осуществляется иными органами, применялся во внутренней переписке отдела наград Верховного Совета СССР (См., например: Докладная записка Отдела наград секретариата Верховного Совета СССР Президенту СССР М. С. Горбачеву «Об итогах награждения государственными наградами СССР в 1990 году» // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 9654. Оп. 10. Д. 590. Л. 8).

[15] Об утверждении Положения о медали «За отличную службу по охране общественного порядка» : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1963 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 42. Ст. 433.

[16] О порядке награждения орденами и медалями СССР военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота, войск Министерства внутренних дел СССР, войск и органов Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1957 г. (с изм. от 25.12.1957) // Правовой Сервер КонсультантПлюс (www. consultant.ru) : [электронное издание]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16036#kv4cxTVyYEqwrZbS1 (дата обращения: 23.01.2026).

[17] О распространении на начальствующий состав учреждений МВД СССР действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1957 года «О порядке награждения орденами и медалями СССР военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота, войск Министерства внутренних дел СССР, войск и органов Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР» : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1957 г. // Там же. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=48473#jALdxTVAb4AAVifk (дата обращения: 23.01.2026).

[18] Об учреждении медали «За безупречную службу» в Вооруженных Силах СССР и порядке награждения ею военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота (вместе с «Положением о порядке награждения и вручения медали „За безупречную службу" в Вооруженных Силах СССР») : приказ Министра обороны СССР от 25 января 1958 г. № 15 (ред. от 26.10.1962) // Справочник по законодательству для офицеров Советской Армии и Флота / [под общ. ред. А. Г. Горного и А. Г. Мелентьева]. Москва : Воениздат, 1977. 742 с.

[19] Об упразднении Министерства внутренних дел СССР : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1960 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 3. Ст. 25.

[20] Об учреждении медали «За безупречную службу» : приказ МВД СССР от 19 марта 1979 г. № 92 // Правовой Сервер КонсультантПлюс (www. consultant.ru) : [электронное издание]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9770#DvYhxTVKEU6tSjCk (дата обращения: 23.01.2026).

[21] О награждении медалью «Ветеран труда» лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1977 г. № 5822-IX (ред. от 09.12.1983) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 24. Ст. 369.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Период 1944–1957 гг. остался единственным в советской истории, когда сотрудники милиции могли получать государственные награды СССР за выслугу лет. Это позволяет квалифицировать данную практику как исключительный правовой режим, не получивший дальнейшего развития.

Юбилейные медали представляют собой особую категорию государственных наград с гибридной правовой природой. Учреждаясь указами Президиума Верховного Совета СССР (что придает им статус государственных), они имеют критерии награждения, носящие не заслуженный, а «статусный» характер – принадлежность к определенной категории лиц на определенную дату [15, с. 108].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 ноября 1967 г. учреждена юбилейная медаль «50 лет советской милиции». Положение о медали устанавливало категории награждаемых: лица начальствующего и рядового состава милиции, состоящие на службе к 21 ноября 1967 г.; уволенные в запас или отставку с выслугой 25 и более лет; лица других служб МООП, активно способствующие милиции.

Важной правовой особенностью являлся делегированный порядок награждения: вручение производилось от имени Президиума Верховного Совета СССР, но непосредственно руководителями органов охраны общественного порядка. Это создавало процедурный гибрид, упрощавший наградное производство при сохранении государственного статуса награды.

Таким образом, наградная система последовательно проводила разграничение категорий награждаемых, закрепляя дифференцированный правовой режим военнослужащих и сотрудников милиции.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1974 г.[22] учреждена медаль «Ветеран труда». Первоначально она предназначалась для рабочих, колхозников и служащих народного хозяйства; сотрудники милиции не подпадали под ее действие. Указом от 8 июня 1977 г. действие медали распространено на лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел. Тем самым статус ветеранов правоохранительной службы был определен наряду с ветеранами труда из остальных граждан СССР.

Приказ МВД СССР от 22 марта 1983 г. № 57[23] установил детальный порядок представления к награждению, включавший оформление наградных листов по установленной форме; упрощенный порядок для увольняемых сотрудников (награждение без отдельного наградного листа); приурочивание награждения к значимым датам.

С институциональной точки зрения этот приказ завершил формирование системы поощрения за долголетнюю службу, встроив сотрудников милиции в общегражданскую систему ветеранских наград, а военнослужащих внутренних войск – в систему наград, предназначенную для военнослужащих.

Третий период (1988–1991 годы)

Конституционные реформы 1988–1990 гг. привели к деформации института делегирования, что имело катастрофические последствия для наградной системы в целом и для органов внутренних дел в частности.

Закон СССР от 1 декабря 1988 г.[24] разделил учредительную и наградную функции, передав учреждение наград Верховному Совету СССР, а награждение – Президиуму. Закон СССР от 14 марта 1990 г.[25] передал право награждения Президенту СССР, а в декабре 1990 года была исключена ст. 127.9 Конституции[26], допускавшая делегирование президентских полномочий.

Применительно к органам внутренних дел это означало, в частности, прекращение легитимных награждений медалью «Ветеран труда», а также медалью «За отличную службу по охране общественного порядка» сотрудников милиции, поскольку соответствующие полномочия Министерства внутренних дел СССР, делегированные Указом Президиума Верховного

[22] Об учреждении медали «Ветеран труда» : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1974 г. № 5381-VIII (ред. от 28.12.1987) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1974. № 4. Ст. 76. Утратил силу.

[23] О порядке представления к награждению медалями «Ветеран труда» и «Ветеран Вооруженных Сил СССР» в органах внутренних дел и внутренних войсках : приказ МВД СССР от 22 марта 1984 г. № 57 // Правовой Сервер КонсультантПлюс (www. consultant.ru) : [электронное издание]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7075#gNllxTVXpyYfAWh (дата обращения: 23.01.2026). Утратил силу.

[24] Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР : Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 49. Ст. 727. Утратил силу.

[25] Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР : Закон СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР (далее – Ведомости СНД СССР и ВС СССР). 1990. № 12. Ст. 189. Утратил силу.

[26] Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления : Закон СССР от 26 декабря 1990 г. № 1861-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 1. Ст. 3. Утратил силу.

Совета СССР от 8 июня 1977 г.[27], а полномочия президиумов верховных советов союзных республик, делегированные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1963 г.[28], утратили правовое основание. Докладная записка Отдела наград аппарата Верховного Совета СССР от 21 января 1991 г. констатировала, что награждение массовыми медалями «остановлено или идет с незаконным использованием старых бланков удостоверений»[29]. Также серьезной проблемой применения законодательства СССР о государственных наградах стало провозглашение отдельными республиками в составе СССР независимости в 1990–1991 гг., ввиду чего органы государственной власти указанных республик перестали направлять в аппарат Президента СССР наградные материалы. Проблема правового регулирования 1989 года не была разрешена до распада СССР.

Проект новой редакции Положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР[30], подготовленный в 1990 году, предполагал упразднение медали «Ветеран труда» (с рекомендацией МВД СССР учредить медаль для поощрения военнослужащих за продолжительную воинскую действительную службу свыше 25 лет), но повышение статуса медали «За отличную службу по охране общественного порядка», переведя ее из «массовых» наград, в награды, решение о награждении которыми принимается непосредственно Президентом СССР.

Таким образом, правовой вакуум, возникший вследствие непродуманных конституционных реформ, привел к параличу системы массовых награждений сотрудников органов внутренних дел.

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет предложить авторскую типологию правовых коллизий, возникавших в процессе институционализации наградной системы органов внутренних дел.

1. Статутные коллизии – несоответствие между формальным включением в категорию награждаемых и критериями награждения, ориентированными на иные виды деятельности. Проявлялись в несоответствии статутов общих орденов специфике правоохранительной службы (1930-е гг.) и были частично разрешены учреждением специализированной медали в 1950 году.

2. Процедурные коллизии – сложности в наградном делопроизводстве, подтверждении фактов награждения, идентификации правового статуса награжденных. Наиболее остро проявлялись в послевоенный период в связи со сложной системой подготовки указов [16].

3. Статусные коллизии – неравенство правовых режимов различных категорий личного состава (военнослужащие внутренних войск/сотрудники милиции; сотрудники милиции /сотрудники госбезопасности). Закреплялись дифференцированным доступом к государственным наградам и ведомственным поощрениям.

4. Темпоральные коллизии – деформация правовой природы наград при изменении оснований награждения (совмещение в ордене Красного Знамени функций награды за подвиг и за выслугу лет в 1944–1957 гг.).

5. Иерархические коллизии – несоответствие между значимостью деятельности и уровнем награды (медаль «За отличие в охране общественного порядка» как единственная специализированная награда при отсутствии ордена для сотрудников милиции).

С позиций институционального анализа выявляются следующие закономерности.

1. Запаздывание институциональных изменений. Наградная система реагировала на потребности правоохранительной деятельности с существенным опозданием: специализированная медаль появилась через 30 лет после формирования советской милиции, система ветеранских наград – через 50 лет.

2. Компенсаторная функция ведомственных наград. Ведомственные знаки отличия выполняли функцию замещения отсутствующих государственных наград, но не могли обеспечить того же социального статуса и льгот, за исключением нагрудного знака почетного сотрудника [17].

3. Параллельные механизмы социального регулирования. Государство компенсировало недостатки наградной системы специальным правовым регулированием социальных гарантий, создавая параллельное поле социального обеспечения.

4. Закрепление статусной дифференциации. Наградная система последовательно воспроизводила и закрепляла дифференциацию правового режима различных категорий личного состава, что может рассматриваться как инструмент поддержания внутренней иерархии правоохранительной системы.

[27] Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 24. Ст. 369.

[28] Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 42. Ст. 433.

[29] ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 321. Л. 3.

[30] Положение об орденах, медалях и почетных званиях СССР (проект) // ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 10. Д. 61. Л. 31–48.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Для оценки уникальности советского опыта целесообразно краткое сравнение с наградными системами западных стран в аналогичный период. Во Франции, например, полицейские награждались орденом Почетного легиона на общих основаниях, но имели и специализированные ведомственные награды (медаль Полиции). В Германии веймарского периода сохранялась дифференциация между военными и полицейскими наградами, унаследованная от имперской традиции. Советская модель отличалась более жестким разграничением военного и гражданского секторов наградной системы внутри одного министерства и отсутствием специализированных орденов для правоохранителей, что можно рассматривать как следствие исходной милитаризации системы государственных наград.

Заключение

Теоретические выводы. Проведенный историко-правовой анализ позволяет сформулировать следующие теоретические положения.

1. Наградная система СССР в отношении органов внутренних дел развивалась как серия ситуативных компромиссов между военной парадигмой награждения (исходно заложенной в статуты высших орденов) и потребностями правоохранительной системы. Это подтверждает выдвинутый тезис об отсутствии единой правовой политики и доминировании реактивного нормотворчества.

2. Выявленные правовые коллизии могут быть типологизированы по пяти основаниям (статутные, процедурные, статусные, темпоральные, иерархические). Предложенная типология имеет не только историческое значение, но и может быть использована для анализа современных наградных систем.

3. Дифференциация правового режима военнослужащих внутренних войск и сотрудников милиции являлась не случайностью, а устойчивой характеристикой наградной системы, воспроизводившейся на всех этапах ее эволюции. Это позволяет рассматривать наградную систему как инструмент поддержания внутриведомственной иерархии.

4. Ведомственные награды выполняли компенсаторную функцию, замещая отсутствие адекватных государственных наград, но принципиально не могли обеспечить того же социального статуса. Это создавало устойчивый правовой дуализм, сохранявшийся на протяжении всего советского периода.

5. Юбилейные медали представляли собой гибридную форму со «статусной» правовой природой, позволявшую в массовом порядке отмечать заслуги профессиональных групп без девальвации «заслуженных» наград. Их учреждение может рассматриваться как удачный правовой компромисс.

Практические рекомендации. Опыт советского периода может быть учтен при совершенствовании современной наградной системы правоохранительных органов Российской Федерации:

а) при разработке критериев награждения за выслугу лет целесообразно четкое разграничение с наградами за конкретные заслуги;

б) требуется последовательное проведение дифференциации правового режима различных категорий сотрудников в нормативных актах;

в) целесообразно сохранение и развитие института юбилейных медалей как гибридной формы государственного поощрения.

За рамками настоящего исследования остались вопросы репрезентативности наградной практики (соотношения числа представленных и награжденных, региональных особенностей, неформальных критериев отбора), требующие привлечения делопроизводственной документации из региональных архивов. Перспективным представляется также сравнительный анализ наградных систем СССР и других социалистических стран, а также исследование трансформации наградной практики в постсоветский период.

Список источников

1. *Бубнова И. А.* Награды как ценностные императивы государства и общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 93–102. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.7

2. *Муртазалиев А. М., Магомедханов М. М.* К историографии позитивных санкций // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 3. С. 29–35.

3. *Шуняков Д. В.* Награждение сотрудников правоохранительных органов в предвоенный период (1933–1941) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 24–33. https://doi.org/10.3748462/2687-1505-V254

4. *Шуняков Д. В.* Награждение военнослужащих войск НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 28–37. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V345

5. *Винокуров В. А.* Государственное наградное право : монография. Москва : Издательство Московского государственного университета, 2014. 608 с.

6. *Винокуров В. А.* Новый этап правового регулирования наградной системы российского государства // Социология власти. 2011. № 1. С. 166–178.ч

7. *Шуняков Д. В.* Наградная система СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : монография. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2021. 195 с.

8. *Савин А. И.* Коммунистический пуризм Н. С. Хрущева и государственная наградная политика «славного десятилетия» // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 55–63. https://doi.org/10.15372/HSS20220406

9. *Елаев А. А.* Формирование правового института государственных наград СССР (1922–1942 гг.): историко-правовое исследование // Юридическая наука. 2026. № 2. С. 12–16.

10. *Елаев А. А.* Периодизация истории института государственных наград СССР (1992–1991 гг.): теоретико-правовой анализ эволюции делегирования полномочий // История государства и права. 2026. № 6. С. 43–49. https://doi.org/10.18572/1812-3805-2026-6-43-49

11. *Колесников Г. А., Рожков А. М.* Ордена и медали СССР. 2-е изд.. Москва : Воениздат, 1983. 311 с.

12. *Антонов В. С.* Награды внешней разведки : символы профессионализма : [95-летию Службы внешней разведки России и ее сотрудникам посвящается]. Москва : Международные отношения, 2016. 270 с.

13. *Елаев А. А.* Изменение порядка награждения государственными наградами СССР в период Великой Отечественной войны на примере войск НКВД СССР / Никто не забыт. Ничто не забыто (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : сборник материалов III Международной научно-практической конференции, г. Саратов, 7 мая 2025 г. / отв. ред. А. Т. Ташпекова. Саратов : Саратовский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. С. 19–23.

14. *Шуняков Д. В.* Награды удостоены… Статистические данные по награждению советскими орденами и медалями в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 46–50.

15. *Елаев А. А.* Драматург Островский и неясный статус юбилейных медалей // Закон. 2024. № 6. С. 106–109. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-6-86-110

16. *Калинин Д. А.* Советская наградная система: историографический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 132–141. . https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-2-132-141

17. *Якушев В. А., Ермолов П. А.* Институт поощрений участковых уполномоченных милиции в период советского государства // Академическая мысль. 2023. № 2 (23). С. 174–177.

References

1. *Bubnova I. A.* Nagrady kak cennostnye imperativy gosudarstva i obshchestva // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2019. T. 18, № 3. S. 93–102. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.7

2. *Murtazaliev A. M., Magomedhanov M. M.* K istoriografii pozitivnyh sankcij // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 3. S. 29–35.

3. *Shunyakov D. V.* Nagrazhdenie sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov v predvoennyj period (1933–1941) // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2023. T. 23, № 2. S. 24–33. https://doi.org/10.3748462/2687-1505-V254

4. *Shunyakov D. V.* Nagrazhdenie voennosluzhashchih vojsk NKVD v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i social'nye nauki». 2024. T. 24, № 3. S. 28–37. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V345

5. *Vinokurov V. A.* Gosudarstvennoe nagradnoe pravo : monografiya. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. 608 s.

6. *Vinokurov V. A.* Novyj etap pravovogo regulirovaniya nagradnoj sistemy rossijskogo gosudarstva // Sociologiya vlasti. 2011. № 1. S. 166–178.

7. *Shunyakov D. V.* Nagradnaya sistema SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) : monografiya. Ekaterinburg : Bank kul'turnoj informacii, 2021. 195 s.

8. *Savin A. I.* Kommunisticheskij purizm N. S. Hrushcheva i gosudarstvennaya nagradnaya politika «slavnogo desyatiletiya» // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2022. T. 29, № 4. S. 55–63. https://doi.org/10.15372/HSS20220406

9. *Elaev A. A.* Formirovanie pravovogo instituta gosudarstvennyh nagrad SSSR (1922–1942 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie // Yuridicheskaya nauka. 2026. № 2. S. 12–16.

10. *Elaev A. A.* Periodizaciya istorii instituta gosudarstvennyh nagrad SSSR (1992–1991 gg.): teoretiko-pravovoj analiz evolyucii delegirovaniya polnomochij // Istoriya gosudarstva i prava. 2026. № 6. S. 43–49. https://doi.org/10.18572/1812-3805-2026-6-43-49

11. *Kolesnikov G. A., Rozhkov A. M.* Ordena i medali SSSR. 2-e izd.. Moskva : Voenizdat, 1983. 311 s.

12. *Antonov V. S.* Nagrady vneshnej razvedki : simvoly professionalizma : [95-letiyu Sluzhby vneshnej razvedki Rossii i ee sotrudnikam posvyashchaetsya]. Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2016. 270 s.

13. *Elaev A. A.* Izmenenie poryadka nagrazhdeniya gosudarstvennymi nagradami SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny na primere vojsk NKVD SSSR / Nikto ne zabyt. Nichto ne zabyto (k 80-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne) : sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Saratov, 7 maya 2025 g. / otv. red. A. T. Tashpekova. Saratov : Saratovskij voennyj institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2025. S. 19–23.

14. *Shunyakov D. V.* Nagrady udostoeny… Statisticheskie dannye po nagrazhdeniyu sovetskimi ordenami i medalyami v gody Vtoroj mirovoj vojny // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2021. № 5. S. 46–50.

15. *Elaev A. A.* Dramaturg Ostrovskij i neyasnyj status yubilejnyh medalej // Zakon. 2024. № 6. S. 106–109. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-6-86-110

16. *Kalinin D. A.* Sovetskaya nagradnaya sistema: istoriograficheskij aspekt // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2022. № 2. S. 132–141. . https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-2-132-141

17. *Yakushev V. A., Ermolov P. A.* Institut pooshchrenij uchastkovyh upolnomochennyh milicii v period sovetskogo gosudarstva // Akademicheskaya mysl'. 2023. № 2 (23). S. 174–177.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 340.15

Нормативное регулирование в сфере противодействия угрозам государственной безопасности Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков

Вадим Олегович Зверев[1], доктор исторических наук, доцент
Глеб Евгеньевич Москаленко[2], кандидат юридических наук, доцент

[1] Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
[2] Омская академия МВД России
Омск (644092, г. Омск, пр. Комарова, д.7), Российская Федерация
[1] zverevoma@mail.ru, [2] glmos55@yandex.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-5179-8599, [2] https://orcid.org/0009-0008-8303-173X

Аннотация:
Введение. *Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного анализа правовых механизмов противодействия угрозам государственной безопасности в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (до начала Первой мировой войны), когда государство столкнулось одновременно с нарастанием революционных угроз, а также активизацией иностранного военного шпионажа. Выявление логики, этапов и результатов формирования системы исключительных правовых режимов, а также специализированных контрразведывательных мер в условиях совмещения внутренних и внешних вызовов составляет основное содержание настоящей статьи и позволяет сформировать целостное представление об эволюции правового обеспечения основ государственной безопасности в исследуемый период.* **Методы.** *Исследование основано на диалектическом, историко-правовом, формально-юридическом и сравнительно-правовом методах. Источниковую базу составили опубликованные нормативные правовые акты Российской империи, архивные документы Российского государственного исторического архива (фонды 1162, 1276, 1278), часть которых введена в научный оборот впервые, а также материалы периодической печати начала XX века и труды дореволюционных правоведов.* **Результаты.** *Установлено, что чрезвычайное законодательство развивалось эволюционно от фрагментарных мер 1860–1870-х гг. до системного Положения 14 августа 1881 г., вводившего режимы усиленной и чрезвычайной охраны, которые фактически действовали до 1917 года, произошла институционализация и систематизация контрразведывательной деятельности: в 1911 году созданы специализированные отделения по выявлению и пресечению военного шпионажа с постоянным финансированием. Уголовное законодательство о шпионаже (закон Российской империи «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства» от 5 июля 1912 г.) впервые выделило шпионаж из состава госизмены в самостоятельный вид преступления. Это позволило охватить не только передачу секретных данных, но и их сбор, хранение и разглашение, а также сам факт контакта с агентами иностранных разведок. Сформирована система административных ограничений для иностранцев в приграничных районах. В 1912–1914 гг. утверждены первые перечни сведений, не подлежащих разглашению в печати, что стало прецедентом в практике военно-государственного цензурирования мирного времени в России.*

Ключевые слова:
внутренняя и внешняя безопасность, чрезвычайное законодательство, правовой режим, противодействие шпионажу, Российская империя, административная высылка, охрана государственного порядка, военный шпионаж, контрразведка

Для цитирования:
Зверев В. О., Москаленко Г. Е. Нормативное регулирование в сфере противодействия угрозам государственной безопасности Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 57–69.

Статья поступила в редакцию 25.05.2026; одобрена после рецензирования 11.08.2026; принята к публикации 25.09.2026.

© Зверев В. О., Москаленко Г. Е., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

Regulatory framework for countering threats to the state security of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries

Vadim O. Zverev[1], Doc. Sci. (Hist.), Docent
Gleb E. Moskalenko[2], Cand. Sci. (Jurid.), Docent

[1] Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
[2] Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarova str., Omsk, 644092, Russian Federation
[1] zverevoma@mail.ru, [2] glmos55@yandex.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-5179-8599, [2] https://orcid.org/0009-0008-8303-173X

Abstract:
Introduction. *The relevance of this topic is determined by the need for a comprehensive analysis of the legal mechanisms for countering threats to state security in the Russian Empire during the second half of the nineteenth and early twentieth centuries (up to the outbreak of the First World War), when the state faced both escalating revolutionary threats and the increased activity of foreign military espionage. Identifying the logic, stages and outcomes of the development of a system of exceptional legal regimes, as well as specialised counter-intelligence measures adopted amid the convergence of internal and external challenges, constitutes the central focus of this article. It also enables a comprehensive understanding of the evolution of the legal framework underpinning state security during the period under examination.* **Methods.** *The study is based on dialectical, historical-legal, formal-legal and comparative-legal methods. Its source base comprises published normative legal acts of the Russian Empire; archival documents from the Russian State Historical Archive (Collections 1162, 1276 and 1278), some of which are introduced into academic discourse for the first time; materials from the periodical press of the early twentieth century; and the works of pre-revolutionary legal scholars.* **Results.** *The study establishes that emergency legislation evolved gradually, from fragmented measures adopted in the 1860s and 1870s to the comprehensive Regulation of 14 August 1881, which introduced regimes of heightened and extraordinary security that effectively remained in force until 1917. Counter-intelligence activities were institutionalised and systematised: in 1911, specialised departments tasked with detecting and suppressing military espionage were established and provided with permanent funding. Legislation criminalising espionage – the Russian imperial law of 5 July 1912, "On Amending the Existing Laws on High Treason through Espionage" – for the first time classified espionage as an independent offence distinct from high treason. This made it possible to cover not only the transmission of secret information, but also its collection, possession and disclosure, as well as the mere fact of contact with agents of foreign intelligence services. A system of administrative restrictions on foreigners in border regions was established. In 1912–1914, the first lists of information prohibited from publication in the press were approved, setting a precedent for the practice of military and state censorship in peacetime Russia.*

Keywords:
internal and external security, emergency legislation, legal regime, countering espionage, Russian Empire, administrative expulsion, protection of state order, military espionage, counter-intelligence

For citation:
Zverev V. O., Moskalenko G. E. Regulatory framework for countering threats to the state security of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 57–69.

**The article was submitted May 25, 2026;
approved after reviewing August 11, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Вторая половина XIX – начало XX вв. стали ключевым этапом в формировании системы правового обеспечения государственной безопасности Российской империи. В этот период она столкнулось с принципиально новыми деструктивными явлениями: в дополнение к ранее существовавшим угрозам, прежде всего революционному террору, пришли неочевидные вызовы. В обстановке международной напряженности совершенно иное значение приобрел военный шпионаж со стороны соседних иностранных держав (Германия и Австро-Венгрия), что повлекло острую необходимость разработки правовых механизмов защиты внешней безопасности государства. Настоящее исследование сосредоточено на анализе основных нормативных правовых актов, направленных на противодействие распространению в Российской империи угроз государственной безопасности. Научная новизна работы заключается в привлечении архивных сведений, мало знакомых специалистам и незнакомых широкой научной общественности, а также в комплексном рассмотрении правовых механизмов противодействия внутренним и внешним угрозам и их взаимосвязи.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Проблематика чрезвычайного законодательства и обеспечения государственной безопасности Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. получила определенное освещение в историко-правовой литературе. В публикациях последних лет не снижается исследовательский интерес к Положению «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.[1] Анализируется чрезвычайный правовой режим исключительного положения в России конца XIX – начала XX вв., в т. ч. в оценке представителей школы «возрожденного естественного права». Рассматривается формирование режима исключительного управления в Российской империи. Институт чрезвычайного законодательства дореволюционной России также становится предметом самостоятельного изучения. Особое внимание уделено системе мер противодействия угрозам военной (внешней) безопасности и формированию контрразведывательных отделений, а также роли разведывательных органов в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX века. В дореволюционной правовой мысли содержалась критическая оценка режима исключительного положения (в частности, в трудах В. М. Гессена). Вместе с тем комплексный анализ взаимосвязи внутренних (чрезвычайное законодательство) и внешних (противодействие шпионажу, цензура) аспектов обеспечения государственной безопасности в их системном единстве и взаимосвязи до настоящего времени не предпринимался.

Поставленная авторами настоящей статьи проблема заключается в выявлении логики, этапов и результатов формирования правового механизма противодействия угрозам государственной безопасности в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. в условиях одновременного нарастания революционного террора и активизации иностранного военного шпионажа. Целью работы является комплексный анализ эволюции законодательных средств противодействия угрозам государственной (внутренней и внешней) безопасности России в указанный период. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) выявить этапы становления и развития чрезвычайного законодательства как реакции на обострение внутриполитической обстановки;

2) охарактеризовать законодательные меры, направленные на противодействие шпионажу;

3) установить влияние административных ограничений прав иностранцев и цензурных мер на защиту государственной тайны.

Методы

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов. В основе работы лежит диалектический метод, позволивший рассмотреть правовые явления в их развитии, взаимосвязи и взаимообусловленности. Совокупность историко-правовых методов применена для анализа эволюции законодательства об охране государственной безопасности во второй половине XIX – начале XX вв., выявления этапов и тенденций развития данного законодательства. Формально-юридический метод использован при анализе нормативных правовых актов (положения о мерах по охране государственного порядка и общественного спокойствия, закона о шпионаже, цензурных перечней), их структуры, юридической техники и понятийного аппарата. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить правовые режимы усиленной и чрезвычайной охраны, а также подходы к квалификации шпионажа в Уголовном уложении 1903 года[2], в т. ч. в обновленной редакции данного правового акта от 5 июля 1912 г.[3]

Источниковая база исследования включает опубликованные нормативные правовые акты Российской империи (Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издававшихся при Правительствующем Сенате); материалы делопроизводства (циркуляры, представления, докладные записки); документальные сведения из фондов Российского государственного исторического архива: Ф. 1162 (Министерство юстиции), Ф. 1276 (Совет министров), Ф. 1278 (Государственная дума). Здесь следует оговориться, что указанные первоисточники были

[1] Именной высочайший указ Правительствующему Сенату «Об издании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлении некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны» от 4 сентября 1881 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате (далее – Собрание узаконений и распоряжений...). Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1881. Отд. I. № 89. Ст. 602.

[2] Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. : С приложением предметного алфавитного указателя. Неофиц. изд. Санкт-Петербург : кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. 253 с.

[3] Закон пятого июля тысяча девятьсот двенадцатого года о государственной измене путем шпионства в мирное время : С постатейными соображениями, вступительной статьей и с приложением иностранных законов / изд. [и сост.] А. С. Резанов, пом. воен. прокурора. Неофиц. изд. Варшава, 1912. 102 с.

проанализированы в рамках настоящего исследования, при этом часть из них ранее уже использовалась в научных трудах, в частности, в докторской диссертации В. О. Зверева[4], однако в данной статье они рассматриваются под иным углом зрения – в системной взаимосвязи внутренних и внешних аспектов государственной безопасности. Наряду с архивными документами в качестве исторических памятников были привлечены данные периодической печати («Петербургская газета», «Приамурские ведомости», «Хабаровский листок»), а также опубликованные труды дореволюционных правоведов (В. М. Гессен). Особое внимание авторы статьи обратили на достоверность содержания документальных сведений. Отбор источников осуществлялся по принципу релевантности теме исследования: все использованные документы прямо или косвенно отражают правовые меры противодействия угрозам государственной (внутренней и внешней) безопасности Российской империи.

Результаты

Становление чрезвычайного законодательства в 1860–1870-х годах

Хотя отечественное чрезвычайное законодательство имело более ранние истоки, именно в пореформенный период на фоне масштабной перестройки государственной и правовой системы оно получило системное развитие. Буржуазные реформы 1860–70-х гг., проводившиеся с запозданием и весьма противоречиво, сопровождались ростом массового недовольства, крестьянскими волнениями и активизацией радикальных движений, что вынуждало правительство искать новые, более жесткие ответные меры для сохранения внутренней стабильности. В столь сложной обстановке начала складываться разветвленная система правовых механизмов, призванных нейтрализовать угрозы государственной безопасности как внутри страны, так и за ее пределами.

Первые шаги по законодательному закреплению особых охранительных мер были предприняты уже в начале 1860-х гг. Реакцией на массовые крестьянские волнения в западных губерниях России стало Высочайше утвержденное 4 сентября 1861 г. «Наставление воинским частям или командам, назначаемым для экзекуционного занятия городов, местечек и селений в западных губерниях»[5] [1, с. 221]. Данный нормативный правовой акт впервые на законодательном уровне санкционировал использование регулярных войск для подавления внутренних беспорядков, регламентируя порядок их передвижения, снабжения и полномочия воинских начальников в отношении местного населения. Тем не менее принятые нормы содержали двояко толкуемые основания и порядок применения воинских и жандармских команд, что на практике оставляло широкий простор для усмотрения администрации и порождало произвол.

3 октября 1877 г. был принят закон «О правилах, определяющих порядок призыва войск для содействия гражданским властям»[6]. Данный нормативный правовой акт установил исчерпывающий перечень оснований для привлечения армии. К таким основаниям относились не только обеспечение общественного порядка при проведении массовых мероприятий или стихийных бедствиях, но и выполнение исключительно полицейских функций. В их числе поимка арестантов и дезертиров, пресечение народных волнений, борьба с вооруженной контрабандой на государственной границе и исполнение судебных приговоров.

Ужесточение мер в конце 1870-х годов и создание Верховной распорядительной комиссии

С конца 1870-х гг. курс во внутренней политике был взят на дальнейшее ужесточение мер государственного принуждения. Широкое распространение получила административная высылка, особенно в среде фабричных и заводских рабочих. Юридическим основанием таких мер стал Именной указ от 8 августа 1878 г. «О праве общей полиции и жандармских чинов посещать все фабрики и заводы во всякое время»[7], который фактически легализовал внесудебные обыски и аресты на предприятиях [2, с. 290]. 9 августа 1878 г. был принят закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных

[4] См.: Зверев В. О. Система мер противодействия угрозам военной безопасности Российской Империи (1904–1914 годы) : дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 2018. 482 с.

[5] Высочайше утвержденное Наставление воинским частям или командам, назначаемым для экзекуционного занятия городов, местечек и селений в западных губерниях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXVI. Отд. 3. Санкт-Петербург, 1863. № 37388.

[6] Высочайше утвержденные Правила о призыве войск для содействия гражданским властям // Собрание узаконений и распоряжений... Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1906. Отд. I. № 36. Ст. 215.

[7] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров от 28 мая 1903 г. // Собрание узаконений и распоряжений... Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1903. Отд. I. № 102. Ст. 1176.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

лиц ведению военного суда, установленного для военного времени»[8]. Этот акт устанавливал основания передачи в военные суды дел по государственным преступлениям, а также дел, связанных с явным неповиновением и сопротивлением властям. Судопроизводство осуществлялось по законам военного времени, что предусматривало применение самых суровых наказаний, включая смертную казнь [3, с. 79].

Логическим продолжением этого курса стал секретный циркуляр от 1 сентября 1878 г., который наделил чинов жандармского корпуса и полиции правом задерживать и высылать в административном порядке любых лиц, заподозренных в политической неблагонадежности, причем санкция прокурора для этого не требовалась[9]. Однако даже эти чрезвычайные меры не смогли предотвратить эскалацию террора. Покушение 2 апреля 1879 г. на императора Александра II и взрыв в Зимнем дворце, организованный С. Н. Халтуриным 5 февраля 1880 г., со всей очевидностью продемонстрировали неэффективность ранее предпринятых мер. Ответом властей стало создание 8 февраля 1880 г. Верховной распорядительной комиссии во главе с графом М. Т. Лорис-Меликовым, которая была наделена практически неограниченными полномочиями по «охране государственного порядка и общественного спокойствия» на всей территории империи [4, с. 24]. Данный организационный шаг стал важным этапом на пути к централизации системы государственной (внутренней) безопасности, предвосхитив создание единой правовой основы для применения исключительных мер.

Положение 14 августа 1881 года и его содержание

Мощным стимулом в развитии чрезвычайного законодательства Российской империи стало трагическое событие 1 марта 1881 г. – убийство императора Александра II. Как отмечает Н. И. Биюшкина, гибель монарха от рук террористов-народовольцев привела к возведению консервативной идеологии в ранг государственной, что способствовало консолидации ранее разрозненных охранительных сил [5, с. 271]. Александр III, вступив на престол, уже в первые дни своего правления инициировал коренной пересмотр всех временных законов, изданных в предшествующий период, поставив задачу создать единое системное Положение. Во исполнение этого повеления в мае 1881 года при Министерстве внутренних дел начала функционировать комиссия под председательством члена Государственного совета М. С. Каханова [6, с. 134].

Результатом законотворческой деятельности комиссии стало Высочайше утвержденное 14 августа 1881 г. Положение Комитета министров «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»[10]. Новый акт явился органичным продолжением и завершением предшествующей правовой традиции, ознаменовав окончательное формирование административно-полицейского механизма охраны государственного порядка. Положение вводило две ступени исключительного правового режима: состояние усиленной охраны и состояние чрезвычайной охраны. Как подчеркивает Е. Н. Козинникова, оба режима вступали в действие, когда потенциала обычного гражданского законодательства оказывалось недостаточно для стабилизации кризисной внутриполитической ситуации, и были призваны обеспечить оперативное предупреждение и пресечение государственных преступлений [7, с. 87–88].

Первый, основополагающий отдел Положения («Общие правила») кардинально трансформировал архитектуру управления сферой безопасности. Высшее руководство всеми действиями по охране государственного порядка и общественного спокойствия отныне сосредоточивалось в руках министра внутренних дел. Ему предоставлялось право издавать требования, обязательные к немедленному исполнению всем местным начальством, а также отменять любые распоряжения административных властей, включая генерал-губернаторов и градоначальников (с оговоркой, что для отмены актов последних требовалось предварительное «испрошение высочайшего соизволения»). Тем самым Министерство внутренних дел превращалось из простого координатора в ключевой институт, гарантирующий сохранение самодержавной власти перед лицом нараставших угроз.

Положения, регламентировавшие режим усиленной охраны, существенно отличались от норм о чрезвычайной охране как по объему предоставляемых полномочий, так и по процедуре введения. Право объявления усиленной охраны сроком на один год предоставлялось как министру внутренних дел, так и генерал-губернаторам, однако в последнем случае требовалось последующее утверждение названным министром. Введение этого режима наделяло местную администрацию широким спектром чрезвычайных полномочий. Генерал-губернаторы и губернаторы

[8] Именной высочайший указ Правительствующему Сенату от 20 августа 1906 г. // Собрание узаконений и распоряжений... Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1906. Отд. I. № 190. Ст. 1626.

[9] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 1. Д. 23. Л. 4–5.

[10] Собрание узаконений и распоряжений... Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1881. Отд. I. № 89. Ст. 602.

получали возможность административной высылки лиц, признанных «неблагонадежными» (кстати, этот юридический инструмент эффективно зарекомендовал себя в ходе нейтрализации лиц, подозреваемых в шпионаже в Русско-японской, а в последствии и в Первой мировой войне).

Местные начальники общей и политической полиции, жандармских управлений, а также их помощники наделялись правом предварительного задержания любого, кто внушал «основательное подозрение» в причастности к государственным преступлениям (к примеру, революционная деятельность, военный шпионаж и государственная измена). Им также предоставлялось право производства обысков и выемок во всех без исключения помещениях, включая фабрики и заводы, в любое время суток. Генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники получали право запрещать любые народные, общественные и даже частные собрания. Губернатору также вменялось право закрывать торговые и промышленные заведения – как на определенный срок, так и на все время действия усиленной охраны.

Реализация нового закона не заставила себя ждать. Уже 4 сентября 1881 г. именным указом «Об издании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлении некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны»[11] значительная часть империи была переведена на этот режим. В список вошли Санкт-Петербургская, Московская, Харьковская, Полтавская, Черниговская, Киевская, Волынская, Подольская, Херсонская и Бессарабская губернии; целый ряд уездов в Крыму и других регионах; города Бердянск, Воронеж с уездом, Ростов-на-Дону, Мариуполь, а также Одесское, Таганрогское и Керчь-Еникольское градоначальства. В последующие годы география действия усиленной охраны неуклонно расширялась, а сроки ее действия регулярно продлевались[12]. По мнению С. В. Пчелинцева, Положение 1881 года поставило все население России в зависимость от личного усмотрения чинов политической полиции [8, с. 17–18]. Выдающийся дореволюционный правовед В. М. Гессен с горечью констатировал, что, действуя на территории империи непрерывно вплоть до 1917 года, усиленная охрана фактически утратила характер исключительной меры и превратилась в «нормально действующее» средство политической профилактики, что в корне противоречило природе правового государства[13].

Введение режима чрезвычайной охраны предполагало более сложную процедуру. Министр внутренних дел должен был войти с представлением в Комитет министров, который, в свою очередь, разрабатывал особое положение, подлежавшее Высочайшему утверждению. Чрезвычайная охрана вводилась на срок до шести месяцев. При этом сохранялись в полном объеме все полномочия, предоставленные администрации режимом усиленной охраны, и добавлялся ряд новых, еще более широких. Генерал-губернаторы в таких местностях приобретали особый статус главноначальствующих, что давало им право налагать секвестр на недвижимое и арест на движимое имущество, разрешать или запрещать проведение очередных собраний сословных, городских и земских учреждений, а также определять круг вопросов, подлежавших исключению из их обсуждения. Также предоставлялось право приостанавливать деятельность периодических изданий и закрывать учебные заведения на срок до одного месяца. За нарушение издаваемых постановлений главноначальствующие могли в административном порядке подвергать виновных заключению в тюрьме или крепости на срок до трех месяцев, аресту или денежному штрафу в размере до трех тысяч рублей.

Таким образом, «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. заложило фундамент разветвленной и многоуровневой системы исключительных правовых режимов по борьбе с революционными, военно-шпионскими и иными криминальными проявлениями. Механизм функционирования новой системы предполагал ежегодное внесение министром внутренних дел в Комитет министров представления о продлении усиленной охраны. Основанием для таких представлений служили донесения генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, которые неизменно обосновывали необходимость сохранения особого порядка управления ссылками на нестабильную внутри-, а в некоторых случаях и внешнеполитическую обстановку на подведомственных, в т. ч. пограничных территориях. Комитет министров в подавляющем большинстве случаев удовлетворял эти представления, делегируя исполнительной власти чрезвычайные полномочия на очередной срок. Как следствие, изначально задуманный как временный, данный режим

[11] Собрание узаконений и распоряжений... Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1881. Отд. I. № 98. Ст. 645.

[12] Козинникова Е. Н. Чрезвычайный правовой режим исключительного положения в России в конце XIX – начале XX века в оценке представителей школы «возрождённого естественного права» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (81). С. 29.

[13] Гессен В. М. Исключительное положение. Санкт-Петербург : Юрид. кн. скл. «Право», 1908. С. 117.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

фактически функционировал на протяжении трех десятилетий. Примечательно, что верховная власть пресекала попытки губернской администрации самостоятельно инициировать введение усиленной охраны.

Противодействие внешним угрозам: шпионаж и ограничения прав иностранцев

Параллельно с развитием чрезвычайного законодательства происходило оформление правовых механизмов, ориентированных на предупреждение и нейтрализацию внешних угроз. Определяющее значение в этом процессе приобрело противодействие иностранному военному шпионажу, который стал осознаваться верховной властью в качестве одного из актуальных вызовов государственной безопасности. Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался беспрецедентной активизацией разведывательной деятельности Германии и Австро-Венгрии, особенно в северо-западных, западных и юго-западных пограничных губерниях империи. Как отмечалось в представлении заведующего 2-м делопроизводством Департамента полиции МВД, еще в 1904 году разведка штаба войск гвардии и Петербургского военного округа зафиксировала значительное скопление резервистов германской и австрийской армий в Прибалтийском и Привислинском крае[14]. Особую тревогу спецслужб вызывали иностранные, прежде всего немецкие колонисты, осевшие в Волынской, Подольской и Киевской губерниях. По имеющимся у разведчиков данным, здесь проживало «несколько сот австрийских и германских подданных воинского звания – отпускных и запасных офицеров и нижних чинов», которые на регулярной основе выезжали на историческую родину (в Германию) для участия в учебных сборах и отбывания воинской повинности.

Подобная практика, с одной стороны, являлась прямым свидетельством нелояльности значительной части немецких переселенцев к Российской империи, поскольку они интегрировались в вооруженные силы потенциального противника, с другой – массовый отток призывников за границу создавал пусть и незначительные, но все же некоторые проблемы для комплектования русской армии. Наконец, западноевропейские «резервисты», будучи патриотами своей исторической прародины, не могли не интересоваться военным потенциалом Российского государства. По замечанию товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова, в условиях надвигающейся войны мобилизационные мероприятия в Германии и Австро-Венгрии неизбежно побуждали всех российских немцев призывного возраста собирать сведения о дислокации и состоянии русских войск, что превращало их в ценный источник информации для иностранных генеральных штабов[15].

Закономерным ответом на эти вызовы стали законодательные инициативы. 28 апреля 1910 г. на рассмотрение Совета министров поступил законопроект Министерства внутренних дел «Об изменении временных правил водворения в Волынской губернии лиц нерусского происхождения и о распространении действия сих правил на губернии Киевскую и Подольскую»[16]. Обосновывая наличие неочевидных угроз внешней безопасности России, министр внутренних дел П. А. Столыпин акцентировал внимание на чрезмерной концентрации иностранного населения в юго-западном пограничье и сосредоточении в его руках значительных земельных массивов. Согласно переписи 1897 года, в Волынской губернии проживали 146 тысяч русских подданных, назвавших родным языком немецкий и занимавшихся земледелием. К весне 1910 года доля земель, находившихся во владении иностранцев вне городов, достигла 12 %[17].

Главным побудительным мотивом для разработки законопроекта стала обособленность немецких поселений и их нежелание интегрироваться (ассимилироваться) в российское общество. В МВД констатировали, что колонисты упорно сохраняют отчужденность, относятся к русскому населению враждебно, с чувством превосходства и презрения. П. А. Столыпин подчеркивал, что такая позиция делает их нежелательным элементом для заселения стратегически важных пограничных областей. Предлагаемый законопроект включал ряд ограничительных мер: запрет для иностранных колонистов на приобретение недвижимости, ограничение их прав на аренду земли, распространение указанных ограничений на их потомков по мужской линии, а также предоставление губернаторам права административной высылки нарушителей. Уже 25 мая 1910 г. документ получил одобрение Совета министров и был направлен в Государственную думу. Однако данный законопроект так и не получил силу закона.

---

[14] УГЕНКВАР штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Санкт-Петербург : Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1904. 14 с.

[15] РГИА. Ф. 1276. Оп. 5 (1909 год). Д. 504. Л. 2.

[16] Там же. Оп. 6 (1910 год). Д. 21. Л. 4–7.

[17] Зверев В. О. Указ. соч. С. 261.

Создание военной контрразведки и модернизация уголовного законодательства о шпионаже

Ключевым направлением в деле обеспечения внешней безопасности стало создание военной контрразведки и обновление законодательства о шпионаже. 9 августа 1910 г. военный министр В. А. Сухомлинов направил председателю Совета министров представление «Об ассигновании денежных средств для организации и ведения борьбы с военным шпионством»[18]. В сопроводительном письме он обращал внимание на потенциальную и реальную угрозу со стороны Австро-Венгрии, которая планировала активно использовать национальные и революционные организации внутри России для создания серьезных затруднений в период мобилизации и начала военных действий. Особо подчеркивалась опасность сепаратистских настроений среди польского населения и возросшая активность иностранных дипломатов, под прикрытием которых действовали разведывательные службы[19] [9].

10 августа 1910 г. на заседании Совета министров было принято судьбоносное решение о финансовом обеспечении борьбы со шпионажем. Министры единогласно одобрили выделение ежегодного кредита на содержание контрразведывательных органов в размере 843 720 рублей. Однако запрошенная единовременная сумма в 200 000 рублей на немедленное развертывание деятельности была отклонена по причине ограниченности свободных средств в государственном бюджете[20]. Тем не менее сам факт выделения постоянного финансирования ознаменовал принципиально новый этап – в России впервые создавалась государственная специализированная служба по борьбе со шпионажем и предателями Родины. Финансирование нового института было прописано отдельной строкой в смете Главного управления Генерального штаба Военного министерства.

Следующим важнейшим этапом в деле укрепления внешней безопасности Российской империи стала разработка и принятие уголовного законодательства, направленного против иностранного шпионажа. Инициатива исходила от военного ведомства: 23 мая 1911 г. товарищ военного министра А. А. Поливанов внес в Совет министров «Проект министров Военного и Юстиции об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства»[21].

Сравнительный анализ законопроекта о шпионаже с действовавшими ст. 111–119 Уголовного уложения 1903 года (в редакции 1909 года)[22] выявляет принципиально новые подходы законодателя к квалификации преступлений. Во-первых, новая редакция ст. 111 отказывалась от закрепления перечня конкретных сведений, подлежащих охране, что автоматически делало уголовно наказуемым собирание любых данных и предметов, имеющих отношение к военной обороне России. Во-вторых, принципиальным новшеством выступила четкая дифференциация субъектов преступления: в законопроекте впервые была разграничена ответственность российских подданных и иностранцев, находящихся на территории империи, тогда как прежние редакции оперировали общей категорией «виновное лицо». В-третьих, конструкция ст. 111^1 позволяла квалифицировать не только умышленные действия, но и преступную халатность, выражавшуюся в безразличии к последствиям разглашения охраняемых сведений. Это давало возможность привлечения к ответственности журналистов, публиковавших военные сведения, к примеру, в погоне за собственной профессиональной популярностью и повышением рейтинга конкретных печатных изданий.

Четвертым направлением модернизации законодательства стало введение ст. 111^2, которая устанавливала ответственность за сам факт соглашения с иностранным правительством или его агентом о передаче сведений, разглашение которых может создавать угрозу безопасности России. Наконец, законопроект дополнялся двумя абсолютно новыми составами. Статья 111^4 предусматривала ответственность за продажу изобретений и технических усовершенствований оборонного значения, а ст. 118 – за участие в сообществе, созданном для совершения действий, содержащих признаки государственной измены. И то, и другое было весьма актуальным в канун мировой войны – Россия оберегала свои секретные разработки, в т. ч. в области конструирования автоматической винтовки и патронов к ней с наилучшей баллистикой, а также одновременно создавала дополнительные условия, затруднявшие шпионские проявления, особенно в составе преступных групп и организаций.

8 июня 1911 г. военный министр В. А. Сухомлинов утвердил «Положение о контрразведывательных отделениях» и «Инструкцию начальникам контрразведывательных отделений».

[18] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 46. Л. 47.

[19] См.: Зверев В. О. Указ. соч.

[20] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 46. Л. 47.

[21] Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2270. Л. 4.

[22] Изразцов В. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года : Действующие ст. по продолж. 1909 г. : Алф. предм. указ. / сост. В. Изразцов. Санкт-Петербург : Издательство АО типографского дела в Санкт-Петербурге, 1912. 287 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Впервые на территории Российской империи была развернута система специальных органов для борьбы с иностранным шпионажем [10, с. 16]. Главными задачами контрразведывательных отделений были «надзор за перемещением иностранных подданных и граждан, наблюдение за контактами иностранцев с российскими подданными, за чиновниками, их разговорами в общественных местах, доходами и пр.» [11, с. 48]. Уже во второй половине 1911 года контрразведывательные отделения были созданы в Петербургском, Московском, Виленском, Варшавском, Киевском, Одесском, Кавказском, Туркестанском, Иркутском и Приамурском военных округах.

Цензурные меры и защита государственной тайны в печати

Параллельно с совершенствованием уголовного законодательства правительство предприняло меры по предупреждению утечки военной информации через периодическую печать. Опыт Русско-японской войны продемонстрировал опасность публичного обсуждения информации, связанной с обороноспособностью государства: газеты и журналы, печатавшие подробные отчеты о текущем состоянии армии и флота, нередко становились источником актуальных сведений для иностранных разведок [12; 13, с. 14]. Особую обеспокоенность вызывали публикации, содержавшие конкретные военно-технические данные. Так, в 1911 году «Петербургская газета» обнародовала состав Балтийского флота к 1915 году и технические характеристики кораблей типа «Петропавловск», включая их водоизмещение, скорость хода и вооружение[23]. Не меньшую тревогу вызывали статьи о сухопутных войсках, сообщения о численности воздушного флота, результатах испытаний военной техники и даже имена секретных сотрудников разведки.

В ответ на эти вызовы 1 августа 1912 г. министр внутренних дел А. А. Макаров внес в Совет министров проект перечня сведений, подлежащих государственной защите[24]. Подготовленный чиновниками Главного управления по делам печати МВД документ включал одиннадцать пунктов, охватывавших организацию и дислокацию армии и флота, передвижение войск и судов, проведение мобилизаций, образцы вооружения, состояние запасов, работу оборонных заводов, подготовку к войне, состояние крепостей, методы боевой подготовки, военно-политические переговоры и характеристики высшего командного состава[25].

Однако на заседании 16 августа Совет министров счел одобрение проекта преждевременным. Критику вызвала абстрактность формулировок, создававших угрозу полного изъятия военной тематики из общественного дискурса, что могло спровоцировать негодование общества, лишавшегося возможности сопереживать армии. Кроме того, «запретительный тон» грозил серьезным осложнением отношений государства с либеральной прессой, усмотревшей в проекте не столько заботу о безопасности, сколько стремление к административному давлению на журналистов. Председатель Совета министров В. Н. Коковцов резонно указал, что ограничительные меры должны применяться лишь к тем сведениям, сохранение которых действительно необходимо в интересах государственной обороны[26].

Для выработки сбалансированного решения при МВД было создано Особое совещание из представителей военного, морского ведомств, Министерств внутренних дел и юстиции. Результатом работы двух межведомственных совещаний стало утверждение 29 ноября 1912 г. «Перечня сведений по военной и военно-морской частям, оглашение которых в печати воспрещается на основании ст. 1 отд. II Закона 5 июля 1912 г.»[27]. В ноябре 1913 г. назначенный на пост министра внутренних дел Н. А. Маклаков, инициировал продление действия документа. После повторного пересмотра с участием представителей уже семи ведомств 13 января 1914 г. был утвержден второй Перечень, содержавший десять основных пунктов и насчитывавший в детализированной версии восемнадцать позиций[28]. Примечательно, что вопреки мнению Особого совещания, в окончательный вариант был включен пункт о прекращении увольнения воинских чинов в отпуск, вызове к частям запасных, задержании увольнения в запас, передвижении войск к границам и фрахтовке судов – сведения, имевшие критическое значение в условиях нараставшей военной угрозы[29].

[23] Петербургская газета. 1911. 4 января. № 3. С. 4 ; Там же. 1911. 3 июля. № 179. С. 2.
[24] РГИА. Ф. 1276. Оп. 8 (1912 год). Д. 403. Л. 6.
[25] Там же.
[26] Там же. Л. 8.
[27] Там же. Л. 98.
[28] Там же. Л. 117.
[29] Там же.

Региональный опыт противодействия шпионажу на Дальнем Востоке России

Наряду с попытками модернизации общеимперской архитектуры внешней безопасности Российского государства, системные меры противодействия шпионажу, но только на его региональном уровне, предпринимались приамурским генерал-губернатором П. Ф. Унтербергером. В аналитической записке, направленной П. А. Столыпину 17 декабря 1908 г., он охарактеризовал масштаб шпионской угрозы, указав, что сбор разведывательной информации на Дальнем Востоке осуществлялся не только агентами спецслужб, но и практически всеми японскими подданными. Предложенный начальником края комплекс превентивных мер включал установление запретных зон на объектах государственной важности, расширение сети полицейских охранных отделений с приданием им функций контрразведывательного сыска, увеличение числа агентов, владеющих японским языком, усиление промыслового надзора, а также недопущение рабочих «желтой расы» на казенные предприятия и концессии[30].

Реализуя эти предложения, 14 января 1909 г. П. Ф. Унтербергер обнародовал «Обязательное постановление с целью борьбы против иностранного шпионажа». Согласно этому акту, Владивостокский порт, все крепости, островные и береговые территории объявлялись режимными зонами, закрытыми для свободного доступа. Категорически запрещалось производство любых фотосъемок, измерений или описаний местностей, казенных сооружений, рек, прибрежной полосы и путей сообщения. Нарушители подвергались административному штрафу до 3 000 рублей или тюремному заключению сроком до трех месяцев[31]. Впоследствии действие этого режима было распространено на базу Амурской флотилии, а меры ответственности усилены возможностью высылки нарушителей за пределы генерал-губернаторства[32].

Дальневосточный опыт борьбы со шпионажем не имел аналогов в масштабах всей Российской империи. Отдельные административные инициативы, предпринимавшиеся в других регионах, например, запрещение свободного доступа на форты Кронштадта или запрет на разведение почтовых голубей в Варшаве, носили фрагментарный характер и лишь отдаленно напоминали системный и обстоятельный подход, реализованный П. Ф. Унтербергером. Его деятельность отличалась активным привлечением к межведомственным совещаниям представителей военного, морского, полицейского и пограничного ведомств, что позволяло внедрить скоординированные меры противодействия японской разведке [14, с. 43–44]. Рекомендации, выработанные на этих совещаниях, впоследствии были использованы при развитии общеимперских нормативных правовых актов, нацеленных на противодействие шпионажу, что свидетельствует о значимости регионального опыта для центральной власти [15, с. 206–208]. Главный итог его правотворческой деятельности заключался в создании регионального фундамента для общеимперской системы мер противодействия угрозам внешней безопасности.

Процессуальные ограничения и незавершенные реформы

Параллельно с развитием региональных механизмов на общеимперском уровне велась работа по дальнейшему совершенствованию процессуального законодательства. Логическим завершением законодательных реформ должен был стать законопроект «О допущении к судебной защите по уголовным делам исключительно российских подданных, а по делам о государственной измене путем шпионства лишь присяжных поверенных», внесенный министром юстиции И. Г. Щегловитовым 24 декабря 1913 г.[33] Поводом для разработки послужили участившиеся случаи допуска к защите по делам о шпионаже иностранных адвокатов и частных поверенных, которым нельзя было доверить материалы, содержащие государственную тайну. Аналогичные опасения вызывала и неопытность помощников присяжных поверенных, чьи неустоявшиеся взгляды и убеждения не могли гарантировать сохранение секретных сведений. Законопроект предлагал допускать к защите по таким делам исключительно присяжных поверенных из числа российских подданных. 16 июня 1914 г. Совет министров одобрил законопроект, однако ему не суждено было получить силу закона: начавшаяся война и последовавший политический кризис остановили законодательный процесс.

[30] РГИА. Ф. 1162. Оп. 5 (1909 год). Д. 586. Л. 6.

[31] Обязательное постановление Приамурского генерал-губернатора // Приамурские ведомости. 1912. 12 января. № 1803. С. 2.

[32] Приамурские ведомости. 1912. 17 апреля. № 1841. С. 1 ; Хроника // Хабаровский листок. 1912. 18 апреля. № 158. С. 3.

[33] РГИА. Ф. 1162. Оп. 5. Д. 307. Л. 5.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать ряд обобщений и выявить основные тенденции развития правового механизма обеспечения государственной безопасности в Российской империи рассматриваемого периода.

Во-первых, исследование подтверждает тезис о том, что чрезвычайное законодательство развивалось не как разовый акт, а как эволюционный процесс, вызванный обострением конкретных и разноуровневых угроз, возымевших общероссийский масштаб. Первоначальные меры (1861, 1877 гг.) носили фрагментарный характер и были реакцией на крестьянские волнения. Лишь после серии террористических актов конца 1870-х – начала 1880-х гг., кульминацией которых стало убийство Александра II, сформировалась системная организационно-правовая база. И она, на наш взгляд, являлась не столько превентивной реакцией законодателя, сколько мерой его ответного, чрезвычайного реагирования. Во-вторых, выявлена двойственная природа правового режима, введенного Положением 1881 года[34]. Изначально задуманный как временный и исключительный, такой режим фактически действовал более тридцати лет. Верховная власть сознательно шла на продление исключительного правового режима, рассматривая его как необходимый инструмент сохранения самодержавия в условиях нараставшей революционной угрозы. В-третьих, анализ мер противодействия внешним угрозам показывает, что осознание военного шпионажа как системной и всеобъемлющей угрозы на государственном уровне произошло относительно поздно – лишь в преддверии Первой мировой войны. Формирование контрразведывательных отделений и частичная модернизация уголовного законодательства (некоторые законодательные инициативы так и остались на бумаге) в 1911–1912 гг. стали важнейшими вехами на пути организации системы мер противодействия иностранным разведкам, прежде всего германской, австрийской и частично японской. Но их многолетнему опыту функционирования, профессиональным кадрам (офицерам-разведчикам, агентам и резидентам), уникальным методикам и приемам сбора военно-значимых сведений и пр. впервые созданная и малоопытная служба русской контрразведки противопоставить ничего не могла. Необходимо было время, а его ни у законодателей, ни у контрразведчиков не было. Российская империя, слабо и фрагментарно обезопасившая себя от внешних угроз, стремительно приближалась к глобальному вооруженному конфликту.

При этом обращает на себя внимание разрыв между общеимперским и региональным уровнями правового регулирования. В то время как в центре велась длительная межведомственная работа, например, по согласованию цензурных перечней, на Дальнем Востоке генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер действовал оперативно и решительно, определяя запретные зоны и вводя административную ответственность в отношении правонарушителей. Это свидетельствует о децентрализованном характере системы обеспечения внешней безопасности в империи и значительной роли местной (губернской) администрации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько обобщающих выводов, касающихся эволюции правовых средств противодействия угрозам государственной безопасности в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Прежде всего в указанный период окончательно сложилась многоуровневая иерархическая система чрезвычайного законодательства, центральным звеном которой стало Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. Вводимые режимы усиленной и чрезвычайной охраны при всей их декларируемой временности фактически действовали в масштабах всей империи вплоть до 1917 года, превратившись из исключительной меры в постоянно функционирующий инструмент политического контроля. Такой разрыв между юридической формой и фактическим применением является одной из характерных черт отечественной модели обеспечения внутренней безопасности второй половины XIX – начала XX вв.

Другим значимым итогом стала институционализация контрразведывательной деятельности в качестве самостоятельной функции государства. Создание летом 1911 года особых контрразведывательных отделений и выделение для них постоянного бюджетного финансирования ознаменовало переход от разрозненных, часто ситуативных и порой непрофильных (полицейских) мер реагирования к системной государственной политике противодействия иностранному военному шпионажу. Хотя этот процесс начался относительно поздно (лишь накануне Первой мировой войны), сам факт организационного и финансового оформления контрразведки

[34] Собрание узаконений и распоряжений... Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1881. Отд. I. № 98. Ст. 645.

свидетельствовал о признании верховной властью серьезности внешней угрозы и особого предназначения в борьбе с ней нового специализированного органа – военной контрразведки.

Параллельно осуществлялось совершенствование уголовного законодательства о шпионаже. Закон от 5 июля 1912 г. о борьбе со шпионажем[35], предусматривавший отказ от закрытого перечня охраняемых сведений, дифференциацию ответственности российских подданных и иностранцев, а также введение ответственности за преступную халатность, отражал новый уровень правовой рефлексии. Хотя не все положения закона успели вступить в силу до начала войны, сама логика законодательных изменений показывает, что власть стремилась адаптировать правовые институты к современным вызовам.

Большое значение имело формирование системы административных ограничений для иностранцев в приграничных районах. Запреты на приобретение недвижимости, ограничения аренды земли, право губернаторов на административную высылку «неблагонадежных» лиц – эти меры, инициированные в т. ч. по настоянию П. А. Столыпина, создавали правовой механизм, призванный минимизировать возможность использования врагами России этнических диаспор для ослабления обороноспособности ее стратегически важных (приграничных) регионов.

Наконец, в предвоенный период впервые на законодательном уровне были предприняты попытки ограничить разглашение военно-значимых сведений в периодической печати. Утверждение специальных перечней в 1912 и 1914 гг. стало прецедентом государственного регулирования военной цензуры в мирное время. Хотя эти перечни вызвали критику со стороны либеральной общественности и самого Совета министров за излишнюю абстрактность формулировок, сам факт их появления говорил о признании периодической печати потенциальным каналом утечки информации.

Обращение к историческому опыту нормативного регулирования системы обеспечения государственной безопасности имеет не только академическое, но и практическое значение. Вызовы, с которыми столкнулась Российская империя на рубеже столетий – поиск баланса между гласностью и секретностью, защита государственной тайны в условиях разведывательной активности потенциального противника, определение правового статуса иностранцев в стратегически важных местностях, применение превентивных административных мер в отношении политически неблагонадежных лиц представляют собой устойчивые, повторяющиеся вызовы, возникающие перед Российским государством в кризисные периоды, в том числе и сегодня.

Перспективными направлениями будущих историко-правовых исследований могут стать сравнительный анализ практики применения чрезвычайного законодательства в различных регионах Российской империи (к примеру, в Великом княжестве Финляндском), изучение эффективности контрразведывательной деятельности в годы Первой мировой войны, анализ правового статуса и практики применения мер в отношении «нелояльных» лиц, а также сопоставление отечественного опыта с законодательством зарубежных стран.

Список источников

1. *Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С.* Три века российской полиции : монография. Москва : РИПОЛ классик, 2016. 608 с.

2. *Биюшкина Н. И.* Источники положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 5-1. С. 288–293.

3. *Талдиев А. Б.* Институт чрезвычайного законодательства в дореволюционной России // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 1 (56). С. 77–81.

4. *Кряжев Ю. Н.* Либеральный диктатор М. Т. Лорис-Меликов и его проект конституционализации монархии // Омский научный вестник. 2005. № 2 (31). С. 23–25.

5. *Биюшкина Н. И.* Террористический акт 1 марта 1881 г. и Манифест от 29 апреля 1881 г. в оценке общественно-политических деятелей // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2011. № 3. С. 271–275.

6. *Ермаков В. А.* Формирование режима исключительного управления в Российской империи // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2009. № 4. С. 127–145.

7. *Козинникова Е. Н.* Исключительное положение как чрезвычайный правовой режим (опыт анализа нормативных актов и работ полицеистов Российской империи конца XIX – начала XX века) // Genesis: исторические исследования : [сетевое издание]. 2017. № 11. С. 87–95. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22543. https://doi.org/10.25136/2409-868X.2017.11.22543

8. *Пчелинцев С. В.* Законодательство дореволюционной России об ограничениях прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов // История государства и права. 2006. № 5. С. 16–19.

9. *Зверев В. О.* Формирование контрразведывательных отделений Российской империи перед Первой мировой войной (на примере Санкт-Петербурга) // Омский научный вестник. 2005. № 3 (32). С. 18–22.

10. *Жаров С. Н.* Офицерский менталитет и создание контрразведывательных отделений в российской армии // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4-2. С. 15–20.

11. *Изаксон Р. А.* Деятельность органов контрразведки России и нелегальные иностранные общественные организации на востоке России в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 47–52. https://doi.org/10.17223/15617793/411/7

[35] Закон пятого июля тысяча девятьсот двенадцатого года о государственной измене путем шпионства...

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

12. *Богомолов И. К.* Временное положение о военной цензуре: проект 1910 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2022. № 3. С. 7–24.
13. *Блохин В. Ф.* «Кризис и контроль»: столичная печать Российской империи в годы первой мировой войны через призму цензурных отчетов // Вестник государственного и муниципального управления. 2025. Т. 14, № 4. С. 11–21. https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-4-1
14. *Соколенко А. В.* Взаимодействие ведомств и органов Российской империи на Дальнем Востоке в борьбе с иностранной разведкой в 1905–1911 гг. (часть первая) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 2. С. 42–46.
15. *Кудинова Н. Т., Соколенко А. В.* Межведомственные совещания и проблемы борьбы с иностранным шпионажем на территории Приамурского края в начале XX века // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2014. № 3 (34). С. 203–212.

References

1. *Borisov A. V., Malygin A. Ya., Mulukaev R. S.* Tri veka rossijskoj policii : monografiya. Moskva : RIPOL klassik, 2016. 608 s.
2. *Biyushkina N. I.* Istochniki polozheniya «O merah k ohraneniyu gosudarstvennogo poryadka i obshchestvennogo spokojstviya» ot 14 avgusta 1881 g. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2010. № 5-1. S. 288–293.
3. *Taldiev A. B.* Institut chrezvychajnogo zakonodatel'stva v dorevolyucionnoj Rossii // Yurist"-Pravoved". 2013. № 1 (56). S. 77–81.
4. *Kryazhev Yu. N.* Liberal'nyj diktator M. T. Loris-Melikov i ego proekt konstitucionalizacii monarhii // Omskij nauchnyj vestnik. 2005. № 2 (31). S. 23–25.
5. *Biyushkina N. I.* Terroristicheskij akt 1 marta 1881 g. i Manifest ot 29 aprelya 1881 g. v ocenke obshchestvenno-politicheskih deyatelej // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal. 2011. № 3. S. 271–275.
6. *Ermakov V. A.* Formirovanie rezhima isklyuchitel'nogo upravleniya v Rossijskoj imperii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2009. № 4. S. 127–145.
7. *Kozinnikova E. N.* Isklyuchitel'noe polozhenie kak chrezvychajnyj pravovoj rezhim (opyt analiza normativnyh aktov i rabot policeistov Rossijskoj imperii konca XIX – nachala XX veka) // Genesis: istoricheskie issledovaniya : [setevoe izdanie]. 2017. № 11. S. 87–95. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22543. https://doi.org/10.25136/2409-868X.2017.11.22543
8. *Pchelincev S. V.* Zakonodatel'stvo dorevolyucionnoj Rossii ob ogranicheniyah prav i svobod grazhdan v usloviyah osobyh pravovyh rezhimov // Istoriya gosudarstva i prava. 2006. № 5. S. 16–19.
9. *Zverev V. O.* Formirovanie kontrrazvedyvatel'nyh otdelenij Rossijskoj imperii pered Pervoj mirovoj vojnoj (na primere Sankt-Peterburga) // Omskij nauchnyj vestnik. 2005. № 3 (32). S. 18–22.
10. *Zharov S. N.* Oficerskij mentalitet i sozdanie kontrrazvedyvatel'nyh otdelenij v rossijskoj armii // Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs. 2011. № 4-2. S. 15–20.
11. *Izakson R. A.* Deyatel'nost' organov kontrrazvedki Rossii i nelegal'nye inostrannye obshchestvennye organizacii na vostoke Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 411. S. 47–52. https://doi.org/10.17223/15617793/411/7
12. *Bogomolov I. K.* Vremennoe polozhenie o voennoj cenzure: proekt 1910 g. // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya. 2022. № 3. S. 7–24.
13. *Blohin V. F.* «Krizis i kontrol'»: stolichnaya pechat' Rossijskoj imperii v gody pervoj mirovoj vojny cherez prizmu cenzurnyh otchetov // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2025. T. 14, № 4. S. 11–21. https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-4-1
14. *Sokolenko A. V.* Vzaimodejstvie vedomstv i organov Rossijskoj imperii na Dal'nem Vostoke v bor'be s inostrannoj razvedkoj v 1905–1911 gg. (chast' pervaya) // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2016. № 2. S. 42–46.
15. *Kudinova N. T., Sokolenko A. V.* Mezhvedomstvennye soveshchaniya i problemy bor'by s inostrannym shpionazhem na territorii Priamurskogo kraya v nachale XX veka // Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 3 (34). S. 203–212.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 340.153

Свидетельские показания в русском праве XI–XVII веков в контексте эволюции коэффициента заинтересованности законодателя

Ирина Викторовна Минникес, доктор юридических наук, профессор

Байкальский государственный университет
Иркутск (664003, ул. Ленина, д. 11) Российская Федерация
ivminnikes@mail.ru
http://orcid.org/0000-0002-2550-8949

Аннотация:
Введение. *В статье исследуется вопрос о том, насколько велико внимание законодателя к свидетельским показаниям в нормативных актах периода становления русского права и его развития.* **Методы.** *На основе анализа статей наиболее важных российских правовых актов XI–XVII вв. (от Русской правды до Соборного Уложения 1649 г.) показана авторская методика определения степени заинтересованности законодателя в правовой регламентации показаний свидетелей. Этот показатель обозначен как коэффициент заинтересованности законодателя (далее – КЗЗ). Он показывает, какую долю (в процентах) составляют статьи, регулирующие вопросы о свидетелях, в общем количестве предписаний конкретного акта.* **Результаты.** *Установлено, что начиная с Пространной редакции Русской Правды и до начала XVII века статьи, прямо или косвенно относящиеся к свидетельским показаниям, составляли 15–16 % от общего количества статей документа. Заметное снижение КЗЗ (до 6 %) наблюдается в Соборном Уложении 1649 года.* **Заключение.** *Стабильность КЗЗ в актах XI–XVI вв. свидетельствует об устойчивой заинтересованности законодателя в регламентации свидетельских показаний. Резкое падение КЗЗ в Соборном Уложении связано как с многозадачностью самого акта, так и с внедрением новой формы процесса.*

Ключевые слова:
история русского права, русский судебный процесс, доказательства, свидетельские показания, свидетели в Русской Правде, свидетели в Псковской Судной грамоте, свидетели в Судебниках XVI–XVII вв., свидетели в Соборном Уложениии 1649 года, коэффициент заинтересованности законодателя

Для цитирования:
Минникес И. В. Свидетельские показания в русском праве XI–XVII веков в контексте эволюции коэффициента заинтересованности законодателя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 70–79.

**Статья поступила в редакцию 04.05.2026;
одобрена после рецензирования 11.08.2026;
принята к публикации 25.09.2026.**

Original article

Witness testimony in Russian law of the XI–XVII centuries in the context of the evolution of the legislator's interest coefficient

Irina V. Minnikes, Doc. Sci (Jurid.), Professor

Baikal State University
11, Lenin str., Irkutsk, 664003, Russian Federation
ivminnikes@mail.ru
http://orcid.org/0000-0002-2550-8949

© Минникес И. В., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Abstract:
Introduction. *The article examines the extent to which the legislator paid attention to witness testimony in legislative acts during the formative period of Russian law and its subsequent development.* **Methods.** *Based on the analysis of the articles of the most significant Russian legal acts of the XI–XVII centuries (from "Russkaya Pravda" to "Sobornoye Ulozheniye of 1649"), the author presents her method for determining the degree of the legislator's interest in the legal regulation of witness testimony. This indicator is designated as the "Coefficient of legislator's interest" (hereinafter – CLI). It shows the proportion (as a percentage) of articles regulating matters concerning witnesses within the total number of provisions in a specific act.* **Results.** *It has been established that, from the Extensive edition of "Russkaya Pravda" until the early XVII century, articles directly or indirectly relating to witness testimony accounted for 15–16 % of the total number of articles in the document. A marked decrease in the CLI (to 6 %) is observed in the "Sobornoye Ulozheniye of 1649".* **Conclusion.** *The stability of the CLI in the legal acts of the XI–XVI centuries attests to the legislator's sustained interest in regulating witness testimony. The sharp decline in the CLI in the "Sobornoye Ulozheniye" is linked both to the multifaceted nature of the act itself and to the introduction of a new form of legal proceedings.*

Keywords:
Russian law history, Russian judicial procedure, evidence, witness testimony, witnesses in the "Russkaya Pravda", witnesses in the Pskov Judicial Charter, witnesses in the Law Codes of the XVI–XVII centuries, witnesses in the "Sobornoye Ulozheniye of 1649", coefficient of legislator's interest

For citation:
Minnikes I. V. Witness testimony in Russian law of the XI–XVII centuries in the context of the evolution of the legislator's interest coefficient // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 70–79.

**The article was submitted May 4, 2026;
approved after reviewing August 11, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Показания людей, имеющих информацию об обстоятельствах дела, действиях его участников, о потерпевшем, обвиняемом, истце и ответчике всегда имели значение для течения процесса установления истины по делу. Известный русский процессуалист В. Л. Исаченко еще в 1913 году написал: «Всякое судебное ръшеніе должно по возможности содъйствовать истинъ, ибо въ этомъ залогъ спокойствія гражданъ. Посему, содъйствовать выясненію истины есть долгъ каждаго гражданина. Средствомъ же для сего служатъ предустановленныя закономъ доказательства, къ числу коихъ принадлежатъ и свидътельскія показанія»[1].

В настоящее время закон официально определил содержание и место показаний свидетелей в процессе. Так, согласно части 1 статьи 79 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Показания свидетеля – сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде...»[2]. Таким образом, показания свидетеля имеют официальный статус доказательств на любой стадии процесса, начиная от досудебных. Содержание свидетельских показаний достаточно широко: как указано в ч. 2 ст. 79, «свидетель может быть допрошен о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и своих взаимоотношениях с ними и другими свидетелями»[3], т. е. ограничено только соображениями относимости.

Для принятия в качестве доказательства показания свидетеля должны соответствовать определенным формальным требованиям.

Этот вопрос также детально урегулирован процессуальным законодательством, как уголовным, так и гражданским, административным и арбитражным (хотя, по замечанию специалистов, «в арбитражном судопроизводстве свидетельские показания применяются не так часто, как в иных судебных процессах, что обусловлено его спецификой» [1, с. 194]).

Можно заключить, что внимание российского законодателя к показаниям свидетелей как весомому и востребованному виду доказательств бесспорно. Но как сформировалась эта установка законодателя? Насколько быстро и насколько значительно варьировалось место свидетельских показаний в процессуальных отношениях? В каком объеме и какими средствами осуществлялось правовое регулирование свидетельских показаний на ранних стадиях развития российского государства и права?

Ответ на эти вопросы является целью настоящего исследования.

Для воссоздания эволюции института свидетельских показаний и оценки их значения в процессуальных отношениях необходимо обратиться к истории российского права. В литературе отмечено, что «институт свидетельских показаний прошел длительный эволюционный путь с момента появления первых памятников права на Руси до настоящего времени» [2, с. 16],

[1] Исаченко В. Л. Мировой суд : Практические комментарии на первую книгу Устава гражданского судопроизводства : (Ст. 29–201) / сост. В. Л. Исаченко. Санкт-Петербург : тип. М. Меркушева, 1913. С. 320.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 79.

[3] Там же.

претерпевал множественные изменения, которые «в конечном итоге, привели его на существующую ступень развития в российском праве» [3, с. 194].

Охватить все аспекты проблемы становления и развития института показаний свидетелей как одного из весомых доказательств в русском праве в рамках одной статьи невозможно. Поэтому внимание автора будет сосредоточено на конкретной проблеме, а именно, ответе на вопрос – насколько велико внимание законодателя к свидетельским показаниям в период становления русского права и его развития.

Хронологические рамки исследования охватывают довольно длительный период.

Нижняя граница – XI век, т. е. наиболее вероятное время создания Краткой редакции Русской Правды, хотя за давностью лет реальная природа этого документа в научных исследованиях представлена неоднозначно. Так, А. Я. Дегтярев писал, что «Краткая Правда это, в первую очередь, <...> памятник древнерусской политической и социальной истории» и является вариантом сокращения Пространной Правды в связи с событиями в Киеве в 1068 году [4, с. 120–122]. Поскольку текст Пространной редакции включает ссылки на более позднее время, примем за основу наиболее распространенный [5, с. 20–21] вариант датировки. Несмотря на наличие в древнейшее время и более ранних памятников права, в частности, «родоначальников» такого источника, как нормативный договор[4] (по мнению Э. А. Поваляева, «именно с 911 года, начинает формироваться письменная (документальная) база института свидетельствования Древней Руси» [6, с. 45]), за основу в работе принято утверждение, что «опредьлительно же говорится о свндьтеляхъ въ первый разъ въ Русской Правдъ и притомъ уже въ краткъй, древнъйшей ея редакціи» [7, с. 5], тем более, что именно Русскую Правду в ее ранней редакции можно отнести к прообразу нормативного правового акта.

В качестве верхней границы избран XVII век, а именно, время принятия Соборного Уложения 1649 года[5]. Это связано с тем, что в дальнейшем большинство актов, регламентирующих проблемы доказательств, имеют более узконаправленное содержание[6], а сам документ являлся «важнейшим правовым актом Русского централизованного государства <...> XVII в.» [8, с. 237]).

Нормативная база работы включает несколько историко-правовых документов. Это Русская Правда Краткой и Пространной редакции[7] (далее – РПКр. и РППр.), Псковская Судная грамота[8] (далее – ПСГ), Судебники (1497[9], 1550, 1589, 1606–1607 гг.[10]) и Соборное Уложение 1649 года[11] (далее – Уложение 1649 года, Уложение).

Методы

Методология исследования основана на формально-юридическом и сравнительно-правовом диахронном подходах, а также включает математические расчеты.

В основу выводов о месте показаний свидетелей в правовом регулирований общественных отношений положен авторский метод расчета *коэффициента заинтересованности законодателя* (далее – КЗЗ).

Авторская методика установления данного показателя разработана в связи с особенностями нормативных актов Русского государства в эпоху его становления и развития, а также уровнем юридической техники этого времени.

Так, диахронный компаративистский количественный анализ статей о свидетелях можно провести двумя способами.

Первый способ – это подсчитать, сколько статей о свидетелях содержится, например, в Псковской судной грамоте и сравнить с числом статей в Соборном Уложении. Соотношение

[4] Имеются в виду наиболее известные договоры Руси с Византией 907, 911, 945 и 971 гг. (*прим. авт.*).

[5] См.: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года : учебное пособие. Москва : Издательство Московского университета, 1961. 444 с.

[6] См., например: Краткое изображение процессов или судебных тяжеб. 26 апреля 1715 г. // Законодательство Петра I, 1696–1725 годы / сост., авт. предисл. и вступ. ст. В. А. Томсинов. Москва : Зерцало, 2014. 461 с.

[7] См.: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин // Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва : Юридическая литература, 1984. Т. 1. 430 с.

[8] См.: Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота : текст: комментарий: исследование. Псков : Возрождение, 1997. 146 с.

[9] См.: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / сост. В. Н. Автократов, А. А. Зимин, С. М. Каштанов, А. Г. Поляк ; ред. Л. В. Черепнин // Памятники русского права : [в 7 т.]. Москва : Госюриздат, 1955. Вып. 3. 527 с.

[10] См.: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. / [сост.: А. А. Зимин, С. М. Каштанов, А. И. Копанев, А. Г. Поляк] ; под ред. [и с предисл.] Л. В. Черепнина. // Памятники русского права : [в 7 т.]. Москва : Госюриздат, 1956. Вып. 4. 632 с.

[11] См.: Полное собрание законов Российской империи : [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Санкт-Петербург : [б. и.], 1851. Т. 1: Общий хронологический указатель к Полному собранию законов (1649–1825). 1206 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

20 статей ПСГ и 58 статей в Уложении указывает, что создатели Уложения значительно более внимательны к свидетельским показаниям, нежели псковское вече.

Второй способ – это вычисление КЗЗ по тем же актам.

Этот способ принимает во внимание, что данные акты далеко не идентичны по объему. 120 статей ПСГ явно уступают 968 статьям Уложения. Поэтому можно задать вопрос: А каков удельный вес статей о свидетельских показаниях в каждом из указанных актов?

Именно на этот вопрос отвечает авторская разработка, названная *коэффициентом заинтересованности законодателя* [9, с.11–18; 10, с. 306–311; 11, с. 78–87].

КЗЗ рассчитывается по формуле:

$$КЗЗ = СС : ОС \times 100\ \%, \quad (1)$$

где: СС – количество специализированных статей;

ОС – это общее количество статей документа.

Для примера возьмем те же акты и рассчитаем КЗЗ по каждому из них. Как было сказано ранее, в ПСГ содержится 16 специализированных статей, в которых упоминаются свидетели и их показания, а общий объем документа – 120 статей. Рассчитываем по формуле: 20 : 120 × × 100 % = 16,7 % Таким образом, доля предписаний о свидетелях в ПСГ едва ли не 17 %, тогда как в Уложении (58 : 968 × 100 %) более чем в два с половиной раза меньше – 6 %.

Очевидно, что этот способ расчета приведет к совершенно иным выводам по поводу значимости данного вида доказательств для законодателя.

Результаты

Прежде чем производить расчет КЗЗ и делать выводы на основании полученных данных, необходимо внести несколько уточнений, связанных с особенностью историко-правового материала и его корректным прочтением.

1. Понятие «русское право» и «русское законодательство» не идентичны. В данной статье речь идет о русском праве, но основное внимание уделено все-таки тем документам, которые с известной долей условности можно назвать законодательством.

Основная причина состоит в том, что именно эти акты играют ведущую роль в процессуальных отношениях. Безусловно, применительно к древнейшему этапу огромное место в «суде» занимали нормы обычаев, но поскольку эти нормы имели неписаный характер и кроме того частично были переведены в ранг нормативных правовых предписаний посредством положений Русской Правды, этот источник не учтен. Что же касается предписаний нормативных договоров, в частности, ст. 3 Договора 911 года («...да елико яве будеть показании явленными да имеють верное о тацех явление»), то, по замечанию М. А. Чельцова-Бебутова, возможно их неоднозначное толкование. Под «показанием» в данном случае может подразумеваться и свидетельство лица, и «материальные следы события»[12].

2. В учебной и порой в научной литературе часто упоминается об уголовном и гражданском праве и процессе ранних этапов развития права: «В целом такой вид доказательств, как свидетельские показания, существовал и до XVIII века. Свидетель мог являться участником как досудебного, так и судебного производства, причем и в гражданском, и в уголовном процессе»[13]. Мысль о существовании уголовного процесса в древности разделяет еще ряд авторов[14]. Представляется, что уголовный или гражданский процесс, как и само деление материального права на две соответствующие отрасли – это результат длительной эволюции процесса досудебного преследования, судоговорения и исполнения решения. Назвать эти процедуры уголовным или гражданским процессом можно самое раннее только относительно процесса конца XVIII века. Поскольку данное исследование ограничено XVII веком, термины «уголовный процесс» и «гражданский процесс» не применяются.

3. Особенность текстов историко-правовых документов заключается в значительной доле статей с неопределенным содержанием. Например, трудно со стопроцентной уверенностью утверждать, о каком именно доказательстве (и вообще – о доказательствах или о возможности

---

[12] Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Санкт-Петербург : Равена, 1995. С. 626.

[13] См.: Сидорова Н. В. Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. С. 255.

[14] См.: Там же ; Бобровский О. В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде : дис. ... канд. юрид.наук. Казань, 2007. 161 с.

обращения в суд) идет речь, если законодатель пользуется формулировкой «дати правду» (ПСГ), «обыщется то в правду» (Судебник 1589 года) или «сыщется допряма» (Уложение 1649 года). По этой причине статьи, допускающие неоднозначное толкование, в расчет не принимались.

4. Для расчетов использованы разные статьи: как целевые, которые в полном смысле слова регламентируют статус, порядок получения и роль свидетельских показаний в судоговорении (например, в ст. 66 РППр объяснено, что холоп не может свидетельствовать, но если свободных людей нет, то «по нужде» можно сослаться на свидетельство боярского тиуна, в ст. 158 Судебника 1589 года предусмотрено, что если «послух придет перед судию правда и что речи скажет, то дияку записати, ...»), так и статьи, в которых это доказательство просто упоминается в связи с регламентацией определенной стадии судоговорения или как должный, но отсутствующий элемент, например: «А будет кто на кого учнет извещати великое государево дело, а свидетелей на тот свой извет никого не поставит, и ни чим не уличит...» (ст. 12 гл. II Уложения 1649 года).

С учетом обозначенных аспектов можно провести анализ текстов документов и расчеты.

Русская Правда Краткой и Пространной редакции

Первым объектом исследования является Краткая редакция Русской правды. Поскольку этот документ известен в разных вариантах, расчеты сделаны по наиболее востребованному в литературе так называемому Академическому списку.

В РПКр встречается несколько упоминаний о свидетелях и их роли в показаниях. В статьях 2 и 10 фигурируют свидетели – видоки:

«2. Или будеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати ему видока человеку тому; аще не будеть на нем знамениа никотораго же, то ли приидеть видок...

10. Аще ли ринеть мужь мужа любо от себе любо к собь 3 гривны, а видока два выведеть...».

Интересно, что более позднее предписание, описывающее ситуацию, аналогичную ст. 2, говорит уже не о видоке-свидетеле, а о послухе: «Аще же приидеть кровавъ мужь любо синь, то не искати ему послуха» (ст. 30).

Наконец, свидетели могут быть обозначены общим словом «люди»: «Аще убьють татя на своемъ дворе, любо у клети, или у хлева, то тои убитъ; аще ли до света держать, то вести его на княжь дворъ; а оже ли убьють, а люди будуть видели связан, то платити в немь» (ст. 38).

Таким образом, в РПКр свидетелей называют видоками, послухами и просто «людьми».

Оставляя в стороне дискуссии о различиях видоков и послухов (как следует из сопоставления ст. 2 и 30, сами законодатели не придавали этим различиям особого значения), акцентируем внимание на следующих фактах: исследователи разделили текст РПКр по Академическому списку на 43 статьи. Из них 4 статьи имеют прямую отсылку к свидетельским показаниям. Те ситуации, которые могут, в числе прочих, включать свидетелей в процесс, например, свод по ст. 14 РПКр предполагает обращение к свидетелям сделки добросовестного приобретателя краденого, в базу исследования не включены, поскольку законодатель ни прямо, ни косвенно не упоминает свидетельские показания.

Применив приведенную выше формулу, получаем следующий результат: 4 : 43 × 100 % = 9,3 %, т. е. КЗЗ по РПКр менее 10 %.

В Пространной редакции Русской правды круг статей шире, и свидетели именуются еще более разнообразно. По данным Е. И. Свечниковой, «для обозначения свидетелей в древнем русском законе применяются термины «послух», «видок», «люди», иногда «свободные мужи», а однократно даже используется понятие «свидетели» [12]. К сожалению, при изучении текста РППр настолько широкий перечень обнаружить не удалось, но стоит согласиться, что законодатель действительно оперирует несколькими названиями свидетелей.

Итого в Пространной редакции свидетели упоминаются в 16 статьях. Общее же количество статей документа – 121. Подсчет КЗЗ дает следующий результат: 16 : 121 × 100 % = 13,2 %, т. е. КЗЗ по РППр выше, чем по предыдущему документу.

Псковская Судная грамота

Псковская Судная грамота, как и обещает ее название, уделила много внимания процессуальным вопросам.

Несмотря на региональный характер, этот документ имел огромное значение для развития русского права в целом и роли свидетеля и оценки свидетельских показаний, в частности.

Так, в ПСГ постепенно зарождается идея ответственности свидетеля за свои слова. В нескольких статьях свидетель-послух упоминается вместе с «полем», т. е. судебным поединком. Например, согласно ст. 27, в случае драки, которую видели «многие людие», можно представить

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

суду 4–5 человек, которые в суде выступят как свидетели-очевидцы. Но если избитый дополнит обвинение, заявив, что обидчик его еще и ограбил, то должен представить только одного свидетеля – послуха. Послух в этом случае обязан не просто подтвердить обвинение избитого, но и при необходимости выйти на «поле», т. е. участвовать в судебном поединке. Свидетель-«сосед» такой обязанности не имеет.

Можно привести еще ряд соображений по поводу особенностей статуса разного вида свидетелей в ПСГ, однако данные проблемы выходят за рамки направленности предпринятого исследования.

Подводя итог анализа текста ПСГ, можно заключить, что из 120 статей документа 20 статей составляют предписания, так или иначе связанные со свидетельскими показаниями. Как сказано выше, КЗЗ по Псковской грамоте составляет 16,7 %.

К сожалению, провести исследование статей Новгородской судной грамоты в контексте расчета КЗЗ невозможно, поскольку текст грамоты неполон и, соответственно, цифры дадут некорректную картину соотношения статей.

Судебники 1497, 1550, 1589, 1606–1607 гг.

Судебники 1497 года и 1550 года стали итогом и одновременно одним из средств централизации Русского государства: «Кодификация конца XV в. – середины XVI в. в Московской Руси тесно связана с усилением центральной власти, окончанием периода государственной разобщенности и складыванием новых юридических форм взаимодействия общества и государства» [13, с. 22].

Как отмечают Т. В. Шатковская и М. Х. Феодорова, «цели кодификации обусловили специфику „государевых" судебников (Судебник 1497 года и Судебник 1550 года), которые носили репрессивный, публичный, процессуальный, императивный, общеобязательный характер <...> Судебники нацелены на «огораживание» пространства позитивного права прежде всего в сфере судоустройства и судопроизводства» [13, с. 23].

В Судебнике 1497 года заметно обновился как сам процесс «судоговорения» (в нем появились элементы розыска), так и формы получения свидетельских показаний.

Судебник 1550 года, несмотря на достаточно высокий процент совпадений с предшественником, представляет значительно более высокий уровень юридической техники. Это первый правовой акт, который изначально был разделен на статьи.

Наиболее спорные позиции занимает воистину незаслуженно забытый Судебник 1589 года [14, с. 184]. Его очень часто обходят вниманием в научной и особенно в учебной литературе. Но, как представляется, и его юридическая сила, и особая роль в развитии русского права неоспоримы. Поэтому его текст включен в нормативную базу исследования.

Еще один акт, также обойденный вниманием исследователей – это так называемый «Сводный Судебник», созданный в 1606–1607 гг. Отмечено, что «Сводный Судебник, принятый в 1606–1607 гг., по мнению исследователей, официального признания не получил», но, поскольку он «в судебной практике использовался и был хорошо знаком составителям Соборного уложения 1649 г. ...» [15, с. 15], представляется необходимым включить текст данного Судебника в список исследуемых нормативных актов. Это не в последнюю очередь связано с тем, что его структура и содержательное наполнение многих статей узнаваемо предопределяют стиль и основы регулирования следующего за ним эпохального документа – Соборного Уложения 1649 года.

В Судебниках, как и в предшествующих актах, свидетельские показания могут исходить от разных лиц и в разной форме. Это могут быть очевидцы сделки, «добрые люди». Например, в статье 46 Судебника 1497 года в случае неспособности покупателя назвать продавца, именно «люди добрые скажут по праву, что пред ними купил в торгу»[15]. Они же в следующей статье фигурируют уже как свидетели: «А кто купит на чюжей земли что, а поимаются у него, и толко у него свидетелей люди добрые два или три скажут по праву, что перед ними купил в торгу...»[16] (ст. 47).

Судебникам хорошо известна такая фигура, как послух: «А кого послух послушествует в бою или в грабежю или в займех, ино судити на того волю, на ком ищут»[17] (ст. 48 Судебника 1497 года); «Ищея пошлетъце на послуси въ заемъномъ деле без кабалы, а ответчик шлетъца на свои послуси, или в бою, или въ граб(е)же, или в татбе или в какове деле ни буди»[18] (ст. 20 Судебника 1589 года).

[15] См.: Памятники права периода образования...

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же.

В сводном Судебнике послухи фигурируют в наименовании раздела: Грань[19] 3 названа «О послусех и о боицех и о лживых обыскех».

Анализируя статьи Судебников, стоит обратить внимание на повальный обыск. Его корни уходят в процедуру опроса 4–5 жителей, имеющих, по причине близкого знакомства, соседства или иным соображениям, нужную для решения дела информацию: но, как отметил В. В. Сокольский, «повальнаго обыска, въ томъ видъ, въ которомъ мы находимъ его въ губныхъ грамотахъ – первыхъ памятникахъ, гдъ значеніе повальнаго обыска можно считать болъе или менъе опредълившимся – въ до-московскій періодъ еще не существовало» [16, с. 2]. Поскольку в данном исследовании губные грамоты не приняты к рассмотрению, следует сосредоточиться на повальном обыске в текстах Судебников.

«Судебники 1497 г. и 1550 г. различают два вида свидетельских показаний: «послушество» – свидетельские показания очевидцев и свидетельские показания, полученные в результате повального обыска» – отмечает Е. И. Свечникова [12]. Если дополнить представленный автором список еще и более поздними Судебниками, идея вполне оправдана.

Помимо этого, особенность повального обыска состоит в его двойственной природе. Во-первых, обыск может быть началом судопроизводства: «Неотведенный слъдъ бросаль подозрънiе въ учиненiи татьбы или разбоя и служилъ достаточнымъ основанiемъ для возбужденiя уголовнаго слъдствiя» [16, с. 103]. Вторая его ипостась – это форма получения свидетельских показаний.

Именно в этом контексте сделан подсчет статей Судебников.

Расчеты по каждому Судебнику дали следующие результаты.

Судебник 1497 года: общее количество статей – 68, специальных статей, связанных со свидетельскими показаниями, насчитывается 11. После расчета (11 : 68 × 100 %) получим КЗЗ равный 16,1 %.

В Судебнике 1550 года число статей, регламентирующих разные аспекты свидетельства, выросло до 15. Но, как ранее было указано, простое увеличение числа статей еще не свидетельствует о большем внимании законодателя к проблемам свидетельских показаний. Учитывая, что количество статей данного Судебника значительно превышает число статей предшественника (100 против 68), небольшой рост числа статей не гарантирует роста КЗЗ. Действительно, в Судебнике 1550 года КЗЗ снизился до 15% (15 : 100 × 100 %).

Самым объемным среди Судебников является Судебник Федора Иоанновича (1589). Он более чем вдвое превышает Судебник 1550 года (231 статья). При этом вместе с ростом общего количества статей заметно увеличилось и число предписаний, регламентирующих разные формы получения свидетельских показаний – до 36 статей. Но, несмотря на явное численное превосходство специальных статей о свидетелях по сравнению с предшествующими Судебниками, КЗЗ остался практически на том же уровне (36 : 231 × 100 %) – 15,6 %.

Сводный Судебник 1606–1607 гг. по объему значительно меньше предшественника. В нем 168 статей, из них 26 статей упоминают послушество и повальный обыск. Применяя формулу расчета КЗЗ (26 : 168 × 100 %), можно установить, что и в этом акте уровень интереса законодателя к свидетельским показаниям практически не изменился по сравнению с предшествующими Судебниками – 15,5 %.

Соборное Уложение 1649 года

Уложение 1649 года знаменовало новый уровень развития русского права. Оно не только является самым объемным и всесторонним нормативным актом того времени, но и весьма продолжительным по времени действия: «Уложение 1649 г. более двухсот лет не утрачивало своего значения: оно открыло в 1830 г. „Полное собрание законов Российской империи" и в большей мере было использовано при создании XV тома Свода законов и уголовного кодекса 1845 г. – Уложения о наказаниях»[20].

С одной стороны, как пишет А. Г. Чернявский, «в период Уложения был сохранен характер древнего процесса. Он отличался строгостью к ответчику и к самому истцу...» [17, с. 252]. С другой – Уложением окончательно оформлено два вида процесса – состязательный и розыскной.

Исходя из особенностей процессуального права, вопрос о глубине регламентации свидетельских показаний в Соборном Уложении, безусловно, представляет особый интерес. «Чаще всего единственными доказательствами, – отмечает И. В. Упоров, – были показания участников

[19] В сохранившемся тексте Судебника 1606–1607 г. статьи собраны в тематические разделы, называемые «гранями» (*прим. авт.*).

[20] Маньков А. Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / отв. ред. К. Н. Сербина. Ленинград : Наука, 1980. С. 258.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

процесса (подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей). Их значимость была весомой в связи с присягой (крестоцелованием), которая была обязательной» [8, с. 238]. Следует отметить еще один важный момент: «Применительно к изучению института свидетельствования интересным представляется тот факт, что впервые употреблен современный термин свидетель, а не послух, как ранее» [18, с. 175].

В Уложении 1649 года предписания, регламентирующие показания свидетелей, сосредоточены в основном в гл. X «О суде» (26 статей). При этом свидетельские показания имеют разное наименование и играют разную роль в судоговорении – «общая ссылка», «ближняя ссылка» (ст. 22), «обыск» (ст. 156–174), «общая правда» (ст. 181), «послушество» (ст. 246). Внимание составителей главы к свидетелям логично, поскольку именно эта глава решает основные вопросы судопроизводства, а кроме того, является самой большой среди всех глав нормативного акта.

Чуть меньшее количество предписаний содержится в гл. XXI «О розбойных и татиных делех». При этом большая часть этих статей посвящена регулированию уже знакомого по Судебникам повального обыска. Еще в нескольких главах свидетелям уделено совсем незначительное внимание – в размере двух-трех статей, а в ряде глав предписания о свидетелях отсутствуют.

Анализ текста Уложения показал, что в этом акте значительное место занимают статьи с многозначным содержанием. Например, «А будет кто на кого учнет бити челом, что выданого человека убил до смерти, и про то сыскати, а сыщется про то допряма, и за то смертное убойство, что государь укажет»[21] (гл. X ст. 268). Законодатель не уточнил, с помощью каких доказательств будет «сыскано». Возможно, что в этом случае и обратятся к свидетельским показаниям. Однако скорее всего речь идет о пытке обвиненного (и, возможно, обвинителя), поэтому такого рода предписания в расчет не включены. Количество статей, указывающих на свидетельские показания как вид доказательств, по всему тексту документа, как сказано выше, равно 58, что составляет 5,99 % от общего объема Уложения.

Результаты подсчетов для наглядности можно обобщить в единой таблице.

Таблица

Расчет коэффициента заинтересованности законодателя по актам XI–XVII вв.

Table

Calculation of the coefficient of legislator's interest based on legislative acts of the XI–XVII centuries

Нормативный акт	Количество статей		КЗЗ (%)
	Общее	О свидетелях	
РПКр.	43	4	9,3
РППр.	121	13	16,2
ПСГ	120	20	16,7
Судебник 1497 года	68	11	16,1
Судебник 1550 года	100	15	15
Судебник 1589 года	231	36	15,6
Судебник 1606–1607 гг.	168	26	15,5
Соборное Уложение 1649 года	968	58	6

Заключение

Опираясь на данные таблицы, можно сделать несколько выводов относительно заинтересованности законодателя в правовой регламентации показаний свидетелей в русском праве XI–XVII вв.

Стабильный рост числа статей, регламентирующих показания свидетелей (от 4 в РПКр. до 58 в Уложении 1649 года), не является признаком усиления внимания законодателя к роли свидетельских показаний в процессе. Самое значительное число статей (58) составило всего 6 % текста Уложения, а самое маленькое (4 статьи) в полтора раза больше. С этой точки зрения вычисление КЗЗ является действенным средством получения реальной картины того, какое место занимали свидетельские показания в правовом регулировании общественных отношений на каждом историческом этапе.

[21] Маньков А. Г. Указ. соч.

На протяжении нескольких веков, со времени Пространной редакции Русской правды и до начала XVII века, т. е. до времени действия Судебника 1606–1607 гг., интерес законодателя к правовой регламентации свидетельских показаний держался на одном уровне – в рамках 15–16 %. Эта стабильность говорит о том, что свидетельские показания на данном отрезке времени занимали умы законодателей примерно в равной степени.

Резкий спад пришелся на середину XVII века.

На первый взгляд, это свидетельствует о пренебрежении законодателя к данному виду доказательств. Действительно, нормативные предписания этого акта нередко дают понять, что свидетельские показания не вызывают у властей особого доверия.

Вывод очевидный, но вряд ли можно описывать ситуацию столь прямолинейно. Огромную роль в снижении КЗЗ играет тот факт, что и Псковская грамота, и Судебники – это акты, ориентированные прежде всего на упорядочение процесса, тогда как Соборное Уложение – акт более широкого назначения. Только одна глава Уложения – глава X «О суде» по целевому назначению сходна с предшествующими актами. Логично, что КЗЗ, рассчитанный по данной главе (26 : 287 × 100 % = 9 %), значительно выше, нежели по акту в целом, но все равно несравним с уровнем заинтересованности в свидетельских показаниях создателей ПСГ и Судебников.

Важнейшей причиной снижения интереса законодателя было то, что Уложение 1649 года сделало акцент на регламентации розыскного процесса. Принципы, лежащие в основе данного процесса, требуют «сыскивать всякими сысками накрепко», а средство подобного сыска – это прежде всего пытка. Поэтому свидетельские показания, в состязательном процессе игравшие весомую роль в судоговорении, постепенно теряют главенствующие позиции. На смену им приходит собственное признание: «По всъмъ дъламъ, производимымъ обвинительнымъ порядкомъ, куда по Уложенію, относились тоже бой и грабежъ, признаніе считалось полнымъ доказательствомъ» [19, с. 90]. Эта установка властей была официально провозглашена в законодательстве XVIII века. Свидетельские показания столь же официально поставлены законом на второе место.

Список источников

1. *Касаткина Е. А., Ращупкина Л. В., Солоухина С. В.* Особенности использования свидетельских показаний в арбитражном суде // Аграрное и земельное право. 2023. № 11 (227). С. 178–181. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_11_178

2. *Зацепин В. В.* Зарождение института свидетельствования и правовое положение свидетеля на Руси // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 2. С. 37–41.

3. *Цветкова Е. В.* Показания свидетеля как основной и распространенный вид доказательств в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 5. С. 194–197. https://doi.org/10.23672/SAE.2023.80.47.040

4. *Дегтярев А. Я.* Русская правда краткой редакции: к истории рождения // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях : альманах. 2016. Вып. 5. С. 116–127.

5. *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской правде : Происхождение текстов. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1941. 254 с.

6. *Поваляев Э. А.* Становление и развитие института свидетельствования в уголовном процессе Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3 (104). С. 44–51.

7. *Демченко В. Г.* Историческое исследование о показаниях свидетелей как доказательстве по делам судебным по русскому праву до Петра Великого / [Сочинения] Василия Демченка. Киев : в Университетской типографии, 1859. 107 с.

8. *Упоров И. В.* Уголовный процесс в русском централизованном государстве в середине и второй половине XVII века // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-5 (96). С. 237–241. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-9-5-237-241

9. *Минникес И. В.* Конституционное регулирование выборов: сравнительный анализ коэффициента заинтересованности законодателя (на примере Российской Федерации и стран Ближнего Зарубежья) // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 2. С. 11–18. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-2-11-18

10. *Минникес И. В.* Показания свидетелей в русском праве XI–XVI веков: сравнительный анализ коэффициента заинтересованности законодателя / Байкальские компаративистские чтения : материалы международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 26–27 марта 2026 г. / отв. ред. И. А. Минникес. Иркутск : Издательский дом БГУ, 2026. С. 306–311.

11. *Романенко Н. С.* Индекс заинтересованности законодателя как оценочная (качественная) правовая категория / Четвертые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова : материалы конференций, г. Иркутск, 1 октября – 30 ноября 2022 г. Иркутск : Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2023. С. 78–87. https://doi.org/10.47905/9785604872161_78

12. *Свечникова Е. И.* Эволюция института свидетельствования и современные проблемы использования свидетельских показаний в российском уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5-6. С. 18–25.

13. *Шатковская Т. В., Феодорова М. Х.* Первая кодификация российского позитивного права – к юбилею Судебника 1550 года // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 3. С. 22–30. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2020-1-3-22-30

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

14. *Чупова М. Д.* Забытые Судебники 1589 и 1606/07 гг. // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 2 (123). С. 184–207. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.123.2.184-207

15. *Законодательство и правосудие в Московском государстве (конец XV – 70-е годы XVII века)* // История суда и правосудия в России : [коллективная монография : в 9 т.] / [отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых]. Москва : Норма, 2017. Т. 2. 686 с.

16. *Сокольский В. В.* Главнейшие моменты в истории повального обыска : Исследование В. Сокольского / [авт. предисл. В. Сокольский]. Киев : в Университетской типографии, 1871. 54 с.

17. *Чернявский А. Г.* Соборное уложение как настоятельная потребность своего времени (пример включения самого богатого источника обычного права // Образование и право. 2019. № 12. С. 247–254.

18. *Лавицкая М. И.* Правовая регламентация и специфика института свидетельствования в соборном уложении 1649 года и новоуказных статьях 1699 года / Актуальные вопросы современной науки: теория, технология, методология и практика : сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 3 апреля 2020 г. / отв. ред. А. Р. Халиков. Уфа : Научно-издательский центр «Вестник науки», 2020. С. 175–181.

19. *Линовский В. А.* Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / Сочинения. Одесса : типография Л. Нитче, 1849. 262 с.

References

1. *Kasatkina E. A., Rashchupkina L. V., Solouhina S. V.* Osobennosti ispol'zovaniya svidetel'skih pokazanij v arbitrazhnom sude // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2023. № 11 (227). S. 178–181. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_11_178

2. *Zacepin V. V.* Zarozhdenie instituta svidetel'stvovaniya i pravovoe polozhenie svidetelya na Rusi // Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process. 2020. № 2. S. 37–41.

3. *Cvetkova E. V.* Pokazaniya svidetelya kak osnovnoj i rasprostranennyj vid dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2023. № 5. S. 194–197. https://doi.org/10.23672/SAE.2023.80.47.040

4. *Degtyarev A. Ya.* Russkaya pravda kratkoj redakcii: k istorii rozhdeniya // Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah : al'manah. 2016. Vyp. 5. S. 116–127.

5. *Tihomirov M. N.* Issledovanie o Russkoj pravde : Proiskhozhdenie tekstov. Moskva : : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. 254 s.

6. *Povalyaev E. A.* Stanovlenie i razvitie instituta svidetel'stvovaniya v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. 2025. № 3 (104). S. 44–51.

7. *Demchenko V. G.* Istoricheskoe issledovanie o pokazaniyah svidetelej kak dokazatel'stve po delam sudebnym po russkomu pravu do Petra Velikogo / [Sochineniya] Vasiliya Demchenka. Kiev : v Universitetskoj tipografii, 1859. 107 s.

8. *Uporov I. V.* Ugolovnyj process v russkom centralizovannom gosudarstve v seredine i vtoroj polovine XVII veka // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2024. № 9-5 (96). S. 237–241. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-9-5-237-241

9. *Minnikes I. V.* Konstitucionnoe regulirovanie vyborov: sravnitel'nyj analiz koefficienta zainteresovannosti zakonodatelya (na primere Rossijskoj Federacii i stran Blizhnego Zarubezh'ya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2024. № 2. S. 11–18. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-2-11-18

10. *Minnikes I. V.* Pokazaniya svidetelej v russkom prave XI–XVI vekov: sravnitel'nyj analiz koefficienta zainteresovannosti zakonodatelya / Bajkal'skie komparativistskie chteniya : materialy mezhdunarodnoj nauchno- prakticheskoj konferencii, g. Irkutsk, 26–27 marta 2026 g. / otv. red. I. A. Minnikes. Irkutsk : Izdatel'skij dom BGU, 2026. S. 306–311.

11. *Romanenko N. S.* Indeks zainteresovannosti zakonodatelya kak ocenochnaya (kachestvennaya) pravovaya kategoriya / Chetvertye mezhdunarodnye teoretiko-pravovye chteniya imeni professora N. A. P'yanova : materialy konferencij, g. Irkutsk, 1 oktyabrya – 30 noyabrya 2022 g. Irkutsk : Mezhregional'naya associaciya teoretikov gosudarstva i prava, 2023. S. 78–87. https://doi.org/10.47905/9785604872161_78

12. *Svechnikova E. I.* Evolyuciya instituta svidetel'stvovaniya i sovremennye problemy ispol'zovaniya svidetel'skih pokazanij v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. № 5-6. S. 18–25.

13. *Shatkovskaya T. V., Feodorova M. H.* Pervaya kodifikaciya rossijskogo pozitivnogo prava – k yubileyu Sudebnika 1550 goda // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2020. № 3. S. 22–30. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2020-1-3-22-30

14. *Chupova M. D.* Zabytye Sudebniki 1589 i 1606/07 gg. // Lex Russica (Russkij zakon). 2017. № 2 (123). S. 184–207. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.123.2.184-207

15. *Zakonodatel'stvo i pravosudie v Moskovskom gosudarstve (konec XV – 70-e gody XVII veka)* // Istoriya suda i pravosudiya v Rossii : [kollektivnaya monografiya : v 9 t.] / [otv. red. V. V. Ershov, V. M. Syryh]. Moskva : Norma, 2017. T. 2. 686 s.

16. *Sokol'skij V. V.* Glavnejshie momenty v istorii poval'nogo obyska : Issledovanie V. Sokol'skogo / [avt. predisl. V. Sokol'skij]. Kiev : v Universitetskoj tipografii, 1871. 54 s.

17. *Chernyavskij A. G.* Sobornoe ulozhenie kak nastoyatel'naya potrebnost' svoego vremeni (primer vklyucheniya samogo bogatogo istochnika obychnogo prava // Obrazovanie i pravo. 2019. № 12. S. 247–254.

18. *Lavickaya M. I.* Pravovaya reglamentaciya i specifika instituta svidetel'stvovaniya v sobornom ulozhenii 1649 goda i novoukaznyh stat'yah 1699 goda / Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki: teoriya, tekhnologiya, metodologiya i praktika : sbornik statej po materialam II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Ufa, 3 aprelya 2020 g. / otv. red. A. R. Halikov. Ufa : Nauchno-izdatel'skij centr «Vestnik nauki», 2020. S. 175–181.

19. *Linovskij V. A.* Opyt istoricheskih razyskanij o sledstvennom ugolovnom sudoproizvodstve v Rossii / Sochineniya. Odessa : tipografiya L. Nitche, 1849. 262 s.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 342

Публично-правовой характер деятельности полиции как основа формирования системы подготовки кадров в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации

Игорь Филиппович Амельчаков, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д.1), Российская Федерация
universpb@mvd.ru
https://orcid.org/0000-0002-7232-9492

Аннотация:
Введение. *Статья посвящена анализу системы ведомственного образования МВД России в контексте публично-правовой природы деятельности полиции. Актуальность проблематики определяется тем, что функции полиции выступают ключевым фактором, определяющим специфику подготовки кадров в образовательных организациях МВД России.* **Методы.** *Автор на основе историко-правового анализа показал, что эволюция ведомственного образования неразрывно связана с изменением публичных функций полиции, которые на каждом этапе развития России трансформировались под влиянием политических, социальных и экономических вызовов.* **Результаты.** *Особое внимание в исследовании уделяется системообразующей роли публично-правовой природы полиции в определении всех ключевых элементов подготовки: особого порядка приема в образовательные организации МВД России и отбора кандидатов на обучение; особенностей правового статуса курсантов (слушателей); специфики правового регулирования образовательного процесса; особенностей содержания образовательных программ, а также содержания политико-воспитательной работы. Автор обосновывает вывод о том, что динамика функций полиции, вытекающая из ее публично-правовой сущности, является главным детерминантом постоянного совершенствования системы подготовки кадров. Это требует системного мониторинга задач правоохранительной деятельности, оперативной корректировки образовательных программ и внедрения инновационных подходов.*

Ключевые слова:
особенности публично-правового характера деятельности полиции, функции полиции, подготовка полицейских кадров, направления профессиональной подготовки, образовательные организации МВД России, система ведомственного образования МВД России

Для цитирования:
Амельчаков И. Ф. Публично-правовой характер деятельности полиции как основа формирования системы подготовки кадров в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 80–88.

**Статья поступила в редакцию 24.07.2026;
одобрена после рецензирования 27.08.2026;
принята к публикации 25.09.2026.**

© Амельчаков И. Ф., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

The public-law nature of policing as a system-forming factor in personnel training within educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia

Igor F. Amelchakov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
univerpb@mvd.ru
https://orcid.org/0000-0002-7232-9492

Abstract:
Introduction. *The article examines the system of departmental education within the Ministry of the Interior of Russia through the lens of the public-law nature of police activities. The relevance of the topic stems from the fact that police functions represent a key factor shaping the training of personnel in educational institutions of the Ministry.* **Methods.** *Based on historical and legal analysis, the author argues that the development of departmental education cannot be understood apart from the changing public functions of the police – functions that have been reshaped at each historical stage by political, social, and economic challenges.* **Results.** *The research focuses on the system-forming role of the public-law nature of the police in shaping the core components of professional training: the specific admission and selection procedures for educational institutions of the Ministry of the Interior; the legal status of cadets and trainees; the regulatory framework of the educational process; the design of educational programmes; and the content of political and educational activities. The author concludes that the evolution of police functions, stemming from their public-law nature, is the primary factor driving the continuous reform of the personnel training system. This implies the need for systematic monitoring of law enforcement challenges, real-time revision of curricula, and the implementation of innovative educational approaches.*

Keywords:
public-law nature of police activities, police functions, police training, professional training areas, educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia, departmental education system

For citation:
Amelchakov I. F. The public-law nature of policing as a system-forming factor in personnel training within educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 80–88.

The article was submitted July 24, 2026; approved after reviewing August 27, 2026; accepted for publication September 25, 2026.

Введение

В настоящее время в МВД России ведомственные образовательные организации занимают центральное место в подготовке полицейских кадров, поэтому совершенствованию системы ведомственного образования уделяется пристальное внимание. Актуальные проблемы совершенствования ведомственной системы подготовки кадров являются предметом регулярного анализа со стороны Президента Российской Федерации В. В. Путина[1], ежегодно входят в повестку заседаний коллегии МВД России[2] под председательством Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В. А. Колокольцева и являются главным вопросом на учебно-методических сборах с начальниками образовательных организаций МВД Росси под председательством заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковника полиции В. Л. Кубышко. На данных мероприятиях публично дается принципиальная оценка результатам деятельности коллективов образовательных организаций МВД России, обсуждаются существующие проблемы в подготовке кадров, определяются пути их решения.

[1] Расширенное заседание коллегии МВД : Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России 4 марта 2026 г. // Президент России : [официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79255 (дата обращения: 07.06.2026).

[2] О коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, совещании у Министра внутренних дел Российской Федерации и совещании у заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Положением о коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Регламентом коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Регламентом совещания при Министре внутренних дел Российской Федерации», «Регламентом совещания при заместителе Министра внутренних дел Российской Федерации») : приказ МВД России от 15 августа 2011 г. № 948 (ред. от 24.11.2025) // ГАРАНТ.РУ : [сетевое издание]. URL: https://base.garant.ru/70708046/ (дата обращения: 07.06.2026).

Создание системы ведомственного образования МВД России не было единовременным актом, а является длительным историческим процессом, который охватывает трехвековую историю российской полиции от петровских времен до настоящего времени. Вся история ведомственного образования, как в своих научных трудах отметили А. В. Давиденко[3], В. Л. Кубышко [1], А. Г. Канаев, С. А. Пунтус [2], В. А. Кудин, П. Д. Николаенко[4], Н. А. Игошин, Г. В. Марченко, С. Ю. Чимаров[5], С. Е. Байкеева, А. В. Панфилец, Е. А. Федоринова, А. А. Удальцов [3], неразрывно связана не только с вехами развития российской полиции и внутриведомственными процессами, но и с особенностями государственного развития России, с изменениями общественно-политического строя и сменой социального уклада общества в стране. Поэтому мы можем наблюдать не последовательный, а противоречивый характер изменений в системе подготовки полицейских кадров.

Методы

Исследование выполнено с использованием комплекса общенаучных и специальных юридических методов, выбор которых обусловлен междисциплинарным характером работы, находящейся на стыке публичного права, истории государства и права, а также педагогики высшей школы.

Диалектический метод составил методологическую основу работы, позволив рассматривать систему ведомственного образования как развивающееся явление, находящееся в постоянной взаимосвязи с изменяющимися публичными функциями полиции. Данный метод обеспечил целостное восприятие объекта исследования в его динамике и противоречиях.

Историко-правовой метод применен в качестве основного инструмента для реконструкции эволюции ведомственного образования от петровских времен до современности. На основе анализа научных трудов (А. В. Давиденко, В. Л. Кубышко, В. П. Сальникова и др.) выявлены этапы трансформации функций полиции и соответствующие им изменения в системе подготовки кадров, что позволило установить причинно-следственные связи между государственными вызовами и корректировкой образовательной модели.

Формально-юридический метод использован для анализа нормативных правовых актов, регулирующих деятельность полиции и образовательный процесс в ведомственных организациях (федеральные законы «О полиции»[6], «О службе в органах внутренних дел»[7], «Об образовании в Российской Федерации»[8], ведомственные приказы МВД России). Метод позволил выявить правовые коллизии в статусе курсантов и специфику правового регулирования, производную от публичной природы полиции.

Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления ведомственной модели подготовки кадров с непрофильными (гражданскими) образовательными моделями, а также для анализа зарубежного опыта. Это позволило аргументированно обосновать преимущества ведомственной системы, обеспечивающей единство теоретической и практической подготовки.

Метод системного анализа использован для структурирования ключевых элементов системы подготовки (прием, правовой статус, содержание программ, воспитательная работа) как взаимосвязанных компонентов, детерминированных публично-правовой природой полиции.

Метод обобщения и абстрагирования позволил сформулировать итоговые выводы о системообразующей роли функций полиции и необходимости постоянного мониторинга задач правоохранительной деятельности для своевременной корректировки образовательных программ.

Примененная методология обеспечила репрезентативность и достоверность полученных результатов, позволив комплексно решить поставленные исследовательские задачи.

---

[3] См.: История органов внутренних дел дореволюционной России : учебное пособие / Н. В. Михайлова, А. Н. Никитин, А. Е. Епифанов [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юнити-Дана, 2023. 336 с.

[4] См.: Кудин В. А., Николаенко П. Д. Министерство внутренних дел и защита окружающей среды Санкт-Петербурга со дня его основания до Александра I // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 9–13.

[5] См.: Игошин Н. А., Марченко Г. В., Чимаров С. Ю. Государственная политика по подготовке кадров в образовательных организациях МВД России: тенденции и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 198–208. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-3-198-208

[6] О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2011. № 7. Ст. 900.

[7] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

[8] Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.04.2026) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Результаты

Можно констатировать, что вектором исторических преобразований в России выступает не «сворачивание», а развитие системы ведомственных образовательных организаций МВД России, ее дальнейшее совершенствование путем учебно-научной специализации деятельности образовательных организаций в соответствии с приоритетным профилем подготовки. Этот исторический факт наглядно демонстрирует не только высокую значимость ведомственного образования для государства, но и его несомненное преимущество перед иными непрофильными (гражданскими) моделями профессиональной подготовки кадров для органов внутренних дел.

Анализ передового зарубежного опыта в подготовке полицейских кадров также свидетельствует о достоинствах сложившейся модели подготовки в России [4].

Следует принять во внимание, что особенности профессиональной подготовки кадров в образовательных организациях МВД России определены публично-правовым характером деятельности полиции[9]. Многообразие основных профессиональных образовательных программ, реализуемых в образовательных организациях МВД России по специальностям (направлениям подготовки), специализациям (профилям подготовки), узким специализациям (направленностям образовательной программы), определяется направлениями деятельности полиции и ее структурой, а сам процесс подготовки носит преимущественно практикоориентированный характер.

В ведомственных образовательных организациях осуществляют подготовку сотрудников для оперативных, следственных, экспертно-криминалистических, миграционных, правовых подразделений, дознания, подразделений по охране общественного порядка, участковых уполномоченных полиции, подразделений по делам несовершеннолетних, по обеспечению безопасности на транспорте, по противодействию экстремизму, терроризму, информационных технологий, связи и защиты информации, экономической безопасности и борьбы с коррупцией, международного сотрудничества и по работе с личным составом[10].

Одной из важных особенностей, вытекающих из публично-правового характера деятельности полиции, является особый порядок поступления граждан на обучение в образовательные организации МВД России[11]. Он отличается от порядка приема в образовательные организации, подведомственные Министерству науки и высшего образования либо Министерству просвещения Российской Федерации. Данное различие обусловлено тем, что обучающиеся (курсанты, слушатели) одновременно приобретают правовой статус сотрудника полиции, что влечет за собой возложение на них обязанностей в соответствии с федеральными законами «О полиции»[12] и «О службе в органах внутренних дел»[13]; распространение ограничений и запретов, связанных со службой в органах внутренних дел; предоставление прав сотрудника полиции; а также наступление ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей.

Прием на обучение носит целевой характер в соответствии с потребностями органов внутренних дел в специалистах конкретных направлений деятельности полиции. Количество приемных мест ежегодно определяется планом комплектования образовательных организаций МВД России, который утверждается Министром и формируется на основе заявок органов, организаций, подразделений МВД России. При приеме на обучение осуществляется отбор кандидатов. Отбор ведут территориальные органы МВД России (по целевому набору) и образовательные организации МВД России (по прямому набору). Порядок отбора включает в себя требования к гражданству, возрасту, состоянию здоровья, уровню образования, уровню физической подготовки, личным и деловым качествам, отсутствию ограничений в приеме на службу[14], а также процедуру отбора и конкурс. В процессе отбора осуществляется изучение данных о кандидатах на обучение, проведение мероприятий, связанных с допуском к сведениям,

[9] СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[10] О профилизации образовательных организаций МВД России : приказ МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 (ред. от 02.08.2013). Документ опубликован не был.

[11] Об утверждении Порядка и условий приема в федеральные государственные организации, осуществляющие образовательную деятельность и находящиеся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 31 марта 2025 г. № 177 (зарег. в Минюсте России 06.05.2025, № 82077) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сетевое издание]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505070007 (дата обращения: 07.06.2026).

[12] СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[13] СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

[14] Статья 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020) (*прим. авт.*).

составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, проверка достоверности сообщенных кандидатом на обучение сведений, проверка уровня физической подготовки, медицинское освидетельствование (обследование), профессиональный психологический отбор, психофизиологическое исследование (обследование), тестирование, направленное на выявление потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ и злоупотребления алкоголем или токсическими веществами, на основе чего формулируется вывод о пригодности кандидатов на обучение к службе в органах внутренних дел, возможности и целесообразности направления их на обучение. Данный вывод имеет правовые последствия – кандидат получает право участвовать во вступительных испытаниях или получает отказ[15]. После успешного прохождения вступительных испытаний на конкурсной основе кандидаты на обучение становятся обучающимися образовательной организации МВД России и заключают контракт о прохождении службы в органах внутренних дел.

Прием на обучение по программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский» осуществляется без прохождения конкурса, но кандидатами на обучение могут являться не все граждане, а только впервые принятые на службу в органы внутренних дел, заключившие контракт о прохождении службы в органах внутренних дел. При этом в процессе обучения они так же, как и обучающиеся по программам высшего и среднего профессионального образования, одновременно имеют два правовых статуса – обучающегося и сотрудника полиции.

Правовой статус курсанта (слушателя) как сотрудника полиции закрепляют федеральные законы «О полиции»[16], «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации»[17]; Указ Президента Российской Федерации «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации»[18], приказы МВД России «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации»[19], «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации»[20] и др.

Наличие у курсанта (слушателя) правового статуса обучающегося и одновременно сотрудника полиции порождает ряд правовых коллизий в регулировании правоотношений с его участием. На это в своих научных трудах обращали внимание С. А. Бабин [5], М. А. Вашаев [6; 7], Ф. Н. Зейналов [9], Е. А. Николаенко[21], К. А. Ситников [9]. Сложности возникают при привлечении курсантов к охране общественного порядка, применении ими физической силы и специальных средств к правонарушителям, выполнении должностных обязанностей в период прохождения практик, предусмотренных образовательной программой, а также при несении службы в составе суточного наряда курсантами, не достигшими 18-летнего возраста. Несмотря на то, что в практике образовательных организаций МВД России сложились определенные подходы к разрешению данных проблем, они не устраняют необходимости дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего правовой статус курсанта (слушателя).

Другой важной особенностью подготовки полицейских кадров в образовательных организациях МВД России является специфика правового регулирования образовательного процесса. Указанные организации находятся в двойном подчинении: с одной стороны, они обязаны соблюдать требования Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»[22], а также федеральных государственных образовательных стандартов[23], что обусловлено их подведомственностью

---

[15] Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 (ред. от 29.04.2026) (зарег. в Минюсте России 22.03.2018, № 50460) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сетевое издание]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201803230012?rangeSize=%D0%92%D1%81%D0%B5 (дата обращения: 07.06.2026).

[16] СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[17] СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

[18] О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 (ред. от 22.12.2021) // СЗ РФ. 2012. № 43. Ст. 5808.

[19] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201803230012?rangeSize=%D0%92%D1%81%D0%B5 (дата обращения: 07.06.2026).

[20] Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 июня.2020 г. № 460 (ред. от 02.05.2023) // ГАРАНТ.РУ : [сетевое издание]. URL: https://base.garant.ru/74482191/ (дата обращения: 07.06.2026).

[21] Николаенко Е. А. Административно-правовое регулирование прохождения службы курсантами образовательных организаций МВД России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Белгород, 2017. 22 с.

[22] СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[23] Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования, Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования // Правовой Сервер КонсультантПлюс (www.consultant.ru) : [электронное издание]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=142304&dst=100057&cacheid=7A13BF20F9426586D64E9CD515C6A9BB&mode=splus&rnd=ADaYaQ#Wp4oZTVJVReDydE2 (дата обращения: 07.06.2026).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Министерству науки и высшего образования Российской Федерации в части образовательной деятельности и выдачей диплома об окончании государственного образца; с другой стороны, они руководствуются ведомственными нормативными правовыми актами МВД России[24], уставом и локальными актами образовательной организации, регламентирующими организацию подготовки кадров для органов внутренних дел.

В процессе реализации образовательной программы у курсанта (слушателя) должны быть сформированы универсальные и общепрофессиональные компетенции, которые указаны в федеральных государственных образовательных стандартах, и профессиональные компетенции, которые перечислены в квалификационных требованиях к профессиональной подготовке выпускников федеральных государственных образовательных организаций, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации, прошедших обучение по специальности (направлению подготовки). Квалификационные требования разрабатываются по каждой специальности (направлению подготовки), утверждаются МВД России и отражают задачи будущей профессиональной деятельности выпускника по одному из направлений деятельности полиции и необходимые для их выполнения компетенции.

Такой подход обеспечивает единство теоретической и практической подготовки кадров для органов внутренних дел, устанавливая корреляцию между содержанием образовательных программ и задачами оперативно-служебной деятельности. Данное обстоятельство следует рассматривать как существенное преимущество ведомственного образования перед непрофильным (гражданским) при подготовке сотрудников полиции, поскольку оно позволяет формировать у выпускников не только академические знания, но и прикладные умения, непосредственно востребованные в будущей профессиональной деятельности.

Еще одна важная особенность подготовки кадров в образовательных организациях МВД России, обусловленная публично-правовым характером деятельности полиции, заключается в организации воспитательного процесса.

В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации»[25] воспитание направлено на развитие личности, формирование трудолюбия, ответственного отношения к труду, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также на воспитание патриотизма, гражданственности, уважения к закону, правопорядку, старшему поколению, культурному наследию и окружающей среде.

Наряду с этим специфика ведомственного образования предопределяет дополнительные цели воспитания: формирование у курсантов (слушателей) глубокого понимания и поддержки государственной политики в сфере обороны, национальной безопасности и правоохранительной деятельности; воспитание чувства гордости за принадлежность к профессии, верности Присяге и профессиональным традициям; развитие нравственной мотивации к неукоснительному соблюдению законодательства; формирование профессиональной культуры, уважительного отношения к правам и достоинству граждан, соблюдение норм профессиональной этики; а также выработку устойчивости к негативному информационно-психологическому воздействию[26].

---

[24] Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 (зарег. в Минюсте России 12.03.2024, № 77488) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сетевое издание]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403130011 (дата обращения: 07.06.2026) ; Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, реализуемым в интересах обеспечения законности и правопорядка в федеральных государственных образовательных организациях, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 19 сентября 2022 г. № 689 (зарег. в Минюсте России 25.10.2022, № 70690) // Там же. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210250047 (дата обращения: 07.06.2026) ; Об утверждении Особенностей организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, дополнительным профессиональным программам и основным программам профессионального обучения, Особенностей организации и осуществления методической и научной (научно-исследовательской) деятельности в области подготовки кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка, а также деятельности федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 19 сентября 2022 г. № 691 (зарег. в Минюсте России 25.10.2022, № 70689) // Там же. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210250038 (дата обращения: 07.06.2026).

[25] СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[26] Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 (ред. от 31.03.2026) (зарег. в Минюсте России 20.09.2024, № 79534) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сетевое издание]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024 (дата обращения: 07.06.2026).

Такой подход обеспечивает профессиональную ориентацию курсантов (слушателей) на защиту национальных интересов Российской Федерации, решение государственных задач, связанных с обеспечением национальной безопасности, защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина независимо от нарастания геополитической нестабильности и обострения международной обстановки и направлен на решение задач, перечисленных в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»[27].

Цели воспитания определяют содержание, формы и средства, применяемые в воспитательном процессе в образовательных организациях МВД России. Процесс воспитания строится как политико-воспитательная работа с курсантами (слушателями), в которой центральное место занимают такие методы, как личный пример и убеждение. Личный пример руководителя выступает в качестве эталона служебного поведения, способствуя формированию у обучающихся правильных профессиональных ориентиров и мотивации к самосовершенствованию. Убеждение основано на создание условий для осмысления курсантами (слушателями) службы в полиции как деятельности «служения», направленной на защиту граждан от преступных посягательств, защиту национальных интересов и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

Центральное место в воспитательном процессе отводится индивидуальной воспитательной работе, которая реализуется путем персонифицированного и целенаправленного психолого-педагогического воздействия на сознание, чувства и поведение курсанта (слушателя) с учетом его личностных и профессиональных качеств; с опорой на положительные качества, которые у курсанта (слушателя) высоко развиты, на знания о личности, эмоциональных переживаниях, интересах и увлечениях обучающегося, профессиональных и социальных трудностях, с которыми он уже столкнулся или может столкнуться.

Важно также принять во внимание, что сотрудник полиции как носитель публичной власти при выполнении служебных обязанностей нередко сталкивается с провокационными воздействиями [10] и высоким психологическим напряжением. Поэтому немаловажное значение в образовательных организациях МВД России уделяется психологической подготовке курсантов (слушателей), направленной на формирование у них психологических качеств, позволяющих успешно выполнять оперативно-служебные задачи в любых условиях.

Важно заметить, что публично-правовой характер деятельности полиции и содержание ее функций определяют направленность деятельности образовательных организаций МВД России по подготовке специалистов, задачи и содержание процесса обучения и воспитания. Трансформация функций влечет необходимость совершенствования системы подготовки кадров и своевременное внесение корректировок в образовательный процесс.

Заключение

Анализ научных трудов Я. Л. Алиева [11], А. В. Давиденко [12], Т. М. Димони [13], С. Ф. Зыбина [14], В. Л. Кубышко [15], В. П. Сальникова [16], С. Н. Токаревой [17], А. В. Панфильца[28], А. А. Удальцова [18], в которых нашли отражение различные периоды истории российской полиции, показал, что функции полиции никогда не оставались неизменными. Их трансформация напрямую отражала политические, социальные и экономические вызовы, стоящие перед государством. В дореволюционный период полиция совмещала функции по охране правопорядка с широким спектром административных, хозяйственных и даже судебных задач. На нее были возложены обязанности по благоустройству городов, контролю за санитарным состоянием, продовольственным обеспечением и ценообразованием. Наряду с этим значительное место в ее деятельности занимали борьба с преступностью и политический сыск, включавший контроль за оппозиционными настроениями.

В военные годы перед полицией вставали совершенно новые задачи – охрана стратегических объектов и складов с военными грузами, борьба со шпионажем и диверсионной деятельностью, пресечение панических слухов, а также непосредственное участие в обеспечении обороноспособности государства.

---

[27] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[28] Панфилец А. В., Федоров А. Б. Становление системы органов внутренних дел Российской Федерации (1990-2000 гг.) (к 300-летию российской полиции) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 13–19.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Современный этап развития российской полиции характеризуется последовательным освобождением от «несвойственных» функций. Ее основными функциями стали защита личности, общества, государства от противоправных посягательств; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам; розыск лиц; производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний; обеспечение правопорядка в общественных местах; обеспечение безопасности дорожного движения; государственная защита потерпевших, свидетелей, судей, прокуроров, следователей, а также других защищаемых лиц; осуществление экспертно-криминалистической деятельности.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что публично-правовая природа деятельности полиции и динамичный характер ее функций являются системообразующими факторами, определяющими содержание и организацию подготовки специалистов в образовательных организациях МВД России. Прослеживается четкая закономерность: трансформация функций полиции влечет за собой необходимость пересмотра подходов к кадровому обеспечению. Это требует постоянного мониторинга актуальных задач правоохранительной деятельности, своевременного обновления образовательных программ, поиска и внедрения инновационных подходов в обучении и воспитании курсантов (слушателей).

Список источников

1. *Кубышко В. Л.* История полиции России: проблемы развития и научного изучения / Российская полиция: три века служения Отечеству : сборник статей Юбилейной международной научной конференции : в 2-х ч., г. Москва, 21 декабря 2018 г. / под ред. В. Л. Кубышко. Москва : Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. С. 11–24.

2. *Канаев А. Г., Пунтус С. А.* История подготовки полицейских кадров в России XVIII – начала XX вв.: генезис ведомственной системы образования сквозь призму истории органов внутренних дел // Научный компонент. 2025. № 4 (28). С. 47–56.

3. *Милиция (полиция) общественной безопасности: История и современность* : монография / С. Е. Байкеева, М. С. Колядная, А. В. Панфилец [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. 156 с.

4. *Калугин А. Г.* Организация подготовки полицейских кадров в Китае // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2013. № 2 (13). С. 93–97.

5. *Бабин С. В., Луганская Е. В.* Особенности правового регулирования полномочий курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования МВД России по охране и обеспечению общественного порядка // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4 (49). С. 226–233.

6. *Вашаев М. А.* Проблемы легитимности властного сегмента в структуре административно-правового статуса курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 21–24. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-1-21-24

7. *Вашаев М. А.* Проблемы признания курсанта образовательной организации МВД России должностным лицом // Административное право и процесс. 2018. № 9. С. 75–78.

8. *Зейналов Ф. Н.* О правовом статусе курсантов и слушателей при обеспечении безопасности дорожного движения в период прохождения практики // Полицейская деятельность. 2021. № 3. С. 24–33. https://doi.org/10.7256/2454-0692.2021.3.36036

9. *Золотарев И. И., Ситников К. А.* Проблемы правового статуса курсантов образовательных организаций системы МВД России / Теория и практика обеспечения законности и правопорядка в современном обществе : материалы всероссийской студенческой научной конференции, г. Воронеж, 24 января 2018 г. / ред.: С. Н. Клепиков, И. В. Потанина, Д. Г. Ремизов, К. В. Струков. Воронеж : Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2018. С. 282–287.

10. *Провокационное воздействие на сотрудников органов внутренних дел* : монография / Л. Н. Бережнова, И. В. Гайдамашко, К. В. Злоказов [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. 176 с.

11. *Алиев Я. Л., Сальников П. П.* Традиции полиции как связь и преемственность истории российской государственности // Мир политики и социологии. 2012. № 7. С. 7–18.

12. *Давиденко А. В.* Разведывательная и контрразведывательная деятельность сотрудников Министерства полиции в 1812 году / Хранители благочиния Российской империи : сборник научных статей к 300-летию российской полиции / отв. ред. А. Я. Малыгин. Москва : Департамент государственной службы и кадров МВД России, 2018. С. 30–39.

13. *Димони Т. М.* Особенности деятельности полиции Архангельской губернии в условиях нарастания военной угрозы и в период Первой мировой войны // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2019. № 2 (13). С. 12–16.

14. *Зыбин С. Ф.* Основные тенденции развития органов внутренних дел в 1960-1980 гг. : (Историко-правовой аспект) : монография. Санкт-Петербург : НОУ СЮА, 2011. 115 с.

15. *Кубышко В. Л.* Психологические условия понимания роли полиции в истории отечества: к 300-летию ее образования // Психология обучения. 2017. № 5. С. 111–120.

16. *Жандармы и граница* : монография / Доронин А. М., Доронин М. П., Мушкет И. И., Сальников В. П. Санкт-Петербург : Университет, 2003. 144 с.

17. *Токарева С. Н.* Изменение функций полиции/милиции по содействию судебному и военному ведомствам в России первой трети XX века: историко-правовой анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1 (44). С. 161–169. https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3315

18. *Удальцов А. А., Удальцова Н. В.* Реформирования полицейских органов в истории России / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения) : в 3-х т., г. Санкт-Петербург, 25 марта 2016 г. / под ред. Ю. Е. Аврутина, А. И. Каплунова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. Т. III. С. 239–244.

References

1. *Kubyshko V. L.* Istoriya policii Rossii: problemy razvitiya i nauchnogo izucheniya / Rossijskaya policiya: tri veka sluzheniya Otechestvu : sbornik statej Yubilejnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii : v 2-h ch., g. Moskva, 21 dekabrya 2018 g. / pod red. V. L. Kubyshko. Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2019. Ch. 1. S. 11–24.

2. *Kanaev A. G., Puntus S. A.* Istoriya podgotovki policejskih kadrov v Rossii XVIII – nachala XX vv.: genezis vedomstvennoj sistemy obrazovaniya skvoz' prizmu istorii organov vnutrennih del // Nauchnyj komponent. 2025. № 4 (28). S. 47–56.

3. *Miliciya (policiya) obshchestvennoj bezopasnosti: Istoriya i sovremennost'* : monografiya / S. E. Bajkeeva, M. S. Kolyadnaya, A. V. Panfilec [i dr.]. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2021. 156 s.

4. *Kalugin A. G.* Organizaciya podgotovki policejskih kadrov v Kitae // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii. 2013. № 2 (13). S. 93–97.

5. *Babin S. V., Luganskaya E. V.* Osobennosti pravovogo regulirovaniya polnomochij kursantov i slushatelej obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya MVD Rossii po ohrane i obespecheniyu obshchestvennogo poryadka // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 4 (49). S. 226–233.

6. *Vashaev M. A.* Problemy legitimnosti vlastnogo segmenta v strukture administrativno-pravovogo statusa kursantov obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 1. S. 21–24. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-1-21-24

7. *Vashaev M. A.* Problemy priznaniya kursanta obrazovatel'noj organizacii MVD Rossii dolzhnostnym licom // Administrativnoe pravo i process. 2018. № 9. S. 75–78.

8. *Zejnalov F. N.* O pravovom statuse kursantov i slushatelej pri obespechenii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v period prohozhdeniya praktiki // Policejskaya deyatel'nost'. 2021. № 3. S. 24–33. https://doi.org/10.7256/2454-0692.2021.3.36036

9. *Zolotarev I. I., Sitnikov K. A.* Problemy pravovogo statusa kursantov obrazovatel'nyh organizacij sistemy MVD Rossii / Teoriya i praktika obespecheniya zakonnosti i pravoporyadka v sovremennom obshchestve : materialy vserossijskoj studencheskoj nauchnoj konferencii, g. Voronezh, 24 yanvarya 2018 g. / red.: S. N. Klepikov, I. V. Potanina, D. G. Remizov, K. V. Strukov. Voronezh : Voronezhskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet im. Imperatora Petra I, 2018. S. 282–287.

10. *Provokacionnoe vozdejstvie na sotrudnikov organov vnutrennih del* : monografiya / L. N. Berezhnova, I. V. Gajdamashko, K. V. Zlokazov [i dr.]. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. 176 s.

11. *Aliev Ya. L., Sal'nikov P. P.* Tradicii policii kak svyaz' i preemstvennost' istorii rossijskoj gosudarstvennosti // Mir politiki i sociologii. 2012. № 7. S. 7–18.

12. *Davidenko A. V.* Razvedyvatel'naya i kontrrazvedyvatel'naya deyatel'nost' sotrudnikov Ministerstva policii v 1812 godu / Hraniteli blagochiniya Rossijskoj imperii : cbornik nauchnyh statej k 300-letiyu rossijskoj policii / otv. red. A. Ya. Malygin. Moskva : Departament gosudarstvennoj sluzhby i kadrov MVD Rossii, 2018. S. 30–39.

13. *Dimoni T. M.* Osobennosti deyatel'nosti policii Arhangel'skoj gubernii v usloviyah narastaniya voennoj ugrozy i v period Pervoj mirovoj vojny // Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki. 2019. № 2 (13). S. 12–16.

14. *Zybin S. F.* Osnovnye tendencii razvitiya organov vnutrennih del v 1960-1980 gg. : (Istoriko-pravovoj aspekt) : monografiya. Sankt-Peterburg : NOU SYUA, 2011. 115 s.

15. *Kubyshko V. L.* Psihologicheskie usloviya ponimaniya roli policii v istorii otechestva: k 300-letiyu ee obrazovaniya // Psihologiya obucheniya. 2017. № 5. S. 111–120.

16. *Zhandarmy i granica* : monografiya / Doronin A. M., Doronin M. P., Mushket I. I., Sal'nikov V. P. Sankt-Peterburg : Universitet, 2003. 144 s.

17. *Tokareva S. N.* Izmenenie funkcij policii/milicii po sodejstviyu sudebnomu i voennomu vedomstvam v Rossii pervoj treti XX veka: istoriko-pravovoj analiz // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2021. № 1 (44). S. 161–169. https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3315

18. *Udal'cov A. A., Udal'cova N. V.* Reformirovaniya policejskih organov v istorii Rossii / Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava : sbornik statej po materialam ezhegodnoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sorokinskie chteniya) : v 3-h t., g. Sankt-Peterburg, 25 marta 2016 g. / pod red. Yu. E. Avrutina, A. I. Kaplunova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2016. T. III. S. 239–244.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 342

Рецепция зарубежного права как средство трансформации конституционной культуры России

Зураб Нодарович Каландаришвили, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
Санкт-Петербург (192238, ул. Фучика, д. 15), Российская Федерация
zurab.kalandarishvili@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0004-8318-8244

Аннотация:
Введение. *В условиях сложной внешнеполитической обстановки, в которой сейчас находится Российское государство, усиление защиты и укрепления самобытных начал национальной конституционной культуры представляется вполне естественным и закономерным процессом. Тем не менее будет ошибкой не учитывать ту конкретную политическую и правовую реальность, в которой происходили образование Российской Федерации как государства и принятие Конституции 1993 года. Признание несостоятельности марксистско-ленинской теории и распад СССР привел российское правовое и политическое пространство в состояние вакуума, которое было необходимо максимально оперативно восполнить для восстановления и поддержания конституционного порядка. При этом, как и всегда в российской истории, находясь на перепутье, органы государственной власти обращали свое внимание на европейский опыт государственно-правового строительства.* **Методы.** *В статье применялся комплекс методов, которые используются в конституционном праве и общей теории государства и права. Это прежде всего методы анализа и синтеза, абстрагирования, индукции и дедукции, а также такие методы, как формально-юридический, сравнительно-правовой и иные общепринятые способы познания.* **Результаты.** *Широкомасштабное и не имевшее надлежащей подготовки внедрение либеральных ценностей конституционной культуры коллективного Запада, происходившее в период становления суверенной государственности России (1992–1993 гг.), обусловило возникновение определенной коллизии между нормативными положениями, закрепленными в главах 1, 2 Конституции Российской Федерации, и практикой современного конституционного строительства, осуществляемого с опорой на концепцию «умеренного консерватизма», основывающуюся на традиционных духовно-нравственных ценностях, сложившихся в ходе тысячелетней истории российской государственно-правовой системы. Современная российская государственность по существу столкнулась с потребностью обеспечить соответствие формального юридического базиса распространенным в обществе конституционно-правовым отношениям и конституционной культуре населения. Если в 90-е гг. XX века рецепция зарубежного конституционного права использовалась в качестве средства трансформации отечественной конституционной культуры, то сегодня наблюдается обратный процесс (уже конституционная культура оказывает влияние на изменение формально установленных конституционных норм). Необходимо отметить, что система постепенно приходит к равновесию, необходимому для эффективности правового регулирования. Вышеуказанные процессы нашли свое наглядное проявление в конституционной реформе 2020 года, в рамках которой в текст Конституции Российской Федерации были внесены изменения в целях оптимизации единой системы публичной власти России и ее гармонизации с практикой сложившихся конституционно-правовых отношений. На наш взгляд, одним из эффективных механизмов изменения конституционной культуры может служить деятельность Конституционного Суда Российской Федерации по интерпретации норм конституционного права. Полагаем, что с учетом внутренней и внешней конъюнктуры тенденция последовательного углубления национальной самобытности российского конституционализма и конституционной культуры продолжит сохранять свою актуальность в обозримом будущем.*

Ключевые слова:
конституционная культура, Российская Федерация, трансформация конституционной культуры, Конституционный Суд, конституционализм, конституционные правоотношения, государственно-правовая идеология

Для цитирования:
Каландаришвили З. Н. Рецепция зарубежного права как средство трансформации конституционной культуры России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 89–100.

Статья поступила в редакцию 06.03.2026; одобрена после рецензирования 01.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

© Каландаришвили З. Н., 2026

Original article

The reception of foreign law as a means of transforming Russia's constitutional culture

Zurab N. Kalandarishvili, Cand. Sci. (Jurid.), Cand. Sci. (Ped.), Docent

St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences
15, Fuchika str., Saint Petersburg. 192238, Russian Federation
zurab.kalandarishvili@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0004-8318-8244

Abstract:
Introduction. *Given the complex foreign policy situation in which the Russian state currently finds itself, the strengthening of protection and the consolidation of the distinctive foundations of the national constitutional culture appear to be a completely natural and logical process. However, it would be erroneous to overlook the specific political and legal context that shaped the formation of the Russian Federation as a state and the adoption of the 1993 Constitution. The invalidation of Marxist-Leninist ideology and the dissolution of the USSR left the Russian legal and political landscape in a state of vacuum, which had to be filled as quickly as possible to restore and maintain constitutional order. In this context, as has always been the case in Russian history when faced with a crossroads, state authorities turned their attention to the European experience of state and legal development.* **Methods.** *The article employed a set of methods used in constitutional law and the general theory of state and law. These primarily include methods of analysis and synthesis, abstraction, induction and deduction, as well as such methods as the formal-legal, comparative-legal, and other generally accepted methods of cognition.* **Results.** *The hasty and large-scale adoption of Western liberal constitutional values during the emergence of Russia's sovereign statehood (1992–1993) created a conflict between the provisions of Chapters 1 and 2 of the Russian Constitution and contemporary constitutional practice. The latter is currently guided by 'moderate conservatism', a concept drawing upon the traditional spiritual and moral values developed throughout the millennium-long history of the Russian legal system. Modern Russian statehood has essentially faced the need to ensure that its formal legal framework aligns with the constitutional and legal relations prevalent in society, as well as with the constitutional culture of the population. While in the 1990s the reception of foreign constitutional law served as a tool for transforming domestic constitutional culture, today we are witnessing a reverse process, where constitutional culture itself influences the modification of formally established constitutional norms. It should be noted that the system is gradually achieving the equilibrium necessary for the effectiveness of legal regulation. The aforementioned processes were clearly manifested in the 2020 constitutional reform, which introduced amendments to the Constitution of the Russian Federation aimed at optimising Russia's unified system of public authority and harmonising it with the established practice of constitutional and legal relations. We contend that the interpretive role of the Constitutional Court of the Russian Federation serves as an effective mechanism for fostering changes in constitutional culture. It is our view that, in light of both internal and external circumstances, the trend toward the progressive consolidation of the national distinctiveness of Russian constitutionalism and constitutional culture will continue to be of significant relevance in the foreseeable future.*

Keywords:
constitutional culture, Russian Federation, transformation of constitutional culture, Constitutional Court, constitutionalism, constitutional legal relations, state-legal ideology

For citation:
Kalandarishvili Z. N. The reception of foreign law as a means of transforming Russia's constitutional culture // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 89–100.

**The article was submitted March 6, 2026;
approved after reviewing July 1, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Анализируя ход становления Российской Федерации, длительный процесс ее исторического развития (более тысячи лет), следует предположить, что для российской правовой системы рецепция зарубежного (и в первую очередь европейского и американского) конституционного опыта является средством трансформации конституционной культуры и конституционализма в целом, которое находит применение в особо сложные для государства и общества периоды. 90-е гг. XX века как никакой другой период соответствуют подобной характеристике.

Необходимо отметить, что использование анализируемого средства для изменения основ конституционной культуры сопряжено как с определенными преимуществами, так и с существенными недостатками.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

С одной стороны, данное средство предоставляет возможность быстро решать актуальные проблемы, заполнять пробелы в правовом регулировании, обеспечивать функционирование системы управления в полном соответствии с международными требованиями и стандартами. Более того, сама возможность существования и развития государства и права без влияния извне является, по меньшей мере, сомнительной.

Отдельные исторические примеры построения государств, свободных от всякого внешнего, в т. ч. и правового влияния (например, Япония в период Сакоку – с 1641-го по 1853 год) стали наглядным свидетельством безрезультатности такого рода попыток.

По мнению Е. Ю. Курышева, рецепция права является закономерной формой развития конституционной культуры, сопутствует правовой жизни различных регионов и цивилизаций. В свою очередь, в эпоху повсеместной глобализации рецепция приобретает статус универсального и системного интеграционного правового процесса[1].

Чаще всего понятие «рецепция» применяется в отношении использования странами романо-германской правовой семьи римского права (хотя указанный термин употребим и в иных смыслах. Здесь он применяется в контексте проникновения в российское право западного, американского опыта конституционного строительства). Как следует из длительной практики западных государств романо-германской правовой семьи, механизм рецепции может быть эффективным средством для качественного правового регулирования [1, с. 4].

С другой стороны, внедрение зарубежных норм конституционного права в отечественное законодательство и практику может провоцировать появление отдельных противоречий и коллизий, которые способны затруднять, создавать препятствия реализации конституционных правоотношений.

Полагаем, что интеграция норм зарубежного конституционного права должна происходить только после глубокой, долгой подготовительной, разъяснительной работы с населением.

В противном случае граждане страны могут быть не готовы к нововведениям, не понять юридической и фактической ценности вновь установленных норм, относиться к ним скептически либо безучастно, в наиболее неблагоприятных случаях полностью или частично игнорировать указанные нормы, действуя в рамках привычных, устоявшихся шаблонов поведения.

В Российской Федерации 90-х гг. XX века наблюдались оба комплекса последствий – как положительного, так и негативного характера. Несмотря на то, что на первоначальном этапе формирования новая модель российской государственности столкнулась с многочисленными проблемами (экономического, политического, правового, территориального и иного характера), сегодня мы видим последовательное решение таких проблем и устойчивость конституционно-правовой и экономической системы России даже в условиях масштабных внешнеполитических вызовов. Попытки стран коллективного Запада разрушить единство российского общества в условиях проведения специальной военной операции и общей дестабилизации обстановки внутри государства потерпели явный крах, привели во многом к противоположным результатам и сплочению многонационального народа России для решения общих задач, обеспечения собственной безопасности.

Одновременно нельзя игнорировать то обстоятельство, что в процессе заимствования западных либерально-демократических идей, их включения в Конституцию Российской Федерации 1993 года[2], органы власти вышеуказанного периода не принимали во внимание готовность населения к такого рода кардинальным преобразованиям. Люди, прожившие значимую часть своей жизни в условиях советской государственно-правовой идеологии с приоритетом коллективизма и государственных интересов, неоднозначно восприняли классические идеи, основы демократии и демократические ценности.

Многие не осознавали или сознательно отрицали демократические процедуры (выборы, референдумы). В понимании этой части населения результаты выборов изначально предопределены и их голос не может повлиять на конкретный результат.

В свете этих рассуждений перманентной проблемой для российской демократии становится обеспечение надлежащей явки на выборах [2, с. 29].

Не углубляясь в обозначенную выше и нередко поднимаемую в юридической литературе тему, следует заметить, что существование проблемы абсентеизма как одного из факторов законодательного процесса в реальности Российской Федерации сегодня является доказанным

[1] Курышев Е. Ю. Рецепция в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 83.

[2] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 24.07.2025).

фактом[3]. Решение этой проблемы тесно связано с развитием конституционной культуры российских граждан в целом, повышением степени их правовой грамотности, формированием прогрессивного и ответственного правосознания.

Методы

В статье использованы разнообразные методы научного познания, которые объединяют философские (в первую очередь диалектический), общенаучные и частнонаучные методы.

Среди общенаучных методов в настоящей работе активно использовались анализ и синтез, абстрагирование, индукция и дедукция, приемы формальной логики и т. д.

Среди частнонаучных нашли применение такие методы, как формально-юридический, сравнительно-правовой и другие.

Особого внимания заслуживает использование таких методов, как:

– формально-логический метод, позволивший провести анализ теоретического материала, в т. ч. сформулировать и обосновать новые понятия (конституционная культура, конституционная идентичность, юридические формы конституционной культуры и т. д.);

– формально-юридический метод применялся при изучении конституционного законодательства, формальных источников исследуемого вида культуры;

– историко-правовой метод дал возможность проанализировать исторический процесс формирования, изменения и развития конституционной культуры, а также выявить связанные с ним закономерности, проблемы и перспективы;

– прогностический метод использовался для составления обоснованного прогноза возможных вариантов развития конституционной культуры в России (с учетом условий и особенностей правовой реальности государства), а также для разработки рекомендаций по улучшению законодательства в сфере конституционного права;

– сравнительный метод применялся для выявления значимых отличий между конституционной культурой Российской Федерации и конституционной культурой западных стран, позволил сделать выводы о должном состоянии отечественной конституционной культуры, отвечающем менталитету и правовым традициям граждан страны;

– диалектический метод использован для изучения противоположных по природе ценностных ориентиров в процессе интерпретации аксиологических оснований конституционной культуры;

– аксиологический метод был направлен на анализ, оценку и приведение в систему ценностных критериев конституционной культуры отечественного и зарубежного государства и права.

Результаты

Важным фактором, заимствованным у европейских государств либерально-демократической традиции, которая сложно приживается в России, является приоритет индивидуальных прав и свобод человека и гражданина над коллективными, общественными.

С позиции западноевропейских конституционных ценностей, на первый план должен быть поставлен конкретный субъект с его собственными индивидуальными достижениями и достоинствами. При этом реализация личных потребностей, не связанных с какими-либо коллективными началами или общественными интересами, по идее либерализма должна расцениваться как приоритет в экономической и социальной сфере. При таком подходе, особенно успешно усваиваемом в молодежной среде, люди объединяются не для решения общих задач, а для более эффективного достижения личностных интересов [3, с. 183].

Другими словами, индивидуальные права и свободы первичны, и с учетом этого более важны, в то время как вторичные общественные интересы, права и свободы коллективов, включая государство в целом, подлежат защите при отсутствии противоречия с первыми.

Конституция Российской Федерации справедливо признавала, что именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанность государства (ст. 2).

В связи с этим любой человек, независимо от его статуса, может взаимодействовать с объединениями граждан и органами публичной власти как равноправный субъект.

[3] Бушенева Ю. И. Абсентеизм как фактор избирательного процесса в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2007. С. 13.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

По существу, права одного обязаны защищаться в той же степени, что и права группы. Тем не менее очевидно, что на практике такое правило реализуется с определенными оговорками. Более того, «личность, ее права и свободы исторически никогда не были в центре ценностной системы российского общества. Именно государство и служение ему рассматривались как системообразующая основа общественных отношений» [3, с. 183].

Если в государствах коллективного Запада в некий абсолют поставлена идея защиты прав и свобод различного рода меньшинств (этнических, сексуальных, религиозных, расовых и иных), что нередко приводит к курьезным ситуациям, вызванным «актуальной повесткой», то российская правовая и общественная ментальность относится к этому гораздо более спокойно. Более того, можно отметить, что большая часть общественности скорее негативным образом отнесется к проявлению «вызывающего поведения» со стороны таких лиц, наиболее радикально настроенных в части защиты прав отдельных субъектов, чьи воззрения на жизнь и общественную нравственность отличаются от общепринятых.

Как пример подобного подхода, нашедшего свое отражение как в общественных отношениях, так и в государственной политике, включая ее закрепление в конкретных нормативных правовых актах, можно привести ст. 45.1 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации»[4], в которой был установлен запрет на смену пола человека.

С позиции западной либерально-демократической идеи, такой запрет нарушает права человека, способного самостоятельно определять свою половую принадлежность без оглядки на кого-либо.

В условиях России необходимо учитывать, как подобного рода поступок будет воздействовать на общество в целом и особенно на его уязвимые группы (в первую очередь на несовершеннолетних).

В российской юридической литературе проводится мысль о том, что такие феномены, как смена естественного пола человека, однополые браки или гомосексуализм – это не просто частная жизнь человека, но и серьезная угроза демографической безопасности государства, опасные деформации исконных, традиционно присущих российскому обществу взглядов на брак, воспитание детей, семью в целом, продукт западноевропейской «гендерной свободы» и в целом следствие чуждых западных ценностей, которым противостоит русская конституционная идентичность [4, с. 107].

Можно сказать, что российское общество в гораздо большей мере привержено категорическому императиву И. Канта и стремится поступать так, чтобы поведение каждого конкретного лица могло стать всеобщей нормой[5].

В таком отношении конституционная культура Российской Федерации вступает в прямое противоречие европейской и американской. При этом отечественная направленность, которая в рассматриваемом отношении близка традициям и обычаям восточных государств, представляется более верной и соответствующей основам русского варианта конституционализма [5, с. 47].

Принятие Россией западного либерализма и конституционной культуры затруднено еще и потому, что в российском правовом пространстве широкое распространение получил феномен патернализма в системе государственного управления. С точки зрения В. Д. Саттарова, патернализм обычно понимается как система отношений, которая возникает между старшим (опекуном, его роль может выполнять государство, органы власти и должностные лица) и младшим (опекаемым, которым выступает индивид или группа людей, в том числе народ государства в целом). Указанная связь возникает, если одна из сторон готова принять «заботу» и «управление» над опекаемым, который взамен будет подчиняться «патрону» и действовать в рамках проводимой им политики [6, с. 76].

Сложившаяся правовая и общественная практика показывает, что граждане Российской Федерации достаточно сдержано принимают даже непопулярные решения органов власти.

К примеру, Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»[6], который значительно поднял возраст назначения пенсии по старости, хотя и вызвал общественный резонанс, достаточно быстро был принят социумом. Этот факт, на наш взгляд,

---

[4] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2011. № 48. Ст. 6724.

[5] См.: Кант И. Основы метафизики нравственности : Критика практического разума : Метафизика нравов : [Перевод] / вступ. ст. Я. А. Слинина. Санкт-Петербург : Наука, 1995. 528 с.

[6] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий : Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СЗ РФ. 2018. № 41. Ст. 6190.

указывает на определенную степень готовности граждан страны поступиться индивидуальными интересами в пользу общественных либо государственных, если подобная необходимость будет объяснена и доказана.

Не менее показательно и то обстоятельство, что по результатам выборов главы государства за действующего Президента Российской Федерации свои голоса отдали 87,28 % избирателей.

Данные цифры в условиях очень сложной внешнеполитической обстановки демонстрируют крайне высокую степень солидарности публичной власти и граждан, свидетельствуют о том, что последние принимают политику государства как направленную на общественное благо, в т. ч. на решение задач обеспечения безопасности России, ее жителей.

Принимая в качестве условной модели то, что западный индивидуализм приводит конституционно-правовые отношения к линейной направленности, в Российской Федерации коммуникации между органами публичной власти и гражданами, общественными организациями по причине распространения в общественно-государственной среде коллективизма и патернализма надлежит рассматривать как вертикальные. Характеризуемый подход дает объяснение отдельным особенностям конституционной культуры, в т. ч. принятым моделям поведения конкретных субъектов. Например, государство в рамках рассматриваемой модели заботится о здоровье, морали, нравственности своих граждан, об удовлетворении их базовых, первоочередных потребностей, в т. ч. гарантирует бесплатную медицину, защиту традиционных ценностей и социальную поддержку наиболее уязвимым слоям населения.

В свою очередь отдельные граждане в подобной ситуации могут демонстрировать некоторый социальный и политический инфантилизм, не стремиться и не предпринимать усилий для улучшения собственного благосостояния и экономического положения, в самых неблагоприятных случаях могут даже избегать принятия какой-либо ответственности за свою жизнь и жизнь семьи, предпринимать попытки переложить принятие решений на государственные органы [6, с. 80].

Изложенное выступает дополнительным подтверждением ранее приведенных в работе выводов о недостаточном уровне правовой грамотности и правосознания части жителей России, которая сегодня приковывает к себе значительную долю внимания со стороны органов публичной власти, а также институтов гражданского общества.

Несмотря на то, что рецепция зарубежного, по большей части европейского конституционного права, в 90-е гг. XX века привела к появлению и утверждению в правовом пространстве Российской Федерации такого нормативного фундамента, который является практически идентичным западным аналогам, практика его применения заметно изменилась за время, прошедшее с момента принятия Конституции.

С точки зрения А. В. Пешняка, хотя западный и российский либерализм имеет «общие корни», при этом как идеологические, так и теоретические, практика его фактического воплощения в Российской Федерации очень далеко отошла от американских и европейских аналогов[7].

Можно сказать, что российская сторона сегодня интерпретирует уже включенные в действующую Конституцию Российской Федерации нормы и установления, имеющие западноевропейскую природу, исследует возможности их апробации к отечественной конституционной реальности и их воплощению в сознании многонационального народа России [7, с. 115]. Иными словами, публичная власть в настоящее время реализует действия, что должны были производиться еще до принятия Конституции Российской Федерации 1993 года. Тем не менее сложившаяся в тот период политико-правовая конъюнктура предопределила актуальное состояние и проблемы конституционной культуры.

Рассмотрим примеры вышеуказанных проблем, исходя из тех особенностей, в которых проявляется соотношение российской нормативной правовой базы в области конституционного права и общепринятых мировых, в т. ч. европейских либерально-демократических стандартов.

В соответствии с частью 3 статьи 6 Конституции Российской Федерации гражданин России не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. Данное требование отвечает демократическому пониманию института гражданства, лишение которого воспринимается как неоправданно жестокая мера даже при совершении гражданином тяжких или особо тяжких преступлений.

Вместе с тем в соответствии со ст. 24 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» гражданство лица (если оно приобрело его в результате натурализации) может быть прекращено в случае, если им было совершено одно из

[7] Пешняк А. В. Либерализм в реформировании современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2003. С. 11.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

перечисленных в статье преступлений, в т. ч. если его преступные деяния связаны с любыми формами экстремизма и терроризма, с уклонением от воинской обязанности, государственной изменой и иными соизмеримыми действиями[8].

Признавая и соглашаясь с оправданностью этого рода новшества, отметим, что лишение и прекращение гражданства по своим юридическим последствиям фактически не отличаются. Представляется, что оба названных механизма влекут за собой утрату связи между лицом и государством, а также вызывают прекращение взаимных прав и обязанностей (за исключением того, что преступник должен понести уголовное наказание).

В настоящем контексте обнаруживается определенное противоречие с ч. 1 ст. 5 рассматриваемого закона, которая утверждает, что гражданство России является единым, равным, независимо от оснований его приобретения.

На наш взгляд, равенство не может существовать, если между натурализованными и гражданами, получившими гражданство по рождению, присутствует столь значительное отличие.

В свою очередь законодательная вероятность лишения (прекращения) состояния гражданства любым гражданином, в т. ч. получившим данное состояние по факту рождения, стало бы прямым нарушением основ конституционного строя и в целом либерально-демократических принципов.

Полагаем, что разрешить данное противоречие можно через внесение в ч. 1 ст. 5 изменения. В частности, следует исключить из статьи слово «равным» и изложить данную норму в следующей редакции: «Гражданство Российской Федерации является единым независимо от оснований его приобретения».

Другим важным противоречием служит отношение к органам местного самоуправления. Конституция Российской Федерации 1993 года, основываясь на положениях Европейской хартии местного самоуправления[9], закрепила, что в России признается и гарантируется местное самоуправление. В пределах своих полномочий местное самоуправление самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Вместе с тем исторически закономерно, что России не свойственно предоставление полной независимости органам власти местного уровня.

Например, в СССР местное самоуправление по факту отсутствовало, все управление было государственным, подчинялось вышестоящим органам и должностным лицам. Более того, и после принятия Конституции Российской Федерации 1993 года органы государственной власти субъекта сохранили отдельные возможности оказывать влияние на местное самоуправление, в т. ч. глава субъекта мог отрешить от должности главу муниципального образования, а также принимал участие в процедуре назначения на должность отдельных должностных лиц в органах местного самоуправления (глава 7 Федерального закона от 6 октября 2023 г. № 131-ФЗ[10]).

Поправка к Конституции Российской Федерации 2020 года[11] ввела в правовую базу новый легальный юридический термин «органы публичной власти», что в фактически объединяет органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 3 ст. 132). Хотя такое нововведение с формально-юридической стороны не умаляет органы местного самоуправления в их независимости и самостоятельности, нельзя не признать, что теперь определенное вмешательство в их дела представляются вполне оправданным.

Органы местного самоуправления обязаны активно взаимодействовать с органами государственной власти (особенно с властями субъекта) для эффективного решения общих задач и ради благополучия жителей муниципальных образований.

Нельзя также не учесть, что данные особенности нашли еще более показательное выражение в статьях Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[12], которые были призваны отразить конституционные преобразования.

Поправка к Конституции Российской Федерации 2020 года в целом была направлена на то, чтобы гарантировать реализацию и нормативное закрепление такой модели конституционного строительства, которая сегодня опирается на концепцию «умеренного консерватизма»,

[8] О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

[9] Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) // СЗ РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.

[10] Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822. С 20.03.2025 г. глава 7 утратила силу.

[11] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 24.07.2025).

[12] Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

популярную как среди рядовых граждан, так и в среде высшего эшелона публичной власти (в т. ч. поддерживаемую главой государства).

Настоящая концепция основывается на традиционных отечественных духовных и нравственных ценностях, сложившихся и закрепившихся в ходе тысячелетней истории российской государственно-правовой системы.

Так, в обновленной редакции Конституции в числе прочего нашли отражение следующие традиционные ориентиры:

1) уважительное отношение к российской и мировой истории, памяти участников Великой Отечественной и Второй мировой войны, стремление к сохранению и защите исторической правды (п. 1, 3 ст. 67.1);

2) религиозная терпимость и упор на православные морально-нравственные устои (п. 2 ст. 67.1);

3) защита традиционной семьи и традиционных семейных ценностей, приоритет семейного воспитания, защита материнства, отцовства и детства (п. 4 ст. 67.1, п. ж1 ст. 72);

4) равная поддержка и защита народов, народностей, этнических групп, входящих в состав многонационального народа России (п. 4 ст. 68);

5) социальное партнерство, обеспечение экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1) и т. д.

Изложенное показывает, что рецепция зарубежного и особенно европейского права в 90-х гг. XX века была проведена без должной подготовительной работы, в т. ч. без учета национальных и региональных политико-правовых особенностей, без оглядки на ментальность населения и положение государства на политической арене. В результате сегодня давно назревшим проблемам приходится искать решение, лавируя между уже принятыми юридическими нормами и объективно существующими условиями отечественной правовой реальности, характерной для субъектов конституционно-правовых отношений культурной парадигмы.

Можно предположить, что и сами авторы современной Конституции Российской Федерации прекрасно осознавали вышеуказанные особенности и сложности, с которыми неизбежно столкнутся российская общественность и публичная власть в ходе реализации конституционных положений.

Так, С. М. Шахрай говорил, что Конституция – это одновременно «ядро согласия» и «план будущего для России» [8, с. 5], а также сравнивал такой документ с «мерседесом», продвижению которого по бескрайней территории нашей Родины мешают два существенных фактора: дураки и дороги.

При этом, с точки зрения М. Н. Марченко, изделиям отечественного автопрома для более или менее успешного передвижения по дорогам страны требуется адаптация, переподготовка практически сразу после схода с конвейера [9, с. 21].

Иными словами, простое заимствование западных решений без учета российской специфики в данном примере либо в конституционно-правовом секторе объективным образом не может быть в полной мере успешным. Более того, полагаем, что любые попытки государства в лице его органов и должностных лиц, связанные с формированием у населения конкретных форм конституционной культуры без учета ментальности населения и в целом конституционно-правовой реальности обречены на неудачу.

Следствием указанных попыток может стать формирование разрыва между формальной конституционной культурой государства и реальной конституционной культурой населения, что в целом является негативным фактором и влечет вероятность возникновения конфликтных ситуаций, предотвращению которых конституционная культура, напротив, должна способствовать.

Более того, в наиболее сложных обстоятельствах возможно появление разрыва и между конституционной культурой разных слоев населения одной страны. Например, распад Советского государства и образование новой российской государственности привели к тому, что в 90-е гг. XX века возрастное население продолжало существовать в советской ментальности, в то время как молодежь увлеклась западной либеральной идеологией.

Сегодня Российская Федерация в ходе длительного и сложного развития примерно за 30 лет действия новой модели государственности смогла сформировать относительно единую конституционную культуру населения, которая по большинству параметров отвечает поддерживаемой со стороны государства политике. Последнее потребовало переосмысления многих идей и ценностей западноевропейского либерализма, их принятия и признания на территории России с учетом отечественной конституционной традиции и особенностей ментальности населения. Даже молодое поколение россиян сегодня склонно поддерживать и принимать именно

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

традиционные, а не западные либеральные ценностные ориентиры, что особенно заметно на примере института семьи.

Как отмечает А. В. Головченко, сегодня никто явно не отказывается от ценностей и институтов либеральной демократии, от либеральных основ права и экономики, от конституционных норм, которые и составляют правовой фундамент российского либерализма. Но одновременно с этим у абсолютного большинства граждан понимание либерализма сводится к необходимости соблюдения прав и свобод человека, что, в общем, присуще не только либеральной демократии, но и политико-правовым моделям, которые основываются на иных ценностях и идеях [10, с. 124].

Рассуждая о рецепции зарубежного конституционного права как о механизме решения возникающих проблем, способе восполнения пробелов в конституционном регулировании, следует сказать, что это сложный процесс, требующий правильного применения, в т. ч. обеспечения определенной исторической преемственности, учета национальной самобытности.

Не менее важным представляется верное определение допустимых и приемлемых пределов рецепции, исключение из нее правовых норм, объективно неприемлемых в имеющихся обстоятельствах [11, с. 220].

Как отмечает А. И. Дудко, лишь при взвешенном подходе к переносу моделей конституционного и политического устройства одних государств на другие страны рецепция может выступать инструментом совершенствования конституционного права[13].

Следует принимать во внимание, что при рецепции конституционного права в правовую систему могут интегрироваться не просто отдельные нормы, но и юридические принципы, что нередко требует значительной перестройки всего национального права [12, с. 85].

Кроме того, по мнению Е. С. Аничкина, такое заимствование приживется только в том случае, если оно не будет конфликтовать с конституционной самобытностью конкретного государства и традициями, культурой и менталитетом соответствующего общества. По нашему мнению, самобытность системы каждого конкретного государства и, в частности, национального конституционного права выступает в качестве объективного предела рецепции [13, с. 28].

В юридической литературе отмечается, что еще до начала реализации рецепции государство-реципиент должно совершить ряд действий, а именно:

– обеспечить сбор и всесторонний анализ информации о состоянии и развитии конституционного права зарубежного государства-донора и практики его применения;

– определить объективность отражения общественных потребностей в нормах конституционного права страны-донора;

– гарантировать согласование основных принципов иностранного права с национальным законодательством и правоприменительной практикой;

– изучить и сопоставить зарубежный и национальный опыт, практику в части использования приемов юридической техники в нормативной правовой базе и практику его фактического применения судебными инстанциями;

– провести анализ и оценку сравнительно-правовых данных о развитии конституционного законодательства и практики его применения, обеспечить составление прогнозных рекомендаций и прогнозной модели.

Если данная совокупность требований не будет выполнена, это может стать причиной многочисленных проблем и коллизий, способных существенно затруднить реализацию норм конституционного права, потребует от органов публичной власти страны продолжения реформирования конституционной системы (решения проблемы постфактум). При этом любая попытка проигнорировать несоответствие формального и фактического несет в себе существенную опасность для стабильности государства.

Подтверждение приведенных доводов можно найти в исследованиях Е. В. Колесникова и С. А. Сайбулаевой.

По их мнению, излишние и необоснованно широкие рецепции иностранного государственно-правового, в т. ч. конституционного, материала приводят к тотальному вытеснению национального правосознания, индивидуальности конституционной системы, к неспособности отстаивать права, свободы, государственные и общественные интересы как внутри страны, так и на мировой арене и, как следствие, что может привести к регрессу социума у государства [7, с. 80].

Чрезмерное заимствование зарубежного права значительно ослабляет восприятие и значение преемственности национальной конституционной культуры, необходимой для полноценного развития государственно-правовой системы.

[13] Дудко А. И. Рецепция в конституционном праве России : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2005. С. 117.

Выбранный в 90-е гг. XX века курс государственной власти положил начало масштабной рецепции конституционных традиций в России, в ходе которых преемственная связь советского и российского конституционного права оказалась большей частью прервана, при этом даже удачные советские конституционно-правовые институты были (за некоторыми исключениями) отвергнуты [11, с. 96].

Вместе с тем, как пишет Е. С. Аничкин, преемственность вообще относится к числу главных факторов, обеспечивающих стабильность государства, равно как и самобытность его правовой системы [13, с. 30].

По мнению А. В. Нечкина, конституционный механизм Российской Федерации строится на реципировании юридических идей, институтов и норм демократически развитых государств англосаксонской и романо-германской правовых семей, но сопутствующее и последующее реформирование создают иные политико-правовые конструкции, отличные по замыслу и содержанию.

Фактически государство уже признало необходимость придания положениям Конституции, имеющим западную природу, отечественной самобытности, в т. ч. путем их реализации с учетом русской традиционной конституционной культуры.

Полагаем, в обозримом будущем эта тенденция сохранится либо будет преобразовываться в части заимствования уже восточного конституционного опыта взамен западного и американского.

Вместе с тем сама потребность в рецепции может возникнуть лишь в условиях масштабного политического, ценностного и правового кризиса, предпосылок к которому сегодня нет. Это полностью соответствует распространенной мировой практике, показывающей, что потребность в рецепции возникает в сложных ситуациях, в т. ч. в рамках становления новых государственно-правовых систем (объявление колониями независимости от метрополии), в ходе дестабилизации конкретных государств или государственных объединений (распад Югославии), в процессе разрешения внутренних и внешних конфликтов (контртеррористическая операция на территории Северо-Кавказского региона).

Действию этой тенденции способствует сложившаяся политико-правовая конъюнктура, характеризующаяся состоянием «гибридной войны» России и коллективного Запада, а также не подлежащими разрешению идеологическими и мировоззренческими противоречиями между названными сторонами.

Кроме того, одно из следствий настоящего конфликта заключается в существенном замедлении глобализационных процессов, которые в течение долгого времени способствовали распространению западных ценностей на все иные территории и сообщества.

Усиление самобытного и традиционного восприятия конституционных положений, в т. ч. опирающихся на либерально-демократический фундамент, в настоящем представляется обоснованным и необходимым.

Как минимум, этот подход предоставляет возможность укрепить суверенитет России, ее правовой системы, обеспечивает способность государства, граждан сохранять единство даже в условиях перманентного внешнего давления, попыток дестабилизации положения внутри страны [14, с. 430].

Немаловажную роль в процессе придания изначально либеральным конституционным нормам традиционного для России смыслового и содержательного значения имеет Конституционный Суд Российской Федерации как орган конституционного контроля.

Именно на него возлагается значительная доля ответственности за то, чтобы гармонизировать отечественную и европейскую конституционную системы в контексте общих конституционных норм, при этом защитив традиционную и преимущественно консервативную российскую правовую идентичность.

Заключение

Из изложенного следует вывод, что рецепция зарубежного конституционного права не является универсальным средством качественного улучшения национальной конституционной культуры.

Широкомасштабное и не имевшее надлежащей подготовки внедрение либеральных ценностей конституционной культуры коллективного Запада, происходившее в период становления суверенной государственности России (1992–1993 гг.), создало коллизию между нормативными положениями, закрепленными в главах 1 и 2 Конституции Российской Федерации и практикой современного конституционного строительства, осуществляемого с опорой на концепцию

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

«умеренного консерватизма», основывающуюся на традиционных духовно-нравственных ценностях, сложившихся в ходе тысячелетней истории российской государственно-правовой системы.

Современная российская государственность столкнулась с потребностью обеспечить соответствие формального юридического базиса распространенным в обществе конституционно-правовым отношениям и конституционной культуре населения.

Если в 90-е гг. XX века рецепция зарубежного (по большей части европейского, в меньшей мере американского) конституционного права использовалась в качестве средства трансформации отечественной конституционной культуры, то сегодня наблюдается обратный процесс (уже конституционная культура оказывает влияние на изменение формально установленных конституционных норм). Тем самым система постепенно приходит к равновесию, необходимому для эффективности правового регулирования. Наиболее наглядно эти процессы показывает конституционная реформа 2020 года, когда в текст Конституции Российской Федерации были внесены изменения в целях оптимизации единой системы публичной власти России и ее гармонизации с практикой сложившихся конституционно-правовых отношений [15, с. 30].

Выполнение поставленной цели невозможно без применения других инструментов, помимо поправок в конституционный акт. На наш взгляд, одним из эффективных механизмов изменения конституционной культуры может служить деятельность Конституционного Суда Российской Федерации по интерпретации норм конституционного права. Полагаем, что с учетом внутренней и внешней конъюнктуры тенденция последовательного углубления национальной самобытности российского конституционализма и конституционной культуры сохранит актуальность и в обозримом будущем.

Список источников

1. *Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм* / Радченко В. И., Иванюк О. А., Плюгина И. В., Цирин А. М. [и др.] // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 3–14.

2. *Колесников Е. В.*, *Сайбулаева С. А.* Рецепция права в правовой системе России: некоторые вопросы теории // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 1. С. 27–33.

3. *Казбан Е. П.*, *Степанова С. С.* Либерализм в ценностной системе российского общества // PolitBook. 2019. № 1. С. 181–194.

4. *Михеева Т. Н.*, *Михеев Д. С.*, *Михеева П. Д.* Запрет смены пола человека в России: правовые и аксиологические аспекты // Российский юридический журнал. 2025. № 1 (160). С. 104–114. https://doi.org/10.34076/20713797_2025_1_104

5. *Нечкин А. В.* Конституционно-правовой институт главы государства – национального лидера в государствах СНГ: современное состояние и перспективы развития // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 5. С. 41–50. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-5-41-50

6. *Саттаров В. Д.* Патернализм и либерализм в контексте судебной реформы 1864 г. // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 74–81. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-74-81

7. *Сайбулаева С. А.* Рецепция в конституционном праве: институты публичной власти : монография. Саратов : Саратовский источник, 2021. 174 с.

8. *Шахрай С. М.* О Конституции : Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. Москва : Наука, 2013. 917 с.

9. *Ромашов Р. А.* Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 1) // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 1 (67). С. 19–32. https://doi.org/10.35231/18136230_2022_1_19

10. *Головченко А. В.* Моральные инверсии современного российского либерализма // Вестник Московского государственного областного университета : [электронное издание]. 2017. № 3. С. 2. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2017-3-828

11. *Саликов М. С.*, *Либанова С. Э.*, *Остапович И. Ю.* Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 219–230. https://doi.org/10.17223/15617793/440/30

12. *Ткаченко С. В.* Рецепция западного права в России: проблемы взаимодействия субъектов : монография. Самара : Самарский государственный университет путей сообщения, 2009. 206 с.

13. *Аничкин Е. С.* Закономерности развития российского конституционного права в постсоветское время // Право и политика. 2020. № 4. С. 18–33. https://doi.org/10.7256/2454-0706.2020.4.32517

14. *Зорькин В. Д.* Конституционный Суд России: доктрина и практика : [монография]. Москва : Норма, 2017. 591 с.

15. *Сазонникова Е. В.* Память о защитниках Отечества и защита исторической правды как конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 29–32. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-29-32

References

1. *Prakticheskie aspekty prognozirovaniya zakonodatel'stva i effektivnosti primeneniya prognoziruemyh norm* / Radchenko V. I., Ivanyuk O. A., Plyugina I. V., Cirin A. M. [i dr.] // Zhurnal rossijskogo prava. 2008. № 8. S. 3–14.

2. *Kolesnikov E. V.*, *Sajbulaeva S. A.* Recepciya prava v pravovoj sisteme Rossii: nekotorye voprosy teorii // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2020. № 1. S. 27–33.

3. *Kazban E. P.*, *Stepanova S. S.* Liberalizm v cennostnoj sisteme rossijskogo obshchestva // PolitBook. 2019. № 1. S. 181–194.

4. *Miheeva T. N.*, *Miheev D. S.*, *Miheeva P. D.* Zapret smeny pola cheloveka v Rossii: pravovye i aksiologicheskie aspekty // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2025. № 1 (160). S. 104–114. https://doi.org/10.34076/20713797_2025_1_104

5. *Nechkin A. V.* Konstitucionno-pravovoj institut glavy gosudarstva – nacional'nogo lidera v gosudarstvah SNG: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 5. S. 41–50. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-5-41-50

6. *Sattarov V. D.* Paternalizm i liberalizm v kontekste sudebnoj reformy 1864 g. // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2024. № 4. S. 74–81. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-74-81

7. *Sajbulaeva S. A.* Recepciya v konstitucionnom prave: instituty publichnoj vlasti : monografiya. Saratov : Saratovskij istochnik, 2021. 174 s.

8. *Shahraj S. M.* O Konstitucii : Osnovnoj zakon kak instrument pravovyh i social'no-politicheskih preobrazovanij. Moskva : Nauka, 2013. 917 s.

9. *Romashov R. A.* Konstitucionno-pravovye sistemy sovremennogo mira: opyt sravnitel'nogo analiza (stat'ya 1) // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 1 (67). S. 19–32. https://doi.org/10.35231/18136230_2022_1_19

10. *Golovchenko A. V.* Moral'nye inversii sovremennogo rossijskogo liberalizma // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta : [elektronnoe izdanie]. 2017. № 3. S. 2. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2017-3-828

11. *Salikov M. S., Libanova S. E., Ostapovich I. Yu.* Konstitucionno-kontrol'noe normotvorchestvo v kontekste doktriny zhivoj konstitucii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 440. S. 219–230. https://doi.org/10.17223/15617793/440/30

12. *Tkachenko S. V.* Recepciya zapadnogo prava v Rossii: problemy vzaimodejstviya sub"ektov : monografiya. Samara : Samarskij gosudarstvennyj universitet putej soobshcheniya, 2009. 206 s.

13. *Anichkin E. S.* Zakonomernosti razvitiya rossijskogo konstitucionnogo prava v postsovetskoe vremya // Pravo i politika. 2020. № 4. S. 18–33. https://doi.org/10.7256/2454-0706.2020.4.32517

14. *Zor'kin V. D.* Konstitucionnyj Sud Rossii: doktrina i praktika : [monografiya]. Moskva : Norma, 2017. 591 s.

15. *Sazonnikova E. V.* Pamyat' o zashchitnikah Otechestva i zashchita istoricheskoj pravdy kak konstitucionnye cennosti // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 10. S. 29–32. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-29-32

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 342.55

Государственная власть и местное самоуправление: динамика правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации

Олег Александрович Кожевников, доктор юридических наук, профессор

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева
Екатеринбург (620137, ул. Комсомольская, д. 21), Российская Федерация
Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург (620144, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45), Российская Федерация
jktu1976@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-1371-7249

Аннотация:
Введение. *Развитие единой системы публичной власти в Российской Федерации сопровождается не только интенсивным развитием законотворчества, но и весьма неоднозначной практикой правоприменения. Во многих субъектах Российской Федерации резко активизировалась судебная практика по рассмотрению споров, вытекающих из положений законов, регламентирующих механизм реализации единой системы публичной власти, в частности, положений Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Как следствие, происходит увеличение числа обращений в Конституционный Суд Российской Федерации за оценкой складывающейся судебной и правоприменительной практики в части применения норм о единой системе публичной власти на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации. Только на начало 2026 года на рассмотрении Конституционного Суда Российской Федерации находилось 6 обращений, касающихся реализации органами местного самоуправления своих полномочий в рамках существующей единой системы публичной власти. В сложившихся условиях значительно возросла роль конституционного правосудия и итогов его деятельности (решений и правовых позиций) как «направляющего вектора» в формировании истинных конституционно-правовых основ публичной власти, обеспечении ее функционального единства и целевой направленности – решения задач в интересах населения, проживающего на территории соответствующего субъекта. На основе анализа отдельных решений Конституционного Суда Российской Федерации автор акцентировал внимание на самых важных позициях федерального органа конституционного правосудия, которые должны стать перспективным ориентиром в формировании законодательства и правоприменительной практики в части организации и функционирования органов государственной власти и местного самоуправления на современном этапе поиска оптимального развития властных институтов нашего государства.*
Методы. *При написании статьи применялся целый комплекс методов, традиционно выработанных и апробированных конституционно-правовой, муниципально-правовой и административно-правовой науками. В ходе исследования использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход, а также иные общепринятые в юридической доктрине способы познания.* **Выводы.** *По итогам исследования сделан вывод, что конституционно-правовое толкование норм о публичной власти, единой системе публичной власти, механизмах их функционирования, правовых моделях взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления имеет длительную историю. При этом произошедшие в 2020 году изменения текста Конституции нашей страны и последующее вступление в силу целого ряда федеральных законов, регламентирующих федеральный, региональный и муниципальные «срезы» единой системы публичной власти значительно активизировали конституционное правосудие в части выработки новых и развития ранее высказанных правовых позиций о базовых механизмах взаимодействия между государственной властью и местным самоуправлением, построении организационных, финансовых и иных основ функционального единства публичной власти в Российской Федерации. Автор полагает, что до настоящего времени ни законодателем, ни правоприменительными органами недооценен содержательный и юридический потенциал правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, которые при их неукоснительном соблюдении могли бы стать опорной точкой в поступательном развитии как в целом единой системы*

Ключевые слова:
Конституция Российской Федерации, Единая система публичной власти, органы государственной власти, органы местного самоуправления, Конституционный Суд Российской Федерации, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, глава государства

Для цитирования:
Кожевников О. А. Государственная власть и местное самоуправление: динамика правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 101–110.

© Кожевников О. А., 2026

публичной власти, так и ее отдельных структурных единиц – органов государственной власти и местного самоуправления. Однако для достижения этой цели прежде всего нужна государственная воля и постоянный контроль за неукоснительным соблюдением правоприменителями соответствующих правовых позиций конституционного правосудия, выраженных в решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

Статья поступила в редакцию 07.05.2026; одобрена после рецензирования 01.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

Original article

State power and local self-government: the dynamics of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Oleg A. Kozhevnikov, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Ural State Law University named after V. F.Yakovlev
21, Komsomolskaya str., Yekaterinburg, 620137, Russian Federation
Ural State University of Economics
62/45, 8 Marta/Narodnaya Volya, str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation
jktu1976@yandex.r
https://orcid.org/0000-0003-1371-7249

Abstract:
Introduction. *The development of a unified system of public authority in the Russian Federation is accompanied not only by intensive development of law-making, but also by highly ambiguous practices of law enforcement. In many constituent entities of the Russian Federation, there has been a sharp increase in judicial practice concerning the adjudication of disputes arising from the provisions of laws regulating the mechanism for implementing the unified system of public authority, in particular, the provisions of the Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ "On the general principles of the organisation of local self-government in the unified system of public authority". Consequently, there has been an increase in the number of applications to the Constitutional Court of the Russian Federation seeking an assessment of emerging judicial and law-enforcement practice regarding the application of provisions on the unified system of public authority for their compliance with the Constitution of the Russian Federation. By early 2026 alone, the Constitutional Court of the Russian Federation had six applications under consideration concerning the exercise by local self-government bodies of their powers within the framework of the existing unified system of public authority. Under the current circumstances, the role of constitutional justice and the outcomes of its activities (decisions and legal positions) has significantly increased as a "guiding force" in shaping the true constitutional and legal foundations of public authority, ensuring its functional unity and purpose – the resolution of tasks in the interests of the population residing within the territory the relevant constituent entity. Based on the analysis of specific rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author has focused attention on the most important positions of the federal body of constitutional justice, which should serve as a forward-looking guideline in the development of legislation and law enforcement practice regarding the organisation and functioning of state authorities and local self-government at the present stage of seeking the optimal development of our state's governing institutions.* **Methods.** *In writing this article, a comprehensive set of methods was applied, traditionally developed and tested by the fields of constitutional law, municipal law and administrative law. In the course of the research, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, dialectical approach, as well as other methods of inquiry generally accepted in legal doctrine, were used.* **Conclusions.** *Based on the findings of the study, it has been concluded that the constitutional and legal interpretation of the provisions on public authority, the unified system of public authority, the mechanisms governing their functioning, and the legal models of interaction between state authorities and local self-government bodies has a long history. At the same time, the amendments made to the text of the Constitution of our country in 2020 and the subsequent entry into force of a whole series of federal laws regulating the federal, regional and municipal "levels" of the unified system of public authority have significantly intensified constitutional jurisprudence in terms of formulating new and developing previously articulated legal positions on the fundamental mechanisms of interaction between central government and local self-government, and in establishing the organisational, financial and other foundations for the functional unity of public authority in the Russian Federation. The*

Keywords:
Constitution of the Russian Federation, unified system of public authority, state authorities, local government bodies, Constitutional Court of the Russian Federation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, head of the state

For citation:
Kozhevnikov O. A. State power and local self-government: the dynamics of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 101–110.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

author believes that, to date, neither the legislator nor the law-enforcement bodies have fully appreciated the substantive and legal potential of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which, if strictly adhered to, could serve as a cornerstone in the progressive development both of the unified system of public authority as a whole and of its individual structural units – state authorities and local self-government bodies. However, to achieve this objective, first and foremost, there must be political will and constant oversight to ensure strict compliance by law enforcement bodies with the relevant legal positions of constitutional justice, as set out in the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation.

**The article was submitted May 7, 2026;
approved after reviewing July 1, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Вопросы организации, функционирования и взаимодействия между уровнями публичной власти уже давно находятся в зоне самого пристального внимания многочисленных исследователей, причем не только профильных отраслей права – конституционного, муниципального [1–4], административного права, но и иных областей гуманитарных исследований – политологии, социологии [5], философии, экономики [6], управления[1] и др. Однако процесс познания, изучения и оценки властных институтов и сопутствующих им категорий не останавливается, а только набирает силу и вес. Очередным толчком к повышению интереса к структурным элементам публичной власти стали проведенная в России в 2020 году конституционная реформа и складывающаяся в последнее пятилетие законотворческая и правоприменительная практика. Для современных исследователей важно постоянно анализировать как законодательную, так и правоприменительную практику для проверки ее соответствия Конституции Российской Федерации[2] и складывающейся конституционно-правовой практике Конституционного суда Российской Федерации.

Методы

В ходе исследования использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход, иные общепринятые в юридической науке и практике способы познания. В частности, аналитический метод использовался для выявления существенных черт современного этапа взаимоотношений между государственной властью и местным самоуправлением государственного управления. Системный метод позволил выстроить общие подходы конституционной судебной практики к организации и функционированию единой системы публичной власти. Формально-юридический метод использовался при анализе правовых актов, регламентирующих вопросы организации, функционирования и взаимодействия в рамках публичной власти. Применение метода толкования позволило проанализировать правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и их воздействие на совершенствование правоприменительной практики.

Результаты

Первые попытки обозначить конституционно-правовые ориентиры формирования взаимоотношений между государственной властью и местным самоуправлением в преддверии начала конституционной реформы 2020 года Конституционный Суд Российской Федерации предпринял в своем, ныне крайне редко упоминаемом заключении от 16 марта 2020 г. № 1-З[3]. В частности, Конституционный суд Российской Федерации дал свое конституционно-правовое толкование целому комплексу изменений в главы 4–7 Конституции Российской Федерации, касающихся организации, функционирования и взаимодействия федеральных органов государственной власти – Президента Российской Федерации, Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации,

[1] См.: Мазалова Т. Г., Крыжанивский И. М. Местное самоуправление и государственная власть: проблемы и перспективы развития / Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право : сборник научных трудов. Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2021. С. 55–58.

[2] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 24.04.2025).

[3] О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-З // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2020. № 12. Ст. 1855.

судебной системы. Обозначая конституционное предназначение публичной власти, федеральный орган конституционного судебного контроля опирался на целый ряд положений главы 1 Конституции Российской Федерации, провозглашающей правовой и демократический характер российского государства, его обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшей ценности, стремиться к обеспечению согласованного функционирования органов власти, представляющих весь многонациональный народ нашей страны, который в свою очередь является единственным носителем суверенитета и источником власти. Также Конституционный Суд Российской Федерации, определяя конституционность вносимых в основной закон страны изменений, особо подчеркнул необходимость оптимального разграничения полномочий между различными ветвями власти как по вертикали, так и по горизонтали с тем, чтобы определенный в Конституции механизм взаимных сдержек и противовесов проявлял себя максимально эффективно. Чрезвычайно важно обратить внимание на позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно изменений в конституционное регулирование организации и функционирования местного самоуправления в рамках новой конституционно-правовой категории «единая система публичной власти». Так, Судом было отмечено, что «единая система публичной власти» является производной единицей от таких основополагающих понятий, как «государственность» и «государство», которые в свою очередь представляют собой политический союз (объединение) многонационального российского народа. Также конструкция «единая система публичной власти» распространяется на всю территорию Российской Федерации и функционирует как единая система, но в конкретных организационных формах, определенных ст. 5, 10–12 Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации особо подчеркнул, что вхождение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти не означает, что они одновременно являются частью системы органов государственной власти, их обособленность от системы государственной власти сохраняется, как сохраняется и функциональное предназначение всей системы публичной власти – строгое и неукоснительное соблюдение верховенства прав, свобод человека и гражданина. И последняя важная позиция Конституционного Суда Российской Федерации, ставшая впоследствии магистральной в целом ряде его решений – это наличие конституционной объективной необходимости взаимодействия органов государственной власти с органами местного самоуправления для наиболее эффективного решения общих задач, непосредственно связанных как с решением вопросов местного значения, так и выполнения тех или иных имеющих государственное значение публичных функций и задач на соответствующей территории. При этом складывающиеся модели взаимодействия не предполагают ни лишения самостоятельности местного самоуправления в пределах его полномочий, ни вхождения органов местного самоуправления в систему органов государственной власти.

Ознакомившись с названными конституционно-правовыми предпосылками трансформации государственной власти и местного самоуправления, 77,92 % граждан Российской Федерации на общероссийском голосовании по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, состоявшемся 1 июля 2020 года, выразили одобрение обновленному тексту Конституции Российской Федерации[4] [7; 8], и с этого момента начался новый этап построения системы публичной власти и выработка обновленных подходов к механизмам построения и взаимодействия между уровнями публичной власти нашей страны.

Вместе с тем практика законодательной реализации конституционных новелл и их последующее применение свидетельствуют, что формируемые Конституционным Судом Российской Федерации позиции не всегда и не во всем являются ориентиром для федерального законодателя и правоприменителей. Достаточно обратить внимание на отдельные положения Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»[5], в котором понятие единой системы публичной власти расходится с положениями ч. 3. ст. 132 Конституции РФ как по составу субъектов власти, так и по целевому предназначению, Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», который ввел в правовой оборот категорию «единая система публичной власти в субъекте Российской Федерации»[6]. Эта категория которая еще более расширила круг субъектов власти, входящих в единую систему публичной власти, но теперь уже регионального уровня, крайне слабо закрепив взаимосвязь региональной системы

[4] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 24.04.2025).

[5] О Государственном Совете Российской Федерации : Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

[6] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

публичной власти с федеральной единой системой публичной власти. При этом построение региональной единой системы публичной власти проходит далеко не гладко, о чем свидетельствуют внесение в профильный закон многочисленных изменений, в среднем по девять изменений ежегодно. Наконец, весьма показательным примером своеобразного прочтения положений Конституции Российской Федерации и пренебрежения позициями Конституционного Суда Российской Федерации стало сначала «мучительное прохождение», в а затем и последующее принятие Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[7], который не только включил «все местное самоуправление» в единую систему власти [9; 10], но и создал множественные предпосылки для последующего дискуссионного применения и даже невозможности реализации отдельных его положений в первоначально установленные законом сроки.

В сложившихся весьма непростых условиях функционирования единой системы публичной власти Конституционный Суд РФ в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации все чаще вынужден выступать в роли «проводника духа и смысла» конституционного текста не только для правоприменительных органов, но и для уполномоченных законодательных органов государственной власти, взявших на себя, на наш взгляд, непосильную ношу по формированию нормативных основ функционирования единой системы публичной власти.

При анализе современного этапа конституционной судебной практики нельзя не вспомнить о том, что и до конституционной реформы 2020 года Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обозначал свою позицию относительно базовых конституционных концептов публичной власти и механизмов взаимодействия между государственными и муниципальными органами. Достаточно вспомнить постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1-П[8], в котором было отмечено:

1) государственная власть и местное самоуправление, осуществляемое в лице органов, не входящих в систему органов государственной власти, являются способами осуществления публичной власти на конкретной территории власти;

2) в основе разделения власти между государственным и муниципальным уровнем лежит не территория, а компетенция (предметы ведения).

В дальнейшем, Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 15 января 1998 г. № 3-П еще больше расширил границы своего понимания публичной власти указав, что «публичная власть может быть и муниципальной», «местная публичная власть решает вопросы местного значения», «публичная власть на местах осуществляет функции самоуправления». Однако включенность муниципальной власти в состав публичной вовсе не означает ее вхождение и подчиненность государственной власти, поскольку это означало бы фактическое игнорирование положений ст. 12 Конституции Российской Федерации[9].

В подтверждение наличия нескольких функционально самостоятельных уровней публичной власти стоит вспомнить также позиции Конституционного суда Российской Федерации, изложенные в постановлениях от 10 июня 1998 г. № 17-П[10], от 25 июня 2001 г. № 9-П[11], от 2 апреля 2002 г. № 7-П[12] в которых использованы такие выражения, как «различные уровни публичной

---

[7] Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

[8] По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1-П // СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 708.

[9] По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. № 3-П // СЗ РФ. 1998. № 4. Ст. 532.

[10] По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 1998 г. № 17-П // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3002.

[11] По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 27 сентября 2000 года № 1709 «О мерах по совершенствованию управления государственным пенсионным обеспечением в Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2001 г. № 9-П // СЗ РФ. 2001. № 27. Ст. 2804.

[12] По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А. Г. Злобина и Ю. А. Хнаева : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2002 г. № 7-П // СЗ РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.

власти», «соответствующий орган публичной власти», «органы публичной власти соответствующих уровней» и др. При этом слово «уровень» вовсе не свидетельствует о наличии каких-либо иерархических ступеней власти, а напоминает нам о единственном ее источнике – народе и, следовательно, о разной степени близости государственной и муниципальной власти к населению и связи с ним [11].

Таким образом, еще до введения в текст Конституции Российской Федерации упоминания о единой системе публичной власти Конституционный Суд Российской Федерации обозначал целый ряд правовых позиций, которые, с одной стороны, должны были стать конституционно-правовым фундаментом в законодательном закреплении структуры и механизмов реализации единой системы публичной власти, с другой стороны – точкой опоры для дальнейшего конституционно-правового толкования единой системы публичной власти и механизмов ее функционирования. Однако этого не произошло, и федеральный орган конституционного правосудия вновь стал напоминать законодателям и правоприменителям о конституционных основах построения публичной власти в Российской Федерации.

Остановимся лишь на отдельных примерах в подтверждение наших доводов.

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 23-П[13]. Рассматривая вопрос о механизме опубликования муниципальных правовых актов, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что принцип единства публичной власти предполагает обязанность органов государственной власти всех уровней оказывать необходимое содействие муниципальным образованиям, ресурсы которых ограничены, в обеспечении официального опубликования муниципальных нормативных правовых актов. Такое содействие, в частности, может выражаться в размещении принятых муниципальных нормативных правовых актов в местах, доступных для неограниченного круга лиц, в т. ч. и в помещениях государственных органов, государственных библиотек и др.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2023 г. № 55-П[14]. Обращаясь к принципу единства системы публичной власти, Конституционный Суд Российской Федерации пояснил, что данный принцип направлен прежде всего на улучшение функционирования всей системы власти, что предполагает именно слаженное взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления, построенное на началах сбалансированного организационного и финансового участия в соответствующем процессе всех органов публичной власти. В ином случае допускалось бы нарушение баланса между финансово-экономическим обеспечением полномочий органов власти соответствующих уровней публичной власти.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 27-П[15]. Данное решение федерального органа конституционного правосудия сразу после его вынесения буквально произвело эффект разорвавшейся бомбы. Оно полностью перевернуло сложившуюся практику правоприменения в регионах, поддерживаемую судами общей юрисдикции. Во-первых, Конституционный Суд Российской Федерации в очередной раз напомнил, что местное самоуправление, являясь формой публично-территориальной самоорганизации населения, включено в единый механизм управления делами государства, в рамках которого на началах взаимодействия и согласованного функционирования все органы единой системы публичной власти участвуют в реализации функций государства. Усиливая свою позицию о функциональном предназначении единой системы публичной власти, Суд в этом решении подчеркнул, что взаимодействие между органами местного самоуправления и органами государственной власти предназначено как для максимального решения общих задач, непосредственно связанных с вопросами местного значения и в интересах населения муниципальных образований, так и для

[13] По делу о проверке конституционности пункта 6 части 1 статьи 44, частей 1 и 3 статьи 47 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Ю. Г. Ефремова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 23-П // СЗ РФ. 2021. № 23. Ст. 4175.

[14] По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 231 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой городского округа Архангельской области «Город Новодвинск» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2023 г. № 55-П // СЗ РФ. 2023. № 50. Ст. 9137.

[15] По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статей 10 и 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды», пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а также пунктов 16 - 18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город Кодинск Кежемского муниципального района Красноярского края» и администрации Новосибирского района Новосибирской области : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 27-П // СЗ РФ. 2023. № 23 (ч. II). Ст. 4273.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

решения общегосударственных публичных функций и задач на соответствующих территориях. Во-вторых, судом была особо обозначена необходимость построения организационно-правовых и финансовых механизмов взаимодействия между органами власти в рамках единой системы публичной власти. Данные механизмы должны быть основаны на принципе сбалансированного участия в соответствующих процедурах реализации публичных функций государства каждого из трех уровней публичной власти.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2025 г. № 29-П[16]. Продолжая работу по выстраиванию конституционно-правового содержания механизмов взаимодействия государственной и муниципальной власти и построения единой системы публичной власти, Конституционный Суд Российской Федерации особо подчеркнул, что наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями должно быть обусловлено созданием наиболее благоприятных условий для успешной реализации передаваемых полномочий в муниципалитеты и с учетом конкретных социально-экономических условий. При этом наделение государственными полномочиями муниципальных властей не снимает с соответствующего уровня государственной власти ответственности за их реализацию, в т. ч. за их надлежащее финансирование. При этом именно в рамках контрольных полномочий органы государственной власти обязаны следить за уровнем финансирования переданных полномочий, быть постоянно осведомленными о порядке реализации переданных органам местного самоуправления государственных полномочий, в т. ч. о достаточности или недостаточности соответствующих субвенций. Следует отметить, что в Российской Федерации сложилась повсеместная устойчивая практика «сбрасывания» государственных полномочий на уровень муниципальных властей без надлежащего обоснования и тем более достаточного уровня финансирования с последующим возложением всего бремени ответственности на органы местного самоуправления. Очень хочется надеется, что описанная нами правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации прекратит эту порочную практику.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2026 г. № 10-П[17]. Конституционный суд Российской Федерации констатировал необходимость более тщательной и пристальной работы властей по повышению качества и эффективности использования имеющихся в распоряжении публичных образований (Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, федеральной территории и муниципальных образований) материальных ресурсов и финансовых средств для осуществления полномочий на соответствующих территориях. Именно на органы публичной власти законодательно возложена обязанность самостоятельно обеспечивать сбалансированность бюджетов и эффективность использования бюджетных средств. При исполнении судебных решений, предполагающих перераспределение уже определенных целевым образом бюджетных средств органам публично-правового образования должна быть обеспечена возможность принять меры по перераспределению бюджетных средств с учетом того, чтобы реализация права на судебную защиту не парализовала деятельность соответствующих властных структур и не привела бы к нарушению обеспечиваемых их функционированием прав и свобод человека и гражданина. Данное толкование имеет чрезвычайно важное значение, поскольку судебная практика полна примеров того, что суды различных инстанций, возлагая на органы публичной власти соответствующие обязательства, не учитывают необходимость соблюдения соответствующих бюджетных и иных процедур (проведения строительных экспертиз, конкурсных процедур при заключении муниципального контракта и т. д.). Это приводит к тому, что суды и судебные приставы-исполнители фактически подталкивают органы власти к нарушению установленных законодательством норм и процедур ради скорейшего исполнения судебных решений. Но реализация права на судебную защиту не должна происходить за счет нарушения установленных норм, поскольку несоблюдение последних также может привести к судебным разбирательствам и еще большему нанесению вреда законным правам и интересам граждан, в т. ч. и праву на местное самоуправление.

6. Одним из самых дискуссионных моментов Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[18] были и остаются положения ст. 32, определяющие полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения деятельности

[16] По делу о проверке конституционности части 5 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2025 г. № 29-П // СЗ РФ. 2025. № 30 (ч. III). Ст. 4621.

[17] По делу о проверке конституционности части 4 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Правительства Омской области : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2026 г. № 10-П // СЗ РФ. 2026. № 10. Ст. 1222.

[18] СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

населения. Не зря же при рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации законопроекта № 1058242-8[19], посвященного организации контрольно-надзорной деятельности в отношении органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, выяснилось, что ни один уровень власти пока не в состоянии понять и реализовать предложенную в вышеназванной статье закона чехарду по распределению полномочий между муниципальными и региональными властями, что привело в конечном итоге к отсрочке вступления в силу вышеназванной статьи закона до 1 января 2028 г. Важно обратить внимание на целый ряд позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в постановлении от 2 апреля 2026 г. № 20-П[20]. В данном решении федеральный орган конституционного правосудия ориентировал при формировании «пула компетенции» на то, что при решении задач, возложенных на органы публичной власти различных уровней, они должны действовать совместно и согласованно, реализуя тем самым установленный в Конституции принцип единства системы публичной власти. Недопустимы случаи, когда орган публичной власти одного уровня своим бездействием фактически делает невозможной исполнение другим органом его публичных полномочий, что в конечном итоге приводит к итоговому недостижению законодательно определенных целей. В то же время и орган публичной власти, осуществление полномочий которого затруднено вследствие бездействия другого органа, не может в силу этого устраниться от исполнения возложенных на него полномочий, поскольку на нем в равной мере лежит обязанность по выполнению публичной задачи. Конституционный Суд Российской Федерации резюмировал, что недопустимы такие ситуации, когда органы публичной власти взаимно перекладывают ответственность за конечный результат друг на друга, тем самым пренебрегая законодательно гарантированными правами граждан.

Выводы

Еще в 2021 году, когда только начиналась работа по законодательному обеспечению реализации положений ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации, на пленарной сессии в рамках XVIII ежегодного заседания клуба «Валдай» Президент Российской Федерации В. В. Путин для характеристики ситуации в мире и в нашей стране привел известное китайское изречение: «Не дай бог жить в эпоху перемен». При этом глава государства отметил, что «чем дальше будет двигаться страна, тем перемены будут все глубже, все фундаментальнее»[21] [12]. Спустя пятилетие, обращая внимание на ситуацию с формированием правовых основ единой системы публичной власти, высказывание главы государства можно воспринимать во многом как пророческое, поскольку трудности растут как снежный ком, а их решение порой находят лишь на уровне соответствующих решений органа конституционного правосудия. В таких условиях важно, чтобы «корабль публичной власти» не стал неуправляемым, не ударялся своими несущими конструкциями о встречаемые на его пути соблазны преодолеть верховенство Конституции и общеобязательный смысл ее положений, чтобы выработанные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации имели не только исследовательско-доктринальное предназначение [13–15], но и неукоснительно выполнялись при формировании конституционно-правовых ориентиров построения и функционирования единой системы публичной власти, помогая преодолению объективно возникающих трудностей в трансформации публичной власти. В этом смысле настоящая статья – еще один маленький шажок к тому, чтобы обратить внимание заинтересованных представителей власти на значимость конституционно-правовой практики, выработанных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций, которые при их надлежащем применении позволят нам уменьшить количество

[19] Законопроект № 1058242-8 «Об организации контрольно-надзорной деятельности в отношении органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления и о внесении изменений в Федеральный закон „Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти”» : (в части установления порядка организации и осуществления контроля (надзора) за деятельностью органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») : [официальный сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1058242-8 (дата обращения: 20.06.2026).

[20] По делу о проверке конституционности подпункта 6 статьи 39.5 Земельного кодекса Российской Федерации, пунктов 4, 5 и 6 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», части 2 статьи 9 Закона Иркутской области «О бесплатном предоставлении земельных участков в собственность граждан» в связи с жалобой администрации городского округа муниципального образования города Братска Иркутской области : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2026 г. № 20-П // СЗ РФ. 2026. № 15. Ст. 1950.

[21] Ямпольская Ю. Путин описал ситуацию в мире китайской поговоркой // Lenta.ru : [электронное издание]. URL: https://lenta.ru/news/2021/10/21/presid/?ysclid=mouyl0d43j305762711 (дата обращения: 06.05.2026).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ошибок и негативных аспектов функционирования единой системы публичной власти и не позволят воспользоваться постоянно возникающим соблазном «соскочить» с пути построения подлинного демократического, социального правового государства, в котором институты власти совместно с гражданами приносят пользу и несут ответственность за будущее своей Родины.

Список источников

1. *Авдеев Д. А.* Проблемы легитимации публичной власти в современной России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 1. С. 95–111. https://doi.org/10.21684/2411-7897-2021-7-1-95-111

2. *Корсун К. И.* Публичная власть в Российской Федерации: структура, содержание, взаимодействие элементов // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 1 (40). С. 103–104.

3. *Тарасова Н. Л.* Публичная власть современного российского государства: некоторые подходы к правовому регулированию // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23, № 6. С. 57–63. https://doi.org/10.22394/1682-2358-2023-6-57-63

4. *Чертков А. Н.* Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19–23. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-19-23

5. *Забнева Э. И.* Местное самоуправление в контексте российского государства // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2018. № 4. С. 59–61.

6. *Козлов Д. С., Кичигин О. Э.* Проблемы государственного управления городскими агломерациями в условиях развития цифровой экономики / Устойчивое развитие цифровой экономики, промышленности и инновационных систем : сборник трудов научно-практической конференции с зарубежным участием, г. Санкт-Петербург, 20–21 ноября 2020 г. / под ред. Д. Г. Родионова, А. В. Бабкина. Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 186–188. https://doi.org/10.18720/IEP/2020.7/54

7. *Мархгейм М. В.* Общероссийское голосование: народовластные признаки и призраки // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46, № 1. С. 145–154. https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-1-145-154

8. *Старостина И. А.* Общероссийское голосование в контексте конституционных поправок 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 18–23. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-8-18-23

9. *Баликоева Л. М.* Новый шаг в развитии местного самоуправления в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 167–169. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_6_167

10. *Пешин Н. Л.* Реформа местного самоуправления в России 2025 года: переход к модели единой публичной власти // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 19–28.

11. *Мещеряков А. Н.* Формирование конституционно-правовой модели единой системы публичной власти в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 4 (62). С. 6–15.

12. *Шахназарян М. М.* Правовые позиции Конституционного Суда России по вопросам взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления // Евразийский юридический журнал. 2025. № 1 (200). С. 187–189. https://doi.org/10.46320/2073-4506-2025-1-200-187-189

13. *Дементьев А. Н.* Проблемы законодательной реализации поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 года о территориальной организации публичной власти // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2021. № 3. С. 15–18. https://doi.org/10.18572/2500-0349-2021-3-15-18

14. *Иванов И. В.* Развитие публичной власти в судебных актах и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации: к 30-летию Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 10 (155). С. 112–120. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.112-120

15. *Конева Н. С.* Развитие доктрины публичной власти в решениях конституционного суда РФ: баланс судебной интерпретации и судебного правотворчества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 25, № 2. С. 89–97. https://doi.org/10.14529/law250214

References

1. *Avdeev D. A.* Problemy legitimacii publichnoj vlasti v sovremennoj Rossii // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. 2021. T. 7, № 1. S. 95–111. https://doi.org/10.21684/2411-7897-2021-7-1-95-111

2. *Korsun K. I.* Publichnaya vlast' v Rossijskoj Federacii: struktura, soderzhanie, vzaimodejstvie elementov // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 1 (40). S. 103–104.

3. *Tarasova N. L.* Publichnaya vlast' sovremennogo rossijskogo gosudarstva: nekotorye podhody k pravovomu regulirovaniyu // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2023. T. 23, № 6. S. 57–63. https://doi.org/10.22394/1682-2358-2023-6-57-63

4. *Chertkov A. N.* Publichnaya vlast': sostav, edinstvo i sushchnost' vzaimodejstviya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 10. S. 19–23. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-19-23

5. *Zabneva E. I.* Mestnoe samoupravlenie v kontekste rossijskogo gosudarstva // Medicina. Sociologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya. 2018. № 4. S. 59–61.

6. *Kozlov D. S., Kichigin O. E.* Problemy gosudarstvennogo upravleniya gorodskimi aglomeraciyami v usloviyah razvitiya cifrovoj ekonomiki / Ustojchivoe razvitie cifrovoj ekonomiki, promyshlennosti i innovacionnyh sistem : sbornik trudov nauchno-prakticheskoj konferencii s zarubezhnym uchastiem, g. Sankt-Peterburg, 20–21 noyabrya 2020 g. / pod red. D. G. Rodionova, A. V. Babkina. Sankt-Peterburg : POLITEKH-PRESS, 2020. S. 186–188. https://doi.org/10.18720/IEP/2020.7/54

7. *Marhgejm M. V.* Obshcherossijskoe golosovanie: narodovlastnye priznaki i prizraki // Nomothetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2021. T. 46, № 1. S. 145–154. https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-1-145-154

8. *Starostina I. A.* Obshcherossijskoe golosovanie v kontekste konstitucionnyh popravok 2020 g. // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 8. S. 18–23. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-8-18-23

9. *Balikoeva L. M.* Novyj shag v razvitii mestnogo samoupravleniya v Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 6. S. 167–169. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_6_167

10. *Peshin* N. L. Reforma mestnogo samoupravleniya v Rossii 2025 goda: perekhod k modeli edinoj publichnoj vlasti // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2026. № 1. S. 19–28.

11. *Meshcheryakov* A. N. Formirovanie konstitucionno-pravovoj modeli edinoj sistemy publichnoj vlasti v resheniyah Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2022. № 4 (62S. 6–15.

12. *Shahnazaryan M. M.* Pravovye pozicii Konstitucionnogo Suda Rossii po voprosam vzaimodejstviya organov gosudarstvennoj vlasti i organov mestnogo samoupravleniya // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2025. № 1 (200). S. 187–189. https://doi.org/10.46320/2073-4506-2025-1-200-187-189

13. *Dement'ev* A. N. Problemy zakonodatel'noj realizacii popravok v Konstituciyu Rossijskoj Federacii 2020 goda o territorial'noj organizacii publichnoj vlasti // Municipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie. 2021. № 3. S. 15–18. https://doi.org/10.18572/2500-0349-2021-3-15-18

14. *Ivanov* I. V. Razvitie publichnoj vlasti v sudebnyh aktah i pravovyh poziciyah Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: k 30-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. T. 18, № 10 (155). S. 112–120. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.112-120

15. *Koneva* N. S. Razvitie doktriny publichnoj vlasti v resheniyah konstitucionnogo suda RF: balans sudebnoj interpretacii i sudebnogo pravotvorchestva // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2025. T. 25, № 2. S. 89–97. https://doi.org/10.14529/law250214

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья

УДК 342.9

Понятийный аппарат контрольно-надзорной деятельности на транспорте: системный анализ и пути совершенствования

Евгений Александрович Нестеров, кандидат юридических наук

Российский университет транспорта
Москва (127994, ул. Образцова, д. 9 стр. 9), Российская Федерация
info@ui-miit.ru
http://orcid.org/0009-0009-9100-3410

Аннотация:
Введение. *В статье проводится комплексный анализ понятийного аппарата контрольно-надзорного производства на транспорте как ключевого элемента административно-процессуального механизма обеспечения транспортной безопасности и соблюдения обязательных требований.* **Цель:** *на основе системного, сравнительно-правового и доктринального подходов выявить структурные уровни понятийной системы, а также их иерархическую взаимосвязь. Акцент сделан на проблемы правовой неопределенности, терминологической разрозненности и недостаточной нормативной урегулированности отдельных институтов.* **Методология.** *Исследование опирается на диалектический метод познания, а также на совокупность общенаучных и частнонаучных подходов. Ключевыми методами являются формально-юридический (применяемый для анализа нормативных правовых актов и выявления пробелов в регулировании), сравнительно-правовой (для изучения международного опыта, в частности, модели Better Regulation Agenda) и системный (используемый для структурирования понятийного аппарата и выявления взаимосвязей между его элементами). Особое внимание уделено теоретическим разработкам в области административно-процессуального права, в т. ч. концепции о контрольно-надзорном производстве как особом виде административного процесса. Автор также использовал методы правового моделирования и интерпретации судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации, что позволило соотнести нормативные конструкции с конституционными требованиями, в частности, с принципом правовой определенности.* **Результаты.** *Проведенный анализ показал, что современный понятийный аппарат контрольно-надзорной деятельности на транспорте страдает фрагментарностью, терминологической несогласованностью и отсутствием иерархической структуры. Это порождает нестабильность правоприменения, дублирование полномочий между ведомствами и нарушение конституционных гарантий. Предложена трехуровневая модель систематизации понятий: центральные (общие для всей сферы), основные (межвидовые) и специальные (отраслевые), что позволяет обеспечить баланс между унификацией и учетом специфики отдельных видов транспорта. Для повышения правовой определенности рекомендуется закреплять ключевые категории непосредственно в законодательстве, а не в подзаконных актах, ввести закрытый (исчерпывающий) перечень функций надзорных органов и детально регламентировать профилактические инструменты, включая «досье субъекта» и предостережения. Только системный, согласованный и иерархически выстроенный подход к понятийному аппарату способен обеспечить достижение целей реформы контрольно-надзорной деятельности в целом – снижение административной нагрузки, усиление профилактики и повышение предсказуемости государственного контроля.*

Ключевые слова:
контрольно-надзорная деятельность, транспортная безопасность, профилактический контроль, понятийный аппарат, транспортное законодательство

Для цитирования:
Нестеров Е. А. Понятийный аппарат контрольно-надзорной деятельности на транспорте: системный анализ и пути совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 111–118.

**Статья поступила в редакцию 23.10.2025;
одобрена после рецензирования 08.07.2026;
принята к публикации 25.09.2026.**

© Нестеров Е. А., 2026

Original article

Conceptual framework of transport control and supervision: systemic analysis and improvement pathways

Evgeny A. Nesterov, Cand. Sci (Jurid.)

Russian University of Transport
9 build. 9, Obraztsova str., Moscow, 127994, Russian Federation
info@ui-miit.ru
http://orcid.org/0009-0009-9100-3410

Abstract:
Introduction. *The This article provides a comprehensive analysis of the conceptual framework of control and supervisory proceedings in transport as a key element of the administrative-procedural mechanism for transport security and regulatory compliance.* **Objective:** *To identify the structural levels and hierarchical interrelationships of the conceptual framework using systemic, comparative legal, and doctrinal analysis. A central focus of the analysis is legal uncertainty, terminological fragmentation, and the insufficient regulatory codification of certain legal institutions.* **Methodology.** *The research employs the dialectical method and a combination of general and discipline-specific approaches. The main methods are formal-legal (for normative analysis and gap detection), comparative-legal (for examining international experience, particularly the Better Regulation Agenda), and systemic (for structuring the conceptual framework). The study draws on theoretical developments in administrative-procedural law, including the concept of control and supervisory proceedings as a distinct type of administrative process. Legal modeling and interpretation of Constitutional Court case law are also used to align normative constructs with constitutional requirements, particularly the principle of legal certainty.* **Results.** *The analysis revealed that the current conceptual framework for transport control and supervision is fragmented, terminologically inconsistent, and lacks hierarchical structure. This leads to inconsistent enforcement, overlapping agency mandates, and constitutional violations. A three-level conceptual model is proposed – central (general to the entire domain), basic (cross-sectoral), and special (sector-specific), – to balance uniformity with sector-specific needs. To improve legal certainty, key categories should be codified in legislation, not by-laws; an exhaustive list of supervisory functions should be introduced; and preventive tools, such as the "subject dossier" and warnings should be regulated in detail. Only a systemic, coherent, and hierarchical approach can achieve reform objectives: reducing administrative burdens, strengthening prevention, and increasing the predictability of state control.*

Keywords:
control and supervisory activities, transport security, preventive control, conceptual framework, transport legislation

For citation:
Nesterov E. A. Conceptual framework of transport control and supervision: systemic analysis and improvement pathways // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 111–118.

**The article was submitted October 23, 2025;
approved after reviewing July 8, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Современное публичное право Российской Федерации переживает этап глубокой трансформации, обусловленной реформой контрольно-надзорной деятельности, инициированной Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[1]. В контексте этой реформы особую значимость приобретает транспортная сфера – стратегически важная отрасль, где наиболее остро стоят вопросы безопасности и эффективности правового регулирования.

Однако, несмотря на активное нормотворчество последних лет, остается нерешенной проблема недостаточной определенности и системности понятийного аппарата контрольно-надзорного производства на транспорте. Отсутствие четких, иерархически упорядоченных дефиниций приводит к нестабильности правоприменения, дублированию полномочий, а также к нарушению принципа правовой определенности, закрепленного в ст. 15 Конституции

[1] О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Российской Федерации[2] и подтвержденного Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 25 сентября 2025 г. № 31-П и от 21 января 2025г. № 2-П и др.[3] [1].

Цель настоящего исследования – провести системный анализ понятийного аппарата контрольно-надзорной деятельности на транспорте, выявить его структурные уровни, определить пробелы и противоречия в нормативном регулировании и предложить пути его совершенствования с учетом требований публичного (в первую очередь конституционного и административного) права, транспортного законодательства и международного опыта.

Методы

Исследование основано на фундаментальных принципах диалектического метода познания, обеспечивающего целостное, исторически обусловленное и системное понимание правовых явлений в их развитии и взаимосвязи. В качестве основного инструментария использован комплекс взаимодополняющих общенаучных и частноправовых методов. Формально-юридический метод был применен для доктринального анализа нормативных правовых предписаний, включая их структурно-логическое и грамматическое толкование, а также для выявления пробелов, коллизий и неопределенностей в регулировании контрольно-надзорной деятельности на транспорте. Системный подход позволил реконструировать понятийный аппарат как иерархически организованную правовую структуру, выделить в ней центральные, основные и специальные категории и установить их взаимосвязи. Сравнительно-правовой метод был использован для ретроспективного и синхронного сопоставления российской модели контроля с международными стандартами, в частности с практикой Better Regulation Agenda, что позволило выявить трансферабельные решения в сфере профилактического надзора, рискориентированного подхода и регуляторной прозрачности.

Дополнительно были применены методы юридического моделирования – для проектирования оптимальной структуры понятийного аппарата и типового положения о контрольно-надзорном производстве, а также историко-правовой анализ – для оценки эволюции надзорных полномочий в транспортной сфере с учетом реформаторских импульсов последнего десятилетия. Важную роль сыграло также обращение к конституционно-правовой доктрине и практике Конституционного Суда Российской Федерации, что обеспечило соответствие выводов исследования базовым принципам правового государства, включая принцип юридической определенности, пропорциональности и презумпции добросовестности.

Такой многоуровневый методологический подход позволил не только выявить существующие проблемы, но и сформулировать теоретически обоснованные и практически реализуемые рекомендации по совершенствованию правового регулирования в сфере контрольно-надзорной деятельности в транспортной сфере.

Обсуждение

Понятие и структура контрольно-надзорного производства на транспорте

Согласно системному толкованию норм транспортного и административного законодательства, контрольно-надзорное производство на транспорте представляет собой урегулированный административно-процессуальными принципами и нормами комплекс действий и решений контрольно-надзорных органов и их уполномоченных должностных лиц по рассмотрению и разрешению дел о нарушениях обязательных требований, выявляемых в ходе контрольно-надзорных мероприятий в установленной сфере транспортной деятельности, объединяемых в стадии.

Это определение, предложенное в исходном тексте, корректно отражает процессуальную природу института. Однако оно требует дополнения с точки зрения административно-процессуальной теории.

[2] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 04.10.2025).

[3] По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 32 и пункта 3 статьи 42 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой граждан Беблова Александра Павловича, Бебловой Елены Геннадьевны и других : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2025 г. № 31-П // СЗ РФ. 2025. № 40. Ст. 5944 ; По делу о проверке конституционности подпункта 5 пункта 3 статьи 39, пункта 1 статьи 41, пунктов 1 и 2 статьи 248, пунктов 1 и 2 статьи 249, а также пункта 1 статьи 346.15 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2025 г. № 2-П // СЗ РФ. 2025. № 5. Ст. 403.

Подобная точка зрения хоть и не всеми учеными разделяется (к примеру, ряд авторов, в числе которых В. В. Черников [2, с. 40], не закладывают в дефиницию контрольно-надзорной деятельности на транспорте процессуальный аспект), что, по нашему мнению, несколько подрывает его организационно-правовую природу.

Как отмечает А. И. Стахов, контрольно-надзорное производство – это не просто совокупность действий, а административный процесс особого рода, направленный на установление факта нарушения, применение мер реагирования и (при необходимости) привлечение к юрисдикционной ответственности [3].

В зависимости от вида контрольного мероприятия выделяют следующие формы производства: в ходе мониторинговой закупки; рейдового осмотра; документарной проверки; выездной проверки; профилактического осмотра и т. д.

Классификация, а также опора на доводы А. И. Стахова [3] позволяют дополнительно дифференцировать производство на упрощенное, обычное и усложненное. Упрощенное производство применяется к объектам с низким уровнем риска и может ограничиваться самообследованием или декларированием. Обычное производство связано с одним направлением контроля и одним этапом. Усложненное производство предполагает межотраслевой контроль и второй этап, включающий привлечение к ответственности.

Такой подход соответствует принципу пропорциональности, вытекающему из системного толкования Федерального закона № 248-ФЗ[4], и позволяет реализовать динамическую модель контроля, при которой субъект перемещается между категориями риска на основе так называемого «репутационного статуса», фиксируемого в «досье проверяемого субъекта» на портале Ространснадзора[5].

Понятийный аппарат как система: центральные, основные и специальные категории

Понятийный аппарат контрольно-надзорной деятельности на транспорте представляет собой структурированную целостность, подчиненную системным принципам: целостности, иерархичности, взаимозависимости и структурности [4, с. 32]. В рамках этой системы можно выделить три уровня понятий:

1. Центральные категории: базовые, общие для всех видов транспортного контроля: контрольно-надзорное производство; транспортная безопасность[6]; обязательные требования (ст. 7 Федерального закона № 248-ФЗ); контрольно-надзорные мероприятия и действия; профилактика нарушений; устранимый/неустранимый деликт.

Эти понятия носят фундаментальный характер и должны быть закреплены в начале каждого положения о виде контроля, что на практике не реализовано [5, с. 98; 6, с. 275].

2. Основные термины – отраслевые, но межвидовые: стационарный пункт контроля; весовой и габаритный контроль; антитеррористическая защищенность; безопасная перевозка.

Они формируют понятийные ряды, характерные для транспортного надзора в целом, но редко встречающиеся в других сферах контроля.

3. Специальные термины – узкоспециализированные термины, характерные для конкретного вида транспорта: предполетный досмотр (в авиации); осмотр железнодорожных путей (железнодорожный транспорт); мониторинг состояния морского порта (морской транспорт); осмотр гидротехнических сооружений (внутренний водный транспорт).

Эти понятия должны раскрываться в соответствующих отраслевых законах: Уставе автомобильного транспорта[7], Водном кодексе Российской Федерации[8], Федеральном законе «О железнодорожном транспорте»[9], Авиационных правилах[10] и др. [7].

Проблемы нормативной неопределенности и дублирования полномочий

Одной из ключевых проблем остается нечеткость критериев категоризации объектов транспортной инфраструктуры. Согласно статье 6 Федерального закона № 16-ФЗ, объекты

[4] СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

[5] Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области транспортной безопасности : постановление Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2025 г. № 1380 // СЗ РФ. 2025. № 36. Ст. 5370.

[6] О транспортной безопасности : Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 837.

[7] Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта : Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // СЗ РФ. 2007. № 46. Ст. 5555.

[8] Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

[9] О железнодорожном транспорте в Российской Федерации : Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 169.

[10] Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей» : приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 82 (ред. от 25.12.2024) // Российская газета. 2007. 10 октября.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

подразделяются на категории в зависимости от уровня угрозы[11]. Однако, как нередко отмечается в литературе, критерии категоризации разработаны недостаточно дифференцированно, прежде всего в отношении особых объектов, например, гидротехнических сооружений на внутреннем водном транспорте [8; 9].

Кроме того, разграничение полномочий между Федеральной службой по надзору в сфере транспорта (Ространснадзором), Министерством внутренних дел Российской Федерации (МВД России), Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) и Федеральным агентством воздушного транспорта (Росавиацией) остается источником правоприменительных коллизий. Например, Ространснадзор не осуществляет контроль в сфере безопасности дорожного движения (это полномочие МВД России[12]), а также не контролирует маломерные суда (компетенция МЧС России[13]). В то же время Положение о федеральном контроле в области безопасности дорожного движения[14] создает иллюзию единого режима, хотя на самом деле действуют разные правовые режимы – общий (предусмотренный и регулируемый нормами Федерального закона № 248-ФЗ[15]) и специальный (определяемый требованиями Федерального закона № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»[16]). Эмпирическим подтверждением указанной коллизии служит, в частности, судебная практика по делам о разграничении полномочий при осуществлении весогабаритного контроля[17], определении объектов категорирования и обеспечения безопасности[18] и др.

Кроме этого, следует отметить отсутствие единого перечня функций контрольно-надзорных органов, что приводит к расширительному толкованию полномочий. Как отмечается в научной литературе, чем шире формулировка компетенции, тем выше риск произвола [10–12]. В связи с этим было бы целесообразно закрепить закрытый перечень функций Ространснадзора. Подобная модель с определенной долей успеха реализуется в рамках международной программы Better Regulation Agenda[19].

Профилактическая модель контроля и ее правовое обеспечение

Ранее действовавшим постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 1051 впервые были введены профилактические мероприятия в сфере транспортной безопасности: информирование; консультирование; обобщение практики; предостережение; самообследование; профилактический визит[20]. Это, в целом, соответствует международным тенденциям, в частности, подходу, согласно которому контроль должен быть ориентирован на предотвращение, а не на наказание [13–15].

Однако механизм предостережения, например, до сегодняшнего дня остается недостаточно регламентированным. В частности, не определены сроки, форма, последствия игнорирования предостережения.

---

[11] О транспортной безопасности : Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 837.

[12] Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения : приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264 (зарег. в Минюсте России 30.06.2023, № 74087) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306300035 (дата обращения: 04.10.2025).

[13] О безопасности людей на водных объектах : Федеральный закон от 3 февраля 2025 г. № 4-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 6. Ст. 407.

[14] Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 1101 (ред. от 03.11.2023) // СЗ РФ. 2021. № 28 (ч. II). Ст. 5531.

[15] СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

[16] О безопасности дорожного движения : Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

[17] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2025 г. № 49-АД25-41-К6 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. URL: http://sudact.ru/vsrf/doc/PG7WFpiFWA5H/ (дата обращения: 27.05.2025).

[18] Решение Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2023 г. по делу № АКПИ23-123 // Там же. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/KkU7lrB1FR68/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=%D0%90%D0%9A%D0%9F%D0%9823-123+&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=19.04.2023&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1784712569927 (дата обращения: 27.05.2025).

[19] OECD. Regulatory Policy Outlook 2021. Paris : OECD Publishing, 2021. 301 p. https://doi.org/10.1787/38b0fdb1-en

[20] Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области транспортной безопасности и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 1051 (ред. от 07.02.2025) // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. III). Ст. 5429. Документ утратил силу.

Кроме того, отсутствует нормативное закрепление института «досье субъекта», хотя он активно используется на практике через портал Ространснадзора. Это создает риски нарушения права на защиту персональных данных и принципа презумпции добросовестности. Для устранения данного пробела предлагается внедрить трехуровневую модель баланса прозрачности контроля и конфиденциальности.

1. *Принцип минимизации и целевого ограничения.* В досье включаются исключительно сведения, непосредственно влияющие на оценку риска и предусмотренные исчерпывающим перечнем, утверждаемым Правительством Российской Федерации. Обработка данных без законных оснований или для целей, не связанных с осуществлением контроля, запрещается (в соответствии с ч. 1 ст. 5, ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 152-ФЗ[21]).

2. *Дифференцированный доступ.* Целесообразно законодательно закрепить три уровня доступа к сведениям досье:

а) полный доступ – для уполномоченных контрольно-надзорных органов (в целях риск-аналитики и планирования мероприятий);

б) агрегированный/обезличенный доступ – для публичных реестров и аналитических платформ (исключение прямых идентификаторов юридического или физического лица);

в) персональный доступ субъекта – через защищенный личный кабинет с возможностью ознакомления, внесения пояснений и направления запросов на корректировку сведений.

3. *Процедурные и технические гарантии.* Введение обязательного уведомления субъекта о внесении сведений в досье, установление предельных сроков хранения данных (с автоматическим обезличиванием или удалением по истечении установленного периода), ведение неизменяемого журнала обращений и право на обжалование решений, основанных на данных досье, в административном или судебном порядке. Техническая реализация должна предусматривать хеширование идентифицирующих данных, ролевую модель доступа и регулярный независимый аудит со стороны Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзора) и органов прокуратуры.

Закрепление данной модели возможно путем внесения изменений в ст. 10.1 Федерального закона № 248-ФЗ[22] или принятия отдельного постановления Правительства Российской Федерации, устанавливающего единые правила формирования, ведения и использования досье проверяемого субъекта в транспортной сфере.

Результаты

На основе проведенного анализа были сформулированы следующие выводы и рекомендации.

Во-первых, необходимо унифицировать понятийный аппарат контрольно-надзорной деятельности на транспорте путем включения в каждый нормативный правовой акт, регламентирующий вид транспорта, отдельной главы о контроле с определениями основных категорий, на которые он распространяется.

Во-вторых, специальные термины должны быть включены в отраслевое законодательство (уставы, кодексы, правила), а не в руководства по соблюдению обязательных требований, которые носят рекомендательный характер и, как правило, установлены ведомственными нормативными актами. Подобный подход, с одной стороны, повысит качество общеобязательности нормативного предписания, а с другой – обеспечит точность, понятность, адресность и удобство обращения с нормативным актом для правоприменителя.

В-третьих, требуется уточнение критериев категоризации объектов транспортной инфраструктуры с учетом специфики каждого вида транспорта, включая разработку методических рекомендаций реализации нормативных требований (как с примером о гидротехнических сооружениях).

В-четвертых, следует закрепить закрытый перечень функций Ространснадзора и иных контрольно-надзорных органов, исключив возможность расширительного толкования полномочий.

В-пятых, институт профилактического контроля нуждается в детальной регламентации: определении правовых последствий предостережения, порядка ведения «досье субъекта», условий перехода из одной категории риска в другую. Целесообразно внедрить единый классификатор контрольно-надзорных мероприятий, аналогичный Единому перечню проверок, но с учетом специфики транспорта. Кроме того, утвердить трехуровневую модель доступа к досье, обеспечивающую баланс между прозрачностью надзора и защитой персональных

[21] О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

[22] СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

данных субъекта. Указанная модель должна быть закреплена на уровне федерального законодательства с исчерпывающим перечнем обрабатываемых сведений, сроками хранения, процедурами уведомления и обжалования, а также техническими требованиями к информационной безопасности.

Все обозначенные и иные меры, вероятно, позволят повысить правовую определенность, снизить административную нагрузку на бизнес и усилить профилактическую направленность контроля.

Заключение

Понятийный аппарат контрольно-надзорного производства на транспорте – это не просто совокупность терминов, а сложная правовая система, отражающая баланс между государственным регулированием и правами субъектов транспортной деятельности. Его совершенствование является необходимым условием реализации конституционных принципов правового государства, юридической определенности и справедливости.

Современная правовая реальность демонстрирует разрыв между декларируемыми целями реформы контроля (сокращение бюрократии, акцент на рисках, профилактика) и практической реализацией, обусловленной терминологической несогласованностью, дублированием полномочий и отсутствием четкой иерархии понятий.

Только системный подход – с выделением центральных, основных и специальных категорий, закреплением их в соответствующих нормативных актах и обеспечением их взаимной согласованности – позволит создать эффективную, предсказуемую и справедливую модель контрольно-надзорной деятельности на транспорте.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку типового положения о контрольно-надзорном производстве на транспорте, унифицирующего подходы по всем видам транспорта, а также на создание национального стандарта терминологии в сфере транспортного надзора.

Список источников

1. *Киричек Е. В.* О роли Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении принципа правовой определенности и значении его правовых позиций в свете конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 58–61. https://doi.org/ 10.18572/1812-3767-2021-12-58-61

2. *Черников В. В.* Федеральный государственный контроль (надзор) в сфере транспорта: теоретические и организационно-правовые вопросы // Административное право и процесс. 2025. № 4. С. 38–43. https://doi.org /10.18572/2071-1166-2025-4-38-43

3. *Стахов А. И.* Контрольно-надзорная деятельность публичной администрации и административного судопроизводства по делам, возникающим из контрольно-надзорных правоотношений // Российское правосудие. 2022. № 11. С. 109–112.

4. *Алексеев С. С.* Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Бек, 1995. 311 с.

5. *Репьев А. Г.* Теоретическая концепция формирования законодательства в сфере легкового такси: классические подходы унификации и экспериментальные методики // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 93–101. https://doi.org/10.24412/2072-9391-2025-375-93-101

6. *Ульянов А. Д., Жаглин А. В.* Административно-правовые методы в сфере государственного управления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 2 (44). С. 270–277. https://doi.org/10.37973/KUI.2021.21.77.018

7. *Репьев А. Г.* Теория унификации транспортного права: возможные модели и технико-юридические сложности // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 29–34.

8. *Дмитриев С. Н.* Проблемы обеспечения транспортной безопасности портовой инфраструктуры / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Международной научно-практической конференции, г. Новороссийск, 20–21 сентября 2012 г. Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2012. С. 284–292.

9. *Равнюшкин А. В.* Риск-ориентированный подход при осуществлении государственного надзора (контроля), осуществляемого территориальными органами МВД России: вопрос расширения сферы его применения // Административное право и процесс. 2018. № 11. С. 20–24.

10. *Хабриева Т. Я, Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102. https://doi.org/10.12737/art_2018_1_7

11. *Макарейко Н. В.* Проблемы правовой определенности административной ответственности // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 268–273. https://doi.org/10.20310/2658-5383-2021-4-268-273

12. *Старилов Ю. Н.* Административное право как средство разрушения «Синдрома бесправия» в современном правовом государстве // Журнал российского права. 2005. № 4 (100). С. 29–45.

13. *Диканова Т. А., Изгагина Т. Ю.* О прокурорском надзоре за исполнением экологического законодательства на транспорте // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 2 (135). С. 176–189. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.176-189

14. *Маккамбаев П. А.* Административно-правовые меры в системе обеспечения пограничной безопасности Республики Узбекистан // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 59–61. https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-10-59-61

15. *Скрынник А. М.* Государственный надзор за исполнением законодательства о морской безопасности, безопасности мореплавания и судоходства на внутренних водных путях // Транспортное право. 2008. № 3. С. 43–46.

References

1. *Kirichek E. V.* O roli Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii v obespechenii principa pravovoj opredelennosti i znachenii ego pravovyh pozicij v svete konstitucionnoj reformy // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 12. S. 58–61. https://doi.org/ 10.18572/1812-3767-2021-12-58-61

2. *Chernikov V. V.* Federal'nyj gosudarstvennyj kontrol' (nadzor) v sfere transporta: teoreticheskie i organizacionno-pravovye voprosy // Administrativnoe pravo i process. 2025. № 4. S. 38–43. https://doi.org/10.18572/2071-1166-2025-4-38-43

3. *Stahov A. I.* Kontrol'no-nadzornaya deyatel'nost' publichnoj administracii i administrativnogo sudoproizvodstva po delam, voznikayushchim iz kontrol'no-nadzornyh pravootnoshenij // Rossijskoe pravosudie. 2022. № 11. S. 109–112.

4. *Alekseev S. S.* Teoriya prava. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Bek, 1995. 311 s.

5. *Rep'ev A. G.* Teoreticheskaya koncepciya formirovaniya zakonodatel'stva v sfere legkovogo taksi: klassicheskie podhody unifikacii i eksperimental'nye metodiki // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2025. № 3 (75). S. 93–101. https://doi.org/10.24412/2072-9391-2025-375-93-101

6. *Ul'yanov A. D., Zhaglin A. V.* Administrativno-pravovye metody v sfere gosudarstvennogo upravleniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 12, № 2 (44). S. 270–277. https://doi.org/10.37973/KUI.2021.21.77.018

7. *Rep'ev A. G.* Teoriya unifikacii transportnogo prava: vozmozhnye modeli i tekhniko-yuridicheskie slozhnosti // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2025. № 2 (50). S. 29–34.

8. *Dmitriev S. N.* Problemy obespecheniya transportnoj bezopasnosti portovoj infrastruktury / Aktual'nye problemy prava i pravoprimenitel'noj deyatel'nosti na sovremennom etape : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Novorossijsk, 20–21 sentyabrya 2012 g. Krasnodar : Izdatel'skij Dom – Yug, 2012. S. 284–292.

9. *Ravnyushkin A. V.* Risk-orientirovannyj podhod pri osushchestvlenii gosudarstvennogo nadzora (kontrolya), osushchestvlyaemogo territorial'nymi organami MVD Rossii: vopros rasshireniya sfery ego primeneniya // Administrativnoe pravo i process. 2018. № 11. S. 20–24.

10. *Habrieva T. Ya, Chernogor N. N.* Pravo v usloviyah cifrovoj real'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 1 (253). S. 85–102. https://doi.org/10.12737/art_2018_1_7

11. *Makarejko N. V.* Problemy pravovoj opredelennosti administrativnoj otvetstvennosti // Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya. 2021. № 4. S. 268–273. https://doi.org/10.20310/2658-5383-2021-4-268-273

12. *Starilov Yu. N.* Administrativnoe pravo kak sredstvo razrusheniya «Sindroma bespraviya» v sovremennom pravovom gosudarstve // Zhurnal rossijskogo prava. 2005. № 4 (100). S. 29–45.

13. *Dikanova T. A., Izgagina T. Yu.* O prokurorskom nadzore za ispolneniem ekologicheskogo zakonodatel'stva na transporte // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. T. 17, № 2 (135). S. 176–189. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.176-189

14. *Makkambaev P. A.* Administrativno-pravovye mery v sisteme obespecheniya pogranichnoj bezopasnosti Respubliki Uzbekistan // Administrativnoe pravo i process. 2021. № 10. S. 59–61. https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-10-59-61

15. *Skrynnik A. M.* Gosudarstvennyj nadzor za ispolneniem zakonodatel'stva o morskoj bezopasnosti, bezopasnosti moreplavaniya i sudohodstva na vnutrennih vodnyh putyah // Transportnoe pravo. 2008. № 3. S. 43–46.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья

УДК 342.41

Эволюция конституционных гарантий прав и свобод трудящихся в России: историко-правовой анализ

Юлия Алексеевна Прокопчик

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
yu.devyaterikova@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0007-9374-7144

Аннотация:
Введение. *Конституционные гарантии прав трудящихся составляют основу социального правового государства, их содержание и механизмы реализации существенно трансформировались на протяжении российской истории. Актуальность историко-правового анализа эволюции конституционного закрепления этих прав обусловлена конституционной реформой 2020 года, внесшей определенные изменения в регулирование социально-трудовых прав – конституционный законодатель посчитал одной из основ федеративных отношений такую новацию, как «уважение человека труда», а также современными вызовами – развитием нетипичных форм занятости и цифровизацией трудовых отношений. Проблема исследования заключается в существовании на протяжении всей истории России разрыва между конституционным закреплением прав трудящихся и механизмами их практической реализации. В частности, ежегодные доклады Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации фиксируют устойчивое поступление обращений по вопросам защиты трудовых прав, что подтверждает не только нормативный, но и практический характер рассматриваемой проблемы. Цель работы – выявить основные этапы эволюции конституционных гарантий прав трудящихся в России, определить специфику и противоречия каждого периода, проследить трансформацию от советской модели к современному конституционному регулированию.* **Методы.** *В работе использованы историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования. Проведен анализ конституционных норм различных исторических периодов, трудового законодательства и научной литературы.* **Результаты.** *Выявлены ключевые особенности и противоречия в закреплении трудовых прав на разных исторических этапах. Установлено, что советские конституции рассматривали труд преимущественно как всеобщую обязанность, современное конституционное регулирование базируется на принципах свободы труда, социального партнерства и индивидуализации трудовых отношений. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования механизмов реализации и защиты конституционных трудовых прав как предпосылки устойчивого развития и построения социального правового государства в России.*

Ключевые слова:
трудовые права и свободы, социальные гарантии, историко-правовой анализ, советские конституции, социально-экономические права, механизмы реализации прав, правовое государство

Для цитирования:
Прокопчик Ю. А. Эволюция конституционных гарантий прав и свобод трудящихся в России: историко-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 119–130.

Статья поступила в редакцию 09.03.2026; одобрена после рецензирования 31.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

Original article

The evolution of constitutional guarantees of workers' rights and freedoms in Russia: a historical and legal analysis

Julia A. Prokopchik

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
yu.devyaterikova@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0007-9374-7144

© Прокопчик Ю. А., 2026

Abstract:
Introduction. *Constitutional guarantees of workers' rights and freedoms form the foundation of the rule-of-law state, and their effective implementation ensures social stability, since "labour is the prime basic condition of all human existence". The relevance of a historical and legal analysis of the evolution of the constitutional entrenchment of these rights is determined by the 2020 constitutional reform, which introduced certain changes to the regulation of social and labour rights – the constitutional legislator regarded such an innovation as "respect for the working person" as one of the foundations of federal relations – as well as by contemporary challenges, including the development of atypical forms of employment and the digitalisation of labour relations. The research problem lies in the gap that has existed throughout Russia's history between the constitutional entrenchment of workers' rights and the mechanisms for their practical implementation. In particular, the annual reports of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation record a consistently high number of complaints concerning the protection of labour rights, which confirms that the problem under consideration is not only regulatory but also practical in nature. The aim of this study is to identify the main stages in the evolution of constitutional guarantees of workers' rights in Russia, to determine the specific features and contradictions of each period, and to trace the transformation from the Soviet model to modern constitutional regulation.* **Methods.** *The study employs historical and legal, formal legal, and comparative legal research methods. It analyses constitutional provisions from different historical periods, labour legislation, and academic literature.* **Results.** *The key features and contradictions in the entrenchment of labour rights at different historical stages have been identified. It has been established that the Soviet constitutions viewed labour primarily as a universal obligation, whereas modern constitutional regulation is based on the principles of freedom of labour and social partnership, as well as on a trend towards the individualisation of labour relations. The study substantiates the need for further improvement of the mechanisms for implementing and protecting constitutional labour rights as a prerequisite for sustainable development and the establishment of a social rule-of-law state in Russia.*

Keywords:
labour rights and freedoms, social guarantees, historical and legal analysis, Soviet constitutions, socio-economic rights, mechanisms for implementing rights, rule-of-law state

For citation:
Prokopchik Ju. A. The evolution of constitutional guarantees of workers' rights and freedoms in Russia: a historical and legal analysis // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 119–130.

**The article was submitted March 9, 2026;
approved after reviewing July 31, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Конституционные гарантии прав и свобод трудящихся являются фундаментом правового государства, их эффективная реализация обеспечивает социальную стабильность общества, поскольку «труд – есть первое основное условие человеческого существования» [1, с. 48], чем и обусловлена высокая актуальность историко-правового анализа эволюции их конституционного закрепления. Как отмечает С. А. Осетров, конституционное закрепление прав человека в сфере труда и занятости характеризуется определенной преемственностью и основывается на историческом опыте [2, с. 21].

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Как пишет П. Е. Морозов, в условиях развития социального государства и правовой системы проблемы обеспечения и защиты прав трудящихся приобретают особую значимость[3]. Кроме того, конституционная реформа 2020 года внесла существенные изменения в регулирование социально-трудовых прав, что требует научного осмысления. Наконец, современные вызовы – развитие нетипичных форм занятости, цифровизация трудовых отношений, необходимость баланса между гибкостью рынка труда и защитой прав работников – выводят на передний план задачу совершенствования механизмов реализации конституционных гарантий.

Научная новизна исследования заключается в комплексном диахроническом анализе конституционного регулирования прав трудящихся на всех этапах российской истории – от первых советских конституций до современного периода, включая конституционную реформу 2020 года. В работе выявляются не только формальные изменения конституционных норм, но и противоречия между декларируемыми правами и механизмами их реализации на каждом историческом этапе.

Различные аспекты конституционных гарантий трудовых прав рассматривались в работах П. Е. Морозова, К. В. Иванова [3], А. М. Лушникова и М. В. Лушниковой [4] и других исследователей. Однако комплексный историко-правовой анализ всего периода от 1918 года до настоящего времени с акцентом на дискуссионные моменты и противоречия каждого этапа остается недостаточно разработанным.

Ключевая проблема исследования заключается в существовании на протяжении всей истории России разрыва между конституционным закреплением прав трудящихся и механизмами их практической реализации, причем характер этого разрыва менялся в зависимости от политико-экономической системы. В настоящее время, как отмечает И. В. Тимонина, также «заметен разрыв между установленными гарантиями трудовых прав и имеющимися возможностями

[3] Морозов П. Е. Современные тенденции развития зарубежного трудового права в условиях глобализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2012. С. 30.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

трудящихся по их реализации» [5, с. 188]. Величина и характер данного разрыва проявляются в разные исторические периоды неодинаково. В советский период он заключался прежде всего в несоответствии между широкими конституционными декларациями и административно-командными механизмами регулирования труда. Так, право на социальное обеспечение первоначально распространялось не универсально: в 1930 году право на пенсию по старости было установлено лишь для рабочих отдельных отраслей – горной, металлургической, железнодорожного и водного транспорта [6, с. 117]. В постсоветский период разрыв приобрел иные формы. В условиях экономического кризиса 1990-х гг. массовый характер приобрели задержки заработной платы, вынужденная неполная занятость, незаконные увольнения, что обусловило значительный рост обращений работников в суды и органы государственного надзора. В современной России проблема сохраняется в виде устойчивого количества жалоб на нарушение трудовых прав, фиксируемых в ежегодных докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, а также в материалах Федеральной службы по труду и занятости и судебной практики по трудовым спорам.

Цель исследования – выявить основные этапы эволюции конституционных гарантий прав и свобод трудящихся в России, определить специфику и противоречия каждого периода, проследить трансформацию подходов от советской модели к современному конституционному регулированию.

Задачи исследования:

1) проанализировать конституционное закрепление прав трудящихся в советский период (конституции РСФСР 1918 года[4], СССР 1924[5], 1936[6], 1977 гг.[7]);

2) выявить противоречия между декларируемыми конституционными правами и реальными механизмами их реализации на каждом историческом этапе;

3) исследовать качественные изменения в конституционном регулировании трудовых прав после принятия Конституции Российской Федерации 1993 года[8];

4) оценить значение конституционной реформы 2020 года для развития гарантий социально-трудовых прав;

5) определить основные тенденции и перспективы развития конституционного регулирования прав трудящихся в России.

Методы

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. Историко-правовой метод применялся для изучения эволюции конституционного закрепления прав трудящихся в хронологической последовательности, начиная с Конституции РСФСР 1918 года и заканчивая конституционными поправками 2020 года. Данный метод позволил проследить преемственность и разрывы в правовом регулировании на различных исторических этапах.

Сравнительно-правовой метод использовался для выявления сходства и различий в подходах к конституционному регулированию трудовых прав в советский и постсоветский периоды, а также для сопоставления конституционных норм разных периодов между собой.

Формально-юридический метод применялся для анализа текстов конституций, выявления юридического содержания конституционных норм, определения их структуры и иерархии. С помощью этого метода исследовались конкретные статьи конституций, закрепляющие права трудящихся.

Системный метод позволил рассмотреть конституционные гарантии трудовых прав как элемент целостной правовой системы, во взаимосвязи с политическими, экономическими и социальными факторами каждого исторического периода.

---

[4] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 51.

[5] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 81. Ст. 782.

[6] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. № 283.

[7] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[8] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 28.02.2026).

Метод критического анализа использовался для выявления противоречий между конституционными декларациями и практической реализацией прав трудящихся.

Материалом исследования послужили тексты конституций РСФСР 1918 года, СССР 1924, 1936, 1977 годов, Конституция Российской Федерации 1993 года (с учетом поправок 2020 года)[9], а также научная литература по истории конституционного права, трудового права и истории СССР.

База источников включала: первичные источники – тексты конституций; научные монографии и статьи, посвященные проблемам конституционного регулирования трудовых прав; исторические исследования, характеризующие социально-экономический контекст различных периодов. Исследование проводилось путем последовательного анализа конституционных норм каждого исторического периода с выявлением их содержания, идеологических оснований и практических противоречий. Особое внимание уделялось дискуссионным моментам, отмеченным в научной литературе.

Результаты

В дореволюционной России правовое положение трудящихся регулировалось нормами гражданского и фабричного законодательства. Как обобщает С. Р. Глазунов, на правовой основе были регламентированы такие важные аспекты трудовых отношений в крупной промышленности, как условия работы детей (1882, 1884, 1890), женщин и подростков (1885, 1890), заключение трудового договора, регламентация заработной платы и штрафов с рабочих (1886), продолжительность рабочего дня (1897), социальное страхование (1903, 1912) [7, с. 143]. Коренной перелом произошел после Октябрьской революции 1917 года. По словам О. И. Чистякова, Октябрьская революция, покончив с феодальными пережитками, положила начало ликвидации капиталистических отношений, которые нельзя было устранить сразу[10]. Советское государство провозгласило широкие социально-экономические права трудящихся. Конституции СССР 1936 и 1977 гг. закрепили гарантии права на труд, отдых, социальное обеспечение. Новый этап развития конституционных гарантий трудовых прав начался в постсоветской России. Конституция Российской Федерации 1993 года ввела международные стандарты в области прав человека, провозгласила свободу труда, запрет принудительного труда, право на забастовку и другие важнейшие трудовые права.

Итак, Конституция РСФСР 1918 года стала первым в истории России основным законом, закрепившим широкий круг социально-экономических прав граждан. С. А. Авакьян дал ей следующую оценку: «Конституция РСФСР 1918 г. была, естественно, продуктом своей эпохи и служила возникшему в России строю, оформляла его. С одной стороны, она зафиксировала то, что существовало на практике, с другой – была нацелена на будущее, т. е. предполагала расширение на ее основе социалистических общественных отношений» [8, с. 204]. Согласно статье 3 «основная задача рассчитанной на настоящий переходный период Конституции РСФСР заключается в установлении диктатуры трудящихся в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии»[11]. Согласно конституции, высшей формой власти объявлялись Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, провозглашался принцип демократического централизма построения системы Советов. Конституция установила национализацию земли, промышленных предприятий, транспорта и банков, фактически упразднив частную собственность и введя элементы плановой экономики. Основной закон гарантировал всеобщее избирательное право с 18 лет, одновременно лишая избирательных прав эксплуататорские элементы. Декларировались отделение церкви от государства и школы от церкви, а также свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды.

В сфере трудовых прав подтверждалось введение восьмичасового рабочего дня, права на социальное обеспечение трудящихся, равной оплаты за равный труд. Конституция закрепила равноправие мужчин и женщин в трудовых и социально-политических правах. За республиками в составе РСФСР признавалось право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Таким образом, Конституция РСФСР 1918 года заложила основы Советского государства, основанного на диктатуре пролетариата, общественной собственности, равенстве полов и национальностей.

---

[9] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 31.03.2026).

[10] Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 г. : учебное пособие. 2-е изд., перераб. Москва : Зерцало-М, 2003. С. 118.

[11] Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 51.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Конституция СССР 1924 года стала логическим развитием положений Конституции РСФСР 1918 года, распространив закрепленные в ней права трудящихся на масштабы всего Советского Союза. В частности, статья 5 Конституции 1924 года провозглашала свободу слова, печати, собраний и союзов для трудящихся. При этом гарантировалось «фактическое обеспечение за счет государства как материальной базы, так и свободного времени для проведения собраний, митингов, шествий»[12]. Основной особенностью регулирования прав граждан в Конституции был ярко выраженный классовый подход. Права и свободы предоставлялись именно трудящимся как господствующему классу, в то время как эксплуататорские элементы (буржуазия, духовенство и пр.) фактически лишались политических прав. Таким образом, конституционное законодательство было ориентировано на обеспечение диктатуры пролетариата и построение социалистического общества.

Следует отметить, что особенности регулирования прав трудящихся в Конституции 1924 года во многом определялись политической и экономической ситуацией того времени. Советское государство находилось на начальном этапе своего развития, когда требовалась мобилизация всех ресурсов для восстановления народного хозяйства и индустриализации страны. В этих условиях ограничения прав отдельных категорий граждан рассматривались как необходимая мера для обеспечения быстрых темпов социалистического строительства. Конституция заложила основы системы социалистической демократии, в которой важную роль играли трудовые коллективы и профсоюзы[13]. Именно они рассматривались как опора советской власти и инструменты вовлечения трудящихся в управление государством и производством. Профсоюзы получили широкие полномочия в сфере защиты социально-экономических прав рабочих и служащих, контроля за соблюдением трудового законодательства, участия в планировании народного хозяйства.

В целом, Конституция СССР 1924 года отразила особенности переходного периода от капитализма к социализму, закрепив классовый подход в регулировании прав граждан и ориентацию на диктатуру пролетариата. Она заложила конституционные основы советской политической и экономической системы, в которой ключевую роль играли трудовые коллективы и общественные организации трудящихся. Вместе с тем, реализация прав и свобод на практике во многом ограничивалась политической целесообразностью и приоритетами социалистического строительства. Ключевым дискуссионным моментом данного периода является соотношение декларируемых в конституциях прав трудящихся и реального положения рабочего класса. С одной стороны, конституции закрепляли широкий перечень социально-экономических гарантий, с другой – многие из них носили формальный характер и не были подкреплены надежными механизмами реализации. Л. Е. Лаптева приводит следующий факт: в 1930 году было установлено право на пенсию по старости рабочим, но только горной, металлургической и некоторых других отраслей, а также железнодорожного и водного транспорта [6, с. 117]. Проблемным являлся вопрос о месте и роли профсоюзов в системе советской демократии. Формально они наделялись значительными полномочиями, но фактически действовали под партийным контролем.

Конституция СССР 1936 года (так называемая «сталинская») закрепила достаточно обширный перечень социально-экономических прав граждан, причем уже без акцента на «трудящихся»:

– право на труд (ст. 118);

– право на отдых (ст. 119);

– право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности (ст. 120)[14].

Следует отметить, что конституционное регулирование труда в СССР базировалось на специфических идеологических основах. Труд рассматривался не только как право, но и как обязанность каждого гражданина, вытекающая из социалистического принципа «от каждого по способностям, каждому – по труду». Цитата И. В. Сталина о том, что социалистическое соревнование превращает труд «в дело чести, дело славы, дело доблести и геройства»[15] – становится известным советским лозунгом. Таким образом, участие в общественном производстве становилось не только экономической, но и политико-идеологической необходимостью.

[12] Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 81. Ст. 782.

[13] Юлин Б. В. Самая демократическая, самая советская. К 100-летию Конституции 1924 года // Литературная газета. 2024. 1 февраля.

[14] Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. № 283.

[15] Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) : Доклад и заключительное слово 27 июня – 2 июля 1930 г. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1930. С. 104–105.

Следует подчеркнуть, что провозглашенная Конституцией 1936 года «обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина» зачастую реализовывалась посредством принудительного труда и ограничения трудовой мобильности. Колхозники фактически были прикреплены к земле и не имели паспортов. Рабочие не могли самостоятельно менять место работы, а прогулы и опоздания рассматривались как уголовные преступления. Широко использовался труд заключенных Главного управления исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГа) [9, с. 71]. По данным историко-правовых исследований, в 1930–1940-е гг. труд заключенных стал значимым элементом хозяйственной системы, особенно в строительстве, добывающей промышленности и инфраструктурных проектах [10, с. 375]. Это обстоятельство особенно ярко демонстрирует противоречие между конституционным провозглашением права на труд и фактическим использованием принудительных форм трудовой мобилизации. Кроме того, ограничения паспортного режима для колхозников и уголовно-правовые меры воздействия за нарушение трудовой дисциплины свидетельствовали о том, что трудовая деятельность рассматривалась не столько как свободно реализуемое право, сколько как обязанность, обеспечиваемая административными и репрессивными средствами. Конституция называлась «самой демократической в мире», однако положение трудящихся определялось директивами партийно-государственного аппарата [3, с. 326].

Резюмируя сказанное, отметим, что конституционное регулирование труда по Конституции 1936 года отличалось существенными противоречиями: с одной стороны, основной закон СССР закрепил широкий перечень социально-экономических прав трудящихся, однако с другой – отсутствовали реальные механизмы и гарантии их реализации. Идеологические основы конституции рассматривали труд как почетную обязанность, что на практике приводило к принудительному труду и ограничению трудовой мобильности. Эти противоречия отражали особенности социалистической модели, сложившейся в СССР в 1930-е гг.

Конституция СССР 1977 года[16], принятая в период «развитого социализма», отразила новый этап в развитии советского государства и права. Обращая внимание на изменения в экономическом секторе, стоит отметить, что предыдущая редакция Конституции подразумевала ликвидацию капитализма и частной собственности. Как отмечает А. А. Михайлик, к периоду принятия Конституции СССР 1977 года в советской экономике усиливались процессы, связанные с развитием товарно-денежных отношений и поиском более эффективных форм хозяйственного управления [11, с. 22]. Вместе с тем данные процессы не следует отождествлять с зарождением рыночной экономики в собственном смысле, поскольку экономическая система СССР сохраняла плановый, административно-командный характер. Более корректно говорить о попытках совершенствования хозяйственного механизма в рамках социалистической модели, включая расширение самостоятельности предприятий, использование экономических стимулов и повышение значения стоимостных показателей. Концепция «развитого социализма» предполагала, что в СССР были построены основы социализма, и страна вступила в новую фазу своего развития на пути к коммунизму. Эти идеологические установки нашли отражение в конституционных нормах, регулирующих социально-экономические права граждан. Конституция существенно расширила перечень социальных и культурных прав трудящихся по сравнению с предыдущими советскими конституциями. В Основном законе были зафиксированы:

– право на охрану здоровья (ст. 42);
– право на жилище (ст. 44);
– право на пользование достижениями культуры (ст. 46);
– право на творческую деятельность (ст. 47) и др.[17]

Государство брало на себя широкие социальные обязательства, провозглашая заботу о человеке как высшую цель общественного производства. В развитие конституционных норм в 1970-е гг. была проведена кодификация трудового законодательства. В 1970 году приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде[18], а в 1971 году – республиканские кодексы законов о труде[19]. Они детально регламентировали вопросы трудового договора, рабочего времени и времени отдыха, охраны труда, трудовой дисциплины. Трудовое законодательство этого периода отличалось высокой степенью централизации и императивным характером норм.

[16] Ведомости СНД и ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[17] Там же.

[18] Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде : Закон СССР от 15 июля 1970 г. № 2-VIII (ред. от 22.05.1990) // Ведомости ВС СССР. 1970. № 29. Ст. 265. Утратил силу.

[19] Например, Кодекс законов о труде Российской Федерации (утв. ВС РСФСР 09.12.1971) (ред. от 10.07.2001) // Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007. Утратил силу.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Вместе с тем практическая реализация конституционных прав трудящихся сталкивалась с рядом проблем. Как пишет К. В. Иванов, к концу 1970-х – началу 1980-х гг. все более очевидным становился кризис советской системы социального обеспечения [3, с. 302]. Размеры пенсий и пособий отставали от роста цен и не обеспечивали достойного уровня жизни. Качество бесплатного здравоохранения и образования снижалось. Обострялась жилищная проблема. Провозглашенные конституцией социальные права не получали полноценной реализации, что вело к нарастанию социальной напряженности.

Таким образом, конституционное регулирование социально-трудовых прав по Конституции 1977 года отразило особенности этапа «развитого социализма» в СССР. Оно характеризовалось расширением перечня социальных гарантий, кодификацией трудового законодательства, но вместе с тем порождало диспропорции в оплате труда и кризиса социального обеспечения. Эти противоречия стали одним из факторов нарастания кризисных явлений в советском обществе в 1980-е гг.

Действующая Конституция России 1993 года знаменует переход к новой модели регулирования социально-трудовых прав граждан, основанной на преемственности советских конституционных норм[20]. Впервые появляются такие категории, как «достоинство личности», «свобода труда», «социальное партнерство». При этом государство гарантирует трудовые права и свободы наряду с признанием и защитой иных форм собственности. Одним из ключевых принципов конституционного регулирования труда в России стало закрепление свободы труда и запрета принудительного труда (ст. 37). Конституция исходит из добровольности трудовых отношений и недопустимости любых форм принуждения к труду, что создает конституционную основу для развития рыночных механизмов в сфере труда, повышения трудовой мобильности и конкуренции.

Важной новеллой Конституции стало закрепление системы социального партнерства как основы регулирования трудовых отношений (ст. 7). Социальное партнерство предполагает конструктивное взаимодействие работников, работодателей и государства в целях согласования интересов и разрешения трудовых конфликтов. Конституционное признание этого принципа открыло возможности для развития коллективно-договорного регулирования, института коллективных переговоров, участия работников в управлении организациями. Конституция 1993 года создала предпосылки для индивидуализации трудовых отношений, учета личностных особенностей и интересов работников. Современное конституционное регулирование труда ориентировано на обеспечение свободы и самореализации личности в сфере труда. Этому способствуют такие принципы, как свобода трудового договора, запрет дискриминации, право на справедливую оплату труда.

Вместе с тем практическая реализация конституционных трудовых прав в условиях переходной экономики 1990-х – начала 2000-х гг. столкнулась с серьезными проблемами. Экономический кризис, спад производства, безработица затрудняли обеспечение права на труд и достойную оплату. Получили распространение задержки выплаты заработной платы, «серые» трудовые схемы, нарушения охраны труда. Механизмы защиты трудовых прав, включая профсоюзы и трудовые инспекции, работали не всегда эффективно, что проявлялось в большом количестве индивидуальных трудовых споров, связанных с восстановлением на работе, взысканием заработной платы и компенсацией за вынужденный прогул. Для 1990-х гг. были характерны массовые обращения работников в суды по делам о незаконных увольнениях и невыплате заработной платы, что отражало слабость договорных и административных механизмов защиты трудовых прав в условиях переходной экономики. Как сообщает В. Н. Соловьев, за 1999 год всего суды рассмотрели около 889 тыс. трудовых споров с вынесением решений, из них примерно 855 тыс. – по вопросам оплаты труда, и около 47 тыс. – по спорам о восстановлении на работе [12, с. 170]. Особенно остро проблема стояла в бюджетной сфере, промышленности и на предприятиях, переживавших приватизацию или реорганизацию. Таким образом, конституционное закрепление свободы труда и права на вознаграждение за труд без какой-либо дискриминации вступало в противоречие с реальной социально-экономической ситуацией, когда работник нередко был вынужден защищать базовые трудовые гарантии в судебном порядке.

Таким образом, Конституция России 1993 года заложила качественно новые основы регулирования социально-трудовых прав, базирующиеся на принципах свободы труда, социального партнерства, индивидуализации трудовых отношений. На главный дискуссионный момент современного периода – обеспечение баланса между гибкостью трудового законодательства и защитой прав работников в условиях рыночной экономики – обращают внимание А. М. Лушников и М. В. Лушникова [4, с. 33]. Актуальна проблема расширения сферы действия трудового права

[20] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 28.02.2026).

на различные формы нетипичной занятости. Эксперты отмечают трудности в применении механизмов социального партнерства, особенно на уровне малого и среднего бизнеса.

Заслуживают отдельного рассмотрения изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 году[21]. Вполне обоснованной представляется позиция Е. М. Якимовой и С. А. Барановой, согласно которой конституционная реформа 2020 года не только была вызвана происходящими в обществе процессами, но и стала драйвером изменения его политической, экономической и социальной сферы [13, с. 59]. Изменения существенно дополнили и конкретизировали положения о правах трудящихся и социальных гарантиях. Так, статья 75.1 закрепила, что «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность»[22]. Тем самым подчеркивается ценность человека труда, необходимость уважения его достоинства и прав. Это открывает новые возможности для коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, усиления роли профсоюзов и пр.

И. А. Умнова-Конюхова подчеркивает, что поправки в Конституцию 2020 г. усиливают дополнительные гарантии социальной защиты [14, с. 3-10]. Другие поправки 2020 года гарантировали минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума (ст. 75), обязали Правительство Российской Федерации обеспечивать реализацию принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений (ст. 114). Также на конституционном уровне закреплена обязательная индексация пенсий, социальных пособий и иных социальных выплат (ст. 75). Можно констатировать, что поправки 2020 года усилили социальную направленность Конституции и повысили статус социально-трудовых прав граждан. Как отмечает В. Д. Зорькин, ключевое значение этих поправок состоит в закреплении более высокого уровня гарантий социальных и экономических прав граждан, конкретизирующих конституционный принцип социального государства и «человекоцентристский характер правопонимания», заложенный в основу Конституции России[23]. Вместе с тем высказываются опасения, что новые конституционные нормы носят слишком общий и декларативный характер, не предусматривая конкретных механизмов реализации. В частности, формулировки ст. 75.1 носят расплывчатый характер, допускают различные толкования. Дискуссионным остается вопрос о практических гарантиях нового конституционного положения о том, что минимальный размер оплаты труда (далее – МРОТ) не может быть ниже прожиточного минимума[24].

Современная правоприменительная практика также показывает, что наличие конституционных гарантий не устраняет полностью проблему их фактической реализации. В числе наиболее распространенных нарушений трудовых прав в последние годы называются невыплата или задержка заработной платы, нарушение порядка увольнения, отказ в оформлении трудовых отношений, подмена трудового договора гражданско-правовым, нарушение требований охраны труда, а также трудности защиты прав работников при дистанционной, платформенной и иной нетипичной занятости. Эти проблемы подтверждаются ежегодными обращениями граждан к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, а также материалами контрольно-надзорной деятельности в сфере труда.

Особого внимания заслуживает динамика судебных трудовых споров в 2020–2025 гг. По имеющимся данным судебной и экспертной аналитики, в последние годы общее количество трудовых споров, поступающих в суды, имеет тенденцию к снижению: если в 2020 году было зарегистрировано около 252 тыс. таких дел, то только в первом полугодии 2025 года – примерно 57,7 тыс. [15, с. 199]. При сохранении подобной динамики показатель, вероятно, окажется вдвое ниже уровня 2020 года. Однако более показательной является трансформация структуры трудовых споров: наряду с традиционными делами о взыскании заработной платы и восстановлении на работе возрастает значение более сложных категорий, связанных с дистанционной работой, защитой персональных данных работников, материальной ответственностью работодателя, компенсацией морального вреда вследствие профессиональных увечий, а также пенсионными спорами. Следовательно, современный этап характеризуется не только количественным изменением судебной нагрузки, но и усложнением содержания трудовых конфликтов, что

[21] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 31.03.2026).

[22] Там же.

[23] Зорькин В. Д. Под знаком Основного Закона // Российская газета. 2020. 28 октября.

[24] Морозов П. Е. Указ. соч. С. 30.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

подтверждает сохранение разрыва между конституционными гарантиями труда и механизмами их практической реализации.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что конституционные гарантии трудовых прав не ограничиваются их формальным закреплением в тексте Основного закона, а предполагают обязанность законодателя и правоприменителя обеспечивать справедливый баланс интересов работника и работодателя, недопустимость дискриминации в сфере труда и реальную судебную защиту нарушенных прав. Так, в постановлениях, касающихся вопросов оплаты труда, Суд исходил из того, что дифференциация правового регулирования допустима лишь при наличии объективных и разумных критериев, связанных с характером труда, квалификацией работника, условиями выполнения трудовой функции и иными юридически значимыми обстоятельствами. Иное понимание противоречило бы конституционному принципу равенства и запрету дискриминации в сфере труда. Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 г. № 38-П была дана оценка вопросам соотношения минимального размера оплаты труда и компенсационных выплат[25]. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что районные коэффициенты и процентные надбавки за работу в особых климатических условиях не могут включаться в состав заработной платы при ее сопоставлении с МРОТ, поскольку такие выплаты имеют компенсационный характер и предназначены для возмещения повышенных затрат работника. Данная позиция имеет принципиальное значение для реализации конституционного права на вознаграждение за труд не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, поскольку исключает формальное соблюдение гарантии МРОТ за счет выплат, связанных с особыми условиями труда.

Другим примером является правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в постановлении от 15 марта 2005 г. № 3-П, в котором Суд рассматривал вопросы допустимости различий в правовом положении отдельных категорий работников[26]. Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что дифференциация трудовых прав и гарантий сама по себе не противоречит Конституции Российской Федерации, если она обусловлена объективными особенностями выполняемой работы, характером трудовой функции, условиями труда либо публично значимыми целями. Однако такая дифференциация не должна приводить к необоснованному ограничению трудовых прав, нарушению принципа равенства или дискриминации работников. Тем самым Суд фактически сформулировал критерий допустимости различий в регулировании трудовых отношений: они должны быть юридически обоснованными, соразмерными и не умалять сущности конституционных гарантий труда.

Итак, конституционная реформа 2020 года усилила нормативный уровень гарантий, однако эффективность новых положений зависит от развития конкретных механизмов контроля, судебной защиты, деятельности профсоюзов и реального социального партнерства. Судебная статистика последних лет показывает, что проблема реализации трудовых прав не исчезает, а меняет форму: при снижении общего количества трудовых дел возрастает значение более сложных и новых категорий споров, связанных с цифровизацией труда, дистанционной занятостью, персональными данными работников и ответственностью работодателя. Конституционная реформа 2020 года стала новым важным этапом в развитии гарантий социально-трудовых прав в России. Анализ поправок позволяет полнее и точнее оценить современное состояние конституционного регулирования в сфере труда и определить перспективы его дальнейшей эволюции.

Обсуждение

Проведенное исследование дает возможность интерпретировать полученные результаты в контексте общей эволюции отношений между государством и трудящимися в России. Основная гипотеза о существовании противоречия между конституционным закреплением прав трудящихся и механизмами их практической реализации на разных исторических этапах находит подтверждение как в нормативных правовых актах, так и в эмпирических данных. При

[25] По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 г. № 38-П // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2017. № 51. Ст. 7913.

[26] По делу о проверке конституционности положений статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 марта 2005 г. № 3-П // СЗ РФ. 2005. № 13. Ст. 1209.

этом характер и природа данного противоречия качественно различались в зависимости от политико-экономической системы. Советские конституции провозглашали права трудящихся, но партийно-государственный аппарат определял условия их реализации. Это противоречие усиливалось от Конституции 1918 года к Конституции 1936 года и несколько смягчалось к периоду 1977 года, когда проблема сместилась в область неэффективности экономических механизмов. В постсоветский период природа противоречия изменилась: Конституция 1993 года закрепила современные стандарты трудовых прав, но их реализация затруднялась переходным характером экономики, слабостью правозащитных институтов и только развивающейся культуры социального партнерства.

Исследование выявило преемственность в признании важности социально-экономических прав трудящихся – все конституции, от советских до современной, уделяли им значительное внимание. Произошел качественный разрыв в понимании природы труда: от обязанности к свободе; от коллективизма к индивидуализации; от классового подхода к универсальности прав.

В современный период эмпирическое проявление указанного разрыва выражается не столько в механическом росте количества судебных трудовых споров, сколько в изменении их структуры. Снижение общего числа дел в 2020–2025 гг. сопровождается усложнением предмета споров: появляются и расширяются категории дел, связанные с дистанционной работой, защитой персональных данных работников, материальной ответственностью работодателя, компенсацией морального вреда и пенсионными гарантиями. Это свидетельствует о трансформации, а не об исчезновении проблемы практической реализации конституционных трудовых прав. Оценивая роль конституционной реформы 2020 года, можно сказать следующее: с одной стороны, усиливается социальная направленность конституции, конкретизируется ряд гарантий (МРОТ, индексация), с другой стороны, многие формулировки (особенно ст. 75.1) носят расплывчатый характер и не предусматривают четких механизмов реализации[27], что может стать основой для будущих исследований эффективности новых конституционных норм.

Анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации позволяет уточнить вывод о разрыве между конституционным закреплением трудовых прав и механизмами их реализации. Данный разрыв преодолевается не только путем законодательных изменений, но и посредством конституционного толкования. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам оплаты труда, компенсационных выплат, допустимости дифференциации правового регулирования и запрета дискриминации показывают, что содержание конституционных трудовых гарантий раскрывается через конкретные правоприменительные ситуации. Это усиливает практическое значение конституционных норм и подтверждает, что их эффективность зависит от наличия действенных судебных механизмов защиты.

Заключение

Проведенное исследование показало, что эволюция конституционных гарантий трудовых прав в России прошла сложный путь от классово-ориентированной советской модели к универсальной, базирующейся на принципах свободы труда, социального партнерства и индивидуализации трудовых отношений. Исследование показало, что каждый исторический этап характеризовался специфическими противоречиями между конституционным закреплением прав и механизмами их реализации. В советский период этот разрыв проявлялся в ограничении трудовой мобильности, неравномерности социальных гарантий и административно-принудительном характере труда; в 1990-е годы – в задержках заработной платы, незаконных увольнениях и росте судебных трудовых споров; в современный период – в сохранении жалоб на нарушение трудовых прав, проблемах неформальной занятости, подмене трудовых отношений гражданско-правовыми и недостаточной эффективности механизмов социального партнерства. Следовательно, природа этих противоречий качественно трансформировалась от советского периода к современной России, но сама проблема разрыва между конституционной нормой и правоприменительной практикой сохраняет актуальность. Конституционная реформа 2020 года усиливает социальные гарантии и конкретизирует конституционные права трудящихся, однако требует дальнейшего изучения и развития. Практика Конституционного Суда Российской Федерации подтверждает, что конституционные трудовые права нуждаются в постоянной конкретизации через судебное толкование, поскольку именно в правоприменении выявляются основные противоречия между нормативным закреплением гарантий и реальными условиями их реализации.

[27] Морозов П. Е. Указ. соч. С. 30.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Прикладная ценность работы состоит в выявлении устойчивых закономерностей конституционного регулирования трудовых прав, которые могут быть учтены при совершенствовании законодательства и правоприменительной практики. Перспективными направлениями для дальнейших исследований представляются следующие.

1. Сравнительно-правовой анализ российской модели конституционных гарантий трудовых прав с моделями других стран, особенно прошедших схожий путь трансформации политико-экономических систем.

2. Эмпирическое исследование практической эффективности конституционных норм, введенных реформой 2020 года, на основе анализа правоприменительной практики и социологических данных.

3. Изучение механизмов конституционной защиты прав работников в условиях развития цифровой экономики и нетипичных форм занятости (платформенная занятость, удаленная работа, гиг-экономика и т. д.).

4. Исследование роли и эффективности социального партнерства как конституционного принципа в современных российских условиях, включая анализ деятельности профсоюзов, трехсторонних комиссий и коллективно-договорного регулирования.

5. Анализ судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам защиты трудовых прав как механизма конкретизации конституционных гарантий.

Указанные направления позволят более полно понять динамику и перспективы развития конституционного регулирования прав трудящихся в России в контексте современных вызовов и трансформации рынка труда.

Список источников

1. *Энгельс Ф.* Диалектика природы : [Предисл. с III–XVIII]. [Москва] : Госполитиздат, 1953. 328 с.

2. *Осетров С. А.* Право на труд или свобода труда: современный конституционный контекст // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 1. С. 20–25. https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-20-25

3. *Иванов С. А., Лившиц Р. З., Орловский Ю. П.* Советское трудовое право: вопросы теории : [монография]. Москва : Наука, 1978. 368 с.

4. *Лушников А. М., Лушникова М. В.* Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития : монография. Москва : Проспект, 2015. 272 с.

5. *Тимонина И. В.* Конституционные рамки и законодательные гарантии реализации права на труд // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 187–188. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_11_187

6. *Лаптева Л. Е.* Право на труд в первой советской Конституции // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 3. С. 118–125.

7. *Глазунов С. Р.* Фабричное законодательство и механизмы его реализации. 1882–1914 гг. // Экономическая история. 2018. Т. 14, № 2 С. 141–154.

8. *Авакьян С. А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. Москва : РЮИД, 2000. 528 с.

9. *Исаков В. М., Мельник Е. В.* Правовые формы организации труда заключенных в местах лишения свободы в период 1930–1940 гг. // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 67–76.

10. *Цепкалова А. А.* Принудительный труд в контексте мобилизационной политики: трудовое использование заключенных ГУЛАГа на объектах капстроительства Главпромстроя / Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сборник материалов всероссийской научной конференции, г. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 375–383.

11. *Михайлик А. А., Геворгян А. Г.* Принятие редакции конституции СССР 1977 года и ее последствия для политической и социально-экономической сферы // Epomen. Global. 2024. № 54. С. 20–26.

12. *Соловьев В. Н.* Трудовые споры в цифрах : анализ в учебном процессе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 11 (63). С. 167–174. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.63.11.167-174

13. *Якимова Е. М., Баранова С. А.* Конституционная реформа 2020 года как драйвер трансформации социальной сферы российского общества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3 (98). С. 58–67. https://doi.org/10.24412/2312-3184-2021-3-58-67

14. *Умнова-Конюхова И. А.* Конституционные основы российского социального права: состояние и перспективы формирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 3–10. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-10-3-10

15. *Долотова Д. В.* Трудовые споры в современной России // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3 (207). С. 199–201. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_3_199

References

1. *Engel's F.* Dialektika prirody : [Predisl. s III–XVIII]. [Moskva] : Gospolitizdat, 1953. 328 s.

2. *Osetrov S. A.* Pravo na trud ili svoboda truda: sovremennyj konstitucionnyj kontekst // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2025. T. 11, № 1. S. 20–25. https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-20-25

3. *Ivanov S. A., Livshic R. Z., Orlovskij Yu. P.* Sovetskoe trudovoe pravo: voprosy teorii : [monografiya]. Moskva : Nauka, 1978. 368 s.

4. *Lushnikov A. M., Lushnikova M. V.* Trudovye prava v XXI veke: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya : monografiya. Moskva : Prospekt, 2015. 272 c.

5. *Timonina I. V.* Konstitucionnye ramki i zakonodatel'nye garantii realizacii prava na trud // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 11 (227). S. 187–188. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_11_187

6. *Lapteva L. E.* Pravo na trud v pervoj sovetskoj Konstitucii // Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs. 2018. № 3. S. 118–125.

7. *Glazunov S. R.* Fabrichnoe zakonodatel'stvo i mekhanizmy ego realizacii. 1882–1914 gg. // Ekonomicheskaya istoriya. 2018. T. 14, № 2 S. 141–154.

8. *Avak'yan S. A.* Konstituciya Rossii: priroda, evolyuciya, sovremennost'. 2-e izd. Moskva : RYUID, 2000. 528 s.

9. *Isakov V. M., Mel'nik E. V.* Pravovye formy organizacii truda zaklyuchennyh v mestah lisheniya svobody v period 1930–1940 gg. // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti. 2016. № 1. C. 67–76.

10. *Cepkalova A. A.* Prinuditel'nyj trud v kontekste mobilizacionnoj politiki: trudovoe ispol'zovanie zaklyuchennyh GULAGa na ob"ektah kapstroitel'stva Glavpromstroya / Mobilizacionnaya model' ekonomiki: istoricheskij opyt Rossii XX veka : sbornik materialov vserossijskoj nauchnoj konferencii, g. Chelyabinsk, 28–29 noyabrya 2009 g. / pod red. G. A. Goncharova, S. A. Bakanova. Chelyabinsk : Enciklopediya, 2009. S. 375–383.

11. *Mihajlik A. A., Gevorgyan A. G.* Prinyatie redakcii konstitucii SSSR 1977 goda i ee posledstviya dlya politicheskoj i social'no-ekonomicheskoj sfery // Epomen. Global. 2024. № 54. S. 20–26.

12. *Solov'ev V. N.* Trudovye spory v cifrah : analiz v uchebnom processe // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA). 2019. № 11 (63). S. 167–174. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.63.11.167-174

13. *Yakimova E. M., Baranova S. A.* Konstitucionnaya reforma 2020 goda kak drajver transformacii social'noj sfery rossijskogo obshchestva // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3 (98). S. 58–67. https://doi.org/10.24412/2312-3184-2021-3-58-67

14. *Umnova-Konyuhova I. A.* Konstitucionnye osnovy rossijskogo social'nogo prava: sostoyanie i perspektivy formirovaniya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2022. № 10. S. 3–10. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-10-3-10

15. *Dolotova D. V.* Trudovye spory v sovremennoj Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 3 (207). C. 199–201. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_3_199

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

CIVIL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 349.2

Разграничение полномочий прокуратуры и федеральной инспекции труда в сфере защиты трудовых прав

Регина Рашидовна Долотина, кандидат юридических наук, доцент

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
Москва (123242, ул. Садовая-Кудринская, д. 9 стр. 1), Российская Федерация
rdolotina@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-1402-6661

Аннотация:
Введение. *Нарушение трудового законодательства может стать основанием как для контрольных действий федеральной инспекции труда, так и для прокурорского реагирования. Основным нормативным пределом прокурорского вмешательства выступает запрет подмены иных государственных органов. Этот запрет не исключает применения прокурорских полномочий при наличии законных оснований, но требует учитывать компетенцию федеральной инспекции труда и правовой результат избранной меры.* **Материалы и методы.** *Применены формально-юридический, системный, функциональный и сравнительно-правовой методы. Нормативную основу составили нормы трудового законодательства, законодательства о прокуратуре и государственном контроле (надзоре), а также гражданского и административного процессуального законодательства. Эмпирическую основу составили официальные сведения о результатах деятельности органов прокуратуры и судебные акты, принятые в 2023–2025 гг. и отобранные с учетом участия прокурора, характера нарушения трудового законодательства и примененного средства защиты.* **Результаты.** *В статье предложен трехэтапный алгоритм разграничения прокурорского реагирования и деятельности федеральной инспекции труда. Он предполагает установление правовых оснований применения прокурорского полномочия, определение необходимого правового результата и оценку самостоятельного значения прокурорской меры с учетом полномочий и ранее принятых мер инспекции труда. Публичная значимость нарушения, множественность потерпевших, уязвимость работника и срочность защиты права рассматриваются как критерии приоритетности реагирования, но не как самостоятельные основания прокурорских полномочий. Анализ судебных актов позволил выявить случаи последовательного применения прокурорских и инспекционных мер, а также определить пределы прокурорского вмешательства.* **Обсуждение.** *Федеральная инспекция труда наделена не только контрольными полномочиями, но и правовыми средствами устранения нарушений*

Ключевые слова:
прокурорский надзор, защита трудовых прав, федеральная инспекция труда, государственный контроль (надзор), меры прокурорского реагирования, запрет подмены государственных органов, судебная защита

Для цитирования:
Долотина Р. Р. Разграничение полномочий прокуратуры и федеральной инспекции труда в сфере защиты трудовых прав // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 131–142.

© Долотина Р. Р., 2026

и восстановления трудовых прав. Выбор прокурорской меры требует установления предусмотренных законом оснований ее применения, определения необходимого правового результата и учета мер, ранее принятых федеральной инспекцией труда. Прокурорское реагирование может выражаться в обращении в суд в предусмотренных процессуальным законом случаях, возбуждении дела об административном правонарушении, направлении материалов для решения вопроса об уголовном преследовании, а также в проверке законности и полноты мер, принятых федеральной инспекцией труда.

Статья поступила в редакцию 20.03.2026; одобрена после рецензирования 11.08.2026; принята к публикации 25.09.2026.

Original article

Separation of powers of procurator's office and the federal labour inspectorate in the sphere of labour rights protection

Regina R. Dolotina, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, build. 1, Sadovaya-Kudrunskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation
rdolotina@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-1402-6661

Abstract:
Introduction. *Violation of labour law may be the basis for both federal labour inspectorate monitoring actions and prosecutorial response. The basic normative limit of prosecutorial intervention is prohibition of other state bodies' substitution. This prohibition does not exclude the prosecutorial powers usage if there are legal grounds, but requires taking into account the competence of the federal labour inspectorate and the legal result of the measure chosen.* **Materials and methods.** *Formal-legal, systemic, functional and comparative-legal methods are applied. The normative framework consisted of labour legislation norms, legislation on the prosecutor's office and state control (supervision), as well as civil and administrative procedural legislation. The empirical basis was formed by official data on the results of prosecutor bodies' activities and judicial acts adopted in 2023-2025, selected with the involvement of the prosecutor, the nature of the labor law violation and the remedy applied.* **Results.** *The article proposes a three-step algorithm for distinguishing the prosecutor's response and the activities of the federal labour inspection. It involves establishing the legal grounds for the use of prosecutorial authority, determining the necessary legal result and assessing the independent significance of the prosecutorial measure in the light of the powers and previously adopted labour inspection measures. The public significance of the violation, the victims' plurality, the employee's vulnerability and the urgency of the law protection are considered as criteria for priority response, but not as independent grounds for prosecutorial powers. The analysis of judicial acts made it possible to identify cases of consistent application of prosecutorial and inspection measures, as well as to determine the limits of prosecutorial intervention.* **Discussion.** *The federal labour inspectorate has not only supervisory powers, but also legal means of remedying violations and restoring labour rights. The choice of prosecutorial measure requires establishment of the legal grounds for their application, the necessary legal outcome determination and consideration of measures previously adopted by the federal labour inspectorate. The prosecutor's response may take the form of a court case in issues provided by procedural law, the initiation of an administrative offence, the submission of materials to resolve the issue of criminal prosecution, as well as the verification of the legality and completeness of measures, approved by the federal labour inspectorate.*

Keywords:
prosecutorial supervision, labour rights protection, federal labour inspectorate, state control (supervision), measures of prosecutorial response, prohibition of substitution of state bodies, judicial protection

For citation:
Dolotina R. R. Separation of powers of procurator's office and the federal labour inspectorate in the sphere of labour rights protection // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 131–142.

The article was submitted March 20, 2026; approved after reviewing August 11, 2026; accepted for publication September 25, 2026.

Введение

Защита трудовых прав обеспечивается системой частноправовых и публично-правовых механизмов. Статья 352 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) называет среди основных способов защиты самозащиту, защиту профессиональными союзами, федеральный государственный контроль (надзор) и судебную защиту[1]. Прокуратура в этой норме отдельно

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

не указана, однако это не выводит ее деятельность за пределы правозащитного механизма. Прокурор применяет полномочия, установленные Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»[2] (далее – Закон о прокуратуре), а в судопроизводстве действует в формах, предусмотренных Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации[3] (далее – ГПК РФ) и Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации[4] (далее – КАС РФ). Следовательно, для целей разграничения необходимо сопоставлять предусмотренные законом полномочия, процедуры их реализации и непосредственные юридические результаты.

Нарушение трудового законодательства может одновременно послужить основанием для контрольно-надзорных действий федеральной инспекции труда и применения прокурором предоставленных законом полномочий [1, с. 86]. Совпадение фактического основания не означает тождества компетенции.

Федеральная инспекция труда представляет собой специализированную централизованную систему государственного контроля за соблюдением трудового законодательства [2]. Государственные инспекторы труда вправе проводить профилактические и контрольно-надзорные мероприятия, выдавать обязательные предписания об устранении нарушений и восстановлении нарушенных прав, возбуждать и рассматривать дела об административных правонарушениях в пределах компетенции [3]. Прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов и защиту прав граждан [4], но в силу п. 2 ст. 21 и п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре не вправе подменять иные государственные органы [5]. Совпадение сфер компетенции федеральной инспекции труда и прокуратуры применительно к одному и тому же факту нарушения трудового законодательства само по себе не отвечает на вопрос о том, какой публичный механизм должен быть использован [6].

Реформа государственного контроля, рискориентированный подход и специальные режимы проведения контрольных мероприятий усилили практическую значимость указанного вопроса. Вместе с тем ограничения, установленные для проведения контрольных мероприятий Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ[5] (далее – Закон № 248-ФЗ) и постановлением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336[6] (далее – Постановление № 336), сами по себе не расширяют полномочий прокуратуры и не образуют самостоятельного основания для проведения прокурорской проверки. Применение прокурорских полномочий в таких случаях должно основываться на законодательстве о прокуратуре с соблюдением запрета подмены иных государственных органов.

Общий мораторий на проведение контрольных (надзорных) мероприятий, введенный Постановлением № 336, действовал в 2022–2024 гг. С 2025 года общий мораторий завершен, однако само Постановление № 336 продолжает действовать. В частности, до 1 января 2030 г. сохраняются предусмотренные п. 11 (3) и 11 (4) особенности формирования планов контрольных (надзорных) мероприятий и плановых проверок, основанные на категориях риска. Следовательно, завершение общего моратория не означает полной отмены специального порядка осуществления контроля. Сохраняющиеся ограничения инспекционных мероприятий не могут рассматриваться как основание для автоматического расширения прокурорских проверок или переноса на прокуратуру функций инспекции труда[7].

В доктрине исследованы отдельные аспекты рассматриваемой проблемы. А. А. Сапфирова анализирует развитие рискориентированной и профилактической моделей деятельности Федеральной службы по труду и занятости (далее – Роструд) [7]. В. А. Абалдуев обращает внимание на неопределенность понятия «очевидное нарушение», с наличием которого ст. 357 ТК РФ связывает полномочие государственного инспектора труда по выдаче обязательного предписания при возникновении разногласий [8]. А. Е. Вишневская раскрывает методику проведения

---

[2] О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[4] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[5] О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 17.04.2026) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

[6] Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1715.

[7] Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2024 году // Правительство Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: http://government.ru/info/55375/ (дата обращения: 18.07.2026).

прокурорских проверок в сфере труда и занятости [9], И. В. Рыбакова рассматривает современные организационно-правовые аспекты надзора за соблюдением трудовых прав [10], а Р. М. Махьянова обосновывает необходимость разработки тактики прокурорского надзора, предполагающей определение цели, выбор средств и последовательности действий [11].

Судебные формы защиты трудовых прав прокурором исследуются Н. А. Романовской [12] и В. И. Торговченковым [13]. Вместе с тем в указанных работах не предложен последовательный алгоритм разграничения прокурорского реагирования и деятельности федеральной инспекции труда.

Цель исследования состоит в разработке такого алгоритма применительно к защите трудовых прав. Для ее достижения сопоставляются основания, формы и непосредственные правовые результаты деятельности прокуратуры и федеральной инспекции труда, определяется значение критериев публичной значимости нарушения и уязвимости работника, формулируются рекомендации по выбору меры прокурорского реагирования.

В основу исследования положено предположение о том, что при разграничении необходимо последовательно учитывать предусмотренные законом основания применения конкретного полномочия, возможности федеральной инспекции труда по достижению необходимого правового результата и самостоятельное значение прокурорского реагирования. На этой основе предложен трехэтапный алгоритм, систематизирующий установленные законом пределы деятельности прокуратуры и федеральной инспекции труда без изменения их компетенции.

Методы

Объектом исследования являются отношения, возникающие при реагировании прокуратуры и федеральной инспекции труда на нарушения трудовых прав работников. Предмет исследования составили нормы трудового законодательства, законодательства о прокуратуре, гражданского и административного процессуального законодательства, законодательства об административных правонарушениях, а также организационные положения приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 февраля 2024 г. № 98[8] (далее – приказ Генпрокуратуры России № 98).

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, функциональный и сравнительный методы. Формально-юридический метод использован для определения содержания и пределов полномочий прокуратуры и федеральной инспекции труда, системный – для установления взаимосвязи материальных и процессуальных норм. Функциональный метод позволил разграничить средства защиты по их непосредственному правовому результату, а сравнительный – сопоставить возможности прокуратуры и федеральной инспекции труда в типовых правовых ситуациях.

Эмпирическую основу составили официальные сведения Генпрокуратуры России и судебная практика за 2023–2025 годы. Судебные акты отбирались целевым способом по наличию в деле прокурорского участия и возможности установить непосредственный правовой результат примененного средства защиты.

Судебные акты и материалы прокурорской практики использованы для выявления типичных ситуаций пересечения компетенции прокуратуры и федеральной инспекции труда, а также для оценки применимости предложенных критериев их разграничения. Официальные статистические данные использованы для характеристики масштабов и практических результатов прокурорского реагирования в сфере защиты трудовых прав.

Результаты

Разграничение деятельности прокуратуры и федеральной инспекции труда требует уточнения используемых понятий. Способ защиты трудового права понимается как предусмотренная законом форма правового воздействия, целью которой является предупреждение или пресечение нарушения, восстановление нарушенного права либо компенсация его последствий. Полномочие представляет собой установленную законом возможность органа совершить определенное юридически значимое действие, а мера прокурорского реагирования – применение соответствующего полномочия в конкретной ситуации посредством принесения протеста, внесения представления, объявления предостережения, вынесения постановления или обращения в суд. Прокурорская защита трудовых прав осуществляется во внесудебном порядке, а также

[8] Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 февраля 2024 г. № 98 // Законность. 2024. № 3.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

в предусмотренных законом формах гражданского и административного судопроизводства. Под непосредственным правовым результатом понимается ближайшее изменение правового положения участников соответствующих отношений, например, приведение правового акта в соответствие с законом, исполнение обязанности по выплате начисленной суммы заработной платы, восстановление работника на работе, возложение определенной обязанности или возбуждение дела об административном правонарушении.

Смешение указанных категорий может привести к ошибочному выводу о том, что наличие у прокурора определенного полномочия само по себе подтверждает необходимость его применения в любой ситуации, связанной с нарушением трудового законодательства. Между тем закрепление полномочия в законе не освобождает от установления фактических и процессуальных оснований его реализации. Представление прокурора также нельзя заранее относить к средствам, непосредственно восстанавливающим нарушенное право. Результат зависит от содержания требований, их исполнения адресатом и при необходимости последующего применения иных правовых средств.

Отсутствие упоминания прокуратуры в ст. 352 ТК РФ не препятствует осуществлению прокурорской защиты трудовых прав и не требует выделения прокурорской деятельности в качестве самостоятельного способа защиты наряду с перечисленными в этой статье[9].

Во внесудебной сфере прокурор реализует полномочия, предусмотренные законодательством о прокуратуре, а при обращении в суд действует в формах, установленных процессуальным законодательством. Такой подход позволяет учитывать самостоятельность прокурорского надзора как государственной функции, не смешивая его с конкретными способами защиты трудовых прав.

Практическая востребованность прокурорского реагирования в сфере труда подтверждается официальными сведениями за 2025 год. Органами прокуратуры выявлено 404 тыс. нарушений трудового законодательства, внесено 78 тыс. представлений, к административной и дисциплинарной ответственности привлечены 98 тыс. лиц, по материалам прокурорских проверок возбуждено 964 уголовных дела, погашена задолженность по заработной плате на сумму около 30 млрд руб.[10]

Специализированная компетенция федеральной инспекции труда закреплена ст. 353–357 ТК РФ. Положение о федеральном государственном контроле (надзоре), утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 1230[11], определяет организацию профилактических и контрольных мероприятий в данной сфере. Международные ориентиры также связывают деятельность инспекции труда с контролем за применением трудового законодательства, предоставлением работодателям и работникам информации и рекомендаций, а также применением мер принуждения[12], поэтому деятельность инспекции труда нельзя сводить к сбору сведений для последующего прокурорского реагирования.

Согласно статье 357 ТК РФ, государственные инспекторы труда вправе предъявлять работодателям обязательные для исполнения предписания об устранении нарушений трудового законодательства, восстановлении нарушенных прав работников, привлечении виновных лиц к дисциплинарной ответственности или их отстранении от должности в установленном порядке. Кроме того, в случае неисполнения работодателем предписания, связанного с выплатой заработной платы или других выплат в рамках трудовых отношений, государственный инспектор труда принимает решение о принудительном исполнении обязанности по выплате начисленных, но не выплаченных в установленный срок сумм в порядке ст. 360.1 ТК РФ. Таким образом, федеральная инспекция труда обладает правовыми средствами, направленными не только на выявление, но и на устранение нарушений и восстановление трудовых прав работников.

В соответствии со статьей 357 ТК РФ инспектор вправе выдать обязательное предписание при выявлении очевидного нарушения трудового законодательства с учетом установленных ограничений, связанных с разрешением соответствующего вопроса органом по рассмотрению индивидуального или коллективного трудового спора либо судом. Неопределенность понятия «очевидное нарушение» обоснованно отмечается В. А. Абалдуевым [8, с. 46–48]. В обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал

[9] СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

[10] По указанию Генпрокурора России проводится системная работа по защите трудовых прав граждан // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8472264/ (дата обращения: 18.07.2026).

[11] Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права : постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 1230 (ред. от 28.07.2025) // СЗ РФ. 2021. № 30. Ст. 5804.

[12] International Labour Office. Guidelines on general principles of labour inspection. Geneva : ILO, 2022. III. 64 p.

2011 года признана возможность выдачи предписания об отмене незаконного увольнения и восстановлении работника при очевидности нарушения с сохранением права работодателя оспорить такое предписание[13]. Вместе с тем государственный инспектор труда не разрешает индивидуальный трудовой спор. При наличии неустраненного спора о фактических обстоятельствах, правовой квалификации отношений или размере требований разрешение индивидуального трудового спора и вынесение обязательного для сторон решения относятся к компетенции суда.

В связи с этим при выборе меры прокурорского реагирования необходимо учитывать полномочия федеральной инспекции труда по проведению профилактических и контрольных мероприятий, выдаче обязательных предписаний и применению мер административной ответственности. Наличие этих полномочий не исключает прокурорского надзора, но имеет значение для соблюдения запрета подмены иных государственных органов.

Законодательство о прокуратуре закрепляет как правозащитные полномочия прокурора, так и пределы их осуществления. Прокурор вправе приносить протест на противоречащий закону правовой акт, вносить представление об устранении нарушений закона, объявлять предостережение при наличии сведений о готовящемся противоправном деянии, возбуждать дело об административном правонарушении, направлять материалы для решения вопроса об уголовном преследовании и обращаться в суд в предусмотренных законом случаях. Одновременно пункты 2 статей 21 и 26 Закона о прокуратуре запрещают органам прокуратуры подменять иные государственные органы. Проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения проверки.

Приказ Генпрокуратуры России № 98 определяет приоритетные направления надзора, включая своевременную оплату и охрану труда, легализацию трудовых отношений, защиту социально уязвимых работников, реагирование на массовые обращения и несчастные случаи, а также оценку полноты мер, принимаемых органами Роструда. Этот организационно-распорядительный акт не устанавливает новых полномочий и не изменяет условий их осуществления, закрепленных законодательством, поэтому перечисленные в нем обстоятельства имеют значение для определения приоритетов и тактики надзорной деятельности, но не образуют самостоятельных юридических оснований прокурорского вмешательства.

Самостоятельное значение прокурорского реагирования может состоять в применении специального прокурорского полномочия; обращении в суд в защиту прав гражданина, неопределенного круга лиц либо интересов Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования при наличии предусмотренных законом процессуальных условий; инициировании административной или уголовной ответственности; проверке законности и полноты мер, принятых федеральной инспекцией труда; применении судебных средств защиты при неустранении нарушения во внесудебном порядке.

Для последовательного разграничения деятельности прокуратуры и федеральной инспекции труда предлагается трехэтапный алгоритм, применяемый при обосновании выбора конкретной меры прокурорского реагирования. Он носит методический характер и не устанавливает дополнительных оснований или ограничений осуществления прокурорских полномочий, не предусмотренных законом.

На первом этапе устанавливаются предусмотренные законом основания применения соответствующего прокурорского полномочия и проверяется соблюдение процессуальных условий его реализации. В частности, для проведения прокурорской проверки необходимо наличие информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, если подтвердить или опровергнуть эти сведения без проведения проверки невозможно. При обращении прокурора в суд учитываются условия, установленные соответствующим процессуальным законодательством.

На втором этапе определяется непосредственный правовой результат, необходимый в конкретной ситуации: предупреждение или прекращение нарушения, восстановление права работника, исполнение установленной законом обязанности, приведение правового акта в соответствие с законом, получение судебной защиты, возбуждение дела об административном правонарушении либо направление материалов для решения вопроса об уголовном преследовании. Одновременно устанавливается, может ли федеральная инспекция труда обеспечить соответствующий результат и какие меры ею уже приняты.

[13] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2011 года (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 01.06.2011) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 9.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

На третьем этапе оценивается самостоятельное значение прокурорского реагирования с учетом характера нарушения, компетенции федеральной инспекции труда и результатов ранее принятых ею мер. Такое значение может состоять в применении предусмотренного законом полномочия прокурора, отсутствующего у федеральной инспекции труда, обращении в суд в установленной процессуальной форме, возбуждении дела об административном правонарушении, направлении материалов для решения вопроса об уголовном преследовании либо проверке законности и полноты деятельности федеральной инспекции труда. Повторение уже выполненных инспекцией контрольных действий само по себе не подтверждает необходимость избранной прокурорской меры. Вместе с тем наличие у инспекции труда полномочий в соответствующей сфере не исключает прокурорского реагирования, если для этого имеются предусмотренные законом основания.

После установления юридических оснований и сопоставления компетенции прокуратуры и федеральной инспекции труда учитываются критерии приоритетности реагирования: множественность потерпевших, уязвимость работника, наличие угрозы жизни и здоровью, размер и продолжительность задолженности, риск продолжения или повторения нарушения, срочность защиты права и недостаточность ранее принятых мер. Эти обстоятельства влияют на выбор меры прокурорского реагирования и очередность ее применения, но не заменяют предусмотренных законом оснований осуществления соответствующего полномочия.

Обсуждение

Разграничение деятельности прокуратуры и федеральной инспекции труда нельзя сводить к характеристике инспекции как основного, а прокуратуры как дополнительного механизма защиты трудовых прав [7, с. 44–45]. Законодательство не устанавливает обязательного предварительного обращения работника в инспекцию труда или применения ею контрольных мер как условия прокурорского реагирования. Вместе с тем наличие у прокурора собственных полномочий не допускает использования прокурорского надзора для повторения текущего контроля за работодателями, поэтому выбор меры должен основываться на предусмотренных законом условиях ее применения, компетенции федеральной инспекции труда и правовом результате, необходимом для защиты нарушенного права. Последовательная оценка этих обстоятельств положена в основу предлагаемого алгоритма.

Особое значение для разграничения имеет предусмотренное ст. 357 ТК РФ полномочие государственного инспектора труда по выдаче обязательного предписания при выявлении очевидного нарушения трудового законодательства. Отмеченная В. А. Абалдуевым неопределенность понятия «очевидное нарушение» показывает сложность определения пределов этого полномочия при наличии индивидуального трудового спора [8, с. 46–48], поэтому при выборе прокурорской меры необходимо учитывать не только наличие у инспектора права выдать предписание, но и характер возникших между работником и работодателем разногласий.

Вместе с тем государственный инспектор труда не подменяет органы, уполномоченные рассматривать индивидуальные трудовые споры. При наличии неустраненных разногласий о фактических обстоятельствах, правовой квалификации отношений или размере требований спор разрешается комиссией по трудовым спорам либо судом. Споры о признании отношений трудовыми и восстановлении на работе непосредственно рассматриваются судом.

Указанное разграничение позволяет отделить юридические основания прокурорского полномочия от обстоятельств, влияющих на приоритетность его применения. Публичная значимость нарушения, множественность потерпевших, уязвимость работника, срочность защиты права и недостаточность ранее принятых мер не образуют самостоятельной компетенции прокурора. Они учитываются при выборе меры и определении очередности реагирования после установления предусмотренных законом оснований соответствующего полномочия.

Средства прокурорской защиты могут быть классифицированы по форме на внесудебные и судебные, а по преобладающему непосредственному результату – на предупреждающие нарушение; направленные на прекращение нарушения и устранение способствовавших ему причин и условий; обеспечивающие восстановление права или понуждение к исполнению обязанности; инициирующие производство по делу об административном правонарушении или решение вопроса об уголовном преследовании. Такая классификация характеризует направленность применяемых средств, но не заменяет предусмотренных законом оснований их использования. Поскольку одна мера может повлечь несколько правовых последствий, при классификации учитывается ее основной непосредственный результат в конкретной ситуации.

Разграничение использования уже имеющихся сведений и проведения прокурорской проверки отражено в постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 9 марта 2023 г.

№ 65-АД23-1-К9[14]. Информация о задолженности по заработной плате систематически представлялась в прокуратуру главным бухгалтером организации. Верховный Суд Российской Федерации признал, что эти сведения могли служить основанием для возбуждения прокурором дела об административном правонарушении без проведения отдельной проверки и вынесения решения о ее проведении. Если же поступившие сведения невозможно подтвердить или опровергнуть без проверочных мероприятий, применяется порядок, установленный ст. 21 Закона о прокуратуре.

Применение мер ответственности не всегда непосредственно восстанавливает трудовое право работника. Административное наказание работодателя само по себе не обеспечивает выплату задолженности, а направление материалов в следственный орган не заменяет судебного взыскания причитающихся работнику сумм. Представление прокурора также не всегда приводит к непосредственному восстановлению субъективного права. Адресат обязан рассмотреть его и принять меры, однако при наличии спора исполнение соответствующей обязанности может потребовать судебного решения. Поэтому защита трудового права в отдельных случаях предполагает последовательное применение нескольких средств, каждое из которых имеет собственное основание и непосредственный правовой результат.

Так, Ленинский районный суд г. Ижевска по делу № 2-1345/2025 рассмотрел иск прокурора, предъявленный в интересах работника, о взыскании начисленной, но не выплаченной при увольнении заработной платы в размере 92 349,01 руб. и компенсации за задержку выплаты[15]. Суд принял признание иска работодателем, взыскал соответствующие суммы и обратил решение в части взыскания заработной платы к немедленному исполнению. В данном случае обращение прокурора в суд позволило получить решение о взыскании причитающихся работнику сумм, подлежащее принудительному исполнению в установленном законом порядке. Вместе с тем из этого решения не следует, что судебное обращение прокурора должно использоваться вместо полномочий федеральной инспекции труда или только после их безрезультатного применения.

Основания обращения прокурора в суд в защиту конкретного работника определяются ч. 1 ст. 45 ГПК РФ[16]. Ограничение, связанное с невозможностью гражданина самостоятельно обратиться в суд, не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого послужило обращение гражданина о защите нарушенных или оспариваемых трудовых прав. При отсутствии такого обращения прокурор должен обосновать невозможность самостоятельного обращения работника в суд состоянием здоровья, возрастом, недееспособностью или иными уважительными причинами. Прохождение военной службы по мобилизации или контракту, а также инвалидность вследствие военной травмы могут учитываться при оценке фактической доступности судебной защиты [14, с. 290], но сами по себе не образуют безусловного процессуального основания для предъявления прокурором иска.

При выборе между исковым, приказным и особым производством необходимо учитывать правовую природу требования. Бесспорное требование о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы может рассматриваться в порядке приказного производства при соблюдении условий статей 121–124 ГПК РФ. Если работодатель оспаривает наличие трудовых отношений, основание или размер задолженности либо заявлены взаимосвязанные производные требования, дело подлежит рассмотрению в исковом производстве.

Отдельного внимания заслуживает обращение прокурора с исками о признании отношений трудовыми. Если это требование соединено с требованиями об оформлении трудовых отношений, взыскании заработной платы или предоставлении соответствующих гарантий, дело рассматривается в исковом производстве. В таких случаях прокурор обращается в суд в порядке ч. 1 ст. 45 ГПК РФ.

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2023 г. № 18-КГ23-182-К4[17] имеет значение для установления предмета доказывания по спорам о признании отношений

---

[14] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 9 марта 2023 г. № 65-АД23-1-К9 // Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт) : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09032023-n-65-ad23-1-k9/ (дата обращения: 18.07.2026) ; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19.07.2023) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 11.

[15] Решение Ленинского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 18 марта 2025 г. по делу № 2-1345/2025 (УИД 18RS0001-01-2025-000769-52) // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/O8DHfhEbjYmC/ (дата обращения: 10.07.2026).

[16] СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[17] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2023 г. № 18-КГ23-182-К4 по делу № 2-3361/2021 (УИД 23RS0041-01-2020-021894-21) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 5.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

трудовыми. Суд указал на необходимость исследовать фактический допуск к работе, личное выполнение трудовой функции, осуществление работы в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинение установленному режиму и порядок выплаты вознаграждения. Эта позиция согласуется с выводами Н. А. Романовской о необходимости учитывать доказательственно более слабое положение работника [12]. Изложенный подход должен учитываться прокурором при определении основания и предмета иска, а также состава представляемых суду доказательств.

От обращения прокурора с иском следует отличать его вступление в процесс для дачи заключения по делам о восстановлении на работе в соответствии с ч. 3 ст. 45 ГПК РФ[18]. Как отмечает В. И. Торговченков, такая форма участия обусловлена публичным значением законности увольнения и необходимостью дополнительной процессуальной гарантии [13]. Прокурор не выступает представителем работника, а дает правовую оценку основания увольнения, соблюдения установленной процедуры и предусмотренных законом гарантий.

Так, при рассмотрении Щелковским городским судом Московской области дела № 2-1699/2025 о восстановлении работника, уволенного за прогул, прокурор дал заключение об обоснованности заявленных требований[19]. Суд установил, что работодатель не доказал наличие законного основания увольнения и соблюдение установленной процедуры, восстановил работника и взыскал компенсацию морального вреда.

В сфере охраны труда прокурор может обратиться в суд в защиту интересов неопределенного круга лиц. Так, Зерноградский районный суд Ростовской области по делу № 2-353/2025 удовлетворил иск прокурора об обязании работодателя провести специальную оценку условий труда[20]. До обращения в суд прокурором было внесено представление, однако нарушение не было устранено. В данном деле иск стал продолжением внесудебного реагирования и позволил добиться возложения на работодателя обязанности провести специальную оценку условий труда. Вместе с тем предварительное внесение представления не является общим процессуальным условием обращения прокурора в суд.

Схожая последовательность мер была использована по делу № 2-201/2025, рассмотренному Каменским районным судом Ростовской области[21]. Прокурор обратился в интересах неопределенного круга лиц с требованием обязать работодателя провести оценку профессиональных рисков и ознакомить работников с ее результатами. Ранее внесенное представление исполнено не было, а отсутствие финансирования не освобождало работодателя от соблюдения требований охраны труда. Суд удовлетворил иск и обязал работодателя провести оценку профессиональных рисков и ознакомить работников с ее результатами в течение трех месяцев со дня вступления решения в законную силу.

Дискуссионным остается вопрос о выборе средства прокурорского реагирования на локальный нормативный акт, содержащий положения, ухудшающие положение работников. С. В. Колобова и С. С. Колобов отмечают, что ТК РФ не предусматривает специального способа защиты в виде признания локального нормативного акта недействующим, поскольку ч. 4 ст. 8 ТК РФ непосредственно устанавливает неприменение норм, противоречащих трудовому законодательству [15]. Однако это не исключает необходимости устранения незаконных положений из текста локального нормативного акта. Протест прокурора в таком случае может содержать требование об отмене или изменении противоречащих закону положений, а иск, предъявленный при соблюдении условий ст. 45 ГПК РФ, – требование о возложении на работодателя обязанности привести локальный нормативный акт в соответствие с законодательством.

Так, Урванский районный суд Кабардино-Балкарской Республики по гражданскому делу № 2-324/2025 удовлетворил иск прокурора, предъявленный в интересах неопределенного круга лиц, и обязал образовательную организацию привести правила внутреннего трудового распорядка в соответствие с федеральным законодательством[22].

---

[18] СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[19] Решение Щелковского городского суда Московской области от 7 февраля 2025 г. по делу № 2-1699/2025 (УИД 50RS0052-01-2025-000147-64) // СудАкт : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/e0P87iG59KoV/ (дата обращения: 10.07.2026).

[20] Решение Зерноградского районного суда Ростовской области от 18 марта 2025 г. по делу № 2-353/2025 (УИД 61RS0033-01-2025-000202-49) // Там же. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tvQO2kxBM4dv/ (дата обращения: 10.07.2026).

[21] Решение Каменского районного суда Ростовской области от 16 января 2025 г. по делу № 2-201/2025 (УИД 61RS0036-01-2024-003374-58) // Там же. URL: https://sudact.ru/regular/doc/GKpVUTwe4EV8/ (дата обращения: 11.07.2026).

[22] Решение Урванского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 6 марта 2025 г. по делу № 2-324/2025 (УИД 07RS0003-01-2025-000226-07) // СудАкт : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tlw8ky0axabb/ (дата обращения: 11.07.2026).

Пределы требований, содержащихся в представлении прокурора, могут быть проверены судом при его оспаривании работодателем. Так, Замоскворецкий районный суд г. Москвы по делу № 02А-0517/2025 отказал в признании незаконным представления, внесенного по результатам проверки обращения работника[23]. Суд исходил из того, что нарушения трудового законодательства были установлены, а содержащиеся в представлении требования соответствовали полномочиям прокурора. Следовательно, законность представления определяется наличием конкретного нарушения и соответствием предъявленных требований компетенции прокурора.

От оспаривания работодателем акта прокурорского реагирования следует отличать обращение самого прокурора с административным иском. При наличии условий, установленных ст. 39 КАС РФ[24], прокурор вправе оспорить незаконное решение, действие или бездействие федеральной инспекции труда. Предметом судебной проверки в таком случае является законность осуществления инспекцией публичных полномочий.

Рассмотренные внесудебные и судебные формы показывают практическое назначение предложенного алгоритма. До выбора конкретной меры необходимо установить предусмотренное законом основание соответствующего полномочия, определить требуемый правовой результат, а также учесть компетенцию и ранее принятые меры федеральной инспекции труда.

Такая последовательность согласуется с разработанным Р. М. Махьяновой тактическим подходом, предполагающим предварительное определение цели, средств и порядка надзорных действий [11]. Если нарушение устранено в результате исполнения законной меры федеральной инспекции труда, необходимость прокурорского реагирования должна быть обоснована иным требуемым правовым результатом, например инициированием ответственности или оценкой полноты и законности деятельности самой инспекции. Если нарушение сохраняется, конкретное средство выбирается с учетом предусмотренных законом оснований его применения и искомого правового результата.

Необходимые для принятия решения сведения могут быть получены в рамках межведомственного взаимодействия. Рассматриваемые И. В. Рыбаковой обмен информацией, направление материалов, работа межведомственных групп и привлечение специалистов способствуют выбору надлежащей меры реагирования [10]. Приказ Генпрокуратуры России № 98 ориентирует прокуроров на оценку полноты мер, принимаемых органами Роструда, и соблюдения порядка расследования несчастных случаев. Однако взаимодействие не изменяет установленного законом разграничения компетенции. Каждый орган принимает решения в пределах собственных полномочий, а прокурор не вправе предопределять содержание контрольного решения инспекции труда.

Таким образом, предложенный алгоритм систематизирует установленные законом основания и пределы прокурорского реагирования, не изменяя компетенции прокуратуры и федеральной инспекции труда.

Заключение

Проведенное исследование показало, что пересечение предметных сфер прокурорского надзора и федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства не означает тождества функций прокуратуры и федеральной инспекции труда. Инспекция осуществляет специализированный контроль (надзор) соблюдения обязательных требований, проводит профилактические и контрольные мероприятия, выдает обязательные предписания и рассматривает дела об административных правонарушениях в пределах своей компетенции. Прокуратура реализует предусмотренные законом надзорные и процессуальные полномочия, не подменяя деятельность специализированного контрольного органа.

Для обоснования выбора меры прокурорского реагирования предложен трехэтапный алгоритм. На первом этапе устанавливаются юридические и процессуальные основания применения конкретного полномочия. На втором – определяется необходимый непосредственный правовой результат и учитываются возможности федеральной инспекции труда по его достижению. На третьем оценивается самостоятельное значение прокурорской меры с учетом характера нарушения и ранее принятых инспекцией действий. Этот алгоритм не устанавливает новых условий осуществления прокурорских полномочий, а позволяет применять закрепленный в ст. 21

[23] Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 26 июня 2025 г. по административному делу № 2а-517/2025 // Суды общей юрисдикции города Москвы : [официальный сайт]. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/kas/details/a6f4e5d1-f43b-11ef-a831-311efc4b66a3 (дата обращения: 11.07.2026).

[24] СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

и 26 Закона о прокуратуре запрет подмены иных государственных органов к конкретным нарушениям трудового законодательства.

Публичная значимость нарушения, множественность потерпевших, уязвимость работника, срочность защиты права и недостаточность ранее принятых мер имеют значение для определения приоритетов и тактики прокурорского реагирования. Эти обстоятельства не заменяют предусмотренных законом оснований применения соответствующего полномочия.

Средства прокурорской защиты могут быть разграничены по форме на внесудебные и судебные, а по преобладающему непосредственному результату – на предупреждающие нарушение; направленные на его прекращение и устранение способствовавших ему причин и условий; обеспечивающие восстановление права или понуждение к исполнению обязанности; инициирующие административную ответственность или решение вопроса об уголовном преследовании. Поскольку одна мера может повлечь несколько правовых последствий, ее место в данной классификации определяется основным результатом, требуемым в конкретной ситуации.

Анализ судебной практики показывает, что прокурорское реагирование и деятельность федеральной инспекции труда могут последовательно дополнять друг друга. Обращение прокурора в суд может быть направлено на разрешение спора о праве, взыскание причитающихся работнику сумм или возложение на работодателя обязанности, в т. ч. в интересах неопределенного круга лиц. Законность избранной прокурором меры определяется наличием установленного нарушения, соблюдением предусмотренных законом условий ее применения и соответствием предъявленных требований компетенции прокурора.

Таким образом, разграничение деятельности прокуратуры и федеральной инспекции труда должно проводиться не по виду нарушения трудового законодательства и не по предполагаемой недостаточности одного из механизмов защиты, а с учетом юридического основания конкретного полномочия, требуемого правового результата и возможностей каждого органа по его достижению.

Список источников

1. *Рогалева Г. А., Рогалева И. Ю.* Защита чести и достоинства в трудовых отношениях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 2 (114). С. 84–90. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.114.2.084-090

2. *Гончаров С. А.* Взаимодействие органов прокуратуры и Государственных инспекций труда // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 4 (44). С. 37–43. https://doi.org/10.21685/2072-3016-2017-4-4

3. *Галахов Е. Н.* Правовые коллизии при осуществлении Федеральной инспекцией труда полномочий по реализации конституционной гарантии защиты права на труд // Вопросы российского и международного права. 2026. Т. 16, № 1-1. С. 98–106. https://doi.org/10.34670/AR.2026.26.28.014

4. *Тишков Д. С.* Некоторые особенности предмета прокурорского надзора за соблюдением конституционного права личности на труд // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14, № 3. С. 23–27. https://doi.org/10.19073/2306-1340-2017-14-3-23-27

5. *Лемехов С. В.* К вопросу о межведомственном взаимодействии прокуратуры и государственной инспекции труда // Вопросы российской юстиции. 2020. Вып. 10. С. 511–517.

6. *Петрушкина А. В., Волкова В. В.* Особенности предмета доказывания по трудовым спорам в судах общей юрисдикции // Теория и практика общественного развития. 2026. № 6 (218). С. 167–173. https://doi.org/10.24158/tipor.2026.6.19

7. *Сапфирова А. А.* Контрольная (надзорная) деятельность Роструда: современное состояние и перспективы развития // Юрист. 2024. № 5. С. 44–49. https://doi.org/10.18572/1812-3929-2024-5-44-49

8. *Абалдуев В. А.* Признак «очевидности» правонарушений, выявляемых государственной инспекцией труда: нужен ли он? // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 4. С. 46–48. https://doi.org/10.18572/2221-3295-2025-4-46-48

9. *Вишневская А. Е.* Методика проведения прокурорских проверок в сфере труда и занятости граждан // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2011. № 1 (17). С. 36–40.

10. *Рыбакова И. В.* Прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав: теоретические и организационно-правовые аспекты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. № 2-2 (113). С. 228–232. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2026-2-2-228-232

11. *Махьянова Р. М.* Тактика надзорной деятельности прокуратуры: порядок разработки и реализации // Lex Russica. 2025. Т. 78, № 6(223). С. 67–77. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.223.6.067-077

12. *Романовская Н. А.* Бремя доказывания по спорам о признании правоотношений трудовыми // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 16–18. https://doi.org/10.18572/2221-3295-2024-3-16-18

13. *Торговченков В. И.* Участие прокурора в рассмотрении исковых заявлений об установлении факта трудовых отношений // Законность. 2022. № 12 (1058). С. 3–5.

14. *Шестерякова И. В.* Современные тенденции, меняющие рынок труда / Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сборник докладов XXIV Международной научно-практической конференции и XXIV Международной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках XIII Московской юридической недели : в 4-х ч., г. Москва, 21–24 ноября 2023 г. Москва : Издательский центр Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. Ч. 2. С. 290–291.

15. *Колобова С. В., Колобов С. С.* Локальное нормотворчество работодателя // Современное право. 2019. № 9. С. 105–110. https://doi.org/10.25799/NI.2019.10.37.007

References

1. *Rogaleva G. A., Rogaleva I. Yu.* Zashchita chesti i dostoinstva v trudovyh otnosheniyah // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA). 2024. № 2 (114). S. 84–90. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.114.2.084-090

2. *Goncharov S. A.* Vzaimodejstvie organov prokuratury i Gosudarstvennyh inspekcij truda // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. 2017. № 4 (44). S. 37–43. https://doi.org/10.21685/2072-3016-2017-4-4

3. *Galahov E. N.* Pravovye kollizii pri osushchestvlenii Federal'noj inspekciej truda polnomochij po realizacii konstitucionnoj garantii zashchity prava na trud // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2026. T. 16, № 1-1. S. 98–106. https://doi.org/10.34670/AR.2026.26.28.014

4. *Tishkov D. S.* Nekotorye osobennosti predmeta prokurorskogo nadzora za soblyudeniem konstitucionnogo prava lichnosti na trud // Vestnik Omskoj yuridicheskoj akademii. 2017. T. 14, № 3. S. 23–27. https://doi.org/10.19073/2306-1340-2017-14-3-23-27

5. *Lemekhov S. V.* K voprosu o mezhvedomstvennom vzaimodejstvii prokuratury i gosudarstvennoj inspekcii truda // Voprosy rossijskoj yusticii. 2020. Vyp. 10. S. 511–517.

6. *Petrushkina A. V., Volkova V. V.* Osobennosti predmeta dokazyvaniya po trudovym sporam v sudah obshchej yurisdikcii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2026. № 6 (218). S. 167–173. https://doi.org/10.24158/tipor.2026.6.19

7. *Sapfirova A. A.* Kontrol'naya (nadzornaya) deyatel'nost' Rostruda: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Yurist. 2024. № 5. S. 44–49. https://doi.org/10.18572/1812-3929-2024-5-44-49

8. *Abalduev V. A.* Priznak «ochevidnosti» pravonarushenij, vyyavlyaemyh gosudarstvennoj inspekciej truda: nuzhen li on? // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2025. № 4. S. 46–48. https://doi.org/10.18572/2221-3295-2025-4-46-48

9. *Vishnevskaya A. E.* Metodika provedeniya prokurorskih proverok v sfere truda i zanyatosti grazhdan // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. 2011. № 1 (17). S. 36–40.

10. *Rybakova I. V.* Prokurorskij nadzor za soblyudeniem trudovyh prav: teoreticheskie i organizacionno-pravovye aspekty // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2026. № 2-2 (113). S. 228–232. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2026-2-2-228-232

11. *Mah'yanova R. M.* Taktika nadzornoj deyatel'nosti prokuratury: poryadok razrabotki i realizacii // Lex Russica. 2025. T. 78, № 6(223). S. 67–77. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.223.6.067-077

12. *Romanovskaya N. A.* Bremya dokazyvaniya po sporam o priznanii pravootnoshenij trudovymi // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2024. № 3. S. 16–18. https://doi.org/10.18572/2221-3295-2024-3-16-18

13. *Torgovchenkov V. I.* Uchastie prokurora v rassmotrenii iskovyh zayavlenij ob ustanovlenii fakta trudovyh otnoshenij // Zakonnost'. 2022. № 12 (1058). S. 3–5.

14. *Shesteryakova I. V.* Sovremennye tendencii, menyayushchie rynok truda / Pravovoe obespechenie suvereniteta Rossii: problemy i perspektivy : sbornik dokladov XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii i XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii YUridicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova v ramkah XIII Moskovskoj yuridicheskoj nedeli : v 4-h ch., g. Moskva, 21–24 noyabrya 2023 g. Moskva : Izdatel'skij centr Universiteta im. O. E. Kutafina (MGYUA), 2024. Ch. 2. S. 290–291.

15. *Kolobova S. V., Kolobov S. S.* Lokal'noe normotvorchestvo rabotodatelya // Sovremennoe pravo. 2019. № 9. S. 105–110. https://doi.org/10.25799/NI.2019.10.37.007

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 347.71

Исламские финансы в правовом поле России и стран Содружества Независимых Государств

Динара Борисовна Миннигулова[1], доктор юридических наук, доцент
Владимир Иванович Трысячный[2], доктор экономических наук, профессор

[1, 2] Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
[1] minnidinara@mail.ru, [2] trysyachny.vi@yandex.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-7766-3908, [2] https://orcid.org/0000-0003-2967-4773

Аннотация:
Введение. *Интеграция «исламских» финансов в правовое поле России и стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) сталкивается с фундаментальным конфликтом парадигм: между моделью, основанной на запрете ссудного процента (риба), неопределенности (гарар) и спекуляции (майсир), и традиционной долговой процентной системой. Принятие Федерального закона № 417-ФЗ о партнерском финансировании позволило фрагментарно использовать исламские финансовые институты, но в то же время выявило ряд противоречий, требующих критического анализа правовых вызовов и системных ограничений. Цель статьи – обозначить основные барьеры интеграции «исламских» финансов в правовое поле России и стран СНГ.* **Методы.** *В качестве методов исследования использовались сравнительно-правовой анализ, контент-анализ нормативных и доктринальных источников, а также системный метод для оценки регуляторных финансовых моделей.* **Результаты.** *Анализ российского эксперимента и практики стран СНГ (Казахстан, Азербайджан, Кыргызстан) по внедрению исламских финансов в правовое поле и его сопоставление с лучшими мировыми практиками (Великобритания, Малайзия, ОАЭ) позволяет сделать следующие основные выводы: 1. Ключевыми барьерами интеграция «исламских» финансов и банкинга в правовое поле России являются региональная ограниченность эксперимента, риск двойного налогообложения, отсутствие легальных дефиниций «исламских финансовых инструментов» и невозможность создания полноценных «исламских» банков в рамках действующего закона «О банках и банковской деятельности», что обрекает указанный сектор на функционирование в «серой» правовой зоне. 2. В странах СНГ, за исключением Казахстана, Азербайджана и Кыргызстана, интеграция «исламских» финансов сталкивается с правовым вакуумом, фрагментарным правовым регулированием, при этом наиболее прогрессивные юридические решения демонстрируют Кыргызстан (легализация «исламских» принципов банковского дела) и Казахстан (законодательная интеграция «сукук» и «исламских» инструментов). 3. Лучший международный опыт интеграции «исламских» финансов и банкинга (Великобритания – регуляторная нейтральность, Малайзия – централизованный шариатский надзор, ОАЭ – специализированные хабы и регуляторные песочницы) доказывает, что устойчивое развитие «исламских» финансов и «исламского» FinTech невозможно без целенаправленного формирования адаптированных регуляторных и институциональных рамок.*

Ключевые слова:
«исламские» финансы, «исламский» FinTech, «исламский» банк, «исламский» банкинг, партнерское финансирование, правовой эксперимент, регуляторная песочница, риба, майсир, сукук, гарар, шариатский комплаенс

Для цитирования:
Миннигулова Д. Б., Трысячный В. И. Исламские финансы в правовом поле России и стран Содружества Независимых Государств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 143–159.

Статья поступила в редакцию 03.04.2026; одобрена после рецензирования 28.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

© Миннигулова Д. Б., Трысячный В. И., 2026

Original article

Islamic finance within the legal framework of Russia and the Commonwealth of Independent States

Dinara B. Minnigulova[1], Doc. Sci. (Jurid.), Docent
Vladimir I. Trysyachny[2], Doc. Sci. (Econom.), Professor

[1, 2] Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
[1] minnidinara@mail.ru, [2] trysyachny.vi@yandex.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-7766-3908, [2] https://orcid.org/0000-0003-2967-4773

Abstract:
Introduction. *The integration of "Islamic" finance into the legal framework of Russia and the CIS countries faces a fundamental clash of paradigms: between a model based on the prohibition of usury (riba), uncertainty (gharar) and speculation (maysir), and the traditional debt-based interest system. The adoption of Federal Law No. 417-FZ on partnership financing has enabled the piecemeal utilisation of Islamic financial institutions, but at the same time has revealed a number of contradictions requiring critical analysis of legal challenges and systemic constraints. The aim of the article is to identify the main barriers to the integration of "Islamic" finance into the legal framework of Russia and the CIS countries.* **Methods.** *The research methods employed included comparative legal analysis, content analysis of normative and doctrinal sources, as well as a systemic approach to evaluating regulatory financial models.* **Results.** *Analysis of the Russian experiment and the practices of CIS countries (Kazakhstan, Azerbaijan, Kyrgyzstan) regarding the introduction of "Islamic" finance into the legal framework, and its comparison with global best practices (the United Kingdom, Malaysia, the UAE), allows the following main conclusions to be drawn. 1. The key barriers to the integration of "Islamic" finance and banking into the Russian legal framework are the regional limitations of the experiment, the risk of double taxation, the absence of legal definitions of "Islamic financial instruments" and the impossibility of establishing fully-fledged "Islamic" banks within the framework of the current law "On Banks and Banking Activities", which condemns this sector to operating in a "grey" legal area. 2. In the CIS countries, with the exception of Kazakhstan, Azerbaijan and Kyrgyzstan, the integration of "Islamic" finance faces a legal vacuum and fragmented legal regulation, whilst the most progressive legal solutions are demonstrated by Kyrgyzstan (legalisation of "Islamic" banking principles) and Kazakhstan (the legislative integration of "sukuk" and "Islamic" instruments). 3. The best international practices in the integration of "Islamic" finance and banking (the UK – regulatory neutrality; Malaysia – centralised Shariah supervision; UAE – specialised hubs and regulatory sandboxes) demonstrates that the sustainable development of "Islamic" finance and "Islamic" FinTech is impossible without the targeted development of adapted regulatory and institutional frameworks.*

Keywords:
"Islamic" finance, "Islamic" FinTech, "Islamic" bank, "Islamic" banking, partnership financing, legal experiment, regulatory sandbox, riba, maysir, sukuk, gharar, Shariah compliance

For citation:
Minnigulova D. B., Trysyachny V. I. Islamic finance within the legal framework of Russia and the Commonwealth of Independent States // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 143–159.

**The article was submitted April 3, 2026;
approved after reviewing July 28, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Современное государство как общественный институт нацелено на динамическое развитие всех сфер своей деятельности, включая экономическую сферу, которая определяет в т. ч. процесс укрепления экономических и финансовых взаимосвязей России с другими государствами. Для эффективного межгосударственного взаимодействия осуществляется трансфер опыта, например, в сфере финансовых рынков. Одним из перспективных направлений отечественные предприниматели и инвесторы считают исламский банкинг.

В данной статье термины «исламские финансы», «исламский банкинг», «партнерское финансирование» авторы рассматривают как взаимозаменяемые, однако, учитывая замечание Г. Ф. Ручкиной о том, что в российском законодательстве сознательно используется термин «партнерское финансирование» для десакрализации института и дистанцирования от религиозной составляющей, что имеет важное правовое и политическое значение [1, с. 10]. Таким образом, необходимо учитывать, что в России законодательно закрепляются принципы «исламских

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

финансов», «исламского банкинга» через светскую правовую конструкцию «партнерское финансирование», которая функционально соответствует указанным «исламским» финансовым инструментам, но лишена религиозной составляющей.

Ключевой вызов интеграции «исламских» финансов в правовое поле России и стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) заключается в конфликте подходов, который, на первый взгляд, может показаться фундаментальным. «Исламская модель» управления финансами основана на этических и религиозных догмах, которые прямо противоречат основам традиционной финансовой системы.

Главное противоречие создает запрет на «рибу» (ростовщичество), т. е. на любые ссуды под проценты, в то время как вся классическая банковская система построена на «долговой модели» управления финансами – с получением процентов. Далее, требование отсутствия «гарара» (неопределенность, случайность или неясность в предмете договора или в отношении цены товара) и «майсира» (получение прибыли в результате случайного стечения обстоятельств) подразумевает, что все контракты должны быть абсолютно прозрачными, а риски – ясными и справедливо распределенными, что исключает использование многих распространенных спекулятивных инструментов и производных финансовых продуктов.

Дополнительным ограничением является запрет на финансирование любых запретных отраслей, таких как производство алкоголя, азартные игры или свиноводство, что сужает поле для инвестиций и требует создания специальных фильтров.

Наконец, принцип связи с реальными активами обязывает обеспечивать каждую финансовую операцию реальным активом или услугой, противореча практике виртуального кредитования и абстрактных финансовых обязательств. Таким образом, интеграция требует не простой адаптации, а создания практически параллельной правовой и финансовой инфраструктуры, что представляет собой сложнейшую законодательную и экономическую задачу.

В сентябре 2023 года вступил в силу Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] (далее – Федеральный закон № 417-ФЗ), позволяющий начать в некоторых регионах Российской Федерации эксперимент по внедрению исламского банкинга[2]. 31 июля 2025 г. вступил в силу Федеральный закон № 337-ФЗ[3] (далее – Федеральный закон № 337 ФЗ) о продлении его на следующие три года – до 1 сентября 2028 г. По словам председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку А. Г. Аксакова, в будущем к эксперименту могут присоединиться и другие субъекты, в частности, Крым и Чувашия. Сообщается также и о международном значении данных решений: «Развитие партнерского финансирования в нашей стране поможет расширить международное экономическое сотрудничество и привлечь дополнительные инвестиции из исламских государств»[4].

Принятие Федерального закона № 337-ФЗ стало не просто пролонгацией эксперимента, а его качественной трансформацией. Если Федеральный закон № 417-ФЗ в 2023 году заложил лишь контуры специального регулирования партнерского (исламского) финансирования, то внесенные в 2025 году поправки ознаменовали переход к формированию полноценного и самодостаточного сектора финансового рынка. Значение Федерального закона № 337-ФЗ выходит далеко за рамки продления сроков и заключается в кардинальной смене парадигмы регулирования.

Правовые конструкции, закрепленные Федеральным законом № 417-ФЗ, фактически изолировали эксперимент, ограничивая его небанковскими игроками (микрофинансовые

---

[1] О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2023. № 32. Ст. 6149.

[2] В России с середины сентября или с октября заработает исламский банкинг // Информационное агентство ТАСС : [сетевое издание]. URL: https://tass.ru/ekonomika/18628609 (дата обращения: 12.02.2025).

[3] О внесении изменений в Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 28 Федерального закона «О рекламе» : Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 337-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4691.

[4] Курносёнкова Д. Исламский банкинг в России: в чем суть партнерского финансирования // РБК : [сетевое издание]. URL: https://www.rbc.ru/quote/news/article/64d61d2a9a7947eb00acb24b?from=copy (дата обращения: 12.02.2025).

организации, кооперативы, фонды), что создавало разрыв между халяльными продуктами и основной банковской инфраструктурой.

Федеральный закон № 417-ФЗ легализовал для участников-кредитных организаций такие операции, как открытие и ведение банковских счетов, переводы денег и управление ценными бумагами. Таким образом, российские банки теперь могут предлагать клиентам «исламский» текущий счет без ссудного процента и финансировать сделки через инструменты доверительного управления. Тем самым партнерское финансирование перестает быть экзотичным финансовым инструментом и встраивается в ядро национальной платежной и кредитной системы.

Одной из главных правовых коллизий был строгий запрет на проценты (риба) в условиях рыночной экономики. Федеральный закон № 337-ФЗ прямо разрешил использовать вознаграждение в виде переменной величины, значение которой изменяется в зависимости от условий договора. Это дает участникам эксперимента легальный «рычаг» для управления доходностью без нарушения принципов шариата. Фиксированный процент заменяется экономически обоснованной переменной маржой, что делает продукты гибкими и конкурентоспособными по сравнению с классическими кредитными продуктами, но при этом сохраняется их этико-догматический характер.

Ранее перечень оснований для отказа во включении в реестр участников был относительно стандартным (финансовые нарушения). Согласно Федеральному закону № 337-ФЗ, перечень расширен до 17 пунктов и включает новейшие блоки: наличие непогашенных санкционных ограничений, отнесение к «блокируемым лицам», статус иностранного агента или включение в реестр экстремистов. Это меняет смысл участия в эксперименте. Реестр теперь выполняет функцию не просто учетного регистра, а «фильтра доверия». Участие в эксперименте становится индикатором безупречной деловой репутации и низкого риска легализации доходов, полученных преступным путем, что повышает доверие со стороны консервативных инвесторов и международных партнеров из стран Организации исламского сотрудничества (Organisation of Islamic Cooperation, OIC) (далее – ОИС).

Наибольший интерес в Федеральном законе № 337-ФЗ в организационно-правовом смысле представляет введение ст. 12.1, учреждающей Комитет по стандартам партнерского финансирования. Ранее определяющая роль принадлежала исключительно Центральному Банку Российской Федерации (далее – Банк России или «регулятор»). Следует констатировать, что создан механизм «мягкого права», где ведущие участники рынка, отобранные по величине активов, получают право разрабатывать отраслевые стандарты, процедуры надзора и меры принуждения. Стандарты не требуют сложных административных процедур, но обязательны к исполнению и согласуются с Банком России. Указанный механизм позволяет развивать «исламское» финансирование не через законодательство, а посредством саморегулирования экспертным сообществом, что ускоряет адаптацию регуляторики к быстро меняющимся условиям рынка.

Также стоит отметить еще одно важное новшество Федерального закона № 337-ФЗ – появление требования указывать в рекламе номер из реестра Банка России (ст. 28 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»[5]). Это требование пресекает практику недобросовестных компаний, спекулирующих терминами «исламский», «этичный» или «партнерский» без наличия реального разрешения от регулятора. Для рынка это означает защиту репутационных рисков и создание цивилизованного маркетинга, где прозрачность становится ключевым конкурентным преимуществом.

По заявлению Банка России, «цель закона – сформировать более корректное и единообразное предоставление услуг партнерского финансирования, повысить прозрачность и привлекательность эксперимента, в том числе для иностранных инвесторов»[6]. Жизнеспособность закона уже не вызывает сомнений.

По информации Банка России на 26 июля 2026 г. насчитывается 37 действующих участников эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию[7]. Крупнейшие

[5] О рекламе : Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

[6] Эксперимент по партнерскому финансированию продлен до сентября 2028 года // Банк России : [официальный сайт]. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=26807 (дата обращения: 12.10.2025).

[7] Реестр участников эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию // Там же. URL: https://cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/Part_fin/ (дата обращения: 27.07.2026).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

банки, такие как «АК Барс» Банк[8], ВТБ[9], Сбербанк[10], Т-банк[11] и др., предлагают услуги «халяльного» финансирования. В ряде случаев данные услуги предоставляются в специализированных офисах[12].

Федеральный закон № 417-ФЗ в редакции Федерального закона № 337-ФЗ позволяет гражданам России, прежде всего исповедующим ислам, на законных основаниях пользоваться финансовыми услугами, которые полностью соответствуют догмам ислама и являются «халяльными». Его особенности заключаются в том, что законодательно закреплена возможность получать денежные средства в кредитных организациях на покупку движимого и недвижимого имущества или открытие бизнеса, не нарушая рибы.

Вместо традиционных кредитов с процентами, которые в исламе неприемлемы, закон предлагает альтернативные возможности. Например, банк может выступить для клиента партнером в бизнесе и разделить с ним прибыль или убытки, либо сам купить нужный клиенту товар и продать его ему с четко оговоренной наценкой с рассрочкой, которая не растет со временем.

Это такие же модели, как «мушарака» (партнерство), «мударабаха» (доверительное финансирование) и «мурабаха» (финансирование по принципу «затраты плюс») [2, с. 142], которые давно используются в исламских странах. Важно и то, что финансовые организации по закону не имеют права финансировать запрещенные в исламе виды деятельности, такие как производство алкоголя, табака или азартные игры, так что мусульманин может быть спокоен, что его деньги не будут использоваться в данных видах предпринимательской деятельности.

Кроме того, закон специально разрешает использовать материнский капитал и другие меры государственной поддержки для расчетов по таким «исламским» договорам, что раньше не было закреплено на законодательном уровне. Начало эксперимента было положено в нескольких регионах с преобладающим мусульманским населением, таких как Татарстан, Дагестан, Башкортостан и Чечня. Данная новелла стала первым официальным шагом к созданию в России доступной финансовой системы, ориентированной на финансовые интересы граждан – мусульман и международных партнеров из стран исламской правовой семьи.

Данные законодательные новеллы стали предметом публикаций российских ученых. Т. Н. Мамедов и В. Д. Стельмах обозначили ключевые направления развития исламского банкинга в России в условиях глобальной геоэкономической нестабильности и определили перспективы внедрения исламских банков в российский банковский сектор в условиях санкционных ограничений. Г. Г. Дерзаева, П. А. Алеткин оценили вызовы теории и практики партнерского финансирования для стран СНГ и роль Исламского банка развития в преодолении таких вызовов. По их мнению, важнейшим вызовом является формирование программных продуктов, предназначенных для учета специфических особенностей операций по партнерскому финансированию, и, конечно же, просветительская деятельность [3]. Е. Е. Смирнов рассмотрел инвестиционную привлекательность партнерских финансовых инструментов, механизмы распределения рисков и доходности, налоговые и бухгалтерские аспекты учета подобных операций на примере кейсов пилотных проектов в Татарстане и Башкортостане [4, с. 8]. Е. А. Токмаков проанализировал исторические концепции исламского банкинга, связь между Федеральным законом № 417-ФЗ и потребностями импортозамещения, инфраструктурного развития, дал оценку потенциалу привлечения капитала из мусульманских стран [5, с. 102–103]. Г. Ф. Ручкина разграничивает понятия партнерского финансирования в Российской Федерации и исламского банкинга, основанного на шариате, определяет роль Банка России в надзоре и регулировании деятельности участников, освещает вопросы взаимодействия федерального законодательства с региональными особенностями субъектов – участников эксперимента [1, с. 10]. Д. В. Шахов выделяет предпосылки принятия Федерального закона № 417-ФЗ в условиях санкционного давления и высокой ключевой ставки Банка России, анализирует правовые пробелы в специальном

[8] Исламская карта по нормам Шариата // «АК Барс» Банк : [сайт]. URL: https://www.akbars.ru/individuals/cards/islam/ (дата обращения: 12.10.2025).

[9] Этапы оформления сделки по договору Мурабаха // ВТБ : [сайт]. URL: https://www.vtb.ru/articles/ipoteka/islamskaya-ipoteka-chto-eto-i-kak-vzyat/ (дата обращения: 12.10.2025).

[10] Исламское финансирование. Продукты СберБанка, соответствующие нормам Шариата // СберБанк : [сайт]. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/islamic-banking?tab=vsp (дата обращения: 12.10.2025).

[11] Инвестиционный счет по нормам исламского права // Т-Банк : [сайт]. URL: https://www.tbank.ru/invest/promo/halal/ (дата обращения: 12.10.2025).

[12] Офисы исламского финансирования // СберБанк : [сайт]. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/islamic-banking?tab=vsp#:~:text=%D0%9E%D1%84%D0%B8%D1%81%D1%8B%20%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 12.10.2025).

режиме партнерского финансирования, оценивает потенциал партнерского финансирования для привлечения капитала в инфраструктурные проекты [6, с. 55]. М. И. Филимонов детерминирует сущностные признаки партнерского финансирования, его отличие от традиционных банковских инструментов, описывает этические и правовые основы данной модели и ее соответствие нормам Конституции Российской Федерации[13], определяет перспективы развития данного института в многоконфессиональной России [7, с. 37].

Методы

В качестве методов исследования использовались контент-анализ (содержательный, формально-юридический анализ) федерального законодательства Российской Федерации, законодательства стран СНГ (Казахстан, Азербайджан, Кыргызстан), нормативных актов зарубежных юрисдикций (Великобритания, Малайзия, ОАЭ), материалов судебной и аналитической практики, а также научной литературы по вопросам исламского финансирования и партнерского банкинга. Применялись данные официальных сайтов Банка России, Государственной Думы Российской Федерации, международных рейтинговых и аналитических агентств, информационные материалы исламских финансовых институтов. Использованы дескриптивный (описательный) и системный методы анализа данных для выявления правовых пробелов, регуляторных барьеров и моделей адаптации исламских финансов в различных правовых системах.

Обсуждение

Признавая прорывной характер Федерального закона № 417-ФЗ, необходимо отметить и ряд недостатков, которые обусловлены в первую очередь его региональным и экспериментальным статусом, создают ряд системных ограничений и имеют важные правовые пробелы.

1. Поскольку Федеральный закон № 417-ФЗ действует лишь в нескольких субъектах Российской Федерации (Татарстане, Дагестане, Башкортостане и Чечне), искусственно сужается территория его применения, препятствуя созданию единой национальной системы партнерского финансирования и не позволяя крупным банкам масштабировать продукты на всю страну без дополнительных юридических сложностей (однако это, конечно, оправдано в условиях экспериментального правового режима).

2. Еще одной проблемой можно назвать риск двойного налогообложения. Например, при операции «мурабаха» – покупке банком актива и последующей перепродажи клиенту с наценкой – сделка юридически признается двумя актами купли-продажи. Это может привести к необходимости уплаты налога на добавленную стоимость (далее – НДС) дважды: при первоначальном приобретении банком имущества и при последующей продаже его клиенту. Федеральный закон № 417-ФЗ не вносит изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации[14] (далее – НК РФ), не предоставляя специальных освобождений в подобных ситуациях, что делает операции дороже и административно сложнее по сравнению с классическими кредитными операциями.

3. Некоторую неясность на практике может вызывать отсутствие точных легальных дефиниций категорий исламского банкинга. Закон оперирует общим понятием «партнерское финансирование», но не дает четких юридических определений таким классическим «исламским» соглашениям, как «мурабаха», «мударaба», «истисна» или «сукук». Это вынуждает участников рынка «вписывать» их в существующие рамки Гражданского кодекса Российской Федерации[15] (далее – ГК РФ), как договор купли-продажи, простого товарищества, агентский договор и т. д., что не всегда точно отражает их суть и может создавать правовую неопределенность в случае судебных споров.

4. Кроме того, ряд проблем может быть обусловлен ограниченностью сферы проведения правового эксперимента. Поскольку он в первую очередь ориентирован на розничные продукты –

[13] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 04.10.2025).

[14] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 17.04.2026) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824 ; Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 25.04.2026) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

[15] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410 ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552 ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

потребительское и ипотечное финансирование, а также малый бизнес. Вопросы выпуска и обращения сложных инструментов, таких как «исламские» облигации «сукук», или интеграции с цифровыми финансовыми активами, в рамках Федерального закона № 417-ФЗ проработаны слабо и остаются неурегулированными.

Действующая модель банкинга получила названия «исламских окон»[16] [8, с. 51]. Фундаментальное различие между «исламскими окнами» и полноценными «исламскими» банками заключается не просто в наборе продуктов, а в самой архитектуре финансового института: «исламское окно» представляет собой пример адаптации российского законодательства для использования отдельных исламских финансовых продуктов. Так, российский банк, основная деятельность которого построена на процентных операциях (риба), создает специальный отдел, предлагающий несколько исламских финансовых продуктов.

Однако эта модель несет в себе системный конфликт интересов:

1. *Смешение капитала*: Деньгами вкладчиков «исламского окна» банк может косвенно пользоваться для финансирования процентных операций в других своих подразделениях.

2. *Гибридность продуктов*: на каждый финансовый продукт выпускается фетва – религиозно-правовое заключение или авторитетное разъяснение по вопросу исламского права (шариата), изданное признанным религиозным авторитетом – муфтием, которая означает соответствие требованиям шариата. Таким образом, у потребителя услуг нет сомнений в «халяльности» финансового инструмента.

3. *Культурный разрыв*: Менеджмент и система риск-менеджмента такого банка ориентированы на кредитную парадигму, а не на парадигму разделения рисков и партнерства.

Полноценный исламский банк – это институт, изначально созданный на принципах, запрещающих рибу, гарар и майсир. Вся его деятельность – от привлечения средств до финансирования – строится на реальных активах и партнерских договорах: мудараба, мушарака.

В ближайшие годы создание исламских банков будет невозможно в рамках действующего Федерального закона «О банках и банковской деятельности»[17] (далее – Закон о банках) по следующим системным причинам:

1. *Конфликт дефиниций.* Закон определяет банк как кредитную организацию, основной целью которой является размещение привлеченных средств от своего имени и за свой счет на условиях платности, срочности и возвратности. Исламский банк по своей сути не является кредитной организацией – это, скорее, инвестиционно-торговый партнер, работающий на принципах участия в прибылях и убытках, а не на платности (процента).

2. *Несовместимость механизмов привлечения средств.* Классический банк привлекает деньги через вклады (депозиты), по которым он несет безусловное обязательство вернуть сумму и выплатить заранее известный процент. Исламский банк привлекает средства через инвестиционные счета, где вкладчики являются инвесторами, а доход не гарантирован и зависит от фактической прибыли от инвестиций. Действующее законодательство не содержит адекватных правовых конструкций для таких операций, что делает их крайне рискованными с точки зрения регулятора.

3. *Регуляторные барьеры.* Нормативы Банка России (достаточности капитала, ликвидности) разработаны для долговой финансовой модели банка. Их некорректно применять к банку, который не выдает кредиты, а является совладельцем активов и разделяет риски с клиентами. Это создает для исламского банка искусственные и несправедливые регуляторные барьеры.

Таким образом, Федеральный закон № 417-ФЗ, не меняя основ банковской системы, легализует лишь «надстройку» в виде «исламских окон». Для создания полноценных «исламских» банков требуется принятие отдельного закона или фундаментальных поправок, которые введут в правовое поле новый тип финансового института – «банк партнерского финансирования» с иными принципами деятельности, механизмами регулирования и надзора.

Похожим образом обстоят дела и в странах СНГ. За некоторым исключением (Казахстан, Азербайджан), практически отсутствует специализированное законодательство об исламском финансировании. Регулирование строится на адаптации существующих норм к исламским финансовым продуктам, что создает значительные сложности, и общую ситуацию можно охарактеризовать как «правовой вакуум» с точечными инициативами.

---

[16] Что нужно знать об «исламских окнах» в банках // Информационное агентство ТАСС : [сетевое издание]. URL: https://tass.ru/ekonomika/4980622(дата обращения: 12.10.2025) ; Исламское окно // Элдик Банк : [сайт]. URL: https://eldik.kg/ru/page/islam-kreditovanie?for_who=legal (дата обращения: 12.10.2025).

[17] О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

Следует обратить особое внимание на такие аспекты применения исламских финансовых продуктов с использованием цифровых технологий, как краудфандинг, крипто-активы, цифровые финансовые активы, FinTech и т. п.

В России, например, в сфере краудфандинга – «P2P-кредитования» (от англ. peer-to-peer – «равный равному» или person-to-person – «человек человеку», это вид кредитования, при котором одно физическое лицо дает деньги взаймы другому физическому лицу онлайн, на специальных интернет-платформах, без посредничества кредитных организаций или краудлендинга) и инвестиций – правовой основой является Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»[18], который допускает две модели: предоставление займа и заключение договора по ценным бумагам.

Первая модель, предполагающая займы под проценты, для исламских финансов не подходит, а вторая может быть адаптирована через выпуск исламских ценных бумаг – «сукук», которые, однако, в российском праве не определены. На практике возможны попытки структурировать операции через договор простого товарищества – аналог «мудараба» или «мушарака», когда участники платформы объединяют средства для финансирования проекта и делят прибыль или убытки, но эта модель сложна с точки зрения налогообложения и защиты прав инвесторов.

Также возможен вариант использования договора купли-продажи с отсрочкой платежа – «мурабаха», когда платформа покупает актив для клиента и перепродает ему его с наценкой, что может быть квалифицировано как обычная торговая операция, но требует сложной юридической структуризации. В итоге регулятор пока не давал разъяснений по применению краудфандингового законодательства для исламских моделей, и отсутствие прецедентов и ясных правил сдерживает их развитие.

Что касается криптоактивов, соответствующих шариату, то здесь правовой базой служит Федеральный закон «О цифровых финансовых активах»[19], который определяет цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) как права, удостоверенные цифровым способом, и прямого запрета на создание «исламских» ЦФА нет. Адаптация требует решения ключевого вопроса о соответствии природы криптоактивов принципам шариата, таким как избегание «гарара», т. е. неопределенности, и «майсира» – азарта. Для создания «шариат-комплаенс» – системы внутреннего контроля, гарантирующей соблюдение норм шариата, ЦФА необходимо обеспечить его реальным активом, четко прописать в смарт-контракте все права и обязанности и пройти сертификацию от авторитетного шариатского комитета (получить фетву), чего в России пока нет. Таким образом, правовая база для ЦФА не запрещает исламские модели, но и не облегчает их создания, где основным барьером служит отсутствие допуска представителей мусульманской общины к сертификации ЦФА.

В области цифровых исламских банков правовая база представлена Законом о банках[20], который жестко регулирует деятельность кредитных организаций через проценты, вклады и т. д. Создание полноценного исламского банка в рамках текущего Закона о банках практически невозможно. Единственной работающей моделью является упомянутое ранее партнерское финансирование, при котором банки в рамках действующего законодательства создают «исламские окна» или продукты, имитирующие мударабу или мурабаху, однако эти продукты часто имеют гибридную природу и могут вызывать споры об их соответствии шариату.

Проведенный анализ международных моделей шариатского надзора позволяет выделить три основных подхода, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения применительно к российской правовой системе.

Малайзийская модель предполагает централизованный шариатский надзор при Центральном банке (Шариатский консультативный совет, SAC), который дает обязательные фетвы по вопросам исламского финансирования. Эта модель обеспечивает единообразие стандартов и их безусловную легитимность, однако прямое закрепление религиозного органа в структуре государственного регулятора вступает в противоречие со светским характером российского государства (ст. 14 Конституции Российской Федерации).

Модель ОАЭ строится на создании специализированных экономических зон и финансовых центров (Дубай, Абу-Даби), в рамках которых действуют собственные правила шариат-комплаенса и органы надзора. Данный подход демонстрирует высокую гибкость и адаптивность,

[18] О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

[19] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

[20] СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

но он основан на исламском характере законодательства ОАЭ, что делает его прямую имплементацию в российских условиях невозможной.

Британская модель отличается регуляторной нейтральностью: Управление по финансовому регулированию и надзору (FCA) не создает специальных органов шариатского надзора, а применяет к исламским финансовым институтам те же правила, что и к традиционным. Соответствие нормам шариата подтверждается независимыми фетвами и внутренними шариатскими комитетами самих институтов. Такой подход полностью совместим со светским правопорядком, но не гарантирует единых стандартов, что может порождать фрагментацию и правовую неопределенность.

Для России как светского государства прямое заимствование любой из этих моделей сопряжено с конституционными рисками, в связи с чем российский законодатель избрал компромиссный путь, закрепив в Федеральном законе № 337-ФЗ создание Комитета по стандартам партнерского финансирования (ст. 12.1). Комитет формируется при ассоциации кредитных организаций, в состав которой входят участники эксперимента с наибольшей совокупной стоимостью активов по состоянию на 1 сентября 2025 года. Комитет разрабатывает стандарты партнерского финансирования, которые подлежат согласованию с Банком России, но не требуют государственной регистрации. Важно подчеркнуть, что указанные стандарты не являются религиозными фетвами – они представляют собой «дополнительные требования» к деятельности участников, которые не должны противоречить законодательству Российской Федерации и нормативным актам Банка России. Тем самым достигается исключение прямого религиозного элемента из механизма регуляторного надзора, что соответствует светскому характеру Российского государства.

Указанная модель имеет ряд преимуществ. Во-первых, она обеспечивает единообразие требований к участникам эксперимента без создания отдельного государственного органа. Во-вторых, разработка стандартов ведущими участниками рынка гарантирует их практическую применимость и учет реальных экономических процессов. В-третьих, согласование стандартов с Банком России позволяет встроить их в общую систему банковского регулирования. В-четвертых, отсутствие государственной регистрации ускоряет процесс адаптации таких стандартов к изменяющимся рыночным условиям.

Вместе с тем сохраняются определенные вызовы. Поскольку Комитет по стандартам не включает в свой состав религиозных авторитетов, возникает вопрос о допустимости разработанных стандартов с точки зрения шариата. Этот вопрос особенно актуален для привлечения инвестиций из стран Персидского залива и Юго-Восточной Азии, где наличие авторитетной фетвы является обязательным условием для признания продукта «халяльным». Возможным решением могло бы стать взаимодействие Комитета с уже существующими шариатскими комитетами при духовных управлениях мусульман (далее – ДУМ) России (например, с Шариатским комитетом по исламским финансам при ДУМ Республики Татарстан) на договорной основе, без включения этих органов в систему государственного регулирования. Такое взаимодействие позволило бы сочетать светский характер регулирования с религиозной допустимостью финансовых продуктов, сохраняя при этом конституционный принцип светского государства.

Таким образом, модель, закрепленная в Федеральном законе № 337-ФЗ, представляет собой сбалансированный законодательный ответ на вызовы институционализации шариатского надзора в российской правовой системе. Она сочетает элементы саморегулирования (по британскому образцу) с элементами централизованной разработки стандартов (по малайзийскому образцу), но при этом адаптирована к светскому характеру Российского государства и не создает противоречий с конституционными нормами. Дальнейшее развитие этой модели может идти по пути формализации взаимодействия Комитета с религиозными организациями для обеспечения шариатской допустимости стандартов без ущерба для светского статуса Российской Федерации.

Для демонстрации конкретных способов адаптации исламских финансовых инструментов к российскому правовому режиму целесообразно обратиться к практическим кейсам банков – участников эксперимента. В настоящем исследовании анализируются три типа продуктов, охватывающих розничный, инвестиционный и корпоративный сегменты: ипотека по модели «мурабаха», халяльный инвестиционный счет и корпоративное финансирование по модели «мурабаха».

Правовая конструкция ипотечного продукта, предлагаемого «Ак Барс» Банком (проект «Исламская ипотека», действует с 2019 года) и Сбербанком («Ипотека Мурабаха»), включает следующие этапы. На первом этапе клиент выбирает объект недвижимости и обращается в банк. На втором этапе банк (или его дочернее общество) приобретает данный объект у продавца за

счет собственных средств. На третьем этапе банк перепродает объект клиенту с фиксированной наценкой, предоставляя рассрочку платежа[21]. В Сбербанке продукт доступен на сумму от 300 тыс. до 100 млн руб. сроком до 20 лет с минимальным первоначальным взносом от 20 %[22]. «Ак Барс» Банк предлагает первоначальный взнос от 10 до 80% и срок до 30 лет[23].

Юридически сделка оформляется не как кредитный договор, а как договор купли-продажи с рассрочкой платежа (гл. 30 ГК РФ). Наценка банка является фиксированной величиной на весь срок договора, что исключает ее квалификацию в качестве процентной ставки (риба) и соответствует нормам шариата[24]. Продукт сертифицирован Шариатским консультационным советом и разработан с учетом стандартов Организации по учету и аудиту в исламских финансовых учреждениях (AAOIFI)[25]. Существенной особенностью договора является отсутствие пеней за просрочку платежа, поскольку исламское право запрещает извлечение выгоды из долгового обязательства (принцип, описанный Е. А. Исаевой [2, с. 142]).

В налоговом аспекте сделка порождает потенциальный риск двойного обложения налогом на добавленную стоимость (НДС), поскольку юридически представляет собой два последовательных акта купли-продажи. Министерство финансов Российской Федерации в письме от 9 апреля 2025 г. № 03-07-07/34989 разъяснило, что средства, получаемые банком за предоставление отсрочки (рассрочки) оплаты товаров в рамках партнерского финансирования, не подлежат обложению НДС, если такая операция квалифицируется как коммерческий кредит в соответствии со ст. 823 ГК РФ[26].

Однако данное разъяснение не обладает силой закона и не устраняет системной правовой неопределенности, поскольку соответствующие изменения в НК РФ не внесены. Как отмечает Д. В. Шахов [6, с. 55], отсутствие прямых налоговых льгот создает дополнительные издержки для участников эксперимента.

В 2024 году Т-Банк (ранее – «Тинькофф») запустил первый в России халяльный брокерский счет[27]. Юридически данный продукт представляет собой стандартный брокерский договор (гл. 53 ГК РФ), дополненный внутренними программными фильтрами, которые блокируют совершение операций с инструментами, не соответствующими нормам ислама. К таким инструментам относятся: облигации (как процентные – риба), фьючерсы и опционы (как спекулятивные – гарар и майсир), а также привилегированные акции[28]. Инвестиционный портфель формируется исключительно из акций компаний, прошедших шариатский скрининг на соответствие критериям исламской этики[29].

Продукт сертифицирован Советом улемов ДУМ Республики Татарстан и имеет сертификат соответствия, выданный ДУМ Чеченской Республики[30]. Открытие счета возможно только для держателей исламской дебетовой карты Т-Банка.

Примечательно, что данная правовая конструкция не требует внесения изменений в федеральное законодательство. Она основана на принципе регуляторной нейтральности по аналогии с британским подходом, описанным в зарубежных исследованиях [9, с. 83], когда соответствие шариату обеспечивается на уровне внутренних регламентов финансового института и добровольной сертификации со стороны религиозных органов, без внесения поправок в базовые законы.

В ноябре 2024 года «Ак Барс» Банк стал первым российским банком, предложившим корпоративным клиентам (юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям) финансирование

---

[21] Исламская ипотека // «АК Барс» Банк : [сайт]. URL: https://www.akbars.ru/individuals/cards/islam/ (дата обращения: 27.07.2026).

[22] Исламская ипотека «Мурабаха»: условия // Сбербанк : [сайт]. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/islamic-banking?tab=vsp (раздел «Ипотека Мурабаха») (дата обращения: 27.07.2026).

[23] URL: https://www.akbars.ru/individuals/cards/islam/ (дата обращения: 27.07.2026).

[24] URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/islamic-banking?tab=vsp (раздел «Ипотека Мурабаха») (дата обращения: 27.07.2026).

[25] Там же.

[26] Письмо Департамента налоговой политики Министерства финансов Российской Федерации от 9 апреля 2025 г. № 03-07-07/34989 «О применении НДС в отношении сумм денежных средств, получаемых банком от клиента за предоставление отсрочки или рассрочки по оплате товаров (работ, услуг), реализуемых в рамках деятельности по партнерскому финансированию» // Правовой Сервер КонсультантПлюс : [электронное издание]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=494920 (дата обращения: 27.07.2026).

[27] Халяльный инвестиционный счет // Т-Банк : [сайт]. URL: https://www.tbank.ru/invest/promo/halal/ (дата обращения: 27.07.2026).

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Там же.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

по модели «мурабаха»[31]. Между банком и клиентом заключается договор, в соответствии с которым банк приобретает для клиента оборотные и внеоборотные активы (товарно-материальные ценности, оборудование, транспортные средства, недвижимость) и перепродает их с фиксированной наценкой. Минимальная сумма финансирования – 1 млн руб., максимальная доля финансирования – 90 % стоимости актива, срок – до пяти лет[32].

Продукт получил фетву (официальное разрешение) Совета улемов ДУМ РТ, а для последующего шариатского аудита был назначен шариатский контролер[33]. Помимо мурабахи, банк разработал для бизнеса сопутствующие продукты: расчетный счет, корпоративную карту с халяльным кешбэком, торговый эквайринг, факторинг, проектное финансирование и лизинг (иджара)[34].

Данный кейс демонстрирует возможность структурирования исламских продуктов через договоры купли-продажи (мурабаха), аренды с последующим выкупом (иджара) или простого товарищества (мушарака) без внесения изменений в ГК РФ. Однако отсутствие легальных дефиниций указанных институтов в российском праве создает риск судебной квалификации сделок исключительно по нормам ГК РФ, что может не учитывать их исламскую природу и особенности распределения рисков, заложенные в договорных конструкциях. Как подчеркивает Г. Ф. Ручкина [1, с. 10], десакрализация терминологии через конструкцию «партнерское финансирование» хотя и снимает политические риски, но порождает правовую неопределенность в части квалификации договоров.

По состоянию на 27 июля 2026 г., по данным Банка России, в эксперименте участвуют 37 организаций[35]. Портфель продуктов партнерского финансирования Сбербанка составляет 5,6 млрд руб., общее количество заключенных контрактов превышает 180 тыс., а доля новых клиентов достигает 49 % (почти 86 тыс. человек)[36]. За период с начала 2025 года эмитировано 34,7 тыс. исламских дебетовых карт[37]. Приведенные показатели свидетельствуют о наличии устойчивого спроса, однако одновременно выявляют сохраняющиеся правовые барьеры: отсутствие законодательных дефиниций исламских финансовых инструментов [7, с. 37], риск двойного налогообложения, а также зависимость от ведомственных разъяснений, не имеющих нормативной силы. Указанные проблемы требуют системного законодательного решения, включая внесение поправок в НК РФ и ГК РФ, что позволит снизить правовые риски для участников рынка и повысить инвестиционную привлекательность сектора для партнеров из стран исламской правовой семьи [5, с. 102–103].

Для объективной оценки места России в глобальной архитектуре исламских финансов с учетом изменения законодательства в исследуемой сфере целесообразно обратиться к количественным показателям, характеризующим как мировой рынок в целом, так и положение отдельных юрисдикций на нем. По данным отчета Islamic Finance Development Indicator (IFDI) за 2025 год, подготовленного London Stock Exchange Group (LSEG) и Islamic Corporation for the Development of the Private Sector (ICD), глобальные активы исламского финансирования прогнозируются на уровне 9,7 трлн долл. США к 2029 году со среднегодовым темпом роста 10 %[38]. Мировой рынок исламских финансов уже сегодня составляет 5 трлн долл. США[39].

В рейтинге IFDI 2025 года, охватывающем 140 стран, Малайзия сохраняет лидирующую позицию, за ней следуют Саудовская Аравия и ОАЭ[40]. Индекс представляет собой композитный взвешенный показатель, оценивающий развитие исламских финансов по пяти ключевым направлениям: финансовые показатели, управление, устойчивость, осведомленность и знания[41].

---

[31] «Ак Барс» Банк запустил мурабаху // Информационное агентство «Банки.ру» : [сетевое издание]. URL: https://pinba.prod.banki.ru/news/akbars/islamic_murabaha_141124/ (дата обращения: 27.07.2026).

[32] «Ак Барс» Банк запустил исламское финансирование Мурабаха для бизнеса // Духовное управление мусульман Республики Татарстан : [сайт]. URL: https://dumrt.ru/ru/news/news_31233.html (дата обращения: 27.07.2026).

[33] Там же.

[34] Там же.

[35] Реестр участников эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/Part_fin/ (дата обращения: 27.07.2026).

[36] Развитие партнерского финансирования – дополнительный драйвер для бизнеса // Вести Чеченской Республики : [сетевое издание]. URL: https://vesti095.ru/2026/05/razvitie-partnyorskogo-finansirovaniya-dopolnitelnyj-drajver-dlya-biznesa/ (дата обращения: 27.07.2026).

[37] Там же.

[38] LSEG (London Stock Exchange Group) & ICD (Islamic Corporation for the Development of the Private Sector). Islamic Finance Development Indicator (IFDI) 2025 Report // LSEG : [websit]. URL: https://lseg.group/IFDI2025 (дата обращения: 27.07.2026).

[39] Новостной источник со ссылкой на данные LSEG (URL: https://vesti095.ru/2026/05/razvitie-partnyorskogo-finansirovaniya-dopolnitelnyj-drajver-dlya-biznesa/ (дата обращения: 27.07.2026)) (*прим авт.*).

[40] URL: https://lseg.group/IFDI2025 (дата обращения: 27.07.2026).

[41] Там же.

Количественные показатели рынка стран СНГ также свидетельствуют о неравномерности развития. По данным Евразийского банка развития (ЕАБР) на 1 января 2025 года, исламские банковские активы Казахстана составили 621 млн долл. США, что составляет 89 % от общего объема исламских активов в Центральной Азии[42] [9, с. 6–7]. При этом доля исламского банкинга в Казахстане составляет менее 1 % от активов всей банковской системы страны, что указывает на значительный потенциал роста [9, с. 8–9].

По прогнозам ЕАБР, объем исламского банкинга в Казахстане достигнет 1,2 млрд долл. США к 2028 году и 3,3 млрд долл. США к 2033 году [9, с. 10]. В Кыргызстане, где законодательно закреплены исламские принципы банковского дела, на конец 2025 года работают три профильных банка с активами в 600 млн долл. США, а рост сектора в 2025 году составил 125 %, достигнув объема в 264 млн долл. США [9, с. 12–13].

В Турции, которую также можно рассматривать как референтную юрисдикцию для стран СНГ, исламский банкинг по состоянию на начало 2026 года составляет 9,2 % от общей банковской системы[43], а в качестве целевого показателя заявлено увеличение этой доли до 15 %[44].

Что касается России, то Банк России в рамках мониторинга эксперимента по партнерскому финансированию проводит ежеквартальное анкетирование участников, оценивая ход и динамику эксперимента, общий объем и структуру операций[45]. По итогам анкетирования за 9 месяцев 2024 года, в котором приняли участие 26 компаний (20 из которых состояли в реестре участников эксперимента), портфель операций по размещению средств составил 2,8 млрд руб., увеличившись за 9 месяцев 2024 года на 56 %[46].

Портфель операций по привлечению средств достиг 3,8 млрд руб. Наибольшая доля операций по размещению средств (43 %) приходится на договоры купли-продажи с рассрочкой платежа (модель «мурабаха»). Количество участников эксперимента по состоянию на конец 2024 года составило 24 компании, увеличившись более чем втрое с конца 2023 года (на 31 декабря 2023 года в реестре числилось семь организаций)[47]. На 27 июля 2026 года, по данным реестра Банка России, в эксперименте участвуют 37 организаций[48].

По данным на 30 сентября 2025 года наибольший объем операций партнерского финансирования реализуется на территории Республики Татарстан[49]. В Татарстане за 2025 год объем сделок партнерского финансирования превысил 2 млрд руб.[50] По информации Министерства экономики Республики Татарстан в регионе в 2025 году объем привлеченных средств по программам партнерского финансирования увеличился в шесть раз и составил 34,9 млрд руб. (для сравнения, в 2024 году портфель сделок по привлечению средств вырос более чем в 2,5 раза)[51].

Общий портфель операций по размещению средств в январе–сентябре 2025 года увеличился на 16 % и составил 3,6 млрд руб., а по привлечению средств вырос на 41 %, достигнув 6,3 млрд руб.[52] За 2025 год в Татарстане оформлено более 14 тыс. продуктов, соответствующих принципам исламского банкинга; количество сделок по сравнению с 2024 годом выросло более чем в два раза, а общий объем привлеченного финансирования на текущие счета, соответствующие правилам исламского финансирования, увеличился в 1,2 раза – до 458 млн руб.[53]

Приведенные статистические данные подтверждают тезис о том, что Россия и большинство стран СНГ находятся на начальной стадии развития исламских финансов и исламского банкинга. Качественный разрыв между Россией и Казахстаном, зафиксированный в индексе IFDI, наглядно иллюстрирует последствия отсутствия системной правовой интеграции исламских финансовых инструментов. В то же время динамика роста операций в рамках российского эксперимента – увеличение портфеля размещения на 56 % за 9 месяцев 2024 года, рост числа

[42] Participation Banking in T□rkiye: Current State and Development Prospects // Investment Office of the Presidency of the Republic of T□rkiye : [websit]. URL: https://www.invest.gov.tr/ (дата обращения: 27.07.2026).

[43] Islamic banks' market share in Turkiye rises to 9.2 %: Fitch Ratings // Arab News : [websit]. URL: https://www.arabnews.pk/ (дата обращения: 27.07.2026).

[44] URL: https://www.invest.gov.tr/ (дата обращения: 27.07.2026).

[45] Обзор рынка партнерского финансирования по итогам анкетирования за 9 месяцев 2024 года // Банк России : [официальный сайт]. URL: https://www.cbr.ru/analytics/develop/2024_1/ (дата обращения: 27.07.2026).

[46] Там же.

[47] Там же.

[48] URL: https://cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/Part_fin/ (дата обращения: 27.07.2026).

[49] URL: https://vesti095.ru/2026/05/razvitie-partnyorskogo-finansirovaniya-dopolnitelnyj-drajver-dlya-biznesa/ (дата обращения: 27.07.2026).

[50] Там же.

[51] Там же.

[52] Там же.

[53] Там же.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

участников более чем втрое, а также значительные объемы сделок в Татарстане – свидетельствуют о наличии устойчивого спроса и потенциале для дальнейшего развития при условии устранения выявленных правовых барьеров.

Важнейшим элементом инфраструктуры глобального рынка исламских финансов являются международные стандарты, разрабатываемые специализированными организациями. Две ключевые институции – AAOIFI (Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions) и IFSB (Islamic Financial Services Board) – формируют общепризнанные ориентиры для регулирования, учета, аудита и пруденциального надзора в исламском финансовом секторе.

AAOIFI (Организация по бухгалтерскому учету и аудиту для исламских финансовых институтов), зарегистрированная в Бахрейне, является ведущим международным стандартоустанавливающим органом в области исламских финансов. Организацией выпущено в общей сложности 117 стандартов и технических положений, включающих 59 шариатских стандартов, 33 стандарта бухгалтерского учета, восемь стандартов аудита, три кодекса этики и 14 стандартов корпоративного управления[54].

Стандарты AAOIFI приняты в качестве обязательных или частично обязательных регуляторных требований в таких юрисдикциях, как Бахрейн, Иордания, Кыргызская Республика, Маврикий, Нигерия, Катар, Оман, Пакистан, Судан и Сирия[55]. В Российской Федерации стандарты AAOIFI признаются на уровне экспертного и академического сообщества: в учебных пособиях представлен обзор стандартов AAOIFI по управлению деятельностью исламскими финансовыми учреждениями[56], а специалисты, сертифицированные по стандартам AAOIFI, участвуют в экспертной оценке продуктов партнерского финансирования[57].

IFSB (Совет исламских финансовых услуг) – международная организация, разрабатывающая глобальные пруденциальные стандарты и руководящие принципы для исламской финансовой индустрии, охватывающей банковский сектор, рынки капитала и страхование (такафул)[58]. В число разработанных IFSB документов входят: пересмотренные Руководящие принципы корпоративного управления для институтов, предлагающих исламские финансовые услуги (банковский сегмент); стандарт раскрытия информации для обеспечения прозрачности и рыночной дисциплины[59]; Основные принципы регулирования исламских финансов (для сектора исламского рынка капитала)[60]. Пруденциальная основа для исламских банковских фирм базируется на стандартах и руководящих принципах IFSB по достаточности капитала, Базельских соглашениях и Базельских основных принципах эффективного банковского надзора[61]. IFSB также разрабатывает руководства по управлению рисками – всего 15 принципов для исламской финансовой индустрии[62].

Для России обращение к стандартам AAOIFI и IFSB имеет как практическое, так и символическое значение. Включение ссылок на эти стандарты в российское регулирование позволило бы повысить доверие международных инвесторов из стран – членов данных международных организаций.

В этом контексте создание Комитета по стандартам партнерского финансирования в рамках Федерального закона № 337-ФЗ может рассматриваться как первый шаг к гармонизации российского регулирования с международными стандартами, однако для полноценной интеграции требуется более системная работа по имплементации положений AAOIFI и IFSB в национальное законодательство.

---

[54] Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions (AAOIFI) // Accounting, Auditing and Governance Standards : [websit]. URL: https://aaoifi.com/standards/ (дата обращения: 27.07.2026).

[55] AAOIFI Standards: Adoption and Implementation // Там же. URL: https://aaoifi.com/adoption-of-aaoifi-standards / (дата обращения: 27.07.2026).

[56] Shari'ah Standards (59 standards), Accounting Standards (33 standards), Auditing Standards (8 standards), Codes of Ethics (3 standards), Governance Standards (14 standards) // Там же. URL: https://aaoifi.com/standards/ (дата обращения: 27.07.2026).

[57] URL: https://vesti095.ru/2026/05/razvitie-partnyorskogo-finansirovaniya-dopolnitelnyj-drajver-dlya-biznesa/ (дата обращения: 27.07.2026).

[58] Revised Guiding Principles on Corporate Governance for Institutions Offering Islamic Financial Services (Banking Segment) // Islamic Financial Services Board (IFSB) : [websit]. URL: https://www.ifsb.org/standards/ (дата обращения: 27.07.2026).

[59] Standard on Disclosures to Promote Transparency and Market Discipline for Institutions Offering Islamic Financial Services (Banking Segment) (IFSB-22) // Там же. URL: https://www.ifsb.org/standards/ (дата обращения: 27.07.2026).

[60] Guiding Principles of Risk Management for Institutions Offering Islamic Financial Services // Там же. URL: https: //www.ifsb.org/standards/ (дата обращения: 27.07.2026).

[61] Prudential Framework for Islamic Banking Business Firms // Там же. URL: https://www.ifsb.org/standards/ (дата обращения: 27.07.2026).

[62] URL: https://www.ifsb.org/standards/ (дата обращения: 27.07.2026).

Результаты

Решение обозначенных коллизий может заключаться либо в поправках в банковское законодательство, создающих отдельный класс «некредитных финансовых организаций, работающих по нормам исламских финансов», либо эксперимент по созданию такой площадки в рамках Банка России по аналогии с «регуляторными песочницами»[63].

Ситуация в странах СНГ схожа, но в некоторых из них, таких как Казахстан[64], Азербайджан [10, с. 187; 11, с. 96] и Кыргызстан [12, с. 67; 13, с. 89] наблюдается более активное движение. В Казахстане, самом продвинутом в этом отношении, в 2021 году был принят закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам страхования и исламского финансирования»[65], что позволяет легализовать исламские финансовые институты, включая выпуск сукук, и создает потенциал для развития FinTech на этой базе.

Азербайджан также предпринимает шаги по развитию исламских финансов, включая выпуск облигаций «сукук» (это ценная бумага, обеспечивающая долевое участие в активе или проекте). В Кыргызстане еще в 11 августа 2022 г. был принят закон «О банках и банковской деятельности», ст. 4 которого – «Исламские принципы банковского дела и финансирования» – закрепляет положение о том, что «в Кыргызской Республике, наряду с традиционным банковским делом и кредитованием, применяются исламские принципы банковского дела и финансирования»[66], кроме того, дается дефиниция исламских принципов банковского дела и финансирования, в соответствии с которой под ними понимаются «принципы и правила осуществления банковских операций и сделок в соответствии со стандартами Шариата»[67].

В свою очередь под стандартами шариата понимается «совокупность правил осуществления экономической или иной деятельности, разработанных и утвержденных международными организациями, устанавливающими стандарты ведения исламского банковского дела (Организация бухгалтерского учета и аудита для исламских финансовых институтов, Совет исламских финансовых услуг)»[68].

Несмотря на отдельные успехи, рассмотренные модели можно назвать переходными. В связи с этим интерес для исследования могут представлять решения, принятые в странах, успешно адаптировавших системы исламского финансирования. К таковым можно отнести Великобританию, Малайзию и ОАЭ.

Выбор Великобритании обусловлен особенной моделью «регуляторной нейтральности» и ролью технологического хаба в мире FinTech. Отдельное законодательство об исламских финансах государство не принимало. Вместо этого Управление по финансовому регулированию и надзору (далее – FCA) адаптировало существующие правила для банков и управляющих компаний, сделав их религиозно-нейтральными, что позволило исламским продуктам конкурировать с традиционными.

В сфере краудфандинга такие платформы, как Qardus[69], работают в рамках общего регулирования FCA, структурируя продукты как инвестиции в бизнес или продажу активов, что соответствует шариату. Что касается криптоактивов, Лондон как центр FinTech активно изучает инновации. Исламские криптопроекты могут проходить стандартную процедуру одобрения при доказательстве своей надежности, включая развитие направления «сукук на блокчейне», которое с мая 2024 года впервые заработало в России[70].

Появление цифровых «банков-неофитов» открыло дорогу и для исламских проектов, которые лицензируются как обычные банки, но с особыми бизнес-моделями. Ключевым фактором успеха здесь может стать гибкость регулятора, его ориентация на принципы, а не на правила.

[63] Что такое «регуляторные песочницы» и как они помогут бизнесу // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: http://duma.gov.ru/news/49285/ (дата обращения: 12.10.2025).

[64] Исламское финансирование в Казахстане // Ассоциация исламских финансов и бизнеса Казахстана : [сайт]. URL: https://aifb.kz/tpost/xbhe9iepf1-islamskoe-finansirovanie-v-kazahstane (дата обращения: 12.10.2025).

[65] О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам страхования и исламского финансирования : Закон Республики Казахстан от 27 апреля 2015 года № 311-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан : [официальный сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000311 (дата обращения: 12.10.2025).

[66] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000311 (дата обращения: 12.10.2025).

[67] Там же.

[68] Там же.

[69] Top 4 FinTechs Pioneering Sharia-Compliant Investments in the UK // Halal Times : [websit]. URL: https://www.halaltimes.com/top-4-fintechs-pioneering-sharia-compliant-investments-in-the-uk/ (дата обращения: 12.10.2025).

[70] Первый выпуск цифрового сукука в России // ЦФА. РФ ^ [сайт]. URL: https://xn--80a3bf.xn--p1ai/pervyj-vypusk-cifrovogo-sukuka-v-rossii.html (дата обращения: 12.10.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

В свою очередь Малайзия представляет модель централизованного регулирования и эталона шариатского комплаенса[71]. Здесь создана всеобъемлющая правовая и регуляторная экосистема для исламских финансов. Регуляторы выпускают детальные руководства для каждого сегмента. В краудфандинге действует отдельный регламент для платформ, включая исламские, при этом все продукты должны получить одобрение шариатского совета при регуляторе.

В сфере криптоактивов Малайзия одной из первых выпустила исламские стандарты [14, с. 119], позволяя сертифицировать цифровые активы как соответствующие шариату и четко определяя допустимые типы активов и структуры. В 2025 году Управление финансовых услуг Лабуана выдало компании Fasset временную лицензию на открытие первого исламского цифрового банка на основе стейблкоинов[72]. Одобрение позволяет FinTech-компании из Дубая предоставлять услуги, соответствующие шариату, в регулируемой среде sandbox (регуляторные песочницы)[73]. Ключевые факторы малайской модели успеха – значительное государственное участие, глубокая интеграция шариатского надзора в работу регулятора и стремление стать мировым эталоном.

Являясь исламской монархией, Объединенные Арабские Эмираты, особенно в лице эмиратов Дубая и Абу-Даби, используют модель создания специализированных зон и хабов. По мнению коллектива авторов из Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, стратегия развития FinTech в ОАЭ опирается на несколько ключевых столпов: «Прежде всего в стране сформирована прогрессивная нормативно-правовая база, обеспечивающая оптимальные условия для функционирования FinTech-компаний. Регуляторы финансового рынка ОАЭ, такие как Центральный банк, Управление по ценным бумагам и биржевым товарам, Управление финансовых услуг Дубая, применяют гибкие и адаптивные подходы к регулированию FinTech, основанные на принципах пропорциональности и открытости к инновациям» [15, с. 240]. Как отмечает малазийский исследователь Тхонг Минг Сен, «современные технологии, в частности, блокчейн, способны решить фундаментальные операционные проблемы исламских финансовых институтов, включая вопросы несоответствия шариату» [9, с. 83].

Стоит также отметить, что государством формируется особая регуляторная среда в рамках специальных экономических зон. В таких зонах активно внедряются правила для FinTech, включая исламские модели, через свою «регулятивную песочницу». Аналогично работает финансовый центр Абу-Даби.

В сфере криптоактивов ОАЭ создали прогрессивное регулирование, позволяющее легко запускать проекты по выпуску исламских цифровых активов после получения лицензий и шариатской сертификации от местных органов. В ОАЭ также появились первые в мире полноценные цифровые исламские банки, работающие по лицензии центрального банка. Ключевым фактором успеха является создание конкурирующих юрисдикций с гибкими современными правилами, привлекающими международный капитал и таланты.

Отталкиваясь от полученных данных, можно отметить, что Россия и большинство стран СНГ действительно находятся на начальной стадии развития исламских финансов, в частности, такого их современного ответвления, как исламский FinTech. Ключевой проблемой здесь является не столько нехватка технологий или капитала, сколько отсутствие четких и адаптированных регуляторных и институциональных рамок.

Существующие финансовые законодательства в этих странах были созданы под классическую, процентную (ростовщическую) модель экономики, что создает непреодолимые барьеры для функционирования инструментов, основанных на принципах шариата, которые запрещают процентный доход и спекуляцию, требуя обеспечения всех операций реальными активами и разделения рисков. Без целенаправленных усилий по изменению этой среды исламский FinTech обречен оставаться нишевым явлением, развивающимся фрагментарно и в правовой «серой зоне», что сдерживает инвестиции и не позволяет в полной мере обслуживать значительную часть мусульманского населения, заинтересованную в получении финансовых услуг, соответствующих их этическим и религиозным убеждениям.

---

[71] Шариатский комплаенс (Shariah Compliance) – это система контроля и оценки, обеспечивающая соответствие всех финансовых продуктов и операций требованиям исламского права (шариата). Это гарантирует, что все финансовые действия проводятся так, чтобы соответствовать этическим, моральным и юридическим стандартам, установленным исламскими учениями (*прим. авт.*).

[72] Малайзия одобрила первый исламский цифровой банк на основе стейблкоинов // Fusion Media Limited (Investing.com) : [сайт]. URL: https://ru.investing.com/news/cryptocurrency-news/article-2939049 (дата обращения: 02.03.2026).

[73] Регуляторная песочница (Regulatory Sandbox) – это специальный правовой режим, который создает безопасную среду для тестирования инновационных бизнес-моделей, продуктов и услуг. Участники получают возможность апробировать свои разработки в реальных условиях, но без действия некоторых жестких законодательных ограничений. Это не означает полное отсутствие правил, а скорее их адаптацию под специфику эксперимента (*прим. авт.*).

Выводы

Первоочередным и фундаментальным шагом являются разработка и внедрение специальных законодательных инициатив. Речь идет о внесении в банковское, валютное, налоговое и гражданское законодательство системных поправок, которые бы легализовали, определили и прописали правовой статус ключевых исламских финансовых продуктов.

Наиболее показателен в этом контексте опыт Казахстана, где была проделана значительная работа по интеграции исламских финансов в национальную систему. Необходимо дать юридические определения таким контрактам, как «мурабаха» (продажа актива с наценкой, известной обеим сторонам), «мудараба» (партнерство, где одна сторона предоставляет капитал, а другая – управление и экспертизу), «истисна» (финансирование производства) и «сукук» (исламские облигации, удостоверяющие долю в активе, а не долговое обязательство). Без этого даже самые простые операции требуют сложных и не всегда правомерных юридических конструкций, что повышает издержки и риски для всех участников рынка.

Параллельно с изменением законов крайне полезным инструментом для апробации инновационных моделей могло бы стать создание так называемой «регуляторной песочницы» (regulatory sandbox) при Банке России и подобных регуляторах стран СНГ. Этот механизм позволил бы исламским FinTech-стартапам и финансовым институтам работать в контролируемом пространстве с временными послаблениями в соблюдении некоторых нормативных требований.

В такой среде регулятор мог бы в режиме реального времени наблюдать за работой платформ, тестировать различные бизнес-модели, оценивать возникающие риски и на основе полученного практического опыта вырабатывать оптимальные и сбалансированные правила, которые впоследствии можно было бы применить ко всей финансовой системе. Это снизило бы регуляторную неопределенность и дало импульс для технологических инноваций в исламском финансовом секторе.

Важнейшим элементом для построения доверия как со стороны местных мусульманских сообществ, так и международных инвесторов является развитие собственного, авторитетного шариатского надзора. Для этого необходимо создать признанный на международном уровне шариатский совет или комитет, который мог бы функционировать при национальной ассоциации банков или при самом финансовом регуляторе.

В задачи этого органа входила бы независимая экспертиза и сертификация всех предлагаемых на рынке финансовых продуктов на предмет их соответствия нормам ислама (выдача фетвы), а также разработка единых стандартов для всей отрасли. Наличие сильного и уважаемого шариатского надзора является краеугольным камнем исламских финансов, т. к. гарантирует потребителям, что их деньги используются в соответствии с их вероубеждениями, и защищает репутацию самого рынка.

При этом критически важно активно развивать международное сотрудничество и перенимать уже накопленный мировой опыт. Традиционно ориентируются на такие признанные центры, как Малайзия и ОАЭ, где исламские финансы глубоко интегрированы в экономику. Однако не менее ценным является опыт Великобритании, которая, не будучи мусульманской страной, сумела создать одну из самых развитых в западном мире экосистем для исламских финансов.

Британский подход доказал, что для успешной интеграции не обязательно создавать полностью параллельную и отдельную правовую систему; во многих случаях достаточно внедрения принципа «нейтральности», когда налогообложение и регулирование уравнивают традиционные и исламские финансовые продукты, не создавая для последних дискриминационных или, наоборот, излишне льготных условий.

Такой прагматичный путь может быть особенно актуален для светских государств с разнородным населением, таких как Россия и страны СНГ. Без реализации этих комплексных шагов потенциал исламского FinTech как инструмента для привлечения инвестиций из стран Персидского залива и Юго-Восточной Азии и для обеспечения финансовой инклюзии миллионов граждан останется нераскрытым, а его развитие будет носить стихийный и неустойчивый характер.

Список источников

1. *Ручкина Г. Ф.* Партнерское финансирование в России: проведение эксперимента по установлению специального регулирования // Банковское право. 2024. № 1. С. 7–13. https://doi.org/10.18572/1812-3945-2024-1-7-13

2. *Исаева Е. А.* Исламский банкинг: основные правила и принципы, перспективы развития в современных условиях // Финансовые рынки и банки. 2023. № 6. С. 140–146.

3. *Дерзаева Г. Г., Алеткин П.* Партнерское финансирование: вызовы и возможности для России и стран СНГ // Национальная безопасность / Nota Bene. 2024. № 6. С. 47–64 https://doi.org/10.7256/2454-0668.2024.6.72566

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

4. *Смирнов Е. Е.* Партнерское финансирование как перспективный канал для инвестиций // Аудитор. 2023. Т. 9, № 11. С. 3–9. https://doi.org/10.12737/1998-0701-2023-9-11-3-9

5. *Токмаков Е. А.* Исламский банкинг: понятие, факторы становления и предпосылки развития в России // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. Т. 15, № 3 (49). С. 83–105. https://doi.org/10.38050/2078-3809-2023-15-3-83-105

6. *Шахов Д. В.* Специальный правовой режим партнерского финансирования: правовые пробелы и пути совершенствования // Банковское право. 2025. № 3. С. 51–57. https://doi.org/10.18572/1812-3945-2025-3-51-57

7. *Филимонов М. И.* Понятие, правовая природа и сущность партнерского финансирования // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 4. С. 21–38. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-64-4-2

8. *Данченко Е. А.* Перспективы внедрения «исламских окон» в банковскую систему России // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2011. № 12-2. С. 50–55.

9. *Thong M. S.* Blockchain Toolkit for Islamic Financial Services // Blockchain for Financial Governance in Malaysia and Singapore. Singapore : Palgrave Macmillan, 2025. 178 p. https://doi.org/10.1007/978-981-96-1281-9_3

10. *Муршудли Ф. Ф.* Инновационные тренды международного банковского бизнеса (на примере Азербайджана) // Вестник МГИМО – Университета. 2018. № 1 (58). С. 186–212. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-1-58-186-212

11. *Мирзоев Н. С., Сафаров М. Р.* Использование исламских финансов в развитии сельского хозяйства в Азербайджане // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2024. № 8 (238). С. 95–106.

12. *Беккин Р.* Внедрение исламской финансовой модели в Киргизии // Россия и мусульманский мир. 2011. № 3. С. 66–71.

13. *Муртазалиев Ш. М.* О необходимости развития в Кыргызстане исламского финансирования / Теоретические и практические проблемы развития современной науки : материалы III Международной научно-практической конференции, г. Махачкала, 30 марта 2016 г. / под общ. ред. М. И. Абакарова. Санкт-Петербург : ИННОВАТИКА, 2016. С. 88–92.

14. *Зарипов И. А.* Малайзия – флагман исламских финансов // Вестник Финансового университета. 2016. Т. 20, № 4 (94). С. 118–129.

15. *Фадин Д. А., Кошель С., Плясова С. В.* Развитие финтех-индустрии в ОАЭ / Роль бизнеса в трансформации общества – 2024 : сборник тезисов студентов и аспирантов по итогам XIX Международного конгресса (международной научно-практической конференции), г. Москва, 8–12 апреля 2024 г. Москва : Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2024. С. 240–243.

References

1. *Ruchkina G. F.* Partnerskoe finansirovanie v Rossii: provedenie eksperimenta po ustanovleniyu special'nogo regulirovaniya // Bankovskoe pravo. 2024. № 1. S. 7–13. https://doi.org/10.18572/1812-3945-2024-1-7-13

2. *Isaeva E. A.* Islamskij banking: osnovnye pravila i principy, perspektivy razvitiya v sovremennyh usloviyah // Finansovye rynki i banki. 2023. № 6. S. 140–146.

3. *Derzaeva G. G., Aletkin P.* Partnerskoe finansirovanie: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii i stran SNG // Nacional'naya bezopasnost' / Nota Bene. 2024. № 6. S. 47–64 https://doi.org/10.7256/2454-0668.2024.6.72566

4. *Smirnov E. E.* Partnerskoe finansirovanie kak perspektivnyj kanal dlya investicij // Auditor. 2023. T. 9, № 11. S. 3–9. https://doi.org/10.12737/1998-0701-2023-9-11-3-9

5. *Tokmakov E. A.* Islamskij banking: ponyatie, faktory stanovleniya i predposylki razvitiya v Rossii // Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal. 2023. T. 15, № 3 (49). S. 83–105. https://doi.org/10.38050/2078-3809-2023-15-3-83-105

6. *Shahov D. V.* Special'nyj pravovoj rezhim partnerskogo finansirovaniya: pravovye probely i puti sovershenstvovaniya // Bankovskoe pravo. 2025. № 3. S. 51–57. https://doi.org/10.18572/1812-3945-2025-3-51-57

7. *Filimonov M. I.* Ponyatie, pravovaya priroda i sushchnost' partnerskogo finansirovaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2023. № 4. S. 21–38. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-64-4-2

8. *Danchenko E. A.* Perspektivy vnedreniya «islamskih okon» v bankovskuyu sistemu Rossii // Sovremennye tendencii v ekonomike i upravlenii: novyj vzglyad. 2011. № 12-2. S. 50–55.

9. *Thong M. S.* Blockchain Toolkit for Islamic Financial Services // Blockchain for Financial Governance in Malaysia and Singapore. Singapore : Palgrave Macmillan, 2025. 178 p. https://doi.org/10.1007/978-981-96-1281-9_3

10. *Murshudli F. F.* Innovacionnye trendy mezhdunarodnogo bankovskogo biznesa (na primere Azerbajdzhana) // Vestnik MGIMO – Universiteta. 2018. № 1 (58). S. 186–212. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-1-58-186-212

11. *Mirzoev N. S., Safarov M. R.* Ispol'zovanie islamskih finansov v razvitii sel'skogo hozyajstva v Azerbajdzhane // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2024. № 8 (238). S. 95–106.

12. *Bekkin R.* Vnedrenie islamskoj finansovoj modeli v Kirgizii // Rossiya i musul'manskij mir. 2011. № 3. S. 66–71.

13. *Murtazaliev Sh. M.* O neobhodimosti razvitiya v Kyrgyzstane islamskogo finansirovaniya / Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya sovremennoj nauki : materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Mahachkala, 30 marta 2016 g. / pod obshch. red. M. I. Abakarova. Sankt-Peterburg : INNOVATIKA, 2016. S. 88–92.

14. *Zaripov I. A.* Malajziya – flagman islamskih finansov // Vestnik Finansovogo universiteta. 2016. T. 20, № 4 (94). S. 118–129.

15. *Fadin D. A., Koshel' S., Plyasova S. V.* Razvitie fintekh-industrii v OAE / Rol' biznesa v transformacii obshchestva – 2024 : sbornik tezisov studentov i aspirantov po itogam XIX Mezhdunarodnogo kongressa (mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii), g. Moskva, 8–12 aprelya 2024 g. Moskva : Moskovskij finansovo-promyshlennyj universitet «Sinergiya», 2024. S. 240–243.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 342.55

Назначение уголовного судопроизводства в познавательно-удостоверительной деятельности следователя и дознавателя

Елена Юрьевна Алонцева, кандидат юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
Alontseva.alena@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-2008-4171

Аннотация:
Введение. *В статье рассмотрены вопросы соотношения целей уголовно-процессуальной деятельности, ее назначения в ходе познавательно-удостоверительной деятельности следователя и дознавателя. Подвергнуты анализу проблемы познания, его соотношение с доказыванием и актуальность рассмотрения данного сопоставления. Определены цели познания и его средства, современные проблемы их применения указанными должностными лицами в обеспечении назначения уголовного судопроизводства. В процессе научного исследования обобщены научные представления о назначении уголовного судопроизводства, о сущности и целях познания в досудебном производстве в различных формах познавательной деятельности, о направленности назначения уголовного судопроизводства для следователя и дознавателя при осуществлении познавательной деятельности исходя из содержания ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. А также рассмотрены актуальные вопросы определения назначения уголовного судопроизводства для потерпевших и лиц, совершивших преступление.* **Методы и результаты.** *Для достижения указанной цели применялись описательный, формально-логический методы и метод толкования правовых норм. В результате проведенного научного исследования определено, что для следователя и дознавателя назначение уголовного судопроизводства определяется публичными интересами государства и их познавательно-удостоверительная деятельность направлена на его достижение установленными в законе средствами.*

Ключевые слова:
уголовное судопроизводство, назначение уголовного судопроизводства, следователь, дознаватель, познание, удостоверение, доказывание

Для цитирования:
Алонцева Е. Ю. Назначение уголовного судопроизводства в познавательно-удостоверительной деятельности следователя и дознавателя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 160–168.

**Статья поступила в редакцию 12.02.2026;
одобрена после рецензирования 01.07.2026;
принята к публикации 25.09 6.2026.**

© Алонцева Е. Ю., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

The role of criminal proceedings in cognitive and evidentiary activities of investigators and inquiry officers

Elena Yu. Alontseva, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
Alontseva.alena@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-2008-4171

Abstract:
Introduction. *The article examines the issues of correlation between the goals of criminal procedural activity and its purpose in the course of the fact-finding and certifying activity of the investigator and the interrogating officer. The article analyses the problems of cognisance and its correlation with proving, along with the relevance of considering this comparison. The goals and means of cognisance are identified, as well as current challenges in their application by officials in fulfilling the purpose of criminal proceedings. The study summarises scholarly views on the purpose of criminal proceedings, the essence and goals of cognisance in pre-trial proceedings, and how Article 6 of the Criminal Procedure Code shapes the fact-finding activities of investigators and inquiry officers. Issues concerning the purpose of criminal proceedings for victims and offenders are also addressed.* **Methods and results.** *To achieve the objective, the study employed the descriptive, formal-logical, and legal interpretation methods. The findings establish that, for investigators and inquiry officers, the purpose of criminal proceedings is shaped by the public interests of the state, and their fact-finding and certifying activity is oriented toward the attainment of this purpose through the legally prescribed means.*

Keywords:
criminal proceedings, purpose of criminal proceedings, investigator, inquiry officer, cognisance, certification, proving

For citation:
Alontseva E. Yu. The role of criminal proceedings in cognitive and evidentiary activities of investigators and inquiry officers // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 160–168.

**The article was submitted February 12, 2026;
approved after reviewing July 1, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Глобальные процессы, происходящие в современном в мире, развитие различных сфер деятельности общества, стремительный рост научных знаний, изменение социальных ориентиров и ценностей, прогрессивное развитие и внедрение информационных технологий, их доступность для любого человека вызывают изменения и в характере преступности, требуют современных подходов к противодействию преступности, к повышению качества расследования.

Данные факторы обусловливают прежде всего необходимость поиска новых взглядов на понимание и законодательное закрепление процессуальной деятельности следователя и дознавателя (совершение действий и принятие решений), ее оптимизацию с учетом новых реалий современности, поиск иных подходов к познавательно-удостоверительной их деятельности, являющейся основным способом познания произошедших и происходящих событий, и их правильному правовому закреплению, включая использование новых технических и информационных возможностей.

Сегодня социально-политические, международные проблемы остро ставят вопрос о выработывании современного взгляда на состояние борьбы с преступностью, формировании правосознания, складывающегося под влиянием воспитательной роли уголовного процесса и необходимости придания ему прогрессивного качества, определяющего правосознание.

Указанные обстоятельства и изменение характера преступности обостряют проблему отсутствия четкой законодательно закрепленной антикриминальной цели уголовного процесса[1]. Определение и уточнение целей уголовно-процессуальной деятельности следователя и дознавателя связаны и с возникающими в последнее время дискуссиями, касающимися назначения уголовного судопроизводства, сформулированного в уголовно-процессуальном законе чрезмерно узко. При этом некоторые авторы, характеризуя современное законодательство (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[2] (далее – УПК РФ)),

[1] Афанасьев А. Ю. Методология исследования доказывания преступной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2025. С. 2.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

отмечают исключительно охранительное назначение уголовного судопроизводства[3]. Возможно ли при обеспечении уголовно-процессуальной деятельности следователя и дознавателя в назначении уголовного судопроизводства сочетание двух направлений: государственного инструмента противодействия преступности и механизма защиты человека от ограничения его прав и свобод? Этот вопрос порождает необходимость поднять вопрос о приоритетах государственных интересов либо интересов личности, обеспечиваемых уголовно-процессуальной деятельностью следователя и дознавателя при совершении процессуальных действий и принятии решений для достижения назначения уголовного судопроизводства.

Методы и результаты

В связи с этим возникает потребность исследования обозначенной проблемы и поиска ответов на вопросы о том, в чем заключается назначение уголовного судопроизводства для следователя и дознавателя и каково оно для лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство; какие способы обеспечения соответствия процессуальных действий и решений следователя и дознавателя назначению уголовного судопроизводства имеют место в уголовно-процессуальной и непроцессуальной деятельности познавательно-удостоверительного характера.

Следует констатировать, что для участников уголовного судопроизводства на первом месте стоят интересы защиты своих прав, свобод. В свою очередь для следователя, дознавателя главное – защита интересов государства, осуществление уголовного преследования, предъявление лицу обвинения и реализация правоприменительной деятельности. Противоположность интересов указанных должностных лиц и лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство [1, с. 11–12], требует конкретизации сущности познавательно-удостоверительной деятельности следователя и дознавателя, которая оценивается прежде всего ее эффективностью в обеспечении достижения назначения уголовного судопроизводства.

В настоящее время ученые в своих научных работах часто высказывают мнение о невозможности обеспечить двуединое назначение уголовного судопроизводства. Такие цели уголовного процесса, как борьба с преступностью [2, с. 66] и защита прав участников уголовного судопроизводства, недопустимость их ограничения, обусловленные современной формулировкой назначения уголовного судопроизводства, остаются недостижимыми. Уголовное преследование, имеющее целью раскрытие преступления, изобличение лица, совершившего преступление, предъявление обвинения, в определенной степени соответствует уголовно-процессуальной деятельности следователя и дознавателя в контексте защиты прав и свобод потерпевших от преступлений, но их процессуальные действия и решения не должны быть ограничены исключительно интересами потерпевших.

Поскольку одинаково важны как признание прав личности, так и необходимости в то же время при расследовании преступлений руководствоваться интересами государства и общества, следует определить назначение уголовного судопроизводства с тем, чтобы оно в полной мере соответствовало достижению публичных интересов, отвечающих современному состоянию борьбы с преступностью. При этом следует отметить и социальное назначение уголовного судопроизводства [3, с. 48].

Познавательная (поисковая) деятельность, заключается в собирании и исследовании разнообразных фактов, на основании которых полностью восстанавливается прошлое событие [4, с. 162]. Познание обстоятельств прошлого, связанных с преступлением, извлечение информации и ее преобразование в процессуальную форму осуществляется в процессе доказывания по уголовному делу. Доказывание формализовано. Целью этой деятельности является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу[4] [5, с. 9; 6, с. 10]. Познание – это не только доказывание, осуществляемое в процессуальной форме. Некоторые авторы придерживаются мнения, что доказывание является частным случаем познания[5] [7, с. 212; 8, с. 146; 9, с. 244]. Однако следует согласиться и с другими учеными, полагающими, что само по себе познание гораздо шире сущности доказывания по уголовному делу. В целом всю процессуальную деятельность при производстве по уголовному делу многие авторы (И. Е. Адаменко, В. С. Балакшин, Д. Г. Дик, О. В. Левченко, Н. И. Малахова, С. В. Рудакова[6] и др.) рассматривают

[3] Антонов А. И. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности (теоретические идеи и правоприменительная практика) : дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005. С. 13.

[4] Государственный обвинитель в советском суде : [Пособие для прокурорских работников] / под общ. ред. зам. Ген. прокурора СССР В. А. Болдырева. Москва : Госюриздат, 1954. С. 12.

[5] Якупов Р.Х., Галузо В. Н. Уголовный процесс : учебник. 6-е изд. Москва : ТЕИС, 2008. С. 215–216.

[6] См.: Адаменко И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. 449 с. ; Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

как познание через призму философской категории. Эти авторы утверждают и обосновывают свою позицию, что доказывание является только частью уголовно-процессуального познания [10, с. 278]. Исходя из подобных взглядов и соотношения данных категорий, следует ответить на вопрос, направлена ли познавательно-удостоверительная деятельность только на достижение целей доказывания, либо в целом – на обеспечение назначения уголовного судопроизводства.

Специфичность уголовно-процессуального познания определяется не только постановкой вопросов о целях этой деятельности. Познавательно-удостоверительная деятельность следователя и дознавателя направлена на принятие ими решений и совершение процессуальных действий для обеспечения назначения уголовного судопроизводства. При этом значимым является также определение следующих аспектов: какое место в уголовно-процессуальной деятельности принадлежит другим участникам, осуществляющим познание; каков субъектный состав участников этой деятельности; каков характер процессуальной деятельности следователя и дознавателя в том случае, когда познание проводят адвокаты, органы дознания (оперативные сотрудники), эксперты, специалисты. Из этого следует, что круг лиц, осуществляющих познание, шире, чем только следователи и дознаватели. В таком случае вполне обосновано мнение, что познание шире доказывания, т. к. в процессе познавательной деятельности указанными субъектами она может иметь и непроцессуальный характер. Возможно, в подобных обстоятельствах следователь и дознаватель только удостоверяют результаты, полученные другими участниками судопроизводства.

Фундаментальные основы доказывания, являясь частью познавательной деятельности, давно сформированы, не потеряли значимости и сегодня, и было бы неверным утверждать в категоричной форме, что они неприемлемы, либо устарели. Однако ввиду несоответствия назначения уголовного судопроизводства современному состоянию противодействия преступности, невозможности для следователя и дознавателя на должном уровне обеспечивать интересы государства антикриминального характера или осуществлять защиту гражданина от ограничения его прав и свобод, следует проанализировать уголовно-процессуальную деятельность следователя и дознавателя при выполнении процессуальных действий и принятии решений, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства.

Необходимо также сказать о проводимых в настоящее время исследованиях, подтверждающих консервативность научной доктрины доказывания и наличие связи кризисного состояния уголовно-процессуальной системы именно с противоречиями, порождаемыми практической деятельностью по уголовно-процессуальному доказыванию, пробелами и парадоксами доказательственного права, методологической инертностью научной доктрины, разрабатывающей проблемы доказывания[7]. Особенности сочетания философского и юридического подхода к познанию характеризуют его как категорию, являющуюся основой доказывания, но при этом более емкую. С учетом обозначенной выше позиции традиционность (консервативность) и инертность научной доктрины может оказывать заметное влияние на всю познавательную деятельность следователя и дознавателя при производстве по уголовному делу.

Итак, в научных исследованиях сформировалось два основных направления о соотношении познания и доказывания. Первая позиция имеет давнее происхождение и опирается на научные исследования прошлого: познание – это доказывание. Вторая позиция более современная: доказывание является частью уголовно-процессуального познания. Полагаем, что настало время переосмыслить давно сложившийся и, как считают некоторые авторы, «консервативный» взгляд на понимание познания как доказывания.

Уголовный процесс имеет публичный характер, и в данном понимании интересы публичные должны преобладать над частными, и изменения в уголовно-процессуальном законе[8], касающиеся исключения ст. 128[1] УК РФ из перечня дел частного обвинения, это подтверждают. Процессуальные действия и решения следователя и дознавателя могут обеспечить соответствие их процессуальной деятельности публичному назначению уголовного судопроизводства только в случае, когда они направлены на разрешение правового спора и социального конфликта путем противодействия преступности, не затрагивая при этом правовых интересов

процессуального доказывания : Важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 532 с. ; Дик Д. Г. Соотношение познания и доказывания на предварительном слушании по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 258 с. ; Левченко О. В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование : дис. ... д-ра юрид. Наук. Краснодар, 2004. 418 с. ; Малахова Л. И. Уголовно-процессуальная деятельность : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. 206 с. ; Рудакова С. В. Познание судом обстоятельств уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 221 с.

[7] Афанасьев А. Ю. Указ. соч. С. 2.

[8] О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 7 июня 2025 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 23. Ст. 3005.

лиц, вовлеченных в уголовный процесс, связанных с защитой их прав, свобод и законных интересов. Именно последнее было положено разработчиками УПК РФ 2001 года в основу определения назначения уголовного судопроизводства в ст. 6.

Отступление от направленности назначения уголовного судопроизводства только на защиту, охрану прав лиц, являющихся участниками уголовного судопроизводства, имеющих личный интерес в производстве по уголовному делу, позволит по-иному взглянуть на процесс и результаты познавательно-удостоверительной деятельности следователя и дознавателя. Проблема соотношения интересов в уголовном судопроизводстве очевидна. Одной из важнейших остается задача обеспечения баланса между необходимостью раскрытия преступлений и защитой прав человека [2, с. 68; 11, с. 32].

Процессуальная деятельность, характеризующаяся познанием, может существенно разниться в зависимости от процессуальной формы предварительного расследования. Оптимизация уголовно-процессуальной формы связана с упрощением производства по делу.

Отсутствие познания в полном объеме и удостоверения возможных полученных результатов, сокращение целей и процессуальных средств уголовно-процессуальной деятельности – это те негативные явления, которые препятствуют установлению взаимосвязанных явлений и событий прошлого, извлечению искомой информации, надлежащей ее фиксации и, в свою очередь, могут исключать правовой характер ее результатов. Отсутствие четких пределов познавательной деятельности при упрощении процессуальных форм исключает формальный (основанный на полном и всестороннем исследовании) подход в уголовном процессе, что ведет к возможности принятия незаконного и (или) необоснованного решения по делу, меняет сам процесс познавательно-удостоверительной деятельности при производстве по уголовному делу, которая и является его основой и содержанием.

Попытки законодателя оптимизировать уголовно-процессуальную форму часто носят бессистемный характер. Так, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ[9] была введена, по сути, новая форма предварительного расследования – дознание в сокращенной форме. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ[10] система упрощенных процессуальных форм была дополнена производством о применении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Некоторые исследователи выделяют еще одну упрощенную процедуру, предусмотренную ст. 25 УПК РФ, – прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон. Она рассматривается как чрезмерно упрощенная разновидность основного производства по уголовному делу, едва ли не альтернативная уголовному преследованию [12].

Законодатель допускает прекращение уголовного дела или прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям в отношении лица, находящегося не только в процессуальном статусе обвиняемого, но и в процессуальном статусе подозреваемого, что ставит под сомнение результаты познавательно-удостоверительной деятельности по установлению фактических обстоятельств преступления, доказанности тех ли иных обстоятельств. Законодатель не требует в этих случаях и признания обвинения лицом, совершившим преступление. Достаточно установления факта возмещения вреда, причиненного преступлением, и соблюдения других дополнительных условий, не связанных с событием преступления, и налицо отсутствие процесса доказывания по уголовным делам, рассматриваемых в особом порядке, что свидетельствует о формальном характере законности приговоров в связи с неуверенностью суда в правильности его решения [13].

В отличие от сокращенного дознания, одним из требований производства которого является согласие потерпевшего, мнение последнего не учитывается при принятии решения об упрощении процессуальной формы предварительного расследования в связи с возможностью назначения меры уголовно-правового характера. Получается, что дифференциация процессуальной формы происходит без учета гарантий прав участников процесса. Статья 52 Конституции Российской Федерации гласит: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба»[11]. Однако при подобном положении вещей это конституционное требование должным образом не соблюдается. С одной стороны, искажение сущности процессуальных форм судопроизводства снижает их эффективность, приводит

[9] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

[10] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27. (ч. II). Ст. 4256.

[11] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 24.07.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

к глубоким кризисным явлениям в законодательстве и практике его применения. С другой стороны, подобная уголовно-процессуальная деятельность влечет в итоге вынесение судом обвинительного приговора, что в общем отвечает интересам государства и общества в борьбе с преступностью, но не всегда отвечает интересам потерпевшего. При этом интересы потерпевшего могут не совпадать с результатами познавательно-удостоверительной деятельности по уголовным делам, по которым итоговым решением является назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, где согласие потерпевшего не требуется; при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением признание либо непризнание им гражданского иска, заявленного потерпевшим, не влияет на вынесение судебного решения. Изучение судебной практики свидетельствует о том, что позиция потерпевшего относительно прекращения уголовного дела уточняется судом, несмотря на то что не имеет определяющего значения. Так, при рассмотрении уголовного дела мировым судьей в отношении В., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 Уголовного кодекса Российской Федерации[12], судья задавал вопросы потерпевшему о причине возражения о прекращении уголовного дела и назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Причиной возражения явилось несогласие потерпевшего с определением стоимости ущерба[13]. Таким образом, суд при принятии решения учитывает всю совокупность данных, включая мнение потерпевшего по вопросу заглаживания вреда, причиненного преступлением. Следует принять во внимание, что потерпевший в любом случае наделен правом обжалования решения по уголовному делу (ст. 42 УПК РФ), что в целом не противоречит его законным интересам.

Таким образом, в сокращенных производствах наиболее отчетливо проявляется ситуация, характеризующаяся меньшим объемом познавательно-удостоверительной деятельности следователя и дознавателя, однако ее результатом является обеспечение назначения уголовного судопроизводства в части раскрытия преступления, вынесения обвинительного приговора, предупреждения преступлений, возмещения в некоторых случаях ущерба, т. е. сущностью назначения уголовного судопроизводства для следователя и дознавателя являются государственные интересы борьбы с преступностью, восстановление справедливости.

При этом интересы обвиняемого могут быть не защищены. Поскольку в основу обвинения ложатся признательные показания, следователь, дознаватель не проверяют факт непричастности лица к совершению преступления в силу допустимых ограничений познания и доказывания. В случае сокращенного дознания в основу обвинения ложатся признательные показания подозреваемого, обвиняемого, что противоречит требованиям ст. 77 УПК РФ: «Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств»[14]. Из этого следует, что следователь и дознаватель при совершении процессуальных действий и принятии решений в упрощенных производствах не могут обеспечить то содержание и понимание назначения уголовного судопроизводства, которым оно является для лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство: охрану и защиту их прав, и свобод.

При недостаточности доказательственных результатов в силу неполного объема познавательно-удостоверительной деятельности следователя или дознавателя и ее средств назначение уголовного судопроизводства определяется целями реализации интересов публичного характера – борьбы с преступностью, причем существующие механизмы защиты прав участников процесса в расчет могут и не браться. Поэтому, по нашему мнению, для достижения назначения уголовного судопроизводства в его формулировке, регламентированной ст. 6 УПК РФ, сокращенные виды производства по уголовным делам следовало бы исключить.

Однако упрощенные производства не теряют высокой значимости как в следственной и судебной практике, так и в теории уголовного процесса. Число оконченных производством уголовных дел в особом порядке (упрощенном) в первом полугодии 2024 года составило 111,03 тыс., осуждены 91,2 тыс., прекращено в отношении 21,8 тыс. лиц. В 2023 году – 251,8 тыс. уголовных дел, осуждены 208,8 тыс. лиц, прекращено в отношении 48,4 тыс. лиц. В 2022 году количество оконченных дел составило 197,6 тыс. (в 2021 году – 211,6 тыс.), осуждены 184,3 тыс. лиц, прекращено в отношении 18,9 тыс. лиц, из них в основном с применением особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) вынесены приговоры или постановления о прекращении в 2022 году – 193,8 тыс. уголовных дел

[12] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[13] Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 762 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.07.2019) // Верховный Суд Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/28088/ (дата обращения: 15.01.2026).

[14] СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

(в 2021 году – 207,8 тыс.), осуждены – 181,7 тыс. лиц, (195,0 тыс.), прекращено уголовное преследование в 2022 году в отношении 18,9 тыс. лиц (в 2021 году – 20,3 тыс.). В порядке ст. 446[2] УПК РФ, т. е. по ходатайству следователя или дознавателя, в первом полугодии 2024 года – 5 211 дел, в 2023 году – 11 735 дел, в 2022 г. 6 482 дела, в 2021 г. было прекращено 17 772 дела[15].

Совершенствование процессуальной формы познавательно-удостоверительной деятельности необходимо для укрепления доверия граждан к деятельности правоохранительных органов и эффективного восстановления социальной справедливости, что подчеркивает соотношение назначения уголовного судопроизводства и показателей результатов деятельности по борьбе с преступностью. В соответствии с данными, опубликованными МВД России, в 2024 году из 1 911,3 тыс. зарегистрированных преступлений не раскрыто 929,7 тыс. преступлений, что на 2,0 % больше аналогичного показателя за 2023 год[16]. При этом удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных возрос с 30,6 % в 2023 году до 32,3 % в 2024 году[17]. Ущерб от преступлений в 2024 году по неоконченным и приостановленным уголовным делам составил 627,9 млрд руб., что на 6,9 % больше аналогичного показателя 2023 года. В январе – июне 2025 года зарегистрировано 940,5 тыс. преступлений, что на 1,8 % меньше, чем за аналогичный период предыдущего года, но при этом удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений вырос с 31,5 % в январе – июне 2024 года до 36,4 %. Не раскрыто 393,7 тыс. преступлений, что на 1,5 % меньше аналогичного показателя за январь – июнь 2024 года, однако из этого количества преступлений 35,6 % приходится на тяжкие и особо тяжкие, что выше аналогичного показателя на январь – июнь 2024 года (32,7 %). В 2023 году органами прокуратуры выявлено 417 235 нарушений закона на досудебных стадиях уголовного судопроизводства[18].

Статистические сведения о низкой раскрываемости преступлений, недостаточных показателях возмещения вреда, и нарушениях прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс, несомненно, отражают ситуацию по результатам познавательно-удостоверительной деятельности следователя и дознавателя, обусловленную прежде всего отсутствием прогрессивно изменяющихся в соответствии с потребностями государства взглядов на достижение этих результатов как следствие определения приоритетов и ценностей, формирующих назначение уголовного судопроизводства.

Актуализация проблем познавательно-удостоверительной деятельности обусловлена не только указанными обстоятельствами.

Уголовно-процессуальные отношения должны определять свои специфические уголовно-процессуальные средства, направленные на достижение целей уголовного судопроизводства. Однако в науке уголовного процесса наблюдается некая разобщенность в понимании средств познавательно-удостоверительной деятельности. Об отсутствии единой точки зрения по данному вопросу пишет и С. Б. Россинский [14, с. 38].

Общепринятыми следующие уголовно-процессуальные средства, обеспечивающие познание: доказывание, основным способом которого является производство следственных действий. Оперативно-розыскные мероприятия считаются средствами достижения целей уголовного процесса (уголовно-процессуальной деятельности)[19]. Вместе с тем исследователи обоснованно выделяют и более широкий круг средств познания, таких как учения о доказательствах, результатах оперативно-розыскной деятельности, презумпциях, преюдициях, общеизвестных фактах[20].

Отдельного внимания заслуживают следственные и иные процессуальные действия. Познание посредством производства следственных действий – это изучение обстоятельств

[15] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2024 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8773 (дата обращения: 15.01.2026) ; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год // Там же. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809 (дата обращения: 15.01.2026) ; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год // Там же. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645 (дата обращения: 15.01.2026) ; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год // Там же. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=6120 (дата обращения: 15.01.2026).

[16] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/59951540/ (дата обращения: 15.01.2026).

[17] Там же.

[18] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2023 год // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprt (дата обращения: 15.01.2026).

[19] См.: Селезнев Д. И. Средства уголовно-процессуальной деятельности: понятие и система : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 187 с.

[20] Левченко О. В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование : дис. ... д-ра юрид. наук. Астрахань, 2004. С. 5.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

преступления, взаимосвязи явлений, их закономерности, восприятия. Изменения в законодательстве в части изъятия электронных носителей информации, изъятия цифровой валюты при производстве следственных действий (ст. 164[1] и 164[2] УПК РФ) требуют от следователя и дознавателя иных, «нетрадиционных» методов познания. Здесь можно говорить о недостатке возможностей познавательно-удостоверительной деятельности в цифровой среде. С учетом новой реальности характер следственных и процессуальных действий предполагает использование познания с помощью компьютерных программ, технологий, участия специалиста по информационным системам, т. е. применение иного круга познавательно-удостоверительных средств в ходе предварительного расследования. Классические средства познания (в т. ч. и оперативные мероприятия) уже малоэффективны для получения нужной информации при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. При этом основанные на действующем законодательстве рекомендации и меры обеспечения оптимального баланса правообеспечения и ограничения прав в рамках деятельности по раскрытию и расследованию преступлений по-прежнему необходимое условие функционирования механизма обеспечения прав и свобод личности и правообеспечения в уголовном процессе[21] [15, с. 27–28; 16, с. 127]. Однако, по нашему мнению, они также потребуют переосмысления ввиду того, что интересы государства в раскрытии преступлений, установление виновных и достижение назначения уголовного судопроизводства повлекут изменения приоритетов, отдавая предпочтение публичным интересам.

Заключение

Проведенное исследование проблем назначения уголовного судопроизводства, определение его содержания, направления и сущности для следователя, дознавателя и лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство в ходе уголовно-процессуальной деятельности, показывает важность определения в новой действительности иных подходов к направленности познавательно-удостоверительной деятельности следователя и дознавателя, средствам познания и необходимости достижения публичных интересов государства в уголовно-процессуальной сфере. Необходимость совершенствования познавательной деятельности и средств познания в условиях их неоднозначности и неопределенности вызвана следующими обстоятельствами:

1) упрощением процессуальной формы расследования и возможностью уменьшения объема и направленности познавательной деятельности;

2) потребностью установления достоверности цифровой информации и ее относимости к познаваемым фактам ввиду изменений, связанных с использованием информационных технологий при производстве следственных действий (видео-конференц-связь, изъятие электронных носителей информации, изъятие цифровой валюты).

Список источников

1. *Григорьев В. Н., Зайцев О. А., Максимов О. А.* Ходатайства и жалобы как «градообразующий» элемент сущности уголовного процесса // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1 (71). С. 10–16. https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.1.2

2. *Мельников В. Ю.* Назначение уголовного судопроизводства, обязанность и ответственность властных субъектов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 3. С. 65–69.

3. *Лантух Н. В.* Роль уголовного преследования в системе уголовно-процессуальных институтов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 2. С. 47–52. https://doi.org/10.22394/2686-7834-2021-2-47-52

4. *Кругова Н. В.* Сущность познавательной деятельности следователя как субъекта труда в ходе производства следственных действий по уголовному делу // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2010. Т. 16, № 1. С. 162–164.

5. *Трусов А. И.* Основы теории судебных доказательств: Краткий очерк. Москва : Издательство юридической литературы, 1960. 176 с.

6. *Белкин А. Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: монография. Москва: Норма, 2005. 527 с.

7. *Антонова Э. Ю.* Доказывание как вид познания и его теоретическое и практическое значение. Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. с. 209–213.

8. *Писаревский И. И.* Соотношения познания и доказывания при определении наказания и проблемы качества приговоров. Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3 (64). С. 143–151. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.64.3.143-151

9. *Корнакова С. В.* Познание и доказывание в уголовном судопроизводстве: проблемы соотношения понятий. Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 3. С. 243–253. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(3).243-253

10. *Грудинин И. А.* Познание в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2 (15). С. 272–281.

11. *Попов К. И.* Назначение уголовного судопроизводства//Вестник Уральского института управления экономики и права. 2016. № 4 (37). С. 31–33.

[21] Гаврилов Б. Я. Реализация органами предварительного следствия правовых норм о защите конституционных прав и свобод человека и гражданина : дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2001. С. 24.

12. *Трубникова Т. В.* Теоретические основы упрощенных судебных производств: монография. Томск: Издательство Томского государственного университета, 1999. 132 с.

13. *Андросенко Н. В.* Признание вины в совершении преступления как условие принятия процессуальных решений по УПК РФ // Российский следователь. 2007. № 23. С. 6–8.

14. *Россинский С. Б.* Средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 37–45. https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-37-45

15. *Матвейкович М. С.* Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2018. № 5 (257). С. 26–35. https://doi.org/10.12737/art_2018_5_3

16. *Смирнова И. Г.* К вопросу о публичном и диспозитивном началах российского уголовного судопроизводства (через призму научных взглядов профессора Л. Н. Масленниковой) // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 127–133. https://doi.org/10.33184/pravgos-2025.1.14

References

1. *Grigor'ev V. N., Zajcev O. A., Maksimov O. A.* Hodatajstva i zhaloby kak «gradoobrazuyushchij» element sushchnosti ugolovnogo processa // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 1 (71). S. 10–16. https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.1.2

2. *Mel'nikov V. Yu.* Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva, obyazannost' i otvetstvennost' vlastnyh sub"ektov // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2013. № 3. S. 65–69.

3. *Lantuh N. V.* Rol' ugolovnogo presledovaniya v sisteme ugolovno-processual'nyh institutov // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya. 2021. № 2. S. 47–52. https://doi.org/10.22394/2686-7834-2021-2-47-52

4. *Krugova N. V.* Sushchnost' poznavatel'noj deyatel'nosti sledovatelya kak sub"ekta truda v hode proizvodstva sledstvennyh dejstvij po ugolovnomu delu // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika. 2010. T. 16, № 1. S. 162–164.

5. *Trusov A. I.* Osnovy teorii sudebnyh dokazatel'stv: Kratkij ocherk. Moskva : Izdatel'stvo yuridicheskoj literatury, 1960. 176 s.

6. *Belkin A. R.* Teoriya dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya. Moskva: Norma, 2005. 527 s.

7. *Antonova E. Yu.* Dokazyvanie kak vid poznaniya i ego teoreticheskoe i prakticheskoe znachenie. Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2015. № 1. s. 209–213.

8. *Pisarevskij I. I.* Sootnosheniya poznaniya i dokazyvaniya pri opredelenii nakazaniya i problemy kachestva prigovorov. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2016. № 3 (64). S. 143–151. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.64.3.143-151

9. *Kornakova S. V.* Poznanie i dokazyvanie v ugolovnom sudoproizvodstve: problemy sootnosheniya ponyatij. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2023. T. 17, № 3. S. 243–253. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(3).243-253

10. *Grudinin I. A.* Poznanie v ugolovnom sudoproizvodstve // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2010. № 2 (15). S. 272–281.

11. *Popov K. I.* Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva//Vestnik Ural'skogo instituta upravleniya ekonomiki i prava. 2016. № 4 (37). S. 31–33.

12. *Trubnikova T. V.* Teoreticheskie osnovy uproshchennyh sudebnyh proizvodstv: monografiya. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999. 132 s.

13. *Androsenko N. V.* Priznanie viny v sovershenii prestupleniya kak uslovie prinyatiya processual'nyh reshenii po UPK RF // Rossijskij sledovatel'. 2007. № 23. S. 6–8.

14. *Rossinskij S. B.* Sredstva dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2023. T. 9, № 1. S. 37–45. https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-37-45

15. *Matvejkovich M. S.* Realizaciya konstitucionnyh norm i zashchita prav cheloveka v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 5 (257). S. 26–35. https://doi.org/10.12737/art_2018_5_3

16. *Smirnova I. G.* K voprosu o publichnom i dispozitivnom nachalah rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva (cherez prizmu nauchnyh vzglyadov professora L. N. Maslennikovoj) // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 1. S. 127–133. https://doi.org/10.33184/pravgos-2025.1.14

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 343.893

Холодное оружие: лабиринт государственных стандартов и правовая неопределенность

Вадим Викторович Антонченко, кандидат юридических наук, доцент

Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России
Владивосток, Русский Остров (690922, Приморский край, пос. Аякс, д. 27), Российская Федерация
antovadim@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-0319-562X

Аннотация:
Введение. *Вопрос отнесения предмета к холодному оружию является критически важным в правоприменительной практике. От решения этого вопроса зависит квалификация административных правонарушений и преступлений, связанных с его применением и оборотом, и, соответственно, степень и мера ответственности правонарушителей. В России криминалистическая экспертиза холодного оружия опирается на ряд нормативных документов, особое место среди которых занимают государственные стандарты (далее – ГОСТы), являющиеся нормативно-техническими актами.* **Материалы и методы.** *Ключевым условием эффективности криминалистической деятельности и в целом успеха практической юриспруденции, стремящейся к осмыслению теоретических концепций через оптимизацию правоприменительных процессов, является точность полученных данных и убедительность выводов исследователя. Для выполнения этих условий автором использованы методы критического анализа и синтеза информации, комплексного и детального осмысления нормативных правовых и нормативно-технических актов в области классификации, оборота и экспертной оценки холодного оружия и изделий, внешне сходных с таким оружием.* **Результаты.** *Несмотря на обилие ГОСТов, посвященных стандартизации холодного оружия и предметов, схожих с ним, единая и исчерпывающая классификации в данной области отсутствует. Сами ГОСТы, назначением которых является обеспечение качества и безопасности продукции, описывают характеристики и свойства объектов, но не определяют их правовой статус, следовательно, их нормы не могут быть основанием правовых решений, принимаемых по административным и уголовным делам. Ключевым различием между холодным оружием и предметами, не относящимися к таковому, является их предназначение и цель использования. Низкое качество юридической техники, использованной при разработке и актуализации действующих ГОСТов, в значительной степени дублирующих друг друга и одновременно содержащих противоречивую информацию, определить такое различие не позволяет. Это приводит к правовой неопределенности для граждан и затруднениям в работе правоохранительных органов, связанным с возможными ошибками в правоприменении.*

Ключевые слова:
холодное оружие, признаки холодного оружия, экспертиза холодного оружия, гражданское холодное оружие, нож, охотничий нож, ножи для выживания, холодное клинковое оружие, клинок, ГОСТ

Для цитирования:
Антонченко В. В. Холодное оружие: лабиринт государственных стандартов и правовая неопределенность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 169–184.

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 03.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

Original article

Cold steel weapons: a maze of state standards and legal uncertainty

Vadim V. Antonchenko, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Far Eastern Fire and Rescue Academy – branch of the Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia
27, Ayaks settlement, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, Russian Federation
antovadim@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-0319-562X

© Антонченко В. В., 2026

Abstract:
Introduction. *The question of whether an object is classified as a cold steel weapon is of critical importance in law enforcement practice. The classification of administrative and criminal offences relating to the use and trafficking of such weapons, and consequently the degree and extent of the offenders' liability, depend on the resolution of this issue. In Russia, forensic examination of cold steel weapons is based on a number of regulatory documents, amongst which state technical standards occupy a special place.* **Materials and methods.** *A key prerequisite for the effectiveness of forensic activities and, more broadly, for the success of practical jurisprudence, aimed at interpreting theoretical concepts through the optimisation of law-enforcement processes, is the accuracy of the data obtained and the persuasiveness of the researcher's conclusions. In order to satisfy these conditions, the author has employed methods of critical analysis and synthesis of information, as well as a comprehensive and detailed examination of statutory and technical regulations governing the classification, circulation, and expert assessment of cold steel weapons and items outwardly similar to such weapons.* **Results.** *Despite the abundance of state standards related to the standardisation of cold steel weapons and similar items, there is no uniform and comprehensive classification in this field. The state standards themselves, which are intended to ensure the quality and safety of products, describe the characteristics and properties of such items but do not define their legal status; consequently, their provisions cannot form the basis for legal decisions in administrative and criminal cases. The key distinction between cold steel weapons and items that do not fall into this category lies their intended purpose and use. The poor quality of the legal drafting used in developing and updating the current state standards, which largely duplicate one another whilst also containing contradictory information, makes it impossible to identify such differences. This leads to legal uncertainty for citizens and difficulties for law enforcement agencies, associated with potential errors in the application of the law.*

Keywords:
cold steel weapons, characteristics of cold steel weapons, forensic examination of cold steel weapons, civilian cold steel weapons, knife, hunting knife, survival knives, cold steel bladed weapons, blade, state standard

For citation:
Antonchenko V. V. Cold steel weapons: a maze of state standards and legal uncertainty // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 169–184.

The article was submitted January 29, 2026; approved after reviewing July 3, 2026; accepted for publication September 25, 2026.

Введение

Актуальность темы определения того, является ли некий предмет (в большинстве случаев нож) холодным оружием, крайне высока. Эта процедура, выполняемая в рамках криминалистической экспертизы, – не просто юридическая формальность, а реальная проблема, с которой сталкиваются правоохранительные органы. Правильная квалификация предмета во многом определяет наличие факта правонарушения (преступления), его объективную сторону и влияет на степень юридической ответственности.

Современные стали и другие материалы, позволяющие создавать клинки с высокой твердостью, износостойкостью и коррозионной стойкостью, используются для изготовления равно как охотничьих, так и туристских ножей, а также высококачественных бытовых. Все указанные категории ножей требуют прочного клинка, удобной рукояти и способности выдерживать значительные нагрузки, что приводит к схожим конструктивным решениям. Эргономичная рукоять, обеспечивающая надежный хват, и сбалансированный клинок важны как для разделки дичи, так и для нарезки продуктов на пикнике, а многие дизайнерские решения, изначально разработанные для боевых и охотничьих ножей (например, формы клинков «дроп-пойнт», «танто», «боуи»), доказавших свою эффективность, находят свое применение и в туристских и даже в некоторых хозяйственно-бытовых моделях. Между тем идентификация холодного оружия необходима прежде всего для определения границ его оборота и использования – ограничений на ношение, изготовление и сбыт, установленных Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации[1].

Новизна исследования состоит в том, что автор не рассматривает саму процедуру криминалистической экспертизы, а критически осмысливает качество документов – государственных стандартов (далее – ГОСТ), которые лежат в ее основе, выявляет пробелы, противоречия и недостатки, которые могут иметь далеко идущие последствия для качества и достоверности экспертных заключений.

Криминалистическим исследованиям холодного оружия посвящено множество научных исследований и учебных изданий, однако в основном они носят прикладной узкоспециализированный и методический характер[2]. Комплексному исследованию холодного оружия и следов

[1] О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1998. № 32. Ст. 3878.

[2] См.: Гобеев А. С. Криминалистическое исследование холодного оружия : Лекция. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2001. 29 с. ; Плескачевский В. М. Оружие в криминалистике : Понятие и классификация. Москва : Спарк, 2001. 342 с. ; Дильдин Ю. М., Синицын Е. Ю., Герасимов А. М., Рыжков В. Л. Криминалистическое исследование холодного, метательного оружия и конструктивно сходных с таким оружием изделий : учебное пособие. Москва : ЭКЦ МВД России, 2005. 208 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

его применения, формулированию понятия и криминалистической классификации холодного оружия посвящены различные учебно-методические[3] и научные работы [1]. М. В. Косенко, рассматривая вопросы, связанные с особым местом холодного оружия в классификации современного оружия, предлагает различные подходы отграничения такого оружия от оружия других видов [2]. Понятие, предмет, задачи и объекты судебной экспертизы холодного и метательного оружия исследовал А. В. Кокин [3]. Проблемами криминалистического оружиеведения на диссертационном уровне занимались В. В. Зырянов и В. А. Ручкин[4]. В. А. Омельченко и другие авторы указывают на сложность исследования холодного оружия, изготовленного с применением современных технологий [4]. Не остается без научного осмысления и область законодательства зарубежных стран в сфере регулирования оборота оружия и противодействия его незаконному обороту [5]. Следует отметить, что большинство исследователей говорят о сложности разграничения предметов, являющихся холодным оружием, и изделий хозяйственно-бытового назначения.

Исследование холодного и метательного оружия и конструктивно сходных с таким оружием изделий проводится на основании ведомственных нормативных документов и методик МВД России, Минюста России, ФСБ России и других органов исполнительной власти. Основанная на стандартизированных подходах к экспертизе холодного оружия методика экспертного решения вопроса о принадлежности предмета к холодному оружию применялась с 1998 г.[5] В 2010 году увидела свет Методика «Экспертиза холодного и метательного оружия», разработанная ЭКЦ МВД России[6]. Наиболее актуальные в настоящее время алгоритмы и процедуры криминалистического исследования холодного и метательного оружия представлены в методике В. Н. Шведко, Е. Ю. Синицина, О. Б. Антроповой и П. А. Родионова[7].

Целью данного исследования является всесторонний анализ и оценка существующей законодательной базы, регулирующей производство экспертизы холодного оружия, выявление пробелов, противоречий и неточностей, а также разработка предложений по ее совершенствованию. Для достижения поставленной цели автор решает задачу анализа действующих нормативных актов, регулирующих оборот холодного оружия и производство его экспертизы, выявления пробелов и противоречий в них, критериев, используемых при классификации холодного оружия, обнаружения коллизий, приводящих к неоднозначному толкованию, которые могут быть причиной неверной интерпретации и ошибочных выводов эксперта-криминалиста.

Методы

С 2012 года сертификацию холодного, метательного оружия и изделий, конструктивно сходных с таким оружием, выполняют негосударственные организации. Сборники информационных листков прошедших сертификационные криминалистические испытания образцов предметов сегодня не издаются, что вполне оправдано, поскольку ежедневно производится (в т. ч. и за рубежом) и продается бесчисленное множество предметов, конструктивно сходных с таким оружием. Сегодня в случае отсутствия сертификата, который однозначно относит предмет к холодному оружию, любой предмет не считается таковым, пока экспертиза не установит обратное. При этом регламент криминалистической экспертизы, как и хитросплетения норм, по которым устанавливается принадлежность изделия к холодному оружию, недоступны подавляющему большинству граждан.

В ходе исследования автором использованы научные методы, обеспечивающие достоверность полученных данных и обоснованность выводов, что является критически важным для

---

[3] См.: Козлов В. В., Кирсанов В. Н., Колоколов Г. Р., Иванов А. Н. Криминалистическое и судебно-медицинское исследование холодного оружия и следов его применения : учебное пособие. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2006. 88 с.

[4] См.: Зырянов В. В. Проблемы криминалистического оружиеведения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998. 23 с. ; Ручкин В. А. Концептуальные основы экспертного исследования оружия и следов его применения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2004. 46 с.

[5] Методика экспертного решения вопроса о принадлежности предмета к холодному оружию (утв. Федеральным межведомственным координационно-методическим советом по проблемам экспертных исследований и рекомендована для использования в экспертных учреждениях Российской Федерации 18.11.1998 г., протокол № 5) // Экспертно-криминалистический центр при Управлении внутренних дел Северо-Западного административного округа г. Москвы : [сайт]. UPL: www.eko-czao/narod.ru (дата обращения: 14.06.2026).

[6] См.: Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств : Ч. 1 / под ред. Ю. М. Дильдина ; общ. ред. В. В. Мартынова. Москва : ЭКЦ МВД России, 2010. С. 517–564.

[7] См.: Шведко В. Н., Синицин Е. Ю., Антропова О. Б., Родионов П. А. Криминалистическое исследование холодного и метательного оружия : методические рекомендации. Москва : ЭКЦ МВД России, 2020. 88 с.

развития криминалистической науки и эффективного применения ее результатов в правоприменительной практике: метод критического анализа (выявление пробелов в нормативных документах, противоречий и актуальных дискуссионных вопросов), синтез информации (объединение данных из различных источников для формирования целостной картины исследуемой проблемы, выявление общих тенденций, закономерностей и ключевых концепций), анализ законодательства и судебной практики в области классификации холодного оружия, порядка его оборота и проведения экспертиз.

Результаты

В мире ножей существует множество классификаций, но одна из самых важных – это разделение на холодное оружие и предметы хозяйственно-бытового назначения. Эта грань, казалось бы, должна быть четкой и недвусмысленной, однако на практике она часто размывается, вызывая вопросы и споры. Особенно это касается ножей хозяйственно-бытового и туристского назначения, которые по своим конструктивным признакам крайне незначительно отличаются от охотничьих ножей и ножей для выживания, являющихся холодным оружием. Более того, данные отличия в большинстве случаев никак не влияют на боевые и поражающие свойства таких предметов.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях[8] (далее – КоАП РФ) предусматривает ответственность за нарушение правил производства, продажи, хранения или учета оружия (ст. 20.8), нарушение сроков регистрации (перерегистрации) оружия или сроков постановки его на учет (ст. 20.11), нарушение правил перевозки, транспортирования или использования оружия (ст. 20.12); нарушение правил сертификации оружия (ст. 20.14). Предметом данных норм является как огнестрельное, так и холодное оружие. Уголовным кодексом Российской Федерации[9] (далее – УК РФ) установлена ответственность за незаконный сбыт холодного оружия, в т. ч. метательного оружия (ч. 4 ст. 222) и за незаконное изготовление холодного или метательного оружия (ч. 4 ст. 223).

Проблема определения того, является ли предмет холодным оружием, имеет значение не только для области его оборота. Применение предмета, признанного холодным оружием, для нападения или обороны может повлечь за собой более суровые последствия, чем использование обычного предмета. Так, например, Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что квалифицировать действия виновного по ч. 2 ст. 162 УК РФ следует с учетом положений Федерального закона «Об оружии»[10] и на основании заключения эксперта устанавливать, является ли примененный при нападении предмет оружием[11]. Также, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, при рассмотрении дел о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и устройств суды обязаны выяснять, действительно ли изъятые предметы являются оружием, его основными частями или комплектующими. Для этого обязательно проведение экспертизы, отвечающей на вопрос, относятся ли к оружию предметы, которые фигурируют в незаконных действиях (ношение, хранение, приобретение, изготовление, сбыт, хищение)[12].

Основным правовым актом, определяющим, что является холодным оружием в правовом смысле, является Федеральный закон «Об оружии». Этот закон устанавливает общие принципы оборота оружия на территории Российской Федерации, классифицирует его виды и определяет требования к их приобретению, хранению, ношению и использованию. Ключевым документом, определяющим правовой статус холодного оружия, могли бы быть упомянутые выше Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему, однако этот документ не содержит информации о признаках, по которым предмет может быть отнесен к холодному оружию и которые позволяют отличить его от предметов хозяйственно-бытового назначения или спортивного инвентаря. Более того, системный анализ данного нормативного акта (прежде всего

[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[9] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[10] Об оружии : Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

[11] О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верхового Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.

[12] О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 (ред. от 11.06.2019) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 5.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

название, содержащее конструкцию «оружия и патронов к нему», многократно повторяющуюся в тексте) порождает неустранимые сомнения в том, что этот акт регулирует оборот холодного оружия. Очевидно, что речь в нем идет об оружии, в комплекте к которому имеются патроны; к холодному же оружию патронов быть не может по определению. Недаром учеными высказывается мнение, что в правовой регламентации оборота оружия холодному оружию отведено рудиментарное место [6].

Холодное оружие – это неотъемлемое свойство конкретного предмета. Такие свойства закладываются в предмет производителем, но вопрос об отнесении конкретного предмета к холодному оружию (выявление совокупности этих свойств) решается только по результатам криминалистической экспертизы или сертификации. Исследование холодного оружия является сегодня самостоятельным видом криминалистической судебной экспертизы. Производство судебных экспертиз регламентировано Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации[13] и Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[14].

На практике отнесение предмета к холодному оружию в рамках соответствующей экспертизы производится на основании нескольких ГОСТов – нормативных документов, устанавливающих комплекс требований к продукции, услугам, процессам, методам контроля и испытаний. ГОСТы, играющие в данном контексте основную роль, используются экспертами как главный инструмент при проведении экспертизы, помогая установить объективные характеристики предмета. К таким ГОСТам относятся[15]: ГОСТ Р 51015-97 «Ножи хозяйственные и специальные. Общие технические условия»[16]; ГОСТ Р 51215-98 «Оружие холодное. Термины и определения»[17]; ГОСТ Р 51500-99 «Ножи и кинжалы охотничьи. Общие технические условия»[18]; ГОСТ Р 51501-99 «Ножи туристические и специальные спортивные. Общие технические условия»[19]; ГОСТ Р 51548-2000 «Ножи для выживания. Общие технические условия»[20]; ГОСТ Р 51644-2000 «Ножи разделочные и шкуросъемные. Общие технические условия»[21]; ГОСТ Р 51715-2001 «Декоративные и сувенирные изделия, сходные по внешнему строению с холодным или метательным оружием. Общие технические требования»[22]; ГОСТ Р 51895-2002 «Оружие холодное клинковое для ношения с казачьей формой и национальными костюмами народов Российской Федерации. Общие технические требования. Методы контроля»[23]; ГОСТ Р 51905-2002 «Арбалеты спортивные, арбалеты для отдыха и развлечения и снаряды к ним. Технические требования и методы испытаний на безопасность»[24]; ГОСТ Р 52115-2003 «Метательное оружие. Луки спортивные, луки для отдыха и развлечения и стрелы к ним. Общие технические требования. Методы испытаний на безопасность»[25]; ГОСТ Р52737-2007 «Тесаки охотничьи, мачете туристические, разделочные,

---

[13] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[14] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

[15] Здесь и далее содержание государственных стандартов приводится по каталогу национальных стандартов (Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) : [официальный сайти]. URL: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/catalognational?ysclid=mkxh08m5ge434474772 (дата обращения: 14.06.2026) (*прим. авт.*).

[16] ГОСТ Р 51015-97. Ножи хозяйственные и специальные : Общие технические условия. Москва : Издательство стандартов, 1997. 16 с.

[17] ГОСТ Р 51215-98. Оружие холодное : Термины и определения. Москва : Издательство стандартов, 1999. 20 с.

[18] ГОСТ Р 51500-99. Ножи и кинжалы охотничьи : Общие технические условия. Москва : Издательство стандартов, 2000. 14 с.

[19] ГОСТ Р 51501-99. Ножи туристические и специальные спортивные : Общие технические условия. Москва : Издательство стандартов, 2000. 13 с.

[20] ГОСТ Р 51548-2000. Ножи для выживания : Общие технические условия. Москва : Издательство стандартов, 2000. 10 с.

[21] ГОСТ Р 51644-2000. Ножи разделочные и шкуросъемные : Общие технические условия. Москва : Издательство стандартов, 2000. 14 с.

[22] ГОСТ Р 51715-2001. Декоративные и сувенирные изделия, сходные по внешнему строению с холодным или метательным оружием : Общие технические требования. Москва : Издательство стандартов, 2001. 7 с.

[23] ГОСТ Р 51895-2002. Оружие холодное клинковое для ношения с казачьей формой и национальными костюмами народов Российской Федерации : Общие технические требования. Методы контроля. Москва : Издательство стандартов, 2002. 6 с.

[24] ГОСТ Р 51905-2002. Арбалеты спортивные, арбалеты для отдыха и развлечения и снаряды к ним : Технические требования и методы испытаний на безопасность. Москва : Издательство стандартов, 2002. 12 с.

[25] ГОСТ Р 52115-2003. Метательное оружие. Луки спортивные, луки для отдыха и развлечения и стрелы к ним : Общие технические требования. Методы испытаний на безопасность. Москва : Издательство стандартов, 2003. 8 с.

инструменты для восстановительных и спасательных работ. Общие технические требования и методы испытаний на безопасность»[26].

Между тем ГОСТ не является нормативным правовым актом. По своей правовой природе он относится к нормативным техническим актам. Это означает, что ГОСТ не содержит правовых норм или правил поведения, а представляет собой документ, устанавливающий технические требования к продукции, процессам, услугам и другим объектам стандартизации. Основное назначение любого ГОСТа – это обеспечение качества продукции и услуг, а также безопасности их потребителей. ГОСТы способствуют унификации и стандартизации различных элементов и систем, упрощая производство, обмен информацией и взаимодействие. Они регламентируют такие аспекты, как размеры, материалы, технические характеристики, методы испытаний, маркировку и упаковку.

На первый взгляд, кажется логичным, что ГОСТы могут быть применимы к холодному оружию. Ведь и оно является продукцией, обладающей определенными характеристиками. ГОСТы содержат определения различных видов холодного оружия, устанавливают общие технические требования к его изготовлению, материалам, прочности, твердости и другим параметрам. Они могут быть использованы экспертами при проведении криминалистических экспертиз для определения соответствия исследуемого предмета установленным стандартам.

Именно здесь и возникает ключевая проблема – ГОСТы по своей сути являются техническими документами. Стандартизация, основанная на ГОСТах, ведет к снижению производственных затрат. ГОСТы являются инструментом защиты прав потребителей, они дают четкое представление о том, какие характеристики и свойства должна иметь продукция, и позволяют потребителям предъявлять претензии производителям или продавцам в случае несоответствия. ГОСТы, особенно те, которые гармонизированы с международными стандартами (например, International Organization for Standardization, ISO), облегчают торговлю как на внутреннем, так и на внешнем рынках, продукция, соответствующая признанным стандартам, легче проходит таможенный контроль и вызывает больше доверия у зарубежных партнеров. Таким образом, основное назначение ГОСТов – это обеспечение качества и безопасности продукции, а не регулирование общественных отношений. В целом, ГОСТы описывают характеристики и свойства объектов, но не определяют их правовой статус. Между тем ключевое различие между холодным оружием и предметами, не относящимися к таковому, кроется в предназначении. В соответствии со статьей 2 Федерального закона «Об оружии»[27], одним из оснований классификации оружия является цель использования.

Можно утверждать, что фундаментальной проблемой является недостаточная четкость и актуальность законодательной базы, расплывчатые критерии отнесения предметов к холодному оружию. Терминология (несмотря на существование ГОСТа, устанавливающего термины и определения в данной сфере), а тем более критерии холодного оружия остаются размытыми; разграничение между холодным оружием и предметами хозяйственно-бытового назначения, конструктивно сходными с холодным оружием, затруднительно. Отсутствие единой, исчерпывающей и легкодоступной классификации холодного оружия создает путаницу для производителей, продавцов и потребителей.

Как показывает в своем исследовании Л. Б. Беспалова, лица, привлеченные к ответственности за незаконный оборот холодного оружия, в качестве оправдания часто говорят о своей неосведомленности о принадлежности ножа (другого устройства) к холодному оружию, что не освобождает от ответственности. Определить, является или нет данный предмет или устройство холодным оружием, может лишь эксперт, имеющий право на производство экспертиз холодного оружия, т. е. обладающий специальными познаниями[28]. О том, что в отдельных случаях невозможно разграничить холодное оружие и предметы хозяйственно-бытового назначения, что возможность определения вида оружия становится необъективной (охотничье, боевое и др.) и представляется сомнительной, говорит М. В. Дульцев [7]. Небесспорность отнесения того или иного предмета к холодному оружию отмечает А. А. Малых [8]. Д. С. Гольцев и Г. Ю. Гусев пишут о том, что методики и нормативная база, касающиеся оружия, являются устаревшими, а имеющиеся в них противоречия усложняют практическую работу по исследованию холодного оружия [9]. Действительно, сегодня вместо единого, четко структурированного документа,

[26] ГОСТ Р52737-2007. Тесаки охотничьи, мачете туристические, разделочные, инструменты для восстановительных и спасательных работ : Общие технические требования и методы испытаний на безопасность. Москва : Стандартинформ, 2007. 12 с.

[27] СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

[28] См.: Беспалова Л. Б. Криминалистическая экспертиза холодного оружия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1998. 24 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

регулирующего все аспекты исследования холодного оружия, мы имеем разрозненный набор актов, которые в лучшем случае дублируют друг друга; в худшем же – друг другу противоречат.

Рассмотрим признаки холодного оружия, на которые указывает приложение В к ГОСТ Р 51015-97:

– *наличие у изделия конструктивных элементов с острием и (или) одним (двумя) лезвием (лезвиями) и (или) сосредоточенной массой и твердой поверхностью* – данный признак не дает никаких сведений, позволяющих отграничить холодное оружие от другого предмета – любая игла, шило, хозяйственный нож обладает острием и (или) лезвием, а любой камень обладает сосредоточенной массой;

– *соответствие массы и габаритных размеров изделия физическим возможностям человека, позволяющим носить эти изделия и управлять ими вручную* – данный признак относится к большинству предметов, окружающих человека;

– *достаточность мускульной энергии человека для эффективного поражения живой цели при однократном применении изделия* – данный признак может относится к множеству предметов повседневного обихода: предметам мебели, посуды, инструмента, инвентаря и т. д.;

– *отсутствие прямого и удобного способа применения изделия для выполнения хозяйственно-бытовых или производственных работ* – данный признак, наоборот, позволяет исключить из категории холодного оружия подавляющее большинство относящихся к нему предметов; так, конструкция охотничьего ножа, являющегося холодным оружием, как раз и отличается удобством в использовании при выполнении самого разного вида работ (острая заточка, удобный хват, травмобезопасная рукоять, наличие гарды и т. д.);

– *наличие конструктивных элементов, способствующих применению изделия для поражения цели и мешающих выполнению хозяйственно-бытовых или производственных работ* – данный признак без его конкретизации не имеет практического значения: большинство тех качеств предмета, которые способствуют поражению цели (например, заточка, прочность, удобство применения и т. д.), также способствуют выполнению хозяйственно-бытовых или производственных работ;

– *наличие у изделия прочности и надежности, избыточных для использования его в качестве инструмента при выполнении хозяйственно-бытовых работ* – данный признак также не имеет практического значения без его конкретизации: выполнение хозяйственно-бытовых работ часто требует не меньшей, а значительно большей прочности и надежности инструмента, чем у холодного оружия, предназначенного для поражения живой цели (специальные и спортивные ножи, топоры, пилы, режущий инструмент и т. д.).

Указанный ГОСТ, устанавливая терминологию в области холодного оружия, одновременно приводит недопустимые к применению термины-синонимы. Рациональность такого подхода вызывает сомнения, поскольку очевидно, что перечень недопустимых понятий к любому из определений может зависеть от территориальных, национальных, местных, исторических, и других факторов, а, значит, быть настолько широким и ничем не ограниченным, что вряд ли подлежит стандартизации.

Данный ГОСТ устанавливает, что метаемое (холодное) оружие – холодное оружие, поражающее цель на расстоянии при метании вручную. Это противоречит определению метательного (или, по ГОСТу, метаемого) оружия, данному в ст. 1 Закона «Об оружии», в соответствии с которым холодным оружием является оружие, предназначенное для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения, а к метательному относится оружие, предназначенное для поражения цели на расстоянии, метаемое с использованием мускульной силы человека (метательное бросковое оружие), а также оружие, предназначенное для поражения цели на расстоянии снарядами, метаемыми с использованием механической энергии (метательное стрелковое оружие)[29]. На практике вместе с тем, как холодным, так и метаемым оружием может быть метательный нож [10].

В приложении Б рассматриваемый стандарт перечисляет образцы некоторых типов иностранного, в основном устаревшего, холодного оружия. Это может быть познавательным с исторической и этнографической точек зрения, однако в чем практическая польза установления того, что, например, фэйча – это китайский дротик длиной около 50 см с трезубцем, а себо – это явара в виде короткого стержня с кольцом? Неясна также цель приведения в стандарте иноязычных эквивалентов стандартизованных терминов на немецком, английском и французском языках – если есть необходимость стандартизации терминов на иностранных языках, то почему выбраны именно эти языки, а не, например, китайский и испанский? Представляется,

[29] СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

что в существующем виде ГОСТ Р 51015-97 не имеет практического значения для правоприменения и правового регулирования.

ГОСТ Р 51500-99 и ГОСТ Р 51548-2000 устанавливают, что основным назначением охотничьих ножей, как и ножей для выживания, является поражение и добивание зверя (в т. ч. морского зверя или крупной рыбы), защита при его нападении. Ножи охотничьи могут также применяться и при разделке туш, и (или) при снятии шкур. Ножи для выживания могут применяться для использования в тяжелых (экстремальных) походных условиях, путешествиях и занятиях спортивным туризмом, в т. ч. его специальными видами (альпинизмом и водным туризмом). Кроме того, те и другие ножи применяются для хозяйственных целей. Указанные ГОСТы относят ножи и кинжалы охотничьи, ножи для выживания к гражданскому холодному клинковому оружию.

ГОСТ Р 51501-99 и ГОСТ Р 51644-2000 устанавливают, что ножи туристские (по ГОСТу туристические) и специальные спортивные предназначены для выполнения широкого круга хозяйственно-бытовых работ в походных условиях при занятиях оздоровительным и спортивным туризмом, в качестве специальных ножей при занятиях альпинизмом, водным туризмом, подводным плаванием, парашютным спортом и т. д., а ножи разделочные и шкуросъемные предназначены для использования как в условиях промысловой или спортивной охоты (в т. ч. подводной) и рыбалки, так и в хозяйственных целях: для снятия шкур и разделки туш диких и домашних животных (в т. ч. морских, рыб и птиц). Указанные ГОСТы относят ножи туристские и специальные спортивные, ножи разделочные и шкуросъемные к хозяйственно-бытовым изделиям и указывают, что они не являются холодным оружием.

Уникальным является ГОСТ Р52737-2007 – он посвящен одновременно и предметам, являющимся холодным оружием, и изделиям, не являющимся таковыми. Согласно пунктам 4.1.1 и 4.2.3 данного акта, охотничьи тесаки относятся к холодному оружию и при их изготовлении допускается использовать конструктивные решения, принятые в образцах военного холодного оружия. В соответствии с п. 4.1.2, туристические, разделочные мачете и инструменты для восстановительных и спасательных работ (ИВСР) являются хозяйственно-бытовыми изделиями и не относятся к холодному оружию. И охотничьи тесаки, и туристические, и разделочные мачете предназначены для выполнения одинаковых задач: разделки туш и (или) снятия шкур, других хозяйственных целей в условиях промысловой или спортивной охоты и в быту. Очевидно также, что при защите от нападения человека или зверя может (будет) использоваться для самообороны любой нож, независимо от его названия.

Таким образом, сферы применения всех указанных выше видов ножей пересекаются между собой до степени полного смешения.

Отдельно следует остановиться на холодном оружии для ношения с казачьей формой и национальными костюмами народов Российской Федерации. В соответствии с ГОСТ Р 51895-2002, это оружие должно иметь все свойства полноценного боевого, рассчитанного на поражение человека (п. 4.1). С этой целью оно должно быть удобным в применении и ношении (п. 4.2), обеспечивать возможность неоднократного поражения цели без его разрушения (п. 4.3).

Закон «Об оружии»[30] (ст. 24) запрещает иметь при себе оружие во время участия в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях, пикетировании, религиозных обрядах и церемониях, культурно-развлекательных, спортивных и иных публичных мероприятиях. Однако эта же норма делает исключение для холодного оружия при казачьей форме и национальных костюмах.

Такую попытку вписать традиции, сформировавшиеся в других исторических и социальных условиях, в реалии XXI века, вряд ли можно назвать обоснованной. Зачем элементу костюма – предмету, применяющемуся в культурном контексте, нужны функциональные свойства боевого оружия, «рассчитанного на поражение человека»?

Сегодня граждане не используют казачью форму и национальные костюмы в повседневной жизни (как не ходят каждодневно, например, в лаптях, не ездят верхом на лошади и не идут в конную атаку с шашками наголо). Использование боевого оружия на спортивных, культурно-зрелищных, реконструкторских и тому подобных мероприятиях, которые представляют собой разновидности игр, представляет потенциальную, ничем не оправданную, опасность. Тем более такую опасность представляет ношение данного оружия за пределами подобных мероприятий, где оно может быть использовано не по назначению, в результате конфликта, неосторожности или преступного умысла.

Открытое присутствие холодного оружия в публичном пространстве даже в рамках традиции вызывает беспокойство у части населения, особенно у тех, кто не знаком с культурным контекстом или имеет негативный опыт, связанный с насилием. Шашка была необходима казаку в степи, а кинжал – горцу в горах для нападения и защиты. В современном населенном пункте

[30] СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

боевое холодное оружие выглядит не просто неуместно, а вызывающе и опасно. Это создает ощущение угрозы и снижает уровень комфорта в общественных местах, вызывая закономерный вопрос: зачем человеку носить оружие, обладающее реальными боевыми свойствами, если он в силу закона (ч. 6 ст. 6 Федерального закона «Об оружии») не имеет права его применять, в т. ч. и для самообороны.

ГОСТ Р 51895-2002, устанавливающий, что оружие рассматриваемого вида должно иметь все свойства полноценного боевого, рассчитанного на поражение человека, не может обеспечить контроль за тем, кто и как его носит и применяет. Даже для правоохранительных органов отличить человека, носящего оружие в рамках традиции, от того, кто использует его как прикрытие для неправомерных действий, может быть непросто.

То, что являлось нормой в рамках традиционного общества, неприемлемо в современном многонациональном и светском государстве. Попытка перенести архаичные нормы в современную жизнь неизбежно порождает конфликты и непонимание. Для участия в парадах, танцевальных выступлениях и культурных фестивалях вполне достаточно использовать макеты или сувенирные версии оружия, которые внешне неотличимы от настоящих, однако не несут угрозы.

Разрешение на ношение именно боевого оружия превращает его из символа в реальный инструмент для убийства и нанесения увечий. Культурная традиция не может служить оправданием для ношения таких предметов в общественных местах. Представляется, что для ношения с казачьей формой и национальными костюмами народов Российской Федерации оружие применяться не должно; для указанных целей вполне могут использоваться предметы, сходные по внешнему строению с холодным клинковым оружием, свойства которого определяются ГОСТ Р 51715-2001.

В таблице автором приведены установленные ГОСТами основные технические требования (длина, длина клинка, толщина клинка, твердость клинка, угол заточки и угол острия) к предметам, являющимся клинковым холодным оружием и изделиям, сходным с такими предметами.

Таблица

Основные технические требования к предметам,
являющимся клинковым холодным оружием и изделиям, сходным с такими предметами

Table

Key technical requirements for items classified as bladed cold steel weapons
and items similar to such weapons

Стандарт	Длина ножа, мм	Длина клинка, мм	Толщина обуха клинка, мм	Твердость клинка, HRC	Угол заточки/ острия, град
ГОСТ Р 51015-97 «Ножи хозяйственные и специальные. Общие технические условия»	165–500[1]	95–370[1]	0,8–7[1]	Не менее 49	30–50 (допускаются зубцы)
ГОСТ Р 51215-98 «Оружие холодное. Термины и определения»	Соответствие массы и габаритных размеров изделия физическим возможностям человека, позволяющим носить эти изделия и управлять ими вручную. Наличие конструктивных элементов, способствующих применению изделия для поражения цели и мешающих выполнению хозяйственно-бытовых или производственных работ. Наличие у изделия прочности и надежности, избыточных для использования его в качестве инструмента при выполнении хозяйственно-бытовых работ				
ГОСТ Р 51500-99 «Ножи и кинжалы охотничьи. Общие технические условия»[2]	Не установлено	Не менее 90 (не менее 150 для кинжалов)	Не менее 2,6 (не менее 4 для кинжалов)	Не менее 42	Не установлено
ГОСТ Р 51501-99 «Ножи туристические и специальные спортивные. Общие технические условия»[3]	Не установлено	До 150 – при наличии ограничителя либо подпальцевых выемок на рукояти;	Не более 2,4 (не ограничено при длине клинка до 90 мм или отсутствии колющего острия)	При твердости клинков ниже 25 HRC; геометрические размеры не ограничены	Не установлено

Продолжение таблицы

Стандарт	Длина ножа, мм	Длина клинка, мм	Толщина обуха клинка, мм	Твердость клинка, HRC	Угол заточки/ острия, град
		до 220 – при отсутствии таковых. Длина клинков не ограничена, если толщина не превышает 2 мм			
ГОСТ Р 51548-2000 «Ножи для выживания. Общие технические условия»	Не установлено	Не менее 90 (не менее 150 для клинков кинжального типа)	Не менее 2,6 (не менее 4 для клинков кинжального типа)	Не менее 42	Не установлено
ГОСТ Р 51644-2000 «Ножи разделочные и шкуросъемные. Общие технические условия»[4]	Не установлено	До 90 (до 150 – при толщине обуха менее 2,4 мм и наличии в конструкции ножа одностороннего или двустороннего ограничителя либо подпальцевых выемок на рукояти); неограничена, если толщина клинков менее 2 мм	Менее 2,4 – при длине клинка до 150 мм при наличии в конструкции ножа одностороннего или двустороннего ограничителя либо подпальцевых выемок на рукояти; неограничена при соблюдении ряда дополнительных условий	Не ограничена	Не установлено
ГОСТ Р 51715-2001 «Декоративные и сувенирные изделия, сходные по внешнему строению с холодным или метательным оружием. Общие технические требования»	Должны изготавливаться непригодными для поражения цели, что достигается применением соответствующих материалов или конструктивными особенностями. При переделке боевого среднеклинкового и длинноклинкового холодного оружия ослабляется конструкция за счет поперечного пропила на хвостовике в месте его соединения с клинком				
	Не установлено	Не установлено	Не установлено	Ниже 25	Для ножей-танто: при твердости свыше 25 HRC длина подводов 3–5 мм и угол заточки 75–90°, угол схождения обуха и лезвия не менее 75°
ГОСТ Р 51895-2002 «Оружие холодное клинковое для ношения с казачьей формой и национальными костюмами народов Российской Федерации. Общие технические требования. Методы контроля»	Для сабель и шашек				
	730–150	650–900	Не менее 4	Не менее 40	Не установлено
	Для кинжалов				
	400–600	300–440	Не менее 5	Не менее 40	Не установлено

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Окончание таблицы

Стандарт	Длина ножа, мм	Длина клинка, мм	Толщина обуха клинка, мм	Твердость клинка, HRC	Угол заточки/ острия, град
ГОСТ Р52737-2007 «Тесаки охотничьи, мачете туристические, разделочные, инструменты для восстановительных и спасательных работ. Общие технические требования и методы испытаний на безопасность»	Охотничьи тесаки				
	Не установлено	210–500	Не менее 3	Не менее 40	Не более 70
	Туристические и разделочные мачете				
	Не установлено	175–500	Не менее 1,5	Не менее 25	Более 70 не регламентируют при наличии травмобезопасной рукояти и толщины клинка не более 2,4 мм
	Инструменты для восстановительных и спасательных работ				
	Не установлено	220–500	Не менее 3	Не менее 25	Без острия
Примечания: 1. 2. 3. 4.	В зависимости от типа и наименования ножа. Для охотничьих ножей, являющихся гражданским холодным клинковым оружием. К туристическим и специальным спортивным ножам относят складные ножи, не имеющие жесткой фиксации клинков в рабочем положении. Имеются многочисленные дополнительные признаки, по которым нож может относится к разделочным и шкуросъемным.				

Анализ этих показателей говорит о том, что надежда на отграничение признаков холодного оружия от хозяйственно-бытовых изделий по их техническим, геометрическим и иным подобным параметрам неоправданна; в большинстве случаев невозможно однозначно определить конкретный вид ножа по требованиям к геометрическим и техническим параметрам.

Так, длина, толщина и твердость клинка хозяйственного ножа по ГОСТ Р 51015-97 может быть как меньше, так и значительно больше, чем у ножей и кинжалов охотничьих (ГОСТ Р 51500-99) и ножей для выживания (ГОСТ Р 51548-2000). Ножи, используемые в быту, могут иметь клинок длиной более 90 мм и толщиной более 2,5 мм, могут иметь ограничитель для руки и удобную для удержания и нанесения рубящих ударов конструкцию, что вполне соответствует некоторым параметрам, указанным в ГОСТах, касающихся холодного оружия. Однако если основное назначение такого предмета – рубка и резка продуктов, то он не признается холодным оружием.

Технические отличия холодного оружия от предметов, конструктивно с ним схожих, неочевидны: например, толщина обуха ножа 2,6 мм относит это изделие (при соответствии другим признакам) к холодному оружию, а уменьшение этого показателя на 0,1 мм исключает его из данной категории. То же справедливо и в отношении других геометрических показателей такого предмета: длины, кривизны и т. д. Еще более неочевидны признаки холодного оружия, которые обнаруживаются лишь в условиях специализированных лабораторий: твердость, прочность и пр.

Более того, даже явные и указанные в ГОСТах различия в характеристиках предметов не влияют на их боевые и поражающие свойства. Так, не относящимся к категории холодного оружия топором или огромным мачете можно нанести гораздо более тяжелые увечья живой цели, чем ножом с длиной клинка 90 мм. Поражающие же свойства последнего, который может относится к холодному оружию, ничем не отличаются от свойств ножа с клинком длиной 89 мм, который уже не будет таковым; это же относится к разнице между толщиной обуха 2,4 и 2,6 мм, твердости стали 41 и 42 HRC и т. д.

Эксперты, ссылаясь на ГОСТ Р 51644-2000, часто указывают на ряд конструктивных особенностей, которые, по их мнению, должны отличать разделочные и шкуросъемные ножи от охотничьих. К таким особенностям относятся: угол схождения острия клинка (может превышать 70°), толщина обуха клинка (может превышать 5–6 мм), расположение острия криволинейного клинка (может располагаться выше линии обуха более чем на 5 мм), изгиб клинка и рукояти (может иметь изгиб по обуху и верхней части в виде коромысла с прогибом более 15–20 мм) и т. д.

Использование в рассматриваемом документе слова «может» указывает на возможность наличия тех или иных признаков, а не на их обязательное присутствие: данные признаки могут

присутствовать, а могут и отсутствовать в конструкции разделочного или шкуросъемного ножа, и значит, это не влияет на его принадлежность к определенной категории. Видимо, разработчики пытались вполне обоснованно избежать излишних ограничений в конструкции, однако это ставит под сомнение функциональность стандарта.

Далее рассматриваемый ГОСТ устанавливает для клинков твердостью выше 25 HRC разделочных и шкуросъемных ножей, являющихся хозяйственно-бытовыми ножами, конструктивно сходными с холодным короткоклинковым оружием, предельную максимальную длину до 90 мм независимо от толщины его обуха и конструкции ножа, и тут же устанавливает в п. 5.1.1, что толщина обуха клинка должна быть менее 2,4 мм при длине клинка до 150 мм при наличии в конструкции ножа одностороннего или двустороннего ограничителя либо подпальцевых выемок на рукояти, и может быть более 2,6 мм и не зависеть от длины клинка, если: рукоять ножа травмоопасна, т. е. в конструкции ножа отсутствуют защитные устройства (п. 5.1.2.1); длина рабочей части рукояти (от ограничителя до навершия) не должна превышать 70 мм (п. 5.1.2.2); прогиб обуха и верхней части рукояти ножа, имеющего форму дуги в виде «коромысла», вверх от условной прямой линии, соединяющей острие клинка и верхнюю оконечность рукояти должен быть более 15 мм (5.1.2.3); прогиб, на который выступает острие клинка над линией обуха, должен превышать 5 мм (п. 5.1.2.4); если на косом обухе клинка ножа на расстоянии не более ⅓ от его острия выполнен специальный зацеп с лезвием (крюк) для разрезания и снятия шкуры (п. 5.1.2.5); если клинок складного разделочного и шкуросъемного ножа не имеет жесткой фиксации (п. 5.1.2.6); если в конструкции клинка исключена возможность нанесения поражающих колющих ударов, характерных для охотничьих ножей (п. 5.1.2.7).

Этот пример демонстрирует не только сложность в определении того, является ли предмет холодным оружием, но и легкость, с которой он может быть исключен из данной категории: достаточно, например, производителю выполнить на косом обухе клинка любого боевого оружия специальный крюк (кстати, непонятно, чем он отличается от запрещенных специальных выступов и пазов, предназначенных для нанесения рваных ран) – и изделие утрачивает статус холодного оружия.

Бросающимся в глаза недостатком разветвленной системы ГОСТов в области стандартизации холодного оружия является избыточное дублирование норм. Семантический анализ (метод, выявляющий сходство на уровне смысла) и синтаксический анализ (метод, основанный на оценке грамматических конструкций предложений) указанных ГОСТов показывает значительное (до 80 %) совпадение их текстов. Это свидетельствует о крайне неэффективном подходе к разработке стандартов: вместо того, чтобы четко разграничить сферы применения и специфические требования для каждого типа ножей, разработчики предпочли копировать тексты, лишь незначительно адаптируя их. Вместо одного комплексного документа, который должен был бы решить основной вопрос отнесения предмета к категории холодного оружия, мы имеем несколько объемных стандартов, которые не решают этой проблемы.

Кроме того, поражает неаккуратность исполнения государственных стандартов и грубые ошибки, подрывающие доверие к самой системе стандартизации. Например, в ГОСТе Р 51548-2000, посвященном ножам для выживания, п. 4.20 устанавливает требования для охотничьих ножей. Эта ошибка (или просто опечатка, которую разработчики не потрудились устранить за 25 лет) демонстрирует отсутствие контроля качества при разработке и халатное отношение к процессу принятия данного документа. Нож для выживания и охотничий нож имеют, по мнению разработчиков, разные функциональные назначения (а иначе зачем принимать два разных ГОСТа?) и, соответственно, разные требования к конструкции, материалам и безопасности. Включение в стандарт для ножей для выживания требований, относящихся к охотничьим ножам, делает этот пункт бессмысленным.

Неопределенность стандартов в рассматриваемой сфере порождает трудности не только у правоохранителей (в конце концов они разрешаются экспертизой, пусть и вызывающей обоснованные вопросы), но и ставит в затруднительное положение всех участников оборота предметов, конструктивно схожих с холодным оружием (производителей, продавцов, покупателей, пользователей).

Обсуждение

Разносторонние хозяйственно-бытовые, спортивные и иные нужды порождают самые разные потребности в использовании предметов, схожих по своим свойствам с холодным оружием. Спектр работ, требующих высокого качества, прочности и безопасности ножа, чрезвычайно широк и не ограничивается лишь сферой поражения живой цели. При самых разных работах:

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

разделке продуктов разной плотности, резьбе по дереву, резке различных материалов при техническом обслуживании и ремонте в различных отраслях, от автомобилестроения до энергетики; в самых разных сферах деятельности: от сельского и лесного хозяйства до тончайших хирургических операций, от профессиональной кухни до промышленных цехов – везде требуется точность, надежность и безопасность, и качество инструмента является критически важным элементом успеха.

Современные технологии способны создавать такие предметы, обладающие свойствами, отвечающими самым высоким требованиям. Очень часто эти предметы могут представлять из себя изделия двойного назначения – хозяйственно-бытового и боевого. Следует согласиться с позицией Л. В. Глазковой, что при узком подходе к понятию оружия законодательные новации не в состоянии успеть за всеми новинками в области средств, направленных на поражение живой цели [11].

А. В. Ростокинский и Х. А. Аккаева обращают внимание на то, что постоянно растет количество групп и организаций, представителям которых по действующему законодательству разрешается ношение холодного оружия. Помимо охотников и представителей народностей, у которых оружие является принадлежностью национального костюма, сотрудников военизированных и иных государственных служб, членов казачьих объединений, которые не являются ни отдельной нацией, ни этнической группой, следует выделить членов поисковых отрядов и археологических экспедиций, членов разнообразных клубов исторической реконструкции, любителей ролевых игр, спортивного а также исторического фехтования, сотрудников частных охранных структур, предпринимателей, занимающихся легальным производством, реконструкцией, ремонтом и сбытом холодного оружия, его габаритных моделей (охолощенных версий), сувенирных и реквизитных реплик и т. д. [12].

Подавляющее большинство ножей, продаваемых в России (в т. ч. через интернет) как охотничьи и ножи для выживания, имеют сертификаты, свидетельствующие, что данные предметы не являются холодным оружием. Данное обстоятельство используется продавцами в т. ч. и в рекламных целях.

Если гражданин, не имеющий права на ношение оружия, будет задержан с предметом, конструктивно сходным с холодным оружием, то в большинстве случаев этот предмет будет изъят и направлен на криминалистическую экспертизу для определения того, является ли он холодным оружием. В случае положительного заключения экспертизы гражданин может быть привлечен к административной ответственности по ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ за нарушение правил ношения оружия[31]. Производителям и продавцам подобных предметов в таком случае грозит, как уже было сказано, уголовная ответственность.

Однако если при отсутствии соответствующего сертификата до заключения эксперта в большинстве случаев невозможно однозначно ответить на вопрос, является ли предмет холодным оружием, то, видимо, следует установить правило, по которому такой предмет может считаться холодным оружием со всеми вытекающими из данного факта последствиями с момента оглашения результатов такой экспертизы. Это устранит двусмысленность и даст четкие ориентиры как для граждан, так и для правоохранительных органов, которые получат законное основание для принятия соответствующих мер. Эта мера, конечно, могла бы эффективно защитить права добросовестных граждан, однако она вряд ли была бы способна обеспечить порядок в сфере оборота холодного оружия и повысить безопасность граждан и общества.

Подавляющее число преступлений определенной направленности совершается обычными бытовыми ножами и топорами [13]. Исследование автором судебной практики по преступлениям, предусмотренным п. «з» ч. 2 ст. 111, п. «з» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 162, п. «г» ч. 2 ст. 206, ч. 2 ст. 213, ч. 3 ст. 313 УК РФ, совершенным в 2023–2025 гг., показало, что в большинстве случаев преступники применяли не оружие, а предметы, использованные в качестве оружия: из 86 исследованных автором приговоров лишь в трех случаях они использовали изделия, признававшиеся экспертом холодным оружием[32].

Совершение преступления с использованием любого предмета в качестве оружия является отягчающим обстоятельством. Данный подход совершенно справедлив, он устраняет проблему признания орудия преступления оружием. Сегодня рынок предлагает множество ножей, мачете, топоров самой разной конструкции, которые внешне могут напоминать холодное оружие, но по своим признакам не являются таковым. Это могут быть туристские ножи, сувенирные изделия, реплики исторического оружия. Среди них есть и изделия, имеющие реальные

[31] СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[32] Судебная практика по уголовным делам // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. UPL: https://sudact.ru/practice/sudebnaya-praktika-po-ugolovnym-delam/ (дата обращения: 14.06.2026).

поражающие свойства, но тем не менее свободно обращающиеся на рынке именно ввиду сложности и неопределенности законодательства, содержащего в этой области слишком много пробелов и лазеек.

На протяжении многих лет методики экспертного решения вопроса о принадлежности предмета к холодному оружию отягощены системными и сложно устранимыми недостатками [14]. Более того, нет никакого практического (да и теоретического) смысла в разделении предметов на холодное оружие и прочих, отличающихся от него настолько несущественно, что никакого влияния на поражающие свойства это не оказывает. Однако есть практическая необходимость установления правил пользования любым потенциально опасным предметом, несмотря на его название и правовой статус.

Поскольку поражающие свойства (а значит, и реальная опасность) предметов, относящихся к холодному оружию, и изделий хозяйственно-бытового назначения практически не отличаются, постольку сегодня, в отсутствие четких, понятных гражданам различий между ними, существует сомнение о целесообразности постановки перед экспертом криминалистической (а по существу технической) экспертизы вопроса о принадлежности предмета к холодному оружию. Этот вывод, конечно, никак не влияет на очевидность необходимости криминалистической экспертизы по исследованию следов применения предмета, его свойств, технических характеристик и установления факта его применения конкретным лицом.

Нормы законодательства должны определять принадлежность предмета к холодному оружию, исходя из целей его изготовления и использования, а не из его технических свойств, которые могут быть дополнительным признаком, если эти (заявленные) цели подвергаются сомнению. При этом холодным оружием, безусловно, будет изделие, в отношении которого есть документ (сертификат), подтверждающий данное обстоятельство. Такой документ выдается производителем, имеющим право на производство такой продукции. Он должен подтверждать возможность целевого использования – поражение живой цели, соответствие данной цели его качества и ограничение его в гражданском обороте.

В настоящее время Федеральный закон «Об оружии»[33], как и Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации[34], утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814, лишь кратко упоминают о холодном оружии как отдельной категории оружия, не определяя подробно его правовой статус, критерии отнесения к нему тех или иных предметов, а также правила его оборота. Условием обеспечения правовой определенности, повышения безопасности граждан, повышения эффективности работы правоохранительных органов и предотвращения злоупотреблений является регламентация положений, посвященных холодному оружию, на законодательном уровне.

Представляется, что сегодня существует насущная необходимость детальной проработки и внесения в Закон «Об оружии» положений, посвященных холодному оружию, прежде всего установления четких критериев отнесения предметов к данной категории по техническим характеристикам, конструктивным особенностям и назначению. На уровне закона должна быть проведена классификация холодного оружия (по типу воздействия, по назначению) и установлены правила его оборота. Важно, чтобы законодательные изменения сопровождались подробными разъяснениями для граждан, производителей и продавцов, а также для правоохранительных органов. Четкие критерии, грамотная классификация и продуманные правила оборота позволят вывести регулирование холодного оружия на новый, более эффективный уровень.

Независимо от правил регулирования оборота холодного оружия, от принадлежности к данной категории ножей и кинжалов всех видов как наиболее распространенных предметов, представляющих опасность, их использование (ношение и применение) в определенных случаях должно быть запрещено. Такими случаями, ориентировочно, можно считать, например:

– открытое ношение или демонстрацию в общественном месте любого предмета, способного поразить живой объект;

– ношение предмета, предназначенного для поражения живого объекта, на спортивных состязаниях, митингах, уличных шествиях, собраниях, концертах и т. п. (мероприятиях с массовым пребыванием граждан), на территориях лечебных учреждений и образовательных организаций;

– ношение предмета, способного поразить живой объект, в состоянии опьянения;

– хулиганство, нарушение порядка, угрозы окружающим лицам и т. п. с применением предмета, способного поразить живой объект;

– умышленное применение любого предмета для нанесения травмы или раны.

[33] СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

[34] СЗ РФ. 1998. № 32. Ст. 3878.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Предлагаемый автором подход позволит решить ряд обозначенных в настоящей работе проблем. Так, если гражданин разделывает мясо большим и острым ножом, то нет никаких оснований выяснять, есть ли у него лицензия на приобретение оружия, цель владения этим ножом очевидна. Вместе с тем если основной целью ношения предмета при национальном костюме является соответствие костюма исторической традиции, то никаких оснований использовать для этого боевое оружие нет.

Заключение

Экспертиза холодного оружия – это комплексное исследование, призванное установить, является ли предмет холодным оружием, и если да, то к какому типу он относится. Этот вопрос на первый взгляд кажется простым, однако, как показывает практика, за кажущейся простотой скрывается сложный лабиринт ГОСТов, применение которых порождает серьезную правовую неопределенность для граждан. Отнесение предмета к холодному оружию в рамках экспертизы – это не интуитивный процесс, а результат применения ряда нормативных актов, качество которых, к сожалению, оставляет желать лучшего.

Основная проблема кроется в низком качестве юридической техники, использованной при разработке и актуализации действующих ГОСТов. Это проявляется в ряде существенных недостатков: дублировании уже имеющихся норм, пробельности и одновременной избыточности в детализации аспектов, которые не имеют существенного значения. Отсутствие четкой логической последовательности в изложении материала, а также чрезмерный формализм, когда акцент делается на второстепенных деталях, а не на сути, делают ГОСТы трудными для понимания и применения. Шаблонность формулировок, не учитывающая специфику различных типов предметов, также усугубляет проблему.

Эти недостатки юридической техники приводят к правовой неопределенности: граждане не могут с уверенностью предсказать, будет ли тот или иной предмет, который они приобрели, хранят или используют, признан холодным оружием. Это касается как коллекционеров, так и людей, использующих предметы в бытовых или профессиональных целях (например, охотничьи ножи, туристское снаряжение). Незнание или неправильное понимание статуса предмета может привести к непреднамеренному нарушению законодательства, касающегося оборота холодного оружия. Это может повлечь за собой административную или даже уголовную ответственность.

Практически любой предмет – не только топор и бытовой нож, но и камень, палка, утюг, ножка стула и т. д. может выступать в качестве оружия. Поэтому некоторые нормы Особенной части УК РФ в качестве объективного квалифицирующего признака преступления содержат в конструкциях своих составов указание на совершение преступления с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 2 ст. 162, ст. 212, 213, п. «г» ч. 2 ст. 126 УК РФ и др.), и это качество задает предмету не производитель, а пользователь – тот, кто применяет его определенным образом.

Проблемы гражданского оборота холодного оружия многогранны и требуют комплексного, системного подхода к их решению. Необходимо стремиться к созданию законодательной базы, которая бы обеспечивала баланс между общественной безопасностью и правами законопослушных граждан, учитывала культурное и историческое значение холодного оружия, а также соответствовала современным реалиям и технологическому прогрессу [15].

Определение противоправности (преступности) деяний, связанных с оборотом холодного оружия, является сферой административного и уголовного права в их связи со специализированными нормативными актами высокой юридической силы. Технические характеристики, конструктивные особенности и назначение предметов, относящихся к категории холодного оружия, их классификацию и правила гражданского оборота должны устанавливать нормы закона; государственные стандарты, по мнению автора, должны выполнять вспомогательную техническую функцию.

Список источников

1. *Лозинский О. И.* Криминалистическая характеристика холодного оружия: современные подходы; инновации в классификации; проблемы стандартизации профильной нормативно-правовой базы // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 7. С. 139–146.

2. *Косенко М. В.* Холодное оружие в современной классификации ручного оружия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16, № 1. С. 57–61. https://doi.org/10.14529/law160109

3. *Кокин А. В.* О понятии, предмете, задачах и объектах судебной экспертизы холодного и метательного оружия // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 4. С. 48–52.

4. *Омельченко В. А., Арутюнов А. С., Фаниев П. А.* Проблемные вопросы, связанные с квалификацией объекта в качестве холодного оружия // Общество и право. 2021. № 1 (75). С. 66–70.
5. *Сошина Л. А.* К вопросу о развитии и современном состоянии законодательства, регламентирующего незаконный оборот оружия в некоторых зарубежных государствах // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4 (39). С. 72–75.
6. *Понежина Л. Ю., Понежин М. Ю.* Административно-правовой режим как часть механизма правового регулирования оборота холодного оружия // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 4 (111). С. 61–67.
7. *Дульцев М. В.* Экспертиза холодного оружия: современное состояние и перспективы развития // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (33). С. 37–40.
8. *Малых А. А.* «Тактический» нож как объект криминалистического исследования // Полицейская и следственная деятельность. 2019. № 2. https://doi.org/10.25136/2409-7810.2019.2.28824
9. *Гольцев Д. С., Гусев Г. Ю.* Методические проблемы криминалистического исследования холодного и метательного оружия // Образование и право. 2024. № 10. С. 485–490. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-10-485-490
10. *Арутюнов А. С., Фаниев П. А.* Критерии отнесения метательного ножа к холодному оружию // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 1 (43). С. 51–54.
11. *Глазкова Л. В.* Особенности современных организованных преступных групп // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). С. 56.
12. *Ростокинский А. В., Аккаева Х. А.* К вопросу об ответственности за ношение холодного оружия в России // Образование и право. 2022. № 1. С. 182–185. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-1-182-185
13. *Яровенко В. В.* Уголовная ответственность за применение холодного оружия // Юридические исследования. 2018. № 3. С. 58–75. https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.3.25553
14. *Погребной А. А.* Критический анализ Методики экспертного решения вопроса о принадлежности предмета к холодному оружию // Эксперт-криминалист. 2007. № 3. С. 14–19.
15. *Корецкий Д. А., Гончаров А. В.* «Оружейное» законодательство: криминологические, терминологические и уголовно-правовые проблемы // Законность. 2024. № 2 (1072). С. 52–58.

References

1. *Lozinskij O. I.* Kriminalisticheskaya harakteristika holodnogo oruzhiya: sovremennye podhody; innovacii v klassifikacii; problemy standartizacii profil'noj normativno-pravovoj bazy // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2024. T. 17, № 7. S. 139–146.
2. *Kosenko M. V.* Holodnoe oruzhie v sovremennoj klassifikacii ruchnogo oruzhiya // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2016. T. 16, № 1. S. 57–61. https://doi.org/10.14529/law160109
3. *Kokin A. V.* O ponyatii, predmete, zadachah i ob"ektah sudebnoj ekspertizy holodnogo i metatel'nogo oruzhiya // Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. 2017. T. 12, № 4. S. 48–52.
4. *Omel'chenko V. A., Arutyunov A. S., Faniev P. A.* Problemnye voprosy, svyazannye s kvalifikaciej ob"ekta v kachestve holodnogo oruzhiya // Obshchestvo i pravo. 2021. № 1 (75). S. 66–70.
5. *Soshina L. A.* K voprosu o razvitii i sovremennom sostoyanii zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego nezakonnyj oborot oruzhiya v nekotoryh zarubezhnyh gosudarstvah // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2007. № 4 (39). S. 72–75.
6. *Ponezhina L. Yu., Ponezhin M. Yu.* Administrativno-pravovoj rezhim kak chast' mekhanizma pravovogo regulirovaniya oborota holodnogo oruzhiya // Yurist"-Pravoved". 2024. № 4 (111). S. 61–67.
7. *Dul'cev M. V.* Ekspertiza holodnogo oruzhiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2015. № 1 (33). S. 37–40.
8. *Malyh A. A.* «Takticheskij» nozh kak ob"ekt kriminalisticheskogo issledovaniya // Policejskaya i sledstvennaya deyatel'nost'. 2019. № 2. https://doi.org/10.25136/2409-7810.2019.2.28824
9. *Gol'cev D. S., Gusev G. Yu.* Metodicheskie problemy kriminalisticheskogo issledovaniya holodnogo i metatel'nogo oruzhiya // Obrazovanie i pravo. 2024. № 10. S. 485–490. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-10-485-490
10. *Arutyunov A. S., Faniev P. A.* Kriterii otneseniya metatel'nogo nozha k holodnomu oruzhiyu // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 1 (43). S. 51–54.
11. *Glazkova L. V.* Osobennosti sovremennyh organizovannyh prestupnyh grupp // Monitoring pravoprimeneniya. 2019. № 1 (30). S. 56.
12. *Rostokinskij A. V., Akkaeva H. A.* K voprosu ob otvetstvennosti za noshenie holodnogo oruzhiya v Rossii // Obrazovanie i pravo. 2022. № 1. S. 182–185. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-1-182-185
13. *Yarovenko V. V.* Ugolovnaya otvetstvennost' za primenenie holodnogo oruzhiya // Yuridicheskie issledovaniya. 2018. № 3. S. 58–75. https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.3.25553
14. *Pogrebnoj A. A.* Kriticheskij analiz Metodiki ekspertnogo resheniya voprosa o prinadlezhnosti predmeta k holodnomu oruzhiyu // Ekspert-kriminalist. 2007. № 3. S. 14–19.
15. *Koreckij D. A., Goncharov A. V.* «Oruzhejnoe» zakonodatel'stvo: kriminologicheskie, terminologicheskie i ugolovno-pravovye problemy // Zakonnost'. 2024. № 2 (1072). S. 52–58.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 343.326

Об уголовно-правовой оценке покушения на совершение террористического акта

Константин Владимирович Боричев, аспирант

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
Санкт-Петербург (196605, г. Пушкин, Петербургское ш., д.10А), Российская Федерация
bogeni@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-0856-2126

Аннотация:
Введение. *В статье анализируется действующее антитеррористическое законодательство Российской Федерации. С учетом роста террористической активности в последние десятилетия как в мире в целом, так и на территории нашей страны, повышение эффективности применения уголовно-правовых норм и приведение их в соответствие новым реалиям и угрозам становятся одним из основных факторов противодействия терроризму.* **Методы.** *В ходе исследования использованы различные научные методы: системный анализ, критический анализ, формально-юридический и формально-логический методы, метод правового моделирования.* **Результаты.** *Проанализировано состояние террористической преступности за последние пять лет, в результате выявлен существенный рост числа совершенных террористических актов. Проведено исследование уголовно-правовых норм, отраженных в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающих уголовную ответственность за посягательство на жизнь потерпевшего со специальными признаками, которое признается оконченным с момента покушения (ст. 277, 295 и 317 УК РФ). Внимание акцентировано на том, что соответствующие преступления обладают повышенной общественной опасностью с точки зрения государства и общества. Этот факт был положен в основу настоящего исследования. Рассмотрено понятие «посягательство» и установлено, что оно не имеет легальной дефиниции. Изучены различные варианты толкования данного термина как с лингвистической, так и юридической точек зрения. Предложено авторское определение понятия «посягательство». Кроме того, изучены судебная практика по делам о покушении на совершение террористического акта, научные исследования по данной тематике. В целях оптимизации российского антитеррористического законодательства и приведения его в соответствие современным реалиям обосновывается необходимость усиления уголовной ответственности за покушение на совершение террористического акта.*

Ключевые слова:
покушение, посягательство, уголовная ответственность, противодействие терроризму, терроризм, террористический акт

Для цитирования:
Боричев К. В. Об уголовно-правовой оценке покушения на совершение террористического акта // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 185–193.

Статья поступила в редакцию 04.02.2026; одобрена после рецензирования 31.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

Original article

On the criminal law assessment of an attempt to commit a terrorist act

Konstantin V. Borichev, Postgraduate

Pushkin Leningrad State University
10A, Petersburg hwy, Saint Petersburg, Pushkin, 196605, Russian Federation
bogeni@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-0856-2126

© Боричев К. В., 2026

Abstract:
Introduction. *The article provides an analysis of the current anti-terrorism legislation of the Russian Federation. Considering the rise in terrorist activity in recent decades, both globally and within our country, improving the effectiveness of the application of criminal law provisions and bringing them into line with new realities and threats have become key factors in countering terrorism.* **Methods.** *The study has involved various scientific methods: systems analysis, critical analysis, formal-legal and formal-logical methods, and the method of legal modelling.* **Results.** *The state of terrorist crime over the past five years has been analysed, resulting in the identification of a significant increase in the number of terrorist acts committed. A review of the criminal law provisions contained in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation has been carried out. These provisions establish criminal liability for an attack on the victim's life with specific aggravating circumstances, which is deemed to have been completed from the moment of the attempt (Articles 277, 295 and 317 of the Criminal Code of the Russian Federation). The focus of attention has been drawn to the fact that the offences in question pose a particular threat to public safety from the perspective of the state and society. This fact has formed the basis of the present research. The concept of "encroachment" has been examined, and determined to have no legal definition. Various interpretations of this term have been analysed from both linguistic and legal perspectives. The author proposes a definition of the concept of "encroachment". In addition, legal practice relating to cases of attempts to commit terrorist acts, as well as academic research on the subject matter, have been examined. With a view to optimising Russian counter-terrorism legislation and bringing it into line with contemporary realities, the author justifies the need to strengthen criminal liability for attempts to commit terrorist acts.*

Keywords:
attempt, encroachment, criminal liability, counter-terrorism, terrorism, terrorist act

For citation:
Borichev K. V. On the criminal law assessment of an attempt to commit a terrorist act // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 185–193.

The article was submitted February 4, 2026; approved after reviewing July 31, 2026; accepted for publication September 25, 2026.

Введение

Особенная часть действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ) содержит три статьи, в диспозициях которых законодатель закрепил усеченные составы, отражающие посягательства на совершение преступного деяния: ст. 277 «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», ст. 295 «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование» и ст. 317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа». Указанные уголовно-правовые нормы касаются посягательства на жизнь определенной категории лиц и включают в себя либо их убийство, либо покушение на их убийство. Доктрина уголовного права признает, что данные преступные деяния окончены с момента покушения на убийство, и законодатель таким образом усиливает ответственность за совершение подобных деяний[2]. Это обусловлено их повышенной общественной опасностью, т. к. преступник посягает на два объекта одновременно – на общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации интересов государственной власти и организованного руководства делами общества со стороны государства и его органов[3], и на общественные отношения в сфере реализации права человека на жизнь. Такая законодательная оценка указанных деяний вполне обоснованна.

В России отмечается существенный рост числа террористических актов и покушений на их совершение, которые представляют повышенную полинаправленную общественную опасность, т. к. посягают на государство в целом, на общество и на отдельно взятого гражданина. По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, с января по ноябрь 2025 года в России зарегистрировано 5 334 преступления террористического характера, из них по ст. 205 УК РФ – 2 184. Для сравнения, в 2021 году было зарегистрировано 2 136 преступлений террористического характера (из них 41 террористический акт); в 2022 году – 2 233 террористических преступления (из них 127 террористических актов); в 2023 году – 2 382 преступления террористического характера (из них 410 террористических актов); в 2024 году – 3 714 преступлений террористического характера (из них 1 191 террористический акт)[4]. Таким образом, за последние пять лет произошел существенный рост террористической активности на территории России, о чем говорит увеличение более чем в 50 раз (с 41 в 2021 году до 2 184 за 11 месяцев 2025 года) числа зарегистрированных террористических актов. И это происходит несмотря на то, что к антитеррористической деятельности как на территории России, так и в мире в целом привлечено значительное число специалистов [1, с. 97].

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. 6-е изд., перераб и доп. Москва : Норма, 2009. С. 771.

[3] Уголовное право. Особенная часть : учебник / Агаев Г. А., Алешина-Алексеева Е. Н., Антонов А. Г. [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 499.

[4] Состояние преступности в Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) : [официальный сайт]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/%20reports/1/ (дата обращения: 29.12.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

В международной практике сложилось два основных подхода к противодействию террористической угрозе. Наиболее радикально настроенные политики и общественные деятели предлагают «объявить войну» террористам, озвучивая лозунги о победе любой ценой. Другая группа политиков и ученых придерживается более умеренных взглядов, выступая за планомерную работу по профилактике и борьбе с терроризмом, отводя при этом особую роль международному и национальному антитеррористическому законодательству [2, с. 27]. Очевидно, что для совершенствования противодействия терроризму необходимо эффективное использование возможностей современной науки, в т. ч. внедрение в практику результатов научных исследований [3, с. 7]. Актуальным для совершенствования антитеррористической политики Российского государства, повышения эффективности противодействия терроризму в России является вопрос постоянной оптимизации политических и нормативных правовых основ противодействия терроризму в нашей стране [4, с. 378]. Важную роль в этом направлении играет отечественное уголовное законодательство, закрепляя суровую ответственность за совершение террористического акта.

В данный момент состав указанного преступления сформулирован законодателем в ч. 1 ст. 205 УК РФ как формальный: преступление считается оконченным с момента совершения взрыва, поджога или иных действий либо при реальной угрозе совершения указанных действий [5, с. 13]. Однако дискуссионным остается вопрос квалификации деяний по покушению на террористический акт. В литературе отмечается, что в рамках анализа ключевых направлений обеспечения общественной безопасности и безопасности государства следует отдельно отметить необходимость дальнейшего исследования проблем эффективного использования уголовно-правовых средств в сфере противодействия террористической, экстремистской и диверсионной деятельности [6, с. 254]. Учитывая изложенное, сегодня становится актуальным рассмотрение вопроса об отнесении окончания террористического акта на момент покушения на его совершение в связи с его повышенной общественной опасностью.

Методы

В ходе исследования применялись различные научные методы. В частности, системный анализ был применен при учете всей совокупности факторов распространения терроризма в настоящее время. Выявленная проблема эффективности существующих антитеррористических мер, в т. ч. уголовно-правового характера, подвергнута критическому анализу. Также с использованием метода правового моделирования разработаны авторские предложения законодательного и практического урегулирования проблемы признания покушения на террористический акт оконченным преступлением, с помощью формально-юридического метода обоснована необходимость их внедрения. В процессе изучения положений действующего отечественного антитеррористического законодательства применен формально-логический метод.

Материалом исследования послужили нормативные правовые акты, научные работы авторов, изучающих проблемы уголовной ответственности за террористический акт, а также сведения статистической отчетности и материалы судебной практики.

Результаты

О дефиниции понятия «посягательство»

В действующем отечественном уголовном законодательстве понятие «посягательство» не раскрывается, несмотря на неоднократное его использование в уголовно-правовых нормах. Вместе с тем его научная разработка, возможно, позволила бы унифицировать правоприменительную практику и устранила разногласия в толковании норм права. Упомянутый термин мы попытаемся исследовать в целях возможности его применения при формулировании положений ст. 205 УК РФ для усиления уголовной ответственности за покушение на террористический акт.

Отметим, что термин «посягательство» может быть раскрыт как в широком смысле в виде общего определения, так и узко – в интересах уголовного права. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой приводится следующее определение: «Посягательство – это попытка совершить недозволенное, вредное, опасное для кого-, чего-либо (обычно о посягательстве на чью-либо жизнь, свободу, имущество)»[5].

«Большой толковый словарь» под редакцией С. А. Кузнецова предлагает иной вариант: «Посягательство – это действие, направленное на незаконное, вредное или опасное вторжение

[5] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва : Азбуковник, 1997. С. 567.

в чьи-либо права, интересы, имущество, жизнь и т.п.; попытка нанести ущерб, нарушить неприкосновенность»[6].

В «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой под посягательством понимается «попытка незаконно, противоправно вторгнуться в чьи-либо права, интересы или имущество; стремление причинить вред, ущерб, насилие»[7].

Таким образом, с точки зрения семантики посягательство рассматривается как начатое, но не завершенное деяние.

Отечественные исследователи в области уголовного права отмечают, что сущность самой категории «посягательство» подразумевает совершение деяния, направленного на причинение определенного ущерба, но при этом не охватывает своим содержанием последствия преступления[8].

Вместе с тем, несмотря на отсутствие легальной дефиниции, российские ученые приводят и другие разнообразные варианты определения рассматриваемого понятия. А. И. Рарог предлагает понимать под посягательством общественно опасное, противоправное, виновное деяние, направленное на причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, охватывающее как оконченное преступление, так и покушение на него[9]. А. В. Наумов считает посягательством реальное, наличное, общественно опасное деяние, требующее немедленного пресечения. При этом, по его мнению, оно может выражаться как в нападении, так и в иных формах противоправного поведения, создающего угрозу правоохраняемым интересам[10]. Э. Ф. Побегайло полагает, что посягательство не обязательно должно быть преступлением в формально-юридическом смысле; достаточно, чтобы оно было объективно общественно опасным и воспринималось как реальная угроза [7, с. 402–405]. С. Ф. Милюков особое внимание обращает на признаки посягательства, к которым относит общественную опасность, реальность и наличность, полагая, что посягательство должно существовать в объективной действительности и находиться в стадии осуществления, т. е. не может быть ни уже завершенным, ни еще не начавшимся[11]. При этом под действительностью (реальностью) посягательства следует понимать его наличествование в объективной реальности, вне зависимости от чьего-либо представления [8, с. 42].

На основании изложенного можно заключить, что посягательство в уголовно-правовой науке понимается с трех позиций: как оконченное преступление, как покушение на его совершение, а также допускается охват рассматриваемым термином обеих указанных стадий преступления.

Важно отметить, что отечественный правоприменитель в понятие «посягательство» включает как покушение на преступление, так и оконченное преступление. Так в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» под посягательством, сопряженным с насилием, опасным для жизни (ч. 1 ст. 37 УК РФ), предлагается понимать деяние, которое в момент совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица[12]. Как оконченное преступление в данном случае может выступать разбой, а действия, направленные на причинении смерти человеку, являются покушением.

В пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» под посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, а равно их близких в ст. 317 УК РФ понимается убийство или покушение на убийство таких лиц[13].

---

[6] Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. С. 912.

[7] Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. Москва : АСТ, 2006. Т. 2. С. 483.

[8] Троицкий В. В. Посягательство как категория российского уголовного права : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 19.

[9] Рарог А. И. Уголовное право России. Общая часть : учебник. 4-е изд. Москва : Проспект, 2019. С. 142–143.

[10] Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. 6-е изд. Москва : Юрайт, 2023. Т. 1: Общая часть. С. 315–317.

[11] См.: Милюков С. Ф. Российское уголовное право : Общая часть. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2000. 570 с.

[12] О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 11.

[13] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г.№ 14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 8.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Можно констатировать, что посягательство в науке, законодательстве и правоприменительной практике рассматривается с трех позиций: как синоним преступления, как покушение на преступление и как деяние, охватывающее обе указанные уголовно-правовые категории. Если понимание посягательства как синонима преступления уже устоялось в научном обороте, то его понимание как покушения на преступление нуждается в формулировании и уточнении.

Очевидно, что покушение на совершение преступления возможно понимать в смысле неоконченного преступления и с позиций оконченного преступления, когда законодатель рассматривает в качестве оконченного состава преступления фактическое покушение на совершение общественно опасного деяния, например, как в случае с преступлением, предусмотренным ст. 317 УК РФ. Подобные деяния одновременно являются и покушением (фактическим), и оконченным (юридически) преступлением. Именно с этих позиций необходимо определять термин «посягательство» с учетом имеющихся в УК РФ соответствующих положений о неоконченном преступлении.

Таким образом, под посягательством в смысле фактического покушения на преступление, закрепленного в УК РФ как оконченное преступление, следует понимать умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение общественно опасного деяния и (или) достижение преступного результата (последствий), если при этом указанное деяние не было доведено до конца или его последствия не наступили по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Для устранения правового пробела, вызванного отсутствием легального определения понятия «посягательство» в рассмотренном смысле, несмотря на его многократное использование в диспозициях статей Уголовного кодекса Российской Федерации, предложенное авторское определение, на наш взгляд, может быть использовано для дальнейшего развития научного знания о преступлениях с усеченным составом и, возможно, в соответствующих разъяснениях высшей судебной инстанции.

Вместе с тем мы придерживаемся позиции охвата термином «посягательство» покушения на преступление и оконченного преступления.

Обоснование усиления уголовной ответственности за покушение на террористический акт

С учетом проведения Россией специальной военной операции, особенностей внешнеполитической и внутренней социально-экономической ситуации отмечается рост количества как преступлений террористического характера в целом, так и непосредственно террористических актов. Необходимо обратить внимание на смену целей и характера террористических актов. Например, в 2017 году большинство террористических актов планировались террористами в целях воспрепятствования дальнейшей реализации Российской Федерацией политики по борьбе с международными террористическими организациями на территории Сирии [9, с. 324]. А начиная с 2022 года, с началом специальной военной операции (СВО) Вооруженных Сил Российской Федерации на Украине, террористическая активность украинских вооруженных формирований приобрела беспрецедентный антигуманный и бесчеловечный характер; целью террористических актов в сложившейся ситуации является культивирование панических и пораженческих настроений в российском обществе, устрашение мирного населения, дестабилизация органов власти, причинение ущерба объектам гражданской и промышленной инфраструктуры[14]. Вместе с тем очевидна и основная цель совершения террористических актов на территории нашей страны – воспрепятствование проведению специальной военной операции.

По нашему мнению, увеличение числа террористических актов может свидетельствовать в т. ч. и о недостаточной эффективности форм и методов уголовно-правового противодействия терроризму. Уровень террористической опасности в России остается высоким, и в последние годы наметилась негативная тенденция к его возрастанию. Ю. М. Антонян полагает, что именно уровень террористической опасности является объективным критерием оценки противодействия терроризму и определяется способностью общества и государства воздействовать на терророгенные факторы (т. е. выявлять, устранять или нейтрализовывать причины и условия терроризма), минимизировать последствия террористических актов и обеспечивать неотвратимость наказания террористов [10, с. 339]. С учетом складывающихся в настоящее время обстоятельств государство постоянно осуществляет деятельность по поиску и формированию правовых методов противодействия терроризму, адекватных существующим угрозам и наиболее эффективным в отношении них [11, с. 30]. При этом основным видом запрета террористической

[14] О совершении киевским режимом преступлений террористической направленности : Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации // МВД России : [официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1969025/ (дата обращения: 20.05.2026).

деятельности является именного уголовно-правовой запрет, выражающийся в уголовном преследовании под страхом наказания различных проявлений терроризма в виде самостоятельных составов преступлений [12, с. 43].

Несмотря на то, что наказание за совершение террористического акта в последние десятилетия ужесточалось [13, с. 133–134], в литературе обсуждаются вопросы усиления уголовной ответственности за его совершение. Например, рассматривается возможность отмены моратория на применение смертной казни в связи с чудовищным преступлением, совершенным 22 марта 2024 г. в «Крокус Сити Холле» [14, с. 317].

Вместе с тем в научных работах уделено недостаточно внимания оценке общественной опасности покушения на террористический акт и рассмотрению вопроса об усилении уголовной ответственности за его совершение.

Общественная опасность покушения на террористический акт достаточно высока, и уголовная ответственность, как и в соответствии со ст. 277, 295 и 317 УК РФ, должна наступать в полной мере независимо от завершения преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ. Данное предложение обусловлено именно повышенной общественной опасностью покушения на совершение террористического акта, которое создает реальную угрозу причинения вреда целому ряду общественных отношений. Повышенная опасность покушения на террористический акт подтверждается следующими примерами из практики.

13 августа 2024 г. 1-м Западным окружным военным судом рассматривалось уголовное дело по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ в отношении К., которая 31 июля 2023 г. совершила действия по подготовке к поджогу административного здания военного комиссариата Кронштадтского и Курортного районов г. Санкт-Петербурга. Из судебных материалов следует, что К. в целях изготовления орудий преступления для совершения террористического акта путем поджога военного комиссариата приобрела две стеклянные бутылки, около 2 л бензина и около 200 мл трансформаторного (минерального) масла, а также около 200 мл керосина, после чего изготовила орудия преступления – два самодельных зажигательных устройства для дистанционного поджога здания военного комиссариата, а также полимерную (пластиковую) бутылку с легковоспламеняющийся жидкостью (бензином). 1 августа 2023 г. К. была задержана сотрудниками правоохранительных органов в здании военкомата в момент попытки совершить поджог находящихся при ней бутылок[15].

По нашему мнению, действия К. могут быть квалифицированы именно как посягательство (покушение) на совершение террористического акта. Несмотря на то, что деяние не было завершено по независящим от виновной причинам, степень его реализации достаточно высока, а общественная опасность соответствует оконченному террористическому акту, ведь деяние виновной, даже неоконченное, выполнило функцию устрашения населения, создало опасность гибели человека и причинение значительного имущественного ущерба, а также в определенной мере дестабилизировало деятельность государственных органов, как и оконченный террористический акт. Об этом свидетельствует и следующий пример.

11 июня 2024 г. 1-м Западным окружным военным судом по делу № 2-29/2024 по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ был осужден гражданин С., который, получив от неустановленных лиц инструкцию по изготовлению самодельного зажигательного устройства, 26 августа 2023 г. приискал компоненты, необходимые для его создания, и изготовил два самодельных зажигательных устройства, предназначенных для совершения террористического акта. В этот же день, пытаясь поджечь пункт отбора на военную службу по контракту по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, бросил их в окно здания, однако не довел задуманное до конца по независящим от него обстоятельствам и был задержан[16].

На наш взгляд, действия С. представляют собой яркий пример повышенной общественной опасности покушения – посягательства на совершение террористического акта, которое сопоставимо с общественной опасностью оконченного преступления. В сущности, террористический акт в приведенных примерах совершен. Хотя в соответствии с УК РФ приведенные примеры из судебной практики являются покушениями на террористический акт, общественная опасность таковых уже нашла свою полную практическую реализацию.

В соответствии с частью 3 статьи 66 УК РФ срок наказания за покушение на совершение террористического акта не может превышать ¾ максимального срока, т. е. не может быть более 15 лет. Однако реалии последних лет, связанные с ростом террористической активности,

[15] Приговор 1-го Западного окружного военного суда от 13 августа 2024 г. по делу № 2-45/2024 // Архив 1-го Западного окружного военного суда. Документ не публиковался.

[16] Приговор 1-го Западного окружного военного суда от 11 июня 2024 г. по делу № 2-29/2024 // Архив 1-го Западного окружного военного суда. Документ не публиковался.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

а также общественное мнение и настроение российского населения говорят о необходимости и социальном запросе на ужесточение наказания. Ю. С. Горбунов пишет о необходимости ужесточения наказания за соучастие в покушении и совершении террористического акта [15, с. 242–244]. Включение в действующую уголовно-правовую норму ответственности за посягательство (покушение) на совершение террористического акта как за оконченное преступление позволит справедливо оценить его общественную опасность и удовлетворить указанный социальный запрос.

Данные суждения подтверждаются и проведенным автором в 2025 году социологическим исследованием «Восприятие и отношение к терроризму жителей Северо-Западного федерального округа»[17], в котором 405 из 500 опрошенных выказались за ужесточение наказания за террористический акт, т. е. 81 % респондентов признали обоснованным соответствующее предложение.

Обратимся к оценке общественной опасности покушения на террористический акт судебной практикой. Ранее нами был приведен пример такого покушения С., когда виновный бросил в окно здания два самодельных зажигательных устройства, но возгорания не случилось по независящим от лица обстоятельствам[18]. Степень завершенности такого деяния достаточно высока, т. к. виновный по сути своей цели достиг. Террористический акт в пункте отбора на военную службу по контракту по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в сложившейся военно-политической ситуации вызвал большой резонанс, устрашил население и дестабилизировал работу органов государственной власти – а это присуще оконченному, уже совершенному террористическому акту. Суд признал С. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ, и назначил ему наказание в виде лишения свободы на срок восемь лет. Санкция же части 1 статьи 205 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до двадцати лет – т. е. наказание назначено ниже низшего предела.

В данном случае суд не вполне объективно оценил общественную опасность деяния. Это было сделано без учета современной военно-политической ситуации и степени реализации преступного намерения. Полутора годами позже после вынесения данного приговора вступил в силу законодательный запрет назначения наказания за совершение террористического акта ниже низшего предела, что подтверждает наши суждения об оценке вынесенного приговора. Возможность установления более мягкого наказания в законе дезориентирует суд при оценке общественной опасности покушения на террористический акт. Об этом свидетельствует и другой пример, где суд за покушение на террористический акт назначил пять лет лишения свободы[19]. Объектом преступного посягательства в данном примере выступало административное здание военного комиссариата Фрунзенского района г. Санкт-Петербурга.

С учетом изложенного можно рассмотреть три варианта объективной законодательной оценки общественной опасности покушения на террористический акт.

Первый вариант предполагает законодательное ограничение применения ст. 66 УК РФ относительно ст. 205 УК РФ в части неприменения ограничения верхнего предела срока или размера наказания при покушении на совершение террористического акта. Мы понимаем, что такой законодательный прием пока еще не нашел признания в практике, однако рациональность такого приема очевидна.

Второй вариант включает возможность законодательных изменений ст. 205 УК РФ. При этом название статьи остается неизменным, т. к. оно – «Террористический акт» – по смыслу и характеру совершаемых преступлений уже охватывает и покушение, и оконченное преступление. Следовательно, текст диспозиции ст. 205 УК РФ возможно дополнить положениями, закрепляющими одинаковую, тождественную общественную опасность покушения на совершение террористического акта и оконченного такого акта.

Третий вариант решения касается толкования содержания исследуемой нормы. Он не требует внесения изменений в уголовное законодательство – все сводится к формированию позиции относительно понимания природы террористического акта на уровне судебной практики, исходящей от высшей судебной инстанции. В диспозиции части 1 статьи 205 УК РФ используется слово «совершение». Как его понимать? Как процесс или как результат? «Совершение» охватывает, на наш взгляд, оба эти понятия. Например, виновное лицо, желая совершить поджог здания, бросает бутылку с горючей смесью, но по независящим от него причинам

[17] Восприятие и отношение к терроризму жителей Северо-Западного федерального округа : отчет о социологическом исследовании. Санкт-Петербург : Исследовательская компания «Грифон-Эксперт», 2025. 45 с.

[18] Приговор 1-го Западного окружного военного суда от 11 июня 2024 г. по делу № 2-29/2024 ...

[19] Приговор 1-го Западного окружного военного суда от 18 января 2024 г. по делу № 2-5/2024 // Архив 1-го Западного окружного военного суда. Документ не публиковался.

пожара не возникло. Налицо совершение террористического акта, но в современном понимании неоконченного. Однако возможно ли констатировать в данном случае, что лицо не совершало террористического акта? Полагаем, что такой факт очевиден: виновный выполнял объективную сторону преступления и тем самым совершил его. Поэтому следует признать, что использованное в ч. 1 ст. 205 УК РФ слово «совершение» включает в себя и покушение на террористический акт, и оконченное осуществление данного общественно опасного деяния. Тем более, как отмечалось ранее, при покушении на террористический акт цели террористов оказываются достигнутыми как и при оконченном преступлении.

В первой части настоящей статьи было представлено авторское определение термина «посягательство». В связи с изложенным возникает вопрос об использовании данного термина при формулировании предлагаемых положений. Проанализировав соотношение содержания ст. 205 УК РФ и упомянутого термина, мы пришли к выводу, что слово «посягательство» не представляется возможным использовать при внесении предлагаемых изменений в уголовное законодательство относительно террористического акта, т. е. ввести в законодательный оборот словосочетание «посягательство на террористический акт» сегодня весьма затруднительно, т. к. отсутствует законодательная практика употребления понятия «посягательство» по отношению к общественно опасным посягательствам. Данный термин используется для объектов уголовно-правовой охраны, поэтому определенное нами ранее понимание посягательства имеет сугубо теоретическое значение, носящее уточняющий характер, т. е. не отрицается возможность доктринального понимания террористического акта как общественно опасного посягательства в смысле оконченного преступления и покушения на него. Однако в тексте ст. 205 УК РФ и ее названии его невозможно пока использовать по указанной причине, хотя, исходя из ранее приведенной семантической характеристики исследуемых терминов, очевидно, что «покушение» и «посягательство» являются синонимами. Это в перспективе может обусловить применение последнего и относительно общественно опасных деяний.

Резюмируя изложенное, отметим, что усиление ответственности за покушение на совершение террористического акта предлагается нами в русле современной уголовной политики, которая оценивает анализируемое деяние как преступление, обладающее повышенной общественной опасностью. Это выразилось в уже упомянутом запрете назначения наказания ниже низшего предела, в запрете применения положения о сроках давности, в установлении специальных сроков условно-досрочного освобождения и многих других законодательных установлениях. Тем самым возможный запрет на применение положений ч. 3 ст. 66 УК РФ при рассмотрении уголовных дел о террористических актах вполне органично вписывается в современную законодательную политику.

Заключение

На современном этапе развития общества уголовно-правовое противодействие терроризму представляет собой эффективное средство, позволяющее системно и целенаправленно подходить к решению существующей проблемы. При этом важной формой противодействия терроризму является предупреждение совершения преступлений, когда сам факт возможного наказания за преступное деяние может существенно повлиять на вероятного преступника и заставить его отказаться от совершения преступления. На наш взгляд, усиление уголовной ответственности за покушение на совершение террористического акта как за оконченное преступление представляет собой пример эффективного средства уголовно-правовой профилактики терроризма и предупреждения совершения террористического акта. Несмотря на то, что в настоящее время ответственность за покушение на террористический акт существует и установлена законодателем ст. 205 УК РФ с обязательной ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ, предложенные изменения станут эффективным инструментом превенции и унификации, позволив при этом сохранить баланс между надежным обеспечением безопасности и прав граждан.

В ходе исследования было предложено авторское определение понятия «посягательство», но сделан вывод о невозможности его использовать в целях устранения правового пробела в законодательстве. Тем не менее данное определение послужит приращению научного знания и может стать пищей для размышлений в дальнейших исследованиях о неоконченном преступлении. Кроме того, результаты анализа судебных решений, правоприменительной практики и научных трудов отечественных ученых свидетельствуют о необходимости усиления уголовной ответственности именно за покушение на террористический акт. На наш взгляд, предложенные авторские варианты решения исследуемой проблемы учитывают современное направление развития уголовного права в сфере противодействия терроризму и позволят существенно

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

повысить эффективность работы правоохранительных и судебных органов, при этом оказывая серьезный профилактический эффект, а также дадут возможность применять за покушение на террористический акт более строгое наказание, чем это предусмотрено ныне. Оправданность подобного решения подтверждается и результатами опросов общественного мнения, и в целом запросом общества на ужесточение наказания за террористический акт как эффективную меру уголовно-правового противодействия.

Список источников

1. *Barry D.* Terrorism. Inside a World Phenomenon. London : Virgin Books Ltd, 2005. 310 p.
2. *Elworthy S., Rifkind G.* Making Terrorism History. London : Rider, 2006. 96 p.
3. *Дикаев С. У.* Террор, терроризм и преступления террористического характера : монография. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. 448 с.
4. *Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях* : монография / Бельский В. Ю., Бороздин А. Н., Гусев Н. Н., Делягин М. Г. [и др.] ; под ред. В. Ю. Бельского, А. И. Сацуты. Москва : Юнити-Дана, 2017. 479 с.
5. *Бурковская В. А., Маркина Е. А., Мельник В. В., Решетова Н. Ю.* Уголовное преследование терроризма : монография. Москва : Юрайт, 2008. 160 с.
6. *Хлебушкин А. Г.* Обеспечение системности и эффективности уголовно-правового противодействия террористической, экстремистской и диверсионной деятельности / Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 7–8 июня 2024 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 254–258.
7. *Побегайло Э. Ф.* Избранные труды : Сборник научных трудов. Москва : Юридический центр Пресс, 2008. 896 с.
8. *Курдюкова А. В., Прошляков А. Д.* Особенности уголовного судопроизводства по делам о террористическом акте : монография. Москва : Юрлитинформ, 2010. 206 с.
9. *Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы* : монография / Васнецова А. С., Вилинский Г. О., Горшечникова Е. П., Кобзарев Ф. М. [и др.] ; под общ. ред. В. В. Меркурьева. Москва : Проспект, 2023. 680 с.
10. *Природа этнорелигиозного терроризма* / Антонян Ю. М. Белокуров Г. И., Боковиков А. К. [и др.] ; под ред. Ю. М. Антоняна. Москва : Аспект Пресс, 2008. 365 с.
11. *Терроризм и современное право: актуальные вопросы противодействия* : монография / Романовский Г. Б., Романовская О. В., Безрукова О. В., Капитонова Е. А. [и др.]. Москва : Проспект, 2018. 283 с.
12. *Шевченко И. В.* Уголовная ответственность за террористическую деятельность : монография. Москва : Юрлитинформ, 2011. 175 с.
13. *Кочои С. М.* Законодательство об ответственности за террористический акт: ретроспективный анализ и вопросы совершенствования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 7 (11). С. 129–134.
14. *Артамонова М. А., Савчишкина О. Г.* К некоторым вопросам уголовной ответственности за преступления террористической направленности и моратория на вынесение смертной казни в современных условиях // Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233). С. 316–318. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_5_316
15. *Горбунов Ю. С.* Терроризм и правовое регулирование противодействия ему : монография. Москва : Молодая гвардия, 2018. 459 с.

References

1. *Barry D.* Terrorism. Inside a World Phenomenon. London : Virgin Books Ltd, 2005. 310 p.
2. *Elworthy S., Rifkind G.* Making Terrorism History. London : Rider, 2006. 96 p.
3. *Dikaev S. U.* Terror, terrorizm i prestupleniya terroristicheskogo haraktera : monografiya. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr Press, 2006. 448 s.
4. *Terrorizm v istoricheskoj retrospektive i sovremennyh usloviyah* : monografiya / Bel'skij V. Yu., Borozdin A. N., Gusev N. N., Delyagin M. G. [i dr.] ; pod red. V. Yu. Bel'skogo, A. I. Sacuty. Moskva : Yuniti-Dana, 2017. 479 s.
5. *Burkovskaya V. A., Markina E. A., Mel'nik V. V., Reshetova N. Yu.* Ugolovnoe presledovanie terrorizma : monografiya. Moskva : Yurajt, 2008. 160 s.
6. *Hlebushkin A. G.* Obespechenie sistemnosti i effektivnosti ugolovno-pravovogo protivodejstviya terroristicheskoj, ekstremistskoj i diversionnoj deyatel'nosti / Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra : materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Sankt-Peterburg, 7–8 iyunya 2024 g. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2024. S. 254–258.
7. *Pobegajlo E. F.* Izbrannye trudy : Sbornik nauchnyh trudov. Moskva : Yuridicheskij centr Press, 2008. 896 s.
8. *Kurdyukova A. V., Proshlyakov A. D.* Osobennosti ugolovnogo sudoproizvodstva po delam o terroristicheskom akte : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2010. 206 s.
9. *Bor'ba s terrorizmom: novye vyzovy i ugrozy* : monografiya / Vasnecova A. S., Vilinskij G. O., Gorshechnikova E. P., Kobzarev F. M. [i dr.] ; pod obshch. red. V. V. Merkur'eva. Moskva : Prospekt, 2023. 680 s.
10. *Priroda etnoreligioznogo terrorizma* / Antonyan Yu. M. Belokurov G. I., Bokovikov A. K. [i dr.] ; pod red. Yu. M. Antonyana. Moskva : Aspekt Press, 2008. 365 s.
11. *Terrorizm i sovremennoe pravo: aktual'nye voprosy protivodejstviya* : monografiya / Romanovskij G. B., Romanovskaya O. V., Bezrukova O. V., Kapitonova E. A. [i dr.]. Moskva : Prospekt, 2018. 283 s.
12. *Shevchenko I. V.* Ugolovnaya otvetstvennost' za terroristicheskuyu deyatel'nost' : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2011. 175 s.
13. *Kochoi S. M.* Zakonodatel'stvo ob otvetstvennosti za terroristicheskij akt: retrospektivnyj analiz i voprosy sovershenstvovaniya // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA). 2015. № 7 (11). S. 129–134.
14. *Artamonova M. A., Savchishkina O. G.* K nekotorym voprosam ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskoj napravlennosti i moratoriya na vynesenie smertnoj kazni v sovremennyh usloviyah // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2024. № 5 (233). S. 316–318. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_5_316
15. *Gorbunov Yu. S.* Terrorizm i pravovoe regulirovanie protivodejstviya emu : monografiya. Moskva : Molodaya gvardiya, 2018. 459 s.

Научная статья
УДК 343.985.7

Некоторые вопросы последующего этапа расследования преступлений в сфере государственных закупок

Андрей Германович Вениаминов, кандидат юридических наук, доцент, соискатель

Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации
Москва (119007, ул. Арбат, д. 16/2 стр. 1), Российская Федерация
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева
Москва (125080, ул. Врубеля, д. 12), Российская Федерация
dron2006_85@mail.ru
https://orcid.org/0009-0002-1056-3918

Аннотация:
Введение. *Расследование преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок, включает в себя начальный, последующий и заключительный этапы. Задачами последующего этапа является переход к заключительной стадии расследования, на которой принимаются окончательные процессуальные решения по уголовному делу, что объясняет практическую важность и актуальность исследования. Актуальность статьи также обусловлена правовой и фактической сложностью уголовных дел о преступлениях, совершаемых в сфере государственных закупок, необходимостью выработки научных рекомендаций по планированию и организации следственной работы по их полному и всестороннему расследованию, принятию законных и обоснованных процессуальных решений на данной стадии уголовного судопроизводства. В теории криминалистики недостаточно разработаны специализированные рекомендации именно для последующего этапа расследования преступлений в сфере государственных закупок, тогда как практика сталкивается с типичными ошибками на этой стадии, что объясняет научную проблему, требующую поиска путей ее решения. Целью научной статьи являются разработка и обоснование криминалистических рекомендаций по организации последующего этапа расследования преступлений в сфере государственных закупок. Научная новизна заключается в выработке методических рекомендаций, раскрывающих алгоритм из пяти блоков действий и решений следователя на последующем этапе расследования рассматриваемой категории преступлений. Сформированы критерии завершения и решения задач последующего этапа, а также выделены типичные риски следственной работы (например, необоснованное упрощение работы с документацией о закупке).* **Методы исследования.** *Для решения поставленных проблем последующего этапа расследования используются всеобщий метод диалектического познания, а также общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, с помощью которых изучены и проанализированы труды советских и российских ученых в области уголовно-правовых дисциплин, посвященные расследованию должностных и хозяйственных преступлений. Так, метод анализа применен при разграничении этапов расследования, синтез – при построении алгоритма действий.* **Результаты.** *Статья посвящена вопросам последующего этапа расследования преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок. Задачами следователя на данной стадии являются закрепление ранее собранных доказательств и получение новых данных об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, а также проверка версии защиты о невиновности обвиняемого. Сделан вывод о том, что конечной целью последующего этапа является предъявление обвинения в окончательной редакции. Автором предложены рекомендации к проведению следственных действий по делам о преступлениях в сфере закупок, а также поставлены задачи последующего этапа расследования, достижение которых позволяет принимать решение о завершении следственных действий по исследуемой категории преступлений.*

Ключевые слова:
последующий этап расследования, государственные нужды, следователь, план расследования, предъявление обвинения, осмотр документов, очная ставка, заказчик

Для цитирования:
Вениаминов А. Г. Некоторые вопросы последующего этапа расследования преступлений в сфере государственных закупок // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 194–202.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 03.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

© Вениаминов А. Г., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

Some issues in the subsequent phase of crime investigation in public procurements

Andrey G. Veniaminov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent, Doctoral candidate

The Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation
16/2, build. 1, Arbat str., 119007, Moscow, Russian Federation
Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
12, Vrubel str., Moscow, 125080, Russian Federation
dron2006_85@mail.ru
https://orcid.org/0009-0002-1056-3918

Abstract:
Introduction. *Investigation of offences committed in the field of public procurement comprises initial, subsequent and final stages. The task of the subsequent stage is to move on to the final investigational phase, during which the final procedural decisions in a criminal case are made, and that explains the practical importance and relevance of the study. The article's relevance is also due to the legal and factual criminal cases's complexity involving crimes committed in the area of public procurement, the need for scientific advice on investigative work planning and organisation for their full and comprehensive detection, adoption of legal and reasonable procedural decisions at this stage of criminal proceedings. In the criminalistics theory, specialised recommendations for the subsequent stage of crime investigation in the sphere of public procurement are not sufficiently developed, while practice faces typical errors at this stage, and that explains the scientific problem, requiring a search for ways for solution. The aim of the scientific article is to develop and substantiate forensic recommendations for the organisation of the subsequent phase of crime investigation in the field of public procurement. Scientific novelty is the methodical recommendations elaboration that reveal an algorithm from five blocks of investigator's actions and decisions in the subsequent stage of crime investigation of the category under consideration. The criteria for completing and solving the tasks of the subsequent stage are formed, as well as typical investigative risks are highlighted (such as unreasonable simplification of work with procurement documents).* **Research methods.** *To solve the problems posed by the subsequent phase of investigation, a universal method of dialectical knowledge is used, as well as general scientific methods: analysis, synthesis, induction, deduction, with help of which the works of Soviet and Russian scholars in the field of legal disciplines devoted to the investigation of official and economic crimes are studied and analysed. Thus, the method of analysis is applied in distinguishing stages of investigation, synthesis – when constructing an algorithm of actions.* **Results.** *The article is devoted to the questions of the subsequent stage of crime investigation committed in the public procurement sphere. The investigator's tasks at this stage are to consolidate previously collected evidence and to obtain new data on circumstances to be proved, as well as to check the defence's version of the accused's innocence. It is concluded that the ultimate aim of the next stage is to present a final version of accusation. The author proposes recommendations for investigative actions conduction in cases of procurement crimes, and sets out the tasks of the subsequent investigational phase, the achievement of which allows to make a decision on the completion of investigative actions on the investigated category of crimes.*

Keywords:
tsubsequent stage of investigation, state needs, investigator, plan of investigation, indictment, inspection of documents, confrontation, buyer

For citation:
Veniaminov A. G. Some issues in the subsequent phase of crime investigation in public procurements // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 194–202.

**The article was submitted December 8, 2025;
approved after reviewing July 3, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Завершение проведения комплекса первоначальных следственных и процессуальных действий означает переход к последующему этапу расследования преступления независимо от полного или частичного выполнения задач начального этапа.

Задачи последующего этапа расследования достаточно полно определила М. В. Субботина: а) раскрытие преступления, если оно не произошло на начальном этапе; б) сбор, анализ и оценка всех необходимых доказательств, подтверждающих или опровергающих вину подозреваемого, обвиняемого; в) розыск скрывшегося обвиняемого; г) установление соучастников, дополнительных эпизодов преступления, местонахождения похищенного имущества; д) изучение личности обвиняемого [1, с. 88–89].

В отличие от М. В. Субботиной, которая аргументировала необходимость установления соучастников преступления и их розыск, Р. И. Бардачевский считал, что задачами последующего этапа расследования коррупционных преступлений является проверка типовых элементов следственных ситуаций и всех возможных версий, восполнение неполноты расследования, выявление сведений о дополнительных эпизодах преступной деятельности и ее участниках [2, с. 50].

В. В. Сиделев полагал, что начало последующего этапа расследования объективно обусловлено необходимостью анализа полученных в ходе выполнения первоначальных следственных действий данных, в закреплении ранее полученных и сборе новых доказательств [3]. В дополнение к данной точке зрения Р. Ю. Павлов и А. А. Бессонов придерживались тоски зрения, что заключительный этап расследования содержит в себе действия по оценке собранных по делу доказательств, анализу криминального события и отношения к нему совершившего его лица [4, с. 137].

Момент окончания последующего этапа и его переход в заключительный наступает тогда, когда «следователь, проанализировав ситуацию расследования, придет к выводу, что все необходимые следственные действия произведены, обстоятельства, подлежащие доказыванию, установлены и наши свое подтверждение в материалах уголовного делаю» [5, с. 82].

Таким образом, целью последующего этапа является переход к заключительной стадии расследования уголовного дела, на которой осуществляется анализ собранных доказательств и принятие окончательных процессуальных решений.

Методы

Для разрешения вопросов последующего этапа расследования преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок, используется всеобщий метод диалектического познания. Далее следуют общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, с помощью которых изучены и проанализированы труды советских и российских ученых в области уголовно-правовых дисциплин, посвященные расследованию должностных и хозяйственных преступлений.

Для определения актуальных вопросов расследования уголовных дел о преступлениях в сфере закупок на последующем этапе и их разрешения применены метод абстрагирования, а также системный и функциональный методы.

Результаты

Определив цели и задачи последующего этапа, рассмотрим процессуальные и организационные вопросы расследования преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, для чего обратим внимание на важность планирования следственной работы.

В. У. Громов аргументировал важность применения планового метода необходимостью придать процессу расследования преступлений целесообразный порядок и последовательность действий, поскольку в противном случае следователь столкнется с выполнением массы ненужной работы, а также с искажением всей перспективы дела[1].

При расследовании преступлений в сфере закупок Е. Н. Земскова и А. В. Шмонин отмечали необходимость определения путей и способов проверки версий, решения поставленных задач посредством анализа и оценки вариантов следственных и иных действий, а также принятия окончательного решения об использовании конкретных ресурсов. Они считали важным разработку алгоритма (программы) действий следователя в виде тактических комплексов расследования преступления в сфере закупок, который служит подробной инструкцией для членов следственной группы и средством контроля качества производства следственных действий [6, с. 468].

Однако до настоящего времени программа последующего этапа расследования по делам о преступлениях в сфере закупок не выработана, в связи с чем можно выделить примерный перечень рекомендуемых мероприятий, составляющих алгоритм расследования по исследуемой группе преступлений на последующем этапе.

1. Завершение осмотра изъятых предметов и документов, решение вопроса о признании их вещественными доказательствами и определение порядка и места их хранения. Для систематизации

[1] Громов В. У. Методика расследования преступлений : Руководство для органов милиции и уголовного розыска. 2-е изд., доп. Москва : Издательство Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, 1930. С. 25.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

данной работы предлагается составить полный перечень изъятых предметов, электронной техники, документации для их последующего осмотра, в т. ч. с участием специалистов. К осмотру могут допускаться лица из числа свидетелей, потерпевших с целью дачи по ним пояснений по обстоятельствам заключения и исполнения контрактов, переговоров и переписки между участниками закупок.

Как отмечал И. Н. Подволоцкий, осмотр является процессуальной деятельностью следователя, направленной на познание обстоятельств совершенного преступления путем обнаружения, выявления, изучения, а также фиксации различных объектов с использованием криминалистических средств и методов [7].

При наличии большого количества изъятых предметов и документов осмотр целесообразно поручить нескольким следователям следственной группы. Для оптимизации осмотра рекомендуется поручать осмотр объектов тем следователям, которые ранее принимали участие в их изъятии либо были информированы о содержании собранных доказательств и их значении для уголовного дела. Так, следователь, принимавший участие в обыске в помещении организации – поставщика товаров по государственному контракту и в допросе ее сотрудников по обстоятельствам участия в закупке сможет наиболее качественно отобрать из массива документации нужные сведения и отразить их в протоколе осмотра применительно к конкретным обстоятельствам совершенного преступления.

Среди массива изъятых предметов и документов важно определить действительно имеющие значение для дела объекты, т. к. прочие часто не имеют доказательного значения и отражают, например, результаты коммерческой деятельности юридического лица по не имеющим отношения к делу контрактам и договорам.

При необходимости имеющие значение для доказывания сведения могут быть скопированы на дублирующий носитель информации. К. Ю. Яковлева предлагает такое техническое решение проверки достоверности сведений на носителе, содержащем скопированные данные, как «контрольная сумма (хеш-код, hash-code)», который означает строку бит, являющуюся выходным результатом хеш-функции, т. е. подсчета конечной суммы файла, содержащего электронную информацию [8].

2. Анализ и оценка первоначальных показаний обвиняемых, подозреваемых и свидетелей и проведение последующих их допросов. Показания ранее допрошенных лиц должны быть сопоставлены между собой, а также с иными доказательствами, в т. ч. с результатами оперативно-розыскной деятельности, изъятыми электронными носителями информации и документацией по закупке. Далее в порядке статьи 87 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[2] (далее – УПК РФ) должны быть запланированы мероприятия по проверке полученных доказательств. Так, если в ходе зафиксированных переговоров руководителя учреждения он дает указания сотрудникам контрактной службы проводить закупку неконкурентным способом, а в его переписке с представителем поставщика обсуждаются технические характеристики планируемого к поставке товара, то данные факты опровергают его показания о неосведомленности о данных фактах и отсутствии личной заинтересованности в исходе закупки.

Согласимся с мнением, что при допросе взяткодателей обязательно проверяется версия об оговоре должностного лица, когда свидетель преуменьшает свою роль и приписывает последнему действия, которых тот не совершал, в т. ч. указывая на факт вымогательства взятки под угрозой создания препятствий деятельности представляемой им организации[3].

Верно также утверждение, что при оценке показаний потерпевших и свидетелей необходим их тщательный анализ с выяснением всех обстоятельств восприятия или невосприятия того или иного события [9, с. 79].

Большое значение имеет проведение проверки показаний на месте [10], когда требуется воспроизвести обстановку и обстоятельства исследуемого преступного события, например, для уточнения сведений об адресах встреч взяткодателя с представителями заказчика при передаче денежных средств, демонстрации его действий, либо указания свидетелем из числа представителей генерального подрядчика на предметы, документы, следы на объекте строительства, за который отвечала та или иная организация при исполнении контракта. Проверку показаний на месте в литературе также называют разновидностью допроса, т. к. она служит для уточнения ранее данных показаний на месте, связанном с исследуемым событием [11].

---

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[3] Бутырская А. В., Лушин Е. А., Родионова Ю. В. Допрос свидетеля и потерпевшего в досудебной стадии (процессуальные и криминалистические аспекты) : учебное пособие. Нижний Новгород : Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, 2019. С. 174.

Не отрицая этого положения, отметим, что главной целью проверки показаний на месте является не получение показаний, а их сопоставление с местом происшествия, обстановкой совершения преступления.

3. Необходимо безотлагательно решить вопрос о назначении финансово-экономических, бухгалтерских, строительно-технических, фоноскопических судебных экспертиз, требующих предоставления в распоряжение экспертов большого объема материалов и их длительного исследования. При назначении экспертиз необходимо не только тщательно продумывать постановку вопросов перед экспертом, но и определить круг исследуемых объектов и образцов для исследования, для чего нужно провести следственные и процессуальные действия по их изъятию.

К примеру, при расследовании преступлений о хищении при строительных работах нужно изъять в полном объеме проектно-сметную документацию, справки о выполненных работах, акты об их приемке заказчиком, что позволит решить экспертную задачу о соответствии объемов и качества работ условиям государственного контракта.

Также рекомендуется привлекать специалиста для получения профессионального мнения, например, об обстоятельствах нарушения норм о защите конкуренции или о соответствии поставляемых товаров техническому решению устройства.

4. Предъявление обвинения в окончательной редакции и допрос обвиняемого. Здесь следователь должен быть готов к даче обвиняемым подробных показаний, сообщению им новых сведений о своей невиновности, представлению якобы оправдывающих его доказательств. В связи с этим необходимы оперативный анализ полученной информации и проведение следующих следственных действий по ее проверке и опровержению:

– Допрос обвиняемого с предъявлением уличающих доказательств (расшифровки его переговоров и переписки, а также документов, составление или подписание которых им отрицается: запросов ценовых предложений аффилированным организациям, обоснования закупки товаров, потребность в которых отсутствует. Следует согласиться с А. Г. Шестеровым в том, что в момент допроса происходит взаимный обмен информацией, при этом основной поток информации должен идти к следователю и только наименьшая и самая необходимая ее часть – к допрашиваемому[4].

– Проведение очной ставки с нижестоящими руководителями подразделений заказчика, подчиненными сотрудниками контрактной службы, представителями комиссии по приемке товаров, работ, услуг, которым давались указания о заключении контракта в обход конкурентных процедур, составлении технического задания под конкретного поставщика, постановке на балансовый учет бракованных изделий и т. п. Согласимся с В. Е. Коноваловой в том, что очная ставка имеет существенное значение в тех случаях, когда противоречия в показаниях являются результатом ложных показаний одного из допрошенных лиц или их невольной ошибки [12, с. 25–26].

– Получение у операторов сотовой связи сведений о телефонных соединениях обвиняемого с привязкой к адресам базовых станций в случае отрицания им переговоров с представителями поставщика и нахождении на месте совершения преступления при получении взятки.

– Допрос в качестве специалиста профессионального оценщика о нарушении федеральных стандартов оценки при проведении по ходатайству защиты исследования рыночной стоимости товара, поставленного по контракту.

5. Проведение иных следственных действий, направленных на закрепление собранных доказательств, получение новых данных о виновности обвиняемых и сведений о дополнительных фактах их преступной деятельности, которые можно разделить на следующие группы.

Действия по проверке завышения цены контракта:

– выемка у добросовестных поставщиков документов о поставке по рыночной стоимости товаров в адрес победившей на торгах организации, которая используется в качестве посредника для завышения цены контракта, а также сырья и материалов, применявшихся в изготовлении не предусмотренных ГОСТ или техническим условием товаров, работ, услуг;

– выемка у субподрядчиков контрагента заказчика локально-сметных расчетов, актов и ведомостей выполненных работ для установления их фактической стоимости и сопоставление полученных данных с оплаченными работами по государственному контракту на предмет применения к затратам генерального подрядчика аналогичных федеральных и региональных расценок, поправочных (корректирующих) коэффициентов;

– выемка в финансово-экономическом подразделении заказчика документов о доведении распорядителем бюджетных средств лимитов бюджетных обязательств до получателей, а также

[4] Шестеров А. Г. Психология допроса свидетелей и потерпевших : Лекция. Ташкент : [б. и.], 1974. С. 17.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

их корректировке и (или) возможном отзыве, их дальнейший осмотр и анализ, в т. ч. для сопоставления с планом-графиком закупок, а также показаниями свидетелей о завышении цены контракта, привлечении к торгам подконтрольных соучастникам субподрядчиков, исполнителей, поставщиков и т. д.

Действия по проверке аффилированности участников закупки:

– запрос в органах пенсионного фонда сведений о застрахованных лицах из числа работников заказчика и поставщика на предмет совпадения места работы у одних и тех же лиц или связанных с ними граждан, что запрещено в соответствии с ч. 6 ст. 39 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[5];

– допрос представителей Федеральной антимонопольной службы (ФАС России) о наличии ограничивающих конкуренцию требований в техническом задании, например, указании без оговорки «или эквивалент» товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований, патентов, полезных моделей и промышленных образцов, наименований места происхождения товара или производителя;

– допрос представителей организаций, которые ранее принимали участие в закупках тех же товаров, работ, услуг, для выяснения причин невозможности заключения контракта на указанных в извещении условиях, например, сокращенные сроки поставки, растянутая логистика доставки товара, излишние показатели и значения в техническом задании и др.

Действия по проверке реальности исполнения контракта:

– проверка возможности поставщика исполнить контракт путем запроса сведений о его бухгалтерской отчетности, оборотных средствах на счетах в банках, кадровом персонале, наличии у него транспорта, зданий, сооружений, производственных мощностей, иного имущества;

– в случае закупки товаров, производимых конкретным поставщиком, требуется изъятие документов, подтверждающих их изготовление силами данного предприятия, а не приобретение на стороне (карточки учета и расходования сырья, электроэнергии, упаковочного и сортировочного материала, журналы учета рабочего времени работников и т. д.).

В случае выявления по результатам следственных и процессуальных действий новых соучастников преступления либо установления дополнительных эпизодов преступной деятельности в обязательном порядке должны приниматься процессуальные решения о привлечении обвиняемого в рамках расследуемого уголовного дела либо о возбуждении новых уголовных дел и соединении их в одном производстве с расследуемым делом.

По итогам последующего этапа расследования должны быть достоверно установлены следующие обстоятельства, позволяющие принять решение о завершении следственных действий:

– закупка проведена в нарушение требований законодательства о контрактной системе, вопреки ее принципам и с корыстной целью личного обогащения для ее организаторов, исполнителей и участников;

– выделенные для целей закупки бюджетные средства израсходованы необоснованно, в нарушение требований ст. 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации[6], в то время как товары, работы, услуги получены заказчиком по завышенным ценам либо не отвечают его потребностям, а также полностью или частично не поставлены (не оказаны, не выполнены) победителем торгов;

– собраны неопровержимые и согласующиеся между собой доказательства, подтверждающие незаконное обогащение лиц из числа сотрудников заказчика и участника закупки за счет необоснованного расходования бюджетных средств (получение руководителем учреждения взятки за обеспечение победы в аукционе в размере, эквивалентном сумме завышения стоимости товара в размере 10 % от цены контракта);

– преступные действия обвиняемого, совершенные вопреки интересам службы и повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также охраняемых законом интересов общества и государства, подтверждены достаточными данными, свидетельствующими о невыполнении национального проекта, государственного оборонного заказа, государственной программы, а также достоверно определен причиненный государству ущерб;

---

[5] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

[6] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

– предъявленное обвинение содержит все входящие в предмет доказывания сведения, предусмотренные ст. 73 УПК РФ[7], действиям обвиняемого дана надлежащая правовая оценка с учетом норм Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации[8], а также отсылочных норм законодательства о контрактной системе и других нормативных правовых актов в сфере закупок, действовавших на дату совершения преступления.

По итогам проведенного исследования приходим к выводу, что эффективность последующего этапа расследования преступлений в сфере закупок зависит не от количества проведенных следственных и процессуальных действий, а от качества их системной увязки с собранными доказательствами обвинения и версией защиты.

Обобщая полученные результаты, сформулируем краткие рекомендации следователю на последующем этапе расследования:

– составить полный перечень изъятых предметов, электронной техники, документации о закупке для их последующего осмотра, в т. ч. с привлечением специалиста;

– тщательно проанализировать и оценить первоначальные показания обвиняемых, подозреваемых и свидетелей, после чего спланировать проведение последующих следственных действий по их проверке (очная ставка с работниками заказчика, сотрудниками контрактной службы, комиссии по приемке товаров, работ, услуг; проверка показания на месте);

– безотлагательно решать вопросы о назначении судебных экспертиз для установления суммы причиненного ущерба, размера полученной взятки, стоимости имущества, добытого преступным путем;

– подготовка к допросу обвиняемого должна включать анализ содержания его телефонных переговоров, электронной переписки, обнаруженных документов в целях предъявления уличающих доказательств и получения подробных пояснений по их содержанию;

– выполнить иные следственные действия, направленные на проверку завышения цены контракта, аффилированности участников закупки и реальности исполнения обязательств поставщика, подрядчика, исполнителя.

Расследование по уголовному делу завершается составлением обвинительного заключения, которое содержит окончательную оценку доказательств на предмет относимости, допустимости, достоверности и достаточности, а также сформулированный вывод о совершении преступления определенным лицом[9] [13].

Верно мнение о том, что при составлении обвинительного заключения необходимо соотнести отдельные доказательства обвинения и защиты применительно к каждому из эпизодов, стремиться к их лаконичному изложению, а также приводить их анализ, в т. ч. для опровержения позиции защиты [14, с. 21–24].

С. Б. Россинский предлагает существенно сократить объем включаемых в обвинительное заключение сведений, тем самым превратив его в краткую «аннотацию» к материалам оконченного досудебного производства, не предполагающую обстоятельного освещения результатов следственной деятельности, в первую очередь подробного изложения имеющихся доказательств [15, с. 33–37].

Полагаем, что обвинительные заключения по уголовным делам о преступлениях в сфере закупок с учетом их сложности должны составляться путем системного и рационального способа обоснования предъявленного обвинения, сокращения излишнего объема доказательств и исключения их необоснованного дублирования.

Вопросы расследования, которые могут казаться трудноразрешимыми, обусловленные большим количеством томов уголовного дела, допросом множества свидетелей, осмотром трудно воспринимаемых документов и нормативных правовых актов, регулирующих контрактную систему, не должны препятствовать достижению целей расследования, вести к неоправданному упрощению работы следователя.

Заключение

Таким образом, последующий этап расследования заключается в закреплении ранее полученных и получении новых доказательств с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в соответствии с требованиями ст. 73 УПК РФ. Также данный

[7] СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[9] Попова О. А. Обвинительное заключение : Руководство для следователей : учебное пособие. Волгоград : Волгоградская акад. МВД России, 2017. С. 6.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

этап предполагает проверку версии защиты о невиновности обвиняемого. Конечной целью последующего этапа является предъявление обвинения в окончательной редакции.

Ключевое условие достижения целей расследования заключается в надлежащей организации последующего этапа расследования, на котором следователь имеет возможность восполнить пробелы начального этапа, а также выполнить комплекс следственных и процессуальных действий, направленных на сбор исчерпывающего объема доказательств, необходимых для предъявления виновным лицам окончательного обвинения и перехода к завершающей стадии при производстве по уголовному делу.

Список источников

1. *Субботина М. В.* Концепция формирования базовых методик расследования преступлений : монография. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2007. 155 с.

2. *Бардачевский Р. И.* Следственные ситуации и планирование расследования коррупционных преступлений : монография. Москва : Юрлитфинформ, 2024. 200 с.

3. *Сиделев В. В.* Значение планирования производства предварительного следствия на последующем этапе // Российский следователь. 2019. № 3. С. 22–25.

4. *Павлов Р. Ю., Бессонов А. А.* Криминалистическое мышление следователя : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. 168 с.

5. *Лобунец Е. С.* Назначение и содержание этапов расследования преступлений : монография. Москва : Юрлитинформ, 2015. 154 с.

6. *Шмонин А. В., Земскова Е. Н.* Формирование криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : монография. Москва : Юстицинформ, 2021. 684 с.

7. *Подволоцкий И. Н.* К вопросу о необходимости использования специальных знаний при осмотре документов // Эксперт-криминалист. 2010. № 4. С. 25–28.

8. *Яковлева К. Ю.* Контрольная сумма как элемент достоверности доказательства, содержащего электронную информацию, в уголовном процессе // Российский следователь. 2024. № 2. С. 39–43. https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-2-39-43

9. *Пиджаков А. Ю., Сорокина Т. А., Щербич Л. А.* Криминалистические особенности института показаний свидетелей и потерпевших : монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, 2006. 188 с.

10. *Арсентьева С. С., Савченко А. Н.* Проверка показаний на месте: криминалистический анализ следственного действия, этические аспекты уголовно-процессуальной деятельности проверки и оценки данного доказательства // Российский судья. 2020. № 2. С. 27–32. https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-2-27-32

11. *Желтобрюхов С. П.* Проверка показаний на месте с участием разоблачаемого лица // Российский судья. 2023. № 1. С. 19–22. https://doi.org/10.18572/1812-3791-2023-1-19-22

12. *Коновалова В. Е.* Тактика допроса свидетелей и обвиняемых. Харьков : Издательство Харьковского государственного университета, 1956. 38 с.

13. *Миликова А. В.* Обвинительное заключение – основной уголовно-процессуальный акт предварительного следствия // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 2 (17). С. 80–86. https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-80-86

14. *Алимамедов Э. Н.* Задачи и сущность этапа окончания предварительного следствия с обвинительным заключением // Российский судья. 2011. № 10. С. 21–25.

15. *Россинский С. Б.* Подходы к форме и содержанию обвинительного заключения должны соответствовать его предназначению // Российский следователь. 2024. № 9. С. 33–37. https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-9-33-37

References

1. *Subbotina M. V.* Koncepciya formirovaniya bazovyh metodik rassledovaniya prestuplenij : monografiya. Volgograd : Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2007. 155 s.

2. *Bardachevskij R. I.* Sledstvennye situacii i planirovanie rassledovaniya korrupcionnyh prestuplenij : monografiya. Moskva : Yurlitfinform, 2024. 200 s.

3. *Sidelev V. V.* Znachenie planirovaniya proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya na posleduyushchem etape // Rossijskij sledovatel'. 2019. № 3. S. 22–25.

4. *Pavlov R. Yu., Bessonov A. A.* Kriminalisticheskoe myshlenie sledovatelya : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2023. 168 s.

5. *Lobunec E. S.* Naznachenie i soderzhanie etapov rassledovaniya prestuplenij : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2015. 154 s.

6. *Shmonin A. V., Zemskova E. N.* Formirovanie kriminalisticheskih znanij o rassledovanii prestuplenij v sfere zakupki tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd : monografiya. Moskva : Yusticinform, 2021. 684 s.

7. *Podvolockij I. N.* K voprosu o neobhodimosti ispol'zovaniya special'nyh znanij pri osmotre dokumentov // Ekspert-kriminalist. 2010. № 4. S. 25–28.

8. *Yakovleva K. Yu.* Kontrol'naya summa kak element dostovernosti dokazatel'stva, soderzhashchego elektronnuyu informaciyu, v ugolovnom processe // Rossijskij sledovatel'. 2024. № 2. S. 39–43. https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-2-39-43

9. *Pidzhakov A. Yu., Sorokina T. A., Shcherbich L. A.* Kriminalisticheskie osobennosti instituta pokazanij svidetelej i poterpevshih : monografiya. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet grazhdanskoj aviacii, 2006. 188 s.

10. *Arsent'eva S. S., Savchenko A. N.* Proverka pokazanij na meste: kriminalisticheskij analiz sledstvennogo dejstviya, eticheskie aspekty ugolovno-processual'noj deyatel'nosti proverki i ocenki dannogo dokazatel'stva // Rossijskij sud'ya. 2020. № 2. S. 27–32. https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-2-27-32

11. *Zheltobryuhov S. P.* Proverka pokazanij na meste s uchastiem razoblachaemogo lica // Rossijskij sud'ya. 2023. № 1. S. 19–22. https://doi.org/10.18572/1812-3791-2023-1-19-22

12. *Konovalova* V. E. Taktika doprosa svidetelej i obvinyaemyh. Har'kov : Izdatel'stvo Har'kovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1956. 38 s.

13. *Milikova* A. V. Obvinitel'noe zaklyuchenie – osnovnoj ugolovno-processual'nyj akt predvaritel'nogo sledstviya // Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. № 2 (17). S. 80–86. https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-80-86

14. *Alimamedov* E. N. Zadachi i sushchnost' etapa okonchaniya predvaritel'nogo sledstviya s obvinitel'nym zaklyucheniem // Rossijskij sud'ya. 2011. № 10. S. 21–25.

15. *Rossinskij* S. B. Podhody k forme i soderzhaniyu obvinitel'nogo zaklyucheniya dolzhny sootvetstvovat' ego prednaznacheniyu // Rossijskij sledovatel'. 2024. № 9. S. 33–37. https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-9-33-37

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 343.9

Методика применения технологий искусственного интеллекта в криминологическом анализе (на примере насильственной преступности в семейно-бытовой сфере)

Елена Вячеславовна Латышева, соискатель

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Санкт-Петербург (191014, Литейный пр-т, д. 44), Российская Федерация
egjohns@mail.ru
https://orcid.org/0009-0008-4402-5126

Аннотация:
Введение. *В условиях цифровизации всех сфер деятельности, увеличения массива неструктурированной информации возникает необходимость обновления отдельных элементов методологии криминологической науки. Новые возможности, связанные с распространением технологий искусственного интеллекта, создают условия для повышения результативности криминологического анализа путем сбора, обработки и систематизации значительных массивов цифровой информации. Искусственный интеллект позволяет осуществить анализ значительно большего объема криминологически значимой информации за единицу времени. Особый потенциал данного инструмента связан с анализом видов преступности, представленных большим эмпирическим объемом (например, насильственная преступность в семейно-бытовой сфере). Целью исследования является разработка и апробация методики использования технологий искусственного интеллекта на примере криминологического анализа данного вида преступности.* **Методы.** *Исследование выполнено в формате ретроспективного документального анализа. В качестве вспомогательного инструмента для извлечения, структурирования и предварительной обработки данных использовалась генеративная языковая модель ChatGPT компании OpenAI на базе языковой модели семейства GPT-5.4 при последующей экспертной верификации результатов исследователем. Эмпирическую базу составили 523 судебных решения 2012–2025 гг., отобранные из открытых источников и переведенные в стандартизированную таблицу криминологически значимых признаков.* **Результаты.** *Апробация методики показала свою работоспособность и научную продуктивность. На основе полученного массива данных сделаны криминологически значимые выводы о насильственной преступности в семейно-бытовой сфере. Подтверждена эффективность использования искусственного интеллекта как вспомогательного инструмента извлечения, структурирования и первичной обработки криминологически значимых данных. Сделаны выводы о его высокой эвристической и прикладной ценности для криминологического анализа при жестко заданной исследовательской матрице и сохранении определяющей роли исследователя в интерпретации результатов.*

Ключевые слова:
цифровизация криминологии, семейно-бытовая преступность, криминологический анализ, судебные решения, искусственный интеллект, ChatGPT

Для цитирования:
Латышева Е. В. Методика применения технологий искусственного интеллекта в криминологическом анализе (на примере насильственной преступности в семейно-бытовой сфере) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 203–213.

Статья поступила в редакцию 30.03.2026;
одобрена после рецензирования 01.07.2026;
принята к публикации 25.09.2026.

Статья заняла II место в международном конкурсе адъюнктов и аспирантов на лучшую научную статью 2026 года, проведенном Санкт-Петербургским университетом МВД России.

© Латышева Е. В., 2026

Original article

Methods for applying artificial intelligence technologies in criminological analysis (using the example of violent crime in the domestic sphere)

Elena V. Latysheva, Candidate fo an academic degree

Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation
44, Liteiny ave., Saint Petersburg, 191014, Russian Federation
egjohns@mail.ru
https://orcid.org/0009-0008-4402-5126

Abstract:
Introduction. *Against the backdrop of the digitalisation of all spheres of activity and the growing volume of unstructured information, there is a need to update certain elements of the methodology of criminological science. New opportunities arising from the spread of artificial intelligence technologies create the conditions for improving the effectiveness of criminological analysis through the collection, processing and systematisation of large volumes of digital information. Artificial intelligence makes it possible to analyse a significantly larger volume of criminologically relevant information per unit of time. The particular potential of this tool lies in the analysis of types of crime characterised by a large volume of empirical data (for example, domestic violence). The aim of this study is to develop and test a methodology for using artificial intelligence technologies, using the criminological analysis of this type of crime as a case study.* **Methods.** *The study was conducted as a retrospective documentary analysis. OpenAI's ChatGPT generative language model, based on the GPT-5.4 language model family, was used as a supporting tool for extracting, structuring and pre-processing data, with the results subsequently verified by the researcher. The empirical data comprised 523 court rulings from 2012 to 2025, selected from open sources and transcribed into a standardised table of criminologically significant characteristics.* **Results.** *Testing of the methodology demonstrated its feasibility and scientific value. Based on the dataset obtained, criminologically significant conclusions were drawn regarding violent crime in the domestic sphere. The effectiveness of using artificial intelligence as an auxiliary tool for extracting, structuring and performing initial processing of criminologically significant data has been confirmed. Conclusions have been drawn regarding its high heuristic and practical value for criminological analysis within a strictly defined research framework, whilst maintaining the researcher's decisive role in interpreting the results.*

Keywords:
digitalisation of criminology, domestic crime, criminological analysis, court rulings, artificial intelligence, ChatGPT

For citation:
Latysheva E. V. Methods for applying artificial intelligence technologies in criminological analysis (using the example of violent crime in the domestic sphere) // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 203–213.

**The article was submitted March 30, 2026;
approved after reviewing July 1, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

The article was awarded second place in an international competition for adjuncts and postgraduates for the best scientific article of 2026, held by Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

Введение

В эпоху стремительно развивающихся информационных технологий актуальной становится проблема внедрения в криминологическую науку новых методов изучения социально-правовой действительности.

Возможность использования современных технологий искусственного интеллекта для анализа криминологически значимой информации обусловлена его способностью имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами его интеллектуальной деятельности [1, с. 14]. Инновационные технологии обладают большим прикладным потенциалом в криминологическом изучении преступности, установлении ее характерных черт и закономерностей, а также при анализе личности преступника и жертвы.

Анализируя опыт зарубежных стран, следует отметить, что в их правоохранительной деятельности широко распространено использование технологий искусственного интеллекта при прогнозировании оперативной обстановки [2], при рассмотрении вопроса об освобождении под залог, вынесении приговора и условно-досрочном освобождении [3].

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Российский законодатель предпринимает определенные шаги к внедрению инноваций в научную среду. Использование в научных исследованиях и разработках искусственного интеллекта как инструмента для выполнения научных и прикладных задач обозначено в качестве одного из основных направлений развития Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[1].

Вместе с тем в российской криминологической науке присутствует определенная архаичность методологии и методики исследования, отсутствуют алгоритмы исследовательских операций с использованием новейших информационных технологий, не разработаны критерии оценивания эффективности применения технологий искусственного интеллекта в науке и практике [4, с. 107–108]. Развитие передовых технологий не оказывает существенного влияния на методологическую базу исследований в области криминологии, использование инноваций происходит медленно [5].

Анализ преступности является одним из важнейших этапов реализации криминологического исследования. Он включает в себя изучение определенного массива преступлений, выявление характерных черт и особенностей рассматриваемого вида преступности, а также личности преступника и жертвы путем обработки и изучения источников: материалов уголовных дел, приговоров, судебных и следственных постановлений, материалов проверок, статистической отчетности и т. д. Данный процесс весьма трудоемкий и требует значительных временных и интеллектуальных затрат.

Объемная генеральная совокупность отдельных видов преступности при выборочном исследовании предполагает изучение их достаточного количества с целью обеспечения репрезентативности выборки. К примеру, согласно данным государственной статистики, только в 2025 году в отношении членов семьи совершено 34 146 преступлений против жизни и здоровья[2]. В связи с этим особо актуальной становится проблема обработки большого количества данных, поиск современных средств и методов познания, позволяющих оперативно собирать, обрабатывать и интерпретировать криминологическую информацию.

В целях проведения всестороннего криминологического анализа исследователь вынужден работать не только с традиционными источниками (официальная статистика, материалы уголовных дел, опросов и т. п.), но и с массивами неструктурированных данных, пригодных для машинного извлечения и анализа. Для насильственной преступности в семейно-бытовой сфере характерны отсутствие полноценного статистического учета, высокая латентность, выраженная связь с предшествующими конфликтами, социально-экономическими, виктимологическими и иными факторами. Значительная часть релевантной информации содержится не в унифицированных статистических формах, а в судебных актах, в которых обстоятельства преступления, история предыдущих конфликтов, реакция правоохранительных органов, характеристика семейных отношений описаны фрагментарно и с высокой вариативностью формулировок. Искусственный интеллект в этом случае выступает действенным инструментом первичной структуризации массива данных, который трудно обработать вручную в приемлемые сроки без потери детализации, не заменяя при этом самого исследователя.

Анализ современных исследований по применению искусственного интеллекта в изучении семейно-бытового насилия показывает, что в зарубежных странах наиболее развиты следующие направления: прогнозирование повторных эпизодов насилия [6–10], анализ данных открытых источников и разработка их классификаторов для выявления публикаций о домашнем насилии [11–15], последствия домашнего насилия для психического здоровья [16–18].

В отечественной криминологии семейно-бытовое насилие традиционно анализируется на основе данных официальной статистики и ограниченной по объему и региональному представительству выборке материалов судебной и следственной практики [19, с. 124], данных социологических опросов[3] [20, с. 180]. Также проводятся исследования в форме анализа публикационной активности в социальных сетях на предмет отношения к домашнему насилию[4].

---

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2019. № 41. Ст. 5700.

[2] Форма 4-ЕГС. Раздел 5. Сведения о преступлениях, совершенных отдельными категориями лиц (по расследованным преступлениям) за 2025 год // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 23.03.2026).

[3] См.: Ефимова М. П. Криминологический анализ насилия в сфере семейных отношений: теория и практика противодействия : дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2025. 291 с.

[4] См.: Русакова М. М., Александрова А. А., Ткач С., Воробьева П. Д. Исследование сетевой публикационной активности в «Телеграме» по теме домашнего насилия. Санкт-Петербург : Центр прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета, 2025. 132 с.

Такие исследования обладают значительной научной и практической ценностью для выявления характерных черт и особенностей структуры семейно-бытовой преступности, личности преступника и жертвы, роли социально-экономических факторов. Однако процедура получения информации из судебных и следственных актов, как правило, остается неавтоматизированной, без использования машинной обработки, длительной и слабо стандартизированной, и поэтому разработка методики использования искусственного интеллекта в целях расширения эмпирической базы криминологических исследований становится объективной потребностью криминологической науки. Она позволит переводить неструктурированные тексты приговоров в унифицированные данные по заданной исследователем программе без подмены научной интерпретации машинной генерацией.

Целью данной работы является разработка и апробация методики применения технологий искусственного интеллекта для криминологического анализа на примере насильственной преступности в семейно-бытовой сфере, а также ее реализация в исследовательском цикле «документ → структура данных → аналитика → выводы».

Для достижения этой цели поставлены следующие *задачи*:

– определить место искусственного интеллекта в структуре криминологического исследования и ограничения при его использовании;

– сформировать и описать процедуру перевода данных из судебных приговоров в криминологически значимую информацию;

– апробировать процедуру на массиве судебных решений о насильственных преступлениях в семейно-бытовой сфере;

– выявить криминологические закономерности посредством полученной информации;

– оценить ограничения, риски и условия корректного применения искусственного интеллекта в подобных исследованиях.

Научная новизна проведенного исследования заключается в разработке практико-ориентированной методики проведения криминологического анализа с использованием искусственного интеллекта в качестве вспомогательной технологии, призванной расширить эмпирическую базу исследования, повысить точность получаемой информации и ускорить процесс ее обработки.

Методы

Исследование проведено в формате ретроспективного документального криминологического анализа судебных актов по результатам рассмотрения уголовных дел о насильственных преступлениях в семейно-бытовой сфере.

Для извлечения, структурирования и стандартизации данных из текстов судебных решений использовалась генеративная языковая модель ChatGPT компании OpenAI на базе языковой модели семейства GPT-5.4. Результаты обработки данных подлежали последующей верификации исследователем.

Эмпирическую базу исследования составили судебные акты, размещенные в открытом доступе в электронной базе судебных и нормативных актов «Судакт»[5] (первичный источник), а также итоговая электронная таблица Excel, сформированная по результатам их анализа (вторичный источник).

Исследовательский процесс включает в себя следующие стадии:

1) формирование базы судебных решений, подлежащих анализу;

2) разработка таблицы с криминологически значимыми признаками для проведения анализа судебных решений;

3) извлечение сведений из текста каждого судебного решения, их стандартизация и предоставление для заполнения итоговой таблицы с помощью искусственного интеллекта;

4) ручная экспертная верификация и коррекция извлеченных данных;

5) анализ полученных данных.

Критерием отбора судебных решений стала криминологическая классификация насильственной преступности в семейно-бытовой сфере по объекту преступного посягательства, разработанная в ранее проведенных исследованиях [21]. Судебные акты с учетом этих критериев предварительно отобраны исследователем и сохранены в формате .docx, .pdf, .rtf для последующей загрузки и анализа с помощью технологий искусственного интеллекта.

Критерии анализа установлены исследователем самостоятельно путем определения структуры таблицы, отражающей *криминологически значимые признаки*:

[5] Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. URL: https://sudact.ru.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

– идентификационные данные по делу (наименование суда, вид судебного решения, дата вынесения акта, номер дела, ФИО осужденного (при наличии));

– уголовно-правовые данные о преступлении и наказании (квалификация деяния, степень тяжести содеянного, итоговое наказание, наличие предыдущих судимостей за насильственные преступления, переквалификация содеянного и ее причины);

– социально-демографические характеристики (пол, род занятий, образование подсудимого, наличие детей на иждивении, наличие психических отклонений);

– криминологически значимые обстоятельства (тип семейных отношений; мотив преступления; форма насилия; последствия для жертвы; история предшествующего насилия; длительность конфликта до преступления; наличие обращений жертвы до преступления; реакция правоохранительных органов; планирование преступления; наличие оружия или предметов, используемых в качестве оружия; поведение преступника после преступления; влияние детей на поведение преступника, связь с другими формами девиантного поведения);

– дополнительные признаки (географический и социокультурный контекст, примечание).

Искусственный интеллект выступил в роли инструмента обработки и структурирования данных. Он использовался для анализа информации только по заранее определенной структуре без самостоятельного поиска критериев анализа. Данная установка обеспечивает строгие критерии анализа и минимизирует риск произвольного изменения исследовательской логики.

Процедура взаимодействия с искусственным интеллектом включает следующее:

– исследователь предоставляет генеративной модели судебный акт и шаблон таблицы Excel с заранее заданными криминологическими признаками;

– машинный анализ и извлечение из текста релевантных сведений согласно заданным столбцам таблицы;

– представление результата в формате .csv, пригодном для прямой вставки в таблицу Excel.

Если в тексте отсутствовали необходимые сведения, искусственный интеллект должен был это фиксировать, не подменяя пробелы своими предположениями. Источниками сведений служили помимо установочных сведений показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, письменные документы, отраженные в судебных решениях. В случае неоднозначности формулировок модель ориентирована на дословное отражение сведений из текста.

По результатам обучения генеративной языковой модели рабочая инструкция (промт) выглядела следующим образом: «Ты – ученый-криминолог, который проводит исследование насильственной преступности в семейно-бытовой сфере. Тебе нужно проанализировать приложенные решения суда строго в соответствии с разработанной мной таблицей Excel. Информацию представь в формате .csv с разделителем „;”. Запрещено пропускать, перемешивать и придумывать новые столбцы. Извлеки из текста только те сведения, которые прямо содержатся в судебном акте. Запрещено использовать вымышленные данные. Если сведения отсутствуют, укажи „нет данных”, если имеется информация об отсутствии факта, укажи „нет”. Соблюдай стиль заполнения таблицы согласно приложенному образцу».

На следующем этапе исследователь проверяет соответствие представленной информации исходному документу, исправляет неточности, восполняет недостающие сведения, которые не смог распознать искусственный интеллект. Только после такой проверки заполненная строка включается в итоговую таблицу.

Важно отметить, что получение результатов анализа судебных актов происходило поэтапно, сериями по несколько документов, что позволяло выявлять неточности заполнения, типичные ошибки и вносить корректировки в инструкцию для анализа (промт). В результате такого взаимодействия с генеративной моделью выработаны следующие *технологические правила для защиты от искажения данных*:

– анализировать судебные решения строго в соответствии с приложенной таблицей Excel;

– не перемешивать и не создавать новые категории анализа (столбцы);

– соблюдать стиль заполнения согласно приложенному образцу;

– не использовать вымышленные данные в случае их отсутствия, прямо указывать об этом;

– представлять информацию в пригодном для импорта в таблицу Excel формате .csv.

Такая установка выступила методологическим ограничением использования искусственного интеллекта, которое позволило встроить генеративную модель в структуру криминологического исследования, а не подменить его генерацией текста.

Для аналитического этапа проведена унификация и стандартизация данных, информация в заполненных столбцах приведена к однообразному представлению. Наличие информации фиксировалось только при прямом указании в тексте, что снизило риски неточного отражения данных. Искусственный интеллект обеспечил перевод текста в массив данных, однако научное объяснение и интерпретация оставались за исследователем.

Таким образом, искусственный интеллект в данном исследовании является не источником окончательного знания, а промежуточным этапом анализа. Он ускоряет обработку данных, оптимизирует рутинные процессы, но не устраняет необходимость экспертного контроля. Методика построена на активном участии человека в обучении, проверке и совершенствовании работы искусственного интеллекта. Исследователь устанавливает рамки исследования, проверяет результат и интерпретирует выводы.

Результаты

Посредством описанной выше методики путем перевода неструктурированного текста в сопоставимую таблицу признаков проанализировано 523 судебных акта о насильственных преступлениях в семейно-бытовой сфере за период с 2012 по 2025 гг. включительно (основной массив включает судебные решения с 2018 по 2025 гг.). Географически исследованием охвачены решения из 74 субъектов Российской Федерации.

Для проверки эффективности разработанной методики проведено контрольное сопоставление временных затрат на анализ судебных решений на выборке из 8 судебных актов различного объема.

При ручном извлечении сведений из судебного решения и их внесении в таблицу Excel среднее время обработки судебного решения составило 13 мин. 34 сек. При использовании генеративной языковой модели среднее время первичного извлечения и структурирования данных составило 1 мин. 23 сек., последующая экспертная проверка и корректировка результата занимали в среднем 2 мин. 29 сек. Совокупное время обработки одного судебного решения с использованием искусственного интеллекта составило 3 мин. 52 сек., что позволило сократить трудозатраты на 72 % по сравнению с ручным способом обработки.

При этом в расчет не включались время разработки исследовательской матрицы, формирование базы судебных решений и итоговая научная интерпретация данных, поскольку данные этапы сохраняют самостоятельный исследовательский характер и не подменяются искусственным интеллектом.

Данный результат имеет положительное методическое значение, поскольку без использования технологий искусственного интеллекта подобный массив информации потребовал бы существенно больше временных затрат по извлечению, фиксированию и унификации данных, особенно с учетом неоднородности формулировок в судебных текстах, различий в стиле их написания. В результате взаимодействия исследователя и искусственного интеллекта построена рабочая процедура, посредством которой судебный акт превращается в строку стандартизированных данных, пригодных для криминологического анализа.

Из 523 судебных решений 62,3 % преступлений совершено мужчинами (326 актов), 37,7 % – женщинами (197 актов). Полученное соотношение показывает, что насильственная преступность в семейно-бытовой сфере представлена не только мужской агрессией в отношении женщин: мужчины также выступают потерпевшими по значительной части дел [22, с. 236]. Вместе с тем агрессия в отношении мужчин часто связана с реакцией на длительный семейно-бытовой конфликт, предшествующее насилие, противоправное или аморальное поведение потерпевшего, что приводит к совершению преступлений в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны (в изученном массиве – 147 судебных актов, или 74,6 % преступлений, совершенных женщинами). Таким образом, женская насильственная преступность в исследованном массиве во многих случаях имеет реактивный, конфликтно-виктимизационный характер.

Также необходимо учитывать, что определенную часть (8 дел, или 1,5 %) составляют преступления, которые могут быть совершены только женщинами (ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации[6] (далее – УК РФ)).

Структура семейных отношений в исследованных судебных решениях оказалась следующей: на долю супругов пришлось 208 актов (39,8 %), на долю сожителей – 175 актов (33,5 %), на отношения между родителями и детьми – 79 актов (15,1 %), на долю бывших супругов – 29 дел (5,5 %). Таким образом, ядро насильственной преступности в семейно-бытовой сфере составляют зарегистрированные или фактические супружеские отношения (73 %), в которых сочетаются близкие личные взаимоотношения, бытовая и финансовая связь, повседневное взаимодействие и конфликтность как результат столкновения интересов и противоречий, возникших при совместном проживании и ведении общего хозяйства, воспитании детей [23, с. 18; 24, с. 30].

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-Ф (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Наибольшее количество от числа изученных судебных актов составляют преступления, предусмотренные ст. 111 УК РФ (226, или 43,2 %), на втором месте следуют убийства (ст. 105 УК РФ) – 96 дел (18,4 %), затем – угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) – 58 дел (11,1 %), причинение вреда здоровью средней тяжести (ст. 112 УК РФ) – 57 дел (10,9 %), побои (ст. 116^1 УК РФ) – 54 дела (10,3 %), истязание (ст. 117 УК РФ) – 33 дела (6,3 %), причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) – 26 дел (5 %), убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) – 25 дел (4,8 %).

При этом распределение по полу лиц, совершивших преступления, представлено следующим образом:

– по ст. 111 УК РФ: женщины совершили 104 преступления (46 %), мужчины – 122 (54 %);
– по ст. 105 УК РФ: женщины – 41 преступление (42,7 %), мужчины – 55 (57,3 %);
– по ст. 119 УК РФ: женщины – 3 преступления (5,2 %), мужчины – 55 (94,8 %);
– по ст. 112 УК РФ: женщины – 9 преступлений (15,8 %), мужчины – 48 (84,2 %);
– по ст. 116^1 УК РФ: женщины – 2 преступления (3,7 %), мужчины – 52 (96,3 %);
– по ст. 117 УК РФ: женщины – 4 преступления (12,1 %), мужчины – 29 (87,9 %);
– по ст. 115 УК РФ: женщины – 5 преступлений (19,2 %), мужчины – 21 (80,8 %);
– по ст. 107 УК РФ: женщины – 13 преступлений (52 %), мужчины – 12 (48 %).

В большинстве случаев насилие имеет физический характер, его результатом является причинение смерти, вреда здоровью различной степени тяжести, физической боли. Преступления в 66,9 % случаев совершаются с использованием бытовых предметов в качестве оружия – кухонных ножей, топора, кочерги, табурета, шнура и т. п.

Планирование преступлений зафиксировано лишь в 4 % случаев. Подавляющее большинство преступлений совершено ситуативно в ходе бытовой ссоры и конфликта (442 решения, или 84,5 %) на почве личной неприязни (257, или 49,1 %), ревности (157, или 30 %), мести (68, или 13 %). В 33,1 % случаев (173) преступление спровоцировано противоправным или аморальным поведением потерпевшего, 63 % (109) таких преступлений совершено женщинами, 37 % (64) – мужчинами.

Доля алкоголизации преступника в изученных судебных решениях составляет 79,5 %, при этом состояние алкогольного опьянения фиксируется не только у подсудимого, но и у потерпевшего. Наличие психических отклонений и расстройств, в т. ч. связанных с органическими расстройствами личности на фоне злоупотребления алкоголем, установлено только в 9,6 % изученных решений.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько криминологически значимых выводов.

1. Полученный массив информации демонстрирует представленность семейно-бытового насилия широким спектром преступлений от небольшой тяжести до особо тяжких. Превалируют тяжкие и особо тяжкие деяния, семейные конфликты часто достигают высокой степени агрессии и приводят к тяжким последствиям (причинение смерти, тяжкого вреда здоровью и т. п.).

2. В исследованном массиве среди преступлений, совершенных женщинами, значительную долю составляют деяния с тяжкими последствиями (в т. ч. убийства в состоянии аффекта, неквалифицированные убийства, причинение тяжкого вреда здоровью). Указанное часто связано с реакцией на предшествующее противоправное или аморальное поведение потерпевшего, вызвано длительной виктимизацией. Причинение более тяжких последствий обусловлено использованием женщинами предметов в качестве оружия (186 случаев, или 94,4 % от всех преступлений, совершенных женщинами), в большинстве случаев в ответ на агрессию потерпевшего (154 случая, или 82,8 % от преступлений, совершенных женщинами с использованием предметов в качестве оружия).

3. Семейно-бытовая преступность по своей мотивации является эмоционально обусловленной, в ее основе лежит длительный внутрисемейный конфликт, формирующийся на почве ревности, мести, обиды, унижения.

4. Преступления в семье сопряжены с высокой алкоголизацией, алкоголь выступает катализатором конфликта, снижающим самоконтроль, увеличивающим агрессивную реакцию и вероятность использования подручных предметов в качестве оружия совершения преступления.

5. Совершение насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере не носит заранее продуманный характер, является ситуативным, преступный умысел возникает внезапно в ходе развития конфликта, часто на фоне психоэмоционального напряжения из-за предыдущих внутрисемейных конфликтов, в ходе совместного распития алкогольных напитков и состояния опьянения.

6. Основная масса деяний совершается вменяемыми лицами, которые не имеют психических заболеваний. Такие особенности преступника отмечены в незначительном количестве актов и не являются определяющим криминогенным фактором.

Поскольку целью данной работы является разработка и апробация методики применения технологий искусственного интеллекта для осуществления криминологического анализа на примере насильственной преступности в семейно-бытовой сфере, подробные содержательные результаты криминологического анализа данного вида преступности будут приведены в последующих исследованиях.

Помимо непосредственно криминологических данных исследование имеет самостоятельный методический результат. В ходе поэтапного взаимодействия исследователя и искусственного интеллекта подтверждена работоспособность разработанного алгоритма анализа судебных решений, что позволило существенно ускорить извлечение данных из судебных актов без потери качества информации. Положительный результат обеспечен точностью и структурированностью поставленной перед искусственным интеллектом задачи и последующей верификацией данных исследователем.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать выводы как о самом предмете исследования, так и о работоспособности методики его изучения.

Исследование подтверждает, что насильственная преступность в семейно-бытовой сфере представляет собой отдельный вид преступности, в основе которого находится особый криминогенный комплекс, сочетающий в себе интимность отношений, эмоциональную зависимость, бытовую обусловленность, высокую степень алкоголизации и виктимизации.

Исследование подтвердило работоспособность и прикладную эффективность использования технологий искусственного интеллекта в изучении преступности. Вместе с тем, положительный результат взаимодействия зависит от четкости и продуманности поставленной исследователем задачи. Использование данной технологии наиболее эффективно в выполнении рутинной работы: извлечение данных из текста, распределение их по фиксированным разделам, соблюдение стилистического однообразия, представление данных в заранее определенном формате, запрет на произвольное заполнение столбцов при отсутствии необходимой информации. Четко поставленная задача позволяет повысить качество анализа, снизить риски неконтролируемой генерации.

Установление жестких границ для искусственного интеллекта призвано избежать случаев, когда алгоритм начинает присваивать лицам риск совершения преступлений, «предсказывать» преступность конкретного человека или подменять профессиональное правосудие. По этой причине международные этические документы об использовании искусственного интеллекта в правосудии настаивают на приоритете фундаментальных прав человека при соблюдении принципов недискриминации, безопасности, прозрачности, беспристрастности, пользовательском контроле[7].

Научная значимость предложенной методики подтверждается тем, что искусственный интеллект используется как инструмент, позволяющий ускорить обработку значительных массивов текстовой неструктурированной информации. При этом функция интерпретации полученных данных на основе их верификации остается за исследователем. Использование искусственного интеллекта позволяет увеличить объемы анализируемой криминологически значимой информации. Полученные результаты в виде заполненной таблицы Excel дают базу для последующей криминологической обработки исследователем, в т. ч. для их проверки с помощью иных криминологических методов – глубинного интервью, метода экспертных оценок, опросов и т. п.

Вместе с тем, данное исследование имеет ограничение относительно репрезентативности выборки эмпирического материала из открытых источников. В электронной базе судебных и нормативных актов «Судакт» содержится не вся генеральная совокупность судебных решений о насильственных преступлениях в семейно-бытовой сфере. В ней могут отсутствовать судебные акты, не опубликованные в открытых источниках, включая отдельные категории дел с ограничением публичного доступа, а также акты, отсутствующие в электронной базе по техническим или организационным причинам.

[7] Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (CEPEJ(2018)14) (вместе с «Углубленным исследованием вопроса...», «Видами использования», «Глоссарием», «Контрольным перечнем вопросов...», «Пояснительной запиской») (принята г. Страсбурге 03.12.2018 – 04.12.2018) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека : [электронное издание]. 2021. № 10 (56).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Результаты исследования характеризуют значительный массив опубликованной судебной практики, однако не являются исчерпывающим описанием всей совокупности семейно-бытовых насильственных преступлений. Данное ограничение не снижает методической ценности исследования, поскольку его основной целью является разработка и апробация процедуры перевода неструктурированного судебного текста в стандартизированный массив криминологически значимых данных.

Следует обозначить ограничения исследования, связанные с применением искусственного интеллекта.

1. Тексты судебных актов имеют обезличенный характер, не являются унифицированными по структуре и стилю изложения (например, не всегда отражают информацию о предшествующем насилии, реакции на него правоохранительных органов и т. п.), в связи с чем не вся требуемая криминологически значимая информация может быть отражена по результатам анализа.

2. Часть столбцов анализируемой таблицы требуют включения информации описательного характера, что в последующем затрудняет ее унификацию (например, история предшествующего насилия, поведение преступника после совершения преступления и т. п.).

3. Модель искусственного интеллекта потенциально подвержена риску «галлюцинаций». Например, она способна качественно, без потери информации проанализировать не более трех судебных решений за один запрос; часто не может распознать сведения о назначенном по приговору наказании, если они отражены в текстовой форме. Данные недостатки могут нивелироваться четкой структурой таблицы, запретом на создание новых столбцов и отражение несуществующей информации, а также последующей экспертной проверкой и поэтапной загрузкой решений для анализа. Следовательно, методика надежна при условии постоянного исследовательского контроля.

Заключение

Проведенное исследование позволило разработать и апробировать методику использования технологий искусственного интеллекта для проведения криминологического анализа насильственной преступности в семейно-бытовой сфере путем поэтапного перевода неструктурированных текстов судебных актов в структурированный массив криминологически значимых признаков при обязательном сохранении заранее заданных исследователем параметров и постоянном экспертном контроле за результатом.

Эмпирическая апробация показала, что разработанная методика работоспособна и научно продуктивна. На основе 523 судебных решений сформированы данные, позволяющие выявить закономерности рассматриваемого вида преступности: преобладание мужчин среди осужденных при заметной доле женщин; концентрация насилия в отношениях супругов и сожителей; доминирование тяжкого вреда здоровью и убийств в структуре наиболее опасных преступных посягательств в семье; высокая значимость личностно-конфликтных мотивов, прежде всего ссор, личной неприязни и ревности; выраженная связь с алкоголизацией и использованием подручных средств как оружия.

Научная ценность проведенного исследования заключается в предоставлении доказательств того, что новейшие технологии могут эффективно использоваться для интеллектуальной обработки источников криминологически значимой информации при заранее заданных параметрах: определение категориального аппарата, таблица признаков, правила ее заполнения и процедура проверки. При этом искусственный интеллект используется для ускорения извлечения, обработки и подготовки данных к анализу.

С практической точки зрения предложенная методика может использоваться в криминологических исследованиях других видов документов: материалов уголовных дел, актов прокурорского реагирования, судебных решений, иных документов, содержащих криминологически значимую информацию. Она особенно перспективна в случаях, когда информация распределена по тексту, а извлечение в ручном режиме крайне трудоемко.

К перспективам развития разработанной методики можно отнести дальнейшую формализацию и унификацию криминологических признаков, создание многоуровневой системы их кодирования в целях более точного и быстрого последующего анализа, формирование этических стандартов использования искусственного интеллекта в криминологических исследованиях. При этом обязательно сохранение базового принципа: окончательная оценка и формирование выводов должны оставаться за исследователем, алгоритм используется только как вспомогательный инструмент анализа.

Список источников

1. *Павличенко Н. В.* Правовое и организационное обеспечение внедрения технологий искусственного интеллекта в систему МВД России / Искусственный интеллект на службе полиции: сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Москва, 27 мая 2021 г. / вступ. ст.: В. Д. Шулика, А. Н. Конев, В. В. Агеев. Москва : Академия управления МВД России, 2021. С. 13–19.

2. *Pruss D. [et al.].* Prediction and Punishment: Critical Report on Carceral AI. SSRN, 2024. 36 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5017321. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5017321

3. *McKay C.* Predicting Risk in Criminal Procedure: Actuarial Tools, Algorithms, AI and Judicial Decision-Making // Current Issues in Criminal Justice. 2019. Vol. 32, № 5. P. 1–18. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3494076

4. *Ильницкий А. С.* Технологии искусственного интеллекта в криминологической науке и предупреждении преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 105–111. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-105-111

5. *Serebrennikova A. V., Serebrennikova M. S.* Criminological innovations in criminality prevention: status and perspectives // SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium", Kaliningrad, December 11, 2020. Kaliningrad : EDPsciences, 2021. Vol. 108. P. 03002. https://doi.org/10.1051/shsconf/202110803002. EDN UAYBAJ

6. *Hsieh T. C. [et al.].* Measuring the Unmeasurable –A Study of Domestic Violence Risk Prediction and Management // Journal of Technology in Human Services. 2018. Vol. 36, № 1. P. 56–68. https://doi.org/10.1080/15228835.2017.1417953

7. *Rodríguez-Rodríguez I. [et al.].* Modeling and Forecasting Gender-Based Violence through Machine Learning Techniques // Applied Sciences. 2020. Vol. 22, № 10. P. 8244. https://doi.org/10.3390/app10228244

8. *Wijenayake S., Graham T., Christen P.* A Decision Tree Approach to Predicting Recidivism in Domestic Violence // Ganji M. [et al.] (eds.). Trends and Applications in Knowledge Discovery and Data Mining. Springer, Cham. 2018. Vol 11154. P. 3–15. https://doi.org/10.1007/978-3-030-04503-6_1

9. *Berk R. A., Sorenson S. B., Barnes G.* Forecasting Domestic Violence: A Machine Learning Approach to Help Inform Arraignment Decisions // Journal of Empirical Legal Studies. 2016. Vol. 13, is. 1. P. 94–115. https://doi.org/10.1111/jels.12098

10. *Amrit C. [et al.].* Identifying child abuse through text mining and machine learning //Expert systems with applications. 2017. Vol. 88. P. 402–418. https://doi.org/10.1016/j.eswa.2017.06.035

11. *Schrading N. [et al.].* An analysis of domestic abuse discourse on reddit // Conference: Proceedings of the 2015 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, Lisbon, Portugal, September 17–21, 2015. P. 2577–2583. https://doi.org/10.18653/v1/D15-1309

12. *Subramani S. [et al.].* Domestic violence crisis identification from facebook posts based on deep learning // IEEE access. 2018. Vol. 6. P. 54075–54085. https://doi.org/10.1109/ACCESS.2018.2871446

13. *Subramani S. [et al.].* Deep Learning for Multi-Class Identification from Domestic Violence Online Posts // IEEE access. 2019. Vol. 7. P. 46210–46224. https://doi.org/10.1109/ACCESS.2019.2908827

14. *Subramani S., Vu H. Q., Wang H.* Intent classification using feature sets for domestic violence discourse on social media // Conference: 4th Asia-Pacific World Congress on Computer Science and Engineering (APWC on CSE). 2017. P. 129–136. https://doi.org/110.1109/APWConCSE.2017.00030

15. *Xue J., Chen J., Gelles R.* Using data mining techniques to examine domestic violence topics on Twitter // Violence and gender. 2019. Vol. 6. №. 2. P. 105–114. https://doi.org/10.1089/vio.2017.0066

16. *Karystianis G. [et al.].* Prevalence of Mental Illnesses in Domestic Violence Police Records: Text Mining Study // Journal of Medical Internet Research. 2020. Vol. 22, № 12. P. e23725. https://doi.org/10.2196/23725

17. *Liu M. [et al.].* Using Social Media to Explore the Consequences of Domestic Violence on Mental Health // Journal of Interpersonal Violence. 2018. Vol. 36, № 3-4. P. 1965–1985. https://doi.org/10.1177/0886260518757756

18. *Hui V., Constantino R. E.* The association between life satisfaction, emotional support, and perceived health among women who experienced intimate partner violence (IPV) –2007 behavioral risk factor surveillance system // BMC Public Health. 2021. Vol. 21, № 1. https://doi.org/10.1186/s12889-021-10665-4

19. *Пашаев Х. П.* Преступность в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Алтай и в отдельных субъектах Российской Федерации в Сибирском федеральном округе: показатели, правовые и организационные меры противодействия: монография. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2017. 316 с.

20. *Золотухин С. Н.* Криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений : монография. Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2019. 196 с.

21. *Латышева Е. В.* О преступлениях, входящих в объем насильственной преступности в семейно-бытовой сфере // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 78–85.

22. *Щепельков В. Ф., Савин С. Д., Тимошина Е. М.* Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 3. С. 232–244. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244

23. *Кириллов М. А.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения в семейно-бытовых и досуговых отношениях: монография. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2010. 298 с.

24. *Варыгин А. Н.* Особенности семейно-бытовых преступлений и их предупреждения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3 (17). С. 30–34.

References

1. *Pavlichenko N. V.* Pravovoe i organizacionnoe obespechenie vnedreniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v sistemu MVD Rossii / Iskusstvennyj intellekt na sluzhbe policii: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Moskva, 27 maya 2021 g. / vstup. st.: V. D. Shulika, A. N. Konev, V. V. Ageev. Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. S. 13–19.

2. *Pruss D. [et al.].* Prediction and Punishment: Critical Report on Carceral AI. SSRN, 2024. 36 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5017321. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5017321

3. *McKay C.* Predicting Risk in Criminal Procedure: Actuarial Tools, Algorithms, AI and Judicial Decision-Making // Current Issues in Criminal Justice. 2019. Vol. 32, № 5. P. 1–18. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3494076

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

4. *Il'nickij* A. S. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v kriminologicheskoj nauke i preduprezhdenii prestuplenij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 7. S. 105–111. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-105-111

5. *Serebrennikova* A. V., *Serebrennikova* M. S. Criminological innovations in criminality prevention: status and perspectives // SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium", Kaliningrad, December 11, 2020. Kaliningrad : EDPsciences, 2021. Vol. 108. P. 03002. https://doi.org/10.1051/shsconf/202110803002. EDN UAYBAJ

6. *Hsieh T. C. [et al.]*. Measuring the Unmeasurable –A Study of Domestic Violence Risk Prediction and Management // Journal of Technology in Human Services. 2018. Vol. 36, № 1. P. 56–68. https://doi.org/10.1080/15228835.2017.1417953

7. *Rodriguez-Rodriguez I. [et al.]*. Modeling and Forecasting Gender-Based Violence through Machine Learning Techniques // Applied Sciences. 2020. Vol. 22, № 10. P. 8244. https://doi.org/10.3390/app10228244

8. *Wijenayake* S., *Graham* T., *Christen* P. A Decision Tree Approach to Predicting Recidivism in Domestic Violence // Ganji M. [et al.] (eds.). Trends and Applications in Knowledge Discovery and Data Mining. Springer, Cham. 2018. Vol 11154. P. 3–15. https://doi.org/10.1007/978-3-030-04503-6_1

9. *Berk* R. A., *Sorenson* S. B., *Barnes* G. Forecasting Domestic Violence: A Machine Learning Approach to Help Inform Arraignment Decisions // Journal of Empirical Legal Studies. 2016. Vol. 13, is. 1. P. 94–115. https://doi.org/10.1111/jels.12098

10. *Amrit C. [et al.]*. Identifying child abuse through text mining and machine learning //Expert systems with applications. 2017. Vol. 88. P. 402–418. https://doi.org/10.1016/j.eswa.2017.06.035

11. *Schrading N. [et al.]*. An analysis of domestic abuse discourse on reddit // Conference: Proceedings of the 2015 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, Lisbon, Portugal, September 17–21, 2015. P. 2577–2583. https://doi.org/10.18653/v1/D15-1309

12. *Subramani S. [et al.]*. Domestic violence crisis identification from facebook posts based on deep learning // IEEE access. 2018. Vol. 6. P. 54075–54085. https://doi.org/10.1109/ACCESS.2018.2871446

13. *Subramani S. [et al.]*. Deep Learning for Multi-Class Identification from Domestic Violence Online Posts // IEEE access. 2019. Vol. 7. P. 46210–46224. https://doi.org/10.1109/ACCESS.2019.2908827

14. *Subramani* S., *Vu H. Q.*, *Wang H.* Intent classification using feature sets for domestic violence discourse on social media // Conference: 4th Asia-Pacific World Congress on Computer Science and Engineering (APWC on CSE). 2017. P. 129–136. https://doi.org/110.1109/APWConCSE.2017.00030

15. *Xue J.*, *Chen J.*, *Gelles R.* Using data mining techniques to examine domestic violence topics on Twitter // Violence and gender. 2019. Vol. 6. №. 2. P. 105–114. https://doi.org/10.1089/vio.2017.0066

16. *Karystianis G. [et al.]*. Prevalence of Mental Illnesses in Domestic Violence Police Records: Text Mining Study // Journal of Medical Internet Research. 2020. Vol. 22, № 12. P. e23725. https://doi.org/10.2196/23725

17. *Liu M. [et al.]*. Using Social Media to Explore the Consequences of Domestic Violence on Mental Health // Journal of Interpersonal Violence. 2018. Vol. 36, № 3-4. P. 1965–1985. https://doi.org/10.1177/0886260518757756

18. *Hui V.*, *Constantino R. E.* The association between life satisfaction, emotional support, and perceived health among women who experienced intimate partner violence (IPV) –2007 behavioral risk factor surveillance system // BMC Public Health. 2021. Vol. 21, № 1. https://doi.org/10.1186/s12889-021-10665-4

19. *Pashaev H. P.* Prestupnost' v sfere semejno-bytovyh otnoshenij v Respublike Altaj i v otdel'nyh sub"ektah Rossijskoj Federacii v Sibirskom federal'nom okruge: pokazateli, pravovye i organizacionnye mery protivodejstviya: monografiya. Gorno-Altajsk : Gorno-Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2017. 316 c.

20. *Zolotuhin* S. N. Kriminal'noe nasilie v sfere semejno-bytovyh otnoshenij : monografiya. Chelyabinsk : Biblioteka A. Millera, 2019. 196 s.

21. *Latysheva E. V.* O prestupleniyah, vhodyashchih v ob"em nasil'stvennoj prestupnosti v semejno-bytovoj sfere // Kriminalist". 2025. № 4 (53). S. 78–85.

22. *Shchepel'kov V. F.*, *Savin S. D.*, *Timoshina E. M.* Domashnee nasilie v Rossijskoj Federacii (sostoyanie, problemy kriminologicheskoj ocenki) // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2024. T. 18, № 3. S. 232–244. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244

23. *Kirillov M. A.* Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh v sostoyanii narkoticheskogo op'yaneniya v semejno-bytovyh i dosugovyh otnosheniyah: monografiya. Nizhnij Novgorod : Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2010. 298 s.

24. *Varygin A. N.* Osobennosti semejno-bytovyh prestuplenij i ih preduprezhdeniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 3 (17). S. 30–34.

Научная статья
УДК 343.322

Трудовой правовой статус осужденных к наказаниям, связанным с изоляцией от общества

Иван Викторович Пикин, кандидат юридических наук, доцент

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний
Владимир (600020, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е), Российская Федерация
Vipikin@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-0355-5816

Аннотация:
Введение. *Актуальность темы исследования заключается в необходимости проведения анализа действующего законодательства по вопросам трудового статуса такой категории, как осужденный, отбывающий уголовное наказание в виде лишения свободы, как субъекта, имеющего ограниченный правовой статус.* **Методы.** *В целях достоверности и полноты рассмотрения избранной темы в работе применялись как общенаучные (анализ, синтез), так и частнонаучные – исторический (ретроспективный), формально-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы.* **Результаты.** *В ходе рассмотрения вопросов трудового статуса осужденных к уголовным наказаниям автор приходит к выводу, что данная категория граждан имеет ряд особенностей и отличий от трудового статуса законопослушных граждан. В частности, трудовой статус данной категории граждан обусловлен лишением возможности передвигаться по своему усмотрению и выбирать работу по душе, а обязанностью трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. Материальная ответственность, продолжительность рабочего времени, предоставление оплачиваемого отпуска, правила охраны труда, техники безопасности и оплаты труда определяются в соответствии уголовно-исполнительным, трудовым и гражданским законодательством. Также автор отмечает, что трудовой статус осужденного к лишению свободы необходимо рассматривать с учетом особенностей его личности, имеющей усеченный правовой статус, а также возможности исправительного учреждения обеспечить его работой с оплатой труда (или без таковой – ч. 1 ст. 106 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) в соответствии с законодательством, имея в виду удержания из заработной платы для возмещения расходов по их содержанию.*

Ключевые слова:
правовой статус, осужденные, трудовые права, отбывание уголовного наказания, правоотношения

Для цитирования:
Пикин И. В. Трудовой правовой статус осужденных к наказаниям, связанным с изоляцией от общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 214–221.

**Статья поступила в редакцию 01.04.2026;
одобрена после рецензирования 08.07.2026;
принята к публикации 25.09.2026.**

Original article

Legal labour status of convicts sentenced to punishments involving isolation from society

Ivan V. Pikin, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

VLI of the FPS of Russia
67E, Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russian Federation
Vipikin@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-0355-5816

© Пикин И. В., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Abstract:
Introduction. *The relevance of the research lies in the need to analyse current legislation concerning the legal labour status of persons convicted to imprisonment considered as individuals with a restricted legal status.* **Methods.** *To ensure the reliability and comprehensiveness of the analysis of the subject matter, both general scientific methods (analysis, synthesis) and discipline-specific methods – historical (retrospective), formal-logical, formal-legal and comparative-legal – were used in conducting the research.* **Results.** *In examining the labour status of individuals serving imprisonment sentences, the author concludes that this category of citizens has a number of distinctive features and differs from the labour status of law-abiding citizens. In particular, the labour status of this category of citizens is determined by being deprived of the freedom to move around at will and to choose work to their liking, but instead being obliged to work in places and at jobs designated by the administration of correctional institutions. Financial liability, working hours, paid leave, safety, health and wage regulations are determined in accordance with penal, labour and civil legislation. The author also notes that the labour status of persons sentenced to imprisonment must be considered taking into account the specific nature of their restricted legal status, as well as the capacity of a correctional institution to provide them with paid work (or unpaid work – Article 106(1) of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation) in accordance with the law, in view of deductions from wages to cover the costs of their detention.*

Keywords:
legal status, convicted persons, labour rights, serving a criminal sentence, legal relationships

For citation:
Pikin I. V. Legal labour status of convicts sentenced to punishments involving isolation from society // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 214–221.

**The article was submitted April 1, 2026;
approved after reviewing July 8, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Любое государство вопросам трудовой сферы отводит ведущую роль, т. к. она является важнейшим фактором его стабильного существования, источником развития и процветания.

Гражданско-трудовые отношения в отечественной правовой доктрине принято рассматривать как элемент, присущий правовому статусу личности, как неотъемлемую часть его конституционного статуса.

Закрепив в статье 18 Конституции РСФСР 1918 года[1] трудовые права граждан, законодатель заложил основу формирования аксиологического подхода трудовых прав граждан во всех последующих конституционных актах. В том же 1918 году был принят первый кодифицированный акт Кодекс законов о труде РСФСР[2], который систематизировал существующие на тот момент декреты в области трудовых прав граждан. Более того, в статье 3 Конституции РСФСР 1918 года был сформулирован запрет эксплуатации человека. Подобный принцип сохранялся во всех последующих конституциях (ст. 4 Конституции РСФСР 1937 года[3]; ст. 14 Конституции РСФСР 1978 года[4]).

Л. С. Таль, в начале XX века писал о том, что рабочей силе присущи все признаки личных благ человека, а потому необходимо обеспечить «охрану свободы труда» [1, с. 124].

Подобное мнение в определенной степени противоречит западной правовой традиции, где социально-экономические права не только не относятся к числу основных прав, но и нередко не рассматривались в качестве субъективных прав[5]. По мнению Л. Д. Воеводина, подобные дискуссии нередки и в отечественной науке[6].

Действующая Конституция Российской Федерации[7] гарантирует каждому гражданину право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение

[1] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // ГАРАНТ.РУ : [сетевое издание]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/ (дата обращения: 31.03.2026).

[2] Кодекс законов о труде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1918. С. 87–88.

[3] Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // ГАРАНТ.РУ : [сетевое издание]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/ (дата обращения: 31.03.2026).

[4] Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. // Там же. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/2f110921da4c1d9582b6058c8a1b705d/ (дата обращения: 31.03.2026).

[5] Экштайн К. Основные права и свободы. По российской Конституции и Европейской Конвенции : учебное пособие. Москва : NOTA BENE, 2004. С. 40–41.

[6] Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России : учебное пособие. Москва : Норма, 1997. С. 152–153.

[7] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 31.03.2026).

за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы (ч. 3 ст. 37) [2, с. 46].

Указывая в Конституции Российской Федерации на трудовые права граждан, государство провозглашает роль и значение труда в системе конституционного регулирования, а внесенными изменениями в высший законодательный акт Законом Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ[8] государство подчеркивает значимость человеческого труда, уважительное отношение к трудовому человеку, гарантируя защиту его прав и интересов в процессе трудовой занятости.

Трудовые отношения – это отношения, возникающие между работником и работодателем, основанные на соглашении этих сторон и заключающиеся в выполнении работником своих трудовых функций на добровольной основе (так как труд против воли в России запрещен) за заработную плату.

Вопрос добровольности трудовых отношений возникает в случаях государственного принуждения, связанного с изоляцией осужденного от общества (назначения ему уголовного наказания).

Проблема привлечения к труду лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, всегда составляла предмет пристального внимания международной юстиции. Она обусловлена существованием как универсальных, так и региональных стандартов защиты прав человека, регулирующих вопрос единообразно [3, с. 21].

В связи с этим хотелось бы акцентировать внимание на весьма узкой сфере трудовых отношений, а именно, трудовых отношениях осужденных.

Методы

Методологическую основу исследования составили диалектика как методология научного познания явлений действительности в их развитии и самодвижении, основанная на определении противоречий в развитии процессов и явлений; методологические принципы единства теории и практики, объективности, комплексности, всесторонности изучения социальных процессов и явлений, единства исторического (ретроспективного) и логического, позволяющие осуществить анализ теоретического наследия отечественных государствоведов XX века; общенаучные (исторический, анализ, синтез) и специальные (формально-логический, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы правовых исследований.

Результаты

В экономической теории общественное производство рассматривается в единстве производительных сил, распределенных между двумя сферами производства – материальное производство и производство услуг. Их совокупность оказывает ключевое значение на производственные процессы в пенитенциарной сфере, где человек удовлетворяет потребности в системе труда [4, с. 271].

Уголовно-исполнительная система (далее – УИС) является весьма значимым для общества социально-экономическим институтом, где наряду с исполнением уголовных наказаний [5, с. 6] реализуются социальные нормы, связанные с получением осужденными общего и профессионального образования [6, с. 164], оказанием медицинских услуг, предоставлением социальной помощи [7, с. 174], создаются условия для вовлечения осужденных в трудовую жизнь, у осужденных формируется положительное отношение к труду и развиваются общественно полезные трудовые навыки, приобретаются профессиональные компетенции и появляется возможность получения доходов от трудовой деятельности.

Вопросы трудовых прав осужденных необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи с процессами, протекающими в государстве в определенный период. Анализ правовых документов молодого Советского государства в области трудовых прав осужденных показывает, что

[8] О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2020. № 11. Ст. 1416.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

постановления[9], инструкции[10] и декреты[11] носили обязательный характер, способствовали активизации воспитательного воздействия и исправлению заключенных, а также были направлены на приучение человека к труду.

Мы солидарны с мнением Е. А. Корякина, который в своем исследовании писал, что в первой половине XX века в России исправительно-трудовая политика основывалась на принципах перевоспитания, обязательности труда осужденных и самоокупаемости мест заключения. Труд в местах лишения свободы являлся центральным звеном исправительного воздействия на осужденных [8, с. 28]. В данном случае мы солидарны с мнением автора, т. к. законодательство периода становления, а в последующем и развития РСФСР основывалось на том, что труд заключенных является неотъемлемой частью их перевоспитания, при этом даже в первые годы становления Советской власти государство пыталось сформулировать трудовой статус заключенных.

В 1970–80-х гг. государство интенсивно вело строительство новых предприятий исправительно-трудовых учреждений, активизировало реконструкцию и техническое перевооружение старых, причем это делалось за счет централизованных капиталовложений, а также привлечения средств отраслевых министерств, работающих в кооперации с исправительно-трудовыми учреждениями [9, с. 73].

Современное законодательство в области трудовых прав граждан отбывающих уголовное наказание, сохранило идею трудовоспитания (п. 1 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации[12] (далее – УИК РФ)), но при этом обрело четкую законодательную основу трудового правового статуса.

Важно, что трудовой статус осужденного существовал с того момента, как осужденных начали привлекать к работам, но окончательная его структура продолжает развиваться параллельно с уголовной политикой и сопутствующими ей нормативными правовыми актами.

В данном контексте обращает на себя внимание зафиксированная в Конституции формулировка «свобода труда», ведь осужденный, особенно если наказание связано с изоляцией осужденного от общества, не имеет возможности выбрать место работы, его время, вид деятельности, что является само собой разумеющимся для обычных граждан.

По мнению С. А. Осетрова, «применение характеристики „свобода" к трудовой сфере не соотносится с проблематикой реализации трудовых прав». Свобода, по его мнению, возможна лишь там, где индивид имеет реальную способность ее реализовать. В этом отношении «трудовой потенциал человека, как минимум, зависит от его образования, его психофизиологических характеристик, объективных экономических и производственных реалий и многих других факторов» [10, с. 21].

Б. С. Эбзеев пишет, что «различие между конституционными правами и свободами заключается в характере притязаний граждан и в характере участия публичной власти в их удовлетворении» [11, с. 207]. Таким образом, содержащаяся в Конституции формулировка «свобода труда» для такой категории граждан, как осужденные, имеет условный характер.

Таким образом, трудовой статус осужденных, и особенно осужденных к такому виду уголовного наказания, как лишение свободы на определенный срок, имеет ряд особенностей, отличающих его от трудового статуса гражданина.

В части 3 статьи 13 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»[13] говорится, что учреждения, исполняющие наказания, обязаны обеспечивать привлечение осужденных к труду, условия для получения осужденными общего образования, а также их профессиональное обучение и получение ими профессионального образования.

---

[9] О тюремных рабочих командах : постановление Народного комиссариата юстиции от 24 января 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 19. Ст. 284.

[10] О лишении свободы, как мере наказания и о порядке отбывания такового (Временная инструкция) : постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 23 июля 1918 г. // Управление делами Совнаркома СССР. Москва, 1942. С. 708–714.

[11] Об использовании труда заключенных в местах лишения свободы Р.С.Ф.С.Р. и отбывающих принудительные работы без лишения свободы : Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 28 ноября 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 77. Ст. 649.

[12] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

[13] Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 (в ред. от 31.07.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316.

В соответствии с частью 1 статьи 103 УИК РФ каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. Администрация исправительных учреждений обязана привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и по возможности специальности, а также исходя из наличия рабочих мест. Согласно части 2 статьи 103 УИК РФ, осужденные, достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, а также осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, а также осужденные к лишению свободы беременные женщины привлекаются к труду по их желанию в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде и о социальной защите инвалидов. М. В. Винокуров и Р. О. Синькевич полагают, что, «поскольку труд для указанной категории граждан является правом, а не обязанностью, можно сделать вывод о том, что эта категория осужденных имеет право на заключение трудового договора, поскольку их труд является добровольным, а не принудительным. И, как следствие, у рассматриваемой категории граждан, на наш взгляд, возникает право на применение районных коэффициентов и процентных надбавок к заработной плате» [12, с. 29].

Таким образом, осужденные привлекаются к труду не по своему желанию, а в соответствии с требованиями уголовно-исполнительного законодательства. Поскольку общественно полезный труд законодательно определен как средство исправления (ст. 9 УИК РФ) и обязанность осужденных (ст. 11, 103 УИК РФ), он является одной из составляющих процесса отбывания наказания, а трудовые отношения осужденных с администрацией исправительного учреждения носят специфический характер[14].

Согласно части 1 статьи 105 УИК РФ осужденные к лишению свободы имеют право на оплату труда в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде, однако законодатель не отнес данную категорию граждан к лицам, работающим по трудовым договорам.

В соответствии со статьей 106 УИК РФ осужденные к лишению свободы могут привлекаться без оплаты труда только к выполнению работ по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий. Согласно части 1 статьи 102, ч. 1 ст. 104 и ч. 1 ст. 105 УИК РФ трудовое законодательство и гражданское законодательство распространяется и на осужденных в части материальной ответственности, продолжительности рабочего времени, предоставления оплачиваемого отпуска, правил охраны труда и техники безопасности, производственной санитарии и оплаты труда.

Вышеизложенное позволяет нам сделать предварительный вывод, что трудовой статус осужденного к лишению свободы имеет ряд особенностей и отличий от трудового статуса законопослушных граждан. Во-первых, трудовой статус данной категории граждан обусловлен лишением возможности передвигаться по своему усмотрению и выбирать работу по душе в соответствии с имеющейся у осужденного профессией. Во-вторых, осужденный обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. По данному выводу необходимо отметить, что ИУ не всегда способны в полном объеме обеспечить осужденных работой.

Мы также согласны с мнением Т. И. Исаковой, которая немаловажной проблемой считает отсутствие или же ограниченность возможности приобретения осужденными новых специальностей и профессий [13, с. 1352].

На встрече с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным глава Федеральной службы исполнения наказаний России Аркадий Гостев доложил, что более 91 % осужденных в России трудоустроены. «Несмотря на сокращение численности спецконтингента, принимаем дополнительные меры по активизации трудоустройства осужденных. Сейчас 91,5–91,6 %», – сказал руководитель службы[15].

В-третьих, вопросы, связанные с материальной ответственностью, продолжительностью рабочего времени, предоставлением оплачиваемого отпуска, правилами охраны труда и техники безопасности и оплатой труда решаются (помимо норм УИК РФ) еще и трудовым и гражданским законодательством.

Немаловажным моментом любых трудовых отношений являются оплата труда. В соответствии с частью 2 статьи 105 УИК РФ, размер оплаты труда осужденных, полностью отработавших

[14] Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.02.2014) (ред. от 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 4.

[15] Глава ФСИН назвал число трудоустроенных осужденных в России // Газета.ru : [сайт]. URL: https:// www.gazeta.ru/social/news/2025/12/01/27308287.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 31.03.2026).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

определенное им на месяц количество рабочего времени и выполнивших установленную для них норму, не может быть ниже установленного минимального размера оплаты труда.

Минимальная сумма оплаты труда устанавливается ст. 1 Федерального закона от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда»[16] в едином размере для всей России без учета каких-либо особенностей климатических условий, в которых исполняются трудовые обязанности работников.

В обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях высказано мнение, что у осужденных к лишению свободы нет права на получение процентной надбавки к заработной плате за стаж работы в особых климатических условиях. Обоснована эта точка зрения тем, что осужденные привлекаются к труду не по своему волеизъявлению, а в соответствии с требованиями уголовно-исполнительного законодательства. Поскольку общественно полезный труд как средство исправления (ст. 9 УИК РФ) и обязанность (ст. 103 УИК РФ) осужденных трудиться является одной из составляющих процесса отбывания наказания, их трудовые отношения с администрацией исправительного учреждения носят специфический характер[17].

Конституционный Суд Российской Федерации придерживается аналогичной позиции и при рассмотрении вопросов о возможности принятия жалобы от осужденных требует учитывать, что УИК РФ предусматривает конкретные гарантии материально-бытового обеспечения осужденных, в частности, предоставление питания, предметов первой необходимости, одежды по сезону с учетом климатических условий. Подобная регламентация уголовно-исполнительным законодательством правового положения осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, не предполагает несения ими дополнительных материальных затрат[18].

Кроме того, часть 1 статьи 107 УИК РФ устанавливает, что из заработной платы, пенсий и иных доходов осужденных к лишению свободы производятся удержания для возмещения расходов по их содержанию. В соответствии с частью 4 статьи 99 УИК РФ осужденные, получающие заработную плату, возмещают стоимость питания, одежды, коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены.

Проведенный анализ показывает, что труд осужденных является ключевым элементом исправления осужденного, который играет важную роль в восстановлении социальной справедливости (заработанные средства направляются на возмещение вреда, нанесенного в результате совершения преступления). Также заработанная плата осужденного направляются на возмещение расходов на питание, обеспечение одеждой, оплату коммунально-бытовых услуг и приобретение индивидуальных средств гигиены.

Вопросы трудового статуса осужденных также имеют особенности, связанные с основанием увольнения осужденного или его перевода на другую работу. Эта проблема неоднократно поднималась в исследованиях ученых-правоведов, по мнению которых существование отдельных пробелов и коллизий препятствует эффективной реализации государственной политики в данной сфере, в частности, это отсутствие в законодательстве норм, регулирующих порядок увольнения и перевода на другую работу осужденных, отбывающих наказание в колонии-поселении [14, с. 81]. Также исследователи отмечают, что проблемы правового регулирования труда осужденных, его межотраслевое или двусистемное правовое регулирование являются свидетельством отсутствия четкого структурирования системы правового регулирования труда осужденных[19] [15]. Уточним, что особенности правового регулирования и возникающие в связи с этим проблемы касаются лишь отдельных категорий осужденных. Надо отметить, что вопрос эффективной занятости осужденных имеет многолетнюю историю: проблема эта поднимается с начала XX века, чему свидетельством многочисленные директивы приказы и распоряжения.

---

[16] О минимальном размере оплаты труда : Федеральный закон от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // СЗ РФ. 2000. № 26. Ст. 2729.

[17] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 4.

[18] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пономарева Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 9, 11, частью первой статьи 103 и частью первой статьи 105 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 1 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» и статьей 317 Трудового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2631-О // ГАРАНТ.РУ : [сетевое издание]. URL: https://base.garant.ru/403274237/ (дата обращения: 31.03.2026).

[19] Цыгулева Ю. Р. К вопросу об особенностях правового регулирования труда осужденных к лишению свободы // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 115-9. С. 137. https://doi.org/10.18411/trnio-11-2024-417

Заключение

Подводя итог, отметим, что трудовой статус осужденного к лишению свободы необходимо рассматривать с учетом особенностей его личности, имеющей усеченный правовой статус, а также имея в виду возможности исправительного учреждения обеспечить его работой с оплатой труда (или без таковой) в соответствии с законодательством, с учетом удержания из заработной платы средств для возмещения расходов по их содержанию. Также на наш взгляд, вопросы привлечения осужденных к труду требуют не только комплексного анализа, но и выработки конкретных мер, устраняющих коллизии в данной сфере.

Список источников

1. *Таль Л. С.* Очерки промышленного рабочего права. 2-е изд., значит. доп. [Москва] : Московское научное издательство, 1918. 224 с.

2. *Осетров С. А.* Права граждан в сфере труда и занятости в Российской Федерации: современное прочтение / Российский судья. 2025. № 10. С. 45–50. https://doi.org/10.18572/1812-3791-2025-10-45-50

3. *Бирюков П. Н.* The obstruction of justice in international and national criminal law // Журнал гражданского и уголовного права. 2016. № 1 (5). С. 21–32. https://doi.org/10.13187/zngup.2016.5.21

4. *Саенко В. Г., Попова И. В.* Экономические механизмы привлечения осужденных к труду // Новое в экономической кибернетике. 2020. № 3–4. С. 270–282.

5. *Быков А. В.* Научное обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы России на современном этапе // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России (научно-практическое ежеквартальное издание) / редкол.: А. В. Быков, О. В. Кудряшов, Л. Ф. Пертли [и др.]. Москва : Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2018. Вып. 1. С. 6–9.

6. *Минкова Е. А.* Организация системы общего и профессионального образования осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы / Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и пути их решения : материалы Межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова и Дню российской науки, г. Рязань, 7 февраля 2020 г. / редкол.: А. Ю. Долинин, С. А. Горкина, Е. В. Емельянова [и др.]. Рязань : Академия права и управления ФСИН России, 2020. С. 163–166.

7. *Метлин Д. Г.* К вопросу о совершенствовании организации воспитательной и социальной работы с осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях / Организационно-правовое обеспечение деятельности учреждений и органов ФСИН России: проблемы и перспективы развития : материалы Межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова, Дню российской науки, 140-летию УИС и 85-летию Академии ФСИН России, г. Рязань, 8 февраля 2019 г. / отв. ред. А. Ю. Долинин. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. С. 174–178.

8. *Корякин Е. А.* Труд осужденных к лишению свободы в Советском государстве: историческая ретроспектива // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 2. С. 27–31. https://doi.org/10.18572/2072-4438-2022-2-27-31

9. *Зубков А. И.* Теоретические вопросы правового регулирования труда осужденных в советских исправительно-трудовых учреждениях / ред.: А. Л. Ременсон. Томск : Издательство Томского университета, 1974. 172 с.

10. *Осетров С. А.* Право на труд или свобода труда: современный конституционный контекст // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 1. С. 20–25. . https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-20-25

11. *Эбзеев Б. С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. Москва : Юридическая литература 2005. 574 с.

12. *Винокуров М. В., Синькевич Р. О.* Вопросы соблюдения трудовых прав осужденных // Законность. 2024. № 7. С. 29–32.

13. *Исакова Т. И.* О некоторых проблемах привлечения осужденных к лишению свободы к труду // Вестник науки. 2023. Т. 3, № 6 (63). С. 1351–1354.

14. *Уткин В. А.* Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 81–88. https://doi.org/10.17223/23088451/6/16

15. *Губенко А. В.* Вопросы правового регулирования труда осужденных к лишению свободы // Вестник Евразийской академии административных наук. 2021. № 3 (56). С. 45–48.

References

1. *Tal' L. S.* Ocherki promyshlennogo rabochego prava. 2-e izd., znachit. dop. [Moskva] : Moskovskoe nauchnoe izdatel'stvo, 1918. 224 s.

2. *Osetrov S. A.* Prava grazhdan v sfere truda i zanyatosti v Rossijskoj Federacii: sovremennoe prochtenie / Rossijskij sud'ya. 2025. № 10. S. 45–50. https://doi.org/10.18572/1812-3791-2025-10-45-50

3. *Biryukov P. N.* The obstruction of justice in international and national criminal law // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 2016. № 1 (5). S. 21–32. https://doi.org/10.13187/zngup.2016.5.21

4. *Saenko V. G., Popova I. V.* Ekonomicheskie mekhanizmy privlecheniya osuzhdennyh k trudu // Novoe v ekonomicheskoj kibernetike. 2020. № 3–4. S. 270–282.

5. *Bykov A. V.* Nauchnoe obespechenie deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii na sovremennom etape // Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii (nauchno-prakticheskoe ezhekvartal'noe izdanie) / redkol.: A. V. Bykov, O. V. Kudryashov, L. F. Pertli [i dr.]. Moskva : Nauchno-issledovatel'skij institut FSIN Rossii, 2018. Vyp. 1. S. 6–9.

6. *Minkova E. A.* Organizaciya sistemy obshchego i professional'nogo obrazovaniya osuzhdennyh, otbyvayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody / Aktual'nye problemy organizacii deyatel'nosti organov i uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy i puti ih resheniya : materialy Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj pamyati zasluzhennogo deyatelya nauki RSFSR, doktora yuridicheskih nauk, professora A. I. Zubkova i Dnyu rossijskoj nauki, g. Ryazan', 7 fevralya 2020 g. / redkol.: A. Yu. Dolinin, S. A. Gorkina, E. V. Emel'yanova [i dr.]. Ryazan' : Akademiya prava i upravleniya FSIN Rossii, 2020. S. 163–166.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

7. *Metlin D. G.* K voprosu o sovershenstvovanii organizacii vospitatel'noj i social'noj raboty s osuzhdennymi k lisheniyu svobody v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah / Organizacionno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti uchrezhdenij i organov FSIN Rossii: problemy i perspektivy razvitiya : materialy Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj pamyati zasluzhennogo deyatelya nauki RSFSR, doktora yuridicheskih nauk, professora A. I. Zubkova, Dnyu rossijskoj nauki, 140-letiyu UIS i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii, g. Ryazan', 8 fevralya 2019 g. / otv. red. A. Yu. Dolinin. Ryazan' : Akademiya FSIN Rossii, 2019. S. 174–178.

8. *Koryakin E. A.* Trud osuzhdennyh k lisheniyu svobody v Sovetskom gosudarstve: istoricheskaya retrospektiva // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2022. № 2. S. 27–31. https://doi.org/10.18572/2072-4438-2022-2-27-31

9. *Zubkov A. I.* Teoreticheskie voprosy pravovogo regulirovaniya truda osuzhdennyh v sovetskih ispravitel'no-trudovyh uchrezhdeniyah / red.: A. L. Remenson. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1974. 172 s.

10. *Osetrov S. A.* Pravo na trud ili svoboda truda: sovremennyj konstitucionnyj kontekst // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2025. T. 11, № 1. S. 20–25. . https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-20-25

11. *Ebzeev B. S.* Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii. Moskva : Yuridicheskaya literatura 2005. 574 s.

12. *Vinokurov M. V., Sin'kevich R. O.* Voprosy soblyudeniya trudovyh prav osuzhdennyh // Zakonnost'. 2024. № 7. S. 29–32.

13. *Isakova T. I.* O nekotoryh problemah privlecheniya osuzhdennyh k lisheniyu svobody k trudu // Vestnik nauki. 2023. T. 3, № 6 (63). S. 1351–1354.

14. *Utkin V. A.* Problemy pravovogo regulirovaniya truda osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah Rossijskoj Federacii // Ugolovnaya yusticiya. 2015. № 2 (6). S. 81–88. https://doi.org/10.17223/23088451/6/16

15. *Gubenko A. V.* Voprosy pravovogo regulirovaniya truda osuzhdennyh k lisheniyu svobody // Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnyh nauk. 2021. № 3 (56). S. 45–48.

Научная статья
УДК 343.01

Уголовная политика в контексте рассуждений о случайности и событийности

Юрий Евгеньевич Пудовочкин[1], доктор юридических наук, профессор
Михаил Матвеевич Бабаев[2], доктор юридических наук, профессор

[1] Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Москва (125993, ул. Садовая-Кудринская, д. 9), Российская Федерация
[2] Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
Москва (121069, ул. Поварская, д. 25 стр. 1), Российская Федерация
[1] 11081975@list.ru, [2] babaevmm@yandex.ru
[1] https://orcid.org/0000-0003-1100-9310, [2] https://orcid.org/0000-0003-1656-2529

Аннотация:
Введение. *Гносеология общественных наук постепенно преодолевает принцип жесткой детерминации социальных явлений и процессов, допуская факт влияния на их возникновение и развитие случайных обстоятельств. Тем не менее в уголовной политологии тема случайного не поставлена в полной мере. Случайность в уголовной политике интересна не только сама по себе, но и как исследовательский инструмент, позволяющий выявить новые значимые характеристики уголовной политики, определить нестандартные направления ее исследования.* **Методы.** *В предлагаемой публикации критическому осмыслению подвергнута традиционная парадигма исследования уголовной политики как объективного процесса, целенаправленно управляемого и направляемого специальными, конституционно легитимными субъектами власти. С привлечением общих логических (анализ, синтез, дедукция) и аналитических методов познания (моделирование, абстрагирование) реализован гносеологический потенциал системного и междисциплинарного подходов в выявлении новых характеристик уголовной политики через призму категории случайности.* **Результаты.** *Исследование охватывает три ключевых аспекта взаимосвязи «случайного» и «политического»: институциональный компонент уголовной политики, особенности процесса ее формирования и проблему детерминированности. Отмечено, что уголовная политика формируется не только формальными политическими институтами, что в механизме принятия решений значительное место занимают неформальные управленческие сети, фигура политического лидера и его окружение, что обусловливает существенное влияние субъективных факторов на содержание уголовно-политического курса. Раскрываются возможности исследования уголовной политики в контексте концепции событийной политологии, учитывающей возможность сознательного использования случайных событий в уголовной политике и сознательного конструирования событий для принятия непредвиденных решений. Анализируется проблема парадигмального сдвига в детерминации уголовной политики, превращающего ее из ретроактивного средства воздействия на последствия в проактивное средство предупреждения рисков. Изложенное позволяет глубже понять механизмы формирования и реализации уголовно-политического курса в современных условиях, где детерминированность уступает место множеству возможных сценариев развития событий.*

Ключевые слова:
уголовная политика, детерминанты уголовной политики, уголовная политика как процесс, непредвиденные обстоятельства, случайность, субъекты уголовной политики, политический лидер, лоббизм, событийность уголовной политики, уголовно-политическое событие, неопределенность уголовной политики, уголовно-политический риск, непредсказуемые последствия уголовной политики

Для цитирования:
Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика в контексте рассуждений о случайности и событийности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 222–233.

Статья поступила в редакцию 04.06.2026; одобрена после рецензирования 10.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

© Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

Criminal policy through the lens of contingency and eventfulness

Yuri E. Pudovochkin[1], Doc. Sci. (Jurid.), Professor
Mikhail M. Babaev[2], Doc. Sci. (Jurid.), Professor

[1] Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrunskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation
[2] National Research Institute of the MIA of the Russia
25 build. 1, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation
[1] 11081975@list.ru, [2] babaevmm@yandex.ru
[1] https://orcid.org/0000-0003-1100-9310, [2] https://orcid.org/0000-0003-1656-2529

Abstract:
Introduction. *The epistemology of social sciences is gradually moving beyond the principle of rigid determinism in explaining social phenomena and processes, acknowledging the role of contingent circumstances in their emergence and development. However, the role of contingency has not been fully explored in criminal policy studies. Contingency in criminal policy is of interest not only in its own right, but also as a research tool that allows for the identification of new significant characteristics of criminal policy and the determination of unconventional directions for its investigation.* **Methods.** *This article critically examines the traditional paradigm of criminal policy as an objective process managed by specialised, constitutionally legitimate authorities. Using general logical methods (analysis, synthesis, deduction) and analytical methods (modeling, abstraction), the study applies systemic and interdisciplinary approaches to uncover new characteristics of criminal policy through the category of contingency.* **Results.** *The study explores three key dimensions of the contingent-political nexus: institutional structures, policy formation processes, and determinacy. Criminal policy is shaped not only by formal institutions but also by informal governance networks and political leadership, giving subjective factors significant influence. The study reveals the potential of examining criminal policy within the framework of event oriented political science, which takes into account the possibility of the deliberate use of contingent events in criminal policy and the deliberate construction of events for the purpose of making unforeseen decisions. A paradigmatic shift is identified in criminal policy determination: from reactive consequence management to proactive risk prevention. This offers a deeper understanding of criminal policy formation and implementation in contexts where determinacy gives way to multiple possible scenarios.*

Keywords:
criminal policy, determinants of criminal policy, criminal policy as a process, contingent events, contingency, actors of criminal policy, political leader, lobbying, event-driven nature of criminal policy, criminal policy event, uncertainty of criminal policy, criminal policy risk, unpredictable consequences of criminal policy

For citation:
Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Criminal policy through the lens of contingency and eventfulness // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 222–233.

**The article was submitted June 4, 2026;
approved after reviewing July 10, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Современная гносеологическая ситуация в общественных науках характеризуется среди прочего растущим интересом к феномену случайного и непредвиденного. Идет (пусть и недостаточно активно) процесс поиска и объяснения случайностей в механизме детерминации общественных явлений, форм их выражения, последствий и т. д. Это создает хороший фон для обсуждения вопросов о том, насколько закономерны или неизбежны, насколько подвержены влиянию случайных, субъективных и личностных факторов протекающие в стране уголовно-политические процессы.

Разумеется, «стихия случайностей» и «стихия закономерностей», равно как объективные и субъективные обстоятельства формирования уголовной политики, не существуют изолированно, но сосуществуют в одном пространстве–времени, в равной и вместе с тем в разной степени влияя на происходящие уголовно-политические процессы. Однако акцентирование внимания на случайности необходимо для того, чтобы подвести читателя к формулировке исследовательских задач, решение которых составляет основной замысел настоящей публикации: является ли уголовная политика подчеркнуто детерминированным феноменом, лишь отражающим логику исторического процесса? имеет ли место фактор случайности при формировании и реализации уголовной политики? возможен ли анализ уголовной политики в методологических

рамках категории «случайность»? что может привнести такой анализ, если он возможен, в содержание уголовно-политологического знания?

Рассуждения на эту тему, насколько позволяет судить исследовательский опыт, не представлены в отечественной литературе. Уголовной политике посвящен внушительный объем публикаций. Но кто бы и что бы ни писал о ней, как бы ее ни оценивал, он исходит (по крайней мере, создается устойчивое впечатление этого) из того, что уголовная политика есть объективно детерминированный процесс, осуществляемый и целенаправленно управляемый специально созданными, конституционно легитимными институтами. Все остальное – виды институций, детерминанты осуществляемого процесса, его содержание, цели и качество – вопрос важный, но вторичный. Его решение зависит от многих обстоятельств, включая политико-правовые и мировоззренческие позиции исследователей. Но это решение в основе своей в любом случае имеет понимание уголовной политики в качестве закономерного процесса, в котором нет места случайности. Более того, именно в укреплении начал закономерности, детерминированности и прогнозируемости исследователи видят перспективы оптимизации уголовной политики [1].

Между тем должно быть очевидным, что в мире, наполненном случайными событиями, уголовная политика не может быть исключением, гарантированно защищенным от их влияния, не могут не происходить и в ней самой случайные события, равно как в социальном и гуманитарном дискурсе уголовная политология не может быть изъята из сферы рассуждений о случайном, неопределенном, многовариантном, непредвиденном. Иное допущение означало бы наличие непреодолимой фрагментаризации социальных практик и социального знания, что методологически недопустимо при любом отношении к самой идее случайности.

Предлагаемый ниже текст являет собой попытку рассмотреть уголовную политику в контексте рассуждений о случайности, непредвиденности, непредсказуемости. В силу специфики предлагаемой темы и ее новизны для нашей отрасли знаний многое в этом тексте будет вынужденным, но необходимым цитированием отдельных наработок, представленных в политологической науке, которая ближе, чем юриспруденция, подошла к познанию случайных процессов. Однако надо признать, что и в ней не представлено сколько-нибудь крупных работ, специально посвященных проблеме случайных или непредвиденных обстоятельств. Потому потребовалось в известной степени мозаичное обращение к цитатам, воссоздание на их основе некоего теоретического каркаса, который может стать основой для последующего содержательного, эмпирического наполнения.

Поскольку традиционное понимание уголовной политики видит в ней объективно детерминированный процесс, осуществляемый специальными институтами, постольку нетрадиционный взгляд будет обращен именно на эти три компонента господствующей парадигмы: институты, процессуальная упорядоченность и детерминированность. При этом сразу оговорим, что все сказанное ниже имеет своей целью не опровержение господствующих воззрений на закономерности уголовной политики, а лишь формирование дополнительной альтернативной точки зрения, аргументирующей необходимость учета элемента случайности.

Методы

В предлагаемой публикации критическому осмыслению подвергнута традиционная парадигма исследования уголовной политики как объективного процесса, целенаправленно управляемого и направляемого специальными, конституционно легитимными субъектами власти. С привлечением общих логических (анализ, синтез, дедукция) и аналитических методов познания (моделирования, абстрагирование) реализован гносеологический потенциал системного и междисциплинарного подходов в выявлении новых характеристик уголовной политики через призму категории случайности.

Результаты

Институты

В теории уголовной политики есть не вызывающие критики и не требующие опровержения суждения о том, что эта деятельность субъектна и осуществляется посредством определенных государственных органов. В зависимости от характеристики субъектов согласованно выделяются и два уровня политики: законодательный, осуществляемый законодателем, и правоприменительный, осуществляемый, соответственно, правоприменителем. Все столь же верно, на первый взгляд, сколько бессодержательно, на второй. Дело в том, что дифференциация уровней осуществления уголовной политики проводится здесь на основе недифференцированной

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

характеристики ее субъектов в соответствии с линейным, учебно-схематичным и оторванным от реальности представлением о разделении властей при игнорировании механизма формирования, действия и взаимодействия субъектов власти.

Законодатель – главный творец уголовной политики и, как правило, основной объект критики (или восхищения) со стороны академического сообщества – предстает в научных текстах как совершенно обезличенная структура, машина, не наполненная и не управляемая людьми, работающая не по законам человеческой деятельности, а по неким неведомым алгоритмам и схемам. Его, по идее, разноликий в социальном, экономическом, идеологическом и прочих отношениях состав игнорируется. Процесс формирования парламента вовсе не принимается во внимание, как якобы или очевидно не имеющий отношения к проблемам собственно уголовной политики.

Не меньше проблем и пробелов при обращении к правоприменительному уровню уголовной политики, где само понятие правоприменителя является просто несформированным. Учитывая, что речь идет о применении уголовного закона, в круг его субъектов, как правило, включаются суды, при этом одновременно или ставится под вопрос, или жестко оспаривается возможность осуществления ими политической функции. Что же касается органов исполнительной власти, они вообще выпадают из сферы анализа субъектов уголовной политики, хотя согласно Конституции Российской Федерации[1], именно Президент Российской Федерации определяет основные направления внутренней политики страны, в т. ч., очевидно, и политики уголовной.

В сфере познания институционализированных субъектов уголовной политики, таким образом, есть схемы и штампы, но нет наполненной реальным содержанием информации.

Между тем специальные политологические исследования весьма категорично констатируют, что «специфической и универсальной чертой политических процессов современности стала исторически обусловленная деконструкция классической модели разделения властей». «Святая святых западной цивилизации – система сдержек и противовесов в управлении государством – фактически была принесена в жертву естественному желанию обеспечить хотя бы простое воспроизводство политических систем» [2, с. 302]. Распределение полномочий между властными (законодательными) и управленческими (правоприменительными) институтами в государстве продолжает считаться идеальным, но в сложившихся политико-правовых реалиях является идеалистическим.

Академические схемы политического представительства в парламенте и последовательного разделения властей при осуществлении государственной власти на практике никогда не воплощались в чистом виде, а сегодня и вовсе подвержены существенной коррозии. Проблема реального субъекта власти, всегда беспокоившая критических политологов, в сфере уголовной политики обостряется многократно. Кто из людей или какие именно группы людей стоят за тем или иным уголовно-политическим решением – совершенно непраздный вопрос. *Qui prodest?* – в свое время вопрошала Н. Ф. Кузнецова[2]. Рискованно смелы, но небезосновательны сегодня рассуждения Н. А. Лопашенко на этот счет: «Чаще всего мы наблюдаем хаотичные и иногда успешные попытки насаждения в уголовный закон таких изменений, которые отражают интересы небольшой группы людей (это не обязательно политики, но и, по моим представлениям, представители бизнес-сообщества; иногда думаю – даже преступных кланов)» [3, с. 79].

Нельзя однозначно сказать, выражает ли власть интересы международной буржуазии или рабочего класса, олигархической прослойки или военного истеблишмента, этнических групп, родственных кланов или организованной преступности. Даже не пытаясь ответить на вопрос, кому она принадлежит в реальности, заметим одно: презумпция сосредоточения всей без исключения полноты власти в руках формальных, конституционно предписанных органов власти является, как минимум, опровержимой. В государственном управлении, – пишет А. И. Соловьев, – постоянно складываются различные сетевые альянсы и коалиции, обволакивающие официальные органы власти и зачастую игнорирующие как их формальные полномочия, так и принцип разделения властей. Такое инкорпорирование сетей в структуру государственного управления демонстрирует, что в ряде случаев даже центральные государственные органы власти не имеют решающего влияния на постановку ключевых целей, сохраняя за собой лишь функции поддержания технических правил целеполагания, формального проектирования

[1] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 24.04.2025).

[2] См.: Кузнецова Н. Ф. Мнение ученых о реформе УК (или qui prodest?) // Уголовное право. 2004. № 1. С. 26–27.

и публичного оглашения принятых решений. Сетевой формат принятия государственных решений обнажает действующие поверх официальных норм и правовых регистров практики политико-административного и политико-экономического бартера, которые нередко превращают неформальные договоренности элитарных коалиций в основание правительственных стратегий, а органы государственной власти – в «институты-пустышки» [4, с. 61].

Умаление реальной значимости принципа разделения властей и параллельное сосуществование официальных и теневых сетей власти создает особенно подвижную политическую ситуацию, характеризующуюся крайней структурной и процедурной неопределенностью в вопросах выработки и принятия уголовно-политических решений. Никакие, даже самые совершенные требования к процедуре обоснования, обсуждения и принятия уголовных законов в данном случае не спасут, в т. ч. и по причине того, что сосуществование официальных и теневых каналов власти порождает и подпитывается существованием наряду с официальным и теневым правом.

Важнейшее значение в подобной ситуации приобретает фигура политического лидера, который упорядочивает, координирует, налаживает взаимодействие официальных и теневых структур. Не секрет, что в современной России государственная власть замкнута на фигуре президента, и вся политическая система выстроена так, что от его позиции и личного отношения фактически зависит каждый российский гражданин. Именно он в режиме «ручного управления» может решить по сути любой вопрос, относящийся к государственной компетенции, в т. ч. в правовой области [5, с. 247]. Эти, на первый взгляд, обыденно-житейские наблюдения приобретают принципиально иную окраску, если их рассматривать как политико-правовой факт.

Не меньшее значение для принятия решений имеет и создаваемая лидером особая управленческая структура, призванная обеспечить выполнение им этих задач. Именно сюда смещается реальный «центр силы», центр принятия решений, хотя об этом «центре» и его роли в формировании уголовной политики страны в публичном пространстве практически ничего неизвестно[3]. Превращаясь в особый механизм выработки инициированных лидером решений, – продолжает свой анализ А. И. Соловьев, – эта структура компенсирует недостатки и слабости публичных институтов власти, одновременно увеличивая автономность персональных действий лидера и предоставляя ему широкие возможности для преодоления административных барьеров [4, с. 69].

Политический лидер неизбежно и неразрывно связывает содержание государственных целей со своими собственными желаниями. В политике это порождает серьезные персональные риски, замкнутые на личность политика, неустойчивость его поведения, склонность к автономии без учета коллективного характера политических действий, повышенной склонностью к риску [6, с. 68–69]. А отсюда – уже прямой путь к проявлению случайностей в политике. «Историческая случайность неразрывно связана с субъективным фактором. То обстоятельство, что в истории общества всегда действуют люди, побуждаемые идеями и обуреваемые страстями, как раз и предопределяет в значительно большей мере, чем в природе, появление исторической случайности» [7, с. 25]. Причем чем значительнее масштаб личности, тем более существенное влияние оказывает на ход истории случайность [8].

Случайность кроется и в механизме функционирования создаваемой вокруг лидера управленческой структуры. Менеджеры, обладающие способностью правильно «понимать» скрытые

[3] Таким центром, в первую очередь, выступает Администрация Президента Российской Федерации. Но уверены, никто из представителей научного сообщества содержательно не ответит на вопрос о том, какую роль она играет в разработке и реализации уголовно-политической стратегии государства. Все известное знание ограничено одним всеохватывающим и бессмысленным словом – «большую». Но какова «внутренняя кухня» инициации этих решений, какова технология взаимодействия Администрации и парламента, каковы критерии отбора ключевых фигур на должности уголовно-политических стратегов, какие неформальные задачи им ставятся? Публике представлены – и то лишь номинально – руководители управлений Администрации, курирующие государственно-правовые вопросы, вопросы внутренней политики и др., остальное – скрыто от глаз. Нас могут упрекнуть, что все это имеет малое отношение непосредственно к содержанию разрабатываемых уголовно-политических решений. Но малое ли – это вопрос, учитывая, что о содержании уголовно-политической деятельности Администрации и настроениях конкретных лиц, в ней работающих, нам ничего неизвестно. Наряду с Администрацией Президента с 2020 года в структуре органов публичной власти действует формируемый и возглавляемый Президентом Государственный Совет, призванный служить целям обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства. О том, каково его место в системе субъектов уголовной политики, вовсе нет информации. Структуры подобного рода не могут не участвовать в формировании уголовной политики. Если участвуют, мы должны знать, как. Но если они в ней не участвуют, это дает основание поставить вопрос о том, насколько в принципе важна уголовная политика для современного российского государства (*прим. авт.*).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

замыслы лидера, могут инициировать непредсказуемые для общества решения, действуя в русле нечетко артикулированных принципов, ориентируясь лишь на свой опыт и известные им ценностные приоритеты лидера [4, с. 74].

Н. А. Лопашенко уже отметила эту особенность уголовной политики, когда назвала ее политикой по принципу «чего изволите?». «Суть данной политики такова, – пишет она, – уголовный закон безжалостно кроится Государственной Думой, улавливающей (а иногда и додумывающей) малейшее неудовольствие высшего руководства страны и правоохранительных органов ситуацией в отдельных сферах жизнедеятельности государства. А уж если это руководство вдруг инициировало какой-то законопроект, то он, скорее всего, обязательно будет принят, каким бы „безумным" он ни был» [9, с. 46].

Такая система еще более отдаляет принятие решений от конституционных формул, прежде всего от народа как единственного носителя власти и источника государственного суверенитета. Властная номенклатура становится все более изолированной от народных масс. Даже в условиях демократии, – заключает А. И. Соловьев, – обращение лидера к населению по тем или иным вопросам в значительной мере носит символический характер. Население является той «бесполезной общественностью», которая не имеет возможности оказывать воздействие на цели государства и присутствует в планах лидера лишь в виртуально-символической форме» [4, с. 75].

Мы, разумеется, сознаем, что все описанное выше может быть воспринято как критическая (кто-то скажет, критиканская), не имеющая доказательств гипотеза, неверифицируемая, а потому и ненаучная информация, ни много ни мало – дискредитирующая власть. Однако именно в этом случае, как представляется, отсутствие прямых доказательств наличия не равно наличию доказательств отсутствия. Во-первых, изложенная информация аккумулируется политологической наукой, в которой она представлена не как частное мнение, а как давно сложившийся, прочно устоявшийся теоретический подход. Во-вторых, не стоит забывать, что правовой науке известно понятие косвенных доказательств, совокупная оценка которых позволяет делать обоснованные объективные выводы[4].

Сканирование уголовной политики под предложенным углом зрения позволяет увидеть явные намеки на неформальные механизмы, интуитивную или сознательную ориентацию на желания лидера, доминирующее влияние факторов субъективного порядка в таких актах, как кадровые назначения на ключевые должности в судебной и правоохранительной системах, стремительное, мгновенные и непрогнозируемые изменения и коррективы правоприменительной практики в ответ на кадровые назначения, сверхскоростное и уже потому лишенное детального обсуждения, едва ли не единогласное утверждение законов в парламенте, ничем не объяснимое (непостижимое) принципиальное изменение оценки опасности одних и тех же деяний, отсутствие альтернативных проектов законов по любому из уголовно-правовых вопросов, лоббизм и др.

Процессуальная упорядоченность

В традиционных рассуждениях об уголовной политике она всегда представляется как строго упорядоченная деятельность, осуществляемая по заранее известному канону: от сбора информации о потребности общества в уголовно-правовом противодействии тем или иным

[4] Это ставит серьезный методологический вопрос о поиске источников эмпирического подтверждения тех или иных предположений, связанных с установлением истинного творца, бенефициара или противника уголовно-политического решения. Очевидно, что это не те источники, с которыми привыкла обращаться уголовно-правовая наука. Среди них особое место будет принадлежать источникам личного происхождения – биографиям, интервью и воспоминаниям непосредственных участников уголовно-политических процессов.

Приведем только один, очень известный, но не вовлеченный ни в орбиту политического разбирательства, ни в орбиту собственно научного исследования пример. Речь идет о громких заявлениях вице-спикера Государственной Думы Российской Федерации Л. Слиски, председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по вопросам семьи, женщин и детей Е. Мизулиной и Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации П. Астахова, сделанных в 2010 году, и касающихся наличия «педофильного лобби в Государственной Думе», сопротивляющегося принятию уголовных законов, нацеленных на усиление борьбы с сексуальными преступлениями против детей. Весьма откровенные заявления Л. Слиски раскрывают много сокровенного в истинном механизме принятия закона: «Я с этим столкнулась еще в 3-й думе, когда мы делали поправки в Уголовный кодекс и повышали планку согласия по ненасильственным сексуальным преступлениям с 14 до 16 лет. Все было согласовано с администрацией президента, с самим президентом, но хотя он и поддержал нашу поправку, мы действительно встретили очень серьезное сопротивление при проведении этой поправки»; «Есть серьезные противники, которые, действительно, мешают заниматься этими проблемами. Я подтверждаю» (Слиска Л.: В Госдуме есть педофильское лобби // Деловой Петербург (DP.RU) : [сетевое издание]. URL: https://www.dp.ru/a/2010/06/09/Ljubov_Sliska_v_Gosdume (дата обращения: 09.05.2026)). В этом высказывании интересно все: и «лобби», противодействующее принятию закона, и факт его согласования – цитируем еще раз – с самим (!) Президентом.

Вообще, в средствах массовой информации много информации о лоббировании в российском парламенте. Но под углом зрения формирования и реализации уголовной политики она никогда не анализировалась (*прим. авт.*).

негативным явлениям до реализации требований уголовного закона в правоприменительной деятельности судов и органов исполнения наказаний. При этом, следуя опять же классическому представлению об уголовном праве как о последнем доводе власти, уголовной политике предписывается вспомогательная, обеспечительная, вторичная по сути роль, зависимая как от целей и результатов «большой политики», так и от состояния преступности.

Зависимость, управляемость, планомерность, предсказуемость – характеристики, позволяющие рассматривать уголовную политику как плавный, непрерывный управленческий процесс, в котором каждое последующее решение и действие определяются результатами предыдущих решений и действий. В таком процессном представлении каждый в отдельности уголовно-политический акт не получает особого самостоятельного значения, но выступает как звено в общей цепи решений. Между тем в современной политологии такое представление о политическом процессе существенным образом скорректировано в рамках научного направления, получившего название «политология событийности».

«Событие» стало научной категорией, которая вбирает в себя содержание таких понятий, как «факты», «явления», придавая им качественно новое содержание и значение [10, с. 112]. Ключевая характеристика события – его связь с политической ситуацией и масштаб влияния на нее, который сознательно формируется посредством интерпретации того или иного факта. Интерпретацию факту всегда задают конкретные люди, прежде всего, политики. И эта человеческая деятельность вносит в политический процесс много непредопределенного, поскольку воля и намерение политических акторов играют существенную роль [11, с. 6]. Как пишет Н. В. Шатина, политическое событие не совпадает с реальным фактом; политический факт может стать (или не стать) основанием политического события в результате его введения в публичное поле с помощью различных средств, каналов и механизмов коммуникации. Резонанс, вызванный политическим событием (а точнее интерпретацией этого события), определяет значимость факта, может привести к определенным политическим последствиям или быть использованным для того, чтобы произвести политические изменения [12, с. 217]. Последнее особенно важно. Д. И. Аксеновский уточняет: при более внимательном рассмотрении прилагательное «политическое» в словосочетании «политическое событие» обозначает отнюдь не связь, а разрыв с существительным «политика» [13, с. 25]. Политическое событие – не столько явление, вытекающее из осуществления политического курса, сколько привносимый в область политического факт, благодаря интерпретации и оценке которого власть имеет возможность изменить текущую политику, придать ей новый вектор. В событии как разрыве с существующим порядком выявляется истина порядка и новое начало [14, с. 123]. Именно поэтому в значительной части случаев событие сознательно конструируется (в т. ч. и из случайных фактов) посредством политтехнологий и PR-кампаний.

Привнесение событийной логики в сферу анализа уголовной политики – новый и неизведанный сюжет. Существуют ли в принципе уголовно-политические события? Конструируются ли они сознательно политтехнологами? Каковы явные и латентные цели таких событий? Эти вопросы еще не были поставлены в науке. Между тем представляется, что их обсуждение может быть крайне полезным.

Не вникая в содержательный анализ, можно предположить, что на событийный статус в уголовной политике могут претендовать две категории фактов:

– первая группа связана с использованием потенциала уголовного права для корректировки или поддержки политического курса, когда из ординарного уголовно-правового факта конструируется политическое событие, последствия которого выходят далеко за пределы самого этого факта, в широкую область социальных, политических и иных отношений (таковы, например, факты уголовного преследования и осуждения руководителей компании «Юкос» с последующим помилованием одного из них);

– вторая группа включает в себя социальные факты, в т. ч. и криминальные, на основе которых конструируется и иногда претворяется в жизнь потребность в каком-либо уголовно-правовом запрете или ином уголовно-правовом решении (так, например, террористический акт в «Крокус Сити Холле» послужил мощным стимулом к обсуждению на всех уровнях «спящей» проблемы восстановления смертной казни в числе применяемых видов наказаний; неоправдываемые пляски разнузданных девиц в храме вызвали реакцию в виде существенной корректировки ряда статей уголовного закона об ответственности за преступления против общественного порядка и против конституционных прав граждан; издевательства над осужденными в колониях вызвали масштабное реформирование норм о должностных преступлениях и посягательствах на здоровье).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

И в том, и в другом случае конкретный социальный факт получает мощное информационное сопровождение, продвигается в медиапространстве, подается и интерпретируется таким образом, чтобы дать возможность власти принять некое значимое решение или подать обществу некий недвусмысленный сигнал.

Сама по себе такая схема, пожалуй, вполне допустима и не может вызывать критику или нарекания. Уголовное право всегда мыслилось и как предупреждающее средство, посылающее мощный информационный сигнал социуму, и как средство реактивное, выступающее ответной защитной реакцией на существующие в социуме негативные явления. Проблема видится в ином.

Во-первых, событийный сценарий развития уголовного права лишен внутренней логики и последовательности, которая была бы доступна для понимания широкой публикой или хотя бы экспертным сообществом. Это не значит, что такой логики нет вовсе. Законодатель, сколь бы безумными ни были его решения, не безумец. Он формирует и реализует вполне определенный политический курс. Правда, логика и цели этого курса остаются известными лишь самому законодателю (или тем сетевым структурам и центрам силы, которые стоят за принятием законов).

Во-вторых, событийный сценарий предполагает реальную возможность сознательного конструирования уголовно-политического события с использованием PR-технологий, целенаправленным формированием общественного мнения для инициирования и поддержки того или иного уголовно-политического решения. Стоит ли говорить, что провокация и манипуляция в таких условиях становятся не только возможными, но и желательными.

В-третьих, событийный сценарий развития уголовного права, сознательно и со скрытым смыслом продвигаемый, оказывается, как правило, далеким от смысла самого уголовного права, от его идей, принципов, теоретических канонов. Он позволяет использовать уголовное право подчеркнуто утилитарно, инструментально и без оглядки на его внутренние закономерности, что приводит к разбалансировке системы этой отрасли права, а по сути делает уголовную политику чередой случайностей.

Подключение методологических возможностей событийной политологии к анализу уголовной политики предполагает не только выявление, распознавание уголовно-политических событий, но и, что гораздо важнее, открытие их подлинного смысла. Речь идет о смысле не только каждого единичного события, но и их совокупности. Поскольку политический курс с необходимостью осуществляется только через множество акций, постольку политическое событие никогда не является изолированным, единичным явлением, но всегда предполагает их некоторое множество. А потому надо уметь за чередой отдельных событий разглядеть связывающие их узы и на этой основе раскрыть подлинный политический и уголовно-политический замысел власти. По этому поводу О. Я. Гелих писал, что принцип случайности позволяет раньше и глубже увидеть момент становления ситуации, детерминированной единичной случайностью. Именно анализ череды, совокупности всех разрозненных фактов позволяет обнаружить то, как единично случайные явления, взятые вместе, отражают тенденцию в детерминации политической обстановки, сливаются в необходимость[5]. Только декодируя событийную природу отдельных уголовно-политических решений и связывая их в единую цепь, можно установить то, что составляет существо текущего уголовно-политического курса, дает возможность рассматривать такие решения не как ошибки или отступления от курса, а как демонстрацию новой модели уголовной политики.

Детерминированность

Детерминированность уголовной политики может пониматься в двух непротиворечащих друг другу и взаимосвязанных значениях: как обусловленность уголовной политики множеством факторов экономического, политического, нравственного и т. д. порядка, и как зависимость уголовной политики от иных направлений политической деятельности государства.

Последний момент четко зафиксирован в одном из учебников. «В стабильном обществе, – пишут его авторы, – направления, связанные с формированием и реализацией уголовной политики, находятся на втором плане решаемых государством проблем. В этих условиях уголовная политика является вспомогательной (обеспечивающей) по отношению к экономической, идеологической, социальной и другим направления деятельности государства». И тут же продолжают: «В условиях политической и социально-экономической нестабильности резко возрастает дестабилизирующее влияние преступности и уголовно-политические решения становятся

[5] Гелих О. Я. Необходимость и случайность в детерминации современной военно-политической обстановки : автореф. дис. … канд. философ. наук. Москва, 1991. С. 13.

одним из важных и актуальных средств стабилизации государства и общества, повышения авторитета власти»[6].

Вторая часть цитаты требует внимания. Представляется, что актуализация уголовно-политических решений едва ли определяется сегодня дестабилизирующим влиянием преступности на обстановку в стране (напомним, что преступность на протяжении последних лет сокращается, чего нельзя сказать о количестве уголовно-правовых запретов. В основе повышенного внимания к уголовному праву находятся прежде всего обстоятельства, связанные с трансформацией представлений о его реактивном характере и утверждением рискологической уголовно-правовой парадигмы. Новая парадигма безопасности, – пишет Д. В. Мирошниченко, – переориентирует уголовное право с оценки фактически причиненного деянием ущерба на оценку вероятности причинения вреда охраняемым ценностям и на управление социальным риском, что изменяет критерии общественной опасности деяния и расширяет основания уголовно-правового вмешательства[7].

В рамках реализации этой парадигмы становятся заметными как минимум три важные характеристики текущей уголовной политики.

Во-первых, уголовная политика утрачивает значение самостоятельного, цельного объекта государственной деятельности, все более превращаясь в инструментальное средство, хаотично и мозаично используемое для правовой (силовой) поддержки реализуемого в стране курса. Это обеспечивает фрагментаризацию уголовной политики, ее построение в каждой отдельной области реализации на основе различных и порой противоречащих друг другу принципов (стоит ли убеждать профессионалов, что уголовная политика в отношении предпринимателей и политика в отношении иноагентов – это две принципиально разные политики). Совершенно не случайно, наверное, оказались безуспешными и все многочисленные попытки создать и, главное, утвердить концепцию (стратегию, доктрину) уголовной политики страны. Очевидно, что государство не намерено всерьез связывать себя обязательствами по использованию уголовного закона тем или иным строго определенным и единым способом. Ему необходима в этой части свобода от дополнительных ограничений, в т. ч. допускающая принятие непрогнозируемых уголовно-политических решений. Объективной предпосылкой такого подхода служит, по всей видимости, убежденность в том, что усложнение структуры общественных отношений в современных реалиях не располагает к долгосрочному планированию, а вынуждает их участников реагировать на происходящие изменения в режиме цейтнота [15, с. 22], при этом исключительно ситуативно использовать все многообразие доступных принципов принятия решений [16, с. 79].

Во-вторых, опора на парадигму обеспечения безопасности увеличивает масштабы уголовно-политических решений, принимаемых в условиях неопределенности, когда неизвестно, будут ли в реальности совершаться те или иные и какие именно действия и неизвестно, насколько реально опасными будут они и их последствия. В идеальной картине угрозы, от которых государство стремится защитить себя и своих граждан, должны быть просчитаны (в т. ч. математически) и четко артикулированы. В реальности же они предстают как некая абстрактная вероятность абстрактного вреда от абстрактных деяний. В такой ситуации, как выразился М. С. Гринберг, исключение нежелательных случайностей становится исходной формой управления случайными процессами. Житейское правило «Не хочешь следствия – устрани причину» модифицируется в предписание «Не хочешь следствия – устрани любую, самую маловероятную его причину». Применяется то, что в терминах теории надежности называют методом избыточных ограничений [17, с. 173].

В-третьих, традиционное уголовно-правовое реагирование на слабо артикулируемые и вероятностные угрозы, которые могут возникать в самых разных сферах государственного администрирования, лишенное к тому же самостоятельной и цельной стратегии, делает результаты такого воздействия также вероятностными, а в некоторой части и непредсказуемыми. Разумеется, цели предупреждения преступлений и исправления преступников никогда не достигались с необходимой полнотой, результат их достижения всегда был вероятным. Но в текущей ситуации эта вероятность катастрофически снижается (хотя бы потому, что неизвестно, действительно ли надо исправлять лиц, совершивших запрещенные Уголовным кодексом Российской Федерации[8] деяния, и действительно ли эти деяния общественно опасны)

[6] Ревин В. П., Жариков Ю. С., Ревина В. В. Уголовная политика : учебник. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2026. С. 31.

[7] Мирошниченко Д. В. Теория общественной опасности деяния в уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2026. С. 16.

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.4.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

на фоне возрастания вероятности наступления непрогнозируемых последствий введения и применения уголовно-правовых запретов.

Таким образом новая парадигма уголовно-правового воздействия обусловливает формирование и реализацию уголовной политики, которая призвана обеспечить безопасность от вероятностных, в т. ч. и случайных угроз, не гарантируя при этом наступления желаемого результата и создавая риски наступления непредвиденных и нежелательных последствий. Уголовная политика перестает быть детерминированной результатами реализации иных направлений государственной политики. Она «растворяется» в этих направлениях, утрачивая свойство целостности и самостоятельности, что с неизбежностью привносит в нее хаотические черты и существенный элемент случайности, которые дополнительно стимулируются возрастающей скоростью принятия решений.

Политические риски и хаос

Недостаточно сказать, что современная уголовная политика пронизана уголовно-политическими рисками. Поскольку принятие уголовно-политических решений вплетено в ткань государственной политики и выступает частью реализуемого в стране политического курса, постольку риски таких решений уже не ограничиваются областью борьбы с преступностью, но приобретают характер и значение общих политических рисков.

Понятие политического риска изначально употреблялось для исследования проблем влияния политических факторов на экономические отношения. В дальнейшем его сфера расширилась, и сегодня политический риск можно определить как возможную неблагоприятную, нежелательную тенденцию развития социальных отношений (экономических, культурных, правовых и др.), которая порождается политической системой [18]. При этом, учитывая уже отмеченные выше теневые и субъективистские схемы принятия политических решений, политический риск сегодня отличается значимым дисбалансом ответственности, при котором последствия принятия политических решений по факту одним человеком распространяются на все общество [19, с. 42].

Политические риски, исходящие от деятельности государственных структур, закономерным образом множатся по мере увеличения масштабов самой государственной деятельности. Парадокс ситуации в том, что разрастание рисков в современной социальной среде (в экономике, науке, экологии, международных отношениях и т. д.) стимулирует государство к реагированию на эти риски, к расширению сферы государственного управления, что в свою очередь пополняет номенклатуру самих рисков.

Граждане стали возлагать надежды на свое правительство в деле решения ряда проблем, а также оказывать давление на правительство с целью уменьшения почти всех видов риска, бремя которых может лечь на плечи каждому [20]. Ответом на этот вызов является всемерное усиление силовых институтов государства, призванных обеспечить безопасность общества, с явным акцентом на его внутреннюю политическую стабильность. Власть становится одним из институциональных средств редукции рисков, но при этом она становится и основным источником воспроизводства рисков, институциональным механизмом трансформации и порождения новых неопределенностей, угроз и опасностей [16, с. 78].

Порожденная потребностью в контроле социальных рисков деятельность государства сама по себе наполнена политическими рисками, реализация которых лишь усиливает рискогенные свойства социума.

Умножение рисков при отсутствии выверенной стратегии контроля над ними способно трансформировать имманентное состояние неопределенности общества в состояние аномии, а в сфере права – привести к правовому хаосу. Теоретики права пишут: «Деятельность законодателя с его попытками урегулировать и закрепить в правовых нормах все существующие в обществе отношения приводит к обратной ситуации, воцаряются обстановка безнормия и состояние юридической аномии» [21, с. 27–28]. Правовой хаос, – уточняет Ю. Ю. Ветютнев, – выражается в крайней непредсказуемости и нестабильности проявлений правовой жизни. При правовом хаосе ставится под сомнение общеобязательность правовых норм, они перестают соблюдаться, применяются ситуативно, когда этого требует целесообразность. Меры юридической ответственности за противоправные деяния назначаются выборочно. Представления о необходимости равного и единообразного применения законов утрачивают свою актуальность. Падает значение формальной определенности и системности права. Граждане и должностные лица не просто перестают считаться с требованиями права, для них становится непонятным, что является запрещенным и что разрешенным [22, с. 77].

Стоит ли лишний раз говорить о том, что хаос и случайность – две стороны одной медали? Неупорядоченные и множественные риски, порождающие хаос, открывают случайности широкую дверь во все сферы социальной жизни, в т. ч. и в область уголовного права и уголовной политики.

Заключение

Представленное выше, будучи первым опытом приближения к теме случайного в уголовной политике, разумеется, не лишено упущений и, скорее всего, изложено слишком общими фразами и грешит обильным цитированием непрофильной для уголовно-правовых наук литературы. Все это так. Несмотря на это, считаем возможным признать результативность этого опыта, убеждающего в перспективности дальнейших разработок проблемы. Широко распространенная убежденность в том, что в политике нет и не может быть ничего случайного, конечно, накладывает серьезный отпечаток на содержание темы, но не перечеркивает ее полностью.

В этом отношении категория случайного обладает существенным потенциалом при исследовании таких уголовно-политических вопросов, как роль личности в формировании уголовной политики, конструирование уголовно-политических событий, принятие уголовно-политических решений в отсутствие общего плана, производство уголовно-правовых рисков, стимулирование и преодоление правового хаоса и др. Их последовательная разработка способна существенным образом обогатить уголовно-политическое знание, привнести в сферу рассуждений об уголовном праве и его использовании достижения современной философии и политологии.

Список источников

1. *Андрианов В. К.* Триединый законосообразный подход как основа уголовно-правового воздействия // Lex russica (Русский закон). 2026. Т. 79, № 1 (230). С. 134–151. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2026.230.1.134-151

2. *Гэртнер Ю.* Политические решения в системе государственного управления: проблемы теории и практики // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 1. С. 300–310.

3. *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика: размышления о непознанном и непознаваемом через полемику о ее чертах // Юридический вестник Самарского университета. 2026. Т. 12, № 1. С. 77–84. https://doi.org/10.18287/2542-047X-2026-12-1-77-84

4. *Соловьев А. И.* Политический лидер в административной среде государственного управления, или «Кто в доме хозяин?» // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 60–81. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.05

5. *Ромашов Р. А., Панченко В. Ю., Исаева А. А., Макарчук И. Ю.* О конституционно-правовых основах уголовной политики и ее системе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 246–252. https://doi.org/10.17223/15617793/452/31

6. *Яскевич Я. С.* Рискогенное общество в контексте глобальных геополитических стратегий // Век глобализации. 2014. № 2 (14). С. 65–77.

7. *Удальцов В. Г.* Необходимое и случайное в исторических явлениях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 2. С. 21–28.

8. *Мауль В. Я.* Закономерность и случайность в истории и историографическом контексте // Гуманитарный вестник : [сетевое издание]. 2014. № 3 (17). С. 1. https://doi.org/10.18698/2306-8477-2014-3-190

9. *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика по принципу «чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 1. С. 44–55.

10. *Иванова М. Е.* «Событие»: от обыденного понятия до научной категории // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 8. С. 111–119. https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.19

11. *Сморгунов Л. В.* О событийности политики и политической реальности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8, № 4. С. 5–16.

12. *Шатина Н. В.* «Политическое событие» как область интерпретации российского экспертного сообщества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2008. № 1. С. 217–226.

13. *Аксеновский Д. И.* Политическое событие как экономия и предел власти: опыт категоризации // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2008. № 1. С. 25–35.

14. *Сморгунов Л. В.* Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 122–133.

15. *Вялых В. В.* Социально-философский анализ политического риска // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. С. 22–24.

16. *Иванов А. В.* Модернизация и семантика политического риска в пространстве рискогенного социума: онтологические основания // Система ценностей современного общества. 2015. № 40. С. 75–81.

17. *Гринберг М. С.* Уголовно-правовая значимость случайных (вероятностных) процессов // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 2 (31). С. 172–175.

18. *Бордовских А. Н.* Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам госуправления // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 1. С. 63–73. https://doi.org/10.20542/afij-2020-1-63-73

19. *Баркова И. Л.* Роль политических рисков в структурировании современного российского общества // Проблемы безопасности российского общества. 2012. № 1-2. С. 38–48.

20. *Aharoni Y.* The no-risk society. Chatham (N.J.) : Chatham house publ., Cop., 1981. 228 p.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

21. *Липинский Д. А., Малько А. В., Иванов А. А., Маркунин Р. С.* Изменение уголовного закона как причина его дисфункциональности и проявления юридической аномии // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» : [сетевое издание]. 2023. Т. 11, № 4 (44). С. 24–35. https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-4-3

22. *Ветютнев Ю. Ю.* О правовой случайности и правовом хаосе // Журнал Российского права. 2003. № 7 (79). С. 72–78.

References

1. *Andrianov V. K.* Triedinyj zakonosoobraznyj podhod kak osnova ugolovno-pravovogo vozdejstviya // Lex russica (Russkij zakon). 2026. T. 79, № 1 (230). S. 134–151. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2026.230.1.134-151

2. *Gertner Yu.* Politicheskie resheniya v sisteme gosudarstvennogo upravleniya: problemy teorii i praktiki // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2010. № 1. S. 300–310.

3. *Lopashenko N. A.* Ugolovnaya politika: razmyshleniya o nepoznannom i nepoznavaemom cherez polemiku o ee chertah // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2026. T. 12, № 1. S. 77–84. https://doi.org/10.18287/2542-047X-2026-12-1-77-84

4. *Solov'ev A. I.* Politicheskij lider v administrativnoj srede gosudarstvennogo upravleniya, ili «Kto v dome hozyain?» // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 2. S. 60–81. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.05

5. *Romashov R. A., Panchenko V. Yu., Isaeva A. A., Makarchuk I. Yu.* O konstitucionno-pravovyh osnovah ugolovnoj politiki i ee sisteme // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 452. S. 246–252. https://doi.org/10.17223/15617793/452/31

6. *Yaskevich Ya. S.* Riskogennoe obshchestvo v kontekste global'nyh geopoliticheskih strategij // Vek globalizacii. 2014. № 2 (14). S. 65–77.

7. *Udal'cov V. G.* Neobhodimoe i sluchajnoe v istoricheskih yavleniyah // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2014. № 2. S. 21–28.

8. *Maul' V. Ya.* Zakonomernost' i sluchajnost' v istorii i istoriograficheskom kontekste // Gumanitarnyj vestnik : [setevoe izdanie]. 2014. № 3 (17). S. 1. https://doi.org/10.18698/2306-8477-2014-3-190

9. *Lopashenko N. A.* Ugolovnaya politika po principu «chego izvolite?», ili ugolovnyj zakon kak sredstvo resheniya vsekh problem // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2015. № 1. S. 44–55.

10. *Ivanova M. E.* «Sobytie»: ot obydennogo ponyatiya do nauchnoj kategorii // Manuskript. 2020. T. 13, № 8. S. 111–119. https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.19

11. *Smorgunov L. V.* O sobytijnosti politiki i politicheskoj real'nosti // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2012. T. 8, № 4. S. 5–16.

12. *Shatina N. V.* «Politicheskoe sobytie» kak oblast' interpretacii rossijskogo ekspertnogo soobshchestva // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. 2008. № 1. S. 217–226.

13. *Aksenovskij D. I.* Politicheskoe sobytie kak ekonomiya i predel vlasti: opyt kategorizacii // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. 2008. № 1. S. 25–35.

14. *Smorgunov L. V.* Sobytijnoe politicheskoe znanie i ego znachenie dlya sovremennoj sravnitel'noj politologii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2011. № 1. S. 122–133.

15. *Vyalyh V. V.* Social'no-filosofskij analiz politicheskogo riska // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. № 6. S. 22–24.

16. *Ivanov A. V.* Modernizaciya i semantika politicheskogo riska v prostranstve riskogennogo sociuma: ontologicheskie osnovaniya // Sistema cennostej sovremennogo obshchestva. 2015. № 40. S. 75–81.

17. *Grinberg M. S.* Ugolovno-pravovaya znachimost' sluchajnyh (veroyatnostnyh) processov // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2012. № 2 (31). S. 172–175.

18. *Bordovskih A. N.* Politicheskie riski v usloviyah global'nyh vyzovov tradicionnym sistemam gosupravleniya // Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN. 2020. № 1. S. 63–73. https://doi.org/10.20542/afij-2020-1-63-73

19. *Barkova I. L.* Rol' politicheskih riskov v strukturirovanii sovremennogo rossijskogo obshchestva // Problemy bezopasnosti rossijskogo obshchestva. 2012. № 1-2. S. 38–48.

20. *Aharoni Y.* The no-risk society. Chatham (N.J.) : Chatham house publ., Cop., 1981. 228 p.

21. *Lipinskij D. A., Mal'ko A. V., Ivanov A. A., Markunin R. S.* Izmenenie ugolovnogo zakona kak prichina ego disfunkcional'nosti i proyavleniya yuridicheskoj anomii // Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» : [setevoe izdanie]. 2023. T. 11, № 4 (44). S. 24–35. https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-4-3

22. *Vetyutnev Yu. Yu.* O pravovoj sluchajnosti i pravovom haose // Zhurnal Rossijskogo prava. 2003. № 7 (79). S. 72–78.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 343

Совершение преступления «нелегальным мигрантом» как обстоятельство, отягчающее наказание: рассмотрение правовых рисков через призму межотраслевых связей

Виктор Андреевич Синцов

Договорно-правовой департамент Министерства внутренних дел Российской Федерации
Москва (119991, ул. Житная, д. 12А), Российская Федерация
verdi89@mail.ru
https://orcid.org/0009-0009-3658-5892

Аннотация:
Введение. *Признание юридического факта «совершения преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации», в качестве обстоятельства, отягчающего уголовное наказание, заслуживает критической оценки. По своей правовой природе данный факт является административно-правовым, непригодным для оценки криминогенных свойств личности преступника. Миграционный статус иностранного гражданина может приниматься во внимание при индивидуализации меры ответственности, но исключительно как фактор, характеризующий личность виновного. Наибольшую актуальность он приобретает при рассмотрении вопроса о назначении иммигранту наказания в виде обязательных или исправительных работ, отбывание которых предполагает наличие законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации. Однако нелегальный статус иностранца ни прямо, ни косвенно не должен влиять на меру уголовного наказания. Учет незаконного нахождения в качестве критерия повышенной наказуемости создает предпосылки для концентрации в стране иммигрантов со стойкой антиобщественной направленностью. Приоритетным механизмом противодействия незаконной иммиграции выступает не усиление уголовной репрессии, а высылка нарушителей правопорядка за пределы Российской Федерации.* **Методы.** *Методологическую основу настоящего исследования составили диалектический, формально-юридический методы исследования, методы анализа судебных актов и данных статистики.* **Результаты.** *Механистическое усиление уголовного наказания представляется бесперспективным для реализации цели восстановления нарушенного правопорядка в миграционной сфере. Во-первых, это приводит к конкуренции уголовно-правовых и административно-правовых механизмов в регулировании миграционных-процессов. Во-вторых, не учитывает существующие проблемы исполнения иностранными гражданами целого ряда уголовных наказаний. Наибольший приоритет в деятельности по противодействию нелегальной миграции имеют меры не уголовно-правового, а административно-правового характера. В рамках реформирования публично-правового законодательства в области обеспечения миграционной безопасности первоочередной акцент должен делаться на усилении правовых средств контроля за нахождением на территории Российской Федерации иностранных граждан.*

Ключевые слова:
отягчающее наказание обстоятельство, иностранный гражданин, миграционный статус, нелегальный иммигрант, исправительные работы, лишение свободы, высылка, реестр контролируемых лиц

Для цитирования:
Синцов В. А. Совершение преступления «нелегальным мигрантом» как обстоятельство, отягчающее наказание: рассмотрение правовых рисков через призму межотраслевых связей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 234–244.

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 03.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

© Синцов В. А., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

The commission of a crime by an "illegal migrant" as an aggravating circumstance: an examination of the legal risks through the prism of inter-sectoral links

Viktor A. Sintsov

Contractual and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
12A, Zhitnaya str., Moscow, 119991, Russian Federation
verdi89@mail.ru
https://orcid.org/0009-0009-3658-5892

Abstract:
Introduction. *The recognition of the legal fact that "a crime has been committed by a person unlawfully present on the territory of the Russian Federation" as a circumstance aggravating criminal punishment warrants critical assessment. By its legal nature, this fact is of an administrative nature and is unsuitable for assessing the criminal propensities of the offender. A foreign national's immigration status may be taken into account when determining the specific penalty, but solely as a factor characterising the offender's personality. It is of particular relevance when considering whether to impose a sentence of compulsory or corrective labour on an immigrant, as serving such a sentence requires the existence of lawful grounds for staying (residing) in the Russian Federation. However, a foreign national's illegal status must not, either directly or indirectly, influence the severity of the criminal penalty. Treating unauthorised residence as a criterion for harsher punishment creates the conditions for a concentration in the country of immigrants with a persistent anti-social disposition. The primary mechanism for combating illegal immigration is not the intensification of criminal prosecution, but the deportation of those who breach the law from the Russian Federation.* **Methods.** *The methodological framework of this study was based on the dialectical and formal-legal research methods, as well as methods for analysing judicial decisions and statistical data.* **Results.** *A mechanistic approach to increasing criminal penalties appears to be futile in terms of achieving the objective of restoring the rule of law in the field of migration. First of all, this leads to competition between criminal law and administrative law mechanisms in regulating migration processes. Secondly, it does not take into account the existing problems regarding the enforcement of a whole range of criminal sentences against foreign nationals. The highest priority in efforts to combat illegal migration lies not with measures of a criminal law nature, but with those of an administrative law nature. As part of the reform of public law legislation in the field of ensuring migration security, the primary focus should be on strengthening the legal means of controlling the presence of foreign nationals on the territory of the Russian Federation.*

Keywords:
aggravating circumstance, foreign national, immigration status, illegal immigrant, community service, imprisonment, deportation, register of persons subject to supervision

For citation:
Sintsov V. A. The commission of a crime by an "illegal migrant" as an aggravating circumstance: an examination of the legal risks through the prism of inter-sectoral links // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 234–244.

**The article was submitted February 19, 2026;
approved after reviewing July 3, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Модификация правовой основы противодействия нелегальной миграции, в т. ч. регулирование ответственности за правонарушения, совершаемые иностранными гражданами и лицами без гражданства, является важным направлением государственной политики в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Правовой инструментарий, при помощи которого обеспечивается защищенность национальных интересов государства от угроз, возникающих в связи с иммиграцией населения, весьма многообразен. В целях нормирования миграционных процессов действующее правовое регулирование помимо традиционных мер уголовно-правового и административно-правового воздействия предусматривает возможность использования средств миграционного законодательства, отличающихся вариативностью. Кроме общеправовых механизмов регламентации порядка въезда в Российскую Федерацию и пребывания на ее территории различных категорий иностранных граждан, контроля за миграционными потоками, применяются такие специфические меры воздействия, как удаление иммигрантов за пределы Российской Федерации и признание их нежелательными для дальнейшего пребывания на ее территории.

Вместе с тем, как показывает анализ нормотворческих решений в сфере противодействия незаконной миграции, далеко не все из них можно назвать системными и продуманными.

Нередко для поддерживания стабильности миграционной обстановки избираются радикальные правовые средства, которые, несмотря на кажущуюся эффективность, на поверку оказываются сомнительными, если не сказать малопригодными. К числу таковых следует отнести механистическое усиление уголовной репрессии.

Несомненно, меры уголовной ответственности традиционно рассматриваются как эффективный инструмент противодействия преступности. Однако к ним имеет смысл прибегать лишь тогда, когда исчерпаны иные правовые возможности. В контексте регламентации миграционных потоков меры уголовного законодательства не могут рассматриваться в качестве приоритетных. Указанный тезис представляется особенно актуальным применительно к одной из дискуссионных новелл последних лет, касающейся признания миграционного статуса преступника в качестве отягчающего уголовное наказание обстоятельства.

Методы

Методологическую основу настоящего исследования составили диалектический и формально-юридический методы исследования. С помощью лексического толкования термина «незаконная миграция» отражены ее основополагающие признаки и комплексный характер. Это, в частности, позволило проиллюстрировать, что избранный законодателем подход «точечного» дополнения уголовного закона, предусмотревшего новое условие повышенной наказуемости преступников-иммигрантов, не отвечает масштабной политико-правовой задаче противодействия незаконной миграции. На основе догматического подхода описана правовая природа института назначения уголовного наказания как публично-правовой реакции на совершенное преступление. На основе сравнительного анализа уголовно-правовых и административно-правовых механизмов борьбы с незаконной миграцией отмечен приоритет мер административно-принудительной направленности. Кроме того, автором анализировалась судебная практика и статистические данные. Анализ судебных актов показал отсутствие унифицированных правил, которыми бы руководствовались суды при вменении иностранному гражданину такого обстоятельства, отягчающего наказание, как «совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации». Статистическая информация позволила прийти к выводу, что повышение уровня наказуемости общественно опасных деяний, совершенных лицом, не имеющим законных оснований для нахождения в Российской Федерации, не оказывает влияния на снижение уровня преступности.

Результаты

Незаконная миграция представляет собой такую разновидность девиации, при которой создаются предпосылки для концентрации в Российской Федерации иностранных граждан, не имеющих законного правового статуса на ее территории.

Несомненно, такая ситуация негативно сказывается на криминогенной обстановке в стране. В целях недопущения наиболее опасных проявлений нелегальной миграции Уголовным кодексом Российской Федерации[1] (далее – УК РФ) криминализирован целый ряд деяний, связанных с посягательством на миграционный правопорядок (ст. 322–322[3] УК РФ). Между тем незаконное нахождение иностранного гражданина в Российской Федерации *a priori* является административным правонарушением, а не категорией уголовного права, в связи с чем его затруднительно рассматривать в качестве объекта антикриминальной деятельности Российского государства. При этом меры уголовного принуждения не только могут, но и должны применяться к нелегальным мигрантам, но только в случае, если их противоправная деятельность на территории Российской Федерации приобрела крайние формы.

Указанный фактор, как представляется, проигнорирован законодателем, признавшим совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации, условием повышенной уголовной наказуемости (п. «у» ч. 1 ст. 63 УК РФ[2]) с предоставлением судам дополнительного основания при вынесении приговоров иностранным гражданам, имеющим статус «нелегального мигранта», назначать более строгое наказание в пределах установленной санкции [1, с. 15–17].

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 384-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 46. Ст. 6912.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Обосновывая идею введения анализируемого обстоятельства, отягчающего наказание, в УК РФ, авторы пояснительной записки акцентировали внимание на том, что подобная новелла позволит противостоять преступной деятельности, связанной с незаконной миграцией.

Не умаляя значимости применения средств уголовно-правового воздействия, в т. ч. для предотвращения угроз, связанных с незаконной миграцией, их общепревентивную роль все же не следует переоценивать.

Международно-правовое понятие «незаконная миграция» в российском законодательстве определяется через критерий «незаконного нахождения». Незаконное нахождение – это юридическое состояние, обусловленное пребыванием (проживанием) иностранца в Российской Федерации без действительных правоустанавливающих документов, подтверждающих его законный правовой статус в стране (ст. 25.10 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»[3] (далее – Федеральный закон № 114-ФЗ)).

Отсутствие у иностранного гражданина права нахождения в Российской Федерации как неправомерный юридический факт может порождать как совершение уголовно или административно наказуемого деяния, так и лишение права пребывания (проживания) в стране из соображений безопасности либо вследствие злоупотребления правовым положением (так называемые «миграционные деликты»). Уголовная ответственность за соответствующие деяния предусмотрена ст. 322–322[3] УК РФ, а административная – главой 18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[4] (далее – КоАП РФ).

Не вызывает сомнений, что иностранных граждан, перешедших на нелегальное положение, необходимо своевременно выявлять для предупреждения их криминальной активности, но маловероятно, что такая цель может быть достигнута лишь путем формального признания незаконного нахождения иммигранта в Российской Федерации в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Как заметили М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, «постановка перед уголовным наказанием в процессе его использования неспецифичных целей существенным образом трансформирует пенализационную стратегию и в целом содержание уголовной политики, порождая фундаментальные и неразрешимые противоречия, когда на фоне ослабления вплоть до разрушения связи наказания и преступности наказание по-прежнему признается средством воздействия на преступность, а вытекающая отсюда неэффективность наказания сопрягается с массой негативных последствий, которые сама же уголовная политика вынуждена минимизировать» [2, с. 182].

В уголовно-правовом смысле генеральная цель наказания – предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ), а не уже свершившихся. Адресатом уголовного наказания выступает лицо, виновное в совершении преступления, независимо от его гражданской принадлежности и конституционно-правового статуса на территории Российской Федерации. Если вести речь о поставленной законодателем цели «пресечения преступной деятельности, связанной с незаконной миграцией»[5], то формально таковая прекращается уже с момента задержания иностранного гражданина по подозрению в совершении преступления. Следовательно, вовсе не уголовное наказание, а уголовно-процессуальный институт задержания способствует пресечению фактов бесконтрольного нахождения в стране криминальных элементов из числа иностранных граждан.

Наряду с этим признание незаконного миграционного статуса обстоятельством, повышающим наказуемость, сомнительно с точки зрения его *институциональной принадлежности к общим началам назначения наказания*.

Н. С. Таганцев, анализируя проблемы назначения уголовного наказания, в начале прошлого века писал: «Основанием, вызывающим осуществление карательного права, определяющим объем, а иногда и род кары, является преступное деяние, объем и значение причиняемых им вреда или опасности для правопорядка, для личности и общества»[6].

Приведенная юридическая формула нашла свое законодательное воплощение и в современном уголовном законе. В части третьей ст. 60 УК РФ обстоятельства, отягчающие наказание,

[3] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[5] Пояснительная записка к проекту федерального закона № 729112-8 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» (о признании совершения преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации, обстоятельством, отягчающим наказание) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» : [официальный сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/729112-8 (дата обращения: 24.06.2026).

[6] Таганцев Н.С. Русское уголовное право : Часть общая : [в 2 т.]. Тула : Автограф, 2001. Т. 2. С. 97.

зафиксированы в качестве параметров оценки характера и степени общественной опасности преступного деяния и личности виновного [3], выражающих большую опасность преступления, совершенного виновным, или большую опасность лица, его совершившего [4, с. 20]. В рамках назначения наказания указанные критерии оцениваются с точки зрения их взаимосвязи с преступлением [5, с. 139–140] или личностью преступника [6, с. 94], тем самым оказывая влияние на определение вида или размера наказания. Иначе говоря, предпосылкой учета отягчающих наказание обстоятельств выступает повышенная степень выраженности асоциальных свойств в содеянном.

Утрата иностранным гражданином права на пребывание (проживание) в Российской Федерации не является обстоятельством, сопровождающим преступное деяние такого лица, и причинно не обусловливает (*conditio sine qua non*) проявление его преступной воли.

Юридические факты законного или незаконного пребывания (проживания) иностранных граждан в Российской Федерации имеют сугубо административно-правовое значение. Превышение иммигрантом допустимого срока пребывания в Российской Федерации на одни сутки уже образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ и свидетельствует о нелегальном нахождении в стране. Но влияет ли данный факт на общественную опасность деяния? Полагаем, что нет. Преступления совершают как легально находящиеся в Российской Федерации, так и нелегальные иммигранты. На антисоциальную опасность конкретного иностранного гражданина указывает не его правовой статус в Российской Федерации (законный, незаконный), а совершенное им преступление.

Усмотреть взаимосвязь между совершенным преступлением и законностью пребывания в Российской Федерации возможно лишь на основе применения *эквивалентной теории причинно-следственной связи* между противоправным деянием и последствием, согласно которой все предшествующие преступному акту обстоятельства признаются равноценными [7, с. 87]. Но при таком подходе иностранному гражданину могут инкриминироваться и иные предкриминальные волевые акты, включая правомерные (например, реализация права на въезд в Российскую Федерацию).

Целям назначения иностранному гражданину адекватного уголовного наказания отвечает оценка тяжести совершенного им преступления, а равно тех антиобщественных установок его личности, которые нашли свое отражение в преступном поведении. В этом смысле следует согласиться с Э .Г. Шкредовой в том, что отрицательные характеристики личности (например, бездельник), не проявляющие себя в преступном поведении и не свидетельствующие о ее общественной опасности, не должны учитываться при назначении наказания [8, с. 135]. Заметим лишь, что факт незаконного нахождения на территории Российской Федерации иностранного гражданина принимается во внимание при избрании ему меры наказания, но учитывается не как критерий повышенной наказуемости, а как обстоятельство, персонифицирующее его личность.

Таким образом, логика построения системы обстоятельств, отягчающих уголовное наказание, оказалась нарушена за счет включения в нее чужеродной миграционной конструкции, обусловленной не общественной опасностью преступления, а юридическими фактами, лежащими за рамками уголовно-правового регулирования.

Репрезентативная судебная практика пока что не дает четкого ответа на вопрос, какими аргументами руководствуется суд при вменении отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «у» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Нередко суды ограничиваются формальным указанием на то, что усиливающим наказание обстоятельством признается совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации[7].

---

[7] См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 25 ноября 2025 г. по делу № 10-23647/2025 // Правовой Сервер КонсультантПлюс (www. https://www.consultant.ru) : [сетевое издание]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1968362&cacheid=230E062361AA747A1AA42E14FFE8DD70&mode=splus&rnd=ADaYaQ#hCQqYQVDA85mZaB9 (дата обращения: 13.05.2026) ; Апелляционное постановление Московского городского суда от 19 февраля 2026 г. № 10-3305/2026 // Там же. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1950653&cacheid=C4C9E0D7E21310A44AA1B1048993BD9B&mode=splus&rnd=ADaYaQ#V8QrYQV5qY4YL4GJ (дата обращения: 13.05.2026) ; Апелляционное постановление Московского городского суда от 6 апреля 2026 г. по делу № 10-5868/2026 // Там же. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1962734&cacheid=19D9F77D560AA3EB34A9AB02D18651C7&mode=splus&rnd=ADaYaQ#iYgrYQVANj2tdB411 (дата обращения: 13.05.2026) ; Апелляционное определение Московского городского суда от 27 апреля 2026 г. по делу № 10-7720/2026 // Там же. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1984637&cacheid=D65DCEF6E37022DC31EDAC348E1253CA&mode=splus&rnd=ADaYaQ#iO0sYQVaUTirL4Rm (дата обращения: 13.05.2026) ; Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 8 мая 2026 г. по делу № 22-2023/2026 // Там же. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=175971&cacheid=4C647A612202DD45C16FCFA83A9B2887&mode=splus&rnd=ADaYaQ#PHPsYQVZsSeyRsm6 (дата обращения: 13.05.2026).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

В частности, приговором суда Й. признана виновной в совершении приобретения и хранения в целях использования и использовании заведомо поддельного иного официального документа, предоставляющего права, и по ч. 3 ст. 327 УК РФ приговорена к наказанию в виде лишения свободы сроком на 6 месяцев с отбыванием наказания в колонии-поселении. Отягчающим наказание обстоятельством суд в соответствии с п. «у» ч. 1 ст. 63 УК РФ признал совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации[8]. Какие доказательства суд принял во внимание в подтверждение факта незаконного нахождения и какова их степень влияния на окончательный размер наказания, оценить не представляется возможным.

В одном из решений суд применил п. «у» ч. 1 ст. 63 УК РФ при назначении наказания иностранцу, который до совершения инкриминируемых ему преступлений прибыл в Российскую Федерацию в нарушение действовавшего в отношении него запрета въезда на ее территорию[9]. В этом казусе примечательно то, что въезд иностранца в Россию, пребывание которого на ее территории признано нежелательным, образует состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 322 УК РФ. Исходя из положений ч. 2 ст. 63 УК РФ обстоятельства, относящиеся к признакам состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, должны учитываться при оценке судом характера общественной опасности содеянного. Не вызывает сомнений, что анализируемое обстоятельство, отягчающее наказание, не должно подменять собой необходимость привлечения иностранца к уголовной ответственности за самостоятельное «миграционное преступление».

Можно встретить примеры, когда суды незаконность нахождения связывают исключительно с фактом привлечения иностранного гражданина к административной ответственности[10]. Такой подход, как представляется, не корреспондирует содержащемуся в пункте 30 (5) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснению о том, что «не является обязательным условием для признания лица незаконно находящимся на территории Российской Федерации (пункт «у» части 1 статьи 63 УК РФ) привлечение такого лица к административной ответственности за нарушение миграционного законодательства»[11].

Не менее парадоксальным видится признание в качестве критерия незаконного нахождения «отсутствие регистрации»[12], которое, конечно же, является административно наказуемым деянием, однако далеко не всегда свидетельствует об утрате иностранным гражданином законного миграционного статуса.

В то же время встречаются случаи исключения судами вышестоящей инстанции рассматриваемого обстоятельства, отягчающего наказание, по причине его формального и необоснованного учета при индивидуализации наказания[13]. Интересно, что в одном из решений отягчающим наказание обстоятельством признано совершение преступления лицом, незаконно находящимся *на территории города Москвы*. Суд апелляционной инстанции признал указанное обстоятельство не соответствующим закону и подлежащим исключению, а назначенное ему наказание в связи с этим – смягчению[14].

---

[8] Апелляционное постановление Московского городского суда от 19 февраля 2026 г. № 10-3305/2026 // Правовой Сервер КонсультантПлюс (www. https://www.consultant.ru) : [сетевое издание]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1950653&cacheid=DECB64807BAEB1412AF987ADB435B9CD&mode=splus&rnd=ADaYaQ#j8lsYQV2TXnmmFbr (дата обращения: 13.05.2026).

[9] Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2026 г. № 77-562/2026 // Там же. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=155306&cacheid=501BF33ECC831AD1A0C5279EE7A48E66&mode=splus&rnd=ADaYaQ#n8CtYQV67ugSw17Q1 (дата обращения: 13.05.2026).

[10] Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 февраля 2026 г. по делу № 10-1284/2026 // Там же. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1954109&cacheid=3C9D9C7EF698F6036378395A50DBCB77&mode=splus&rnd=ADaYaQ#oDRtYQVsbs0qOEpj (дата обращения: 13.05.2026).

[11] О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 23.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

[12] Апелляционное постановление Московского городского суда от 10 марта 2026 г. № 10-3900/2026 // Правовой Сервер КонсультантПлюс (www. https://www.consultant.ru) : [сетевое издание]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1971885&cacheid=B319311EBCA06FBF4FDA1BC875B3B990&mode=splus&rnd=ADaYaQ#VBMuYQVItrTNJGKu (дата обращения: 13.05.2026).

[13] Апелляционное определение Свердловского областного суда от 26 февраля 2026 г. по делу № 22-1010/2026 // Там же. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=242800&cacheid=787248EC6CF3F00465259751F88E6ABB&mode=splus&rnd=ADaYaQ#wtbuYQVMqwWaUGFr (дата обращения: 13.05.2026).

[14] Апелляционное определение Московского городского суда от 4 мая 2026 г. по делу № 10-8651/2026 // Там же. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1979433&cacheid=D50E9C54EBA0611DDEABA5F48AC2ABA0&mode=splus&rnd=ADaYaQ#hevuYQVaC2e5CZN31 (дата обращения: 13.05.2026).

Приведенные примеры из судебной практики позволяют сделать вывод о том, что унифицированных правил учета обстоятельства, предусмотренного п. «у» ч. 1 ст. 63 УК РФ, до настоящего момента не выработано.

Не умаляя авторитет Пленума Верховного Суда Российской Федерации, все же заметим, что предложенный в пункте 30 (5) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 механизм оценки доказательств, подтверждающих факт незаконного нахождения лица на территории Российской Федерации, требует некоторого уточнения.

Пленум к числу сведений, характеризующих нелегальный статус в Российской Федерации, относит предоставленные органами миграционного учета сведения об отсутствии разрешительных документов, либо их недействительность, а равно отсутствие сведений о подаче лицом до совершения преступления заявления в соответствующий орган в случае утраты таких документов.

Между тем взаимосвязь между отсутствием у иностранца разрешительных документов и фактом нелегального нахождения не всегда очевидна, особенно если соответствующий субъект утратил такие документы, но еще не обратился в компетентные органы за их восстановлением. В связи с этим необходимо уточнение, что речь должна идти не о фактическом отсутствии документов, а о юридическом. В последнем случае у иностранного гражданина отсутствуют не только официальные документы как материальные носители информации, но и правовые основания для нахождения в России. Немаловажным мыслится также то, что не документы предоставляют иностранным гражданам права и наделяют обязанностями на территории Российской Федерации, а юридически значимые факты (например, право нахождения), которые эти документы лишь удостоверяют. Утрата иностранным гражданином патента, разрешения на временное проживание или вида на жительство вследствие легкомыслия или небрежности сама по себе не влечет признания его права нахождения в Российской Федерации незаконным, поскольку статус такого лица как временного пребывающего, постоянно или временно проживающего за ним сохраняется. Кроме того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, по нашему мнению, не учел такое обстоятельство, свидетельствующее о незаконности нахождения, как несвоевременный выезд иностранного гражданина за пределы Российской Федерации.

Констатируя явную межотраслевую связь между положением УК РФ о совершении преступления «незаконным мигрантом» как обстоятельстве, отягчающем наказание, и собственно миграционным законодательством, зададимся вопросом, а может ли усиление уголовного наказания иностранному гражданину, утратившему законный правовой статус в России, способствовать минимизации преступности или восстановлению нарушенного правопорядка в миграционной сфере? Полагаем, что нет.

Как сообщил председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин, количество преступлений, совершенных иностранцами и лицами без гражданства в 2025 году, достигло 41 103, что почти на 7 % превышает показатель 2024 года (38 578). Более того, число преступлений, совершенных мигрантами, находящимися в стране нелегально, выросло на 16 % – с 13 694 до 15 952[15].

Уголовно-правовое воздействие предотвращает незаконную миграцию лишь в границах уголовных правоотношений, порожденных криминальными деяниями. Однако его эффективность в масштабе российской уголовной политики сиюминутна, поскольку приводит к изоляции отдельных асоциальных элементов, не устраняя криминогенных рисков иммиграции в целом. Для пресечения каналов нелегальных миграционных потоков целесообразно ориентироваться на выполнении не частных тактических задач, рассчитанных на краткосрочный эффект, а стратегических, основанных на взаимообусловленном применении мер уголовной репрессии и иных контрольно-надзорных механизмов. В юридической литературе отмечено, что в целях пресечения нарушений миграционного законодательства «необходим сбалансированный межотраслевой подход, в рамках которого правовые запреты не исчерпываются лишь модернизацией положений УК РФ» [9, с. 247–248].

Учет нелегального миграционного статуса в качестве фактора повышенной наказуемости неизбежно влияет на продолжительность нахождения в Российской Федерации иностранных граждан с криминальным прошлым, хотя не вызывает сомнений, что целям обеспечения безопасности и правопорядка в большей степени отвечает их высылка из страны.

Другая сторона проблемы увеличения строгости наказания, назначаемого иностранному гражданину, не имеющему законных оснований для нахождения в Российской Федерации, упирается в *плоскость сопряжения уголовного и миграционного законодательства.*

[15] Бастрыкин: число преступлений мигрантов выросло на 7% за год // Ведомости (Vedomosti) : [сетевое издание]. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/03/03/1180412-prestuplenii-migrantov (дата обращения: 11.06.2026).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Нормы УК РФ не препятствуют назначению иностранцам наказаний в виде обязательных и исправительных работ. Однако их фактическое исполнение, предполагающее оформление иностранцев как работников в соответствии с нормами трудового и миграционного законодательства, весьма проблематично.

Возможность реального отбывания иностранными гражданами указанных работ связывается с обладанием законным правовым статусом на территории Российской Федерации. Между тем значительная доля осужденных иностранцев не зарегистрирована по месту пребывания и жительства, не имеет основного места работы [10, с. 63; 11]. Это означает, что на практике исполнение этих наказаний может быть прервано в связи с задержанием иммигрантов органами миграционного контроля, причем не исключается их высылка из страны, т. к. судимость за умышленные деяния лишает иностранцев возможности бесконтрольного пребывания на территории Российской Федерации (подп. 3 ч. 1 ст. 27 Федерального закона № 114-ФЗ[16]). Это же обозначил и высший судебный орган: «Приговор суда, которым иностранный гражданин осужден за совершение преступления, сам по себе не является основанием для его нахождения в Российской Федерации в контексте законодательства о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[17].

Таким образом, усматривается конкуренция между нормами УК РФ и актами миграционного законодательства о решении вопроса о пребывании в стране иностранного гражданина, который обнаружил преступную волю. В связи с этим следует полностью солидаризироваться с предложением вовсе не назначать незаконным мигрантам наказания, связанные с легальным местом пребывания (проживания): обязательных и исправительных работ [12, с. 188–190]. Нелишне при этом заметить, что этот подход воплощен в актуальной судебной практике[18].

Не меньшие сложности возникают и при назначении иностранным гражданам наказаний в виде штрафа, а также лишения свободы.

Применение имущественной санкции к иммигранту, не имеющему источника дохода и места работы, – это не только неэффективная [13, с. 75–82], но и практически «вредоносная» мера, которая может спровоцировать новую противоправную деятельность в целях получения денежных средств для уплаты штрафа.

Что касается лишения свободы, то это наказание хотя и связано с принудительной изоляцией осужденных иностранных граждан в исправительных учреждениях, тем не менее обнажает другие проблемы управленческого характера. В последние годы наблюдается устойчивый рост иностранного контингента в местах лишения свободы. Как сообщил директор Федеральной службы исполнения наказаний А. А. Гостев, «по состоянию на 1 января 2025 г. там находится более 30 тыс. иностранцев, 69,5 % из которых – граждане Средней Азии. В совокупности представленные данные свидетельствуют об увеличении рисков осложнения оперативной обстановки в учреждениях, которые в ряде случаев переросли в чрезвычайные происшествия, такие как побеги и захваты заложников»[19].

Соответственно, при индивидуализации наказания иностранному гражданину актуальность приобретает не вопрос увеличения размера уголовного наказания, а возможность его исполнения как такового.

Назначение преступнику-иммигранту более строгого наказания в связи с установлением его незаконного нахождения в Российской Федерации справедливее назвать не мерой противодействия нелегальной миграции, а ее имитацией.

Приведенный анализ, таким образом, показывает, что к идее противодействия нелегальной миграции за счет одностороннего применения мер уголовной репрессии следует отнестись весьма скептически.

Наибольшим приоритетом в деятельности по противодействию нелегальной миграции, по нашему мнению, должны пользовать *меры не уголовно-правового, а административно-правового характера.*

---

[16] СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

[17] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2015 г. № 59-АД15-1 // Правовой Сервер КонсультантПлюс (www. https://www.consultant.ru) : [сетевое издание]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=433693&cacheid=B2BD49F536C2D8E25F769C136BC715BC&mode=splus&rnd=ADaYaQ#eTowYQVm6auCnHPn (дата обращения: 13.05.2026).

[18] Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25.06.2024 № 77-1369/2024 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : [официальный сайт]. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=16895234&case_uid=2da17769-8a47-48d8-8d3d-4cf6e3eb6bb3&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 13.05.2026).

[19] ФСИН: в России за решеткой находятся 30 тысяч иностранцев // Коммерсантъ : [сетевое издание]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7565844 (дата обращения: 30.10.2025).

Действующая модель административного воздействия на правонарушающее поведение в миграционной сфере исходит из подхода, согласно которому иностранные граждане, представляющие опасность для российского правопорядка, подлежат высылке из Российской Федерации. Удаление иностранных граждан за пределы страны реализуется посредством таких миграционно-правовых инструментов обеспечения безопасности, как выдворение, депортация или реадмиссия[20].

С 2024 года институт мер безопасности в сфере миграции претерпел существенную трансформацию. Теперь информация о нелегальных иммигрантах вносится в «реестр контролируемых лиц». Контролируемые иностранные граждане существенно поражаются в гражданских правах (приобретение недвижимости, банковские операции, заключение и расторжение брака) [14] и до момента высылки находятся на территории Российской Федерации под пристальным наблюдением правоохранительных органов. В целях идентификации иностранных граждан широко используются механизмы дактилоскопической и геномной регистрации, фотографирования. Для установления местонахождения иностранцев-правонарушителей также задействуются ведомственные информационные системы.

Наконец, иностранцам, которым инкриминируются умышленные преступления, ограничивается въезд в Российскую Федерацию (подп. 3 ч. 1 ст. 27 Федерального закона № 114-ФЗ[21]).

При этом ст. 25.10 Федерального закона № 114-ФЗ предусмотрен универсальный правовой механизм признания пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации нежелательным, если их нахождение в стране представляет угрозу приоритетным конституционным ценностям. Материально-правовым основанием для такого управленческого решения выступает не только зафиксированный факт неправомерного поведения иностранного гражданина, но также юридические значимые обстоятельства, возникшие вопреки его воле[22]. Например, в 2022 году Министерство иностранных дел Российской Федерации объявило о высылке троих дипломатов Норвегии в Москве в качестве ответной меры на объявление троих российских дипломатов персонами нон-грата[23].

Возможно также сочетание административно-правовых механизмов воздействия против незаконной миграции и *международно-правовых*. Иностранные граждане, осужденные в Российской Федерации к лишению свободы, могут быть высланы на территорию государства гражданской принадлежности для отбывания наказания на основании двусторонних и многосторонних международных договоров (например, Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания от 6 марта 1998 г.[24], Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г.[25], Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.[26] и т. п.). После передачи незаконных мигрантов властям иностранного государства в целях применения в отношении них мер уголовно-правового воздействия их дальнейшее пребывание на территории Российской Федерации должно быть признано нежелательным.

Таким образом, действующее правовое регулирование содержит достаточный набор правовых средств, позволяющих контролировать миграционные потоки на территории Российской Федерации. Эффективность их применения во многом зависит от своевременности реагирования на отклоняющееся поведение в миграционной сфере.

---

[20] Выдворение применяется к иностранцам, совершившим административные правонарушения, а депортация и реадмиссия выступают средствами удаления иммигрантов, утратившим законные основания для пребывания и проживания в Российской Федерации. Реадмиссия в отличие от депортации осуществляется на основании соответствующего международного договора о реадмиссии (*прим. авт.*).

[21] СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

[22] Часть 4 статьи 25.10 Федерального закона № 114-ФЗ, конкретизируя нормативные признаки нежелательности пребывания, указывает, что эта мера может быть применена к иностранцу, который законно находится в Российской Федерации, но представляет угрозу ценностям, охраняемым Конституцией Российской Федерации (безопасности, здоровью, конституционному строю, нравственности) (*прим. авт.*).

[23] Россия выслала троих норвежских дипломатов // Коммерсантъ : [сетевое издание]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5329054 (дата обращения: 30.10.2025).

[24] Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания (Заключена в г. Москве 06.03.1998) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 3. С. 20–26.

[25] Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. Москва, 1994. С. 133–157.

[26] Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000) (с изм. от 15.11.2000) // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Изложенное выше не отменяет возможной новеллизации уголовного закона при возникновении объективной потребности. В то же время внесение поправок в УК РФ должно осуществляться не изолированно, а в комбинации с изменением правового регулирования миграционных отношений. Как замечают М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, «перед законодателем в процессе принятия уголовно-политического решения стоит крайне непростая задача сбалансировать риски, которые должна устранить уголовно-правовая норма, с рисками, которая эта норма может породить, и принять ответственное решение лишь на основе этого баланса» [15, с. 181]. Фрагментарная коррекция норм УК РФ, продиктованная целью пресечения незаконной миграции, указывает на прикрытие «правовой пробельностью» необходимости комплексной модификации нормативных и правореализационных мер по борьбе с этим негативным явлением.

Заключение

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что придание «незаконности нахождения» статуса обстоятельства, отягчающего наказание, является не комплексной законодательной инновацией, а «симулякром», т. е. имитацией реальных механизмов борьбы с нелегальной миграцией.

Наиболее рациональным решением было бы исключение п. «у» ч. 1 ст. 63 УК из уголовного законодательства. Однако, признавая маловероятность такого законодательного решения, резонной видится постановка вопроса о ее текстуальной модификации.

Как представляется, признак «незаконного нахождения иностранного гражданина на территории Российской Федерации» может иметь автономное уголовно-правовое значение, если между совершенным деянием и утратой права на пребывание (проживание) в Российской Федерации установлена казуально-следственная связь.

Например, при совершении иностранными гражданами экстремистских деяний, или при подделке, изготовлении или оборота поддельных документов (ст. 327 УК РФ) статус «нелегального мигранта» может рассматриваться в качестве условия, детерминирующего формирование умысла на преступную деятельность.

В связи с этим п. «л1» ч. 1 ст. 63 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции:

«*у) совершение преступления лицом, не имеющим законных оснований для пребывания (проживания) на территории Российской Федерации, если фактическое нахождение такого лица в Российской Федерации находится в прямой причинной связи с соответствующим деянием;*».

В остальных случаях меры уголовно-правового воздействия должны быть сопряжены со средствами миграционного законодательства, усиливая тем самым принудительный потенциал публично-правовой кары в отношении злостных нарушителей порядка в миграционной сфере. При этом важно учитывать, что интересам безопасности Российской Федерации в наибольшей степени отвечает удаление нарушителей российского законодательства за пределы государства с установлением запрета на въезд в Российскую Федерацию.

Список источников

1. *Мельников Е. А.* Правовое обеспечение противодействия незаконной миграции // Миграционное право. 2025. № 1. С. 15–17. https://doi.org/10.18572/2071-1182-2025-1-15-17

2. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Уголовная политика и преступность: трансформация в эпоху социальных перемен : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. 320 с.

3. *Благов Е. В.* О назначении наказания при наличии отягчающих обстоятельств // Уголовное право. 2008. № 3. С. 9–13.

4. *Мясников О. А.* Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике. Москва : Юрлитинформ, 2002. 233 с.

5. *Воронин В. Н.* Индивидуализация наказания : монография. Москва : Проспект, 2017. 272 с.

6. *Хун А. З.* Учет личности виновного при назначении наказания // Общество и право. 2010. № 5 (32). С. 94–99.

7. *Церетели Т. В.* Причинная связь в уголовном праве. [2-е изд., испр. и доп.]. Москва : Госюриздат, 1963. 382 с.

8. *Шкредова Э. Г.* Учет личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как один из критериев справедливого наказания // Журнал российского права. 2016. № 6 (234). С 134–142. https://doi.org/10.12737/19773

9. *Миграционная правовая политика России: тенденции и пути развития* : коллективная монография / Андриченко Л. В., Дутов П. О., Емельянов А. С. Зырянов С. М. [и др.] ; отв. ред. Л. В. Андриченко. Москва : ИНФРА-М, 2024. 288 с. https://doi.org/10.12737/2123874

10. *Козаченко В. П., Аммосова В. И.* К вопросу назначения исправительных работ иностранным гражданам и лицам без гражданства // Вестник Кузбасского института. 2017. № 1 (30). С. 62–67.

11. *Петрова А. И.* Проблемы назначения и отбывания наказания в виде исправительных работ в отношении иностранных граждан // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2 (23). С 224–230.

12. *Урда М. Н.* Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции как инструмент миграционного контроля : монография. Москва : Юрлитинформ, 2024. 284 с.

13. *Парфенчикова А. А.* Меры косвенного принуждения в исполнительном производстве : монография / под ред. В. В. Яркова. Москва : Статут, 2017. 200 с.

14. *Паукова Ю. В.* Незаконная трудовая миграция в Российской Федерации: проблемы и пути решения // Административное право и процесс. 2025. № 6. С. 35–40. https://doi.org/ 10.18572/2071-1166-2025-6-35-40

15. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Очерки криминальной рискологии : монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. 368 с.

References

1. *Mel'nikov E. A.* Pravovoe obespechenie protivodejstviya nezakonnoj migracii // Migracionnoe pravo. 2025. № 1. S. 15–17. https://doi.org/10.18572/2071-1182-2025-1-15-17

2. *Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E.* Ugolovnaya politika i prestupnost': transformaciya v epohu social'nyh peremen : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2023. 320 s.

3. *Blagov E. V.* O naznachenii nakazaniya pri nalichii otyagchayushchih obstoyatel'stv // Ugolovnoe pravo. 2008. № 3. S. 9–13.

4. *Myasnikov O. A.* Smyagchayushchie i otyagchayushchie nakazanie obstoyatel'stva v teorii, zakonodatel'stve i sudebnoj praktike. Moskva : Yurlitinform, 2002. 233 s.

5. *Voronin V. N.* Individualizaciya nakazaniya : monografiya. Moskva : Prospekt, 2017. 272 s.

6. *Hun A. Z.* Uchet lichnosti vinovnogo pri naznachenii nakazaniya // Obshchestvo i pravo. 2010. № 5 (32). S. 94–99.

7. *Cereteli T. V.* Prichinnaya svyaz' v ugolovnom prave. [2-e izd., ispr. i dop.]. Moskva : Gosyurizdat, 1963. 382 s.

8. *Shkredova E. G.* Uchet lichnosti vinovnogo i obstoyatel'stv, smyagchayushchih i otyagchayushchih nakazanie, kak odin iz kriteriev spravedlivogo nakazaniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 6 (234). S 134–142. https://doi.org/10.12737/19773

9. *Migracionnaya pravovaya politika Rossii: tendencii i puti razvitiya* : kollektivnaya monografiya / Andrichenko L. V., Dutov P. O., Emel'yanov A. S. Zyryanov S. M. [i dr.] ; otv. red. L. V. Andrichenko. Moskva : INFRA-M, 2024. 288 s. https://doi.org/10.12737/2123874

10. *Kozachenko V. P., Ammosova V. I.* K voprosu naznacheniya ispravitel'nyh rabot inostrannym grazhdanam i licam bez grazhdanstva // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2017. № 1 (30). S. 62–67.

11. *Petrova A. I.* Problemy naznacheniya i otbyvaniya nakazaniya v vide ispravitel'nyh rabot v otnoshenii inostrannyh grazhdan // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2012. № 2 (23). S 224–230.

12. *Urda M. N.* Ugolovno-pravovoe protivodejstvie nezakonnoj migracii kak instrument migracionnogo kontrolya : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2024. 284 s.

13. *Parfenchikova A. A.* Mery kosvennogo prinuzhdeniya v ispolnitel'nom proizvodstve : monografiya / pod red. V. V. Yarkova. Moskva : Statut, 2017. 200 s.

14. *Paukova Yu. V.* Nezakonnaya trudovaya migraciya v Rossijskoj Federacii: problemy i puti resheniya // Administrativnoe pravo i process. 2025. № 6. S. 35–40. https://doi.org/ 10.18572/2071-1166-2025-6-35-40

15. *Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E.* Ocherki kriminal'noj riskologii : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2021. 368 s.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 34

Исторические предпосылки концепции пробации

Маргарита Александровна Яковлева, кандидат юридических наук

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
boss.andre.777@mail.ru.
https://orcid.org/0000-0002-8739-3913

Аннотация:
Введение. *Актуальность исследования связана прежде всего с особой ролью в современном обществе института пробации, предусматривающего систему мер, имеющих направленность на нивелирование явлений криминализации личности в условиях пенитенциарного учреждения, на обеспечение ее исправления, равно как и на эффективную реинтеграцию освобожденного в общество, на защиту прав и предусмотренных законом интересов данных лиц. Научный интерес представляют при этом исторические предпосылки пробации (мировые и национальные), отражающие тенденции развивающихся во времени и в пространстве явлений и процессов в сфере коррекции социального поведения, исправления личности преступника, ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации.* **Методология.** *В статье применены исторический метод научного исследования, формально-логический, метод системного анализа и ряд других.* **Результаты.** *Обосновано, что исторические предпосылки пробации, представляя собой развивающиеся во времени и пространстве события и процессы реальной действительности, опирающиеся на актуальные тенденции, обусловлены, во-первых, эволюционирующими во времени направлениями развития государства и права, демонстрирующими перманентные политические, социально-юридические коррективы в обществе, отношение к человеку и гражданину, к преступности, личности преступника, во-вторых, получающими развитие цивилизованными мировыми идеями по гуманизации уголовного наказания и исправлению личности преступника, пробации, и, в-третьих, научными концепциями, сформированными в период зарождения научной мысли (философскими и теологическими, социологическими и психологическими, юридическими) и получающими развитие в других исторических периодах. В статье предлагается авторская периодизация этапов, отражающих основные исторические тенденции развития национального института пробации.*

Ключевые слова:
пробация, законодательство, исторические предпосылки, тенденции, осужденный, исправление личности преступника, освобожденный, социализация, реинтеграция в общество

Для цитирования:
Яковлева М. А. Исторические предпосылки концепции пробации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 245–254.

Статья поступила в редакцию 13.02.2026; одобрена после рецензирования 04.08.2026; принята к публикации 25.09.2026.

Original article

The historical background to the concept of probation

Margarita A. Yakovleva, Cand. Sci. (Jurid.)

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
boss.andre.777@mail.ru.
https://orcid.org/0000-0002-8739-3913

© Яковлева М. А., 2026

Abstract:
Introduction. *The The relevance of the study is primarily linked to the special role played in modern society by the institution of probation, which provides for a system of measures aimed at mitigating the criminalisation of individuals within the context of a prison setting, ensuring their rehabilitation, as well as the effective reintegration of released prisoners into society, and the protection of the rights and interests of such individuals as provided for by law. Of scientific interest here are the historical preconditions of probation (both global and national), which reflect trends in phenomena and processes developing over time and across space in the sphere of correcting social behaviour, the rehabilitation of offenders, resocialisation, social adaptation and rehabilitation.* **Methodology.** *The article used historical research methods, formal-logical methods, systems analysis and a number of other approaches.* **Results.** *It has been demonstrated that the historical preconditions for probation – which constitute events and processes of real life that evolve over time and space, and are underpinned by current trends – are determined, firstly, the evolving trends in the development of the state and the law, which demonstrate ongoing political and socio-legal adjustments within society, as well as attitudes towards the individual and the citizen, towards crime, and towards the personality of the offender. Secondly, the civilised global ideas – which are currently being developed – regarding the humanisation of criminal punishment and the rehabilitation of offenders, namely probation; and, thirdly, the scientific concepts that took shape during the early stages of scientific thought (philosophical, theological, sociological, psychological and legal) and which have continued to evolve in other historical periods. This article proposes the author's own periodisation of the stages reflecting the main historical trends in the development of the national probation service.*

Keywords:
probation, legislation, historical background, trends, convicted person, rehabilitation of offenders, released prisoner, socialisation, reintegration into society

For citation:
Yakovleva M. A. The historical background to the concept of probation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 245–254.

The article was submitted February 13, 2026; approved after reviewing August 4, 2026; accepted for publication September 25, 2026.

Введение

Российский институт пробации, появившийся в национальном правовом поле в 2024 году[1] и развивающийся на современном этапе, предусматривает систему мер, имеющих направленность на нивелирование явлений криминализации личности в условиях пенитенциарного учреждения, равно, как и освобожденных, на эффективную реинтеграцию в общество, защиту прав и интересов данных лиц. Внедрение в отечественную правовую систему данного правового инструмента вызвано и необходимостью решения проблем рецидива в российском обществе, и определенными представляющими научный интерес историческими предпосылками, обусловленными как развивающимися и изменяющимися политическими и социальными, экономическими процессами развития государства и права, так и отношением общества к преступности, личности преступника, а также – мировыми и национальными идеями по гуманизации уголовного наказания и исправлению личности преступника, и научными концепциями, сформированными в период античности и получившими развитие на последующих исторических этапах.

В результате исторических процессов развития национальной концепции пробации основными ее задачами можно признать: формирование прогрессивных, соответствующих особенностям отдельной личности, условий предоставления помощи лицам, в отношении которых применяется уголовное правосудие – медицинской и психологической, образовательной и правовой, помощи в обеспечении жильем, в трудоустройстве, в реализации прав на социальное обеспечение, социальное обслуживание, восстановление социальных связей, профессиональных компетенций, обеспечение юридических гарантий по защите прав, законных интересов, свобод личности.

Методы

Методологическая основа исследования представлена такими научными методами исследования, как историко-правовой и формально-логический, диалектико-материалистический и системно-аналитический, метод системного анализа, ряд других (аналогия и моделирование, наблюдение), что позволило осуществить научный анализ актуальных вопросов и проблем во взаимосвязи. Так, историко-правовой метод, отражающий процессы и явления в сфере отечественной пробации в эволюционирующем во времени контексте, обеспечил возможность выявить исторические тенденции современной концепции пробации, способствующие формированию действующей правовой модели. Диалектико-материалистический научный подход способствовал рассмотрению феномена пробации через определенную систему ориентиров

[1] О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2023. № 6. Ст. 917.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

и противоречий, демонстрирующих развивающиеся исторически внутренние юридические связи, динамику соответствующих изменений, позволивших достигнуть современного уровня усовершенствования института пробации. Метод моделирования сделал возможным сформировать систему исторических предпосылок, способствующих современному правовому регулированию пробации, равно, как и продемонстрировать научные выводы, отражающие теоретическую модель отечественной пробации, ее основные особенности.

Результаты

Исторические предпосылки пробации, представляя собой развивающиеся во времени и пространстве мировые и национальные события и процессы реальной действительности, опирающиеся на актуальные для своего времени тенденции, обусловлены, во-первых, эволюционирующими во времени направлениями развития государства и права, демонстрирующими перманентные политические, социально-юридические коррективы в обществе, отношение к человеку и гражданину, преступности, личности преступника, во-вторых, получающими развитие мировыми и международными идеями гуманизации уголовного наказания и исправления личности преступника и, в-третьих, научными концепциями, сформированными в период античности и получившими свое развитие впоследствии (философскими и теологическими, социологическими и психологическими, юридическими, иными).

Обсуждение

Эволюционирующий во времени, накапливаемый и оттачиваемый веками исторический опыт в отношении пробации – обладающий богатым содержанием биосоциокультурный феномен [1, с. 176], который транслирует процесс и итоги деятельности общества в направлении исправления личности преступника, ее успешной социализации и реинтеграции в общество в качестве правопослушного гражданина. Исторический ракурс в отношении институции «пробация» свидетельствует: предпосылки ее возникновения и тенденции развития не являются тождественными в мировой практике, однако опосредованы осмыслением незначительной эффективности наказания в виде лишения свободы в направлении нивелирования явлений криминализации личности, коррекции преступного поведения и профилактики преступности, так и стремлением к гуманизации мер государственного принуждения, реализации идей о необходимости исправления личности посредством воспитательного, иного позитивного воздействия.

Внимание к вопросам исправления личности преступника, его социализации наряду с иными, связанными с индивидом, обнаруживаются в научных трудах философов исторического периода античности, отражающих особую заинтересованность общества в изучении личности лица, совершившего деяние, особенностей его личностно-психологической структуры, направлений коррекции криминального поведения [2, с. 284] (Протагор (485–410 гг. до н. э.), Д. Абдерский (460–370 гг. до н. э.), Сократ (469–399 гг. до н. э.), Платон (428/427–348/347 гг. до н. э.), Аристотель (384–322 гг. до н. э.), Цицерон (106–43 гг. до н. э.), Демокрит Абдерский (460–370 гг. до н. э.) и др.).

Так, по Цицерону, проблемы правопослушности личности и «возрождения» из асоциальной природы сопричастны с материей служения личности общепризнанным благам общества[2]. Д. Абдерский одним из направлений совершенствования личности усматривал формирование предрасположенности к добрым делам, а Протагор, поддерживающий научные позиции Демокрита, отмечал: в целях исправления личности преступника необходимо формирование наряду с мерами государственного принуждения прогрессивных идей общей и частной превенции[3]. Утопические идеи, предложенные Платоном, свидетельствуют о необходимости трансформации преступной личности через воспитание социального индивида, при этом государственное принуждение в зависимости от уровня его совершенствования может изменять личность преступника и в положительном, и в отрицательном направлении[4]. По представлению Аристотеля отличие человека от иных представителей природного мира – в стремлении к проявлениям добра

[2] Иванов Д. В. Социология: теория, история, методология : учебник / под ред. Д. В. Иванова. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. С. 101.

[3] Криминология : учебник / науч. ред. Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2004. С. 15.

[4] «Идеальное государство» Платона // Кабардино-Балкарского государственного университета : [сайт]. URL: https://kbsu.ru/idealnoe-gosudarstvo-platona (дата обращения: 12.01.2026).

и справедливости, как и к служению обществу, и именно в вышеизложенном – действительная эффективность и непосредственная польза каждой личности[5].

Фундаментальные идеи по исправлению личности авторитетных представителей этической философии античного мира обусловили последующее развитие положенных в теорию пробации философских и психологических, иных учений, исследующих феномен личности с позиции ее социализации, равно, как и асоциализации, предрасположенности к преступности и коррекции индивидуального поведения (труды Дж. Олпорта, Г. В. Гегеля, И. Канта, Ф. Г. Гиддингса, М. Уэнтворта, З. Фрейда, в дальнейшем – С. Л. Рубинштейна, Д. Б. Кеннеди и А. Кербер, Э. Гидденса и др.).

В основе современной позиции в отношении пробации помимо вышеизложенного – учение о «социализации», в основе которого лежат теории информационного постиндустриального общества, как и идеи постмодернизма и гуманизма, включенные в научные исследования и объеденные в различные группы социологических и педагогических, философских и психологических, иных учений, конкретизирующихся в научных течениях о пробации[6].

В отечественной науке понятие «социализация», предшествует термину «пробация» и включено в науку в 60-х гг. XX века. Оно определяется интеграцией социокультурного опыта среды и социального опыта в сфере коммуникации. Средствами социализации признаны, во-первых, факторы, особо воздействующие на личность (социально-политические и этнокультурные, экономические и демографические); во-вторых, институты социализации (окружение, семья, коллективные образования, массовые коммуникации); в-третьих, определенные общественные отношения [3, с. 15].

Н. С. Таганцев в соответствии со шкалой целей уголовного наказания, отражающей корреляцию процессов социализации личности преступника и профилактики преступности, общественной опасности личности и назначенного в установленном порядке уголовного наказания, сформировал теорию, отражающую авторскую систему четырех основных типов личности:

1) легко подлежащая социализации личность преступника, в отношении которой применимы такие цели наказания, как общая превенция, минимальное государственное принуждение, восстановление социальной справедливости;

2) личность, подлежащая социализации на среднем уровне, для которой целесообразна цель уголовного наказания, обусловленная специальной превенцией, применением наказания, связанного и с воспитательным, и одновременно с карательным воздействием на личность (без испытательного срока);

3) трудносоциализируемая (асоциальная) личность, в качестве цели наказания для которой наиболее актуальны государственное принуждение в условиях длительной изоляции, равно, как и воспитательное воздействие на личность, и специальная превенция с применением существенных ограничений свобод, иных конституционных прав, законных интересов индивида[7].

В качестве общей прогрессивной идеи о социализации личности, развивавшейся исторически и положенной впоследствии в концепцию пробации, целесообразно признать понимание категории «социализация» как переосмысление общепризнанных ценностей и реализуемых социальных ролей, усвоение новых ценностей и ролей для совершенствования личности (интеллектуального и эмоционального, морального и физического, иного).

Таким образом, потребность в пробации (в современном контексте) детерминирована необходимостью в конструктивной трансформации криминогенной личности через процессы социализации, предполагающие исправление, воспитание, приобретение социально положительных навыков и подготовку бывшего преступника к жизни в обществе в правопослушном социальном статусе. В целом учения о социализации личности отражают два основных подхода:

1) онтогенетический, понимающий под социализацией процесс освоения индивидом социального опыта, детерминирующего процесс «включения» в сферу полезных общественных отношений (А. А. Леонтьев, Б. Г. Ананьев и Л. С. Выготский, пр.);

2) филогенетический подход, отражающий в процессе социализации исключительно положительный опыт развития личности (И. С. Кон, С. С. Батенин и Б. П. Парыгин, пр.).

Полагаем, можно выделить основные этапы становления национального института пробации:

---

[5] Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. Москва : Мысль, 1983. Т. 4. С. 53.

[6] Демин П. Н. Современные методы и формы социализации подростков и молодежи за рубежом : автореф. ... дис. канд. пед. наук. Москва, 2022. С. 22.

[7] Таганцев Н. С. Русское уголовное право : Часть общая : лекции : в 2-х т. 2-е изд., пересм. и доп. Санкт-Петербург : Гос. Тип., 1902. С. 41.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

1) 60–90 гг. XIX века – период становления уголовно-исполнительной системы Российской империи, реализация судебных и тюремных реформ;

2) советский этап (1917–1991 гг.) – начало формирования новых процессов в сфере исправления личности преступника и реинтеграции освобожденного в общество, реализуемых учреждениями, исполняющими наказание в виде лишения свободы, и надзорными комиссиями в отношении условно осужденных (20-е гг. XX века); в 1950–1960-х гг. эти процессы характеризуются тенденциями гуманизации;

3) постсоветский этап (1990-е и 2000-е гг.) – формирование альтернативных видов наказания (условное осуждение и иные, не связанные с лишением свободы), совершенствование воспитательного воздействия на личность преступника;

4) этап учреждения первых социальных служб (1999–2005 гг.) – деятельность по исправлению личности и профилактике рецидива после освобождения;

5) 2008–2020 гг. – этап реализации Концепции социально-экономического развития до 2020 года[8], предусматривающей усиление социального, реабилитационного воздействия на личность при исполнении приговора суда, формирование национального механизма восстановительного правосудия и соответствующих запросам общества примирительных процедур;

6) современный этап, характеризующийся становлением основ правового регулирования пробации, созданием учреждений и служб пробации, формированием механизма социально-психологического сопровождения осужденных и освобожденных после отбывания уголовного наказания.

Исторически уголовно-исполнительная система характеризовалась преимущественно негуманным отношением к личности преступника, о чем свидетельствуют многие памятники отечественного права (в частности, Судебники 1497 и 1550 гг., в основу которых положены материалы Русской Правды, Двинской (1397–1398), Белозерской (1488) уставных грамот). Однако целесообразно признать прогрессивным явлением в данном историческом периоде Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. Этот документ предусматривает классификацию пенитенциарных учреждений по гендерному признаку и правовым статусом обвиняемого (в отношении лиц, ожидающих суда), дифференцированный характер сроков пребывания осужденных в изоляции от общества в зависимости от тяжести совершенного деяния [4, с. 100]. Однако документ не свидетельствует о явлениях гуманизации при содержании преступников, особенно – лиц из низших сословий общества.

К концу XVIII века в Российской империи в некоторой степени гуманизируется уголовное наказание и совершенствуется воспитательное воздействие на личность преступника. Целью лишения свободы становится не беспощадный эксплуатирующий труд, а профилактика преступности. Екатериной II приняты законы «Об оскорблении величества» (1774), «Учреждения для управления губерний» (1775), «Уголовное уложение» (1779–1780), «Порядок исследования и суда уголовного дела» (1775) и «О тюрьмах» (1779–1780), ряд других источников отечественного права (Указ «О суде и наказаниях за воровство разных родов» 1781 года, Устав благочиния 1782 года и др.), «под знаком» которых протекала «большая часть столетия» [5. с. 25, 26].

Анализ этих нормативных актов показывает, что условия содержания и правила режима в исправительном учреждении классифицируются в зависимости от гендерной и подследственной принадлежности преступника; в пенитенциарную введена система «работных» домов, цель которых – исправление личности преступника посредством воспитания и посильного труда; отражена регламентация таких принципов исполнения наказания, как его соответствие совершенному посягательству, равенство осужденных к лишению свободы перед действующим законом, равно, как и личная безопасность[9].

К числу заслуживающих особого внимания нормативных правовых актов, свидетельствующих о тенденциях развития национальных процессов пробации, можно добавить утвержденные Александром I «Правила для Общества Попечительного о тюрьмах» (1819), цель которых – учреждение и регулирование деятельности подчиненного Министерству внутренних дел (ст. 31) и подконтрольного Императору Общества попечительного о тюрьмах и его подразделений (губернских и столичных, уездных и портовых тюремных комитетов, отделений) (ст. 28). Деятельность Общества осуществлялась в направлении гуманизации условий содержания осужденных к лишению свободы, равно, как и улучшения физического, морального

[8] Об утверждении Концепции долгосрочного социально – экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

[9] Бабкова Г. О. Политика Екатерины II в области уголовного права : автореф. ... канд. истор. наук. Москва, 2006. С. 25–26.

состояния, нравственного совершенствования личности, что обеспечивалось: во-первых, размещением осужденных с учетом классификации по видам совершенных деяний; во-вторых, избранием, в соответствии с изложенным мер воздействия; в-третьих, осуществлением постоянного надзора за осужденными и наставлением в отношении поведения; в-четвертых, «занятием их приличным упражнением» [6, с. 200]. При этом осужденные, в отношении которых констатирован факт исправления, могли быть освобождены от наказания досрочно, что целесообразно признать исторической предпосылкой формирования институтов помилования и условно-досрочного освобождения.

На формирование концепции пробации в дальнейшем оказали заметное влияние следующие документы:

– Устав о ссыльных (1822), ставящий целью лишения свободы нравственное совершенствование, исправление личности посредством трудового и воспитательного воздействия;

– Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных (1832), дифференцирующий учреждения в зависимости от квалификации деяния, личности преступника («съезжие дворы при Управе благочиния, при присутствии полиции, при городническом правлении», тюремные замки, губернские остроги, смирительные и работные дома);

– Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845), признававшее за личностью преступника естественные права и достоинство;

– Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864), характеризовавшийся гуманистическими началами исполнения уголовного наказания, отменой телесных наказаний, клеймения, применения шпицрутенов.

Процесс совершенствования уголовно-исполнительной системы продемонстрирован с учреждением в 1879 году Управления тюремным делом, которое, по мнению И. Я. Фойницкого, было не только осуществляющим кару над преступником, но и реализующим воспитательное воздействие на личность с целью ее действительного исправления. Ученый отмечал: «Тюремный вопрос в его изолированном виде не имеет никакого смысла. Этот смысл и жизненное содержание дает ему лишь внесение его в систему иных общественных мер, направленных против условий преступлений» [7, с. 260].

А. А. Пионтковский, поддерживая научную позицию И. Я. Фойницкого, полагал: «Гуманизируя тюремное дело, оно (тюремное дело) чертит на воротах современной тюрьмы не дантовские слова отчаяния «Оставь надежду всяк сюда входящий», а «Всяк сюда входящий верь, надейся, люби и заслужи того же»[10].

Российское законодательство исторического периода конца XIX – начала XX века возлагало на национальные пенитенциарные учреждения преимущественно две юридические функции: во-первых, карательную и, во-вторых, исправительную, что отражено во многих нормативных правовых актах, в т. ч. в ст. 226 Устава о содержащихся под стражей и о ссыльных (1890), и послужило одной из предпосылок развития российской концепции пробации.

В результате в Российской империи сложилась система предпосылок для последующих масштабных реформ, послуживших впоследствии формированию концепции пробации, цель которых – гуманизм, исправление личности преступника путем воспитательного воздействия, социализации и подготовки к реинтеграции в общество. Несмотря на отдельные противоречащие данной концепции нормативные акты, принятые на следующем (советском) этапе, отметим: социалистические идеи способствовали как репрессивно-карательной функции пенитенциарной системы, так и положительной ее трансформации, свидетельствующей о направленности к исправлению личности преступника с помощью процессов социализации и непосредственно - воспитательного трудового воздействия.

Проведенная в начале 90-х гг. XX века реформа отечественной правовой системы была нацелена на формирование нового прогрессивного правового механизма исправления личности преступника, реинтеграции в общество как правопослушного лица, не характеризующегося признаками рецидивности.

Исторические предпосылки российской концепции пробации можно отыскать также за рубежом. Идеи о социализации, методах исправления личности преступника, обусловившие возникновение институции пробации, учреждались изначально в странах англо-саксонской правовой системы, а впоследствии и в других. Единого мнения о времени и месте появления пробации не существует, хотя научное сообщество утверждает, во-первых, о зарождении пробации в США в 1869 году (в форме модели условного осуждения)[11]; во-вторых, о возникновении пробации

[10] Пионтковский А. А. Тюрьмоведение, его предмет, содержание, задачи и значение : [Вступ. лекция, чит. в Новорос. ун-те 30 сент. 1891 г.] / [Сочинения]. Одесса : Тип. Штаба Одесского военного округа, 1892. С. 3.

[11] См.: Пионтковский А. А. Об условном осуждении, или системе испытания : Уголовно-политическое исследование. Одесса : тип.-лит. Штаба Одесского военного округа, 1894. 191 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

в Англии в 1887 году в качестве уголовного наказания, не связанного с изоляцией от общества [8, с. 222]. Этот исторический период свидетельствует о процессах возникновения интереса к пробации, направленной на реинтеграцию в общество лица, подвергнутого уголовному наказанию и на предоставление социальной и материальной, а также иной поддержки осужденному и освобожденному, и в других государствах. Так, в Нидерландах в XIX веке подобные явления были инициированы и реализованы представителями купечества, во Франции и во многих скандинавских странах – благотворительными и религиозными, иными созданными в государстве неправительственными организациями.

В XX веке интерес к процессам, характеризующимся правовой природой пробации, перестал быть прерогативой научного сообщества и непубличных организаций, о чем свидетельствует внимание к проблемам исправления личности преступника, реинтеграции освобожденного в общество, его социализации органов государства и международных сообществ Организации Объединенных Наций (Комитет по предупреждению преступности и борьбе с ней, Экономический и Социальный Совет, а также ряд иных).

Ведущим международным документом о пробации на уровне конвенционной модели межнационального сотрудничества в сфере исполнения уголовных наказаний и содействия осужденным и освобожденным (в контексте российского подхода к правовой категории «пробация», но без указания на таковую) можно назвать Минимальные стандартные правила ООН 1990 года (Токийские правила[12]). В целях исправления личности преступника и его подготовки к освобождению документ предусматривает: преимущественное использование мер принуждения, которые не связаны с изоляцией от общества (ч. 2.3); максимальное привлечение к процессу исправления личности преступника и ее социализации институтов гражданского общества (ч. 2.5).

Части 10 и 13 Токийских правил свидетельствуют о необходимости индивидуального подхода к каждой отдельной личности осужденного, к ее индивидуальным особенностям (интеллектуальным и духовно-нравственным, криминогенным, иным), содействия эффективной реинтеграции в общество после освобождения, предоставления социальной и психологической, медицинской и юридической, материальной и иной помощи, включая помощь в поддержании семейных и иных общественно полезных социальных связей.

О «пробации» (в отсутствие данного термина) заявлено и в важнейшем конвенционном акте в данной сфере – в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы[13]), принятых в 1955 году и установивших допустимый уровень взаимодействия с осужденным к лишению свободы. В течение последующих шестидесяти лет данные международные нормы выступали в качестве основного документа, отражающего механизм обеспечения контроля и мониторинга за содержанием, поведением и исправлением личности преступника [9, с. 304].

Пересмотренные в 2015 году Правила Нельсона Манделы[14], используя в термин «реинтеграция», по правовой природе (сущности) совпадающий с российской интерпретацией термина «постпенитенциарная пробация», характеризуют данное правовое явление как комплекс реализуемых в отношении освобожденных мер воспитательного и юридического, педагогического и социально-экономического характера, содействующих формированию правопослушного поведения и адаптации в социум.

В сфере международных стандартов, положенных в основу национальной концепции пробации, целесообразно признать, помимо вышеизложенного:

– Бангкокские правила 2010 года[15], использующие по аналогии с категорией «пробация» термины «исправление», «реабилитация», «социальная реинтеграция» и отражающие необходимость персонального планирования процессов реабилитации, исправления личности и реинтеграции в общество после освобождения с учетом особенностей и потребностей, обусловленных возрастными и гендерными, другими субъективными факторами личности (правило 40 указанных

[12] Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением № 45/110 (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1990 г. (Токийские правила)) // ГАРАНТ.РУ : [сетевое издание]. URL: http://constitution.garant.ru/act (дата обращения: 12.02.2026).

[13] Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблии ООН 17 декабря 2015 г.) // Там же. URL: https://www.un.org/ru/documents (дата обращения: 12.02.2026).

[14] Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы 1955 г.) (пересмотренный текст) (Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 17 декабря 2015 г.) // Там же. URL: https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1305346/ (дата обращения: 12.02.2026).

[15] Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 21 декабря 2010 г. № 65/229) // Организации Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml (дата обращения: 12.02.2026).

Бангкокских правил), включая особенности состояния здоровья психики (правило 12), склонности к явлению суицида (правило 16), специфики несовершеннолетней осужденной женщины (правило 37);

– Конгресс по предупреждению преступности и уголовному правосудию[16] (Второй конгресс, 1960), использующий термин «ресоциализация» в контексте условного срока уголовного наказания несовершеннолетнего в виде лишения свободы, равно, как и условно-досрочного освобождения от наказания, и предусматривающий реализацию воспитательных, трудовых мер воздействия на личность, поэтапную подготовку к освобождению, учреждение постпенитенциарной опеки, реализацию мероприятий по ресоциализации, воспитательному воздействию, предупреждению преступности и т. п.;

– Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка 1979 года[17], предусматривающий необходимость уполномоченных лиц, осуществляющих деятельность в сфере содержания правонарушителей, обеспечивать уважение личности, защиту ее достоинства и прав;

– Конвенция 1984 года против пыток[18], которая обязывает (ст. 2) государства-участники предпринимать все возможные законодательные и административные и иные, включая судебные, меры по предотвращению на любой государственной территории физического насилия над личностью;

– Минимальные стандартные правила об отправлении правосудия (Пекинские правила[19]) 1985 года (п. 18.1), постулирующие в целях обеспечения наибольшей гибкости и гуманности отправления правосудия в отношении несовершеннолетних уполномоченный орган призван располагать законодательной системой мер государственного воздействия на личность, не обусловленных изоляцией от общества (пробация, опека, передача на воспитание, надзор, реституция, групповая психотерапия, трудовая деятельность, финансовые компенсации, промежуточные и иные меры воздействия, другие профилактические и воспитательные меры).

Принимая во внимание, что дуалистическая концепция в сфере взаимодействия норм международного и национального права демонстрирует, что российское право, в т. ч., в сфере пробации, несмотря на особое влияние международных источников, не находится в непосредственном ему подчинении [10, с. 106], целесообразно отметить следующее. Признанные Российской Федерацией международные стандарты в сфере пробации ввиду универсальности и прогрессивности, несмотря на отсутствие единого подхода к осмыслению понятия «пробация» в международных актах, представляют собой, с одной стороны, минимально допустимый стандарт в сфере процесса пробации, с другой, – образец для национальной правовой системы [11, с. 113], способствующий формированию прогрессивной концепции пробации, развитию, совершенствованию правового механизма в данной сфере.

Об особом значение института пробации в современном обществе свидетельствует, соответственно, внимание к данному феномену в международной конвенционной модели пробации, подтверждающей, что задействование данного института в национальном праве отражает позицию развития процессов гуманизации, совершенствования защиты прав и законных интересов человека и гражданина, выступает демонстрацией укрепления тенденций о гарантированности их обеспечения, что неотделимо от соблюдения общепризнанных ценностей демократического общества [12, с. 201].

Современная позиция законодателя о пробации, основанная на отечественных исторических тенденциях, прогрессивных мировых процессах, международных конвенционных документах и достижениях науки, детерминирована положениями Конституции Российской Федерации 1993 года, в соответствии с положениями которой, человек, его права, законные интересы и свободы являются наивысшей ценностью[20]. Особое значение в развитии института пробации имеет Концепция уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 2021 года[21],

[16] Резолюция второго Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию A/CONF.17/20 (Лондон, 1960) // Объединенные нации : Цифровая библиотека : [сайт]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/87462?v=pdf (дата обращения: 12.02.2026).

[17] Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 1979 г. № 34/169) // Советская юстиция. 1991. № 17. С. 22.

[18] Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.

[19] Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г. № 40/33) // ГАРАНТ.РУ : [сетевое издание]. URL: https://base.garant.ru/1305342/ (дата обращения: 12.02.2026).

[20] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 12.02.2026).

[21] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р (ред. от 27.05.2023) // СЗ РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

в качестве основных целей которой заявлено, в частности: совершенствование правового регулирования мер пресечения и исполнения уголовного наказания с учетом признанных международных стандартов и обязательств; гуманизация условий отбывания уголовного наказания и условий содержания; исправление личности осужденного, предполагающее обеспечение условиями, не унижающими достоинство личности; совершенствование воспитательной и психологической, социальной работы; формирование уважительного отношения осужденного к обществу и труду, правилам и нормам, традициям российского общества и его общепризнанным ценностям; профилактика деяний; обеспечение безопасности; повышение уровня открытости уголовно-исполнительной системы.

Новый исторический этап развития законодательства и теоретико-прикладных аспектов в сфере исполнения уголовного наказания и исправления личности преступника характеризуется вступлением в силу Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»[22]. Данный нормативный правовой акт, свидетельствующий о признании исторических и международных прогрессивных явлений в сфере пробации, знаменует собой социальную ориентацию современного российского законодательства на предоставление помощи осужденному в коррекции его социального поведения, подготовке к освобождению и непосредственно – к освобождению в качестве правопослушной личности. Указанный закон ориентирован и на постпенитенциарную пробацию (ресоциализацию, социальную адаптацию и реабилитацию [13, с. 183], и исполнительную пробацию, и непосредственно – на профилактическое индивидуальное воздействие на личность [14, с. 560].

Соответствующим эволюционирующей исторически позиции российского законодателя представляется возможным признать осмысление цели современной пробации как нивелирование отрицательных последствий изоляции от общества: пребывание в агрессивной среде уголовно-исполнительной системы, высокий уровень стресса, определенная иерархия пенитенциарной криминальной среды, нарушение стереотипов, общение с характеризующимися приверженностью криминальной субкультуре лицами (включая лиц с психическими отклонениями), повторная криминализация через принятие новых критически-отрицательных ценностей и их проникновение в личность осужденного в форме «криминальной инфекции» [15, с. 13; 16, с. 46].

Юридический механизм концепции пробации предлагается рассматривать, таким образом, в качестве исторически-обусловленной системы взаимовлияющих международных и национальных пробационных стандартов, способствующих преобразованию формального правового регулирования института пробации в фактическое и эффективное его осуществление с учетом российских традиций, тенденций, особенностей правовой системы, обуславливая, тем самым, повышение эффективности организационно-правовой сферы пробации в направлении исправления личности и подготовки к освобождению лиц, ориентированных на общепризнанные ценности.

Список источников

1. *Уткин А. И.* Историография исторического знания // Сервис в России и за рубежом. 2012. № 4 (31). С. 174–184.

2. *Колсариева Н. Ш., Абдусалам уулу Б.* История развития учений о личности преступника в период античности и средневековья // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10, № 10. С. 279–284. https://doi.org/10.33619/2414-2948/107/34

3. *Игнатова Л. Ю., Семичева М. В.* Социализация личности как проблема исследования отечественных и зарубежных ученых // Образование и воспитание. 2017. № 1-1 (11). С. 13–15.

4. *Майстренко Г. А.* История развития тюремной системы в России // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 100–102.

5. *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла 1: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) : [монография]. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 575 с.

6. *Петренко Н. И., Никифорова И. А.* Влияние общества попечительного о тюрьмах на отечественную пенитенциарную систему в первой половине XIX в. // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 200–203.

7. *Фойницкий И. Я.* На досуге : сборник юридических статей и исследований с 1870 г. И. Я. Фойницкого : [В 2 т.]. Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1900. Т. 1-2. 574 с.

8. *Полосухина О. В.* Особенности деятельности службы пробации в Англии // Аграрное и земельное право. 2022. № 12 (216). С. 223–225. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_223.

9. *Потапов А. М., Соловьева Н. Н.* О содержании воспитательного воздействия на осужденных в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными 1955 г. / Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 60-летию принятия ООН Минимальных стандартных правил обращения с заключенными) : сборник материалов международной научно-практической конференции, г. Вологда, 13 ноября 2015 г. / отв. ред. П. В. Голодов. Вологда : Вологодский институт права и экономики ФСИН, 2016. С. 304–306.

10. *Щекутьев И. Н.* Воздействие международного права на законодательство Российской Федерации // Вопросы юридической юстиции. 2024. № 33. С.102–107.

11. *Голубок С. А.* Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 1 (270). С. 112–124.

[22] СЗ РФ. 2023. № 6. Ст. 917.

12. *Чимаров С. Ю., Тонышев А. В., Косолапов А. Д.* Вопросы обеспечения прав человека в контексте нормативных положений зарубежного законодательства о пробации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. С.199–202. https://doi.org/10.23672/m7573-3765-6762-a

13. *Скиба А. П.* Направления развития Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» с учетом принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19 (1–4), № 2. С. 181–191. https://doi.org/10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).2.181-191

14. *Скиба А. П., Коробова И. Н.* Международная научно-практическая конференция «Развитие системы наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Введение института пробации в Российской Федерации» (Рязань, 15 ноября 2023 года) // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1–4), № 4. С. 560–574. https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).4.560-574

15. *Ромашов Р. А.* Проблемы исполнения наказаний и применения мер пресечения, не связанных с изоляций от общества // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 2 (13). С.11–15.

16. *Шишко Е. А.* Экспериментальные исследования социально-психологической обстановки среди осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 8 (159). С. 46–51.

References

1. *Utkin A. I.* Istoriografiya istoricheskogo znaniya // Servis v Rossii i za rubezhom. 2012. № 4 (31). S. 174–184.

2. *Kolsarieva N. Sh., Abdusalam uulu B.* Istoriya razvitiya uchenij o lichnosti prestupnika v period antichnosti i srednevekov'ya // Byulleten' nauki i praktiki. 2024. T. 10, № 10. S. 279–284. https://doi.org/10.33619/2414-2948/107/34

3. *Ignatova L. Yu., Semicheva M. V.* Socializaciya lichnosti kak problema issledovaniya otechestvennyh i zarubezhnyh uchenyh // Obrazovanie i vospitanie. 2017. № 1-1 (11). S. 13–15.

4. *Majstrenko G. A.* Istoriya razvitiya tyuremnoj sistemy v Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2020. № 9 (189). S. 100–102.

5. *Kamenskij A. B.* Ot Petra I do Pavla 1: reformy v Rossii XVIII veka (opyt celostnogo analiza) : [monografiya]. Moskva : Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 1999. 575 c.

6. *Petrenko N. I., Nikiforova I. A.* Vliyanie obshchestva popechitel'nogo o tyur'mah na otechestvennuyu penitenciarnuyu sistemu v pervoj polovine XIX v. // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2011. № 4. S. 200–203.

7. *Fojnickij I. Ya.* Na dosuge : sbornik yuridicheskih statej i issledovanij s 1870 g. I. Ya. Fojnickogo : [V 2 t.]. Sankt-Peterburg : tip. M. M. Stasyulevicha, 1900. T. 1-2. 574 s.

8. *Polosuhina O. V.* Osobennosti deyatel'nosti sluzhby probacii v Anglii // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2022. № 12 (216). S. 223–225. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_223.

9. *Potapov A. M., Solov'eva N. N.* O soderzhanii vospitatel'nogo vozdejstviya na osuzhdennyh v Minimal'nyh standartnyh pravilah obrashcheniya s zaklyuchennymi 1955 g. / Ugolovnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: problemy naznacheniya i ispolneniya (k 60-letiyu prinyatiya OON Minimal'nyh standartnyh pravil obrashcheniya s zaklyuchennymi) : sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Vologda, 13 noyabrya 2015 g. / otv. red. P. V. Golodov. Vologda : Vologodskij institut prava i ekonomiki FSIN, 2016. S. 304–306.

10. *Shchekut'ev I. N.* Vozdejstvie mezhdunarodnogo prava na zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii // Voprosy yuridicheskoj yusticii. 2024. № 33. S.102–107.

11. *Golubok S. A.* Mezhdunarodno-pravovye standarty prava na sudebnuyu zashchitu // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2007. № 1 (270). S. 112–124.

12. *Chimarov S. Yu,. Tonyshev A. V., Kosolapov A. D.* Voprosy obespecheniya prav cheloveka v kontekste normativnyh polozhenij zarubezhnogo zakonodatel'stva o probacii // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2022. № 2. S.199–202. https://doi.org/10.23672/m7573-3765-6762-a

13. *Skiba A. P.* Napravleniya razvitiya Federal'nogo zakona «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» s uchetom prinyatiya Federal'nogo zakona «O probacii v Rossijskoj Federacii» // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2024. T. 19 (1–4), № 2. S. 181–191. https://doi.org/10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).2.181-191

14. *Skiba A. P., Korobova I. N.* Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Razvitie sistemy nakazanij, ne svyazannyh s izolyaciej osuzhdennyh ot obshchestva. Vvedenie instituta probacii v Rossijskoj Federacii» (Ryazan', 15 noyabrya 2023 goda) // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2023. T. 18 (1–4), № 4. S. 560–574. https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).4.560-574

15. *Romashov R. A.* Problemy ispolneniya nakazanij i primeneniya mer presecheniya, ne svyazannyh s izolyacij ot obshchestva // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2014. № 2 (13). S.11–15.

16. *Shishko E. A.* Eksperimental'nye issledovaniya social'no-psihologicheskoj obstanovki sredi osuzhdennyh // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2015. № 8 (159). S. 46–51.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Научная статья
УДК 37.013.42

Философский анализ исследовательской проблемы межпоколенного педагогического взаимодействия

Артур Владимирович Рукавишников, кандидат педагогических наук

Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
Пермь (614112, ул. Гремячий Лог, д. 1), Российская Федерация
artur.rukavishnikv@rambler.ru
http://orcid.org/0000-0003-4093-2534

Аннотация:
Введение. *Актуальность философского анализа проблемы исследования связана с многоаспектностью и междисциплинарностью феномена межпоколенного педагогического взаимодействия. Философский анализ обеспечивает операционализацию категорий и понятий, определение их взаимосвязей, формулировку теоретических предпосылок и оснований исследования, обоснование методологических подходов в исследовании проблемы, а также их критическое осмысление.* **Методы.** *В исследовании проводится операционализация понятия межпоколенного педагогического взаимодействия, представлен обзор и сравнительный анализ подходов к пониманию поколения в педагогическом взаимодействии. Обобщены теоретические и методологические основы, осуществлен их критический анализ.* **Результаты исследования** *свидетельствуют о многоаспектности межпоколенного педагогического взаимодействия, что требует междисциплинарности в его исследовании. Межпоколенное педагогическое взаимодействие включает базовые категории и понятия. Сформулированы теоретические и методологические основы межпоколенного взаимодействия, а также основные ограничения в их применении. Проведенная работа показала, что исследование межпоколенного педагогического взаимодействия связано с влиянием различных факторов. Педагогическое взаимодействие в контексте поколенной проблемы является базовым понятием. Теоретическими границами исследования проблемы являются философско-антропологические, социологические, психологические, педагогические и коммуникативные теории. Общефилософскими методологическими основаниями в исследовании межпоколенного педагогического взаимодействия являются этический, экзистенциальный, герменевтический, системный, феноменологический, антропологический, диалогический, прагматический подходы. Применение теоретико-методологического аппарата*

Ключевые слова:
философский анализ, критический анализ, межпоколенное взаимодействие, педагогическое взаимодействие, поколение, общетеоретические основы, общеметодологические основы

Для цитирования:
Рукавишников А. В. Философский анализ исследовательской проблемы межпоколенного педагогического взаимодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 255–264.

© Рукавишников А. В., 2026

ограничивается спектром противоречий, которые следует рассматривать на онтологическом (утопичность равноправия, влияние индивидуальных и возрастных факторов), гносеологическом (интерпретационная сложность опыта, условность поколенных границ, слабая эмпирическая верификация теоретических положений, изменчивость поколенной идентичности личности), аксиологическом (ценностный релятивизм, индивидуально обусловленная потребность в контенте, субъективность опыта, информационное изобилие), праксеологическом (многосубъектость взаимодействия, неравномерность распределения цифровыми навыками внутри поколений, стереотипность поведения) уровнях.

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 08.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

Original article

A philosophical analysis of the research problem of intergenerational pedagogical interaction

Artur V. Rukavishnikov, Cand. Sci. (Ped.)

Perm Military Institute of the Troops of the National Guard of the Russian Federation
1, Gremyachy Log Street, Perm, 614112, Russian Federation
artur.rukavishnikv@rambler.ru
http://orcid.org/0000-0003-4093-2534

Abstract:
Introduction. *The relevance of a philosophical analysis of the research problem is related to the multifaceted and interdisciplinary nature of the phenomenon of intergenerational pedagogical interaction. Philosophical analysis enables the operationalisation of categories and concepts, the identification of their interrelationships, the formulation of the theoretical premises and foundations of the research, the justification of methodological approaches to investigating the issue, and their critical evaluation.* **Methods.** *This study operationalises the concept of intergenerational pedagogical interaction and presents an overview and comparative analysis of approaches to understanding generation in pedagogical interaction. The theoretical and methodological foundations are summarised and critically analysed.* **The results** *of the study indicate that intergenerational pedagogical interaction is multifaceted, which necessitates an interdisciplinary approach to its study. Intergenerational pedagogical interaction encompasses a number of fundamental categories and concepts. The theoretical and methodological foundations of intergenerational interaction have been outlined, along with the main limitations to their application. The work carried out has shown that research into intergenerational pedagogical interaction is influenced by a variety of factors. Pedagogical interaction, in the context of the intergenerational issue, is a fundamental concept. The theoretical framework for this research comprises philosophical-anthropological, sociological, psychological, pedagogical and communication theories. The general philosophical and methodological foundations for the study of intergenerational pedagogical interaction are the ethical, existential, hermeneutic, systems, phenomenological, anthropological, dialogical and pragmatic approaches. The application of the theoretical and methodological framework is constrained by a range of contradictions that must be considered from an ontological perspective (the utopian nature of equality, the influence of individual and age-related factors), epistemological (the interpretative complexity of experience, the conventional nature of generational boundaries, the weak empirical verification of theoretical propositions, the fluidity of generational identity), axiological (value relativism, individually determined need for content, the subjectivity of experience, information overload), and praxeological (multi-agent nature of interaction, uneven distribution of digital skills within generations, stereotypical behaviour) levels.*

Keywords:
philosophical analysis, critical analysis, intergenerational interaction, pedagogical interaction, generation, general theoretical foundations, general methodological foundations

For citation:
Rukavishnikov A. V. A philosophical analysis of the research problem of intergenerational pedagogical interaction // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 255–264.

The article was submitted April 12, 2026; approved after reviewing July 8, 2026; accepted for publication September 25, 2026.

Введение

Исследование проблемы межпоколенного педагогического взаимодействия обусловлено спектром социальных, психологических, демографических, образовательных, культурных и иных изменений.

Во-первых, усиление социальной дезинтеграции современного общества, в котором все чаще проявляется изоляция поколений между собой [1]. Во-вторых, необходимость поддержания чувства значимости для старших поколений, эмоциональной устойчивости – для младших [2]. В-третьих, увеличение общей продолжительности жизни, что создает потребность во

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

всесторонней активности доли пожилых людей [3]. В-четвертых, образовательная парадигма непрерывного образования в Российской Федерации [4]. В-пятых, необходимость сохранения традиционных для нашего государства ценностей – исторической памяти и преемственности поколений [5].

Под межпоколенным взаимодействием мы понимаем процесс обмена знаниями, ценностями, опытом и культурными традициями между представителями разных возрастных и социально-поколенных групп [6].

В педагогике данное понятие занимает важное место, что отражается в ее основных функциях [7]: культурологической, социальной, образовательной, воспитывающей, психологической, профилактической.

В педагогическом процессе межпоколенное взаимодействие задействовано в системе образования в виде наставничества, реализации программ межпоколенной поддержки, интеграции опыта старших поколений в современные образовательные программы [8].

Проблема межпоколенного взаимодействия давняя в виду цикличности человеческой жизни. Соответственно, осмысление самой природы исследовательской проблемы лежит в истоках философского знания.

Первичной процедурой научного осмысления является философский анализ проблемы, что является целью настоящего исследования. Под философским анализом научной проблемы мы понимаем методологический подход, направленный на глубокое понимание и осмысление самой природы, предпосылок, концептуальных основ исследуемого вопроса [9].

Основными задачами философского анализа являются операционализация категорий и понятий, их связей и отношений, определение теоретических предпосылок и оснований исследования, обоснование методологических подходов в исследовании проблемы, рассмотрение этических и ценностных аспектов и другое [10].

Методы

В рамках решения целевой установки исследования применялись следующие методы:

– *анализ* энциклопедической и научно-исследовательской литературы, посвященной изучению межпоколенного педагогического взаимодействия;

– *операционализация* понятий «поколение», «педагогическое взаимодействие», сопоставление их относительно друг друга;

– *сравнение* и *обобщение* общетеоретических и общеметодологических основ исследования межпоколенного педагогического взаимодействия;

– *критика* основных теоретических концепций и методологических возможностей исследования межпоколенного педагогического взаимодействия.

Результаты

Понятие «межпоколенное педагогическое взаимодействие» включает такие базовые категории, как «поколение» и «педагогическое взаимодействие». Проанализируем, что именно подразумевается под *ключевыми понятиями* и как они *соотносятся* друг с другом.

Поколение имеет различные подходы, связанные с демографическими, возрастными, социальными, культурными, историческими и иными аспектами [11].

Так, понятие «*поколение*» может рассматриваться как совокупность людей, родившихся в определенный период времени (С. И. Ожегов); как социальная общность людей, находящихся примерно в равных условиях социализации, жизни и деятельности (К. Мангейм); как общность современников, объединенных общим историческим опытом (И. С. Кон); как культурный феномен лиц, объединенных общими культурными ценностями (У. Штраус); как совокупность людей, имеющих схожий возраст, потребности, интересы, занимающиеся схожим видом деятельности (Л. С. Выготский).

Педагогическое взаимодействие в свою очередь также имеет различные трактовки: как взаимная активность субъектов (Ю. К. Бабанский); как условие развития личности (А. В. Мудрик); как совокупность внешних и внутренних структур, обеспечивающих развитие совместных видов деятельности (В. Д. Семенов); как система педагогических воздействий и реакций (Н. А. Виноградова).

В виду контекста исследуемой проблемы педагогическое взаимодействие является базовым понятием в отношении категории «поколение». В связи с этим поколение нужно рассматривать как часть педагогического взаимодействия.

Вместе с тем оно может играть как позитивную роль и выступать в качестве ресурса, так и иметь противоположное значение и быть барьером к эффективному взаимодействию. Переход из одного состояния в другое является практической задачей педагогической науки. Рассмотрим подробнее контекст поколений в рамках педагогического взаимодействия [12].

Итак, поколение может быть рассмотрено *как совокупность условий*, в которых происходит педагогический контакт субъектов образовательного процесса, обеспечивающих взаимное изменение в поведении, деятельности, отношениях и установках личности, что проявляется в подходах к обучению, способах коммуникации различных поколений.

Также поколение может быть рассмотрено *как субъект* педагогического взаимодействия. Педагоги и обучающиеся как активные участники взаимодействия имеют различный тип перцептивной направленности, психологические особенности, образовательные потребности и ожидания.

Кроме того, поколение может быть определено *как объект* педагогического взаимодействия. Так, конкретные поколения обладают типичными потребностями, чертами характера, реакциями на педагогические воздействия. С одной стороны, это ограничивает в выборе тех или иных инструментов воздействия, с другой – создает педагогические возможности в их применении.

Также поколение может быть рассмотрено *как ресурс* педагогического взаимодействия. Например, учет поколенного фактора может способствовать формированию специфических типов мышления, общих ценностей и этических принципов субъектов взаимодействия, цифровой грамотности, образованию общих культурных кодов и др.

Помимо этого, рассмотрим поколение *как барьер* педагогического взаимодействия. Каждому поколению присущи свои педагогические трудности, например, в цифровых навыках, ценностных предпочтениях, стиле общения.

Поколение также может выступать *как продукт* педагогического взаимодействия. Например, в виде поколенной идентичности, которая формирует установку личности на принадлежность к определенной поколенной группе.

Необходимо обратить внимание и на поколение *как критерий* эффективности педагогического взаимодействия. Например, в качестве показателей могут выступать степень вовлеченности поколенной группы в педагогическое взаимодействие, скорость адаптации к образовательным инновациям, снижение межпоколенных конфликтов.

Анализ научно-исследовательских работ, посвященных проблеме межпоколенного взаимодействия, позволил выявить ряд *базовых теоретических знаний*, которые подтверждаются результатами исследований и поддерживаются большинством специалистов в данной области.

Ввиду междисциплинарности проблемы межпоколенного педагогического взаимодействия представим теоретические предпосылки в различных аспектах: философско-антропологическом, социологическом, психологическом, педагогическом и коммуникативном.

1. По мнению Г. Гегеля, человек – это продукт культурного процесса, существо «во времени», субъект исторического процесса. Каждое новое поколение обладает неповторимым опытом.

Концепция «слияния горизонтов» Х.-Г. Гадамера свидетельствует, что понимание происходит в ходе взаимного обогащения и трансформации опыта субъектов.

Концепция диалога культур М. М. Бахтина гласит, что истина не принадлежит одному голосу и не может быть сведена к позиции субъекта.

2. Социологические аспекты проблемы раскрывает теория поколений К. Маннгейма: поколения объединяет исторический опыт, единство судьбы. Однако внутри поколений имеется диффернциация и особенности способа восприятия мира.

В соответствии с теорией У. Штрауса и Н. Хау поколения непрерывны и проходят четыре цикла (подъем, пробуждение, спад и кризис). Учеными выявлены архетипы поколений, которые именуются пророками, странниками, героями и художниками.

П. Бергер и Т. Лукман (социальный конструктивизм) считают, что любое знание происходит и поддерживается за счет социальных интеракций. Соответственно, опыт поколений добывается совместно и является для всех общим, процесс социализации является приобщением человека к нормам старшего поколения.

1. Психологические аспекты межпоколенного педагогического взаимодействия можно связать с положениями теории социального научения А. Бандуры о педагогической возможности обучения старшим поколением младших через способность к наблюдательному научению, т. е. подражанию поведению старших, а также способность к символическому моделированию через средства культуры и коммуникации.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

По мнению Э. Эриксона, поколения проходят стадии жизненного цикла, которые наполнены кризисами. Успешное разрешение кризиса приводит к чувству продуктивности и удовлетворения жизнью, а неудача – к ощущению пустоты и бесполезности.

Л. С. Выготский говорил о зоне ближайшего развития как пространстве задач, которые ребенок способен освоить с помощью взрослых. Обучение, по его мнению, является двусторонним процессом, где не только младшие обучаются от старших, но и старшие от младших. Важным является процесс интериоризации культурного опыта поколений, преобразование внешних форм социального поведения и деятельности во внутренние структуры сознания человека в виде ценностей, традиций и норм.

Г. Тэшфел (теория социальной идентичности) считал возраст серьезным маркером, влияющим на восприятие другого («мы» – «они») и себя самого. Ученым выделен эффект положительной идентичности личности своей поколенной группы.

2. Педагогические аспекты межпоколенного взаимодействия базируются на положениях теории андрагогики М. Ноулза о самостоятельности обучения взрослых, наличии богатого жизненного опыта, сознательности обучения и потребности в практико-направленных знаниях.

Теория диалогического обучения П. Фрейре декларирует, что общение является основой образовательного процесса, а развитие критического мышления – базовой задачей. Проблемное обучение является эффективным его методом.

Культурно-историческая теория (А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин) гласит о возрастной системе деятельности: подростковый возраст – общественно полезная деятельность и общение со сверстниками, юношеский возраст – учебно-профессиональная деятельность.

3. Коммуникативные аспекты межпоколенного педагогического взаимодействия связаны с положениями концепции коммуникативных поколений У. Штрауса и Н. Хоув. Каждое поколение обладает ведущим коммуникационным каналом. Например, поколение X характеризуется линейным мышлением («письменное поколение»), поколение милениалов – образным мышлением («аудиовизуальное поколение»), зумеры – сетевым мышлением («цифровое поколение»), альфа-поколение – гибридное мышление («нейросетевое поколение»).

По мнению М. Маклюэна (теория медиаэкологии), средства массовой информации формируют реальность и восприятие мира, а средства коммуникации определяют сознание поколений. Например, поколение X предпочитает традиционные формы коммуникации, ценит конфиденциальность и личную свободу. Поколение Y – быстрые и удобные формы, ожидает быстрого ответа на сообщения. Поколение Z – визуальные формы (видео и графика), ожидает мгновенного ответа на сообщения.

Этап постпозитивизма в науке привнес не только разнообразие теоретических концепций, но и необходимость их критической оценки, позволяющей выявлять сильные стороны теории, а также формулировать направления дальнейших исследований, что в научном моменте является границами исследования. Обозначим некоторые из них.

1. Человек не единственный субъект образования. Администрация, преподавательский коллектив, студенческое сообщество тоже выступают субъектом. Кроме социальной сущности человека, существует свободное, творческое начало, которое выражается в предметно-практической деятельности человека.

Вопрос о диалоге поколений. Во-первых, для эффективного понимания между поколениями необходимо максимальное сближение ценностей, убеждений, интересов и опыта их представителей, что в условиях индивидуальных различий не просто. Во-вторых, объективно невозможно исключить властные отношения между поколениями. В-третьих, сам по себе опыт поколений сугубо субъективен, что затрудняет возможность его перевода, особенно в условиях культурных, национальных и религиозных различий.

2. Выделение границ поколений очень условно. Верифицировать данные всех поколений невозможно. Социологические теории принижают влияние возрастных кризисов на поведение поколений, обесценивают индивидуальные характеристики личности. Характер поколений рассматривается ими как статичное состояние, что исключает возможность педагогического влияния.

Игнорируются вторичные социальные и культурно-исторические факторы, такие как миграция, цифровизация, климатические изменения и др.

Идея ценностного релятивизма исключает универсальность, а значит, влияет на критерии истины. На фоне абсолютизации социальных факторов (социальный статус, знания, конфессиональные и идеологические предпочтения, стереотипы) игнорируются природные и материальные факторы (роль технологий, экономики, биологических процессов). Также вызывает вопрос циркулярность поколений, т. к. именно действующие поколения конструируют будущую

реальность, соответственно, все члены общества взаимно и обоюдно формируют поведение друг друга.

3. Информационное изобилие общества затрудняет прогноз когнитивной избирательности поколений. Исключаются феномены сознательного сопротивления образцам поведения, а также негативное отношение молодежи к авторитетам.

К сожалению, не раскрываются движущие силы переходов между стадиями развития поколений, а также пути разрешения психосоциальных конфликтов. У некоторых людей кризис происходит плавно, а временные рамки сдвигаются. Ценностные аспекты возрастного развития рассмотрены с учетом культуры западных стран.

Вызывает противоречие процесс преемственности и автономии личности, проявляющийся в феномене сепарации.

Вместе с тем приходится констатировать, что поколенная идентичность подвержена изменениям во времени. Некоторые идентичности могут конфликтовать между собой, например, в таких сферах как семья и работа. Наблюдать идентичность можно только в конкретных ситуациях.

1. Существует и ряд недостатков педагогических предпосылок межпоколенного взаимодействия, которые базируются на положениях теории андрагогики, диалогического обучения П. Фрейре, а также культурно-исторической теории А. Н. Леонтьева и Д. Б. Эльконина.

Критика положений андрагогики М. Ноулза заключается, во-первых – в преувеличении автономии обучения взрослого, ему также нужна помощь и мотивация, все – индивидуально. Во-вторых, в образовании взрослых тоже имеют место властные отношения. В-третьих, не учтен феномен эйджизма, влияние стереотипов взрослости на результаты обучения.

Диалогическая педагогика слишком идеализирует процесс педагогического общения, игнорируя иные образовательные технологии. Диалогичность взаимодействия может превратить образование в идеологическую борьбу.

Процессы глобализации позволяют людям иметь больше возможностей для межкультурного общения и обмена опытом, что расширяет границы зоны ближайшего развития. Не учитываются факторы деинституционализации образования в виде массовых открытых онлайн-курсов, а также самообразования личности.

2. Критика теории коммуникативных поколений связана с рядом методологических проблем. Во-первых, это объективное признание технологического детерминизма во всех сферах, в т. ч. в образовании. Во-вторых, переход общества и образования от письма к цифре. В-третьих, современная тенденция мультимодальности коммуникации, т. е. взаимодействие вербальных и невербальных знаков, использование различных каналов передачи и восприятия информации.

Нужно учитывать и неравномерность распределения цифровыми навыками внутри поколений, сугубо индивидуальную потребность человека в контенте, которая не связана с поколенным фактором.

Итак, проведенная нами критическая оценка существующих теорий, обеспечивающих понимание проблемы межпоколенного педагогического взаимодействия, в дальнейшем позволит нам с большей долей эффективности приступить к непосредственному исследованию проблемы.

Продолжим философский анализ *обзором методологических оснований* исследования межпоколенного педагогического взаимодействия.

Этический подход в межпоколенном педагогическом взаимодействии связан с понятием педагогической этики [13]. Предметом исследования являются нормы и правила поведения субъектов межпоколенного педагогического взаимодействия, обеспечивающих нравственный характер педагогической деятельности и взаимоотношений. Предполагаемым результатом является построение конструктивных взаимоотношений, которые способствуют развитию личности ученика и формированию чувства собственного достоинства. Данный подход базируется на применении таких методов, как теоретический анализ, метод понятийного словаря, корреляционно-регрессионный анализ, наблюдение, опрос, беседа, интервью, анкетирование, педагогический эксперимент, изучение и обобщение педагогического опыта, кейс-технологии.

Экзистенциальный подход предполагает рассмотрение взаимодействия как диалога двух событийных пространств через представителей разных поколений, где диалог проявляется в способности созидания экзистенциального опыта у субъектов межпоколенного педагогического взаимодействия [14]. Предмет исследования – субъективный опыт и смысл межпоколенного педагогического взаимодействия. Основной категорией исследования является выбор. Так, различные поколения предпочитают применение отличающихся друг от друга подходов к различным видам педагогической деятельности, избирают иные стратегии

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

и тактику педагогического взаимодействия, обладают вариативными стилями деятельности, опираются на собственные методы, технологии, способы и приемы организации взаимодействия. Данный подход предполагает применение таких методов, как феноменологический анализ, анкетирование, диагностика экзистенциальной сферы, метод поперечных срезов, педагогическое наблюдение.

Герменевтический подход заключается в глубинном понимании, проникновении в специфику мышления, чувств, переживаний субъектов межпоколенного педагогического взаимодействия [15]. Решающую роль играет обращение не столько к педагогическим фактам и явлениям (знания, умения, качества личности), сколько к причинно-следственным связям – мотивам поведения. Базируется данный подход на применении следующих методов: этимологический анализ, анализ метафор и символов, творческое моделирование, ситуационный метод, психолого-педагогическое наблюдение педагогического процесса, диалогический метод.

Системный подход заключается в рассмотрении межпоколенного педагогического взаимодействия как целостного явления [16], обладающего внутренней структурой (элементы), взаимодействием компонентов (уровни), развитием (этапы). Данный подход базируется на применении таких методов, как синтез, анализ, моделирование, прогнозирование, наблюдение, беседа, интервьюирование, анкетирование, изучение продуктов деятельности, а также метода оценивания, измерения, контроля, педагогического эксперимента.

Феноменологический подход предполагает исследование опыта субъектов межпоколенного педагогического взаимодействия [17]. Предметом анализа могут выступать различные межпоколенные педагогические феномены, такие как затрудненное общение, межпоколенные барьеры, стили межпоколенного педагогического взаимодействия, взаимопонимание, феномен отраженной субъектности и др. Феноменологический подход базируется на методах экспертного опроса, контент-анализа и проективного метода.

Антропологический подход основан на анализе человеческой природы и ее роли в межпоколенных отношениях[1]. Предметом анализа является определение поколенных различий, выявление сильных и слабых сторон поколенных групп, влияющих на организацию педагогического взаимодействия ее субъектов. Базируется он на историческом, биографическом и автобиографическом методах, казусном методе, анализе практической деятельности, методе психологического тестирования, опросах, беседах и др.

Диалогический подход предполагает рассмотрение диалога как средства взаимодействия участников образовательного процесса, направленного на поиск компромиссов [18]. Предметом анализа в рамках межпоколенного педагогического взаимодействия выступают особенности межпоколенной коммуникации, в т. ч. коммуникативные поколенные стили, предпочтения, стереотипы и др. Опирается данный подход на метод моделирования диалогических ситуаций, диалогического понимания, наблюдения, беседы, педагогического эксперимента, изучения продуктов деятельности субъектов и др.

Прагматический подход в межпоколенном педагогическом взаимодействии предполагает практическую направленность взаимодействия [19], учет интересов и опыта участников, а также использование методов, направленных на решение практических задач. К методам прагматического подхода можно отнести: сравнительно-сопоставительный анализ, концептуальный анализ, историко-педагогическое исследование, изучение педагогического опыта, эксперимент, статистические методы, психофизиологические методы.

Заключение

Таким образом, проведенный нами философский анализ позволил сформулировать следующие концептуальные выводы.

1. Исследование межпоколенного педагогического взаимодействия связано с влиянием различных антропологических, социальных, психологических, педагогических и коммуникативных факторов, учет которых позволит качественно изучить исследуемую проблему.

2. Педагогическое взаимодействие в контексте поколенной проблемы является базовым понятием. Поколение может быть рассмотрено через призму педагогического взаимодействия и трактоваться как совокупность условий образовательного процесса, как субъект, объект, барьер, ресурс, продукт, критерий педагогического взаимодействия.

3. К базовым теоретическим границам исследования проблемы межпоколенного педагогического взаимодействия можно отнести философско-антропологические теории (антропоцентризм Г. Гегеля, «слияние горизонтов» Х.-Г. Гадамера, диалог культур М. М. Бахтина и др.),

[1] См.: Минюшев Ф. И. Социальная антропология: учебное пособие. Москва : Академический проект, 2004. 288 с.

социологические теории (поколения К. Маннгейма, У. Штрауса, Н. Хау, социальный конструктивизм П. Бергера, Т. Лукмана), психологические теории (социальное научение А. Бандуры, психология развития Э. Эриксона, Л. С. Выготского, социальная идентичность Г. Тэшфела, Д. Тернера), педагогические теории (андрагогика М. Ноулза, диалогическое обучение П. Фрейре, культурно-историческая обусловленность А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина) и коммуникативные теории (коммуникативные поколения У. Штрауса, Н. Хоува, медиаэкология М. Маклюэна, Н. Постмана).

4. Общефилософскими методологическими основаниями в исследовании межпоколенного педагогического взаимодействия являются этический, экзистенциальный, герменевтический, системный, феноменологический, антропологический, диалогический, прагматический подходы. В свою очередь подходы обуславливают предмет, цель и методы исследования.

5. Проведенный критический анализ теоретико-методологических основ межпоколенного педагогического взаимодействия позволил сформулировать возможные ограничения в его исследовании, которые относятся к онтологическому (утопичность равноправия, влияние индивидуальных и возрастных факторов), гносеологическому (интерпретационная сложность опыта, условность поколенных границ, слабая эмпирическая верификация теоретических положений, изменчивость поколенной идентичности личности), аксиологическому (ценностный релятивизм, индивидуально обусловленная потребность в контенте, субъективность опыта, информационное изобилие) и праксеологическому (многосубъектность взаимодействия, неравномерность распределения цифровыми навыками внутри поколений, стереотипность поведения) уровням.

6. Выявленные философские основания могут быть применены в организации образовательной деятельности в военных образовательных организациях, а также в боевой и военно-политической подготовке личного состава воинских частей (подразделений). Так, проведенный философский анализ позволяет формулировать концептуальные положения взаимодействия с личным составом: культурно-историческая обусловленность поведения подчиненного (преемственность: семья, детский сад, школа, близкое окружение), формирование понимания через взаимодействие опыта (развитие происходит в тесном контакте разнонаправленного опыта, необходимость равномерного распределения личного состава по возрастному цензу), поколенное разнообразие (каждое поколение имеет сильные и слабые индивидуальные особенности, его умелое применение при выполнении различных задач), наблюдательное научение (применение демонстрационных методов обучения и воспитания), использование зоны ближайшего развития (обучение подчиненных на ступень выше занимаемой должности), формирование положительной идентичности (развитие чувства принадлежности к воинской среде и традициям), межпоколенное общение (создание ситуаций диалога поколений), вовлечение в совместную общественно-полезную деятельность (возложение венков, отдание воинских почестей, участие в парадах, шефство над ветеранами), учет особенностей поколенной коммуникации (применение форм, методов, средств обучения и воспитания в соответствии с ведущим коммуникационным каналом поколений).

Представленные нами выводы станут опорой и будут применены при планировании дальнейшей исследовательской деятельности в изучении проблемы межпоколенного педагогического взаимодействия. Так, в контексте выявленных противоречий, например, стоит верифицировать основные сферы конфликтов, понять, какие именно аспекты общения чаще всего приводят к конфликтам, и наоборот – становятся условиями развития.

Вместе с этим стоит проверить гипотезы о стилях взаимодействия: действительно ли представители разных поколений склонны выбирать определенные стили или в этом нет строгой закономерности.

Неплохо было бы оценить влияние ценностных расхождений: действительно ли разрыв в базовых установках затрудняет процесс коммуникации, и многое др.

Список источников

1. *Суртаева Н. Н.* Изменения структуры и содержания межпоколенного взаимодействия в условиях трансформации социокультурного пространства // Специфика педагогического образования в регионах России. 2024. № 1 (17). С. 29–31.

2. *Никонова Э. И.* Потребность пожилых людей современного российского общества в социальной защите: социологический анализ // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4 (150). С. 234–242.

3. *Лаптева И. П., Гришина Е. Н.* Проблемы и перспективы роста ожидаемой продолжительности жизни населения России // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 29–38. https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-494-12-29-38

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

4. *Кущева Н. Б., Терехова В. И.* Концепция непрерывного образования взрослых как социальный институт инноваций // Мир науки : [сетевое издание]. 2016. Т. 4, № 3. URL: 3 http://mir-nauki.com/PDF/21PDMN316.pdf.

5. *Преснякова В. В., Чеджемов Г. А.* Проблема преемственности поколений как основа процесса социализации российской молодежи / Российская наука: актуальные исследования и разработки : сборник научный статей III Всероссийской заочной научно-практической конференции : в 2 ч., г. Самара, 17 марта 2017 г. Самара : Самарский государственный экономический университет, 2017. Ч. 1. С. 176–179.

6. *Ярычев Н. У.* Межпоколенческое взаимодействие как социальный процесс // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-4. С. 884–890.

7. *Тращенкова С. А.* Развитие субъектов межпоколенных отношений как творческих индивидуальностей // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 328–330.

8. *Гаврилова А. В.* Факторы, определяющие отношения участников межпоколенного педагогического взаимодействия // Северо-Кавказский психологический вестник. 2016. Т. 14, № 1. С. 5–9.

9. *Пузиков В. Г.* Философские методы в научном исследовании // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 2 (20). С. 36–42.

10. *Худякова Н. Л.* Социально-философский анализ как метод социально-философского исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 10 (504). С. 51–57. https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-504-10-51-57

11. *Новикова В. С.* Теоретико-методологические подходы к исследованию поколений: сравнительный анализ // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 128–143. https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-128-143

12. *Князева А. С.* Структурный состав педагогического взаимодействия субъектов образовательного процесса // Kant. 2018. № 2 (27). С. 83–88.

13. *Пушина Л. Ю.* Ответственность в межпоколенных отношениях: историческая динамика // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 3 (15). С. 60–63.

14. *Исаев Е. А.* Межпоколенное взаимодействие в системе факторов экзистенционального самоопределения будущего учителя // Московский педагогический журнал. 2025. № 3. С. 102–111. https://doi.org/10.18384/2949-4974-2025-3-102–111

15. *Омарова Л. Б.* Межпоколенный дискурс в обществе постмодерна // Общество: философия, история, культура. 2023. № 8 (112). С. 76–82. https://doi.org/10.24158/fik.2023.8.10

16. *Садыкова Х. Н.* Системный анализ межпоколенческих взаимодействий // Современные проблемы науки и образования : [сетевое издание]. 2015. № 1-2. С. 209. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=20225.

17. *Агафонов Г. Ю.* Феноменология социально-психологических барьеров в межпоколенных взаимоотношениях в семье // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 244–247.

18. *Юринова Е. А., Бырдина О. Г., Долженко С. Г.* Модель формирования поликультурной компетентности будущих педагогов на основе межэтнического и межпоколенного взаимодействия в условиях поликультурной образовательной среды // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2025. Т. 15, № 2. С. 207–227. https://doi.org/10.15293/2658-6762.2502.10

19. *Бурмыкина О. Н.* Тенденции изменений межпоколенных семейных отношений // Петербургская социология сегодня. 2019. № 12. С. 134–153. https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-12.37dm-dk27

References

1. *Surtaeva N. N.* Izmeneniya struktury i soderzhaniya mezhpokolennogo vzaimodejstviya v usloviyah transformacii sociokul'turnogo prostranstva // Specifika pedagogicheskogo obrazovaniya v regionah Rossii. 2024. № 1 (17). S. 29–31.

2. *Nikonova E. I.* Potrebnost' pozhilyh lyudej sovremennogo rossijskogo obshchestva v social'noj zashchite: sociologicheskij analiz // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2008. № 4 (150). S. 234–242.

3. *Lapteva I. P., Grishina E. N.* Problemy i perspektivy rosta ozhidaemoj prodolzhitel'nosti zhizni naseleniya Rossii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 12 (494). S. 29–38. https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-494-12-29-38

4. *Kushcheva N. B., Terekhova V. I.* Koncepciya nepreryvnogo obrazovaniya vzroslyh kak social'nyj institut innovacij // Mir nauki : [setevoe izdanie]. 2016. T. 4, № 3. URL: 3 http://mir-nauki.com/PDF/21PDMN316.pdf.

5. *Presnyakova V. V., Chedzhemov G. A.* Problema preemstvennosti pokolenij kak osnova processa socializacii rossijskoj molodezhi / Rossijskaya nauka: aktual'nye issledovaniya i razrabotki : sbornik nauchnyj statej III Vserossijskoj zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2 ch., g. Samara, 17 marta 2017 g. Samara : Samarskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet, 2017. Ch. 1. S. 176–179.

6. *Yarychev N. U.* Mezhpokolencheskoe vzaimodejstvie kak social'nyj process // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 2-4. S. 884–890.

7. *Trashchenkova S. A.* Razvitie sub"ektov mezhpokolennyh otnoshenij kak tvorcheskih individual'nostej // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2018. № 6 (73). S. 328–330.

8. *Gavrilova A. V.* Faktory, opredelyayushchie otnosheniya uchastnikov mezhpokolennogo pedagogicheskogo vzaimodejstviya // Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik. 2016. T. 14, № 1. S. 5–9.

9. *Puzikov V. G.* Filosofskie metody v nauchnom issledovanii // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. 2015. № 2 (20). S. 36–42.

10. *Hudyakova N. L.* Social'no-filosofskij analiz kak metod social'no-filosofskogo issledovaniya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. № 10 (504). S. 51–57. https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-504-10-51-57

11. *Novikova V. S.* Teoretiko-metodologicheskie podhody k issledovaniyu pokolenij: sravnitel'nyj analiz // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2024. T. 16, № 4. S. 128–143. https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-128-143

12. *Knyazeva A. S.* Strukturnyj sostav pedagogicheskogo vzaimodejstviya sub"ektov obrazovatel'nogo processa // Kant. 2018. № 2 (27). S. 83–88.

13. *Pushina L. Yu.* Otvetstvennost' v mezhpokolennyh otnosheniyah: istoricheskaya dinamika // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. 2009. № 3 (15). S. 60–63.

14. *Isaev E. A.* Mezhpokolennoe vzaimodejstvie v sisteme faktorov ekzistencional'nogo samoopredeleniya budushchego uchitelya // Moskovskij pedagogicheskij zhurnal. 2025. № 3. S. 102–111. https://doi.org/10.18384/2949-4974-2025-3-102–111

15. *Omarova L. B.* Mezhpokolennyj diskurs v obshchestve postmoderna // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2023. № 8 (112). S. 76–82. https://doi.org/10.24158/fik.2023.8.10

16. *Sadykova H. N.* Sistemnyj analiz mezhpokolencheskih vzaimodejstvij // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya : [setevoe izdanie]. 2015. № 1-2. S. 209. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=20225.

17. *Agafonov G. Yu.* Fenomenologiya social'no-psihologicheskih bar'erov v mezhpokolennyh vzaimootnosheniyah v sem'e // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya. 2017. T. 6, № 1 (18). S. 244–247.

18. *Yurinova E. A., Byrdina O. G., Dolzhenko S. G.* Model' formirovaniya polikul'turnoj kompetentnosti budushchih pedagogov na osnove mezhetnicheskogo i mezhpokolennogo vzaimodejstviya v usloviyah polikul'turnoj obrazovatel'noj sredy // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2025. T. 15, № 2. S. 207–227. https://doi.org/10.15293/2658-6762.2502.10

19. *Burmykina O. N.* Tendencii izmenenij mezhpokolennyh semejnyh otnoshenij // Peterburgskaya sociologiya segodnya. 2019. № 12. S. 134–153. https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-12.37dm-dk27

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 378.147

Интерактивные лекции как средство активизации познавательной активности курсантов

Юрий Дмитриевич Верхотурцев, адъюнкт

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
Саратов (410012, ул. Московская, д. 158), Российская Федерация
uryy4891@mail.ru
https://orcid.org/0009-0009-5165-4294

Аннотация:
Введение. *Современная высшая военная школа сталкивается с необходимостью преодоления кризиса традиционных форм обучения, в частности, проведения лекционных занятий, которые характеризуются пассивностью обучающихся, снижением концентрации внимания и недостаточной глубиной усвоения материала. В условиях цифровизации и изменения когнитивных паттернов современной молодежи возникает потребность в педагогических методах, способных трансформировать процесс передачи знаний в активный диалог. Интерактивные лекции, предполагающие вовлечение аудитории через дискуссии, визуализацию, системы мгновенного опроса и анализ кейсов рассматриваются как перспективный ответ на эти вызовы, однако их эффективность требует эмпирического подтверждения и детального методического обоснования. Целью исследования является экспериментальная оценка влияния интерактивных лекций на уровень познавательной активности курсантов по сравнению с традиционным лекционным форматом.* **Гипотеза.** *Основная гипотеза исследования состоит в том, что использование интерактивных методов проведения лекций приводит к статистически значимому повышению уровня интереса, понимания материала, активности, концентрации внимания и общего интереса к учебной дисциплине у курсантов по сравнению с традиционным лекционным форматом.* **Материалы и методы.** *Для проверки гипотезы был проведен квазиэксперимент с участием двух рот 4-го курса. Общий объем выборки составил 135 человек. Исследование применяло внутригрупповой кроссоверный дизайн. Каждая рота последовательно прослушала две тематические лекции – одну в традиционном, другую в интерактивном формате, с изменением порядка форматов между ними. Сразу после*

Ключевые слова:
интерактивная лекция, качество подготовки, курсанты, активное обучение, образовательная среда, эффективность обучения

Для цитирования:
Верхотурцев Ю. Д. Интерактивные лекции как средство активизации познавательной активности курсантов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 265–274.

© Верхотурцев Ю. Д., 2026

каждой лекции проводился анонимный опрос по пяти ключевым параметрам с использованием пятибалльной шкалы Лайкерта. Для анализа внутригрупповых изменений применялся парный критерий Уилкоксона, для межгрупповых сравнений – критерий Манна – Уитни, одновыборочный критерий Колмогорова – Смирнова для оценки нормальности распределения оценок после интерактивной лекции. **Результаты.** *Полученные результаты показали, что интерактивный формат лекции обеспечивает статистически значимое ($p < 0,001$) повышение субъективных оценок курсантов по всем измеряемым параметрам в обеих ротах. Медианные значения возросли с 1,0–3,0 баллов при традиционном формате подачи лекционного материала, до 4,0–5,0 баллов при использовании интерактивной лекции. В то же время межгрупповой анализ выявил любопытную закономерность: если после традиционных лекций между ротами наблюдались статистически значимые различия по всем параметрам ($p < 0,05$), то после интерактивных лекций эти различия практически исчезали, за исключением показателя «концентрация внимания» ($p = 0,032$). Последнее, по-видимому, связано с эффектом последовательности предъявления материала.* **Выводы.** *Интерактивный формат проведения лекционных занятий выступает эффективным педагогическим инструментом трансформации пассивного восприятия информации в активный познавательный диалог и одновременно средством снижения зависимости образовательного результата от конъюнктурных групповых факторов. Полученные данные обосновывают целесообразность системного внедрения интерактивных методик в лекционную практику высшей школы при условии методической подготовки преподавателей и адаптации содержания материала.*

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 31.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

Original article

Interactive lectures as a means of activating cadet cognitive activityy

Yurii D. Verkhoturtsev, Postgraduate

Saratov military Order of Zhukov Red Bannerorder Institute of National Guard Troops of the Russian Federation
158, Moskovskaya str., Saratov, 410012, Russian Federation
uryy4891@mail.ru
https://orcid.org/0009-0009-5165-4294

Abstract:
Introduction. *Higher military education today must address the crisis of traditional lecture formats characterised by learner passivity, reduced attention, and shallow knowledge acquisition. In the context of digitalisation and changing cognitive patterns among modern students, there is a need for pedagogical methods that transform knowledge transmission into active dialogue. Interactive lectures - incorporating discussion, visualisation, instant polling, and case studies - offer a promising response to these challenges, though their effectiveness requires empirical validation and thorough methodological support.* **Objective.** *This study aims to experimentally assess the impact of interactive lectures on cadets' level of cognitive engagement compared to the traditional lecture format. Hypothesis. Interactive lectures are expected to produce statistically significant improvements in cadets' interest, understanding, participation, attention, and overall course engagement compared to traditional lectures.* **Materials and methods.** *A quasi-experiment was conducted with two fourth-year companies (N = 135) using a within-subjects crossover design. Each company attended two lectures – one traditional, one interactive – with order counterbalanced. An anonymous survey with five Likert-scale items was conducted immediately after each lecture. Within-group changes were analysed using the Wilcoxon test, between-group comparisons using the Mann – Whitney U test. The Kolmogorov-Smirnov one-sample test was used to evaluate the normality of the distribution of scores obtained after the interactive lecture.* **Results.** *The findings indicate that the interactive lecture format was associated with a statistically significant ($p < 0.001$) increase in cadets' subjective evaluations across all five measured dimensions in both companies. Median scores ranged from 1.0 to 3.0 under the traditional lecture format, compared to 4.0 to 5.0 under the interactive format. Between group comparisons revealed a notable pattern: while significant intergroup differences emerged across all parameters following the traditional lectures ($p < 0.05$), these differences were largely eliminated following the interactive lectures, with the exception of the 'concentration' measure ($p = 0.032$). This latter finding is likely*

Keywords:
interactive lecture, training quality, cadets, active learning, educational environment, learning effectiveness

For citation:
Verkhoturtsev Yu. D. IInteractive lectures as a means of activating cadet cognitive activity // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 265–274.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

a consequence of the presentation sequence order effect. **Conclusion.** *The interactive lecture format proves to be a valuable pedagogical means of transforming the learning process from passive reception into active cognitive engagement, while also serving to mitigate the influence of incidental group factors on educational outcomes. The results provide a strong basis for the systematic adoption of interactive methodologies in higher education lecture practice, provided that instructors receive methodological training and content is appropriately adapted.*

**The article was submitted February 25, 2026;
approved after reviewing July 31, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Подготовка офицеров для войск национальной гвардии представляет собой сложный и многоуровневый процесс, который требует от выпускников не только глубоких знаний нормативной базы и тактико-специальных навыков, но и способности эффективно взаимодействовать с коллегами в условиях строгой дисциплины. Военное образование в системе Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия) призвано решать специфические задачи, связанные с формированием у курсанта тех качеств, которые необходимы для принятия обоснованных и взвешенных решений в условиях быстро меняющейся оперативной обстановки. Это включает в себя как управление подчиненными, так и возможность самостоятельных действий в нестандартных ситуациях, когда требуются оперативное реагирование и высокая степень ответственности.

Эффективность подготовки офицеров напрямую зависит от качества учебного процесса, в рамках которого лекционные занятия занимают центральное место. Они закладывают теоретический фундамент, необходимый для профессиональной подготовки будущих офицеров, и являются важной частью образовательной программы. В условиях динамично меняющейся оперативной обстановки в стране, а также новых вызовов, с которыми сталкивается государство, вопрос повышения уровня военного образования становится особенно актуальным [1]. В современном мире безопасность государства определяется не только наличием современного вооружения и техники, но и в первую очередь уровнем подготовки военнослужащих, их способностью быстро и эффективно реагировать на возникающие угрозы.

Ранее проведенные исследования подтвердили важность использования активных и интерактивных методов обучения для повышения эффективности подготовки высококвалифицированных специалистов. Например, работы как отечественных авторов [2; 3], так и зарубежных исследователей [4; 5] показывают положительное влияние интерактивных методик на качество усвоения учебного материала, развитие творческих способностей у курсантов и повышение их мотивации к обучению. Однако большинство проведенных исследований сосредоточено на анализе применения интерактивных технологий в рамках семинарских и практических занятий, в то время как важность использования интерактивных лекций остается практически незамеченной.

Лишь некоторые публикации обращаются к отдельным аспектам применения интерактивных методов на лекционных занятиях. Особенно слабо изучено использование таких подходов в специфической среде военных образовательных организаций высшего образования. В связи с этим наше исследование продолжает линию научных изысканий, акцентируя внимание на применении интерактивных технологий в высшем образовании, расширяя фокус на интегрированную оценку влияния интерактивных лекций на образовательные достижения и удовлетворенность обучающихся [6]. Лекции призваны закладывать фундамент теоретической подготовки курсантов и предоставлять им систематизированные научные знания по соответствующей дисциплине [7]. Исходя из этого, основная гипотеза заключается в том, что интерактивные лекции приводят к статистически значимому повышению уровня интереса, понимания, активности, концентрации внимания и интереса к учебной дисциплине у курсантов по сравнению с традиционными лекциями. Дополнительная гипотеза предполагает, что положительный эффект интерактивного формата является устойчивым и воспроизводимым в разных учебных группах. Целью настоящего исследования является экспериментальная проверка гипотезы о влиянии интерактивного формата лекции на параметры познавательной активности курсантов. Исследование базируется на квазиэкспериментальном кроссоверном дизайне, снижающем влияние индивидуальных различий и специфики учебного материала.

Гипотезы и цели исследования формировались на основе концепции активного обучения и классической теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [8]. Ее авторы полагают, что наилучшим способом приобретения знаний и навыков является активная позиция

индивида, принимающего непосредственное участие в своем развитии, самопостроении и самоуправлении [9, с. 90]. Согласно этому подходу, эффективное функционирование личности обеспечивается удовлетворением трех базовых потребностей – в автономии, компетентности и связанности, что в свою очередь трансформирует внешнюю (уставную) мотивацию курсантов во внутреннюю (познавательную) и ведет к повышению когнитивной активности и глубине семантической переработки информации [8, с. 228]. Этот механизм согласуется с принципами проблемного обучения, заложенными в классических трудах М. И. Махмутова. Как отмечал ученый, проблемное обучение обеспечивает «усвоение не только результатов научного познания, но и самого пути, процесса получения этих результатов, оно включает еще и формирование познавательной самостоятельности обучающегося и развитие его творческих способностей (помимо овладения системой знаний, умений и навыков и формирования мировоззрения). Здесь акцент делается на развитие мышления» [10, с. 296]. В контексте современного военного образования эти положения находят подтверждение в исследованиях активных методов подготовки курсантов [11; 12].

Интеграция интерактивных лекций в учебный процесс, как показано в работе Л. Н. Аблаевой, усиливает мотивацию курсантов, развивает навыки критического мышления и повышает глубину усвоения материала [13, с. 37]. Т. А. Борзова подчеркивает, что высокий уровень позитивной мотивации позволяет обучающимся преодолевать трудности и компенсировать недостаток способностей и активно стремиться к достижению успеха [14, с. 12].

Е. И. Романюкова, рассматривая проблему применения интерактивных методов обучения, акцентирует внимание на том, что они позволяют решать разнообразные задачи, такие как формирование интереса к изучаемой дисциплине; повышение эффективности процесса понимания, усвоения и творческого применения знаний; развития способности самостоятельно искать пути решения задачи (проблемы); учиться уважать мнение товарищей, проявляя терпимость к любой точке зрения; развивать навыки руководителя. Кроме того, как отмечает автор, применение интерактивных методов обучения в ходе занятий не всегда требует от преподавателя больших материальных или организационных затрат [15, с. 80–81].

А. К. Быков выделяет пять основных групп педагогических приемов, которые способствуют активизации познавательной деятельности курсантов на лекции в военной образовательной организации высшего образования. Первая группа включает приемы, способствующие возникновению проблемной ситуации на лекции. Вторая группа направлена на повышение познавательного интереса курсантов к излагаемому материалу, привлекая к нему внимание. Третья группа включает приемы привлечения преподавателем к себе и своей речи. Четвертая связана с актуализацией мотивации курсантов к изучению учебного материала при проведении вступительной, основной и заключительной части лекции. Пятая касается приемов, относящихся к культуре речи [11, с. 366]. В условиях военной образовательной организации эти приемы представляют собой совокупность методологических инструментов, помогающих преподавателям достигать лучших результатов в обучении курсантов.

Как отмечается в современных исследованиях, профессиональная компетентность педагога является интегративной, многоуровневой и динамической характеристикой личности, объединяющей глубокие предметные знания, практические умения, коммуникативные навыки и профессионально значимые личностные качества [16]. Это означает постоянное внедрение новых методик преподавания, использование интерактивных технологий и создание условий для активного вовлечения курсантов в учебный процесс. Преподаватель перестает быть исключительно источником информации и становится скорее наставником, стимулирующим критическое мышление и самостоятельность курсантов. Такой подход кардинально отличается от авторитарных моделей, преобладающих в учреждениях Росгвардии. Вместо простого воспроизводства информации преподавателям необходимо организовать процесс так, чтобы на всех видах занятий (включая лекции), курсанты сами искали ответы на вопросы, учились рассуждать и выстраивать стратегии действий [17].

В настоящем исследовании ставится задача эмпирически обосновать эффективность применения интерактивных методов обучения в военной образовательной организации. В частности, предстоит выяснить, как внедрение интерактивных форм занятий влияет на мотивацию, уровень освоения материала, концентрацию внимания и активность курсантов. Эмпирический этап исследования позволит получить объективные данные и сделать практические выводы о перспективах развития образовательных технологий в условиях современного военного образования.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Методы

Участники исследования. В исследовании приняли участие 135 курсантов 4-го курса, обучающихся по одной образовательной программе в Саратовском военном ордена Жукова Краснознаменном институте войск национальной гвардии. Средний возраст участников составил 21,2 года (SD = 1,1). На курсе две роты, условно введем названия для них – «первая» и «вторая». В первой роте численность респондентов 69 человек, во второй – 66 человек. В выборку вошли только те курсанты, которые посетили обе экспериментальные лекции (традиционную и интерактивную) в своей группе. Курсанты, которые не присутствовали хотя бы на одной из них, исключались из анализа. Все участники добровольно согласились на участие в исследовании после информирования о его целях и процедуре. Гарантировалась полная анонимность и конфиденциальность данных. Для минимизации эффекта социально желательных ответов опрос проводился в отсутствие непосредственных командиров и преподавателя сразу после лекций.

Дизайн и процедура исследования. Исследование проводилось на кафедре педагогики и психологии в рамках изучения дисциплины «Политическая работа». Каждая группа прослушала две тематические лекции (темы по данной дисциплине $^{2}/_{1}$ и $^{3}/_{1}$), но в разной последовательности форматов. Первая рота слушала тему по дисциплине $^{2}/_{1}$ традиционным способом, а тему $^{3}/_{1}$ с использованием интерактивных методов. Вторая рота слушала тему лекции $^{2}/_{1}$ с использованием интерактивных методов, а затем тему $^{3}/_{1}$ традиционным способом. Для минимизации влияния содержательного фактора были отобраны две темы, которые являются базовыми, равнозначными модулями рабочей программы дисциплины: они сопоставимы по объему аудиторных часов, уровню дидактических целей и профессиональной значимости для формируемых компетенций. Таким образом, каждая группа выступала экспериментальной и контрольной для себя самой на разных этапах – методологически сильный прием для установления причинно-следственных связей.

Содержательное наполнение форматов. Традиционная лекция проводилась в формате монолога преподавателя с использованием презентации PowerPoint. Коммуникация была преимущественно односторонней, вопросы от курсантов принимались только в конце занятия.

Интерактивная лекция по тем же темам включала проблемный вопрос для стартовой дискуссии, использование запланированных ошибок в лекции, разбор мини-кейса в малых группах (3–4 человека) с последующим кратким представлением решений, анонимную формулировку самого непонятного момента темы на листах.

Сразу после окончания каждой лекции (в течение 5–7 мин.) курсанты заполняли идентичные опросники на бумажном носителе. Опросник включал пять вопросов, оцениваемых по пятибалльной шкале Лайкерта (где 1 – полностью не согласен, 5 – полностью согласен). Вопросы анкеты:

1. Была ли сама лекция интересна?
2. Насколько хорошо вам было понятно содержание лекции?
3. Какова была ваша активность во время лекции?
4. Оцените утверждение: «Интерес к предмету после проведенной лекции у вас повысился».
5. Во время прочтения лекции вы были полностью сконцентрированы на материале, который до вас доводил преподаватель?

Методы анализа данных. Первичная обработка данных проводилась в программе IBM SPSS Statistics 23. Для оценки нормальности распределения оценок по совокупной выборке (N = 135) применялся одновыборочный критерий Колмогорова – Смирнова. Поскольку распределение значимо отличалось от нормального ($p < 0,001$ по всем параметрам), для дальнейшего анализа использовались непараметрические методы. В связи с этим в таблице 1 в качестве мер центральной тенденции и разброса вместо среднего арифметического (M) и стандартного отклонения (SD) представлены медиана (Me) и интерквартильный размах (IQR).

Для выявления статистически значимых внутригрупповых изменений (сравнение оценок одних и тех же курсантов после традиционной и интерактивной лекций) применялся парный критерий Уилкоксона.

U-критерий Манна – Уитни использовался для сравнения средних рангов оценок между первой и второй ротами отдельно после традиционных и после интерактивных лекций. В результате проверено, был ли эффект от формата зависим от особенностей роты или последовательности предъявления.

Уровень статистической значимости (α) был установлен на уровне 0,05. В результатах для p-значений ниже 0,001 указано «$p < 0,001$».

Результаты

Описательная статистика и проверка нормальности распределения. Совокупные данные по всем оценкам, полученным после интерактивных и традиционных лекций в обеих группах, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Описательная статистика оценок курсантов после лекций

Table 1

Descriptive statistics of post-lecture cadet ratings

Параметр	Группа 1		Группа 2	
	Традиционная (Me; IQR)	Интерактивная (Me; IQR)	Интерактивная (Me; IQR)	Традиционная (Me; IQR)
Интерес к лекции	2,0 (2,0; 3,0)	5,0 (4,0; 5,0)	4,0 (4,0; 5,0)	3,0 (2,0; 3,0)
Понимание материала	2,0 (2,0; 3,0)	5,0 (4,0; 5,0)	5,0 (4,0; 5,0)	3,0 (2,0; 3,0)
Активность	1,0 (1,0; 2,0)	4,0 (4,0; 5,0)	4,0 (3,0; 5,0)	2,0 (2,0; 3,0)
Повышение интереса к предмету	2,0 (2,0; 2,0)	4,0 (4,0; 5,0)	4,0 (4,0; 5,0)	2,0 (2,0; 3,0)
Концентрация внимания	2,0 (1,0; 2,0)	5,0 (4,0; 5,0)	4,5 (4,0; 5,0)	2,5 (2,0; 3,0)

Примечание – Me – медиана, IQR – интерквартильный размах (25-й – 75-й перцентили).

Как видно, медианные значения по всем параметрам находятся в основном на уровне 4,0 или 5,0 баллов по пятибалльной шкале после интерактивных лекций, тогда как после традиционных лекций медианы составляют 1,0–3,0 балла. Данный визуальный сдвиг указывает на существенное влияние формата лекции на субъективные оценки курсантов.

Результаты одновыборочного критерия Колмогорова–Смирнова (таблица 2) подтвердили, что распределение оценок по каждому параметру значимо отличается от нормального ($p < 0,001$).

Таблица 2

Описательная статистика оценок курсантов после интерактивных лекций (совокупная выборка, N = 135)

Table 2

Descriptive statistics of post-interactive lecture ratings (N = 135)

Параметр	Статистика Колмогорова – Смирнова	Асимптотическая значимость (двусторонняя)
Интерес к лекции	0,204	0,000
Понимание материала	0,202	0,000
Активность	0,237	0,000
Повышение интереса к предмету	0,224	0,000
Концентрация внимания	0,198	0,000

Примечание – Проверка проведена для совокупной выборки оценок после интерактивных лекций N = 135).

Внутригрупповой анализ (парный критерий Уилкоксона). Результаты сравнения оценок внутри рот при смене формата лекции представлены в таблице 3.

Во всех без исключения случаях переход от традиционного формата к интерактивному сопровождался статистически значимым сдвигом в сторону более высоких оценок ($p < 0,001$), однако сила этого эффекта варьировалась в зависимости от группы. В первой роте, которая

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

состояла из 69 пар наблюдений, где курсанты сначала прослушали традиционную лекцию, а затем интерактивную, значения Z-критерия были выше, чем во второй роте, которая состояла из 66 пар наблюдений, где порядок лекций был изменен (сначала интерактивная, затем традиционная).

Несмотря на эти изменения, интерактивный формат лекции по отношению к обычной в целом оценивался выше, независимо от порядка их проведения.

Таблица 3

Сравнение оценок внутри групп при смене формата лекции
(парный критерий Уилкоксона)

Table 3

Within-group comparisons by lecture format
(Wilcoxon test)

Параметр	**Группа 1 (Традиционная → Интерактивная, N = 69)**	**Группа 2 (Интерактивная → Традиционная, N = 66)**
Интерес к лекции	Z = -7,21, p < 0,001	Z = -6,32, p < 0,001
Понимание материала	Z = -7,31, p < 0,001	Z = -6,17, p < 0,001
Активность	Z = -7,07, p < 0,001	Z = -6,02, p < 0,001
Повышение интереса к предмету	Z = -7,29, p < 0,001	Z = -6,28, p < 0,001
Концентрация внимания	Z = -7,25, p < 0,001	Z = -6,14, p < 0,001
Примечание – Для всех сравнений p < 0,001.		

Межгрупповой анализ (U-критерий Манна – Уитни). Для более детального анализа влияния последовательности форматов лекций и особенностей групп было проведено сравнение оценок между первой и второй ротами на двух этапах: 1) после традиционной лекции; 2) после интерактивной лекции.

1. Сравнение после традиционных лекций. В результате этого сравнения было выявлено статистически значимое различие между группой, которая слушала традиционную лекцию первой (первая рота, тема 2/1), и группой, которая слушала традиционную лекцию второй (вторая рота, тема 3/1). Это различие было значимым по всем пяти параметрам, что подтверждается показателями p < 0,01.

2. Сравнение после интерактивных лекций. Сравнение оценок, полученных после интерактивных лекций (первая рота, тема 3/1 и вторая рота, тема 2/1), не показало значимых межгрупповых различий по четырем параметрам, за исключением параметра «концентрация внимания». По этому параметру зафиксировано статистически значимое различие между группами (p = 0,032).

Внутригрупповой анализ подтвердил статистически значимый положительный эффект интерактивного формата по всем параметрам. Вместе с тем обнаружены устойчивые различия между группами после традиционных лекций, а также различие по концентрации внимания после интерактивных лекций, что указывает на влияние внутренней атмосферы в подразделении или последовательности предъявления материала.

Обсуждение

Полученные данные подтверждают основную гипотезу исследования, что использование интерактивных методов проведения лекций приводит к статистически значимому повышению уровня интереса, понимания материала, активности, концентрации внимания и общего интереса к учебной дисциплине у курсантов по сравнению с традиционным лекционным форматом. Об этом свидетельствует сдвиг медианной оценки от 1,0–3,0 при обычном формате подачи лекционного материала в сторону 4,0–5,0 баллов при проведении лекции в интерактивном формате.

Убедительным доказательством эффективности интерактивного формата служит также устойчивость выявленного эффекта вне зависимости от последовательности подачи материала. Первая рота, начинавшая с традиционной лекции, продемонстрировала максимальные значения Z-критерия (до -7,31 по параметру «понимание материала»). Вторая рота, для которой

интерактивная лекция стояла первой в расписании, показала несколько более скромные, но по-прежнему высокие результаты (Z от -6,02 до -6,32). Тот факт, что разница в силе эффекта между ротами не отменяет его статистической значимости ни в одном из попарных сравнений, позволяет говорить о воспроизводимости результата, а это один из ключевых критериев достоверности в эксперименте.

Полученные данные хорошо согласуются с теорией самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [8]. Включение курсантов в активную стартовую дискуссию, использование запланированных ошибок в лекции, разбор мини-кейса в малых группах фактически создали условия для удовлетворения трех базовых психологических потребностей, от которых зависит внутренняя мотивация. Именно это, на наш взгляд, объясняет резкий скачок медианных оценок в зону 4,0–5,0 баллов. Этот результат согласуется с выводами М. И. Махмутова, обосновавшего превосходство проблемного обучения по сравнению с традиционным подходом [10, с. 296].

Межгрупповой анализ, проведенный в рамках данного исследования, заслуживает особого внимания, поскольку он выявил значительный методический эффект. После традиционных лекций оценки двух рот значимо различались по всем пяти параметрам ($p < 0,05$), что указывает на существование исходных различий в восприятии учебного процесса между группами. Подобные различия могут быть обусловлены различными факторами, такими как групповая динамика, временные аспекты или другие переменные, которые не были учтены в ходе исследования. Однако когда мы перешли к интерактивному формату проведения лекций, различия между ротами значительно сократились, и это произошло по четырем из пяти параметров. Единственный параметр, по которому различие между ротами сохранилось даже после интерактивной лекции – это «концентрация внимания» ($p = 0,032$). Мы полагаем, что именно этот параметр оказался наиболее чувствительным к содержательным особенностям рассматриваемой темы и (или) к уровню усталости курсантов.

Отсутствие значимых межгрупповых различий после интерактивных лекций представляет собой важный методический вывод, который согласуется с результатами предшествующих исследований. Эти исследования подчеркивают значимость диалога и активной позиции обучающегося в процессе усвоения лекционного материала [18].

Результаты проведенного исследования обладают как теоретической, так и практической значимостью.

На теоретическом уровне данная работа вносит важный вклад в развитие доказательной педагогики, предоставляя количественные данные, которые подтверждают эффективность применения интерактивных методов обучения в контексте военного образования. Это особенно важно с учетом специфики военной подготовки, где необходимо учитывать различные аспекты взаимодействия и обучения курсантов. Эмпирически подтвержденный нивелирующий эффект, наблюдаемый при использовании интерактивных лекций, может рассматриваться как одно из ключевых педагогических условий, способствующих стабилизации образовательной среды в разнородных курсантских подразделениях. С практической точки зрения результаты исследования предоставляют преподавателям высшей военной школы конкретные ориентиры для работы. В первую очередь они подчеркивают приоритет интерактивного формата обучения. Это означает, что даже частичное внедрение интерактивности в образовательный процесс может привести к положительному эффекту. Результаты исследования подчеркивают необходимость системного, а не эпизодического внедрения интерактивных методик в образовательный процесс, т. е. для достижения устойчивых результатов преподаватели должны интегрировать интерактивные методы в свою повседневную практику, а не использовать их время от времени. Результаты данного исследования могут стать основой для дальнейших разработок в области военного образования и повышения его эффективности.

В рамках данного исследования существует ряд ограничений, которые следует учитывать при интерпретации его результатов. Прежде всего стоит обратить внимание на методологические аспекты, которые могут повлиять на надежность выводов. Одним из основных моментов является то, что при предварительном отборе тем лекций, которые были равнозначны по объему и дидактическим целям, в дизайне исследования не был предусмотрен строгий статистический контроль. Это значит, что влияние конкретной темы лекции как ковариаты не было учтено. Кроме того, стоит отметить, что исследование в значительной степени опиралось на субъективные самооценочные шкалы. Участники эксперимента оценивали свои знания и понимание материала на основе собственных впечатлений, без включения объективных показателей успешности обучения, таких как результаты проверок знаний. Данный аспект существенно ограничивает валидность выводов о реальном улучшении понимания и усвоения материала, поскольку самооценка может не всегда отражать истинный уровень освоения знаний. Также

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

важным ограничением является то, что измерения проводились непосредственно сразу после завершения лекции. Это создает трудности в оценке долгосрочной устойчивости выявленного эффекта.

Эти методологические ограничения требуют внимательного анализа и осторожности при интерпретации результатов данного исследования.

Заключение

Можно констатировать, что основная гипотеза исследования получила полное эмпирическое подтверждение. Интерактивный формат лекции обеспечивает статистически значимое ($p < 0,001$) повышение всех пяти измеряемых параметров познавательной активности курсантов: уровня интереса, понимания материала, активности, концентрации внимания и общего интереса к учебной дисциплине. Медианные значения оценок при переходе от традиционного к интерактивному формату возрастают с 1,0–3,0 до 4,0–5,0 баллов по пятибалльной шкале Лайкерта, что свидетельствует о существенном качественном сдвиге в субъективном восприятии занятия.

При этом положительный эффект интерактивной лекции носит устойчивый и воспроизводимый характер. Он проявляется в обеих экспериментальных группах вне зависимости от порядка предъявления материала, что подтверждает дополнительную гипотезу исследования. Вариативность силы эффекта (Z от -7,31 в первой роте до -6,02 во второй) объясняется, по-видимому, эффектом последовательности, характерным для кроссоверного дизайна, однако не отменяет статистической значимости результата ни в одном из попарных сравнений.

Особого внимания заслуживает выявленный «выравнивающий» потенциал интерактивной лекции. Если после традиционных лекций между ротами фиксировались значимые межгрупповые различия по всем параметрам ($p < 0,01$), то после интерактивных лекций эти различия исчезли по четырем показателям из пяти. Это означает, что интерактивный формат делает образовательный результат менее зависимым от конъюнктурных групповых факторов и более предсказуемым, что имеет важное методическое значение для практики военной образовательной организации высшего образования. Единственным параметром, по которому межгрупповые различия сохранились и после интерактивной лекции ($p = 0,032$), выступил показатель «концентрация внимания». Данное наблюдение говорит о необходимости дозирования когнитивной нагрузки при проектировании интерактивных занятий и методически выверенного чередования видов интерактивных техник в рамках одной лекции.

Для успешного внедрения интерактивных лекций в практику военной образовательной организации, по нашему мнению, необходимы три педагогических условия. Во-первых, целенаправленная методическая переподготовка преподавательского состава, предполагающая переход от роли транслятора информации к роли фасилитатора. Во-вторых, адаптация дидактического материала к специфике профессиональных задач выпускников. В-третьих, учет когнитивных ресурсов курсантов при планировании интерактивных элементов занятия.

Таким образом, интерактивная лекция, опираясь на механизмы самодетерминации и проблемного обучения, выступает действенным средством трансформации образовательной среды военной образовательной организации высшего образования – от пассивно-репродуктивной к активно-диалогической. Перспективу дальнейших исследований мы видим в оценке отсроченного эффекта интерактивных лекций на результаты экзаменационной сессии и в расширении выборки за счет курсантов разных курсов.

Список источников

1. *Антюшин С. С.* Качество образования – условие безопасности и стабильности российского общества // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2020. № 4 (21). С. 51–54.

2. *Быков В. П.* Интерактивное обучение как основа активизации учебно-познавательной деятельности обучающихся в военном вузе // Педагогика: история, перспективы. 2021. Т. 4, № 2. С. 36–43. https://doi.org/10.17748/2686-9969-2021-4-2-36-43

3. *Попков С. И.* Исследование интерактивных и традиционных заданий, направленных на изучение информационных технологий среди студентов // Психолого-педагогические исследования. 2021. Т. 13, № 2. С. 17–39. https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130202

4. *Tuma F.* The use of educational technology for interactive teaching in lectures // Annals of Medicine and Surgery. 2021. Vol. 62. P. 231–235. https://doi.org/10.1016/j.amsu.2021.01.051

5. *Chalak S. S. [et al.].* Comparative evaluation of different techniques required to make a didactic lecture effective // Natl J Physiol Pharm Pharmacol. 2018. Vol. 8, № 3. P. 341–346. https://doi.org/10.5455/njppp.2018.8.0937602102017

6. *Михайлова В. В.* Использование интерактивных технологий в преподавании как средство формирования социальной адаптивности студентов старших курсов высших учебных заведений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 199–206.

7. *Гусева Е. В., Родионов М. А.* Особенности использования программных средств образовательного назначения в рамках различных форматов подготовки будущих военных инженеров // Информатика и образование. 2023. № 38 (4). С. 57–67. https://doi.org/10.32517/0234-0453-2023-38-4-57-67

8. *Deci E. L., Ryan R. M.* The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11, № 4. P. 227–268. https://doi.org/10.1207/S15327965PLI1104_01

9. *Комплементарная модель самодетерминации личности* / Костромина С. Н., Филатова А. Ф., Москвичева Н. Л., Зиновьева Е. В. [и др.] // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20, № 1. С. 82–99. https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.6

10. *Махмутов М. И.* Проблемное обучение: Основные вопросы теории // Избранные труды : В 7 т. Казань : Магариф–Вакыт, 2016. Т. 1. 423 с.

11. *Быков А. К.* Приемы активизации познавательной деятельности курсантов военного вуза на лекции // ЦИТИСЭ. 2023. № 1 (35). С. 366–377. https://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.1.31

12. *Макаренко А. С., Бирюкова М. В., Смерчинская А. А.* Обзорная лекция в военном вузе // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 25. С. 50–53.

13. *Аблаева Л. Н.* Современные активные методы обучения в образовании // Информационно-компьютерные технологии в экономике, образовании и социальной сфере. 2023. № 1 (39). С. 36–42.

14. *Борзова Т. А.* Мотивация студентов к обучению в современном вузе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 11–13. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-5102-11-13

15. *Романюкова Е. И., Кулиш О. А.* Результативная передача знаний преимущества методов обучения в военном вузе // Вестник военного образования. 2021. № 2 (29). С. 79–82.

16. *Клушина Н. П., Клушина Е. А., Юринок Е. А.* Формирование педагогической компетентности: профессиональный аспект развития // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 108, № 1. С. 140–145. https://doi.org/10.18522/2070-1403-2025-108-1-140-145

17. *Верхотурцев Ю. Д.* Критерии интерактивности образовательной среды военных вузов Росгвардии // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 35, № 2. С. 190–201. https://doi.org/10.35634/2412-9550-2025-35-2-190-201

18. *Володарчук В. В., Кузнецов А. И., Светлышев Ю. Н.* Преимущества интерактивной лекции // Образование от «А» до «Я». 2025. № 2. С. 13–18.

References

1. *Antyushin S. S.* Kachestvo obrazovaniya – uslovie bezopasnosti i stabil'nosti rossijskogo obshchestva // Gumanitarnyj vestnik Voennoj akademii Raketnyh vojsk strategicheskogo naznacheniya. 2020. № 4 (21). S. 51–54.

2. *Bykov V. P.* Interaktivnoe obuchenie kak osnova aktivizacii uchebno-poznavatel'noj deyatel'nosti obuchayushchihsya v voennom vuze // Pedagogika: istoriya, perspektivy. 2021. T. 4, № 2. S. 36–43. https://doi.org/10.17748/2686–9969–2021–4–2–36–43

3. *Popkov S. I.* Issledovanie interaktivnyh i tradicionnyh zadanij, napravlennyh na izuchenie informacionnyh tekhnologij sredi studentov // Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya. 2021. T. 13, № 2. S. 17–39. https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130202

4. *Tuma F.* The use of educational technology for interactive teaching in lectures // Annals of Medicine and Surgery. 2021. Vol. 62. P. 231–235. https://doi.org/10.1016/j.amsu.2021.01.051

5. *Chalak S. S. [et al.].* Comparative evaluation of different techniques required to make a didactic lecture effective // Natl J Physiol Pharm Pharmacol. 2018. Vol. 8, № 3. P. 341–346. https://doi.org/10.5455/njppp.2018.8.0937602102017

6. *Mihajlova V. V.* Ispol'zovanie interaktivnyh tekhnologij v prepodavanii kak sredstvo formirovaniya social'noj adaptivnosti studentov starshih kursov vysshih uchebnyh zavedenij // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. 2016. № 4 (44). S. 199–206.

7. *Guseva E. V., Rodionov M. A.* Osobennosti ispol'zovaniya programmnyh sredstv obrazovatel'nogo naznacheniya v ramkah razlichnyh formatov podgotovki budushchih voennyh inzhenerov // Informatika i obrazovanie. 2023. № 38 (4). S. 57–67. https://doi.org/10.32517/0234-0453-2023-38-4-57-67

8. *Deci E. L., Ryan R. M.* The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11, № 4. P. 227–268. https://doi.org/10.1207/S15327965PLI1104_01

9. *Komplementarnaya model' samodeterminacii lichnosti* / Kostromina S. N., Filatova A. F., Moskvicheva N. L., Zinov'eva E. V. [i dr.] // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2023. T. 20, № 1. S. 82–99. https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.6

10. *Mahmutov M. I.* Problemnoe obuchenie: Osnovnye voprosy teorii // Izbrannye trudy : V 7 t. Kazan' : Magarif–Vakyt, 2016. T. 1. 423 s.

11. *Bykov A. K.* Priemy aktivizacii poznavatel'noj deyatel'nosti kursantov voennogo vuza na lekcii // CITISE. 2023. № 1 (35). S. 366–377. https://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.1.31

12. *Makarenko A. S., Biryukova M. V., Smerchinskaya A. A.* Obzornaya lekciya v voennom vuze // Vestnik obrazovatel'nogo konsorciuma Srednerusskij universitet. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2023. № 25. S. 50–53.

13. *Ablaeva L. N.* Sovremennye aktivnye metody obucheniya v obrazovanii // Informacionno-komp'yuternye tekhnologii v ekonomike, obrazovanii i social'noj sfere. 2023. № 1 (39). S. 36–42.

14. *Borzova T. A.* Motivaciya studentov k obucheniyu v sovremennom vuze // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2023. № 5 (102). S. 11–13. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-5102-11-13

15. *Romanyukova E. I., Kulish O. A.* Rezul'tativnaya peredacha znanij preimushchestva metodov obucheniya v voennom vuze // Vestnik voennogo obrazovaniya. 2021. № 2 (29). S. 79–82.

16. *Klushina N. P., Klushina E. A., Yurinok E. A.* Formirovanie pedagogicheskoj kompetentnosti: professional'nyj aspekt razvitiya // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2025. T. 108, № 1. S. 140–145. https://doi.org/10.18522/2070-1403-2025-108-1-140-145

17. *Verhoturcev Yu. D.* Kriterii interaktivnosti obrazovatel'noj sredy voennyh vuzov Rosgvardii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. 2025. T. 35, № 2. S. 190–201. https://doi.org/10.35634/2412-9550-2025-35-2-190-201

18. *Volodarchuk V. V., Kuznecov A. I., Svetlyshev Yu. N.* Preimushchestva interaktivnoj lekcii // Obrazovanie ot «A» do «Ya». 2025. № 2. S. 13–18.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 378.1

Влияние цифрового сопровождения на совершенствование адаптационной работы с первокурсниками в образовательных организациях высшего образования системы Министерства внутренних дел Российской Федерации

Кирилл Владимирович Ярмак, кандидат юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
kirill.77@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4095-264X

Аннотация:
Введение. *Современные вызовы системы высшего образования, обусловленные цифровой трансформацией общества, требуют внедрения инновационных подходов к организации педагогического сопровождения студентов. Особую значимость этот процесс приобретает в ведомственных образовательных организациях высшего образования (далее – ООВО), таких как образовательные организации системы МВД России, где адаптация первокурсников осложняется не только академической нагрузкой, но и спецификой профессиональной и специальной подготовки, строгой дисциплиной и высоким уровнем ответственности. Целью статьи является анализ возможных направлений использования цифровых технологий в процессе адаптации курсантов первых курсов ведомственных ООВО и построение на его основе графической структурно-функциональной модели. Для достижения поставленной цели сформулированы такие задачи, как анализ теоретических аспектов педагогического сопровождения и адаптации обучающихся в системе высшего образования, установление специфики адаптационных процессов у обучающихся ведомственных ООВО, определение влияния элементов цифрового сопровождения на адаптационную деятельность педагога, общая характеристика существующего арсенала цифровых технологий, потенциально применимых для решения выявленных проблем адаптации.* **Методы.** *Исследование базируется на анализе отечественного опыта в сфере образования, а также данных эмпирических исследований, проведенных различными учеными. Методологическую основу исследования составляет комплексный теоретический анализ научной литературы, реализуемый через сравнительно-сопоставительное изучение концепций адаптации и цифровизации.* **Результаты.** *Результатом исследования является теоретическая модель применения цифровых технологий для адаптации курсантов ведомственных ООВО. Делается вывод, что разработка комплексной методики, целенаправленно интегрирующей информационно-коммуникационные технологии в традиционную систему педагогического сопровождения, представляет собой перспективное направление для создания образовательной среды, адекватной потребностям курсантов и вызовам цифровой трансформации.*

Ключевые слова:
адаптация первокурсников, цифровое сопровождение, педагогические технологии, ведомственный вуз силового блока, курсанты

Для цитирования:
Ярмак К. В. Влияние цифрового сопровождения на совершенствование адаптационной работы с первокурсниками в образовательных организациях высшего образования системы Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 275–283.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 04.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

© Ярмак К. В., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

The impact of digital support on improving orientation programmes for first-year students in higher education institutions within the Russian Ministry of Internal Affairs system

Kirill V. Yarmak, Cand. Sci. (Jurid.), Dotsent

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
kirill.77@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4095-264X

Abstract:
Introduction. *The contemporary challenges facing the higher education system, driven by the digital transformation of society, call for the introduction of innovative approaches to the organisation of academic support for students. This process takes on particular significance in departmental higher education institutions (hereinafter referred to as HEIs), such as those within the Russian Ministry of Internal Affairs, where first-year students' adaptation is complicated not only by the academic workload but also by the specific nature of professional and specialised training, strict discipline and a high level of responsibility. The aim of this article is to analyse possible areas of application for digital technologies in the adaptation process of first-year cadets at departmental higher military educational institutions and, on this basis, to construct a graphical structural-functional model. To achieve this aim, the following tasks have been formulated: analysing the theoretical aspects of pedagogical support and student adaptation within the higher education system; identifying the specific characteristics of adaptation processes amongst students at departmental higher education institutions; determining the impact of digital support elements on the teacher's adaptation activities; and a general characterisation of the existing range of digital technologies potentially applicable to resolving the identified adaptation issues.* **Methods.** *The study is based on an analysis of domestic experience in the field of education, as well as data from empirical studies conducted by various researchers. The methodological framework of the study consists of a comprehensive theoretical analysis of the academic literature, carried out through a comparative and contrastive examination of the concepts of adaptation and digitalisation.* **Results.** *The study has resulted in a theoretical model for the application of digital technologies to support the adaptation of cadets at departmental higher military educational institutions. It is concluded that the development of a comprehensive methodology, which purposefully integrates information and communication technologies into the traditional system of pedagogical support, represents a promising approach to creating an educational environment that meets the needs of cadets and the challenges of digital transformation.*

Keywords:
first-year cadets' adaptation, digital support, educational technologies, ministry-affiliated university of the security forces, cadets

For citation:
Yarmak K. V. The impact of digital support on improving orientation programmes for first-year students in higher education institutions within the Russian Ministry of Internal Affairs system // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 275–283.

**The article was submitted October 17, 2025;
approved after reviewing July 4, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Период обучения в образовательных организациях высшего образования является определяющим для профессионального становления и личностной самореализации будущего специалиста. Ключевое значение при этом приобретает начальный адаптационный этап, от успешности которого зависят академические достижения обучающихся, их социальная интеграция в университетскую среду. Современные вызовы цифровой трансформации образования актуализируют поиск новых педагогических инструментов, способных оптимизировать адаптационные процессы.

Новизна предлагаемого исследования заключается в разработке интегративной структурно-функциональной модели цифрового сопровождения адаптации курсантов применительно к условиям образовательных организаций высшего образования (далее – ООВО) системы МВД России, что позволяет систематизировать разрозненные подходы и создать целостную методическую основу для педагогической деятельности.

Анализ литературы показывает, что, несмотря на обилие работ по адаптации и по цифровизации образования, остаются недостаточно разработанными вопросы синтеза этих направлений применительно к специфическому контингенту курсантов ООВО системы МВД России.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Отсутствует целостная теоретически обоснованная и практически ориентированная модель, объединяющая структурные компоненты адаптационной деятельности, стадии адаптации и средства цифрового сопровождения с учетом ведомственной специфики.

Целью исследования является теоретическое обоснование и разработка структурно-функциональной модели цифрового сопровождения адаптации курсантов ведомственного университета. Задачами выступили: проведение теоретического анализа подходов к определению сущности и структуры академической адаптации обучающихся; выявление специфики адаптационного процесса курсантов образовательных организаций МВД России и обобщение современных представлений о потенциале цифровых средств при педагогическом сопровождении адаптации, а также определение ключевых условий эффективной реализации предлагаемой автором модели.

Методы

Для достижения поставленной цели и решения задач исследования использован комплекс теоретических методов: теоретический анализ научной литературы по педагогике, психологии и методике профессионального образования; метод систематизации и обобщения – для группировки теоретических положений различных авторов по ключевым аспектам адаптации; метод моделирования – для разработки интегративной структурно-функциональной модели цифрового сопровождения адаптации субъектов образования, визуализирующей взаимосвязи компонентов и функциональных направлений; а также графический метод – для представления разработанной модели.

В качестве эмпирической базы для анализа использованы научные публикации отечественных авторов по проблеме адаптации и цифровизации образования, перечень которых приведен в списке литературы, а также собственные ранее опубликованные исследования. Работа выполнена в логике последовательного теоретического исследования от анализа дефиниций и структуры адаптации – через выявление ведомственной специфики – к обобщению цифровых средств и интеграции всех элементов в единую модель с последующим описанием ее функциональных возможностей. Анализ проводился в контексте высшего образования с фокусом на образовательные организации системы МВД России.

Результаты

Теоретические аспекты академической адаптации

Цифровые технологии обладают значительным потенциалом для оптимизации адаптационных процессов, обеспечивая оперативную обратную связь и формирование цифровой образовательной среды, соответствующей потребностям современного поколения обучающихся. Остановимся на анализе теоретических основ процесса адаптации применительно к специфическому контингенту первокурсников ООВО.

Период обучения в ООВО является определяющим для профессионального становления и личностной самореализации будущего специалиста. Ключевое значение при этом приобретает начальный адаптационный этап, от успешности которого зависят академические достижения студента, его социальная интеграция в вузовскую среду, формирование профессиональной идентичности и мотивации. Исследователи отмечают, что эффективность адаптации первокурсников, минимизация рисков дезадаптации и преодоление трудностей переходного периода напрямую связаны с качеством организации системы целенаправленного педагогического сопровождения, реализация которой требует соблюдения комплекса специальных педагогических условий [1]. Позиция С. А. Ганиной также подчеркивает необходимость ранней профессиональной ориентации в структуре адаптационных мер и предлагает комплексный подход, включающий, помимо указанной меры, еще такие направления, как интеграция «школы и ООВО», а также внедрение проектного управления в образовательный процесс ООВО [2].

Ученые в контексте восстановления утраченного баланса между средой и организмом выделяют преобразующие и поисковые черты адаптивной активности человека. Е. П. Александров и М. В. Воронцова, основываясь на двустороннем характере адаптации в процессе приспособительного взаимодействия личности и среды, предлагают осуществлять оценку ее эффективности с использованием внешних и внутренних критериев. С одной стороны, они находят отражение в таких индикаторах, как социальное признание и высокий статус индивида в коллективе, с другой стороны – в состоянии психологического комфорта, удовлетворенности результатами деятельности, переживании внутренней гармонии [3]. Вхождение в новую социокультурную

среду сопряжено для первокурсника с глубокой экзистенциальной перестройкой, затрагивающей ключевые компоненты личности: пересмотр системы ценностей, формирование новой идентичности и системы морально-этических принципов, воспитание вкуса, чести, совести, нравственных ориентиров, поиск личностного и профессионального смысла в избранной деятельности [4]. А. А. Реан, А. Р. Кудашев и А. А. Баранов пишут о необходимости педагогического сопровождения обучающихся, основанного на принципе адекватности характеру и силе переживаемого личностью дисбаланса. Это позволяет достигать эффективной адаптации, исключив чрезмерные либо недостаточные реакции [5].

Существенный вклад в теоретическое осмысление процесса адаптации вносит понятие «педагогическая адаптация», введенное в педагогический тезаурус И. В. Ульяновой. Данный вид социальной адаптации трактуется автором как полисемантичное явление, интегрирующее в себе процесс, деятельность, результат, метод и фактор. Мы согласны с позицией И. В. Ульяновой, рассматривающей педагогическую адаптацию как активную, осознанную и добровольную включенность субъектов образования в педагогическое взаимодействие, которое, будучи грамотно организованным педагогом, определяет эффективность обучения и личностного развития студентов [6, с. 203]. При этом, как доказывает практика, наиболее эффективно данный процесс осуществляется в рамках целостной воспитательной системы, ориентированной на формирование гуманистических смысложизненных ориентаций.

Как устанавливает в рамках своего диссертационного исследования Е. В. Осипчукова, процесс достижения состояния адаптированности обучающихся в современной ООВО характеризуется последовательной сменой нескольких стадий. Начальная стадия предполагает осознание субъектом норм поведения, свойственных для новой среды, на фоне одновременной психологической неготовности принятия ее ценностной системы. Стадия терпимости характеризует взаимное принятие друг друга индивидом и новой средой. Признание и усвоение индивидом ключевых ценностей вузовской среды происходит на стадии аккомодации. Одновременно на этом этапе происходит принятие новым социумом и некоторых ценностей самого индивида. На заключительной стадии ассимиляции происходит полное совпадение их ценностных систем[1].

Существенный вклад в изучение проблемы адаптации вносят и другие диссертационные исследования, посвященные ее отдельным аспектам. Так, теоретико-методологические основы проектирования адаптационной системы в педагогической ООВО разработаны в исследовании Н. Н. Савельевой[2]. Смежный, но предметно обособленный аспект – адаптация в условиях цифровой трансформации – исследуется Н. Н. Дарьенковой на материале технической ООВО[3]. Исследование выявляет трехкомпонентную структуру адаптации первокурсников технической ООВО в условиях информатизации образования: формальный компонент как познавательно-информационное приспособление к новой образовательной среде, общественный – как процесс интеграции студенческих групп посредством медиаресурсов и дидактический – как готовность к использованию информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в обучении.

Значительный пласт научной литературы составляют работы, содержащие результаты эмпирических исследований процесса адаптации. Они позволяют выявить конкретные статистические закономерности, факторы риска и наиболее эффективные практики сопровождения первокурсников, что обеспечивает доказательную базу для формирования моделей педагогического сопровождения.

Некоторые особенности адаптации обучающихся образовательных организаций системы МВД России

Как отмечает И. А. Тарасова, образовательные организации МВД России призваны стать для курсантов той микросредой, которая обеспечивает плавный и бескризисный переход от детской зависимости к взрослой самостоятельности. Для значительной части первокурсников, привыкших к тотальному контролю в школе, характерны несформированность навыков самообразования, неумение принимать самостоятельные решения и неадекватное восприятие учебных требований [7]. Особенность адаптации курсантов ООВО системы МВД России связана со спецификой ведомственного образования, сопровождающегося условиями жестко регламентированной среды, предъявляющей повышенные требования к личности сотрудника органов внутренних дел.

[1] См.: Осипчукова Е. В. Организационно-педагогические условия адаптации студентов к образовательному процессу технического вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2009. 30 с.

[2] См.: Савельева Н. Н. Проектирование системы адаптации первокурсников к обучению в вузе (направление-педагогика) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владивосток, 2007. 25 с.

[3] См.: Дарьенкова Н. Н. Адаптация студентов первого курса к обучению в техническом вузе в условиях информатизации образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2015. 22 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Особый интерес представляет диссертационное исследование О. В. Свинаревой, посвященное педагогическому сопровождению курсантов образовательных организаций системы МВД России непосредственно в период адаптации[4]. Центральным вкладом О. В. Свинаревой является теоретическое осмысление педагогического сопровождения как двухуровневого явления. С одной стороны – это институциональная подсистема образовательной организации, формирующая адаптационную среду через скоординированную деятельность научно-педагогического коллектива и командиров учебно-строевых подразделений. С другой – это непосредственная фасилитативная деятельность педагога (курсового офицера, преподавателя), направленная на поддержку курсанта в образовательном процессе и сложных жизненных ситуациях.

Встречаем работы, раскрывающие и частные случаи адаптации в ведомственных ООВО. Так, исследование, выполненное в Академии службы охраны Российской Федерации, раскрывает показательный пример адаптации через призму педагогического сопровождения курсантов женского пола при изучении математических дисциплин[5]. Ценность этой работы заключается прежде всего в конкретизации технологического подхода. Автором разработана целостная технология педагогического сопровождения, структурированная для реализации преподавателем десяти ключевых функций. Такой комплексный подход полностью согласуется с нашим пониманием сопровождения как многомерной деятельности.

Цифровое сопровождение педагогической деятельности

Вызовы цифровой трансформации образовательной среды в равной степени актуальны для всех ее субъектов – как для студентов, так и для профессорско-преподавательского состава. Внедрение в образовательную среду различных цифровых технологий обусловливает необходимость пересмотра традиционных моделей преподавательской деятельности. Авторы проводят комплексный анализ возможностей и рисков, связанных с интеграцией в учебный процесс мобильных приложений, образовательных платформ, технологий игрофикации, а также реализацией дистанционного и смешанного обучения. Ими определен ряд задач по подготовке педагогов к работе в условиях цифровизации, среди которых отдельное место занимает формирование педагогических компетенций для решения проблем, неизбежно возникающих в современных условиях цифровой трансформации [9].

Указанные авторы также приводят определение педагогического сопровождения в условиях цифровизации, которое, по их мнению, представляет собой системную и многоаспектную дефиницию. Определение позиционирует педагогическое сопровождение в условиях цифровизации как целенаправленную междисциплинарную деятельность по поддержке и развитию преподавателей, направленную в числе прочего на преодоление психолого-педагогических трудностей, вызванных трансформацией образовательной среды [8, с. 97].

Фундаментальный вклад в осмысление интеграции технологий в образование внес Владимир Павлович Беспалько. Ученый на протяжении десятилетий разрабатывал различные аспекты методологии применения компьютеров в педагогической деятельности. Им предложен и концептуально обоснован термин «киберпедагогика», который отражает необходимость адаптации педагога к цифровым реалиям и обозначает построение связующего звена между традиционной дидактикой и современными технологиями [9].

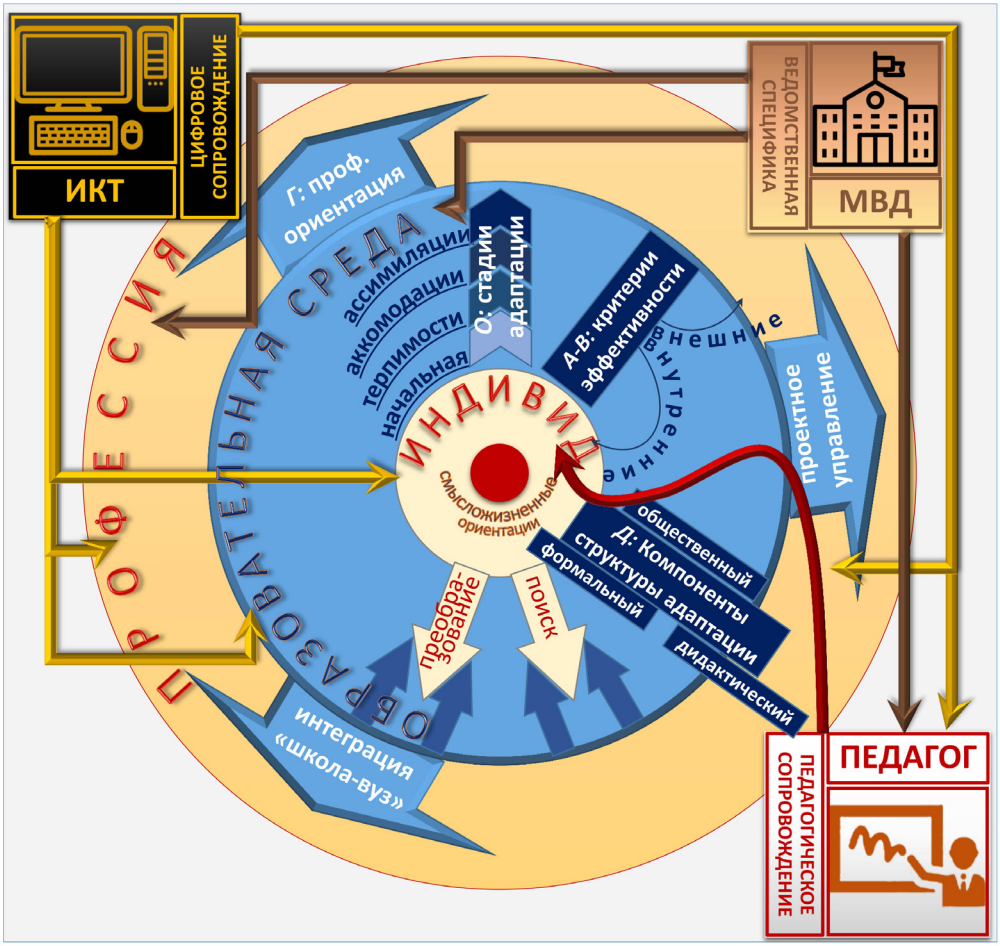
Современные молодые исследователи также вносят вклад в разработку актуальных аспектов применения информационно-коммуникационных и компьютерных технологий в педагогической практике. Особую актуальность приобретает поиск педагогических средств, адекватных запросам юношеского возраста в условиях современной социокультурной реальности. В частности, Н. С. Мендова обосновывает позицию, согласно которой информационно-коммуникационные технологии являются эффективным средством педагогического сопровождения, учитывающим психологические особенности и цифровую социализацию современной студенческой молодежи [10].

Основываясь на теоретическом анализе исследований в области педагогических адаптационных технологий, мы разработали интегративную графическую структурно-функциональную модель, визуализирующую ключевые векторы использования средств цифрового сопровождения в адаптационной деятельности субъектов образования (рисунок). Данная модель систематизирует концептуальные подходы различных авторов, представляя целостное видение цифрового

[4] См.: Свинарева О. В. Педагогическое сопровождение курсантов образовательных организаций МВД России в период адаптации к образовательному процессу : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2017. 22 с.

[5] См.: Аниськова Т. А. Функции технологии педагогического сопровождения курсантов женского пола в условиях адаптации к изучению математических дисциплин в военном вузе // Психология образования в поликультурном пространстве. 2023. № 1(61). С. 44–53. https://doi.org/10.24888/2073-8439-2023-61-1-44-53

сопровождения адаптационной деятельности через взаимосвязь структурных компонентов и функциональных направлений.

организации А–В – по Е. П. Александрову – М. В. Воронцовой; Г – по С. А. Ганиной; Д – по Н. Н Дарьенковой; О – по Е. В. Осипчуковой

Рисунок. Структурно-функциональная модель цифрового сопровождения адаптации субъектов образования
Figure. A structural-functional model of digital support for the adaptation of educational subjects

Из представленной графической модели видно, что современные цифровые технологии оказывают в той или иной степени влияние практически на все элементы адаптационной деятельности: на индивида, формируя его мотивационную и когнитивную сферы; на образовательную среду, непосредственно взаимодействующую с индивидом в процессе адаптации; на профессию в широком смысле этого термина, обусловливая изменения в технологиях и инструментах работы специалиста – выпускника ОВОО. В графической модели интегрированы и результаты других авторов, приведенных в настоящей статье, посвященные теоретическим аспектам академической адаптации: компоненты структуры и стадии адаптации, форматы межэлементного взаимодействия системы «обучающийся – образовательная среда – профессия» и др.

Интеграция элементов цифрового сопровождения в профессиональную деятельность педагогов не только дополняет, но и качественно ее преобразует, что влечет трансформацию традиционных подходов к организации образовательного процесса и методических основ педагогического сопровождения адаптации обучающихся, формирование новой, гибридной методики обучения и воспитания.

В свою очередь ведомственная специфика оказывает системное влияние не только на саму правоохранительную профессию, но и на организацию образовательного процесса, определяя требования к педагогическим кадрам и опосредованно – на принципы проектирования образовательной среды.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Цифровые средства в адаптации

Таким образом проиллюстрирована позиция, что значимым элементом современных систем адаптации становится использование цифровых образовательных ресурсов. Отметим, что ранее уже публиковались результаты нашего исследования по разработке типологии средств цифрового сопровождения, которая включала три категории взаимосвязанных компонентов: цифровые образовательные технологии, технические устройства и цифровой образовательный контент [11]. Указанная систематизация обеспечивает терминологическую ясность в области цифровизации образования и раскрывает функциональное назначение каждого элемента.

Приведем разработки различных авторов по теме адаптационного потенциала цифровых образовательных ресурсов, к числу которых они относят приложения для тайм-менеджмента, интерактивные учебные платформы, онлайн-курсы по академическим дисциплинам и другие цифровые инструменты, способствующие оптимизации учебной деятельности и снижению адаптационной нагрузки [12].

В исследовании Д. Е. Гладышева и Д. К. Тимониной разработана и апробирована технология игрофикации адаптационного периода обучения, определены в качестве ее структурных элементов такие компоненты, как балльно-рейтинговая система оценивания, механизм накопления учебных достижений и прочее [13]. А. А. Быстрова и Э. Р. Мкртчян отмечают мотивационную роль игрового механизма в совершенствовании компетенций [14].

Представляет значительный интерес диссертационное исследование Ю. В. Вайнштейн, концептуальной основой которого выступает интеграция офлайн-обучения с цифровыми возможностями электронной информационно-образовательной среды[6]. Исследование посвящено педагогическому проектированию персонализированного адаптивного обучения, основанного на модели обратного педагогического дизайна в условиях цифровизации высшего образования. Существенными элементами концепции являются микропорционное структурирование образовательного контента и создание комплексной обучающей системы «контент – профиль – компетенции» для оценки образовательных результатов и управления учебным процессом.

Отдельные авторы эмпирически доказывают, что интеграция элементов электронной информационно-образовательной среды (далее – ЭИОС) в учебный процесс способствует развитию навыков саморегуляции учебной деятельности у первокурсников, что непосредственно влияет на успешность их познавательной адаптации [15], а приоритетное развитие познавательной сферы студентов через возможности ЭИОС позволяет эффективно предотвращать связанные с этим проблемы [16]. Таким образом, с одной стороны, цифровая среда является мощным стимулом для развития образования, а с другой – диктует необходимость адаптации дидактических подходов и выработки новых образовательных стратегий [17].

В последнее время все больше внимания педагоги уделяют использованию современных цифровых технологий в образовании, например, искусственного интеллекта. В работах ученых представлены результаты аналитических исследований по актуальным проблемам интеграции указанных технологий [18]. Следует согласиться с коллегами из ведомственной ОВОО, которые указывают как на бесспорные преимущества широкого внедрения технологий искусственного интеллекта в высшее образование, так и на негативные последствия, связанные с трансформацией субъектной позиции и личностного становления обучающихся [19]. Вместе с тем, не останавливаясь в настоящей работе на рассмотрении негативных последствий цифровизации образования, отметим очевидные мотивационные и адаптационные возможности генеративных технологий при организации учебного процесса [20].

Изложенные позиции ученых имеют практическую ценность для нашего исследования, поскольку демонстрируют потенциал элементов цифрового сопровождения образовательной деятельности как инструментов адаптации обучающихся, в т. ч. курсантов в ОВОО системы МВД России.

Заключение

Результаты теоретического анализа, проведенного в рамках данного исследования, позволяют утверждать, что целенаправленное использование комплекса элементов цифрового сопровождения и элементов системы педагогического сопровождения представляется перспективным направлением, позволяющим создать образовательную среду, отвечающую как потребностям курсантов, так и вызовам цифровой трансформации образования. Реализация

[6] См.: Вайнштейн Ю. В. Педагогическое проектирование персонализированного адаптивного предметного обучения студентов вуза в условиях цифровизации : автореф. дис. … д-ра пед. наук. Красноярск, 2021. 46 с.

такого подхода предполагает разработку комплексной методики, интегрирующей цифровые инструменты в традиционную систему педагогической поддержки адаптационного процесса.

Успешность педагогического сопровождения адаптации первокурсников в ОВОО системы МВД России будет напрямую зависеть от способности преподавательского и командного состава не только использовать преимущества цифровых технологий, но и профессионально нивелировать связанные с ними риски. Эффективное педагогическое сопровождение адаптации первокурсников к обучению в ОВОО системы МВД России невозможно без параллельного методического обеспечения деятельности профессорско-преподавательского состава, которое должно быть направлено на целенаправленное развитие навыков проектирования и реализации учебного процесса с применением цифровых инструментов. Реализация указанных задач обеспечивает адаптацию самих педагогов к новым реалиям, создает основу для качественного преобразования образовательного процесса в соответствии с вызовами цифровой эпохи.

Список источников

1. *Воскрекасенко О. А.* Педагогические условия развития социальной адаптивности обучающихся в высшей школе / Категория «социального» в современной педагогике и психологии : материалы 8-й Всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием, г. Ульяновск, 9–10 июля 2020 г. Ульяновск : Зебра, 2020. С. 236–238.

2. *Ганина С. А.* Адаптация студентов как инструмент стратегического управления качеством образования // Научно-педагогическое обозрение. 2019. № 4 (26). С. 100–105. https://doi.org/10.23951/2307-6127-2019-4-100-105

3. *Александров Е. П., Воронцова М. В.* Проблемы адаптации студентов к образовательной среде вуза и профессии // Современные проблемы науки и образования : [сетевое издание]. 2014. № 5. С. 111. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=15047.

4. *Вещагина Т. Н.* Новые подходы к воспитательной деятельности куратора в условиях цифровизации образовательного процесса / Среднее профессиональное образование: как учить и учиться в современном мире : сборник докладов II Всероссийской педагогической конференции, г. Санкт-Петербург, 5 апреля 2023 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2023. С. 21–25.

5. *Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А.* Психология адаптации личности : анализ, теории, практика: монография. Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.

6. *Ульянова И. В.* Педагогическая адаптация обучающихся к образовательному процессу в контексте воспитательной системы формирования гуманистических смысложизненных ориентаций личности // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 5-2 (17). С. 203–206.

7. *Тарасова И. А.* Особенности и трудности адаптации первокурсников в образовательных организациях МВД России (на примере Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) / Актуальные проблемы адаптации курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России к условиям профессиональной деятельности : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, г. Москва, 30 марта 2023 г. / сост. Д. А. Пустовитова. Москва : Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2023. С. 398–402.

8. *Горелова Л. И., Уварина Н. В.* Инструменты педагогического сопровождения деятельности педагогов в цифровую эпоху в системе высшего образования // Высшее образование сегодня. 2024. № 4. С. 95–98. https://doi.org/10.18137/RNU.HET.24.04.P.095

9. *Беспалько В. П.* Киберпедагогика – вызов XXI века // Народное образование. 2016. № 7-8 (1458). С. 109–118.

10. *Мендова Н. С.* Содержание деятельности по педагогическому сопровождению адаптации будущих педагогов средствами ИКТ // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 82-1. С. 275–278.

11. *Ярмак К. В.* Типология средств цифрового сопровождения образовательного процесса // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 1 (96). С. 83–89. https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-83-89

12. *Колл И. Г., Солодкова И. М., Исмагилова Л. Р.* Проблемы адаптации студентов-первокусников к вузовской системе обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 82-3. С. 185–187.

13. *Гладышев Д. Е., Тимонина Д. К.* Геймификация адаптационного периода первокурсника как инструмент формирования индивидуальной траектории обучающихся муниципального вуза // Управление культурой. 2024. Т.3, № 2 (10). С. 55–62.

14. *Быстрова А. А., Мкртчян Э. Р.* Геймификация как инновационная образовательная технология работы с молодежью // Социальная активность молодежи как необходимое условие развития общества : материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г. / под ред. Г. В. Ковалевой. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2019. С. 53–55.

15. *Карпович И. А.* Электронная информационно-образовательная среда вуза как средство педагогической поддержки студентов-первокурсников в период адаптации к обучению в вузе / Неделя науки СПбПУ : материалы научной конференции с международным участием : в 3 ч., г. Санкт-Петербург, 18–23 ноября 2019 г. / отв. ред.: А. В. Рубцова, М. С. Коган. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2020. Ч. 1. С. 147–149.

16. *Харитонова И. В.* Адаптация студентов-первокурсников к дистанционному обучению // Дистанционное обучение в высшем образовании: опыт, проблемы и перспективы развития : материалы XV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Санкт-Петербург, 20 апреля 2022 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. С. 129–130.

17. *Семакова А. И., Ильянкова Е. И.* Анализ результатов эмпирического исследования качества жизни обучающихся в Санкт-Петербургском университете МВД России / Актуальные вопросы психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел : сборник материалов Всероссийской конференции, г. Екатеринбург, 20 ноября 2019 г. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2020. С. 148–152.

18. *Генеративный искусственный интеллект в высшем образовании: обзор теоретических подходов и практик применения* / Кошкина Е. А., Бордовская Н. В., Гнедых Д. С., Хромова М. А. [и др.]. // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 6. С. 36–57. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-6-36-57

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

19. *Чопик О. А.* Искусственный интеллект как фактор трансформации субъектной позиции студентов в высшем образовании // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 8-9. С. 54–73. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-8-9-54-73

20. *Кузьминов Я. И., Кручинская Е. В., Груздев И. А., Наумов А. А.* Отстающие и опережающие: как студенты используют генеративный искусственный интеллект в образовательных целях // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 6. С. 9–35. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-6-9-35

References

1. *Voskrekasenko O. A.* Pedagogicheskie usloviya razvitiya social'noj adaptivnosti obuchayushchihsya v vysshej shkole / Kategoriya «social'nogo» v sovremennoj pedagogike i psihologii : materialy 8-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s distancionnym i mezhdunarodnym uchastiem, g. Ul'yanovsk, 9–10 iyulya 2020 g. Ul'yanovsk : Zebra, 2020. S. 236–238.

2. *Ganina S. A.* Adaptaciya studentov kak instrument strategicheskogo upravleniya kachestvom obrazovaniya // Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. 2019. № 4 (26). S. 100–105. https://doi.org/10.23951/2307-6127-2019-4-100-105

3. *Aleksandrov E. P., Voroncova M. V.* Problemy adaptacii studentov k obrazovatel'noj srede vuza i professii // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya : [setevoe izdanie]. 2014. № 5. S. 111. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=15047.

4. *Veshchagina T. N.* Novye podhody k vospitatel'noj deyatel'nosti kuratora v usloviyah cifrovizacii obrazovatel'nogo processa / Srednee professional'noe obrazovanie: kak uchit' i uchit'sya v sovremennom mire : sbornik dokladov II Vserossijskoj pedagogicheskoj konferencii, g. Sankt-Peterburg, 5 aprelya 2023 g. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet aerokosmicheskogo priborostroeniya, 2023. S. 21–25.

5. *Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A.* Psihologiya adaptacii lichnosti : analiz, teorii, praktika: monografiya. Sankt-Peterburg : Prajm-EVROZNAK, 2006. 479 s.

6. *Ul'yanova I. V.* Pedagogicheskaya adaptaciya obuchayushchihsya k obrazovatel'nomu processu v kontekste vospitatel'noj sistemy formirovaniya gumanisticheskih smyslozhiznennyh orientacij lichnosti // Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. 2016. № 5-2 (17). S. 203–206.

7. *Tarasova I. A.* Osobennosti i trudnosti adaptacii pervokursnikov v obrazovatel'nyh organizaciyah MVD Rossii (na primere Moskovskogo oblastnogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya) / Aktual'nye problemy adaptacii kursantov i slushatelej obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii k usloviyam professional'noj deyatel'nosti : sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Moskva, 30 marta 2023 g. / sost. D. A. Pustovitova. Moskva : Moskovskij universitet MVD Rossii im. V. Ya. Kikotya, 2023. S. 398–402.

8. *Gorelova L. I., Uvarina N. V.* Instrumenty pedagogicheskogo soprovozhdeniya deyatel'nosti pedagogov v cifrovuyu epohu v sisteme vysshego obrazovaniya // Vysshee obrazovanie segodnya. 2024. № 4. S. 95–98. https://doi.org/10.18137/RNU.HET.24.04.P.095

9. *Bespal'ko V. P.* Kiberpedagogika – vyzov XXI veka // Narodnoe obrazovanie. 2016. № 7-8 (1458). S. 109–118.

10. *Mendova N. S.* Soderzhanie deyatel'nosti po pedagogicheskomu soprovozhdeniyu adaptacii budushchih pedagogov sredstvami IKT // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2024. № 82-1. S. 275–278.

11. *Yarmak K. V.* Tipologiya sredstv cifrovogo soprovozhdeniya obrazovatel'nogo processa // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2024. T. 29, № 1 (96). S. 83–89. https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-83-89

12. *Koll I. G., Solodkova I. M., Ismagilova L. R.* Problemy adaptacii studentov-pervokusnikov k vuzovskoj sisteme obucheniya // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2024. № 82-3. S. 185–187.

13. *Gladyshev D. E., Timonina D. K.* Gejmifikaciya adaptacionnogo perioda pervokursnika kak instrument formirovaniya individual'noj traektorii obuchayushchihsya municipal'nogo vuza // Upravlenie kul'turoj. 2024. T.3, № 2 (10). S. 55–62.

14. *Bystrova A. A., Mkrtchyan E. R.* Gejmifikaciya kak innovacionnaya obrazovatel'naya tekhnologiya raboty s molodezh'yu // Social'naya aktivnost' molodezhi kak neobhodimoe uslovie razvitiya obshchestva : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Sankt-Peterburg, 21–23 noyabrya 2019 g. / pod red. G. V. Kovalevoj. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet promyshlennyh tekhnologij i dizajna, 2019. S. 53–55.

15. *Karpovich I. A.* Elektronnaya informacionno-obrazovatel'naya sreda vuza kak sredstvo pedagogicheskoj podderzhki studentov-pervokursnikov v period adaptacii k obucheniyu v vuze / Nedelya nauki SPbPU : materialy nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem : v 3 ch., g. Sankt-Peterburg, 18–23 noyabrya 2019 g. / otv. red.: A. V. Rubcova, M. S. Kogan. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij politekhnicheskij universitet Petra Velikogo, 2020. Ch. 1. S. 147–149.

16. *Haritonova I. V.* Adaptaciya studentov-pervokursnikov k distancionnomu obucheniyu // Distancionnoe obuchenie v vysshem obrazovanii: opyt, problemy i perspektivy razvitiya : materialy XV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, g. Sankt-Peterburg, 20 aprelya 2022 g. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gumanitarnyj universitet profsoyuzov, 2022. S. 129–130.

17. *Semakova A. I., Il'yankova E. I.* Analiz rezul'tatov empiricheskogo issledovaniya kachestva zhizni obuchayushchihsya v Sankt-Peterburgskom universitete MVD Rossii / Aktual'nye voprosy psihologii i pedagogiki v deyatel'nosti organov vnutrennih del : sbornik materialov Vserossijskoj konferencii, g. Ekaterinburg, 20 noyabrya 2019 g. Ekaterinburg : Ural'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2020. S. 148–152.

18. *Generativnyj iskusstvennyj intellekt v vysshem obrazovanii: obzor teoreticheskih podhodov i praktik primeneniya* / Koshkina E. A., Bordovskaya N. V., Gnedyh D. S., Hromova M. A. [i dr.]. // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2025. T. 34, № 6. S. 36–57. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-6-36-57

19. *Chopik O. A.* Iskusstvennyj intellekt kak faktor transformacii sub"ektnoj pozicii studentov v vysshem obrazovanii // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2025. T. 34, № 8-9. S. 54–73. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-8-9-54-73

20. *Kuz'minov Ya. I., Kruchinskaya E. V., Gruzdev I. A., Naumov A. A.* Otstayushchie i operezhayushchie: kak studenty ispol'zuyut generativnyj iskusstvennyj intellekt v obrazovatel'nyh celyah // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2025. T. 34, № 6. S. 9–35. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-6-9-35

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

LABOUR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY AND COGNITIVE ERGONOMICS

Научная статья
УДК 316.6

Семиотика общения

Владимир Николаевич Панферов[1], доктор психологических наук, профессор
Анастасия Владимировна Микляева[2], доктор психологических наук, профессор
Светлана Александровна Безгодова[3], кандидат психологических наук, доцент

[1-3] Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург (191186, набережная реки Мойки, д. 48), Российская Федерация
[1] v-panferov@mail.ru, [2] a.miklyaeva@gmail.com, [3] s.a.bezgodova@gmail.com
[1] http://orcid.org/0000-0002-3528-3122, [2] http://orcid.org/0000-0001-8389-2275,
[3] http://orcid.org/ 0000-0001-5425-7838

Аннотация:
Введение. *Семиотика общения – область социально-психологического знания, комплексно изучающая знаковый аспект процесса коммуникации, где «знаками» являются не только слова, но и сам внешний облик человека, невербальные и паралингвистические сигналы, которые приобретают свое уникальное значение и индивидуальную интерпретацию в процессе взаимодействия конкретных людей. Сегодня семиотика общения представляет собой ряд разрозненных концепций без единого методологического подхода в теоретических и эмпирических исследованиях. Актуальной задачей для семиотики общения является построение развернутой концептуальной модели, которая объясняла бы трансформацию психического отражения в сложную психологическую деятельность партнеров по общению. В данной статье предлагается семиотическая формула общения, которая призвана систематизировать знания о семиотике общения и продемонстрировать, как через каналы связи, знаки, значения и образы рождаются смыслы взаимодействия, регулирующие отношения и социальное поведение людей.* **Методы.** *Применен метод теоретического анализа исследований в области психологии общения.* **Результаты.** *Генезис семиотики общения раскрывается через формы взаимодействия в животном мире, структуру психического процесса, социальную перцепцию, культуру и искусство. Семиотическая формула общения представляет собой эвристическую модель, которая описывает трансформацию*

Ключевые слова:
семиотика, общение, социальная перцепция, социальное взаимодействие, социально-психологическая интерпретация личности, профессиональное общение

Для цитирования:
Панферов В. Н., Микляева А. В., Безгодова С. А. Семиотика общения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 284–293.

© Панферов В. Н., Микляева А. В., Безгодова С. А., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

знаков, доступных чувственному отражению, в психологическую реальность, и представлена в следующем виде: «канал связи – знак – значение – образ – смысл – отношение – поведение». Каждый элемент семиотической формулы общения определяет характер и направление социального взаимодействия. Перспективы эмпирических исследований, имеющих в качестве методологической основы данную модель, лежат в области создания инструментария для диагностики и совершенствования межличностного и профессионального общения людей, диалога человека и искусственного интеллекта и т. д.

Статья поступила в редакцию 05.06.2026; одобрена после рецензирования 10.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

Original article

Semiotics of communication

Vladimir N. Panferov[1], Doc. Sci. (Psychol.), Professor
Anastasia V. Miklyaeva[2], Doc. Sci. (Psychol.), Professor
Svetlana A. Bezgodova[3], Cand. Sci. (Psychol.), Docent

[1-3] The Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika river embankment, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation
[1] v-panferov@mail.ru, [2] a.miklyaeva@gmail.com, [3] s.a.bezgodova@gmail.com
[1] http://orcid.org/0000-0002-3528-3122, [2] http://orcid.org/0000-0001-8389-2275,
[3] http://orcid.org/ 0000-0001-5425-7838

Abstract:
Introduction. *Semiotics of communication is a field of socio-psychological knowledge that comprehensively studies the symbolic aspect of the communication process, where 'signs' include not only words but also a person's physical appearance, non-verbal and paralinguistic signals, which acquire their own unique meaning and individual interpretation in the process of interaction between particular individuals. Today, the semiotics of communication comprises a series of disconnected concepts with no unified methodological approach in theoretical and empirical research. A challenging task for the semiotics of communication is to construct a comprehensive conceptual model that would explain the transformation of mental reflection into the complex psychological activity of communication partners. The article proposes a semiotic formula for communication, aimed at systematising knowledge of the semiotics of communication and demonstrating how, via channels of communication, signs, meanings and images, meaningful interactions regulating human relationships and social behaviour are generated.* **Methods.** *The method of theoretical analysis of research in the field of communication psychology has been applied.* **Results.** *The origins of the semiotics of communication have been revealed through forms of interaction in the animal world, the structure of mental processes, social perception, culture and art. The semiotic formula of communication is a heuristic model that describes the transformation of signs, accessible to sensory perception, into psychological reality, and is presented as follows: "communication channel – sign – meaning – image – sense – attitude – behaviour". Each element of the semiotic formula of communication determines the nature and direction of social interaction. The prospects for empirical studies based on this model lie in the development of tools for diagnosing and improving interpersonal and professional communication between people, dialogue between humans and artificial intelligence, and so on.*

Keywords:
semiotics, communication, social perception, social interaction, socio-psychological interpretation of personality, professional communication

For citation:
Panferov V. N., Miklyaeva A. V., Bezgodova S. F. Semiotics of communication // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 284–293.

The article was submitted June 5, 2026; approved after reviewing July 10, 2026; accepted for publication September 25, 2026.

Введение

Семиотика, зародившаяся в медицине как частное учение о признаках заболеваний, в век кибернетики и информатики трансформировалась в науку о знаках как переносчиках закодированной информации, инструментах общения и речевых форм трансляции смыслов. Как отмечал Л. О. Резников, «не подлежит никакому сомнению, что в жизни человеческого общества знакам принадлежит исключительно важная роль. Только с их помощью люди могут осознавать окружающую действительность, выделять и обобщать ее существенные стороны, связи и отношения, формулировать ее законы, систематизировать свой опыт и знания и сообщать друг другу свои мысли, чувства и желания. Это значит, что знаки являются необходимым орудием человеческого познания и средством общения» [1, с. 3].

Семиотика общения изучает, как знаки и их интерпретация создают смысл в межличностной и социальной коммуникации [2–4]. Благодаря этому общение понимается как обмен

смыслами, а не знаками [5], причем смысл рассматривается не как свойство вербального или невербального знака, например, слова или жеста, а как результат его использования в реальном взаимодействии людей [6].

Согласно Ю. М. Лотману, смысл никогда не заключен в изолированном знаке, он появляется только в соотношении с другими знаками в динамическом пространстве культуры, получившем название семиосферы [7; 8]. Таким образом, смысл не встроен в знак, он возникает только через интерпретацию и может меняться в зависимости от контекста [9]. Применительно к психологии общения это означает, что любые проявления личности обретают свое психологическое значение лишь в контексте взаимодействия, в котором они выступают в роли знаков, интерпретируемых партнерами через призму культурного и индивидуального опыта. Этим определяется значимость научного осмысления и концептуализации семиотического подхода к изучению общения.

Однако в литературе к сегодняшнему дню отсутствуют единые теоретические основания для анализа семиотических аспектов общения. Некоторые авторы прямо отмечают, что у семиотики до сих пор нет полностью согласованных моделей и эмпирической методологии [6], в силу чего данное предметное поле выглядит скорее как набор частных подходов. Классические исследования социальной перцепции [10; 11], создавая предпосылки для обращения к проблематике интерпретации знаков во взаимодействии людей, тем не менее не описывают ее психических и психологических механизмов. Между тем понимание семиотики общения как основы социального взаимодействия предполагает построение развернутой концептуальной модели, которая объясняла бы трансформацию психического отражения в сложную психологическую деятельность партнеров по общению. В данной статье предлагается семиотическая формула общения, которая призвана систематизировать знания о семиотике общения и продемонстрировать, как через каналы связи, знаки, значения и образы рождаются смыслы взаимодействия, регулирующие отношения и социальное поведение людей.

Методы

В работе использовался метод теоретического анализа исследований, посвященных вопросам социального взаимодействия, общения, семиотики, социальной перцепции, социально-психологической интерпретации личности. Фокус внимания был сосредоточен на построении эвристической теоретической модели, объясняющей механизм кодирования и интерпретации знаков в процессе общения, генезисе семиотической стороны общения, а также условий, при которых создается или трансформируется значение и интерпретация знака в социальном взаимодействии.

Результаты

Предтеча семиотики при взаимодействии особей в мире животных

В исследованиях взаимодействия животных предтечей семиотики обычно считают прагматическое использование сигналов, где значение возникает из связи знака, контекста, памяти и действий получателя [12], которое, как принято считать, послужило фундаментом для развития семиотики общения [13].

Томас Себиоку – исследователь «моделей коммуникации во всех модальностях» – считает, что предмет семиотики варьируется от эволюционно примитивной коммуникации животных до сложных лингвистических систем у людей. «Обычно выделяются две формы: (а) *антропосемиотические системы*, которые являются в значительной степени лингвистическими и специфическими для Homo sapiens, и (б) *зоосемиотические системы*, которые являются невербальными и паралингвистическими и характерны для всех видов»[1].

В мире животных и даже насекомых существуют знаковые различия между самцами и самками. Например, окрас перьев у селезней и уток (список можно продолжать до перечисления всех видов). Это важные опознавательные признаки особей для регуляции их инстинктивного поведения при исполнении главной функции взаимодействия – размножения, что предполагает различение их по полу. Семиотика животных врожденная по происхождению. По знаковым значениям она неизменна и узко специализирована. Изобразительные знаки могут сопровождаться звуковыми модуляциями. Эта семиотика может представлять интерес не только для зоологов, но и расширить диапазон модельных рядов человеческой коммуникации в искусстве,

[1] Робер А. Большой толковый психологический словарь / [пер. с англ. Е .Ю. Чеботарева]. Москва : Вече, 2000. Т. 2: П–Я. С. 233.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

рекламе, сигнальных технологиях и в других видах деятельности. Например, на заре развития общественной деятельности в первобытных сообществах использовалась знаковая идентификация значимых качеств личности в виде раскрашивания, которое превратилось сегодня в косметику, татуировки как способ обозначения претензии на незаурядность личности, что приводит при их массовом использовании (достижении моды) к противоположному результату – потере индивидуальности.

Семиотические формы поведения особей в животном мире, выполняя функцию половой дифференциации, кроме того, регулируют социальное взаимодействие между ними в повседневном жизненном процессе стада.

В человеческом сообществе естественные физические различия между женщинами и мужчинами подкрепляются культурно-историческими эталонами их внешней привлекательности. Эти различия определяются уже в процессе взаимного восприятия партнеров социального взаимодействия. Следовательно, мы вправе ожидать каких-то форм проявления семиотики в психическом процессе, с открытием которых продвигается решение задачи технологического моделирования психической деятельности человека.

Предтеча семиотики в психическом процессе

Психический процесс представляет собой единство гностических и коммуникативных функций [14] в психологической деятельности человека.

Если гностические функции психического процесса обеспечивают человеку познание объектов жизненно важного взаимодействия с миром вещей, людей и самим собой с помощью органов чувств и мозга, то коммуникативные функции психического процесса обеспечивают связь между индивидами на всех уровнях социального взаимодействия, что неизбежно подводит нас к анализу психической деятельности как информационной коммуникации и психологии общения во всей полноте его функций. В связи с этим в первую очередь возникает вопрос о месте, роли и формах *знака* в психическом процессе человека.

Ответы на этот вопрос можно обнаружить в работах Л. М. Веккера [15; 16]. Описание психического процесса как информационно-гностического, по логике Л. М. Веккера, приоткрывает для нас *семиотическую* природу психики, когда он описывает этот процесс в терминах «психическое изображение» как «код» «психического образа объекта» [15; 16]. Согласно информационной парадигме, функцию кода объекта отражения в концепции Л. М. Веккера выполняет «психическое изображение», возникающее в контактной зоне органов чувств с объектом отражения. Оно не похоже ни на объект отражения, ни на сформировавшийся психический образ этого объекта. Об этом свидетельствуют исследования А. Л. Ярбуса, посвященные движению глаз в процессе зрения [17]. Тем не менее «психическое изображение», фиксируемое в опытах Ярбуса записями движений глаз, показывает концентрацию движений вокруг наиболее информативных элементов воспринимаемого объекта. При восприятии лиц движения глаз уплотнялись вокруг глаз, рта и носа – наиболее информативных признаков лица, о чем свидетельствовали записи этих движений в виде линий и точек. Аналогичные результаты демонстрируют и современные исследования [18; 19]. Эти записи, по сути, заключали в себе *закодированную информацию* о воспринимаемом объекте по его признакам. В дальнейшем она декодируется по психофизиологическим законам психического процесса в соответствующих отделах нервной системы и осознается как признак воспринимаемого объекта. По этому признаку человек как субъект психической деятельности осуществляет акт когнитивной идентификации возникшего психического образа с реальным объектом отражения, если его образ содержится в апперцепции субъекта восприятия. Это возможно, если данный объект воспринимался ранее. Если этого не было, то он, как правило, категоризируется по внешнему сходству с каким-либо другим объектом, хранящимся в социальной апперцепции субъекта восприятия, т. е. «ошибочно». Объяснение таким ошибкам невозможно найти в рамках психофизиологической и психофизической парадигм, где *ошибочность* рассматривается как критерий *неадекватности* образа воспринимаемого объекта из-за пренебрежения *субъектной субъективностью*, которая проявляется в образах индивидуальной апперцепции как ошибочное узнавание воспринимаемого объекта.

Эта закономерность апперцепции проявилось при восприятии предметов и лиц дошкольниками в возрасте шести лет. В интервале от 0,01 до 0,06 сек. им предъявлялись фотографические изображения хозяйственной терки и шишки южной сосны в ряду других объектов. Именно эти два объекта вскрывали индивидуально-возрастную апперцепцию испытуемых в условиях неясного видения при экспозиции 0,01–0,02 секунды. Например, хозяйственная терка ассоциировалась этими детьми с «домом», где дырочки казались им окнами, а школьники шестых классов к этой интерпретации добавляли ассоциацию с «пчелиными сотами»; студенты ассоциировали изображение терки еще с «пультом» и «памятником шумерской эпохи». Таким

образом, с возрастом расширялся апперцептивный багаж усвоенных ассоциаций, что естественно, т. к. опыт взаимодействия с миром вещей и людей становится богаче. Рефлекторные механизмы деятельности органов чувств и мозга формируют и сохраняют в долговременной памяти контакты субъекта с предметным миром, создавая тем самым не всегда осознаваемые ассоциации во внутренней структуре знаний человека о мире. Комплексы ощущений погружают эти ассоциации в нейросети мозга, которые сохраняют их по законам долговременной памяти и пробуждают при повторном восприятии объектов по отдельным признакам как знакам целостности.

Семиотика этого процесса представлена знаками, в роли которых выступают элементы /признаки конкретных объектов внешнего мира. Именно по ним происходит запоминание объектов и их повторное узнавание в практике сенсорно-когнитивного взаимодействия.

Семиотика в процессе восприятия человека

Похожий механизм действует при восприятии внешнего облика человека. Элементы/признаки строения тела, экспрессивного поведения и оформление внешнего облика выполняют функцию *кода/знака психологических значений*, которые извлекаются по ассоциации из апперцептивного опыта общения партнеров социального взаимодействия.

Это обнаружилось в тахистоскопическом эксперименте, где предъявлялись фотографические изображения человеческих лиц на сотые доли секунды (0,01–0,06). Испытуемым задавался вопрос об элементах/признаках, по которым они опознавали воспринимаемое лицо. В таблице представлены результаты этого опыта[2].

Таблица

Вероятности использования признаков при опознании лиц

Table

Probabilities of using signs when identifying individuals

Элементы-признаки	*Pα*[1]	*Pi*[2]	*P*[3]	*Piош*[4]	*Pош*[5]
Пропорции лица	0,277	0,94	0,260	0,06	0,016
Форма лица	0,311	0,91	0,283	0,09	0,028
Выражение	0,183	1,00	0,183	0	0
Положение	0,072	0,85	0,061	0,15	0,011
Состояние	0,017	1,00	0,017	0	0
Возраст	0,112	0,91	0,102	0,09	0,010
Эстетическая привлекательность	0,006	1,00	0,006	0	0
Прическа	0,388	0,84	0,326	0,16	0,062
Волосы	0,277	0,86	0,238	0,14	0,039
Залысины	0,112	0,91	0,102	0,09	0,010
Губы	0,083	1,00	0,083	0	0
Рот	0,028	0,80	0,022	0,20	0,006
Глаза	0,261	0,94	0,245	0,06	0,016
Лоб	0,089	0,94	0,084	0,06	0,005
Брови	0,050	0,89	0,044	0,11	0,006
Нос	0,112	0,86	0,096	0,14	0,016
Подбородок	0,077	0,93	0,072	0,07	0,005
Уши	0,044	1,00	0,044	0	0
Одежда	0,033	0,83	0,027	0,17	0,006

Примечания: 1. Pa – абсолютная вероятность признаков, на которые ссылались.
2. Pi – вероятность признака при правильном опознании.
3. P – абсолютная вероятность признака при правильном опознании.
4. Piош – вероятность признака при ошибочном опознании.
5. Pош – относительная вероятность признака при ошибочном опознании.

[2] Панферов В. Н. Опознание людей по фотографии / Человек и общество : сборник / общ. ред.: Б. Г. Ананьев, Д. А. Керимов. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1969. Вып. V. С. 108.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Эти элементы/признаки использовались испытуемыми при опознании в данном эксперименте как *знаки* лица человека в целом с разной успешностью. Знаковая функция этих элементов/признаков заключается в запуске процесса опознания на когнитивном уровне психической деятельности человека по законам семиотики.

Л. С. Выготский считал знак орудием психической деятельности высшего уровня. Продуктом такой деятельности при восприятии физического облика человека является его *образ* как *индивидуальности* в процессах опознания людьми друг друга, т. е. единственного и неповторимого. Это возможно только в отношении ранее воспринимавшихся лиц. Наиболее безошибочным знаком при опознании оказалось *«выражение» их лиц* – транскрипция испытуемых. В научной терминологии речь идет об «экспрессии» лица в целом, глаз и губ в особенности.

Экспрессия – это динамическая характеристика лица, связанная с проявлением эмоции, характерной для конкретного человека. Она в свою очередь порождена преобладающим привычным психическим состоянием. Мы видим, что экспрессия – это весьма сложный знак, в котором происходит синтез многих психических свойств человека, интегрированных в его отношении к другим людям и предметному миру. Обращает на себя внимание, что экспрессия при опознании людей по внешности оказалась самым надежным знаком индивидуальности человека.

При узнавании лиц незнакомых людей в ряду других объектов происходила их идентификация по полу, возрасту, этничности как национальности и другим общностям социально-групповой принадлежности, хотя и основанная на тех же элементах/признаках физического облика. Это указывает на семантическую (смысловую) многозначность внешнего облика человека в социальном взаимодействии людей, когда он используется как знак личности. Но именно так он и используется в повседневном общении людей.

Следует заметить, что на знаковой функции внешности человека была основана физиогномика как способ предсказания судьбы человека, его характера и мотивов. В XVIII веке она была даже востребована Екатериной Второй, императрицей России, как образовательная дисциплина при обучении пажей (придворного персонала). По ее заказу была написана книга по физиогномике и хиромантии. По ней в пажеском корпусе обучали читать тайные мысли при непосредственном общении с послами и придворными вельможами. Сегодня этот опыт изучается в социальной перцепции посредством специальных исследований как «язык тела» [20; 21]. Результаты таких исследований используются при медицинской диагностике, трактовке поведения политиков, актерской экспрессии, в психоанализе, в изобразительном искусстве и других сферах социального взаимодействия людей, где общение является основополагающим моментом сотрудничества и противостояния.

Языков общения бесконечно много (вербальные и невербальные языки). Если вербальные языки имеют осмысленную грамматику и синтаксис, то невербальные языки человеческого общения предстоит еще изучить. В любом случае все языки функционируют по семиотической формуле общения. Самой большой загадкой является образование смысла в невербальных языках. Это как раз то звено общения, где элементарная психическая деятельность трансформируется в сложную *психологическую деятельность* партнеров социального взаимодействия. Это именно та граница, которая непреодолима для искусственного интеллекта.

Психологическая деятельность зарождается и осуществляется в глубинах сознания и душевных мук, на которые искусственный интеллект никогда не будет способен из-за отсутствия у него чувственных и мотивационных основ поведения и деятельности – источников парадоксальности партнеров, определяющих их индивидуальный и непредсказуемый смысл взаимодействия. Он корректируется аффективным сопровождением их поведения и деятельности, что проявляется в переживаемых и демонстрируемых отношениях партнеров, которые А. Лэнгле (современный психоаналитик) рассматривал как вторичные эмоции [22]. Именно они переключают наш живой интеллект к необъяснимой логике метафизического мышления.

Выделение общих черт как значений личности в социальной перцепции совершается по эвристической логике предикативного мышления, основанной на функциональном совпадении знака со значением по смыслу. Это происходит на основании идентификации внешнего облика с ролью человека в социальной общности. Психологическая характеристика человека в этой роли хранится в социальной апперцепции субъекта восприятия, и оживает в его сознании по признакам внешнего облика.

Семиотика культуры и искусства в общении

Семиотика общения развивается у человека от изобразительных форм до сложных языковых форм на основе *предикативного мышления*. Под таким мышлением имеется в виду определение качественного подобия объектов, устанавливаемого субъектом на основе ассоциативного

опыта взаимодействия с ними как предикации по внешне выраженным признакам. «Предикативное мышление также является элементом когнитивно сложного символизма и символического мышления, где обобщения относительно понятий делаются на основании общих черт»[3]. Оно было порождено потребностью употребления индивидуального знания в коллективном сотрудничестве для увеличения возможностей общности в реальных ситуациях социального взаимодействия. Инструментом такого синтеза оказалась информационная коммуникация посредством невербальной и вербальной семиотики в совместной работе, обучении, организации жизнедеятельности, выражении идей, культуре и искусстве. Изобретаемые знаки стали средством перевода *идеальной реальности* партнеров социального взаимодействия в *виртуальное пространство общественного знания*, а затем в материально воплощенную предметную культуру бытия и искусства. За счет такого мышления происходит созидание *нового знания гипотетического характера*, в то время как искусственный интеллект может располагать знаниями только *аксиоматического характера*.

Общение в этом движении человека раскрывает его генетический потенциал как социально значимого субъекта в роли творца новых форм жизни. Каждая общность таких творцов создает свой субкультурный вариант житейского общения как новые адаптивные возможности к неопределенности, возникшей для этой общности на пути ее деятельности. Это зиждется на знаковых средствах невербального и вербального общения от жеста указующего перста до концепций социального поведения. Эти средства изобретаются и совершенствуются для улучшения всех функций общения в совместной деятельности людей. Они составляют материальную основу духовной культуры социального взаимодействия. Особенно это заметно на модернизации изобразительного искусства, развитие которого в основном связано с изобретением новых *форм* изображения как знаков человеческих чувств и отношений к миру вещей, людей и к самому себе авторов этих форм. Образы, в которых происходит авторское выражение восприятия объектов, представляют их проникновение в таинственные глубины психологии человека. Можно сказать, что это своеобразная эвристическая когниция, которая порождена предикативным мышлением, основанном на ассоциативных следах комплекса ощущений как чувственного подтекста, объективированного в новой знаковой форме уже как продукта сначала индивидуальной изобразительной деятельности художника, а затем технологического процесса. Технологическая форма знака может оказаться в когнитивном диссонансе с передаваемой информацией и оказаться в отрыве от содержания чувственного подтекста и психологического значения образа, чем, собственно, страдают произведения псевдоискусства, графоманы, тексты поп-музыки и созданные с использованием искусственного интеллекта.

Чтобы как-то прояснить эти разрывы содержания и формы, необходимо разобраться в семиотической формуле общения, предназначенной для сохранения психологической связи партнеров социального взаимодействия.

Семиотическая формула общения

Семиотическая формула общения в общем виде включает несколько очевидных явлений, связанных в определенной последовательности. В нашей концепции общения она выглядит следующим образом: «*канал связи – знак – значение – образ – смысл – отношение – поведение*».

По этой формуле происходит трансформация безусловного психического отражения в сложный процесс психологической деятельности партнеров, направленной на познание возможностей партнеров и координацию совместной деятельности субъектов социального взаимодействия. Для того чтобы такое взаимодействие началось, необходимо запустить процесс общения между партнерами по имеющимся у них *каналам связи*. Речь может идти об антропоморфных и технических средствах связи.

К *антропоморфным средствам связи в первую очередь относятся органы чувств*. Они представляют собой сенсорную организацию анатомического строения тела и являются врожденными средствами естественной связи человека с миром вещей, людей и самим собой. Сенсорная организация человека включает одиннадцать видов органов чувств, физически и психологически связывающих его с внешним миром [23]. Б. Г. Ананьев отмечал в деятельности этих органов чувств единство *гностических* и *коммуникативных функций* [14]. Однако до сих пор коммуникативный потенциал органов чувств не изучается хотя бы в той мере, когда он необходим при компенсации сенсорной изоляции человека.

Технические средства связи многократно усиливают интенсивность общения. Однако при их несомненном преимуществе мы сталкиваемся с потерями в *обратной связи* в ситуациях оперативного общения, когда в программе *робота* на другом конце коммуникации отсутствует

[3] Робер А. Указ. соч. С. 99.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ответ на внештатную ситуацию. Такие потери очень дорого обходятся всем живым участникам реального взаимодействия. Поэтому проблема «обратной связи» не столько в наличии контакта, сколько в его *содержательном* наполнении. Пока технические средства связи, внедренные в бытовое обслуживание населения, не только отнимают больше времени для установления контакта, чем при обычном телефонном звонке, но и не могут удовлетворить индивидуальные запросы абонентов в частных случаях. Обратная связь в этих случаях предполагает диалог, который возможен на языке, общем для партнеров общения как системе знаков с устоявшимися смысловыми значениями. Для диалога оптимальным языком общения всегда будет *родной язык*, соответствующий смыслам, закрепленным в национальной культуре социального взаимодействия. Поэтому в технических средствах связи важно, чтобы диалог осуществлялся на естественном языке живого общения, свойственном конкретным социальным генерациям людей, имеющих субкультурные различия в смысловых значениях, закрепленных за одними и теми же знаками общения.

Знаки в этом процессе выполняют коммуникативную функцию с целью координации смысла социального взаимодействия, т. е. психосемантическую функцию языков общения с вариациями *значений*, закрепленных в практике деятельности людей в субкультурных сообществах, т. к. знаки без значений не имеют смысла. «В значениях фиксируется, прежде всего, функция вещи, а не сама вещь, которая становится знаком ее функции. Функцию можно рассматривать как причинно-следственную связь между вещами (объектами)» [24, с. 16]. Это важная мысль, указывающая в социальной перцепции на познание качеств личности (смысловых значений) как ее возможностей по отношению к запросу на исполнение необходимых социальных функций партнеров социального взаимодействия, т. е. на *психологические значения*, усвоенные и закрепленные в их опыте общения (социальной апперцепции).

В социальной перцепции *внешность как знак личности* сигнализирует о психологических качествах человека как его функциях, которые он проявляет при *взаимодействии* с другими людьми. Однако сначала по внешности происходит идентификация человека по полу, возрасту, этничности как национальности и социально-групповой принадлежности. Каждое из этих определений партнера пробуждает в глубинах социальной апперцепции субъекта ассоциации с психологическими качествами личности, т. е. выполняет функцию *вторичного знака*, пробуждающего когнитивные эталоны и стереотипы, усвоенные партнерами социального взаимодействия в процессах общения, протекающих на протяжении всей жизни. Эти качества являются психологическими *значениями*, которые раскрывают *образ* партнера. Образ служит преодолению первичной неопределенности в общении партнеров и регулированию процесса взаимодействия по смыслу сотрудничества или противостояния, т. е. по смыслу социального взаимодействия.

Однако за одним и тем же знаком в разных сообществах закрепляются разные значения – это становится трудно решаемой проблемой общения между возрастными, профессиональными, этническими и другими общностями людей. В связи с этим на передний план выходит проблема психосемантических различий языков общения, что необходимо учитывать при конструировании вербальных научно-исследовательских средств познания психологии человека.

Различие в смыслах взаимодействующих партнеров создают проблемную ситуацию и понуждают их к регуляции *взаимоотношений* посредством обсуждения и других форм конативного общения. Под эти отношения партнеры выстраивают тактику и стратегию своего поведения, где семиотика общения становится основным инструментом управления социальным взаимодействием людей.

По мнению Л. С. Выготского, знак – это орудие психической деятельности высшего уровня. Именно знак является универсальной формой объективации психологического эффекта. Семиотическая парадигма в психологической науке утверждается по логике психической деятельности как *информационной коммуникации в процессе общения*, где происходит трансформация психического процесса в психологическую деятельность на основе развернутого диалога партнеров социального взаимодействия.

В *диалоге* проясняется *смысл*, ради которого возникло взаимодействие партнеров совместной деятельности, подыскиваются слова-синонимы, которые являются вторичными знаками разных смыслов и явлений. Мышление усложняется за счет категоризации и классификации объектов по их значениям в социальном взаимодействии людей. Эти значения отбираются по их связи с мотивами и намерениями партнеров, что определяет практический эффект общения в совместной жизнедеятельности людей.

Заключение

Предложенная нами семиотическая формула общения представляет собой эвристическую модель, которая описывает трансформацию знаков, доступных чувственному отражению, в психологическую реальность. Она демонстрирует, что общение – это не просто передача информации между партнерами по взаимодействию, а многоуровневый процесс, в котором на основе знаков возникают смыслы, регулирующие отношения и поведение людей, что делает его удобным инструментом для анализа общения на всех уровнях его реализации – от межличностного взаимодействия до различных форм массовой коммуникации.

Перспективы развития идей, представленных в этой статье, связаны с разработкой инструментария для диагностики и совершенствования общения людей. Нами ранее представлен метод Ролевой проекции личности [25], позволяющий изучать образы личности партнеров социального взаимодействия как проявления социальной апперцепции субъекта познания благодаря извлечению из социальной апперцепции представлений о качествах личности, ассоциируемых с теми или иными социальными ролями. В то же время коррекционно-развивающий инструментарий, который позволял бы совершенствовать общение на основе осознанного управления «знаковым поведением» и рефлексии апперцептивного содержания, проявляющегося в его интерпретации, сегодня весьма фрагментарен, что позволяет в качестве одного из перспективных направлений развития психологической практики обозначить внедрение принципов семиотического подхода к пониманию общения в конструирование методов повышения компетентности личности в общении.

Помимо этого, учитывая универсальный характер человеческого общения, пронизывающего все сферы человеческого бытия и выступающего условием развития психики и личности, идеи, изложенные в данной статье, могут быть полезны для решения широчайшего спектра прикладных задач, стоящих сегодня перед психологией и смежными науками. Так, синтез семиотического подхода к общению с нейронауками и технологиями машинного обучения может быть полезен для совершенствования диалога человека и искусственного интеллекта. Его интеграция в сферу образования может способствовать усилению развивающего потенциала педагогического взаимодействия и т. д. Таким образом, семиотика общения представляет собой не частную теорию общения, а одну из важнейших областей научного знания, раскрывающего смысловое содержание человеческого взаимодействия, составляющего подлинную природу социального бытия.

Список источников

1. *Резников Л. О.* Гносеологические вопросы семиотики. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1964. 304 с.

2. *Казаринова Н. В.* Общение в зеркале социальной семиотики // Дискурс. 2024. Т. 10, № 4. С. 43–52. https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-4-43-52

3. *Петрова Е. А.* Визуальная психосемиотика общения : монография. Москва : Академия имиджелогии, 2015. 320 с.

4. *Mingers J., Willcocks L.* An integrative semiotic methodology for IS research // Information and Organization. 2017. Vol. 27, № 1. P. 17–36. https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2016.12.001

5. *Olurotimi T. S.* Semiotics: A Transdisciplinary Quest for Meaning // International Journal of Linguistics, Literature and Translation. 2022. Vol. 5, № 8. P. 117–124. https://doi.org/10.32996/ijllt.2022.5.8.14

6. *Shilina M. G., Zarifian M.* Re-thinking Semiotics: Towards a New Categorization of a Sign // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.2023. Т. 14, № 2. С. 305–313. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-305-313

7. *Лотман Ю. М.* Феномен культуры // Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. I: Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 34–45.

8. *Лотман Ю. М.* Динамическая модель семиотической системы. Москва : [б. и.], 1974. 23 с.

9. *Behera P.* A Framework of Semiotics Theory to Understand the Signs and Their Meaning in Society // International Journal of Arts Architecture & Design. 2024. Vol. 1, № 2. P. 77–83. https://doi.org/10.62030/2024JanuaryArticle6

10. *Бодалев А. А., Васина Н. В.* Познание человека человеком : Возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты : монография. Санкт-Петербург : Речь, 2005. 336 с.

11. *Лабунская В. А.* «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 26–39.

12. *Seyfarth R. M., Cheney D. L.* The origin of meaning in animal signals // Animal Behaviour. 2017. Vol. 124. P. 339–346. https://doi.org/10.1016/j.anbehav.2016.05.020

13. *Górski K., Kondracki S., Kępka-Borkowska K.* The Complexity of Communication in Mammals: From Social and Emotional Mechanisms to Human Influence and Multimodal Applications // Animals. 2026. Vol. 16, № 2. P. 265. https://doi.org/10.3390/ani16020265

14. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания : [монография]. Ленинград : [б. и.], 1968. 338 с.

15. *Веккер Л. М.* Восприятие и основы его моделирования. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1964. 194 с.

16. *Веккер Л. М.* Психика и реальность : единая теория психических процессов. Москва : Смысл, 1998. 679 с.

17. *Ярбус А. Л.* Роль движений глаз в процессе зрения. Москва : Наука, 1965. 166 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

18. *Меньшикова Г. Я., Пичугина А. О.* К вопросу об особенностях анализа движений глаз в процессе восприятия лиц // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2021. № 1. С. 196–219. https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.08

19. *Lee J. K. W., Janssen S. M. J., Estudillo A. J.* A more featural based processing for the self-face: An eye-tracking study // Consciousness and Cognition. 2022. Vol. 105. P. 103400. https://doi.org/10.1016/j.concog.2022.103400

20. *Shailaja N.* The Interplay of Body Language and Paralanguage: Enhancing Communication through Nonverbal Cues // International Journal of Science and Research. 2024. Vol. 13, № 11. P. 1080–1085. https://doi.org/10.21275/sr241116122100

21. *Teja G. B., Shailaja N.* The Silent Language of the Body: Analyzing Body Language, Kinesics, and Proxemics in Interpersonal Communication // International Journal For Multidisciplinary Research. 2024. Vol. 6, № 6. P. 1–8. https://doi.org/10.36948/ijfmr.2024.v06i06.32612

22. *Эмоции и экзистенция* : [пер. с нем.] / Лэнгле А., Кондро Г., Тучч Л. [и др.] ; под ред. А. Лэнгле. Харьков : Гуманитарный Центр, 2007. 330 с.

23. *Ананьев Б. Г.* Теория ощущений. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1961. 456 с.

24. *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций : Из неопубликованных трудов. Москва : Издательство Академии педагогических наук, 1960. 500 с.

25. *Панферов В. Н.* Метод ролевой проекции личности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2025. Т. 35, № 3. С. 245–253. https://doi.org/10.35634/2412-9550-2025-35-3-245-253

References

1. *Reznikov L. O.* Gnoseologicheskie voprosy semiotiki. Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1964. 304 s.

2. *Kazarinova N. V.* Obshchenie v zerkale social'noj semiotiki // Diskurs. 2024. T. 10, № 4. S. 43–52. https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-4-43-52

3. *Petrova E. A.* Vizual'naya psihosemiotika obshcheniya : monografiya. Moskva : Akademiya imidzhelogii, 2015. 320 s.

4. *Mingers J., Willcocks L.* An integrative semiotic methodology for IS research // Information and Organization. 2017. Vol. 27, № 1. P. 17–36. https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2016.12.001

5. *Olurotimi T. S.* Semiotics: A Transdisciplinary Quest for Meaning // International Journal of Linguistics, Literature and Translation. 2022. Vol. 5, № 8. P. 117–124. https://doi.org/10.32996/ijllt.2022.5.8.14

6. *Shilina M. G., Zarifian M.* Re-thinking Semiotics: Towards a New Categorization of a Sign // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika.2023. T. 14, № 2. S. 305–313. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-305-313

7. *Lotman Yu. M.* Fenomen kul'tury // Izbrannye stat'i : v 3 t. Tallin : Aleksandra, 1992. T. I: Stat'i po semiotike i topologii kul'tury. S. 34–45.

8. *Lotman Yu. M.* Dinamicheskaya model' semioticheskoj sistemy. Moskva : [b. i.], 1974. 23 s.

9. *Behera P.* A Framework of Semiotics Theory to Understand the Signs and Their Meaning in Society // International Journal of Arts Architecture & Design. 2024. Vol. 1, № 2. P. 77–83. https://doi.org/10.62030/2024JanuaryArticle6

10. *Bodalev A. A., Vasina N. V.* Poznanie cheloveka chelovekom : Vozrastnoj, gendernyj, etnicheskij i professional'nyj aspekty : monografiya. Sankt-Peterburg : Rech', 2005. 336 s.

11. *Labunskaya V. A.* «Vidimyj chelovek» kak social'no-psihologicheskij fenomen // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2010. № 1. S. 26–39.

12. *Seyfarth R. M., Cheney D. L.* The origin of meaning in animal signals // Animal Behaviour. 2017. Vol. 124. P. 339–346. https://doi.org/10.1016/j.anbehav.2016.05.020

13. *Górski K., Kondracki S., Kępka-Borkowska K.* The Complexity of Communication in Mammals: From Social and Emotional Mechanisms to Human Influence and Multimodal Applications // Animals. 2026. Vol. 16, № 2. P. 265. https://doi.org/10.3390/ani16020265

14. *Anan'ev B. G.* Chelovek kak predmet poznaniya : [monografiya]. Leningrad : [b. i.], 1968. 338 s.

15. *Vekker L. M.* Vospriyatie i osnovy ego modelirovaniya. Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1964. 194 s.

16. *Vekker L. M.* Psihika i real'nost' : edinaya teoriya psihicheskih processov. Moskva : Smysl, 1998. 679 s.

17. *Yarbus A. L.* Rol' dvizhenij glaz v processe zreniya. Moskva : Nauka, 1965. 166 s.

18. *Men'shikova G. Ya., Pichugina A. O.* K voprosu ob osobennostyah analiza dvizhenij glaz v processe vospriyatiya lic // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya. 2021. № 1. S. 196–219. https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.08

19. *Lee J. K. W., Janssen S. M. J., Estudillo A. J.* A more featural based processing for the self-face: An eye-tracking study // Consciousness and Cognition. 2022. Vol. 105. P. 103400. https://doi.org/10.1016/j.concog.2022.103400

20. *Shailaja N.* The Interplay of Body Language and Paralanguage: Enhancing Communication through Nonverbal Cues // International Journal of Science and Research. 2024. Vol. 13, № 11. P. 1080–1085. https://doi.org/10.21275/sr241116122100

21. *Teja G. B., Shailaja N.* The Silent Language of the Body: Analyzing Body Language, Kinesics, and Proxemics in Interpersonal Communication // International Journal For Multidisciplinary Research. 2024. Vol. 6, № 6. P. 1–8. https://doi.org/10.36948/ijfmr.2024.v06i06.32612

22. *Emocii i ekzistenciya* : [per. s nem.] / Lengle A., Kondro G., Tuchch L. [i dr.] ; pod red. A. Lengle. Har'kov : Gumanitarnyj Centr, 2007. 330 s.

23. *Anan'ev B. G.* Teoriya oshchushchenij. Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1961. 456 s.

24. *Vygotskij L. S.* Razvitie vysshih psihicheskih funkcij : Iz neopublikovannyh trudov. Moskva : Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskih nauk, 1960. 500 s.

25. *Panferov V. N.* Metod rolevoj proekcii lichnosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika». 2025. T. 35, № 3. S. 245–253. https://doi.org/10.35634/2412-9550-2025-35-3-245-253

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 159.9.07

Сохранение личной цифровой свободы в информационном поле как стратегия самозащит от киберпреступлений

Юлия Валентиновна Андреева[1], доктор педагогических наук, профессор
Ирина Алексеевна Нижельская[2]

[1] Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
Москва (115054, Стремянный переулок, д. 36), Российская Федерация
[2] Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань (420008, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1), Российская Федерация
[1] andreevsemen@mail.ru, [2] irinanig71@mail.ru
[1] https://orcid.org/0009-0003-0689-7760, [2] https://orcid.org/0009-0004-3223-9179

Аннотация:
Актуальность: *В ситуации глобального информационного поля, сложно контролируемых цифровых систем и алгоритмов персонификации усиливается угроза конфиденциальности и безопасности личности. Цифровая свобода рассматривается как право на личное пространство в виртуальном мире, для самозащиты которого формируются спонтанные адаптивные стратегии – копинги самозащиты.* **Методы.** *Применены методы научного анализа, количественные и качественные экспериментальные методики (авторское анкетирование, анализ криминологической ситуации в Республике Татарстан в сфере киберпреступлений, экспертные интервью). Эксперимент проведен среди цифровых аудиторий (118 респондентов очно, 315 – онлайн).* **Результаты.** *Цифровая свобода коррелируется с отсутствием контроля (64 %), возможностью совершать любые действия в сети (57 %), высказывать свое мнение 33 %. Ведущие стратегии самозащиты у поколения «зумеров»: законопослушность, соблюдение общих правил (74 %), анонимность, искажение данных цифрового следа (61 % и 60 %), прогнозирование последствий (48 %).* **Заключение.** *Подтвердилась гипотеза о том, что эффективные стратегии самозащиты формируются при понимании ценности цифровой свободы и ресурсов информационного поля.*

Ключевые слова:
цифровая свобода, киберпреступность, стратегии самозащиты цифровых границ, саморегуляция цифровой личности

Для цитирования:
Андреева Ю. В., Нижельская И. А. Сохранение личной цифровой свободы в информационном поле как стратегия самозащит от киберпреступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 294–301.

Статья поступила в редакцию 04.02.2026; одобрена после рецензирования 31.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

© Андреева Ю. В., Нижельская И. А., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

Preserving personal digital freedom in the information sphere as a strategy for self-defence against cybercrime

Julia V. Andreeva[1], Doc. Sci. (Jurid.), Professor
Irina A. Nizhelskaya[2]

[1] Plekhanov Russian University of Economics
36, Stremyanny lane, Moscow, 115054, Russian Federation
[2] Kazan (Volga region) Federal University
18, build. 1, Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation
[1] andreevsemen@mail.ru, [2] irinanig71@mail.ru
[1] https://orcid.org/0009-0003-0689-7760, [2] https://orcid.org/0009-0004-3223-9179

Abstract:
Introduction. *In the context of the global information landscape, complex digital systems and personalisation algorithms, threats to privacy and personal security are intensifying. Digital freedom is regarded as the right to personal space in the virtual world, and spontaneous adaptive strategies – self-protection coping mechanisms – are developed to safeguard this space.* **Methods.** *The study employed methods of scientific analysis, as well as quantitative and qualitative experimental techniques (a questionnaire designed by the author, an analysis of the criminological situation in the Republic of Tatarstan with regard to cybercrime, and expert interviews). The experiment was conducted amongst digital audiences (118 respondents in person, 315 online).* **Results.** *Digital freedom correlates with a lack of control (64 %), the ability to do anything online (57 %) and the freedom to express one's opinion (33 %). The leading self-protection strategies among the "Z-generation" are: law-abiding behaviour and adherence to general rules (74 %), anonymity and obfuscation of digital footprint data (61 % and 60 %, respectively), and anticipating consequences (48 %).* **Conclusion.** *The hypothesis that effective self-defence strategies are formed through an understanding of the value of digital freedom and the resources of the information sphere has been confirmed.*

Keywords:
digital freedom, cybercrime, strategies for the self-protection of digital borders, self-regulation of digital identity

For citation:
Andreeva Ju. V., Nizhelskaya I. A. Preserving personal digital freedom in the information sphere as a strategy for self-defence against cybercrime // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 294–301.

**The article was submitted February 4, 2026;
approved after reviewing July 31, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Пространством жизни и деятельности человека в цифровом обществе становится *информационное поле*. Именно сюда все более изощренно внедряется преступный мир, именно здесь у граждан формируется понимание личных границ, конфиденциальности, зарождаются стратегии цифровой самозащиты. Динамика процессов впечатляет: в 2023 году Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) было зафиксировано 168 утечек персональных данных, в результате которых в открытый доступ попало более 300 млн записей. Удельный вес «киберпреступлений» в Российской Федерации за тот год увеличился более чем на 30 %. В 2025 году в Российской Федерации число таких преступлений хоть и уменьшилось на 10 %, но действия киберпреступников стали изощреннее. Так, в 2025 году зафиксировано 103 факта утечек персональных данных, в сеть утекло 50 млн записей о россиянах[1]. Жертвами киберпреступлений стали миллионы россиян, следовательно, любые меры профилактики киберпреступлений остаются *весьма актуальными*. Опрос, проведенный компанией GlobeScan в 2009–2010 гг. (27 973 респондентов в 26 странах) показал, что люди рассматривают доступ к интернету как фундаментальное право, и большинство из них не хотят, чтобы правительства регулировали его: «78 % пользователей считают, что интернет принес им большую свободу». Вместе с тем респонденты отмечали, что боятся цифрового мошенничества (32 %), насильственного контента (27 %), угроз конфиденциальности (20 %) и пр.[2] Стремительное развитие информационного поля, его сложность и открытость формируют необходимость поиска адаптационных стратегий как с позиции социальных

[1] РКН фиксирует снижение числа утечек персональных данных на фоне ужесточения законодательства // Интерфакс : [сайт]. URL: https://www.interfax.ru/russia/1055704 (дата обращения: 26.02.2026).

[2] 78 % пользователей назвали доступ в сеть своим фундаментальным правом // AdIndex.ru : [сетевое издание]. URL: https://adindex.ru/news/right/2010/03/9/41666.phtml (дата обращения: 26.02.2026).

и государственных институтов, так и с позиции самих пользователей. Отношение российских государственных институтов к информационной среде в начале нового века характеризовалось как спонтанное, мало регулируемое, но в последние годы сложилась практика государственного надзора и контроля в этой сфере, что связано большей частью с защитой государственных интересов. Между тем масштаб «мирового цифрового океана» столь велик (по оценкам компании International Data Corporation более 175 зеттабайт в 2025 году[3]), что контроль за информационной «свободой» не может оставаться только государственной задачей, это – сфера ответственности каждого гражданина. Информационная грамотность населения остается слабой, стратегии самозащиты спонтанны и недостаточно проанализированы. Возрастает потребность в защите персональных данных, однако цивилизация стоит на пороге парадокса, когда обеспечение цифровой свободы человека все чаще поручается искусственному интеллекту.

В ходе бесед с представителями молодого поколения было выяснено, что именно они готовы защитить в информационном поле. Большинство респондентов (более 89 %) назвали это «цифровой свободой». Данное понятие (*digital freedom*) соотносится с различными правами: на доступность информации, на открытое выражение мнения, на свободу выбора способов действий. Цифровая свобода может быть рассмотрена не только как «цифровое равенство», но и как право на защиту от киберугроз. Российский исследователь Л. Н. Мешкова считает, что «благодаря своей открытости и интерактивности цифровая среда расширяет пространство <…> для проявления инициативы, реализации своей экономической и политической самостоятельности, но возникает проблема технологического, административного и экономического регулирования и контроля информационно-коммуникативного пространства» [1]. Свободу каждая эпоха воспринимала по-разному – как ценность, как благо, как испытание. Дж. М. Балкина описал парадоксальность цифровой свободы с точки зрения ограничения[4]. Выходя в цифровое пространство, пользователь оставляет цифровой след, утрачивая анонимность (конфиденциальность), которая становится гарантом неких свобод. А. Г. Мясникова представляет цифровую свободу как форму самостоятельности в принятии решений: это «способность человека ставить перед собой цели и достигать их собственными силами» [2]. Понятие «свобода» стало ключевым для философии и права. Это категория деятельности при отсутствии внешнего целеполагания. В цифровой реальности, по Ж. Бодрияру, среда формирует выбор и влияет на него [3]. Философы определяли свободу как «независимость от произвольной воли другого» [4], тогда как в цифровом обществе открытость (цифровой след) – это доступ к ресурсам, при котором признается свобода другого [5]. Цифровая свобода может быть рассмотрена как понимание цифровых прав [6]. Изучая влияние социума на реализацию концепции цифровой свободы, авторы работы пришли к пониманию процессов саморегуляции, адаптации цифровых поколений под влиянием изменяющегося информационного поля [7]. Гарантии конституционных прав человека в информационной сфере требуют работы на «опережение» в системе правового регулирования, что предполагает выработку новых подходов обеспечения баланса частных и публичных интересов [8]. В Российской Федерации принят целый ряд законов и нормативных актов, охраняющих персональные данные, разработано множество приложений, использование которых способствует получению оперативно значимой информации для расследования эпизодов кибермошенничества. В последние годы опубликовано немало аналитических материалов о применении данных подходов [9–12]. Однако все еще эффективными являются меры предотвращения киберпреступлений – стратегии самозащиты цифровой свободы. *Цифровая свобода – осознанный и самостоятельный выбор пользователем стратегии информационного поведения для обеспечения личной и социальной безопасности.* Г. В. Солдатова и соавторы, рассматривая стратегии пользователей, полагают, что «отношение к технологиям конструируется вместе с компетенциями, которые признаются необходимыми», а также связывают осведомленность с безопасностью. «Скорость изменений… повышает востребованность осознанного, рефлексивного отношения к интернет-технологиям и их регулированию» [13]. В *социально-психологических исследованиях* анализируются поведенческие факторы и когнитивные искажения, влияющие на принятие решений в сети (феномен запланированного поведения, теория защитной мотивации, модель “privacy calculus” и др.). В *социологическом* подходе изучаются параметры и особенности цифровых аудиторий, обсуждаются идеи разрыва поколений – «цифрового неравенства», поскольку уязвимые группы (пожилые люди, малообеспеченные, с низким уровнем образования) имеют

[3] Анохин К. На интеллект закладывают мощности // Коммерсантъ : [сетевое издание]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7605031 (дата обращения: 26.02.2026).

[4] Balkin J. M. Digital Speech and Democratic Culture: A Theory of Freedom of Expression for the Information Society // NYU Law Review : [website]. URL: https://nyulawreview.org/issues/volume-79-number-1/digital-speech-and-democratic-culture/ (дата обращения: 26.02.2026).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

меньше ресурсов для самозащиты. В публикациях авторов исследования сформулированы основные идеи адаптации личности к ситуации цифрового (информационного) поля как поиск внутренней свободы, как *психологические стратегии* совладания, творческого саморазвития, ко-адаптации «Я» (Self) с самообучающимся, саморазвивающимся ИИ-нейротехнологиями [14; 15].

Методы

В исследовании применены общенаучные методы и методы экспериментальной проверки: количественные (опросы пользователей) и качественные: анализ кейсов, экспертные интервью (специалист по противодействию киберпреступности, сотрудник частного детективного агентства, специалист по информационной безопасности). Для анализа экспериментальных данных применены методы математической статистики (расчет доверительных интервалов (далее – ДИ) и критерий Стьюдента (t-тест)).

В исследовании приняло участие 118 респондентов, 65 % из них девушки, которые принадлежат к поколению Z (2000–2015 г. р.), все опрошенные с раннего детства приобрели опыт коммуникации и деятельности в информационной среде, имеют спонтанно сформированные навыки самозащиты личной «цифровой свободы». Профилактические меры «защит» от противоправных действий они видят в выработке индивидуальных стратегий самозащиты граждан.

Результаты и обсуждение

О высоком уровне киберпреступности свидетельствуют данные МВД по Республике Татарстан. С 2019 г. по 2023 г. число киберпреступлений в Татарстане выросло более чем вдвое (с 8 042 до 17 738) – это 32 % всех зарегистрированных преступлений в Республике Татарстан. К 2024 году рост зарегистрированных преступлений в данной сфере составил 40,8 %, а раскрываемость едва превысила 19 %. В 2024 году, по данным Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации, в Казани было зарегистрировано наивысшее в России количество подозрительных финансовых операций и владельцев карт (дропов). Министерству внутренних дел пришлось противодействовать теневому процессу (ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации[5] «Неправомерный оборот средств платежей»). Один из факторов роста IT-преступности – использование сим-боксов, устройств для организации колл-центров с «производительностью» около 1 000 мошеннических звонков в день. В 2025 году на территории Татарстана задержаны несколько крупных групп сим-боксеров, изъято около ста сим-боксов, 20 тыс. сим-карт. Общая сумма средств, похищенных у россиян кибермошенниками в 2025 году – около 5 трлн рублей, в Республике Татарстан – 5,7 млрд рублей. Криминальные стратегии использования цифрового следа граждан, нарушения границ личной цифровой свободы носят системный характер (материалы расширенной коллегии МВД по Республике Татарстан по итогам деятельности за 2025 год по запросу следственной части Главного следственного управления МВД по Республике Татарстан).

В ходе экспертных интервью были уточнены преступные стратегии и исследованы *возможные алгоритмы информационной самозащиты.*

Эксперт 1. Руслан Гумеров, начальник Управления по борьбе с киберпреступлениями МВД по Республике Татарстан, полковник полиции: «*В большинстве категорий преступлений люди сами отдают ключи доступа и деньги мошенникам. Преступники используют психологические приемы информационного давления и управления тревогой. МВД работает с усилением мер профилактики, разъясняя гражданам преступные схемы. Фактически это меры самозащиты и самоуправления в стрессовых ситуациях, управление своим информационным поведением*».

Эксперт 2. Евгений Щепин, член Ассоциации российских детективов и объединения “World Association of Detectives”: «*До 80 % информации содержится в открытых источниках. Человек, ведущий социально активный образ жизни, всюду оставляет цифровой след: делает заказы, получает штрафы, оплачивает услуги. В XXI веке невозможно прожить и дня, не зафиксировав свою геолокацию. Пользователи оставляют следы через социальные сети, а также через криптоканалы, куда приходит информация, похищенная из различных источников. Стратегия самозащиты: осознанные действия по предоставлению доступа к цифровым следам*».

Эксперт 3. Татьяна Никонорова, ведущий консультант по информационной безопасности в группе компаний “Innostage”: «*Пользователь самостоятельно передает право иным людям на*

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

использование своих цифровых прав и свобод: публикует всю информацию о себе: подписывается на рассылки, сообщая адрес, место работы, оставляет след голоса, изображений, почерка. Граждане всегда имеет право и по Конституции, и по нашим законам отказаться от передачи персональных данных. Стратегия самозащиты: анализ ситуации и вдумчивое распоряжение данными, прогнозирование последствий».

На следующем этапе были проведены беседы со студентами Казанский (Приволжский) федерального университета (направления журналистика, медиакоммуникация – 118 человек). В обсуждениях выявлены содержательные характеристики основных понятий кибербезопасности. Так, «*цифровая свобода*» – это возможность самовыражения, открытого доступа к информации, условие для самореализации личности, деструктивные явления «открытости». Цифровая свобода ассоциируется с отсутствием контроля (64 %), возможностью совершать любые действия в сети (57 %), высказывать свое мнение 33 %. Содержание понятия «*цифровой след*» – тревога по поводу сбора личных данных, угроз конфиденциальности, контроля со стороны государства и компаний. Пользователи, осознавая неизбежность цифрового следа в современном мире, выступают за контроль над использованием данных. Под понятием «*стратегии личной информационной безопасности*» молодые люди понимают «контроль персональных данных», «правильные действия по защите важных финансовых и личных цифровых данных».

По данным опроса, большая часть респондентов относит к цифровой свободе возможность сохранения конфиденциальности личной информации (рисунок 1).

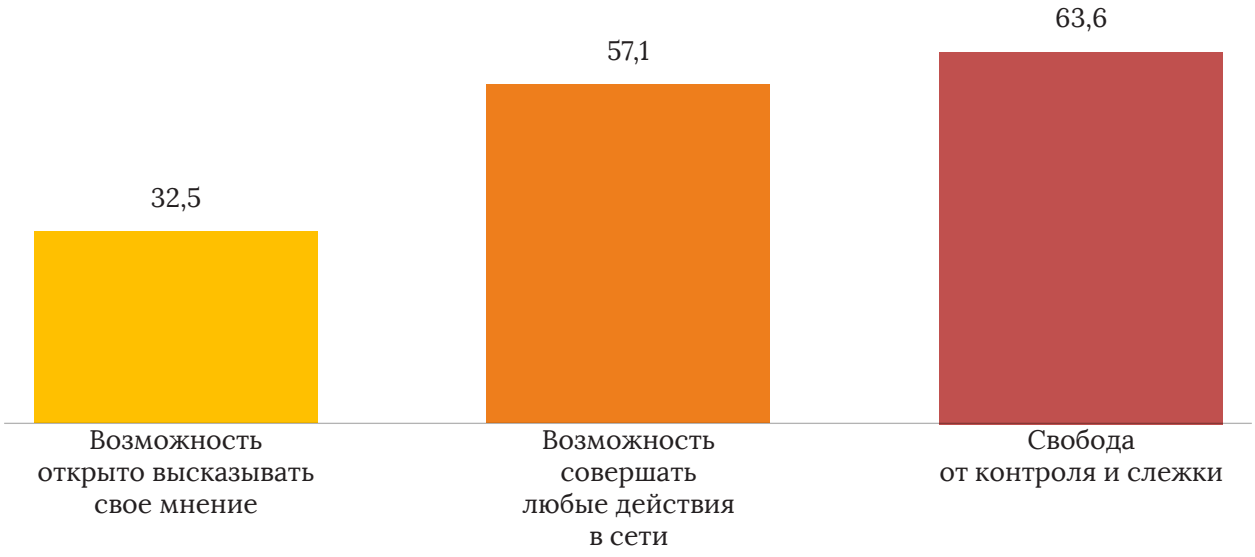

Рисунок 1. Представления респондентов о предмете защиты – «цифровой свободе» – у поколения Z (%)
Figure 1. Generation Z respondents' perceptions of the subject of protection – "digital freedom" (%)

В рамках исследования проведен онлайн-опрос студентов Казанского (Приволжского) федерального университета – пользователей официальной группы «ВШЖиМК – факультет журналистики» в социальной сети «ВКонтакте». Опрошено 315 участников группы, выявлены стратегии персонального информационного поведения:

1. *Прогнозирование действий*: перед тем, как опубликовать информацию, взвесить «за» и «против» (с учетом угрозы безопасности).

2. *Анонимность (аватары, ники)*: стремление к утаиванию персональных данных (ФИО, даты рождения, адреса, места работы / учебы, персональных данных друзей, родных, знакомых).

3. *Законопослушность*: соблюдение правил, норм, регламентов платформ. Стремление регулировать (запрещать) разрешение на публикацию персональных данных, регулярно обновлять пользовательские соглашения.

4. *Искажение данных*: сохранение конфиденциальности физических реальных действий, например, перемещений (разрешение на использование геолокации).

5. *Изменение настроек упоминаний аккаунта*: отключение возможности создать отметку профиля в публикациях других пользователей; сокрытие (удаление) вкладки с публикациями, где пользователь отмечен, из открытого доступа.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Ведущие стратегии самозащиты: законопослушность и соблюдение общих правил (74 %), анонимность, искажение данных цифрового следа (61 % и 60 %), прогнозирование последствий (48 %).

По данным опроса выявлено использование следующих стратегий самозащиты у группы людей в возрасте от 18 до 25 лет (рисунок 2).

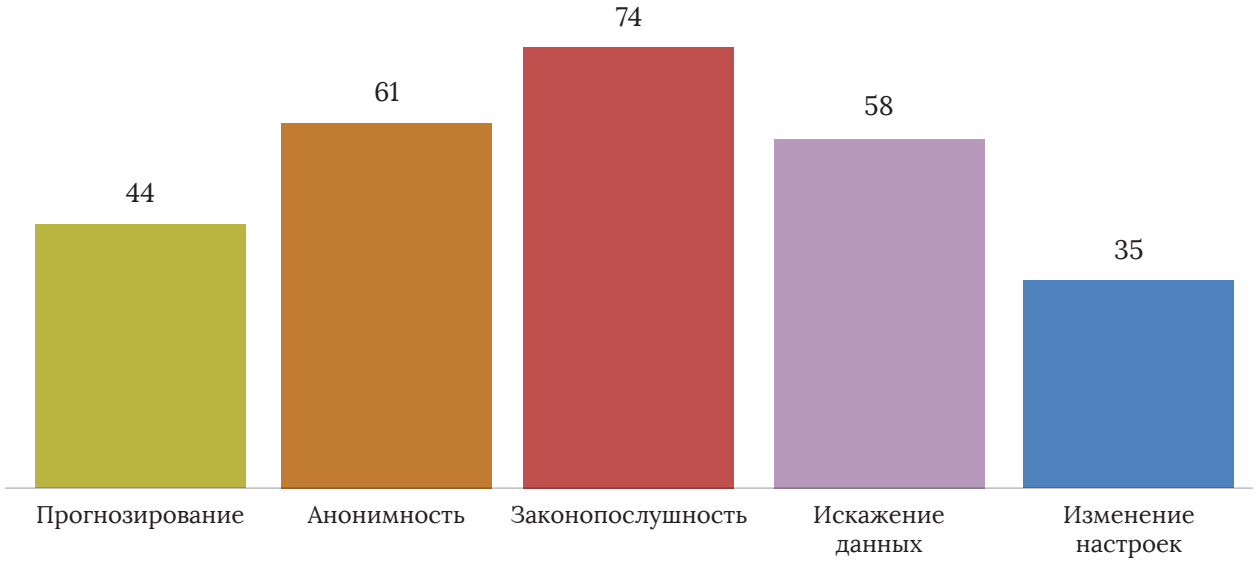

Рисунок 2 Предпочитаемые стратегии самозащиты «цифровой свободы» поколения Z (%)
Figure 2: Generation Z's preferred strategies for safeguarding "digital freedom" (%)

Потенциальные угрозы молодые люди чаще всего не видят или недооценивают: только 58 % однозначно отвечают, что ощущают угрозу – могут стать жертвой преступлений (рисунок 3).

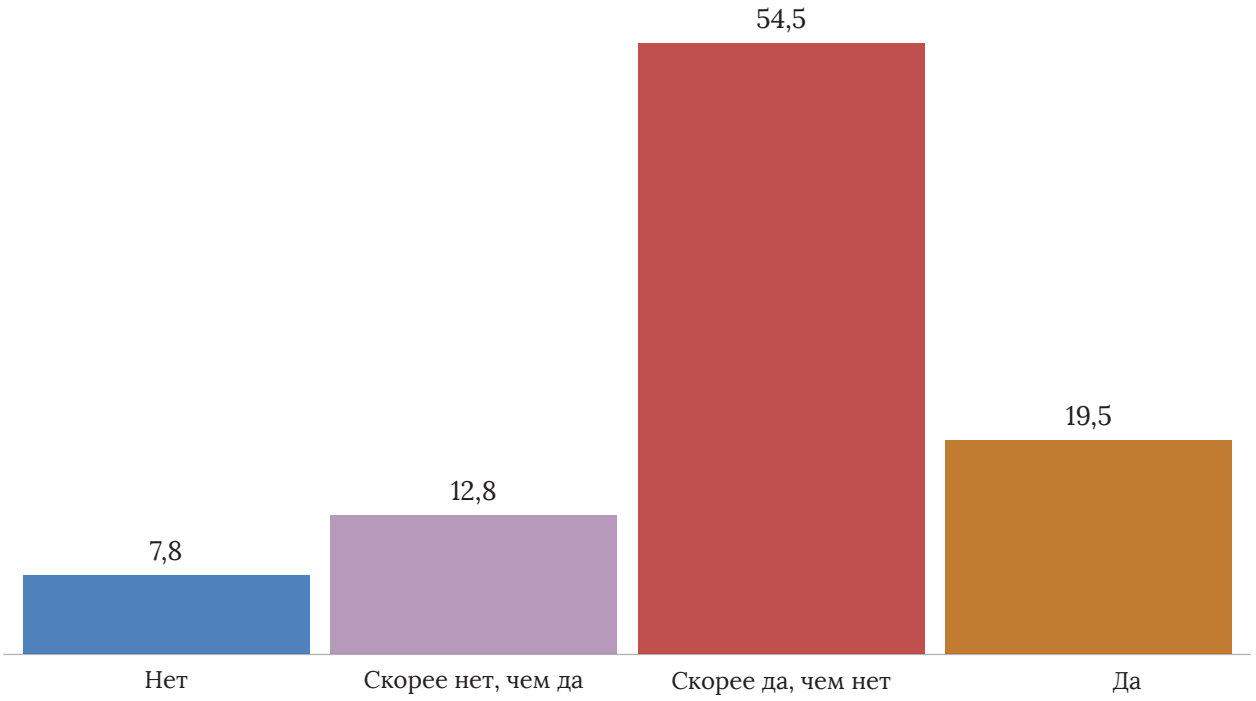

Рисунок 3. Мнение респондентов о возможных попытках нарушения цифровых прав (%)
Figure 3. Respondents' views on possible attempts to infringe digital rights (%)

Для оценки точности выборочных данных рассчитаны 95 % ДИ для долей ответов. Например, доля респондентов, ощущающих угрозу стать жертвой киберпреступлений, составила 58 % (95 % ДИ: 49–67 %, n = 118). Доля использующих стратегию законопослушности – 74 % (95 % ДИ:

66–82 %). Также применен критерий Стьюдента (t-тест): сравнивались средние баллы по шкале выраженности стратегий, средний уровень использования стратегии «анонимность» составил 4,1 балла (SD = 0,9), стратегии «законопослушность» – 4,6 балла (SD = 0,7); различия значимы: t (117) = 4,23, p < 0,001. В целом результаты показали, что лишь часть молодых людей (68 %) не испытывает нарушений «цифровой свободы», и умеет применять стратегии информационной самозащиты (более 75 %).

Статистически значимые различия выявлены при сравнении стратегий «законопослушность» (74 %; 95 % ДИ: 66,1–81,9 %) и «прогнозирование» (48 %; 95 % ДИ: 39,0–57,0 %): z = 4,09; p < 0,001, а также по средним баллам использования стратегий: t(117) = 4,23; p < 0,001.

Заключение

Цифровое пространство – среда совершения реальных преступных действий. Внешнее регулирование (контроль и государственный надзор) за сохранением прав и свобод граждан имеет ряд ограничений. Достижение полной «цифровой свободы» в самом широком смысле в настоящий момент невозможно. Личные стратегии самозащиты (прогнозирование действий, осознанная анонимность, соблюдение общих правил и регламентов платформ, изменение настроек и пр.) могут значительно повысить уровень личной безопасности граждан, стать мерами профилактики киберпреступлений. Среди поколения Z растет осознавание важности разработки копинг-стратегий самозащиты, иных практик личной информационной безопасности. В частности, приоритетными стартегиями стали прогнозирование угроз, ограничение предоставления данных, анонимность и искажение данных, законопослушность, следование правовым нормам и регламентам, управление техническими возможностями программ – повышение уровня информационной компетенции, пользовательских навыков – самообразование. Эффективные стратегии самозащиты вырабатываются при понимании ценности ресурсов информационного поля и цифровой свободы. Проведенный опрос показал, что активность пользователей связана с уверенностью в безопасности своего информационного поведения и сформированных стратегий самозащит.

Список источников

1. *Мешкова Л. Н.* Свобода в условиях цифровой культуры: возможности реализации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8, № 4А. С. 79–88. https://doi.org/10.34670/AR.2019.45.4.070

2. *Мясников А. Г.* Право на ложь как ловушка для свободы // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 174–186. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.12

3. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального/ перев. с фр. Н. В. Суслова. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2000. 95 с.

4. *Васильева М. Ю.* Идеализм Иммануила Канта : монография. Москва : Димитрейд График Групп. 2011. 276 с.

5. *Васильева М. Ю.* Проблема свободы в трансцендентной философии И. Канта // Власть. 2015. № 7. С. 96–101.

6. *Грачева С. А., Черемисинова М. Е.* Основные права и свободы в цифровом измерении // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. Т. 21, № 1. С. 64–73. https://doi.org/10.14529/law210110

7. *Андреева Ю. В., Шакурова А. Р., Якупова А. И., Косокина И. А.* Нарративный анализ мотивационных структур гражданской активности студенческой молодежи при создании культурно-просветительских обучающих проектов // Образование и саморазвитие. 2024. Т. 19, № 1. С. 66–80. https://doi.org/10.26907/esd.19.1.06

8. *Баранов П. П.* Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 63–69. https://doi.org/10.22394/2074-7306-1-2-63-69

9. *Крамской В. В., Козодаева А. Н.* Противодействие распространению кибермошенничеству: новые возможности в расследовании и пути совершенствования законодательства // Право: история и современность. 2021. № 2 (15). С. 79–87. https://doi.org/10.17277/pravo.2021.02.pp.079-087

10. *Кузнецов А. А., Галдина Э. О.* Конституционные права и свобода человека в цифровую эпоху // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-1 (66). С. 160–162. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-3-1-160-162

11. *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б.* Современные приоритеты развития информационного права: правовое обеспечение государственного суверенитета и информационной безопасности в информационном пространстве России // Государство и право. 2025. № 1. С. 160–173. https://doi.org/10.31857/S1026945225010148

12. *Болатбеккызы Г.* Правовые проблемы трансграничной передачи данных в эпоху цифровизации государственного управления // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2, № 2. С. 286–307. https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.15

13. *Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность : [монография]. Москва : Смысл, 2017. 374 с.

14. *Андреева Ю. В., Галиева А. Р., Ганиева А. М.* Цифровое саморазвитие личности: самооценка критериев, предпочитаемых сфер и эффективных стратегий у представителей молодого поколения // Психология. Психофизиология. 2026. Т. 19, № 1. С. 5–17. https://doi.org/10.14529/jpps260101

15. *Андреева Ю. В., Васин К. А.* Стратегии адаптации и ко-адаптации: опыт VR-погружения пользователя и сенсорные отклики / Казанские социологические чтения : сборник научных трудов VII Международной конференции, г. Казань, 17–18 мая 2024 г. / ред.: Р. Г. Минзарипов, М. Ю. Ефлова. Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. С. 10–15.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

References

1. *Meshkova L. N.* Svoboda v usloviyah cifrovoj kul'tury: vozmozhnosti realizacii // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2019. T. 8, № 4A. S. 79–88. https://doi.org/10.34670/AR.2019.45.4.070

2. *Myasnikov A. G.* Pravo na lozh' kak lovushka dlya svobody // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 5. S. 174–186. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.12

3. *Bodrijyar Zh.* V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo/ perev. s fr. N. V. Suslova. Ekaterinburg : Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000. 95 s.

4. *Vasil'eva M. Yu.* Idealizm Immanuila Kanta : monografiya. Moskva : Dimitrejd Grafik Grupp. 2011. 276 s.

5. *Vasil'eva M. Yu.* Problema svobody v transcendentnoj filosofii I. Kanta // Vlast'. 2015. № 7. S. 96–101.

6. *Gracheva S. A., Cheremisinova M. E.* Osnovnye prava i svobody v cifrovom izmerenii // Vestnik YUUrGU. Seriya «Pravo». 2021. T. 21, № 1. S. 64–73. https://doi.org/10.14529/law210110

7. *Andreeva Yu. V., Shakurova A. R., Yakupova A. I., Kosokina I. A.* Narrativnyj analiz motivacionnyh struktur grazhdanskoj aktivnosti studencheskoj molodezhi pri sozdanii kul'turno-prosvetitel'skih obuchayushchih proektov // Obrazovanie i samorazvitie. 2024. T. 19, № 1. S. 66–80. https://doi.org/10.26907/esd.19.1.06

8. *Baranov P. P.* Konstitucionnye prava i svobody cheloveka v cifrovuyu epohu // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2019. № 2. S. 63–69. https://doi.org/10.22394/2074-7306-1-2-63-69

9. *Kramskoj V. V., Kozodaeva A. N.* Protivodejstvie rasprostraneniyu kibermoshennichestvu: novye vozmozhnosti v rassledovanii i puti sovershenstvovaniya zakonodatel'stva // Pravo: istoriya i sovremennost'. 2021. № 2 (15). S. 79–87. https://doi.org/10.17277/pravo.2021.02.pp.079-087

10. *Kuznecov A. A., Galdina E. O.* Konstitucionnye prava i svoboda cheloveka v cifrovuyu epohu // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2022. № 3-1 (66). S. 160–162. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-3-1-160-162

11. *Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Naumov V. B.* Sovremennye prioritety razvitiya informacionnogo prava: pravovoe obespechenie gosudarstvennogo suvereniteta i informacionnoj bezopasnosti v informacionnom prostranstve Rossii // Gosudarstvo i pravo. 2025. № 1. S. 160–173. https://doi.org/10.31857/S1026945225010148

12. *Bolatbekkyzy G.* Pravovye problemy transgranichnoj peredachi dannyh v epohu cifrovizacii gosudarstvennogo upravleniya // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. T. 2, № 2. C. 286–307. https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.15

13. *Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Nestik T. A.* Cifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' : [monografiya]. Moskva : Smysl, 2017. 374 s.

14. *Andreeva Yu. V., Galieva A. R., Ganieva A. M.* Cifrovoe samorazvitie lichnosti: samoocenka kriteriev, predpochitaemyh sfer i effektivnyh strategij u predstavitelej molodogo pokoleniya // Psihologiya. Psihofiziologiya. 2026. T. 19, № 1. S. 5–17. https://doi.org/10.14529/jpps260101

15. *Andreeva Yu. V., Vasin K. A.* Strategii adaptacii i ko-adaptacii: opyt VR-pogruzheniya pol'zovatelya i sensornye otkliki / Kazanskie sociologicheskie chteniya : sbornik nauchnyh trudov VII Mezhdunarodnoj konferencii, g. Kazan', 17–18 maya 2024 g. / red.: R. G. Minzaripov, M. Yu. Eflova. Kazan' : Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet, 2024. S. 10–15.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 159.9

Социально-психологический анализ представлений иностранных граждан (мужчин) о гражданах Российской Федерации

Александра Александровна Гайворонская[1], кандидат психологических наук, доцент
Марина Геннадьевна Баринова[2], кандидат психологических наук, доцент

[1] Управление общественно-политической работы Следственного комитета Российской Федерации
Москва (105005, г. Москва, Технический переулок, д. 2), Российская Федерация
[2] Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
[1] agajvoronskaya@yandex.ru, [2] barinova195297@gmail.com
[1] https://orcid.org/0000-0002-1924-3622, [2] https://orcid.org/0000-0001-7146-7984

Аннотация:
Актуальность: *Актуальность исследования обусловлена ростом миграционных потоков в Российскую Федерацию и усилением межэтнической напряженности, что требует научного осмысления социально-психологических механизмов восприятия принимающего общества. Проблема заключается в противоречии между объективной необходимостью интеграции мигрантов и субъективными барьерами, возникающими из-за культурных различий, стереотипов и взаимных предубеждений. Целью исследования является изучение представлений иностранных граждан, мужчин-мигрантов о гражданах Российской Федерации как индикатора состояния межэтнических отношений.* **Методы.** *В исследовании приняли участие 102 иностранных гражданина из Армении, Казахстана, Киргизской Республики, Узбекистана и Таджикистана, проживающих в Москве, Санкт-Петербурге и Смоленске. Выборка многоступенчатая, стратифицированная по территориальному принципу, мужская, средний возраст 25,7 ± 2,5 года. Основным инструментом выступил семантический дифференциал Ч. Осгуда. Респондентам были предложены девятнадцать пар противоположных качеств-характеристик, описывающих человека. Качества-характеристики были разделены на четыре категории: морально-этические, профессиональные, коммуникативные и поведенческие. Обработка данных включала описательную статистику и кластерный анализ в программе Statistics 27.* **Результаты.** *Выявлено, что восприятие граждан Российской Федерации иностранными респондентами носит дифференцированный характер и базируется преимущественно на личном опыте взаимодействия. Кластерный анализ положительных качеств выделил три группы: нравственные, профессиональные, интегративные. Среди отрицательных характеристик сформировалось три кластера: профессионально-бытовой, нравственный и поведенческий. Полученные данные свидетельствуют о доминировании эгоцентрического и частичного этноцентрического уровней восприятия, что позволяет говорить о том, что полученные оценки обусловлены фундаментальной потребностью иностранных граждан в формировании позитивной социальной идентичности, которая в свою очередь служит основой для конструирования отношений сотрудничества. Результаты могут быть использованы для разработки профилактических мер по снижению ксенофобии и оптимизации межкультурного взаимодействия.*

Ключевые слова:
социальные представления, иностранные граждане, межэтнические отношения, риски межэтнической напряженности, семантический дифференциал

Для цитирования:
Гайворонская А. А., Баринова М. Г. Социально-психологический анализ представлений иностранных граждан (мужчин) о гражданах Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 302–312.

Статья поступила в редакцию 30.03.2026; одобрена после рецензирования 11.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

© Гайворонская А. А., Баринова М. Г., 2026

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

Foreign males' perceptions of Russian citizens: a socio-psychological analysis

Aleksandra A. Gayvoronskaya[1], Cand. Sci. (Psychol.), Docent
Marina G. Barinova[2], Cand. Sci. (Psychol.), Docent

[1] Public and political affairs directorate of the investigative committee of the Russian Federation
2, Tekhnichesky lane, Moscow, 105005, Russian Federation
[2] Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
[1] agajvoronskaya@yandex.ru, [2] barinova195297@gmail.com
[1] https://orcid.org/0000-0002-1924-3622, [2] https://orcid.org/0000-0001-7146-7984

Abstract:
Relevance: *The growing migration into the Russian Federation and the intensification of interethnic tensions require scholarly examination of the socio-psychological mechanisms underpinning perceptions within the host society. The research problem lies in the contradiction between the objective necessity of migrant integration and the subjective barriers arising from cultural differences, stereotypes, and mutual prejudices. This study examines foreign male migrants' perceptions of Russian citizens as a barometer of interethnic relations.* **Methods.** *The study involved 102 foreign citizens from Armenia, Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, Uzbekistan, and Tajikistan residing in Moscow, St. Petersburg, and Smolensk. The sample was multi-stage, stratified by geographic region, all male, with a mean age of 25.7 ± 2.5 years. The primary instrument was Ch. Osgood's Semantic Differential. Respondents rated nineteen pairs of opposing adjectives across four dimensions: moral-ethical, professional, communicative, and behavioural. Data analysis included descriptive statistics and cluster analysis using Statistics 27.* **Results.** *Foreign respondents' perceptions of Russian citizens were not uniform; they were differentiated and largely based on personal experience of interaction. Cluster analysis of positive attributes revealed three clusters: moral, professional, and integrative. The data indicate a predominance of egocentric and partial ethnocentric levels of perception suggesting that the evaluations are driven by the fundamental need of foreign citizens to construct a positive social identity, which in turn serves as a basis for building cooperative relationships. The findings may be used to develop measures for reducing xenophobia and improving intercultural interaction.*

Keywords:
social perception, foreign citizens, interethnic relations, risks of interethnic tension, semantic differential

For citation:
Gayvoronskaya A. A., Barinova M. G. Foreign males' perceptions of Russian citizens: a socio-psychological analysis // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 302–312.

**The article was submitted March 30, 2026;
approved after reviewing July 11, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

Актуальность исследования обусловлена ростом миграционных потоков в Российскую Федерацию и сопутствующим усилением межэтнической напряженности. Вопросы расследования преступлений в сфере миграции находятся в фокусе внимания руководителя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина. В. В. Путин, выступая на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации подчеркнул, что миграционная сфера является «очень важной и беспокоящей миллионы людей»[1].

Статистика преступлений, совершенных иностранными гражданами, отражает рост преступности. По итогам 2025 года иностранными гражданами и лицами без гражданства «совершено 41 103 преступления, что на 7 % превышает показатели предыдущего, 2024 года (38 578 случаев)»[2]. Удельный вес данной категории в общем массиве раскрытых преступлений вырос с 4,3 % до 5 %. На расширенном заседании коллегии Следственного комитета А. И. Бастрыкин сообщил: «Каждое третье из совершенных иностранными гражданами преступлений было связано с незаконным оборотом наркотиков, раскрыто в прошлом году 12 988 таких преступлений. На 18 % увеличилось, по данным Следственного комитета Российской Федерации,

[1] Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры // Президент России : [официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/73735 (дата обращения: 12.01.2026).

[2] Пантелеев Д., Химшиашвили П. Бастрыкин сообщил о росте на 7% совершенных мигрантами преступлений // РБК : [сетевое издание]. URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/politics/03/03/2026/69a6af7e9a794756cbdb6b17?utm_source=amp_textincutes (дата обращения: 20.03.2026).

число фактов незаконного оборота оружия с участием мигрантов (со 156 до 184). Почти вдвое возросло число совершенных ими преступлений террористического характера (с 253 до 483)»[3].

Увеличение преступности среди мигрантов и количество уголовных дел, направленных в суд, отмечает Д. В. Дьзоник [1]. Н. Е. Чанкова подчеркивает, что среди мигрантов, особенно нелегальных, существует высокая латентная преступность, при которой жертвы не обращаются в правоохранительные органы из-за страха депортации[4]. Л. А. Букалерова отмечает, что нелегальные мигранты занимаются незаконной коммерческой деятельностью (включая контрабанду оружия, наркотиков и т. д.), создавая криминогенную ситуацию в крупнейших городах, приграничных территориях, районах компактного проживания отдельных этнических групп [2]. С. В. Каипбекова пишет, что миграция влияет на образование и успехи в школе. В частности, возникают трудности в обучении, недостаточность социальных навыков, которые приводят к эмоциональному неблагополучию и влияют на адаптацию подростков [3], что может стать причиной совершения преступлений.

Объяснение преступлений в сфере миграции связано с нарастающей агрессией мигрантов как отражением неприспособленности (неадаптированности) приезжих к российскому менталитету, а также ненадлежащей организации работодателями социально-бытовых условий их пребывания[5] [4]. А. А. Кудрявцева отмечает, что «мигранты, прибывающие из стран с иными культурными, религиозными и социальными нормами, зачастую сталкиваются с языковыми барьерами, дискриминацией, социальной изоляцией и трудностями в трудовой и правовой сферах, что приводит к формированию замкнутых этнических анклавов, росту межэтнической напряженности и снижению эффективности использования миграционного потенциала. В свою очередь, принимающее общество не всегда готово к культурному многообразию, что усугубляет взаимное недоверие и конфликты»[6].

Одной из «набирающих силу тенденций стало демонстративное негативное отношение иностранных граждан (мигрантов) к гражданам Российской Федерации, в том числе к участникам специальной военной операции, сотрудникам правоохранительных органов, представителям органов власти»[7].

Противоправная и антиобщественная деятельность [5] прибывших иностранных граждан оказывает существенное негативное влияние на состояние межэтнических отношений на территории страны.

Отношение мигрантов к гражданам Российской Федерации становится характеристикой межэтнических отношений, является индикатором оценки уровня общественной и межнациональной (межэтнической) напряженности [6]. Перед обществом, государством стоит решение таких проблем, как нарастающая маргинализация, сложности с идентификацией, культурная унификация. Высокий уровень межэтнической напряженности создает условия для межнациональных конфликтов.

Изучение социально-психологических представлений иностранных граждан о гражданах Российской Федерации поможет выявить риски межэтнической напряженности у разных социальных групп иностранных граждан. К рискам относят культурные конфликты, экономические трудности, политические разногласия и др.

По данным Единой межведомственной информационной системы (ЕМИСС), пограничной службы ФСБ России и МВД России, всего в 2023 году на территорию Российской Федерации въехали около 15 млн иностранных граждан, в 2024 году – 16,7 млн иностранных граждан [7], а в 2025 году – 15,6 млн[8].

---

[3] URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/politics/03/03/2026/69a6af7e9a794756cbdb6b17?utm_source=amp_textincutes (дата обращения: 20.03.2026).

[4] Чанкова Н. Е. Сравнительный анализ преступности среди мигрантов в России, Китае и Германии: институциональные, статистические и социокультурные аспекты / Российская государственность: история и современность : сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 24 октября 2025 г. / науч. ред. В. В. Наумкина. Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2025. С. 111–112.

[5] Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам расследования резонансных преступлений // Следственный комитет Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://sledcom.ru /press/ events / item/1999074/ (дата обращения: 12.01.2026).

[6] См.: Кудрявцева А. А. Проблемы социокультурной адаптации мигрантов и пути их решения / Кадровый менеджмент, социология управления и социальные процессы : сборник статей. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. С. 113–118.

[7] Интервью Председателя СК России информационному агентству «РИА Новости» // Там же. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1780279/ (дата обращения: 12.01.2026).

[8] Въезд иностранных граждан в РФ // Единая межведомственная информационная статистическая система (ЕМИСС) : государственная статистика : [официальный сайт]. URL: https://fedstat.ru/indicator/38479 (дата обращения: 20.03.2026).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Нарушение равновесия в межэтнических отношениях приводит к нарушению баланса взаимоотношений в обществе, расколу массового сознания на множество этнических идентичностей, что соответствует характеристикам межэтнической напряженности.

Причины возникновения межэтнической напряженности у разных этнических групп можно рассмотреть с позиций теории комплексной угрозы [8]. В основе теории комплексной угрозы (Уолтер Г. Стефан и Куки Уайт Стефан) «содержатся представления о возможной или реальной опасности той или иной группы, что создает условия для возникновения разного рода предубеждений между этническими группами. Теория содержит следующие объяснительные компоненты: реалистичных угроз, символических угроз, межгрупповой тревоги и негативных стереотипов» [9–11].

Таким образом, даже ложные тревоги об угрозе имеют «реальные последствия» для создания предрассудков между этническими группами. Условия, способствующие формированию подобных установок (предрассудков) – это проявление культурных особенностей, таких как исторический опыт взаимодействия, архетипическая память (обиды, тревоги, ощущение себя жертвами).

Любое взаимодействие человека с новой, но при этом «чужой» для него культурой сопровождается процессом вхождения в данную культуру.

Цель исследования заключается в изучении представлений иностранных граждан о гражданах Российской Федерации.

В исследовании приняли участие иностранные граждане из следующих стран: Армения, Казахстан, Киргизская Республика, Узбекистан, Таджикистан.

Выборка, использованная в ходе опроса – многоступенчатая, стратифицированная, с организацией ступеней по территориальному принципу, репрезентирует иностранных граждан, проживающих в Москве (столичный город), Санкт Петербурге и Смоленске (областной город) по месту проживания, полу, возрасту, профессиональной принадлежности.

В исследовании приняли участие 102 человека, респонденты мужского пола. Выборка была разделена на группы, в зависимости от возраста: 1-я группа (18–24 года) – 49 мужчин; 2-я группа (25–34 года) – 53 мужчины. Средний возраст составил 25,7 ± 2,5 года.

Согласно неофициальной информации[9], в 2025 году большинство иностранных мужчин в России были заняты на складах в качестве разнорабочих. Это делает складскую отрасль лидером по привлечению иностранной рабочей силы. Популярность такой работы обусловлена несколькими факторами: бурным ростом онлайн-торговли (маркетплейсы), низкими требованиями к квалификации (достаточно инструктажа и соблюдения техники безопасности) и возможностью гибкого графика или вахтового метода работы. Таким образом, среди иностранных работников мужского пола преобладают представители рабочих специальностей, а женщины чаще заняты в торговле и сфере услуг. По данным Е. В. Кашкиной, женщинам ситуация эмиграции дается сложнее, у них чаще возникает эмоциональный дискомфорт [12].

Методы

В качестве метода исследования был использован семантический дифференциал, предложенный Ч. Осгудом [13]. Для построения субъективного семантического пространства были предложены понятия, характеризующие как положительные, так и отрицательные качества, при помощи которых можно составить описание человека (психологический портрет) [14].

Исследования в области позитивной психологии доказывают, что осознанное использование положительных качеств человека приводит к значительному повышению удовлетворенности жизнью. Отрицательные качества-характеристики нередко берут начало в глубинных психологических процессах, могут быть следствием работы защитных механизмов психики и в итоге способствуют нарушениям в коммуникации [15].

Респондентам были предложены девятнадцать пар противоположных качеств-характеристик, описывающих человека, двадцатую пару надо было придумать самостоятельно, которые необходимо было оценить по 10-балльной шкале. В роли положительных были предложены такие, как доброта, порядочность, надежность, исполнительность и т. п., отрицательными выступили жестокость, хитрость, лживость, мстительность, жадность, грубость, трусость и т. п. Выбранные характеристики коррелируют со взаимоотношениями с другими людьми, например, разрушают доверие, вызывают неприязнь, и с внутренними состояниями, повышая тревожность, вызывая страх.

[9] Очень новые люди: зачем российским работодателям трудовые мигранты из Азии и Африки // forbes.ru : [сетевое издание]. URL: https://www.forbes.ru/biznes/542670-ocen-novye-ludizacem-rossijskim-rabotodatelam-trudovye-migranty-iz-azii-i-afriki (дата обращения: 20.03.2026).

Предложенные качества-характеристики можно разделить на несколько категорий, которые представлены в таблице:

– морально-этические (доброта, честность, порядочность и др.);
– профессиональные (исполнительность, надежность, аккуратность и др.);
– коммуникативные (вежливость, прямота, простота и др.);
– поведенческие (адаптируемость и сотрудничество).

Таблица

Описание категорий, содержащих выделенные характеристики

Table

Description of categories containing the extracted characteristics

Категории, содержащие качества-характеристики	**Положительные качества**	**Отрицательные качества**
1. Морально-этические	доброта милосердие честность справедливость	жестокость мстительность трусость лицемерие
2. Профессиональные	трудолюбие аккуратность исполнительность	неорганизованность небрежность безответственность
3. Социальные (коммуникативные)	вежливость прямота доброжелательность	лживость подозрительность вспыльчивость
4. Личностные/поведенческие	опрятность щедрость уравновешенность надежность	безжалостность хитрость грубость ненадежность

Распределение качеств-характеристик по категориям носило условный характер, т. к. границы между качествами-характеристиками находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности и в конечном счете характеризуют целостную личность.

Морально-этическая категория представлена нравственными/безнравственными качествами, профессиональная категория отражает качества-характеристики, связанные с умениями и навыками, необходимыми для выполнения работы. Социальная (коммуникативная) категория содержит качества-характеристики, связанные со взаимодействием с другими людьми. Поведенческая категория отражает качества-характеристики, описывающие как поведение, так и индивидуальные особенности. Двадцатую (последнюю) пару характеристик как положительных, так и отрицательных качеств надо было предложить свою.

Качества-характеристики надо было оценить по 10-балльной шкале, где 1 – качество плохо выражено, 5–6 достаточно выражено, 10 – превосходно выражено. Полученные результаты (оценки) подвергались кластерному анализу в программе Statistics 27.

Результаты исследования

В оценках иностранных граждан положительных качеств принимающего населения (описательная статистика) было получено, что среднее (M) описано такими качествами-характеристиками, как доброта (8,78), трудолюбие (8,54), великодушие (8,46) и храбрость (8,40). Наименьшее среднее представлено таким качеством, как дисциплинированность (7.60).

Стандартное отклонение (SD) описывает такие качества-оценки, как прямота (2,46), честность (2,34), исполнительность (2,21). Описанные показатели представлены на рисунке 1.

Проведенный кластерный анализ, представленный в виде дерева классификации (дендрограммы), позволяет проанализировать степень близости между положительными оценками качеств-характеристик граждан Российской Федерации. В результате были получены следующие кластеры:

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

1-й кластер – «щедрость» и «вежливость» и в пару к ним «надежность» и «порядочность»;
2-й кластер – «честность и справедливость», с добавлением «исполнительности»;
3-й кластер – «аккуратность» и «опрятность».

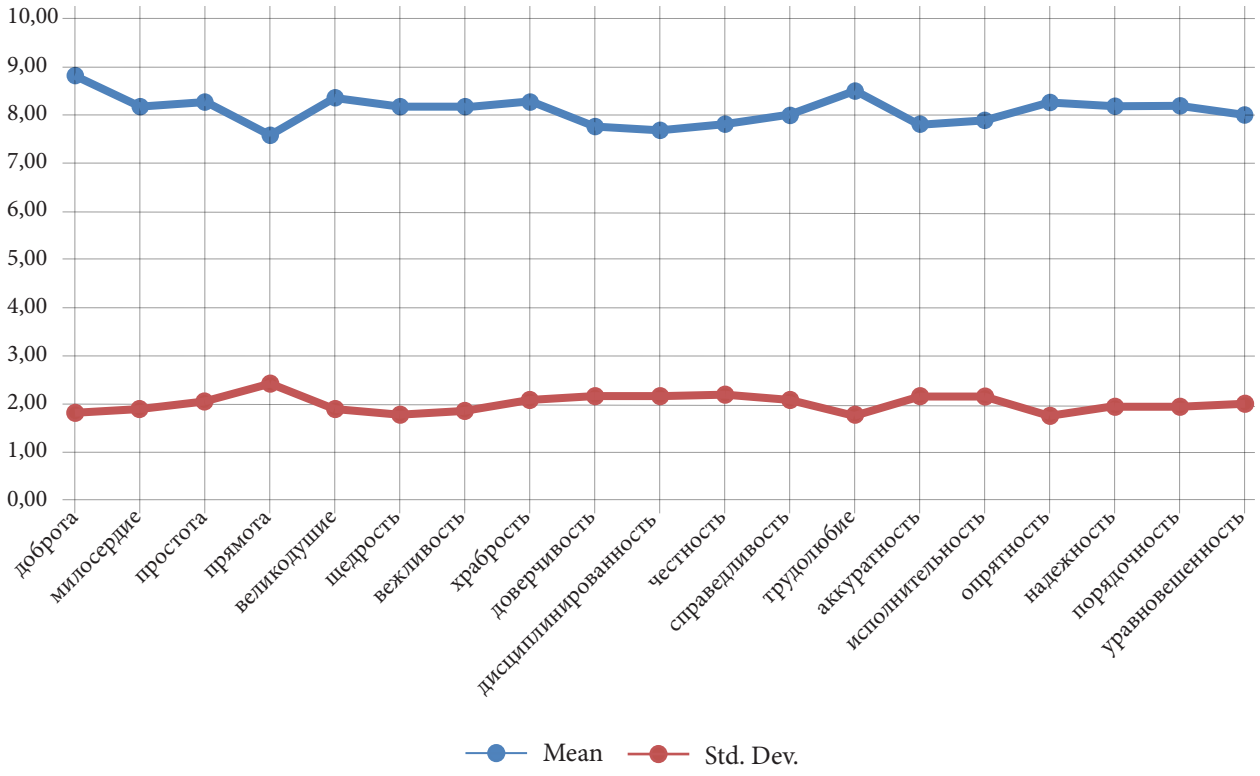

Рисунок 1. Показатели среднего значения (Mean) и стандартного отклонения (Std. Dev.) по оценкам положительных качеств
Figure 1. Mean and standard deviation values for positive trait ratings

В первом кластере сгруппированы качества-признаки, отражающие социальные и коммуникативные навыки, во втором кластере представлены нравственные качества. Третий кластер объединяет личностные качества-признаки. Малозначимы для респондентов при описании граждан Российской Федерации такие качества-характеристики, как прямота и доверчивость. Вероятно, эти качества стали встречаться все реже (см. рисунок 2).

Средние значения характерны для таких качеств, как вспыльчивость (4,41), хитрость (4,13), мстительность (4,10). В оценках иностранных граждан отрицательных качеств принимающего населения (описательная статистика) было получено наименьшее стандартное отклонение для таких качеств-характеристик, как нечистоплотность (1,85), непорядочность (2,07). Наибольшее стандартное отклонение получили такие качества-оценки, как мстительность (2,80), вспыльчивость (2,80), хитрость (2,57). Это представлено на рисунке 3.

В результате проведенного кластерного анализа отрицательных качеств-характеристик, представленного на рисунке 4, дерево классификации (дендрограмма) позволяет проанализировать степень близости оценок иностранных граждан принимающего населения, получены следующие кластеры:

1-й кластер – «трусость» и «непорядочность»;
2-й кластер – «подозрительность» и «безответственность»;
3-й кластер – «лживость», «жадность», к ним добавлено такое качество-характеристика, как «нечистоплотность».

Первый кластер представлен качествами-признаками из категории профессиональных качеств, во втором кластере выражены нравственные качества, третий кластер объединяет качества-признаки личностно-поведенческой категории.

Малозначимы для респондентов при описании граждан Российской Федерации такие качества-характеристики, как вспыльчивость, подозрительность. Вероятно, эти качества мало влияют на взаимодействие между людьми и установление между ними доверительных отношений.

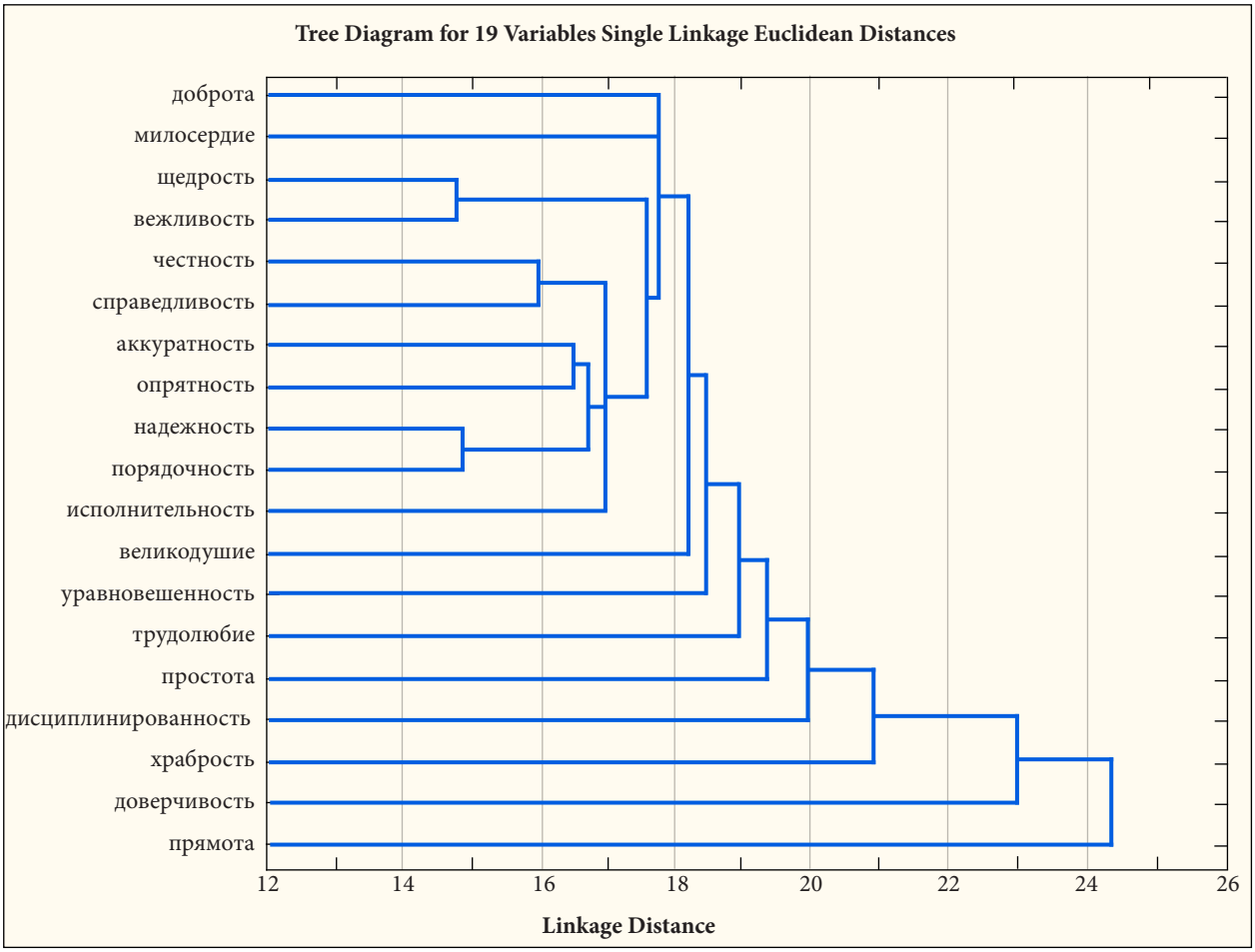

Рисунок 2. Кластерный анализ оценок положительных качеств принимающего населения
Figure 2. Cluster analysis of positive trait ratings of the host population

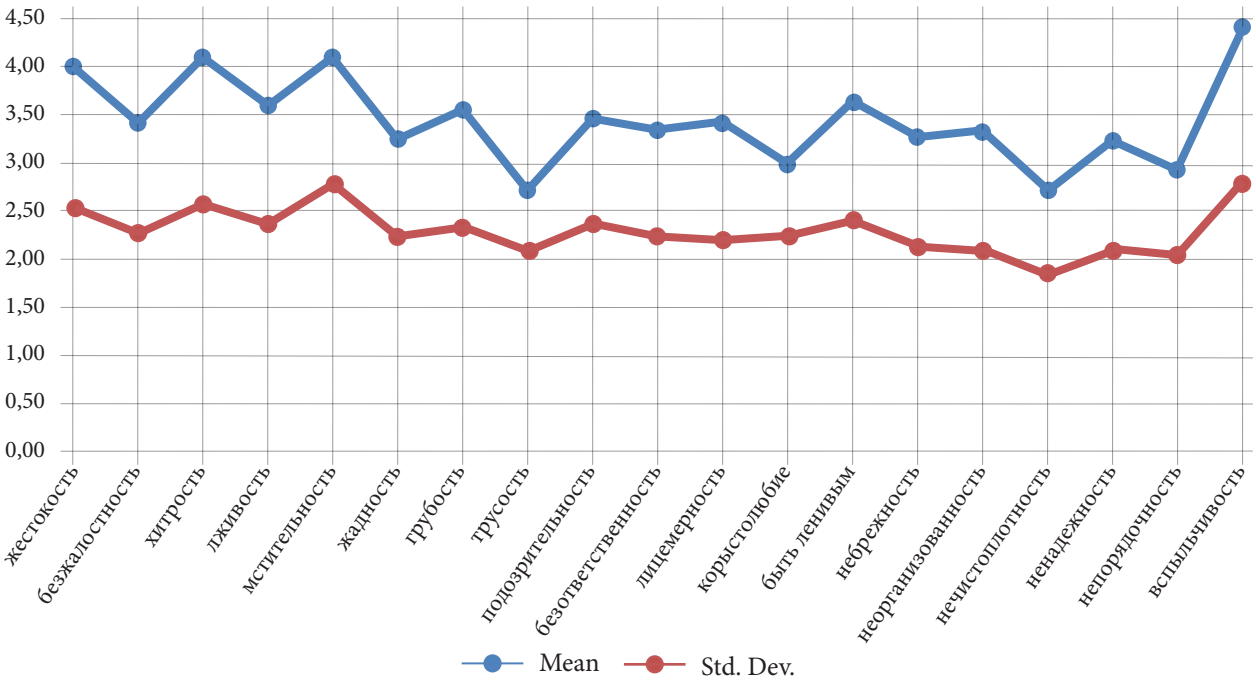

Рисунок 3. Показатели среднего значения (Mean) и стандартного отклонения (Std. Dev.) по оценкам отрицательных качеств
Figure 3. Mean and standard deviation values for negative trait ratings

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

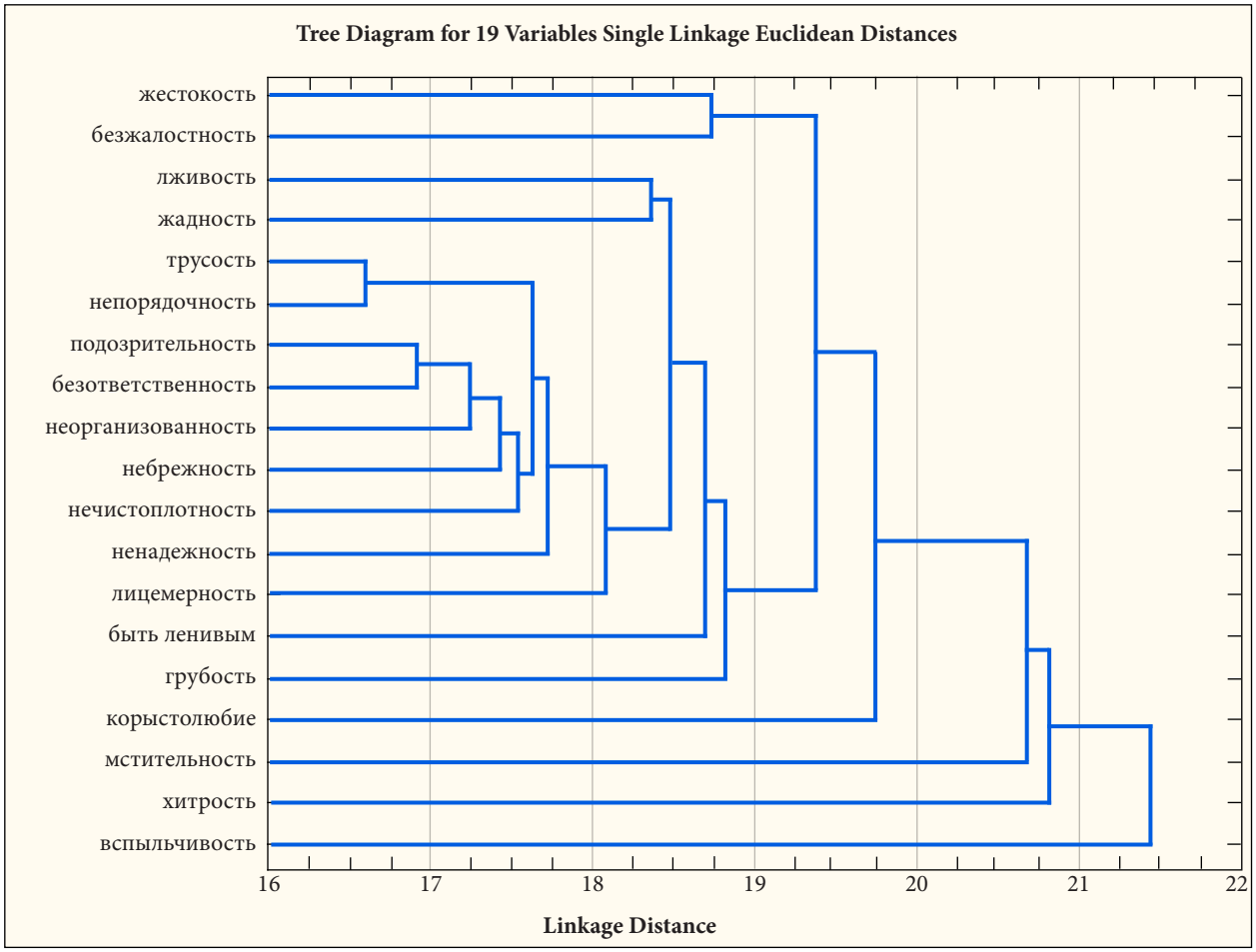

Рисунок 4. Кластерный анализ оценок отрицательных качеств принимающего населения
Figure 4. Cluster analysis of negative trait ratings of the host population

При дополнении списка двадцатой парой большую распространенность получили положительные качества, такие как дружелюбность, отзывчивость, общительность, душевность, и отрицательные: циничность, обидчивость, глупость, подлость и другие.

Таким образом, исследование социальных представлений иностранных граждан о гражданах Российской Федерации позволяет оценить проявления национализма, русофобии и может использоваться для поиска средств по снижению ксенофобии, шовинизма в обществе.

Эгоцентризм в межличностных отношениях характеризуется доминированием субъективного восприятия индивидом окружающей действительности. Такие люди склонны интерпретировать события и обстоятельства исключительно через призму собственных убеждений, ценностей и потребностей, часто пренебрегая или недооценивая перспективы и нужды других участников взаимодействия. Вероятно, у респондентов частично проявляются этноцентрические тенденции в склонности людей отождествлять себя с определенной этнической группой, что приводит к формированию дихотомии «мы против них». Собственная культура при этом становится своего рода «призмой», через которую все остальное оценивается по ее меркам. Принятие собственной этнической группы за эталон приводит к тому, что отличия представителей других этносов воспринимаются как отклонения (например, безжалостность, небрежность, хитрость и др.).

Механизм проекции или «эффект зеркала» выступает подсказкой для разрешения конфликтов и построения добропорядочных отношений.

Таким образом, восприятие иностранными гражданами (оценки качеств-характеристик) граждан Российской Федерации основано на личном опыте и отражает эгоцентрический, и частично этноцентрический уровень, что получило подтверждение в качественных оценках характеристик. Морально-этическая категория представлена следующими качествами:

– положительные качества: «честность», «справедливость»;

– отрицательные качества: «трусость» и «непорядочность».

Профессиональная категория:
– положительные качества: «дисциплинированность», «трудолюбие»;
– отрицательные качества: «непорядочность», «безответственность».
Социальная коммуникативная категория содержит качества-характеристики:
– положительные качества: «прямота», «великодушие»;
– отрицательные качества: «лицемерие», «небрежность».
Поведенческая категория отражает качества-характеристики:
– положительные качества: «уравновешенность», «вежливость»;
– отрицательные качества: «лживость», «жадность» и др.

Таким образом результаты позволяют говорить о том, что полученные оценки обусловлены фундаментальной потребностью иностранных граждан в формировании позитивной социальной идентичности, которая в свою очередь служит основой для конструирования отношений сотрудничества.

В целом обычный гражданин Российской Федерации выглядит в глазах иностранных граждан честным и справедливым, но иногда может быть неорганизованным и нечистоплотным, при выполнении профессиональных обязанностей в основном дисциплинирован и трудолюбив, но может быть безответственным и непорядочным, во взаимодействии с другими людьми проявляет великодушие и прямо говорит о том, что думает, в поведении демонстрирует вежливость и уравновешенность, однако некоторые могут быть лживыми и жадными.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу исследования о том, что социально-психологические представления иностранных граждан о жителях Российской Федерации носят дифференцированный характер и формируются преимущественно на основе личного опыта взаимодействия в профессиональной и бытовой сферах. Выявленная кластерная структура оценок демонстрирует, что респонденты склонны разделять восприятие принимающего населения на нравственные, профессиональные и коммуникативные компоненты, что согласуется с положениями теории комплексной угрозы о том, что реалистичные угрозы в виде конкуренции за ресурсы и профессиональные качества, и символические угрозы, представляющие ценностные различия и нравственные характеристики, формируют различные векторы восприятия.

Единство в оценках таких качеств, как «порядочность», «храбрость», «надежность» свидетельствует о наличии устойчивых, разделяемых большинством мигрантов представлений о базовых нравственных характеристиках россиян. В то же время высокая вариативность таких характеристик, как «простота», «доверчивость», «грубость» указывает на ситуативный характер восприятия этих черт, зависящий от индивидуального опыта респондента. Примечательно, что в самостоятельно сформулированных характеристиках преобладали качества, связанные с эмоциональной близостью и межличностной теплотой, такие как «дружелюбие», «душевность», «отзывчивость», что может интерпретироваться как запрос на более глубокую социальную включенность и эмпатийное взаимодействие с принимающим обществом.

Иностранные граждане воспринимают граждан Российской Федерации через преломление собственного опыта и осознание этнических особенностей, проявляющихся в культуре и потребности формирования положительной социальной идентичности. В результате мигранты интерпретируют поведение российских граждан с позиции собственных ценностей, что усиливает их собственную тревогу и приводит к негативным последствиям, особенно при отсутствии конструктивного диалога.

Ограничения исследования

В данном исследовании представлена мужская выборка. В дальнейшем возможно исследование преимущественно женской выборки для выявления различий. Перспективами дальнейшего исследования являются сравнение с аутостереотипами мигрантов. В статье не описывается восприятие иностранных граждан старших возрастных групп, в дальнейшем можно сравнить взгляды на граждан Российской Федерации молодых и возрастных иностранных граждан.

Заключение

Социально-психологический анализ представлений иностранных граждан о гражданах Российской Федерации показал, что в основе восприятия лежит личный опыт, отражающий эгоцентрический и частично этноцентрический уровни. Это позволяет говорить о формировании

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

позитивной социальной идентичности, способствующей конструированию отношений сотрудничества.

Практическая значимость работы заключается в подтверждении необходимости учета индивидуальных и этнических особенностей иностранных граждан в формировании позитивного взаимодействия с гражданами Российской Федерации.

Перспективами дальнейших исследований могут служить следующие предложения. Во-первых, создать систему мониторинга социальных представлений, которую можно использовать как инструмент корректировки миграционной политики, т. к. выявленная связь между восприятием и потребностью в позитивной социальной идентичности указывает на то, что интеграционная политика должна работать не только с поведением, но и с социальными представлениями. Во-вторых, можно создать курсы обучения для работодателей, рассказывающие об особенностях мотивации, коммуникации, разрешения конфликтов с учетом культурных особенностей, т. к. мужчины-мигранты готовы признавать профессиональные компетенции россиян, но нуждаются в подтверждении нравственной надежности. Предложения построены на идее двусторонней адаптации: не только мигранты учатся понимать россиян, но и принимающее общество развивает культурную компетентность. Это соответствует выводам исследования о том, что восприятие формируется в диалоге, а не в одностороннем оценивании.

Список источников

1. *Дзьоник Д. В.* Проблемы и тенденции противодействия нелегальной миграции в современной России / Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 31 октября 2024 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 52–55.

2. *Букалерова Л. А., Кашапов Р. М.* Этнические анклавы как источник миграционной преступности: сравнительный анализ методов противодействия России и Дании // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 10-1. С. 97–107. https://doi.org/10.34670/AR.2023.69.82.011

3. *Каипбекова С. В.* Репертуар трудных ситуаций социального взаимодействия подростков из семей мигрантов / Технопарк универсальных педагогических компетенций : материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Чебоксары, 30 октября 2025 г. Чебоксары : Издательский дом «Среда», 2025. С. 15–17.

4. *Социально-психологические особенности адаптации трудовых мигрантов* : монография / Бородавко Л. Т., Дзьоник Д. В., Злоказов К. В., Рожков А. А. [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. 152 с.

5. *Король К. П., Постовалова К. Д., Козлова Н. В.* Права человека и миграция: конституционные гарантии для мигрантов и беженцев // Научный Лидер : [сетевое издание]. 2025. № 23 (224). С. 300–304. URL: https://scilead.ru/article/9178-prava-cheloveka-i-migratsiya-konstitutsionnie.

6. *Трофимова Т. А.* Проблема преступности иностранных граждан // Закон и право. 2022. № 3. С. 206–208. https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-3-206-208

7. *Бурда М. А., Зорин В. Ю.* Миграционная политика современной России: формирование мест компактного проживания иностранных граждан как фактор риска межнациональных отношений // PolitBook. 2024. № 4. С. 6–17. https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-6-17

8. *Воронов В. В.* Межэтнические отношения и миграционная политика в регионах России // Мониторинг правоприменения. 2025. № 3 (56). С. 140–148. https://doi.org/10.24412/2226-0692-2025-3-140-148

9. *Stephan W. G., Stephan C. W.* An integrated threat theory of prejudice // Reducing Prejudice and Discrimination / Oskamp S. (ed.). Reducing Prejudice and Discrimination. 1st ed. New York : Psychology Press, 2000. P. 23–45. https://doi.org/10.4324/9781410605634

10. *Stephan W. G., Ybarra Ó., Morrison K. R.* Intergroup threat theory // Nelson T. (ed.). Handbook of Prejudice. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum. 2009. 44 p.

11. *Гринченко Е. А.* Репрезентация образа мигранта в СМИ Ростовской области: интеграционный потенциал // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 5. С. 170–183. https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.5.14

12. *Кашкина Е. В.* Психические состояния мигрантов в процессе их аккультурации // Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 485–489. https://doi.org/10.24412/2782-3849-2026-1-485-489

13. *Новиков А. Л., Новикова И. А.* Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 3. С. 63–71.

14. *Гайворонская А. А.* Метод «множественной идентификации» в исследовании просоциального поведения принимающего населения и мигрантов // В мире научных открытий. 2013. № 3-2 (39). С. 70–83.

15. *Козлова М. В.* Методологические основы качества жизни // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3-1 (55). С. 221–225.

References

1. *Dz'onik D. V.* Problemy i tendencii protivodejstviya nelegal'noj migracii v sovremennoj Rossii / Aktual'nye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migracionnyh processov na territorii gosudarstv-uchastnikov SNG : sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Sankt-Peterburg, 31 oktyabrya 2024 g. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2024. S. 52–55.

2. *Bukalerova L. A., Kashapov R. M.* E`tnicheskie anklavy` kak istochnik migracionnoj prestupnosti: sravnitel`ny`j analiz metodov protivodejstviya Rossii i Danii // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13, № 10-1. S. 97–107. https://doi.org/10.34670/AR.2023.69.82.011

3. *Kaipbekova* S. V. Repertuar trudnyh situacij social'nogo vzaimodejstviya podrostkov iz semej migrantov / Tekhnopark universal'nyh pedagogicheskih kompetencij : materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, g. Cheboksary, 30 oktyabrya 2025 g. Cheboksary : Izdatel'skij dom «Sreda», 2025. S. 15–17.

4. *Social'no-psihologicheskie osobennosti adaptacii trudovyh migrantov* : monografiya / Borodavko L. T., Dz'onik D. V., Zlokazov K. V., Rozhkov A. A. [i dr.]. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2023. 152 s.

5. *Korol'* K. P., *Postovalova* K. D., *Kozlova* N. V. Prava cheloveka i migraciya: konstitucionnye garantii dlya migrantov i bezhencev // Nauchnyj Lider : [setevoe izdanie]. 2025. № 23 (224). S. 300–304. URL: https://scilead.ru/article/9178-prava-cheloveka-i-migratsiya-konstitutsionnie.

6. *Trofimova* T. A. Problema prestupnosti inostrannyh grazhdan // Zakon i pravo. 2022. № 3. S. 206–208. https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-3-206-208

7. *Burda* M. A., *Zorin* V. *Yu.* Migracionnaya politika sovremennoj Rossii: formirovanie mest kompaktnogo prozhivaniya inostrannyh grazhdan kak faktor riska mezhnacional'nyh otnoshenij // PolitBook. 2024. № 4. S. 6–17. https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-6-17

8. *Voronov* V. V. Mezhetnicheskie otnosheniya i migracionnaya politika v regionah Rossii // Monitoring pravoprimeneniya. 2025. № 3 (56). S. 140–148. https://doi.org/10.24412/2226-0692-2025-3-140-148

9. *Stephan* W. G., *Stephan* C. W. An integrated threat theory of prejudice // Reducing Prejudice and Discrimination / Oskamp S. (ed.). Reducing Prejudice and Discrimination. 1st ed. New York : Psychology Press, 2000. P. 23–45. https://doi.org/10.4324/9781410605634

10. *Stephan* W. G., *Ybarra* Ó., *Morrison* K. R. Intergroup threat theory // Nelson T. (ed.). Handbook of Prejudice. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum. 2009. 44 p.

11. *Grinchenko* E. A. Reprezentaciya obraza migranta v SMI Rostovskoj oblasti: integracionnyj potencial // Gumanitarij Yuga Rossii. 2022. T. 11, № 5. S. 170–183. https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.5.14

12. *Kashkina* E. V. Psihicheskie sostoyaniya migrantov v processe ih akkul'turacii // Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik. 2026. № 1. S. 485–489. https://doi.org/10.24412/2782-3849-2026-1-485-489

13. *Novikov* A. L., *Novikova* I. A. Metod semanticheskogo differenciala: teoreticheskie osnovy i praktika primeneniya v lingvisticheskih i psihologicheskih issledovaniyah // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2011. № 3. S. 63–71.

14. *Gajvoronskaya* A. A. Metod «mnozhestvennoj identifikacii» v issledovanii prosocial'nogo povedeniya prinimayushchego naseleniya i migrantov // V mire nauchnyh otkrytij. 2013. № 3-2 (39). S. 70–83.

15. *Kozlova* M. V. Metodologicheskie osnovy kachestva zhizni // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 3-1 (55). S. 221–225.

Вклад авторов:

Гайворонская А. А. – идея исследования; теоретико-методологическое обоснование исследования; применение статистических, математических и других методов для анализа данных; написание и оформление рукописи; планирование исследования; сбор и анализ данных; описание интерпретации результатов.

Баринова М. Г. – аннотирование, написание и оформление рукописи; сбор данных; анализ результатов эмпирических данных, описание интерпретации результатов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

Gaivoronskaya A. A. – research idea; theoretical and methodological framework of the research; application of statistical, mathematical, and other methods for data analysis; writing and formatting the manuscript; research design; data collection and analysis; description of the interpretation of results.

Barinova M. G. – abstracting, writing, and formatting the manuscript; data collection; analysis of empirical data results, and description of the interpretation of results.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 159.9

Многокультурные аспекты юридической психологии и психологии безопасности

Нгуен Хыу Тоан, кандидат наук

Народная полицейская академия Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам
Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам

Аннотация:
Актуальность: *В условиях глобализации и усиления миграционных процессов общество становится все более культурно разнообразным, что оказывает значительное влияние на правовое поведение и деятельность по обеспечению безопасности и общественного порядка. В связи с этим юридическая психология и психология безопасности должны развиваться на основе мультикультурного подхода для интерпретации и эффективного разрешения сложных социальных явлений.* **Методы исследования:** *общенаучные методы анализа и систематизации, использованные в отношении повышения эффективности обеспечения безопасности и общественного порядка в мультикультурном обществе с учетом условий Вьетнама.* **Результаты.** *В статье анализируются мультикультурные аспекты, такие как правовое сознание, установки, правовое поведение, коммуникация и групповая идентичность; рассматривается их проявление в расследовании, судебной деятельности, исполнении наказаний и борьбе с преступностью. На этой основе выявляются существующие проблемы и предлагаются меры по повышению эффективности обеспечения безопасности и общественного порядка в новых условиях.*

Ключевые слова:
мультикультурализм, юридическая психология, безопасность, правовое поведение, культурное взаимодействие

Для цитирования:
Тоан Н. Х. Многокультурные аспекты юридической психологии и психологии безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 313–320.

Статья поступила в редакцию 06.07.2026; одобрена после рецензирования 12.09.2026; принята к публикации 25.09.2026.

Original article

Multicultural aspects of legal and security psychology

Nguen H. Toan, Cand. Sci.

DPeople's Police Academy of the Ministry of Public Security of the Socialist Republic of Vietnam
Hanoi, Socialist Republic of Vietnam

Abstract:
Relevance: *In the context of globalisation and intensifying migration processes, society is becoming increasingly culturally diverse, significantly impacting legal behaviour and efforts aimed at ensuring security and public order. In this regard, legal and security psychology must evolve based on a multicultural approach in order to interpret and effectively address complex social phenomena.* **Research methods.** *General scientific methods of analysis and systematisation were used to examine ways of improving the effectiveness of security and public order in a multicultural society, specifically considering the context of Vietnam.* **Results.** *The article analyses multicultural aspects such as legal consciousness, attitudes, legal behaviour, communication and group identity and examines their manifestation in criminal investigations, judicial proceedings, the execution of sentences and the fight against crime. On this basis, existing challenges are identified, and measures are proposed to enhance the effectiveness of ensuring security and public order under these new circumstances.*

Keywords:
multiculturalism, legal psychology, security, law-abiding behaviour, cultural interaction

For citation:
Toan N. H. Multicultural aspects of legal and security psychology // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 313–320.

The article was submitted July 6, 2026; approved after reviewing September 12, 2026; accepted for publication September 25, 2026.

© Тоан Н. Х., 2026

Введение

В последние десятилетия процессы глобализации и международной интеграции существенно изменили социальную структуру многих стран, включая Вьетнам. Рост экономического, культурного, образовательного и трудового обмена привел к заметному проявлению мультикультурных факторов в общественной жизни. В сфере безопасности и общественного порядка преступность все чаще приобретает транснациональный, межкультурный и высокотехнологичный характер.

Практическая деятельность сил Народной общественной безопасности Вьетнама сталкивается с многочисленными трудностями при распознавании, оценке и интерпретации поведения, обусловленного культурными различиями[1; 2]. Такие проявления, как языковой барьер, отличия в проявлении эмоций или не совпадающие с общепринятыми моральные нормы, могут способствовать неверному пониманию поведения и, как следствие, снижать эффективность расследования, судебного разбирательства и исполнения наказаний [3; 4].

По этой причине исследование мультикультурных аспектов юридической психологии и психологии безопасности является актуальной задачей, способствующей повышению эффективности обеспечения безопасности и общественного порядка в новых условиях.

Методы

Основу исследования составили общенаучные методы анализа и систематизации, использованные в отношении повышения эффективности обеспечения безопасности и общественного порядка в мультикультурном обществе с учетом условий Вьетнама.

Результаты

Теоретические основы мультикультурализма

Понятие мультикультурализма. Мультикультурализм (multiculturalism) понимается как состояние общества, в котором сосуществуют системы ценностей, норм, убеждений, традиций и образа жизни, отражающие разнообразие культурной идентичности различных групп людей в едином социальном пространстве. По мнению Berry (1997), мультикультурализм означает не только «сосуществование» различных культур, но и процессы взаимодействия, адаптации (acculturation) и трансформации между культурными группами в определенном социальном контексте [5]. Поэтому мультикультурализм является динамическим явлением, постоянно изменяющимся во времени под воздействием экономических, политических и социальных факторов [6].

Необходимо четко различать следующие понятия:

– *мультикультурализм (multiculturalism)* – подчеркивает параллельное существование различных культур в одном обществе, при котором каждая культура сохраняет свои особенности[1];

– *межкультурность (interculturality)* – отражает взаимодействие, обмен и диалог между культурами, способствующие взаимопониманию и взаимной адаптации[2];

– *культурная гибридность (cultural hybridity)* – характеризует процессы смешения, трансформации и перестройки культурных элементов, приводящие к формированию новых культурных форм[3].

В условиях глобализации данные понятия тесно переплетаются и взаимно дополняют друг друга [7]. В правовой и правоохранительной сферах взаимодействие и конфликт культурных ценностей могут создавать серьезные трудности для распознавания, оценки и регулирования поведения людей.

Юридическая психология и психология безопасности. Юридическая психология является отраслью прикладной психологии, изучающей психологические особенности, поведение и познавательные процессы человека, связанные с правом: правовое сознание, отношение к закону, мотивы преступного поведения, правонарушения и правомерное поведение, а также психологические факторы в деятельности по расследованию, судебному разбирательству и исполнению наказаний [8–10].

[1] Vũ Dung. Từ điển Tâm lý học. Hà Nội : Nhà xuất bản Bách khoa toàn thư, 2008.

[2] Там же.

[3] Там же.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

В свою очередь психология безопасности сосредоточена на изучении психологических явлений, связанных с защитой национальной безопасности и обеспечением общественного порядка, включая психологию преступности, массовую психологию, психологию сотрудников правоохранительных органов и факторы, влияющие на эффективность предупреждения и борьбы с преступностью.

Эти две области взаимно дополняют друг друга, рассматривая поведение человека с правовой и правоохранительной точек зрения.

С мультикультурной позиции как юридическая психология, так и психология безопасности находятся под глубоким влиянием культурного фактора. Культура не только формирует способы восприятия и оценки правовых норм, но и влияет на реакцию человека в ситуациях, связанных с государственной властью и общественным порядком [11].

Культурные факторы, влияющие на психологию. Культура представляет собой сложную систему, включающую множество элементов. Основные факторы, непосредственно влияющие на психологию и поведение человека:

– во-первых, *ценности (values)* – это базовые нормы, определяющие поведение и решения личности. Культурные ценности влияют на оценку человеком правовых ситуаций и, соответственно, направляют поведение в сторону соблюдения или нарушения закона;

– во-вторых, *нормы (norms)* – это социальные правила, определяющие приемлемые формы поведения в обществе. Нормы могут быть официальными (законодательство) или неофициальными (обычаи, традиции), а конфликт между ними может привести к девиантному поведению;

– в-третьих, *убеждения (beliefs)*, отражающие представления человека о мире и влияющие на интерпретацию социальных явлений. Религиозные и духовные убеждения могут существенно воздействовать на правовое поведение, особенно в вопросах морали и социальных норм;

– в-четвертых, *язык* – это основное средство коммуникации и одновременно инструмент отражения мышления и культуры. Языковые различия могут способствовать неправильному пониманию информации в ходе расследования и судебного разбирательства, что влияет на эффективность разрешения дела;

– в-пятых, *этническая и религиозная идентичность* являются важными факторами формирования групповой психологии и коллективного поведения. Такая идентичность способна усиливать сплоченность сообщества, но может использоваться и в противоправных целях, особенно в организованной преступности.

Таким образом, исследование культурных факторов имеет не только теоретическое значение, но и важную практическую ценность для повышения эффективности правовой деятельности и обеспечения безопасности и общественного порядка в современных условиях.

Мультикультурные аспекты юридической психологии и психологии безопасности

Аспект правового сознания. Правовое сознание – один из ключевых факторов, определяющих соблюдение или нарушение закона человеком. Однако в условиях мультикультурного общества правовое сознание не является однородным и существенно различается между различными культурными группами. Эти различия обусловлены многими факторами, такими как уровень образования, доступ к правовой информации, система культурных ценностей, а также языковые особенности и социальная среда, в которой живет человек[4].

С точки зрения культурной психологии человеческое восприятие представляет собой не только отражение объективной реальности, но и процесс, находящийся под влиянием культурных схем (cultural schemas) [12]. Поэтому одни и те же правовые нормы могут по-разному пониматься и интерпретироваться представителями различных культур.

Кроме того, важным фактором, влияющим на правовое сознание, является язык. Языковые различия способны привести к неправильному пониманию содержания правовых документов или требований при взаимодействии с государственными органами. Поэтому повышение уровня правового сознания в мультикультурном обществе требует применения информационно-просветительских мер, учитывающих культурные и языковые особенности каждой социальной группы.

Эмоционально-ценностный аспект. Эмоции и отношение личности к закону и правоохранительным органам являются важными факторами, влияющими на сотрудничество или сопротивление в практической деятельности. В мультикультурной среде такие установки неоднородны. На них оказывают заметное влияние исторический опыт, культурные традиции и социальные предубеждения.

[4] См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность : учебное пособие. Москва : Смысл, 2004. 345 с.

Согласно исследованиям Tyler (2006), уровень соблюдения закона зависит не только от принуждения, но и в значительной степени от восприятия легитимности (legitimacy) правоохранительных органов [13]. Однако восприятие этой легитимности носит субъективный характер и зависит от культурной основы каждой социальной группы.

В практике обеспечения безопасности различия в эмоциях и установках могут проявляться в форме страха, избегания контакта, отказа от сотрудничества или негативной реакции при взаимодействии с правоохранительными органами. Особенно ярко это проявляется в случаях, связанных с иностранцами, представителями национальных меньшинств или группами с особыми культурными особенностями.

Аспект правового поведения. Правовое поведение является конкретным проявлением правового сознания и отношения личности к закону. В мультикультурном контексте правовое поведение отличается значительным разнообразием и различиями между социальными группами. Некоторые формы поведения, считающиеся девиантными или противоправными, могут быть обусловлены специфическими культурными нормами, а не сознательным пренебрежением законом.

Кроме того, в условиях глобализации рост транснациональной и киберпреступности создает новые вызовы в сфере правового поведения. Преступники могут использовать различия культур и правовых систем различных стран для совершения преступлений, что затрудняет расследование и правоприменительную деятельность.

Таким образом, исследование правового поведения с мультикультурной точки зрения позволяет правоохранительным органам более комплексно оценивать ситуацию, избегать односторонних выводов и повышать эффективность предупреждения и борьбы с преступностью.

Коммуникативный аспект и аспект взаимодействия. Коммуникация и взаимодействие являются ключевыми элементами в таких видах профессиональной деятельности, как расследование, допрос, получение показаний и урегулирование ситуаций, связанных с обеспечением безопасности. В мультикультурной среде языковые барьеры, а также различия в выражении эмоций, жестах и невербальном поведении могут создавать многочисленные трудности и приводить к неправильному пониманию информации.

Язык является не только средством передачи информации, но и отражением мышления и культуры каждого сообщества. Языковые различия способны искажать содержание информации, особенно в ситуациях, требующих высокой точности, таких как дача показаний, опознание или очная ставка. Кроме того, невербальные элементы, такие как взгляд, жесты и дистанция общения, имеют различное значение в разных культурах [14]. Неправильное понимание психологических сигналов может привести к ошибочной оценке эмоционального состояния или степени сотрудничества со стороны объекта.

Аспект социальных норм и ценностей. Одной из наиболее заметных проблем мультикультурного общества является конфликт между государственными правовыми нормами и традиционными культурными нормами. Во многих случаях действующее законодательство не полностью соответствует обычаям и традициям отдельных сообществ, что приводит к противоречиям в восприятии и поведении.

Социальные нормы формируются в ходе длительного исторического развития и оказывают глубокое влияние на поведение личности. Когда культурные и правовые нормы не совпадают, человек может предпочесть следовать культурным нормам из-за их близости и привычности. Это особенно характерно для сообществ с высокой степенью сплоченности и сильным влиянием традиций [15].

Поэтому разрешение конфликта между законом и обычаями не должно ограничиваться применением принудительных мер. Оно требует гибкого подхода, сочетающего правовое просвещение, общественное воздействие и уважение к разумным культурным ценностям.

Аспект идентичности и групповой психологии. Культурная идентичность, включая этническую, религиозную и общинную идентичность, является важным фактором, формирующим групповую психологию и коллективное поведение. Согласно теории социальной идентичности (social identity theory), человек склонен отождествлять себя с группой и действовать в интересах этой группы [16]. В мультикультурном контексте групповая идентичность может способствовать позитивному поведению, такому как солидарность и взаимопомощь, однако она также может использоваться для совершения негативных действий.

В сфере безопасности фактор групповой идентичности особенно важен при противодействии организованной преступности, транснациональной преступности и коллективным формам противоправного поведения. Преступные группы могут использовать сплоченность,

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

лояльность и общие убеждения для организации сложной и трудно выявляемой преступной деятельности.

Кроме того, психология «мы – они» (in-group vs. out-group) способствует дискриминации, конфликтам и служит препятствием для сотрудничества между социальными группами. Это не только снижает эффективность деятельности по обеспечению безопасности, но и создает риск социальной нестабильности.

Поэтому выявление и управление факторами идентичности и групповой психологии в мультикультурной среде является важной задачей, требующей сочетания научных знаний, профессиональных навыков и соответствующей политики.

Результаты

Некоторые проявления в практической деятельности

В следственной деятельности, особенно в процессе допроса подозреваемого, свидетелей и сбора доказательств, мультикультурные факторы проявляются весьма отчетливо и непосредственно влияют на эффективность работы. Одной из распространенных трудностей являются языковой барьер и различие в способах выражения мыслей, из-за чего передача информации между следователем и объектом расследования не всегда достигает необходимой точности. Для иностранцев или представителей национальных меньшинств слабое владение официальным языком может способствовать неправильному пониманию вопросов, неполным ответам или искажению сути происходящего[5].

Кроме того, различия в выражении эмоций и невербальном поведении также представляют серьезную проблему. Во многих случаях следователь может опираться на психологические признаки, такие как взгляд, жесты и поведение, при оценке степени искренности допрашиваемого. Однако подобные проявления имеют ярко выраженный культурный характер.

Помимо этого, различия в правовом сознании и социальном опыте также влияют на степень сотрудничества со стороны объекта расследования. Люди, принадлежащие к различным культурным средам, могут по-разному относиться к правоохранительным органам, что влияет на характер даваемых показаний. Это требует от следователя не только профессиональных навыков, но и межкультурной коммуникативной компетентности, а также способности адаптироваться к каждому конкретному человеку.

В судебной деятельности мультикультурные факторы проявляются при оценке поведения, мотивов и степени общественной опасности обвиняемого. Однако во многих случаях культурный фактор учитывается недостаточно полно или не интегрируется системно в процесс судебного разбирательства, что может привести к неполной оценке ситуации.

Некоторые противоправные действия могут быть обусловлены обычаями, традициями или специфическими условиями жизни определенного сообщества. Без учета культурного контекста оценка поведения личности может носить формальный характер, быть недостаточно гуманной и не отражать истинной сущности произошедшего.

Кроме того, различия в языке и способах выражения мыслей могут повлиять на процесс дачи показаний, ведение судебных прений и защиту прав обвиняемого. При отсутствии качественного перевода или недостаточном понимании культурного контекста участники судебного процесса могут столкнуться с трудностями в передаче информации, что негативно отразится на справедливости судебного разбирательства[6].

В сфере предупреждения и борьбы с преступностью мультикультурные факторы наиболее ярко проявляются в транснациональной преступности, приграничной преступности и киберпреступности. Именно в этих сферах преступники используют различия в культуре, законодательстве и социальной среде множества стран и регионов для совершения противоправных действий [17].

В транснациональной преступности преступники, как правило, хорошо осведомлены о культурных и правовых различиях между государствами и стремятся использовать существующие пробелы в системе управления и контроля для совершения преступлений.

[5] См: Bộ luật tố tụng hình sự của nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. Hà Nội: Nhà xuất bản Văn học Chính trị Quốc gia, 2015 ; Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам № 101/2015/QH13 (принятый 27 ноября 2015 г.) / пер. с вьетнам. // Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник / под ред. В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2020. С. 42–77.

[6] Bộ luật hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam 2015, số 100/2015/QH13 = Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам № 100/2015/QH13(принятый 27 ноября 2015 г.) // CƠ SỞ DỮ LIỆU QUỐC GIA VỀ PHÁP LUẬT : [trang web]. URL: http://vbpl.vn/TW/Pages/vbpq-toanvan.aspx?ItemID=96122&Key word=bo%20luat%20hinh%20su (дата обращения: 06.05.2026).

В приграничных районах культурно-социальные факторы оказывают особенно сильное влияние. Население по обе стороны границы часто связано историческими, культурными и экономическими отношениями, что способствует возникновению неофициальных форм торговли и передвижения. Это создает благоприятные условия для таких видов преступности, как контрабанда, незаконная перевозка наркотиков и торговля людьми.

Что касается киберпреступности, мультикультурный фактор проявляется в широком масштабе деятельности в киберпространстве, где взаимодействуют лица из разных стран и культур. Различия в языке, онлайн-поведении и правовом сознании делают выявление, расследование и пресечение таких преступлений более сложными.

Таким образом, в деятельности по предупреждению и борьбе с преступностью выявление и анализ мультикультурных факторов имеют не только теоретическое значение, но и являются насущной практической необходимостью, способствующей повышению эффективности борьбы с преступностью в условиях глобализации.

Некоторые возникающие проблемы

В условиях усиления мультикультурного характера общества под воздействием глобализации, международной интеграции и цифровой трансформации юридическая психология и психология безопасности сталкиваются с рядом новых сложных проблем, требующих научного осмысления и решения. Разрешение этих проблем имеет не только теоретическое значение, но и тесно связано с практикой обеспечения безопасности и общественного порядка.

Во-первых, одной из наиболее заметных проблем является риск культурных предубеждений. При недостаточном понимании культурных особенностей различных групп у сотрудников правоохранительных органов могут сформироваться субъективные представления, что приводит к ошибочной оценке поведения и искажению процессов восприятия и коммуникации, а также к негативному воздействию на объективность расследования и судебного разбирательства.

Во-вторых, серьезной проблемой остается недостаточный уровень мультикультурной компетентности сотрудников. Недостаток знаний и навыков межкультурной коммуникации, особенно в ситуациях, связанных с иностранцами или группами со специфическими культурными особенностями, ведет к неправильному пониманию информации и недостаточно гибкому реагированию, что снижает эффективность деятельности.

В-третьих, сохраняются недостатки в правовой системе и практике ее применения. Интеграция культурного фактора в законодательные нормы и профессиональные инструкции остается недостаточной, что создает трудности при решении вопросов, связанных с обычаями и традициями, особенно в районах проживания национальных меньшинств. Это требует дальнейшего совершенствования законодательства с учетом многообразия социальной практики.

В-четвертых, все более заметными становятся вызовы, связанные с глобализацией и ростом транснациональной преступности. Такие виды преступлений, как киберпреступность, незаконный оборот наркотиков и торговля людьми, часто используют различия в культуре и правовых системах различных государств, что требует междисциплинарного и межкультурного подхода к предупреждению и борьбе с преступностью.

В целом перечисленные проблемы свидетельствуют о том, что мультикультурный подход является не только теоретической необходимостью, но и насущным практическим требованием, создающим основу для повышения эффективности обеспечения безопасности и общественного порядка в новых условиях.

Заключение

В условиях мультикультурного общества и возрастающих требований к обеспечению безопасности и общественного порядка крайне необходима разработка и реализация системных, комплексных и практически применимых мер. Эти меры должны сочетать совершенствование теоретической базы, повышение профессиональной компетентности кадров, развитие правовой системы, активное внедрение научно-технических достижений, а также расширение международного сотрудничества.

Во-первых, необходимо совершенствовать теоретические основы мультикультурного подхода в юридической психологии и психологии безопасности. Следует разработать междисциплинарную теоретическую модель, раскрывающую роль культурного фактора в правовом поведении и деятельности по обеспечению безопасности, а также избирательно использовать международные теории, соответствующие условиям Вьетнама.

Во-вторых, необходимо повышать мультикультурную компетентность сотрудников правоохранительных органов. Особое внимание следует уделять подготовке в области межкультурной коммуникации, распознавания психологических особенностей различных социальных групп, а также развитию языковых навыков и знаний о традициях и обычаях различных народов для повышения эффективности профессиональной деятельности.

В-третьих, необходимо совершенствовать правовую систему с учетом культурного фактора. Законодательство должно обеспечивать единство правового регулирования, но при этом сохранять гибкость в применении к группам с культурной спецификой, а также предусматривать практические профессиональные рекомендации, соответствующие реальным условиям.

В-четвертых, следует активно внедрять научно-технические достижения в процесс выявления и анализа культурных факторов. Использование искусственного интеллекта (AI), больших данных (Big Data) и систем анализа поведения может способствовать прогнозированию и раннему выявлению рисков правонарушений, при обязательном соблюдении прав человека и права на неприкосновенность частной жизни.

В-пятых, необходимо укреплять международное сотрудничество в сфере предупреждения и борьбы с преступностью. Следует расширять обмен информацией, координацию расследований, подготовку кадров и изучение международного опыта с целью повышения эффективности противодействия транснациональной преступности.

В целом перечисленные меры должны реализовываться комплексно и с учетом условий Вьетнама, способствуя повышению эффективности обеспечения безопасности и общественного порядка в мультикультурном обществе.

Список источников

1. *Khoa Tâm lý học.* Các vấn đề cơ bản của tâm lý tội phạm, Tâm lý điều tra tội phạm và Tâm lý quản lý và lãnh đạo, Hà Nội : Học viện An ninh Cảnh sát Nhân dân, 2004.

2. *Nguyễn Xuân Diêm.* Tâm lý học trong hoạt động của lực lượng công an nhân dân. Hà Nội : Nhà xuất bản Công an Nhân dân (CAND), 2017.

3. *Trương Công Âm.* Tác động tâm lý trong điều tra tội phạm. Hà Nội: Nhà xuất bản Công an Nhân dân (CAND), 2010.

4. *Khoa Tâm lý học.* Các vấn đề tâm lý then chốt trong quản lý và giáo dục phạm nhân, tù nhân trại cải tạo và học sinh trường cải tạo. Hà Nội: Học viện Công an Nhân dân, 2010.

5. *Berry J. W.* Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology. 1997. Vol. 46, is. 1. P. 5–34. https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x

6. *Gudykunst W. B.* Cross-cultural and intercultural communication Thousand Oaks, Calif. : Sage Publications, 2003. 302 p.

7. *Phạm Minh Hạ.* Nghiên cứu về Con người và Nguồn nhân lực trong Quá trình Công nghiệp hóa và Hiện đại hóa, Hà Nội: Nhà xuất bản Văn học Chính trị Quốc gia, 2001.

8. *Bartol C. R., Bartol A. M.* Criminal behavior : A psychological approach. 11th ed. Harlow, England : Pearson Education, 2017. 666 p.

9. *Du Lóp A. V.* Tâm lý học pháp lý. Hà Nội : Đại học Công an Nhân dân, 1980.

10. *Trương Ngon.* Tâm lý học pháp luật. Hà Nội : Đại học Công an Nhân dân, 1995.

11. *Võ Thị Cúc.* Văn hóa gia đình và sự hình thành, phát triển nhân cách trẻ em. Hà Nội : Nhà xuất bản Đại học Quốc gia, 1997.

12. *Triandis H. C.* Culture and social behavior. New York : McGraw-Hill, 1994. 330 p.

13. *Tyler T. R.* Why people obey the law. 2nd ed. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2006. 320 p.

14. *Hall E. T.* Beyond culture. Garden City, N.Y. : Anchor Press, 1976. 256 p.

15. *Hofstede G. H.* Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Thousand Oaks, California : Sage Publications, 2001. 596 p. https://doi.org/10.1016/S0005-7967(02)00184-5

16. *Tajfel H., Turner J. C.* An integrative theory of intergroup conflict // Austin W. G., Worchel S. (eds.). The social psychology of intergroup relations. Monterey, CA : Brooks/Cole, 1979. P. 33–37.

17. *Wall D. S.* Cybercrime: The transformation of crime in the information age. Malden, MA : Polity, 2007. 276 p.

References

1. *Khoa Tâm lý học.* Các vấn đề cơ bản của tâm lý tội phạm, Tâm lý điều tra tội phạm và Tâm lý quản lý và lãnh đạo, Hà Nội : Học viện An ninh Cảnh sát Nhân dân, 2004.

2. *Nguyễn Xuân Diêm.* Tâm lý học trong hoạt động của lực lượng công an nhân dân. Hà Nội : Nhà xuất bản Công an Nhân dân (CAND), 2017.

3. *Trương Công Âm.* Tác động tâm lý trong điều tra tội phạm. Hà Nội: Nhà xuất bản Công an Nhân dân (CAND), 2010.

4. *Khoa Tâm lý học.* Các vấn đề tâm lý then chốt trong quản lý và giáo dục phạm nhân, tù nhân trại cải tạo và học sinh trường cải tạo. Hà Nội: Học viện Công an Nhân dân, 2010.

5. *Berry J. W.* Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology. 1997. Vol. 46, is. 1. P. 5–34. https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x

6. *Gudykunst W. B.* Cross-cultural and intercultural communication Thousand Oaks, Calif. : Sage Publications, 2003. 302 p.

7. *Phạm Minh Hạ.* Nghiên cứu về Con người và Nguồn nhân lực trong Quá trình Công nghiệp hóa và Hiện đại hóa, Hà Nội: Nhà xuất bản Văn học Chính trị Quốc gia, 2001.

8. *Bartol C. R., Bartol A. M.* Criminal behavior : A psychological approach. 11th ed. Harlow, England : Pearson Education, 2017. 666 p.

9. *Du Lóp A. V.* Tâm lý học pháp lý. Hà Nội : Đại học Công an Nhân dân, 1980.

10. *Trương Ngon.* Tâm lý học pháp luật. Hà Nội : Đại học Công an Nhân dân, 1995.

11. *Võ Thị Cúc.* Văn hóa gia đình và sự hình thành, phát triển nhân cách trẻ em. Hà Nội : Nhà xuất bản Đại học Quốc gia, 1997.
12. *Triandis H. C.* Culture and social behavior. New York : McGraw-Hill, 1994. 330 p.
13. *Tyler T. R.* Why people obey the law. 2nd ed. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2006. 320 p.
14. *Hall E. T.* Beyond culture. Garden City, N.Y. : Anchor Press, 1976. 256 p.
15. *Hofstede G. H.* Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Thousand Oaks, California : Sage Publications, 2001. 596 p. https://doi.org/10.1016/S0005-7967(02)00184-5
16. *Tajfel H., Turner J. C.* An integrative theory of intergroup conflict // Austin W. G., Worchel S. (eds.). The social psychology of intergroup relations. Monterey, CA : Brooks/Cole, 1979. P. 33–37.
17. *Wall D. S.* Cybercrime: The transformation of crime in the information age. Malden, MA : Polity, 2007. 276 p.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

КОНФЕРЕНЦИИ

CONFERENCES

Научная статья
УДК 342.9

Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права» (Сорокинские чтения, 20 марта 2026 года, Санкт-Петербург)

Андрей Иванович Каплунов[1], доктор юридических наук, профессор
Владимир Юрьевич Ухов[2], доктор юридических наук, профессор

[1, 2] Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
[1] and-kaplunov@yandex.ru, [2] spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru
[1] https://orcid.org/0000-0001-7298-8730, [2] https://orcid.org/0000-0001-6935-9941

Аннотация:
Введение. *20 марта 2026 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России прошло пленарное заседание международной научно-практической конференции (Сорокинские чтения). На пленарном заседании были представлены материалы изданного ко дню конференции сборника и состоялся обмен мнениями по проблемным вопросам совершенствования публичного управления, модернизации административного и административно-процессуального права, по теоретическим и прикладным проблемам реализации законодательства об административных правонарушениях и административно-юрисдикционной деятельности, по проблемам обеспечения безопасности и общественного порядка, совершенствования полицейской и иной правоохранительной деятельности, а также подведены итоги конференции.*

Ключевые слова:
публичное управление, административное и административно-процессуальное право, законодательство об административных правонарушениях, производство по делам об административных правонарушениях, правосудие, полицейская и иная правоохранительная деятельность

Для цитирования:
Каплунов А. И., Ухов В. Ю. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права» (Сорокинские чтения, 20 марта 2026 г., Санкт-Петербург) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 321–330.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026; одобрена после рецензирования 01.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

© Каплунов А. И., Ухов В. Ю., 2026

Original article

International academic and practical conference “Current issues in administrative and administrative procedural law” (Sorokin readings, 20 march 2026, Saint Petersburg)

Andrey I. Kaplunov[1], Doc. Sci. (Jurid.), Professor
Vladimir Yu. Ukhov[2], Doc. Sci. (Jurid.), Professor

[1, 2] Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
[1] and-kaplunov@yandex.ru, [2] spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru
[1] https://orcid.org/0000-0001-7298-8730, [2] https://orcid.org/0000-0001-6935-9941

Abstract:
Introduction. *The plenary session of the International Academic and Practical Conference (Sorokin Readings) took place on 20 March 2026 at the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. During the plenary session, materials published in a special edition issued for the conference were presented. The participants exchanged their viewpoints on key areas for improving public administration, the modernisation of administrative and administrative procedural law; theoretical and practical issues relating to the implementation of legislation on administrative offences and administrative judicial proceedings; issues concerning the maintenance of public safety and order, and the improvement of policing and other law enforcement activities. At the end, the results of the conference were summarised.*

Keywords:
public administration, administrative and administrative procedural law, legislation on administrative offences, proceedings in cases of administrative offences, justice, policing and other law enforcement activities

For citation:
Kaplunov A. I., Ukhov V. Yu. International academic and practical conference “Current issues in administrative and administrative procedural law” (Sorokin readings, march 20, 2026, Saint Petersburg) // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 321–330.

**The article was submitted May 12, 2026;
approved after reviewing July 1, 202;
accepted for publication September 25, 2026.**

Введение

20 марта 2026 года в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась 17-я научно-практическая конференция «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права», которая двенадцатый год подряд проходит под официальным названием «Сорокинские чтения» и с 2019 года является международной. В подготовке материалов международной конференции приняли участие наши зарубежные коллеги и друзья из Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шыракбека Кабылбаева, Академии МВД Республики Таджикистан, в пленарном заседании в режиме видео-конференц-связи выступил представитель Академии МВД Республики Таджикистан, приняли участие представители Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Эргеша Алиевича Алиева, Академии полиции МВД Азербайджанской Республики.

С приветственным словом к участникам пленарного заседания конференции выступил генерал-лейтенант полиции И. Ф. Амельчаков, начальник Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, который отметил роль и значение Сорокинских чтений как постоянной научной площадки, на которой ученые-административисты страны и практические работники прежде всего из органов внутренних дел обсуждают актуальные проблемы совершенствования административного и административно-процессуального законодательства и правоприменительной практики по его реализации, поблагодарил всех, кто принял

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

участие в подготовке материалов сборника конференции и особенно участников пленарного заседания из России и зарубежных стран. Далее выступающий особо отметил, что сегодняшняя встреча проходит в год, объявленный Президентом Российской Федерации Владимиром Владимирович Путиным Годом единства народов России, а конференция является подтверждением такого единства, поскольку объединяет не только ученых-административистов из разных регионов нашей страны, но и практиков, ветеранов и тех, кто только находится в самом начале своего научного пути.

В завершение выступления И. Ф. Амельчаков выразил уверенность, что вопросы и проблемы, которые будут обсуждаться на пленарном заседании, те обобщения, выводы и предложения, которые прозвучат в выступлениях, будут способствовать решению задач, которые были поставлены 4 марта на расширенном заседании коллегии МВД России, дальнейшему развитию административно-правовой науки, совершенствованию теории и практики административно-правового регулирования, формированию практических решений в сфере обеспечения законности и правопорядка.

В пленарном заседании конференции *очно* приняли участие руководители, профессорско-преподавательский состав, докторанты, адъюнкты и аспиранты кафедр административно-правовых дисциплин из ведущих образовательных организаций и научные сотрудники из научно-исследовательских учреждений страны и системы МВД России, в т. ч.: Института государства и права Российской академии наук, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Воронежского, Южно-Уральского, Байкальского, Белгородского государственных университетов, Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Саратовской государственной юридической академии, Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Академии управления МВД России (г. Москва), Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Краснодарского университета МВД России, Омской ордена Почета академии МВД России, Нижегородской академии МВД России, Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, Восточно-Сибирского юридического института МВД России (г. Иркутск), Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, Научно-исследовательского института ФСИН России (г. Москва), Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань), Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова.

К началу работы конференции были изданы в электронном виде на CD-диске ее материалы, включающие 247 статей, в подготовке которых приняли участие 270 авторов из 60 научных и образовательных организаций, в т. ч. 27 докторов юридических наук, 162 кандидата юридических наук, в т. ч. 18 профессоров, 96 доцентов, ряд сотрудников практических органов внутренних дел Российской Федерации.

Ниже представлено краткое содержание отдельных докладов и выступлений, прозвучавших на пленарном заседании.

Результаты и обсуждение

А. М. Кононов, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, профессор кафедры управления органами внутренних дел Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации в своем выступлении «*Разумность и целесообразность управленческих решений в органах внутренних дел*» рассматривал их как продолжение классической, но при этом по-прежнему актуальной проблемы – противоречия между законностью и целесообразностью. В практической деятельности постоянно возникает ситуация, когда для достижения «благой» цели (быстрое раскрытие преступления, улучшение показателей, предотвращение угрозы) появляется соблазн выйти за рамки закона или нарушить установленную процедуру. Нахождение баланса в коллизии законности и целесообразности признается фундаментальной задачей правового государства и правоприменительной практики.

Законность как «границы поля» для принятия управленческих решений определяется стержневым принципом деятельности органов внутренних дел, который в практическом

измерении означает строгое соответствие действий закону и подзаконным актам, безусловное обеспечение прав и свобод граждан, соблюдение установленных процедур (процессуальной формы), неотвратимость ответственности за нарушения.

Докладчик подчеркнул, что законность является несущей конструкцией, выход за пределы которой недопустим. Вместе с тем, ссылаясь на позицию Т. Москальковой, он отметил, что дословное восприятие нормы права без учета духа закона и жизненных обстоятельств не всегда служит справедливости. Именно здесь возникает необходимость обращения к категориям целесообразности и разумности.

Целесообразность в философско-логическом смысле является содержательно-результативным критерием, поскольку в первую очередь отвечает на вопрос: «*Приведет ли выбранное действие к наилучшему результату в данных условиях для достижения поставленной цели?*». Это критерий качества содержания и ожидаемого результата решения. Признаками целесообразного решения служат его ориентированность на результат, оптимальность выбора, гибкость и адаптивность с учетом всех уникальных обстоятельств места и времени, а также реалистичность с точки ресурсного соответствия (кадров, техники, бюджета, времени).

Разумность при принятии управленческого решения – это процессуально-логический критерий. В этом случае требуется ответ на вопрос: «*Было ли решение принято должным образом, на основе адекватного анализа*?» Это качество процесса подготовки и принятия решения. Именно от разумности зависит эффективность реализации целесообразного и законного решения. Признаками разумного управленческого решения являются его объективность и своевременность, альтернативность рассмотрения, наличие прогноза возможных последствий, соответствие компетенции принимающего решение должностного лица.

Автор, рассматривая соотношение законности, разумности и целесообразности, делает вывод, что эти три элемента неразрывно связаны, являют собой устойчивую триаду, которая образует идеальную формулу управленческого решения в органах внутренних дел: ЗАКОННОЕ → РАЗУМНОЕ → ЦЕЛЕСООБРАЗНОЕ.

А. С. Прудников, профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел в сфере миграции Московского ордена Почета университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации в докладе «*Административные процедуры при осуществлении мероприятий по установлению личности гражданина, находящегося на территории Российской Федерации, в связи с отсутствием у него документов*» отметил, что административные процедуры, применяемые в процессе установления личности граждан, представляют собой совокупность последовательно совершаемых действий уполномоченных субъектов публичной власти, которые регламентированы нормами административного права и направлены на достижение юридического результата – подтверждение или определение персональных данных индивида, а также его правового статуса в публично-правовой сфере.

Указанная деятельность является одним из ключевых элементов механизма реализации государственных функций в области миграции и обеспечения национальной безопасности. Сама категория «административная процедура» в контексте установления личности понимается как официально установленный порядок осуществления властных полномочий, обеспечивающий законность и обоснованность итогового решения о тождественности лица представленным о нем сведениям.

Особо он подчеркнул, что публично-правовые аспекты данной деятельности обусловлены тем, что идентификация личности служит необходимым условием для возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Стоит отметить, что отсутствие легитимных идентификационных документов формирует «серую зону» правовой неопределенности, в которой невозможна полноценная реализация конституционных прав и свобод, а также исполнение обязанностей перед государством. Следовательно, административные процедуры выполняют не только регулятивную, но и правообеспечительную функцию, позволяя персонифицировать субъекта правоотношений.

Основополагающим нормативным правовым актом, по мнению выступающего, закрепляющим обязанность иметь документ, удостоверяющий личность, является Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[1]. В соответствии с частью 1 статьи 10 данного Закона документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации на ее территории, является паспорт гражданина Российской Федерации. Детальная

[1] О гражданстве Российской Федерации Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2023. № 18. Ст. 3215.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

регламентация порядка выдачи, замены и использования паспорта содержится в Положении о паспорте гражданина Российской Федерации[2]. В пункте 2 указанного Положения закреплено, что паспорт обязаны иметь все граждане Российской Федерации, достигшие 14-летнего возраста и проживающие на территории страны.

Однако А. С. Прудников отметил, что в современных условиях правоприменительная практика показывает немало случаев, когда лицо, находящееся на территории Российской Федерации, не имеет действительного документа, удостоверяющего личность. Причины называются разные – от утраты (хищения) документа до намеренного уклонения от идентификации с целью сокрытия противоправных действий или привлечения к юридической ответственности. В таких ситуациях вступает в действие административно-правовой механизм, центральным звеном которого выступает процедура установления личности.

А. И. Каплунов, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, в докладе «*О прямом действии Конституции Российской Федерации при регламентации деятельности судей судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях*» обратил внимание на стремление отдельных ученых-административистов, представляющих судебное сообщество, убедить остальных коллег-административистов в том, что юрисдикционная деятельность судей судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях является правосудием. В частности, он подверг критике положение о том, что «процессуальная форма производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого *судами* общей юрисдикции, регулируется КоАП РФ *без учета прямого действия* положений ст. 10, 18, 118, 123 Конституции Российской Федерации»[3], которое, по мнению А. И. Каплунова, содержит четыре дефекта:

1) речь должна идти не о производстве в целом, а о стадии рассмотрения дела;

2) дела рассматривают не суды, а судьи;

3) исследователь не учитывает, что существует две формы прямого действия норм Конституции Российской Федерации[4], *непосредственное действие*, которое проявляет себя при реализации прав и свобод, и опосредованное действие, которое реализуется через правотворчество, а точнее, посредством законодательства, которое развивает и детализирует положения Конституции Российской Федерации, поскольку это объективная необходимость;

4) нормы, регулирующие деятельность судей судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях, являются элементом одной из форм прямого действия Конституции Российской Федерации, ее опосредованного действия.

В отношении результатов правотворчества в ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации установлено следующее требование: «Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны *противоречить* Конституции Российской Федерации», поэтому в отношении указанных норм речь должна идти не об «учете» законодателем «прямого действия» отдельных положений Конституции Российской Федерации, а о том, «противоречат» ли указанные нормы Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях[5] (далее – КоАП РФ) соответствующим конституционным нормам, и в чем суть этого противоречия. Перечисленные дефекты приведенного положения, позволяют поставить под сомнение его достоверность.

В части 1 статьи 118 Конституции Российской Федерации сказано, что «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом»[6]. Под судом в данном случае понимается судебный состав, рассматривающий конкретное дело по существу. Производство по делу об административных правонарушениях (на стадии рассмотрения дела по существу) осуществляется не судами (и не «судом»), а единолично *судьями* судов общей юрисдикции. Это принципиальное отличие данного производства от видов судопроизводства, посредством которых осуществляется судебная власть и правосудие.

---

[2] Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца и описания бланка паспорта гражданина Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2023 г. № 2267 // СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 163.

[3] Плешевеня О. В. Особенности правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого судами общей юрисдикции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2025. С. 9.

[4] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 04.10.2025).

[5] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[6] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 04.10.2025).

Административное судопроизводство, о котором сказано в ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации, – это производство, осуществляемое судом. Производство по делу об административном правонарушении, которое на стадии рассмотрения дела ведется судьей, не является административным судопроизводством. Об этом с учетом прямого действия ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации в опосредованной форме четко сказано в ч. 5 ст. 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: «Положения настоящего Кодекса не распространяются на производство по делам об административных правонарушениях»[7].

По мнению докладчика, ссылки на прямое действие Конституции Российской Федерации и противоречащие КоАП РФ терминологические манипуляции для оправдания попыток преобразовать деятельность судей судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях в разновидность правосудия, несостоятельны. Такие попытки противоречат прежде всего самой природе административной ответственности как вида юридической ответственности и конституционным нормам, устанавливающим границы правосудия.

А. И. Стахов, заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, в своем выступлении «*Административно-правовое принуждение в Российской Федерации как производный вид принуждения в публичном праве*» в качестве ключевых научно-практических элементов административно-правового принуждения, позволяющих отличить его от иных производных видов публично-правового принуждения, предложил следующие:

1) рамки административно-правового принуждения;

2) юридико-фактические основания административно-правового принуждения;

3) уровень процессуализации административно-правового принуждения.

Рамки административно-правового принуждения с достаточной очевидностью предопределены п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации и установлены административным законодательством во взаимосвязи с административно-процессуальным законодательством. Комплексный анализ конституционных норм, норм административного и административно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод, что современное административно-правовое принуждение в Российской Федерации является производным видом принуждения в публичном праве, который реализуется *в рамках административных и административно-процессуальных правоотношений*, обязательными участниками которых выступают компетентные органы (уполномоченные должностные лица) публичной администрации Российской Федерации, осуществляющие административный принудительный процесс (в обобщенном виде предлагается данные специализированные органы называть *административно-принудительными органами*), а также компетентные суды (уполномоченные судьи) осуществляющие судебный административно-принудительный процесс (в обобщенном виде – *органы административно-принудительного правосудия*).

Юридическо-фактическим основанием административно-правового принуждения является правонарушение, обособляемое в российской правовой системе посредством административного и административно-процессуального законодательства. Речь идет об отдельных видах правонарушений, влекущих административно-правовое принуждение, которые в обобщенном виде предлагается называть *административными деликтами* (в т. ч. административно-наказуемые правонарушения, отдельные виды административного деликта, влекущие: выдачу предписания об устранении выявленных нарушений обязательных требований, аннулирование лицензии, ликвидацию политической партии по решению суда, административно-принудительное исполнение).

Уровень процессуализации административно-правового принуждения позволяет выделить и охарактеризовать регулирующее воздействие нормативных правовых актов, определяющих порядок осуществления административно-правового принуждения. При данном подходе обосновано выделять:

1) *нулевой уровень процессуализации административно-правового принуждения* (устанавливается и поддерживается посредством федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих несистематизированные процедуры, определяющие внепроцессуальный порядок применения отдельных мер административно-правового принуждения уполномоченным должностным лицом;

[7] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

2) *базовый уровень процессуализации административно-правового принуждения* – устанавливается и поддерживается посредством федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих отдельные виды административного производства по делам об административных деликтах, отнесенные к компетенции публичной администрации Российской Федерации;

3) *высший уровень процессуализации административно-правового принуждения* – устанавливается и поддерживается посредством федеральных конституционных законов и федеральных законов, определяющих порядок осуществления административно-принудительного правосудия посредством отдельных видов административного судопроизводства по делам об административных деликтах, отнесенных к компетенции судов.

Н. В. Макарейко, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент, в своем докладе «*Административно-деликтная аномия*» акцентировал внимание на доктринальной, прикладной и дидактической востребованности дополнительного осмысления проблематики *аномии* в таком важном сегменте, как законодательство об административных правонарушениях. Сложившееся положение обусловлено широкой практикой применения административной ответственности, высокой динамикой административно-деликтного законодательства, возникающими при этом проблемами, влекущими за собой административно-правовые ошибки.

Важно при проведении изучения данной проблематики учитывать наработки социологов, которые на протяжении длительного времени занимаются осмыслением аномических процессов и адаптируют их к правовым явлениям, процессам и состояниям. При познании административно-деликтной аномии важно не пойти по ложному пути формирования очередного определения понятия, а акцентировать внимание на поиске и обосновании закономерностей, присущих указанному явлению, с акцентированием внимания на тех особенностях, которые отличают его от юридической аномии в целом.

Учитывая потенциал административной ответственности, ее генетические и функциональные связи с другими видами юридической ответственности, преодоление аномических явлений должно носить комплексный характер. В связи с этим требуется синхронизировать процессы реформирования институтов конституционной, дисциплинарной, гражданско-правовой, материальной, уголовно-правовой ответственности. В то же время административно-деликтная аномия выступает составным элементом административной аномии, т. е. они соотносятся как часть и целое, поэтому следует принимать во внимание, что источники административного права систематизированы на непозволительно низком уровне, что требует использовать различные формы систематизации административно-правового и административно-процессуального законодательства.

Важно учитывать, что административно-деликтная аномия – это не просто безнормие, выражающееся в отсутствии соответствующих материальных и процессуальных норм, устанавливающих административную ответственность, а более глубинное явление. Оно выражается в ослаблении контроля за поведением субъектов в сферах и областях, выступающих в качестве объекта административной правоохраны. В силу этого необходимо рассматривать административно-деликтную аномию в органической взаимосвязи и взаимообусловленности законодательства об административных правонарушениях, его официального толкования и правореализации. Необходимо учитывать, что девиация пронизывает весь технологический процесс реализации административной ответственности на различных этапах.

Также следует учитывать, что административно-деликтную аномию необходимо рассматривать в органической связи с избыточностью законодательства об административных правонарушениях, т. к. они являются парными категориями института административной ответственности. Бессистемные изменения и дополнения Особенной части КоАП РФ и, соответственно, законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, движение по пути формирования микрососотавов, перегружает административно-деликтное законодательство, провоцирует административно-правовые ошибки, не способствует повышению качества правопорядка и безопасности.

В настоящее время в минимальной степени реализуется восстановительная функция административной ответственности. Законодатель упорно не желает формировать административно-правовой механизм защиты прав субъектов, которым причинен имущественный ущерб или моральный вред административным правонарушением, а идет по пути субсидиарного использования норм гражданского и гражданско-процессуального права. Такой вектор развития очевиден и продиктован реализацией идеи правового государства.

Н. В. Макарейко отметил, что преодоление административно-деликтной аномии требует консолидации усилий законодателя, субъектов официального толкования и правоприменителя. Наряду с этим существует объективная потребность вовлечения в данный процесс научной общественности, использования существующих и перспективных доктринальных наработок.

М. В. Анисифорова, начальник 2-го отдела Научно-исследовательского центра № 4 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент, в докладе «*Расширение правовых оснований использования результатов оперативно-розыскной деятельности в производстве по делам об административных правонарушениях: шансы на успех и вероятности негативных последствий*» представила критическое осмысление десятилетиями наработанной коллизионной и не в полной мере согласующейся с нормами административно-деликтного и оперативно-розыскного законодательства практики использования результатов оперативно-розыскной деятельности в производстве по делам об административных правонарушениях.

Основой – несущим стержнем – доклада послужили идеи, заложенные в трудах профессора В. Д. Сорокина [2–4], который призывал проявлять не перманентное внимание к проблемам реализации административно-процессуальных норм, регулярно и оперативно реагируя на их несоответствие административной практике.

В развитие указанных тезисов и принимая во внимание длящуюся тенденцию сближения составов административных и уголовных правонарушений, докладчик посчитала необходимым обсуждение вопросов соотношения административно-деликтной и уголовной юрисдикций, а также обоснованности и допустимости принятия конкретных мер реагирования и совершения процессуальных действий (в рамках выявления, пресечения и документирования коррелирующих составов правонарушений) со стороны уполномоченных в рамках указанных юрисдикций должностных лиц органов власти.

М. В. Анисифорова отметила, что выявление значительного количества административных правонарушений в современных условиях не может обходиться без использования результатов оперативно-розыскной деятельности, что имеет отношение к противоправным фактам производства и распространения экстремистских материалов, возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства по дискриминационным признакам, пересылки оружия, нарушения правил в области обращения медицинских изделий, пропаганды педофилии, публичной дискредитации российской армии.

При этом была вынужденно занята двойственная позиция по вопросу, при которой, с одной стороны, не оспаривалось, что оперативно-розыскная деятельность является инструментом прежде всего противодействия преступности (ст. 1, абз. 2 ст. 2, ст. 8, 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[8]), а с другой, с учетом накопленного опыта применения результатов оперативно-розыскной деятельности в производстве по делам об административных правонарушениях признано неправильным и по-научному недобросовестным обходить вниманием сформированную спорную административно-юрисдикционную практику.

Докладчик, знающий и отчасти разделяющий настороженность в вопросах расширения правовых оснований осуществления оперативно-розыскной деятельности и распространения ее задач на защиту от административных деликтов, тем не менее постарался убедить участников конференции в социальной значимости и практической востребованности продолжения дискуссии по поднятой административно-процессуальной проблематике.

А. В. Равнюшкин, заместитель начальника кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, в докладе «*Парадоксы системы противодействия семейному насилию в России*» высказал некоторые умозаключения о функционирующем административно-правовом механизме защиты прав граждан от семейного насилия.

Автор выделяет *четыре ключевых парадокса*, присущих современному научному и законотворческому подходу к проблеме.

1. *Парадокс дисбалансированного целеполагания* (гибридный характер российской модели противодействия семейному насилию).

Формально механизм базируется на публичном начале административной ответственности, что предполагает обязанность государства реагировать на каждый факт правонарушения независимо от воли сторон. Фактически же система функционирует на основе

[8] Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

заявительного принципа и полностью зависит от действий потерпевшего: без его активного участия в даче показаний сбор доказательной базы становится невозможным, а производство по делу блокируется.

В основе модели заложено неразрешенное внутреннее противоречие между тремя равнозначными, но разнонаправленными векторами государственной политики:

– публичный интерес требует активного вмешательства и неотвратимости наказания;

– автономия семьи диктует невмешательство в частную жизнь и ориентацию на примирение сторон;

– право личности на безопасность требует проактивной защиты жертвы, но сопряжено с риском злоупотреблений.

В законодательстве отсутствует четкая иерархия этих целей. В результате правоприменитель (участковый уполномоченный полиции, дознаватель, судья) вынужден в каждой конкретной ситуации самостоятельно решать неразрешимую дилемму: защитить жертву, не разрушив институт семьи, или наказать агрессора, не превысив полномочий. Это порождает колоссальную вариативность практики – от преступного бездействия до избыточного репрессивного вмешательства.

2. *Парадокс неполноты принципов.* Существующая система принципов (неотвратимость, приоритет защиты жертвы) является усеченной. В ней игнорируются такие фундаментальные правовые начала, как презумпция добросовестности в административных процедурах, принцип пропорциональности вмешательства государства в дела семьи и принцип реабилитационной направленности в отношении агрессора. Отсутствие градации мер воздействия в зависимости от тяжести и доказанности насилия приводит к использованию либо неэффективных бесед, либо несоразмерных административных арестов.

3. *Парадокс однонаправленности и институциональной слепоты.* Научные предложения сводятся исключительно к усилению карательных полномочий органов профилактики и расширению прав заявителей. При этом полностью игнорируются сопутствующие риски: превращение системы профилактики в репрессивный механизм с упрощенными процедурами, формирование «индустрии жалоб» для решения имущественных споров или споров о детях, а также риск дискредитации самой идеи защиты от насилия из-за отсутствия фильтров от недобросовестных действий.

4. *Парадокс «нулевого риска» ложного обращения (доноса).* В научном дискурсе фактически табуирована проблема ложных или мотивированных обвинений. Отсутствие процессуальных гарантий на стадии возбуждения дела (например, обязательной оценки ситуации с обеих сторон до применения жестких обеспечительных мер) создает правовой вакуум, в котором право на защиту не уравновешено обязанностью не злоупотреблять этим правом.

Система ориентирована на наказание, но не на реальную защиту. Отсутствие в федеральном законодательстве специализированных «средневесных» мер (таких, как защитные предписания или охранные ордера) вынуждает правоприменителя использовать либо крайне мягкие, либо чрезмерно жесткие инструменты. Кроме того, правоприменение по ст. 6.1.1 КоАП РФ («Побои») демонстрирует высокий процент латентности и прекращения дел по формальным основаниям (неявка потерпевшего, малозначительность), что формирует у агрессоров чувство безнаказанности.

В итоге автором сделан вывод о необходимости преодоления сложившихся парадоксов, что требует отказа от одномерной «защитно-карательной» парадигмы в пользу системно-балансирующей модели. Государство должно стремиться к сохранению семьи, если это не противоречит безопасности ее членов, а меры защиты должны быть направлены на устранение насилия, а не на разрушение семейных связей.

Заключение

При подведении итогов состоявшегося на пленарном заседании обмена мнениями и *обсуждении основных положений резолюции* конференции подавляющее большинство участников пленарного заседания поддержали мнение о нецелесообразности переформатирования производства по делам об административных правонарушениях, рассмотрение которых осуществляют судьи судов общей юрисдикции, в разновидность правосудия. Такая модернизация законодательства об административных правонарушениях противоречит как самой природе административной ответственности как вида юридической ответственности, так и конституционным нормам, устанавливающим границы правосудия.

Список источников

1. *Каплунов А. И.* О прямом действии Конституции Российской Федерации при регламентации деятельности судей судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (Сорокинские чтения), г. Санкт-Петербург, 20 марта 2026 г. / под общ. ред. А. И. Каплунова ; сост.: А. О. Дрозд, А. В. Равнюшкин, Н. А. Кулаков, Н. М. Крамаренко [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. С. 667–973.

2. *Сорокин В. Д.* Административно-процессуальные отношения. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1968. 75 с.

3. *Сорокин В. Д.* Проблемы административного процесса : [монография]. Москва : Юридическая литература, 1968. 144 с.

4. *Сорокин В. Д.* Административно-процессуальное право : [монография]. Москва : Юридическая литература, 1972. 240 с.

References

1. *Kaplunov A. I.* O pryamom dejstvii Konstitucii Rossijskoj Federacii pri reglamentacii deyatel'nosti sudej sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah / Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya) : sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sorokinskie chteniya), g. Sankt-Peterburg, 20 marta 2026 g. / pod obshch. red. A. I. Kaplunova ; sost.: A. O. Drozd, A. V. Ravnyushkin, N. A. Kulakov, N. M. Kramarenko [i dr.]. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2026. S. 667–973.

2. *Sorokin V. D.* Administrativno-processual'nye otnosheniya. Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1968. 75 s.

3. *Sorokin V. D.* Problemy administrativnogo processa : [monografiya]. Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1968. 144 s.

4. *Sorokin V. D.* Administrativno-processual'noe pravo : [monografiya]. Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1972. 240 s.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.